Исторический
вестник

1891, №3

Полтавскаго Клуба 6-го Марта

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Державна Історична БІБЛІОТЕКА УРСР

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1891

ЗБІР

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1891 г.

стр.

I. Фамильная хроника Воротынцевыхъ. Часть вторая. Гл. I—VII. (Продолженіе). **Н. И. Мердеръ (Северинъ)** 609

II. Воспоминанія артистки Императорскихъ театровъ **Д. М. Леоновой.** Гл. VII—IX. (Продолженіе) 632

III. Соперники. (Разсказъ изъ жизни понизовой вольницы прошлаго столѣтія). **А. А. Голубева** 660

IV. Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Гл. III и IV. (Окончаніе). **А. Н. Петрова** 672

V. Воспоминанія о В. И. Назимовѣ. **П. Д. Шестакова** 706

VI. По Южно-Уссурійскому краю. Гл. II. (Продолженіе). **А. В. Елисѣева** 724

Иллюстраціи: Ночлегъ въ лѣсу.—Засада на тигра.

VII. Карикатуристъ Н. А. Степановъ. Гл. III—V. (Продолженіе). **С. С. Трубачева** 746

Иллюстраціи: Н. А. Степановъ, раскрашивающій статуэтку-карикатуру.—Наконецъ-то я въ Севастополѣ! (штурмъ 6-го іюня).—Французы! Имперія есть миръ, а подтвержденіе этой истины—позади насъ. До свиданья! (Да здравствуетъ Наполеонъ).—Я дѣлаю для Франціи все, что умѣю и могу.—Союзъ современныхъ бичей человѣчества: холеры, диссентеріи и к°.—Ал. Дюма въ Россіи.—Ант. Контскій.—А. А. Фетъ.—М. П. Погодинъ.—И. А. Гончаровъ и Н. А. Степановъ.—А. В. Дружининъ.—Н. Ѳ. Щербина.—В. А. Кокоревъ.—Русскій человѣкъ.—Мечты и дѣйствительность.—Врачъ для бѣдныхъ.—Подчиненнаго гни въ дугу, а начальству кланяйся ниже кармановъ (два рисунка).—Петербургскія дачи.—Прочь, дѣти! Игра эта не для васъ.—Польза отъ кринолиновъ.

VIII. Изъ разсказовъ бывалаго человѣка. Гл. XXI—XXX. (Окончаніе). Сообщено **М. В. Шевляковымъ** 784

IX. Одинъ изъ русскихъ идеалистовъ. **С. Т—ва** 793

Иллюстрація: Портретъ Сергѣя Андреевича Юрьева.

X. Записки Талейрана. Гл. I и II. **В. Р. Зотова** 804

Иллюстрація: Портретъ Талейрана.

XI. Метафизикъ XVII столѣтія. **Б. Б. Глинскаго** 817

Иллюстрація: Портретъ Бенедикта де-Спинозы.

XII. Жанъ-Луи Мейсонье. **Ѳ. И. Булгакова** 829

Иллюстраціи: Портретъ Ж.-Л.-Э. Мейсонье.—Снимки съ картинъ работы Мейсонье: Игроки въ карты.—Курильщикъ.—Знаменоносецъ.—Энциклопедисты у Дидро.—Драка (La rixe).—«1814-й годъ».—Эскизы для фигуръ въ картинѣ «1807-й годъ» (два рисунка).—Мейсонье изучаетъ движеніе лошади.—Домъ Мейсонье въ Парижѣ.—Домъ Мейсонье въ Пуасси.

XIII. Критика и библіографія: Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Собралъ и издалъ Инн. Кузнецовъ. Томскъ. 1890. **А. Терскаго.**—Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Съ 95 рисунками и 2-мя раскрашенными картами. Часть вторая. Спб. 1891. **С.**—Памяти Александра Дмитріевича Градовскаго. Изданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ портретомъ. Спб. 1890. **Ѳ. М.**—Pamiętnik drugiego zjazdu historyków Polskich we Lwowie. I. Referaty. Lwow. 1891. **Н. Любовича.**—Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая. Спб. 1891. **Вл. З—ва.**—Архивъ князя Воронцова. Книга 37-я. Москва. 1891. **А. Т.**—Мои воспоминанія 1848—1889. А. Фета. Москва. 1890.

См. слѣд. стр.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

9(=2)+8(05)
И 90

9/05
И90

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).

стр.

Фамильная хроника Воротынцевыхъ. Гл. I — XXI. Часть вторая. Гл. I—VII. (Продолженіе). **Н. И. Мердеръ (Северинъ)** 5, 305, 609

Изъ литературныхъ воспоминаній. Н. Ѳ. Щербина. (Его письма и неизданныя стихотворенія). **Г. П. Данилевскаго** 32

Потревоженныя тѣни. Вице-королева Неополитанская. **С. Н. Терпигорева** 70

Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года. **А. Н. Петрова** 98, 386, 672

Воспоминанія артистки Императорскихъ театровъ **Д. М. Леоновой.** Гл. I—IX. 120, 326, 632

Поѣздка на югъ Россіи въ 1888 году. **В. С. Кривенко** . . 145

Иллюстраціи: Горцы Терской области.—Кубанскій казакъ.—Терскій казакъ. — Мостъ въ Дарьяльскомъ ущельи. — Древняя церковь Анануръ.—Церковь св. Давида въ Тифлисѣ.—Метехскій замокъ въ Тифлисѣ. — Улица въ Тифлисѣ. — Угольщикъ въ Тифлисѣ.—Носильщикъ воды въ Тифлисѣ.—Гуріецъ.—Дѣвичья башня въ Баку.—Торговецъ въ Баку.—Видъ Кутаиса.

Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ II. **П. И. Жудры** . 204

Курьезный портретъ Пушкина 210

Иллюстрація: Портретъ А. С. Пушкина, писанный имъ самимъ въ Гумранскомъ карантинѣ въ 1829 году.

Живая рѣчь. **А. И. Фаресова** 212

Принцесса Ламбалль. **Ѳ. Б.** 225

Иллюстраціи: Принцесса Ламбалль. Съ портрета конца XVIII ст. — Герцогиня де-Полиньякъ. Съ портрета, писаннаго Виже Лебрёнъ.

Потревоженныя тѣни. Проданныя дѣти. **С. Н. Терпигорева** . 352

Казанскіе пожары 1863 года. (Отрывокъ изъ воспоминаній). **П. И. Жудры** 414

По Южно-Уссурійскому краю. Гл. I и II. **А. В. Елисѣева** . 435, 724

Иллюстраціи: Общій видъ Владивостока и его порта.—Русскій поселокъ въ Уссурійскомъ краѣ.—Верхнее теченіе рѣки Суйфуна. Ночлегъ въ лѣсу.—Засада на тигра.

Карикатуристъ Н. А. Степановъ. Гл. I — V. **С. С. Трубачева** 457, 746

Иллюстраціи: Графъ Сологубъ.—Поэтъ Губеръ.—Булгаринъ.—Издатель цигары читаетъ свой журналъ, ибо никто другой не хочетъ его читать.—Письмо матери (М. И. Глинка и Н. А. Степановъ).—М. И. Глинка въ Варшавѣ принимаетъ благоразумныя мѣры отъ холеры (въ іюлѣ мѣсяцѣ). — М. И. Глинка пишетъ партитуру оперы.—М. И. Глинка идетъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками. — Н. А. Степановъ, раскрашивающій статуэтку-карикатуру.—Наконецъ-то я въ Севастополѣ! (штурмъ 6-го іюня). — Французы! Имперія есть миръ, а подтверж-

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

деніе этой истины—позади насъ. До свиданья! (Да здравствуетъ императоръ!) — Я дѣлаю для Франціи все, что̀ умѣю и могу.— Союзъ современныхъ бичей человѣчества: холеры, диссентеріи и к°.—Ал. Дюма въ Россіи. — Ант. Контскій. — А. А. Фетъ.— М. П. Погодинъ.—И. А. Гончаровъ и Н. А. Степановъ.—А. В. Дружининъ.—Н. Ѳ. Щербина.—В. А. Кокоревъ.—Русскій человѣкъ.—Мечты и дѣйствительность.—Врачъ для бѣдныхъ.—Подчиненнаго гни въ дугу, а начальству кланяйся ниже кармановъ (два рисунка).—Петербургскія дачи.—Прочь, дѣти! Игра эта не для васъ.—Польза отъ кринолиновъ.

Изъ разсказовъ бывалаго человѣка. Сообщено **М. В. Шевляковымъ** 488, 784

Историкъ-идеалистъ. **П. Н. Полевого** 501

Шлиманъ и его археологическая дѣятельность. **Ѳ. И. Булгакова** 521

Иллюстраціи: Портретъ д-ра Генриха Шлимана. — Портретъ г-жи Шлиманъ. — Видъ Трои по раскопкамъ Шлимана 1871 — 1875 гг. (съ сѣверной стороны).—Метопъ греческаго храма, найденный въ Новомъ Иліонѣ, съ изображеніемъ Геліоса. — Такъ называемое «сокровище Пріема».—Троянскія золотыя серьги.— Троянскій глиняный сосудъ съ формами человѣческаго лица (1/3 натуральной величины).—Троянскій глиняный сосудъ въ видѣ гиппопотама (2/3 натуральной величины).—Раскопки въ Микенахъ.—Большая золотая діадема изъ Микенъ.—Клинокъ кинжала изъ Микенъ. — Сосудъ изъ смѣси серебра съ свинцомъ въ видѣ оленя изъ Микенъ.—Золотой сосудъ изъ Микенъ.—Рѣзьба на золотомъ перстнѣ изъ Микенъ.—Глиняный сосудъ изъ Микенъ.— Серебряная голова быка изъ Микенъ.—На мѣстѣ древней Трои.— Планъ «верхняго города» въ Тиринсѣ, составленный Дёрпфельдомъ.—Домъ Шлимана въ Аѳинахъ.—Золотая маска изъ Микенъ.

Соперники. (Разсказъ изъ жизни понизовой вольницы прошлаго столѣтія). **А. А. Голубева** 660

Воспоминанія о В. И. Назимовѣ. **П. Д. Шестакова** 706

Одинъ изъ русскихъ идеалистовъ. **С. Т—ва** 793

Иллюстрація: Портретъ Сергѣя Андреевича Юрьева.

Записки Талейрана. Гл. I и II. **В. Р. Зотова** 804

Иллюстрація: Портретъ Талейрана.

Метафизикъ XVII столѣтія. **Б. Б. Глинскаго** 817

Иллюстрація: Портретъ Бенедикта де-Спинозы.

Жанъ-Луи-Эрнестъ Мейсонье. **Ѳ. И. Булгакова** 829

Иллюстраціи: Портретъ Ж.-Л.-Э. Мейсонье.—Снимки съ картинъ работы Мейсонье: Игроки въ карты.—Курильщикъ.—Знаменоносецъ. — Энциклопедисты у Дидро. — Драка (La rixe). — «1814 годъ».—Эскизы фигуръ въ картинѣ «1807 годъ» (два рисунка).—Мейсонье изучаетъ движеніе лошади.—Домъ Мейсонье въ Парижѣ.—Домъ Мейсонье въ Пуасси.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

М. М. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. I и II. Москва. 1890. **В. Латкина.**—Живая Старина. Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи В. И. Ламанскаго. Выпускъ I. Спб. 1890. **В. Б.** — В. Васильевскій. Обозрѣніе трудовъ по Византійской исторіи. Выпускъ I. Спб. 1890. **С. А—ва.**—Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семевскаго. Книга первая.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Спб. 1890. **П. Полевого.** — Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890. **В. Б.**—Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Спб. 1890. **М—е.**—В. Л. Величко. Восточные мотивы (стихотворенія). Спб. 1890. **С. У—ца.** — Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Историческій очеркъ В. Теплова. Спб. 1890. **С. У—ца.** — Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. VI. Исторія Академіи Наукъ Т. Ф. Миллера съ продолженіями Г. Г. Штритера (1725—1843). Спб. 1890. **N. N.**—Исторія аріанства на латинскомъ западѣ (353—430). Вячеслава Самуилова. Спб. 1890. **С. А—ва.**—Витебская губернія. Историко-географическій и статистическій обзоръ. Выпускъ I. Исторія. Природа. Населеніе. Просвѣщеніе. Съ рисунками и картами. Составленъ по программѣ и подъ редакціею витебскаго губернатора, тайнаго совѣтника, князя В. М. Долгорукова. Витебскъ. 1890. **М. Г—цкаго.**—Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромской ученой архивной комиссіей. Выпускъ первый. Кострома. 1890. **В. Е—вича.** —Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпуски III и IV. Спб. 1899. **С.**—Штурмъ Измаила 11-го декабря 1790 г. Составилъ полковникъ Н. Орловъ. Спб. 1891. **А. П.** — Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. I. Переломъ въ западноевропейской этикѣ въ XII—XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи. Историко-литературные очерки Н. Дашкевича. Кіевъ. 1890. **А. Л.**—Н. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865. Письма Н. Косицы.—Замѣтки лѣтописца, и проч. Спб. 1890. Онъ же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Изд. 2-е. Спб. 1896. **Ар. М.** — Какъ училъ о крестномъ знаменіи всероссійскій патріархъ Іовъ (1889 г.). По поводу «бесѣды о перстосложеніи» преосв. Никанора. Соч. профессора Н. И. Барсова. Спб. 1890. **Д. Г.** — Бродячая вольница, хроника-романъ первой половины XVIII столѣтія. А. А. Голубева, въ двухъ книгахъ. Москва. 1891. **П. Полевого.**—Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Собралъ и издалъ Инн. Кузнецовъ. Томскъ. 1890. **А. Терскаго.**—Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Съ 95 рисунками и 2-мя раскрашенными картами. Часть вторая. Спб. 1891, **С.**—Памяти Александра Дмитріевича Градовскаго. Изданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ портретомъ. Спб. 1890. **Ѳ. М.** — Pamiętnik drugiego zjazdu historyków Polskich we Lwowie. I. Referaty. Lwow. 1891. **Н. Любовича.**—Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая. Спб. 1891. **Вл. З—ва.** — Архивъ князя Воронцова. Книга 37-я. Москва. 1891. **А. Т.**— Мои воспоминанія 1848—1889. А. Фета. Москва. 1890. **Ар. М.** — Р. Гаймъ. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891. **А. К.**—Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и передѣланное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891. **М. С—каго.**—Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва. 1890. **Е. Г.** 237, 549, 853

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

Изъ воспоминаній о голландскомъ королѣ Вильгельмѣ III.—Гортензія Богарне.—Маратъ, какъ спеціалистъ по леченію чахотки.—Фридрихъ Великій, какъ журналистъ.—Ссылка прус-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СТР.

скихъ преступниковъ въ Сибирь.—Изъ мемуаровъ барона Гаусмана.—Отецъ Фридриха Великаго, его частная жизнь и характеръ.—Дизэре-Клари-Бернадоттъ.—Георгіевскій крестъ, пожалованный императоромъ Александромъ I Альвенслебену.—Варенское событіе.—Екатерина Медичи—злая фея Франціи.—Тьеръ о своей политической карьерѣ.—Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савской царицѣ 266, 567, 876

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. . . 276, 577, 886

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Къ характеристикѣ императрицы Маріи Александровны. Сообщено **П. Я. Виноградскимъ.** — Къ біографіи Н. А. Некрасова. Сообщено **Ѳ. С. Глинкой.** 298, 585

СМѢСЬ:

Торжественное засѣданіе славянскаго Общества. — Статуя для памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому.—Историческое Общество.—Археологическое Общество.—Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края въ 1888 г.—Тридцатипятилѣтіе ученой дѣятельности М. О. Кояловича.—Тридцатипятилѣтній юбилей артистической литературной дѣятельности И. Ѳ. Горбунова.—Торжественное собраніе Академіи Наукъ.—Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1888 и 1889 гг.—Историческое Общество при Императорскомъ Петербургскомъ университетѣ. — Сорокалѣтній юбилей Вельяминова-Зернова. — Шестидесятилѣтіе служебной дѣятельности завѣдующаго Общимъ Архивомъ Министерства Двора Григорія Васильевича Есипова.—Десятилѣтіе взятія Геок-Тепе.—Общество любителей древней письменности.—Археологическое Общество. Къ исторіи Печенгскаго монастыря. — Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности И. А. Гюббенета.— Некрологи: Н. И. Зуева, Н. А. Лыткина. А. С. Любовникова, И. Я. Порфирьева, В. В. Гурьева, Н. А. Путяты, В. Ф. Дьяковскаго, Князя Николая Максимиліановича Романовскаго герцога Лейхтенбергскаго, Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, Л. Л. Кирпичева, А. Н. Драшусова, Н. О. Эмина, А. А. Антонова, В. Я. Фукса, С. Я. Капустина, Г. З. Елисеева, С. В. Ковалевской, В. Ѳ. Эвальда 287, 587, 892

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

I. Письмо въ редакцію. **П. Милюкова.** II. Поправка въ «Указателѣ личныхъ именъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г. III. Древности Пафнутьева монастыря. **Николая Феттеръ.** IV. По поводу историческихъ романовъ. V. Церковь Николы на Липнѣ близъ Новгорода. (Къ вопросу о сохраненіи древнихъ историческихъ памятниковъ). **Е. Р—на.** VI. Къ біографіи Шлимана. **Сергѣя Шлимана и Ѳ. Булгакова** 298. 597, 901

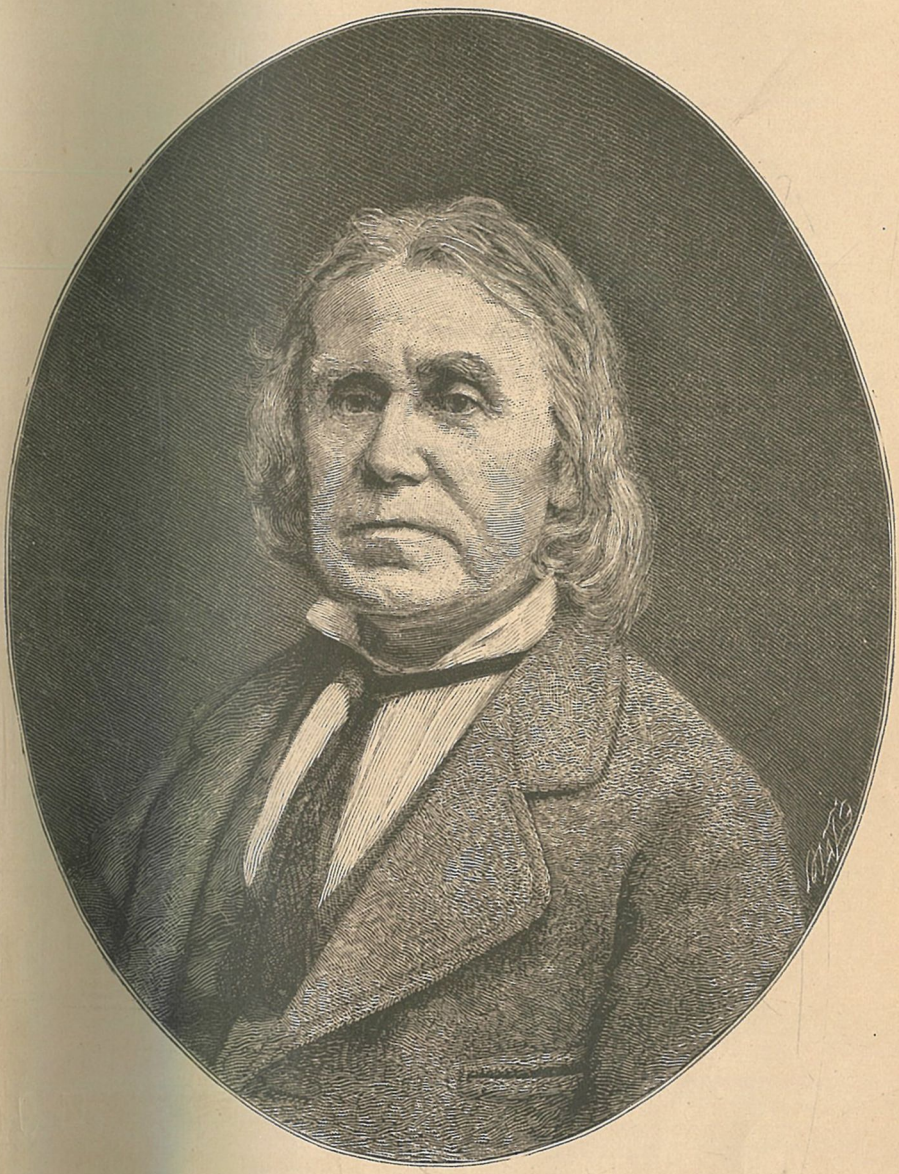
Григорій Петровичъ Данилевскій. (Некрологъ) 299

Наши губернскія архивныя комиссіи. **А. І. Л.** 600

Уставъ кассы взаимнопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 907

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Н. Ѳ. Щербины.**—2) Портретъ **Д. М. Леоновой.** — 3) Портретъ **Н. А. Степанова.** — 4) Месть карбонаріевъ. (La Savelli). Романъ изъ временъ второй имперіи во Франціи. **Жильбера Огюстэна-Тьерри.** Переводъ съ французскаго. Прологъ. Часть первая. Гл. I — VIII. Часть вторая. Гл. I — XI. (Продолженіе).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТЕПАНОВЪ

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 22 ФЕВРАЛЯ 1891 Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Полтавского Музея 6 Марта

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ПОЛТАВА

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ВЪ ДЕНЬ похоронъ Марѳы Григорьевны, снѣгъ падалъ, не переставая, а къ ночи завернулъ морозъ, да такой лютый, что зима стала твердо.

На девятый день множество народу понаѣхало по первопутку изъ сосѣднихъ селъ и деревень въ Воротыновку, къ панихидѣ, и всѣ потомъ угощались на поминальномъ обѣдѣ въ большой людской вмѣстѣ съ дворовыми людьми.

А сорочины справлялись еще пышнѣе; издалека пожаловали помянуть Марѳу Григорьевну знакомые господа и для нихъ обѣдъ былъ приготовленъ въ домѣ, въ большой столовой съ хорами и разрисованными потолками. Сервировался этотъ обѣдъ какъ при покойницѣ, также чинно и богато, на серебрѣ, съ иностранными винами, и кушанья были такія затѣйливыя, что многіе изъ гостей не умѣли и названіе къ нимъ прибрать. Поваръ съ поваренками потрудился на славу въ тотъ день.

Хлопотали около гостей и угощали ихъ Ѳедосья Ивановна, Варвара Петровна и Митинька. За порядкомъ же и прислугой, чтобы каждый свое дѣло помнилъ и чтобы все чинно да безъ сутолоки дѣлалось, наблюдалъ Игнатій Самсонычъ.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ». т. XLIII, стр. 305.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И онъ и другіе старшіе слуги, а также Варвара Петровна съ Митинькой, облеклись по этому случаю въ траурную одежду, вынутую изъ сундуковъ, гдѣ она хранилась еще съ того времени, какъ старый баринъ, супругъ Марѳы Григорьевны, померъ.

Марѳинька не показывалась.

Ее и въ церкви не было видно. Она молилась въ темномъ углу на хорахъ и спустилась оттуда тогда только, когда Малашка прибѣжала ей сказать, что въ церкви никого болѣе нѣтъ, всѣ господа понасѣли въ сани да въ кибитки и поѣхали въ домъ.

Но Марѳинька все еще съ минуту замѣшкалась на паперти прежде, чѣмъ пуститься съ Малашкой въ путь, такъ боялась она попасть на глаза кому-нибудь изъ чужихъ.

Онѣ прошли въ домъ тропинкой, прочищенной по приказанію барышни, черезъ паркъ прямо къ той потайной двери, скрытой за густыми кустами сирени, что вела къ лѣстницѣ винтомъ, въ тѣ двѣ комнаты бель-этажа, въ которыхъ барышня, послѣ смерти бабушки, поселилась.

Съ какою цѣлью была сдѣлана эта лѣстница и когда именно— Марѳинька не знала, да и знать не хотѣла. Ей нравилась мысль, что она открыла этотъ ходъ и эту лѣстницу и что никто раньше не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи.

Оно можетъ быть такъ и было. Домъ былъ выстроенъ еще свекромъ Марѳы Григорьевны и передъ тѣмъ какъ этой послѣдней здѣсь поселиться, въ немъ были произведены нѣкоторыя передѣлки, однѣ двери прорубили тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, другія наглухо заколотили, въ томъ числѣ и ту, что вела къ вышеупомянутой таинственной лѣстницѣ, найденной впослѣдствіи Марѳинькой.

Любознательностью она заразилась отъ своего учителя. Маркиза чрезвычайно занимала оригинальная архитектура Воротыновскаго дома, онъ сравнивалъ эту постройку съ тѣми, которыя видѣлъ во Франціи и въ Германіи, и находилъ крайне интереснымъ остроумныя ириспособленія, придуманныя русскимъ строителемъ съ цѣлью согласовать условія иноземнаго вкуса съ потребностями отечественныхъ нравовъ.

Желаніе Марѳиньки поселиться одной съ Малашкой во второмъ этажѣ, гдѣ были парадные нежилые покои, отворявшіеся только въ экстренныхъ случаяхъ, вызвало горячій протестъ со стороны ея сожителей.

Не только разсудительная Ѳедосья Ивановна, Митинька и Самсонычъ, находили намѣреніе это неудобнымъ и нелѣпымъ, но также и Варвара Петровна, не взирая на свое пристрастіе ко всему эксцентричному, отнеслась къ этой идеѣ крайне неодобрительно и вмѣстѣ съ другими старалась отговорить отъ нея юную фантазерку.

Не лучше ли ей было поселиться внизу? Тутъ и теплѣе и людиѣе. Сюда и Ѳедосья Ивановна съ Варварой Петровной перебра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лись сверху послѣ кончины барыни. Здѣсь въ длинной горницѣ, служившей нѣкогда билліардной, устроили дѣвичью. Потолки низкіе, во всѣ окна лѣтомъ зелень изъ саду лѣзетъ, на подоконники стоитъ только зерна насыпать, мигомъ воробьи слетятся. Тутъ и зимой, какъ затопятъ печку съ широкой лежанкой, такъ весело и уютно, что подмываетъ пѣсни пѣть да сказки разсказывать, а наверху всегда мрачно, пусто, холодно и жутко.

И долго еще будетъ тамъ по ночамъ являться призракъ покойной Маѳы Григорьевны, на широкой кровати, вся въ бѣломъ, съ зажженной свѣчей въ рукѣ, и слышаться ея громкая, торжественная, предсмертная рѣчь. А въ большой залѣ будетъ мерещиться малиновый, бархатный гробъ на возвышеніи и строгое восковое лицо покойницы, озаренное трепещущимъ блескомъ свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ, и чувствоваться запахъ ладана, и слышаться пѣніе «со святыми упокой».

— Да ты тамъ, сударыня, до смерти можешь напужаться,—говорила Ѳедосья Ивановна.

— Господи! Да я бы ни за что!.. Ну вотъ, хоть озолоти меня сейчасъ съ ногъ до головы, чтобъ я тамъ хоть ночку одну переночевала, ни за что!—подхватывала, вздрагивая отъ ужаса, Варвара Петровна.

Митинька, какъ мущина, больше на холодъ, да на сырость напиралъ. Долго ли простудиться? Вѣдь весь этажъ отапливать невозможно. Сама покойница Маѳа Григорьевна завсегда къ зимѣ внизъ перебиралась, потому что тутъ уютнѣе и теплѣе. Если смерть застала ее въ парадной спальнѣ наверху, то это потому только, что до самого дня ея похоронъ морозовъ не было.

— А теперь ужъ скоро весна,—замѣчала на это съ улыбкой Маѳинька,—мерзнуть намъ, значитъ, съ Малашкой долго не придется.

— Да чтожъ ты тамъ одна-то будешь дѣлать, сударыня? Статочное ли дѣло, чтобы молодая дѣвица и вдругъ одна, съ одной только дѣвкой, въ цѣлыхъ шестнадцати комнатахъ жила!

Ѳедосья Ивановна находила это даже крайне неприличнымъ, хотя объяснить почему именно неприлично, ей было бы трудно. А Варвара Петровна, та все о скукѣ толковала.

— Здѣсь все-таки, и съ нами когда погуторите и дѣвушки вамъ пѣсенку могутъ спѣть, да и гостей принять, когда пріѣдутъ васъ навѣстить, удобнѣе.

Но Маѳинька стояла на своемъ. Ни пѣсенъ, ни гостей, ни разговоровъ ей не надо; одного только желала она, чтобъ ее въ покоѣ оставили.

— Дайте мнѣ ради Бога пожить, какъ хочется, до пріѣзда Александра Васильевича,—повторяла она съ слезами на глазахъ.

Ее спѣшили успокоить.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да мы, сударыня, и не неволимъ тебя, ты барышня и власти нашей надъ тобою нѣту, какъ хочешь, такъ живи,—сказала Ѳедосья Ивановна.—Мы только, какъ старые люди, и тебя жалѣючи, не хотимъ, чтобы печалилась ты одна, вотъ и все. А хочешь ты наши совѣты слушать, или нѣтъ—это ужъ твоя воля. По нашему разумѣнію, затворницей тебѣ жить съ такихъ младыхъ лѣтъ не приходится. Судьба твоя еще неизвѣстна, можетъ Господь и взыщетъ тебя по сиротству и счастье тебѣ пошлетъ, жениха хорошаго, или инако какъ устроитъ тебя, все это въ Его Святой волѣ! Вотъ, Богъ дастъ, молодой баринъ пріѣдетъ, тогда все узнаешь. Можетъ ты тогда и настоящей барыней, помѣщицей окажешься, кто знаетъ! Вѣдь покойница-то тебя какъ свое родное дитя любила, а имѣньевъ и добра всякаго много послѣ нея осталось, было ей чѣмъ тебя наградить,—прибавляла Ѳедосья Ивановна съ тонкой усмѣшкой.

По одной этой усмѣшкѣ можно было догадаться, что ей многое извѣстно изъ того, что для всѣхъ остальныхъ составляло еще непроницаемую тайну. Не даромъ Марѳа Григорьевна дольше всѣхъ съ Ѳедосьей Ивановной бесѣдовала передъ смертью.

II.

Впрочемъ, въ томъ, что барыня не забыла блестящимъ образомъ обезпечить свою любимицу, никто въ Воротыновкѣ не сомнѣвался. Всѣ помнили, какъ строго наказывала она окружающимъ служить Марѳинькѣ, какъ барышнѣ, и беречь ее всячески. Кто думалъ, что покойница ей по завѣщанью оставила одно изъ своихъ имѣній, кто предполагалъ, что она капиталомъ изряднымъ наградила ее, или тотъ домъ въ городѣ, ей завѣщала, который стоитъ тамъ съ заколоченными ставнями, весь полный мебели и всякой утвари, съ тѣхъ поръ какъ въ немъ супругъ Марѳы Григорьевны скончался. А можетъ Марѳинька сдѣлается владѣтельницей земель за Волгой, подъ Саратовомъ? Во многихъ мѣстностяхъ были имѣнія у Марѳы Григорьевны, и въ ея было волѣ награждать своихъ любимцевъ, какъ ей вздумается.

Все это должно было сдѣлаться извѣстнымъ, когда молодой баринъ пріѣдетъ.

А между тѣмъ, пріѣздъ этотъ съ мѣсяца на мѣсяцъ откладывался. Въ краткихъ посланіяхъ, состоящихъ изъ однихъ только приказаній и распоряженій по хозяйству, ни однимъ словомъ не упоминалось ни о причинахъ задерживающихъ его пріѣздъ въ Воротыновку, ни о томъ, когда именно состоится этотъ пріѣздъ.

— Хочетъ врасплохъ застать,— толковали промежъ себя старшіе слуги, староста Ѳедотъ, Игнатій Самсонычъ и другіе.

Мало-по-малу, о немъ составилось такое мнѣніе, что онъ: «изъ молодыхъ, да ранній» и что съ нимъ слѣдуетъ «ухо держать востро».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Припоминая черты изъ нрава его прадѣда, дѣда и отца, Ѳедосья Ивановна выводила заключеніе, довольно-таки зловѣщаго свойства, относительно его ума и характера, но Варвара Петровна, та съ восторженнымъ умиленіемъ распространялась объ его красотѣ, ловкости и благородствѣ. Ужъ если онъ былъ такимъ красавцемъ десять лѣтъ тому назадъ, юношей шестнадцати лѣтъ, то можно себѣ представить, что за прекрасный кавалеръ вышелъ изъ него впослѣдствіи, когда у него и усы выросли, и возмужалъ онъ, да еще въ военномъ мундирѣ!.. Ума помраченіе да и только!

А Ѳедосья Ивановна, продолжала, не вслушиваясь въ восторженныя восклицанія старой дѣвы:

— Дѣдушка-то его, страсть какой былъ злопамятный, помнишь Самсонычъ?—обращалась она къ старому дворецкому, который отвѣчалъ ей глубокимъ вздохомъ. — И ужъ такой-то упрямый, что захочетъ, непремѣнно на своемъ поставитъ. И сынокъ-то, Василій Григорьевичъ, весь въ него вышелъ. Одну только покойницу Марѳу Григорьевну и боялись, одну только ее и почитали.

— И гордый же онъ долженъ быть, Александръ-то Васильевичъ, у-у-у, какой гордый! — робко присоединялъ и свое мнѣніе къ этой оцѣнкѣ Митинька.

Никакъ не могъ онъ забыть обиды, нанесенной ему наслѣдникомъ его благодѣтельницы. Вскорѣ послѣ смерти этой послѣдней, Митинька постарался, написалъ ему длинное письмо со всѣми подробностями: какъ Марѳа Григорьевна помирала, что она говорила передъ смертью, какъ ее хоронили, да поминали, а молодой баринъ хоть бы спасибо сказалъ ему за это, такъ и пропали даромъ Митинькино усердіе и краснорѣчіе.

Но Варвара Петровна и тутъ находила извиненіе своему любимцу.

— Еще бы ему не быть гордымъ! Такой красавецъ, да знатный, да богатый!—восклицала она.

И почти каждый день, такимъ образомъ сыпались воспоминанія, разсказы, предположенія, на счетъ героя всеобщихъ здѣсь ожиданій, опасеній и мечтаній.

А когда гостили въ Воротыновкѣ пріятельницы Варвары Петровны попадейки, изъ которыхъ одна превратилась въ мать семейства, вышедши замужъ за дьякона въ Морскомъ, а другая успѣла обвѣнчаться и овдовѣть, тогда ужъ конца не было разговорамъ, главною темой которыхъ служили восторженныя воспоминанія о томъ, черезчуръ, увы, короткомъ времени, когда молодой Воротынцевъ гостилъ у прабабки.

Эти шесть недѣль сверкающей точкой запечатлѣлись на вѣки въ памяти всѣхъ обитателей Воротыновки безъ исключенія. Съ этого времени здѣсь вели лѣтосчисленіе и, припоминая о такомъ-то или о такомъ-то событіи, говорили: это было прежде или это случилось послѣ Александра Васильевича.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Одна Марѳинька не принимала участія въ этихъ разговорахъ и только загадочно улыбалась, прислушиваясь къ нимъ.

Странную жизнь повела она послѣ смерти своей благодѣтельницы. Уединеніемъ своимъ въ бель-этажѣ она не только не соскучилась, какъ всѣ ожидали, но со дня на день все упорнѣе отдалялась отъ людей, сокращая на сколько возможно то время, которое должна была, волей-неволей, проводить въ обществѣ. Скушаетъ двѣ-три ложки похлебки за обѣдомъ, крошечный кусочекъ цыпленка и ужъ сыта, бѣжитъ къ себѣ на верхъ, читать, играть на клавесинѣ и пѣть. Или, усѣвшись на окно, выходившее на тополевую аллею, смотритъ по цѣлымъ часамъ вдаль, не шелохнется и до того углубится въ свои думы, что если окликнуть ее, вздрогнетъ, поблѣднѣетъ, какъ полотно, взглядъ сдѣлается растерянный, готова упасть въ обморокъ.

Устроилась она въ новомъ помѣщеніи, по своему, чудно̀ какъ-то и странно. Откопала въ одной изъ кладовыхъ красную ткань, служившую, можетъ быть, нѣкогда пологомъ, понадѣлала на окна занавѣски, задергивающіяся на кольцахъ, стѣны увѣшала картинами въ источенныхъ червями рамахъ, а тотъ шкафъ съ французскими книгами, ключъ отъ котораго она носила постоянно при себѣ, приказала перетащить въ ту комнату, что служила ей спальней и по цѣлымъ вечерамъ читала при свѣтѣ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ низенькіе серебрянные подсвѣчники, заграничной работы.

А иногда она пѣла по цѣлымъ ночамъ до разсвѣта, акомпанируя себя на клавесинѣ.

Первое время всѣ эти выдумки смущали окружающихъ и заставляли ихъ опасаться за отданную на ихъ попеченіе барышню-сироту. Ужъ не порчу ли какую, Боже упаси, напустили на нее злые люди, что она не такая какъ всѣ прочія дѣвицы ея лѣтъ и находитъ себѣ удовольствіе въ томъ, отъ чего бы другая съ тоски пропала? Но потомъ къ странностямъ ея привыкли.

Худа ей отъ этой жизни, что она сама себѣ устроила, не было никакого; никогда ни жаловалась она ни на скуку, ни на нездоровье, щечки у нея были розовыя, глаза блестящіе и ходить она могла по долгу не уставая. По нѣскольку верстъ отмахивала съ своей вѣрной Малашкой по лѣсу лѣтомъ, и въ такія дебри заходили онѣ, о которыхъ никто въ домѣ и понятія не имѣлъ.

Вернутся оттуда съ обильной жатвой полевыхъ цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ, веселыя, бодрыя, насквозь пропитанныя лѣсными ароматами, часто съ изодранными въ клочья платьями отъ терновника, сквозь который продирались и все о чемъ-то, съ радостно-сверкающими глазами, шепчутся между собою.

Малашка доводилась внучатною племянницей Ѳедосьѣ Ивановнѣ и съ ранняго дѣтства приставлена была въ горничныя къ барышнѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ей было лѣтъ восемнадцать; высокая брюнетка съ живыми глазами, веселая, пронырливая, ловкая, она пользовалась полнѣйшимъ довѣріемъ Марѳиньки. Но старшимъ отъ того толку мало было. Ѳедосья Ивановна, поощрявшая эту дружбу съ цѣлью узнать внутренній міръ барышни, ошиблась въ разсчетѣ. Хохотушка Малашка заразилась скрытностью отъ своей госпожи, и ничего отъ нея нельзя было узнать.

— Ну, да слава Богу хоть за то, что барышня не одна по полямъ, да по лѣсу бродитъ,—говорила Ѳедосья Ивановна.

— Да и ночью-то имъ вдвоемъ не такъ страшно на верху,— присовокупляла къ этому Варвара Петровна.

III.

Съ наступленіемъ осени, когда нельзя было проводить большую часть дня въ лѣсу, Марѳинька снова принялась за чтеніе и музыку. И опять стало раздаваться по цѣлымъ вечерамъ ея пѣніе по всему дому, не взирая на запертыя двери, и всю почти ночь можно было видѣть свѣтъ въ ея спальнѣ сквозь завѣшанныя окна.

Марѳинька ночью книжки читала.

Кромѣ тѣхъ, въ которыхъ описывались подвиги рыцарей и ихъ дамъ, какъ напримѣръ Mathilde ou les Croisades, les Chevaliers du Cygne, Eginard et Emma и тому подобныя, маркизъ оставилъ своей ученицѣ произведенія болѣе современныхъ авторовъ, писателей конца XVIII вѣка, г-жъ Сталь и Жанлисъ, Ж. Ж. Руссо и другихъ, а также переводы съ нѣмецкаго и англійскаго,—«Les souffrances du jeune Werther», «Paméla ou la vertu recompensée», «Clarisse Harlowe», «Charles Grandisson» и проч., и проч., и проч., почти все, что̀ восемнадцатый вѣкъ завѣщалъ намъ по части сантиментальнаго романтизма.

Все это Марѳинька, съ жадностью юной восторженной души, жаждущей сильныхъ ощущеній, читала и перечитывала на просторѣ, въ полнѣйшемъ уединеніи, не имѣя ни единаго существа, съ которымъ ей можно было подѣлиться впечатлѣніями, и уносясь мечтами далеко отъ дѣйствительной жизни въ чудный міръ, населенный геніями и чудовищами, героями и героинями, неземной красоты и недосягаемой для простого смертнаго добродѣтели и духовнаго величія.

Походить на героинь этихъ хоть въ чемъ-нибудь, сдѣлалось ея самой завѣтной мечтой. И вотъ, за невозможностью бороться съ какимъ-нибудь коварнымъ злодѣемъ, испытывать муки плѣна у невѣрныхъ, жертвовать собой для какого-нибудь Малекъ-Аделя, или томиться въ башнѣ стараго замка, окруженнаго глубокимъ рвомъ съ подъемнымъ мостомъ, въ ожиданіи избавителя въ коль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чугѣ, латахъ и въ шлемѣ съ забраломъ, Марѳинька пыталась хоть въ чемъ-нибудь подражать излюбленнымъ своимъ героинямъ.

Она устроивала себѣ странные костюмы изъ платьевъ, хранившихся въ гардеробной покойной Марѳы Григорьевны, надѣвала на себя длинныя юбки съ фижмами, изъ дорогой парчи съ затканными бархатными цвѣтами яркаго цвѣта, перешивала на свою гибкую, тонкую, дѣвичью, талью, корсажи на твердыхъ костяхъ съ торчащими широкими воротниками изъ старыхъ пожелтѣвшихъ кружевъ, съ пышными рукавами, и прохаживалась въ этомъ убранствѣ съ вѣеромъ въ рукахъ по обширнымъ, парадным покоямъ, стараясь подражать походкой и жеманствомъ той дамѣ изъ прочитаннаго романа, которую ей хотѣлось олицетворить собой. Съ сладостнымъ замираніемъ сердца прислушиваясь къ шелесту жесткой шелковистой ткани, волочившагося за ней длиннаго шлейфа, по источенному червями, а мѣстами прогрызенному мышами, паркету, Марѳинька, иногда какъ вкопанная останавливалась среди обширнаго покоя и начинала декламировать цѣлыя сцены изъ романа, страстные монологи по адресу отсутствующаго героя, въ стихахъ или въ прозѣ, смотря по тому, что первое навертывалось ей на память—подходящее ли мѣсто изъ трагедіи Корнеля или тирады изъ романа мадамъ Cottin.

А иногда она облекалась вся въ бѣлое, распускала по плечамъ свои длинные золотистые волосы и разыгрывала передъ высокими зеркалами въ золоченныхъ рамахъ сцены изъ поэмы Оссіана или изъ «Нины съумасшедшей отъ любви» и тому подобныхъ произведеній.

Свидѣтельницей этихъ чудачествъ барышни была одна только Малашка; никому больше Марѳинька не довѣрялась, но ужъ за то въ Малашкѣ она имѣла преданную и вполнѣ надежную наперстницу, ловкую, увертливую и находчивую.

— Что это у васъ опять за возня была наверху?—спрашивала у этой послѣдней Ѳедосья Ивановна, когда ей случалось, проснувшись ночью, слышать шорохъ и шаги въ комнатахъ наверху.

— Это крысы, тетенька, — не задумываясь объясняла Малашка.—Страсть сколько у насъ этой подлой твари развелось! Ужъ я хочу у коровницы Марьи кота взять хоть на одну ночь, пусть онъ ихъ тамъ передушитъ подлянокъ, чтобы, Боже упаси, намъ съ барышней носы не отъѣли...

— И музыку вѣрно у васъ тоже крысы по ночамъ играютъ?— недовѣрчиво покачивала головой Ѳедосья Ивановна.

Малашка раскрывала изумленные глаза.

— Кака така музыка? Мы съ барышней спали и никакой музыки не слыхали.

— Ладно, вотъ какъ заведу я тебя въ чуланъ, да отстегаю тамъ прутомъ, узнаешь ты тогда какъ старшихъ морочить! Крысы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

у ней, видите ли вы, на клавикордахъ по ночамъ играютъ!.. ахъ ты, безстыжая!

— Да ей Богу же, тетенька, вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ!

— Нишкни, полно врать-то! До разсвѣта вы тамъ съ барышней куралесите. Нынче, ночью, у васъ въ окнахъ огонь видѣли ужъ послѣ того, какъ пѣтухи пропѣли.

— Кто это видалъ?

— Ѳомка видалъ, вотъ кто.

— Да ему пригрезилось, Ѳомкѣ-то вашему. Какъ пѣтухи-то пѣли, мы съ барышней уже давнымъ-давно спали. Передъ ужиномъ онѣ со мной ходили въ библіотеку, это точно, за новыми нотами, а потомъ и не думали, вотъ вамъ крестъ, что не думали.

— Вотъ и Самсонычъ говоритъ: «пожара бы, Боже упаси, не надѣлали, со свѣчей-то ночью», — стояла на своемъ Ѳедосья Ивановна.

— Да ужъ не безпокойтесь, пожалуйста, тетенька, я вѣдь тоже не о двухъ головахъ,—возражала Малашка. — Если даже когда и пройдемся мы съ барышней по комнатамъ, такъ бѣды отъ того никому не будетъ, стульевъ тамъ не просидимъ и паркета не продавимъ, не безпокойтесь.

IV.

Впрочемъ, забавляться переодѣваньями и декламировать монологи передъ зеркалами, Марѳинькѣ скоро надоѣло и съ наступленіемъ весны, второй со смерти Марѳы Григорьевны, она изобрѣла себѣ новую забаву—вздумала верхомъ ѣздить.

Для этого понадобилась лошадь, дамское сѣдло, амазонка и мужская шляпа.

— А вы бы объ этомъ съ Игнатіемъ Самсонычемъ переговорили,—посовѣтовала Малашка,—они, намеднись, въ людской хвастались, что при покойной барынѣ въ берейторахъ состояли, когда онѣ еще молоденькіе были и верхомъ скакали.

— Здѣсь?—спросила барышня.

— Здѣсь, должно быть, потому-что и Митрій Митричъ съ ними ѣздилъ, —отвѣчала Малашка.

— Значитъ, и сѣдло ея здѣсь гдѣ-нибудь спрятано. Надо его найти, Малаша.

— А вотъ дайте срокъ, я вамъ все это разузнаю.

И въ тотъ же день, вечеромъ, провожая барышню внизъ ужинать, она шепнула ей на ухо:

— Сѣдло есть, въ гардеробной, на антресоляхъ, ключъ у тетеньки Ѳедосьи Ивановны. Надо къ ней подбиться.

Ужинала и обѣдала Марѳинька внизу, за однимъ столомъ съ Варварой Петровной и съ Митинькой. Такъ ужъ повелось въ домѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ того дня, какъ старая барыня скончалась и обычая этого Марѳинька нарушать не рѣшалась.

При трапезахъ этихъ всегда присутствовала Ѳедосья Ивановна, стоя у притолки двери, что вела въ дѣвичью, а прислуживалъ господамъ молодой малый Ѳомка, изъ котораго Самсонычъ выдрессировалъ себѣ весьма приличнаго преемника.

Иногда старикъ сползалъ съ своей лежанки, чтобы видѣть какъ Ѳомка служитъ. Для этого Самсонычъ становился рядомъ съ Ѳедосьей Ивановной и, важно насупившись, училъ Ѳомку пріемамъ лакея хорошаго дома; брюжжалъ на него за то, что онъ недостаточно вѣжливенько подсовывалъ чистыя тарелки господамъ, шумитъ ножами и вилками, мало выгибаетъ фертомъ локоть, подавая блюда, и тому подобное.

Тутъ же, кстати, онъ и казачковъ, толкавшихся у господскаго стола, началилъ, далъ ихъ за вихры и за уши за каждую провинность.

— Самсонычъ, кто провожалъ бабушку, когда она верхомъ въ Петербургѣ ѣздила?..—спросила барышня передъ тѣмъ, какъ встать изъ-за стола.

— Я провожалъ, сударыня, кому же больше. Верхомъ ѣздить меня въ полку учили, чтобы заправскаго берейтора изъ меня сдѣлать,—отвѣчалъ старикъ. — И вотъ, бывало, какъ пришлютъ изъ дворца приказаніе, чтобы намъ къ царской кавелькадѣ готовиться...

— А здѣсь съ кѣмъ бабушка ѣздила?—прервала начатое повѣствованіе Марѳинька.

— Здѣсь спервоначалу тоже со мной, а потомъ, какъ Митрій Митричъ у насъ проявились, такъ съ нимъ изволили ѣздить.

Марѳинька оглянулась на сидѣвшаго по правую ея руку старика и ласково кивнула ему.

На лицѣ Митиньки расплылась блаженная улыбка, а у Ѳедосьи Ивановны, тревожно слѣдившей за этой сценой, сдвинулись озабоченно брови. Малашка же, выглядывавшая изъ двери сверкающими отъ любопытства глазами, фыркнула въ кулакъ, а Варвара Петровна разсказала, что ей одинъ только разъ и удалось видѣть Марѳу Григорьевну верхомъ на конѣ.

Это случилось сорокъ лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ пріѣзда Варвары Петровны въ Воротыновку. Ей было тогда семнадцать лѣтъ, а благодѣтельницѣ ея за пятьдесятъ. Но больше тридцатипяти никто бы ей тогда не далъ, не правда ли, Ѳедосья Ивановна?

Ѳедосья Ивановна утвердительно кивнула.

— Я какъ сейчасъ ихъ вижу,—продолжала приживалка,—на нихъ была амазонка изъ голубого сукна, небеснаго цвѣта, лифъ въ видѣ гусарской куртки, съ золотыми переплетами на груди, перчатки лайковыя съ крагами, а на головѣ мужской беретъ съ перьями. Очень было красиво.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ужъ не собираешься ли и ты, сударыня, верхомъ ѣздить?— обратилась Ѳедосья Ивановна къ барышнѣ.

— Да, мнѣ хотѣлось бы,—отвѣтила Марѳинька.

— Ну, ты эту затѣю брось. Это тогда была мода, потому что сама царица Екатерина Алексѣевна любила верхомъ ѣздить, и всѣ прочія за нею, а таперича у насъ государь мужскаго полу, Александръ Павловичъ, и барынямъ примѣръ брать не съ кого. Поди чай и въ Петербургѣ-то никто изъ барынь таперича не ѣздитъ, развѣ ужъ отчаянныя какія. Ну, а тебѣ, какъ дѣвицѣ, да сиротѣ вдобавокъ, и вовсе не подобаетъ такой куражъ на себя напускать.

И озадаченная немного упорнымъ молчаніемъ барышни да лукавой усмѣшкой Малашки, она прибавила уже не такъ рѣшительно:

— Да и ѣздить-то тебѣ не на чемъ, лошадей у насъ такихъ, чтобы выѣзжены были подъ дамское сѣдло, нѣтъ, костюмъ покойницы-бабушки тебѣ впору не будетъ, сѣдло, поди чай, давно ужъ мыши изгрызли, а берейторы-то наши ишь какъ состарились! У одного водянка, кажись, начинается, ноги-то какъ бревна раздуло, а другому пѣшкомъ даже до бани безъ палки не доползти, вотъ это какіе берейторы,—кивнула она съ насмѣшливой улыбкой на Самсоныча съ Митинькой.

И на это Марѳинька ничего не возражала. Но отъ мечты своей не отказалась и даже весьма скоро привела ее въ исполненіе. Вышеприведенный разговоръ происходилъ въ половинѣ мая, а въ первыхъ числахъ іюня, она уже скакала по полямъ и лѣсамъ, въ амазонкѣ, доморощеннаго издѣлія, сшитой по указаніямъ Варвары Петровны изъ какой-то пестрой ткани, найденной въ гардеробной. Тамъ же и сѣдло оказалось за шкапомъ, въ пыли и на половину источенное молью, но шорникъ его починилъ, обтянулъ кускомъ бархата, споротаго съ одного изъ золоченыхъ креселъ въ парадной гостиной и пошло за новое. Шляпу презентовала барышнѣ Малашка. Это была, брошенная за негодностью, дорожная шляпа Александра Васильевича, широкополый сѣрый фѣтръ, кокетливо приподнятый съ одной стороны, «à la mousquetaire», съ большимъ бѣлымъ перомъ.

Марѳинька смастерила себѣ изъ этого хлама фантастическій головной уборъ, который, не взирая на свое безобразіе, ей былъ къ лицу.

Нашлась на конюшнѣ и лошадь, довольно преклонныхъ лѣтъ, которую старый кучеръ Степанъ приспособилъ подъ дамское сѣдло. Выѣздилъ ее Прошка, старшій конюхъ. Онъ же вызвался служить и берейторомъ барышнѣ.

Впрочемъ, вдвоемъ кататься имъ удавалось рѣдко; большею частью, на старой кобылѣ за ними трусилъ Митинька, а передъ тѣмъ, какъ кавалькадѣ пускаться въ путь, вся дворня сбѣгалась

ЧИТАЛЬНЯ
Полтавської
Обласної бібліотеки
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

смотрѣть какъ барышню сажаетъ на сѣдло кучеръ Степанъ, почтительно указывая ей, какъ держать промежъ пальчиковъ поводья, какъ сидѣть и какъ дѣйствовать хлыстомъ.

Тѣшилась новой забавой Марѳинька мѣсяца полтора и такъ страстно, что даже книги и музыку забросила. Вернется съ прогулки верхомъ, разбитая отъ усталости, даже кушать ничего не можетъ, сброситъ съ себя свой странный костюмъ, да и въ постель; спитъ до утра какъ убитая. Даже сновъ ей никакихъ за это время не грезилось.

Но потомъ, и верховая ѣзда ей стала мало-по-малу прискучать, и къ осени когда дожди пошли и дни стали короче, опять по цѣлымъ днямъ раздавались пѣніе ея и музыка въ старомъ домѣ, а ночью, часто до утра, свѣтился огонь въ ея комнатѣ.

Такъ прошелъ еще годъ и наступила третья зима послѣ смерти Маѳы Григорьевны.

V.

Въ эту зиму Марѳинькѣ надоѣли и книги и музыка. Гулять ходить, какъ бывало прежде, далеко по большой дорогѣ, она тоже потеряла охоту; а когда пойдетъ по неотвязной просьбѣ Малашки, то скоро устанетъ и сейчасъ—назадъ. Прежде кататься была охотница, а теперь и къ этому развлеченію охладѣла. Запрягутъ ей лошадей въ широкіе сани съ ковромъ, подъѣдутъ къ крыльцу лихо, съ колокольцами, бубенцами, а она дѣвушекъ вмѣсто себя пошлетъ, либо Варвару Петровну съ Митинькой, а сама дома остается и все одна.

Войдутъ къ ней—не выгонитъ и даже неволитъ себя разговоръ вести, а только тошно ей, по всему замѣтно, что тошно и что ждетъ не дождется одной остаться.

А одна—плачетъ. Сколько разъ ее теперь съ заплаканными глазами видѣли, почти-что каждый день.

О чемъ кручинится, лучше и не спрашивать, все равно не скажетъ, а иной разъ даже обидится, уйдетъ въ спальню и запрется тамъ.

Стала замѣтно худѣть; кушала черезъ силу.

— Болитъ что ли у тебя что, сударыня?—время отъ времени приступала къ ней съ разспросами Ѳедосья Ивановна, которую перемѣна въ барышнѣ не на шутку тревожила.

— Ничего у меня не болитъ, оставьте меня, не обращайте вниманія,—отвѣчала Марѳинька, съ слезами на глазахъ, такъ раздражали ее эти разспросы.

— Да какъ же на тебя не обращать вниманія, когда ты намъ покойницей-барыней поручена,—возражала Ѳедосья Ивановна.— На смертномъ одрѣ вѣдь приказала она мнѣ тебя беречь. Вотъ и имъ тоже,—кивала она на Самсоныча съ Варварой Петровной.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Приказала, это точно что приказала,—шамкалъ беззубымъ ртомъ старикъ, кивая лысой головой.

Отъ парика онъ сталъ постепенно отвыкать и надѣвалъ его по однимъ праздникамъ.

А Варвара Петровна, та только глазами хлопала, да вздыхала.

Старая барышня Варвара Петровна совсѣмъ опустилась послѣ смерти своей благодѣтельницы.

Первый годъ она еще крѣпилась, и въ пяльцахъ пошьетъ передъ обѣдомъ, и чай разольетъ, и въ карты вечеркомъ дѣвушкамъ погадаетъ, и при случаѣ вспомнитъ да разскажетъ что-нибудь изъ былого времени, когда еще молодой баринъ въ Воротыновку не пріѣзжалъ, ну, а на второй годъ ужъ замѣтно слабѣть стала, какъ сядетъ за работу, такъ сейчасъ и задремлетъ, а проснется—кушать запроситъ, а какъ покушаетъ, такъ и въ постель, точно дитя малое, отъ груди да въ люльку. Плохо слышать стала, а что и услышала - сейчасъ забыла.

Время отшибло память и у Самсоныча; про старину еще разговаривать съ нимъ можно было, многое онъ изъ стараго времени помнилъ, а что вотъ сейчасъ при немъ случилось, или вчера, лучше и не спрашивай, непремѣнно забылъ.

— Эхъ, подтянуть-то васъ некому!—съ укоризной покачивая головой, думала Ѳедосья Ивановна, глядя на ихъ слабость и слушая ихъ жалобы на немощь.

Поясницу ломитъ, руки, ноги ноютъ, голову съ подушки не поднять, такая стала тяжелая, моченьки нѣтъ, совсѣмъ разнедужились,—нылъ то одинъ, то другой, изъ ея сподвижниковъ по службѣ въ покинутомъ господами барскомъ домѣ.

Сама она все еще гоголемъ, какъ при покойницѣ-барынѣ, ходила. Прямая какъ палка, да костлявая, съ умными, пронзительными глазами на длинномъ, морщинистомъ лицѣ, Ѳедосья Ивановна съ ранняго утра и до поздней ночи была на ногахъ. Ею одной все здѣсь и держалось, одну ее только и боялись и слушались, въ ткацкихъ, гдѣ ковры ткали по рисункамъ, выбраннымъ еще Марѳой Григорьевной, на суконной фабрикѣ, гдѣ додѣлывали казенный подрядъ, принятый тоже еще покойницей, и всюду. До всего доходила Ѳедосья Ивановна и никому спуску не давала. А ужъ тѣмъ, кто ей сродни приходился, и-и-ихъ, какъ доставалось. Не въ примѣръ хуже чѣмъ когда настоящая барыня въ усадьбѣ жила.

Отчеты по хозяйству Митинькѣ диктовала теперь она. А приказы молодого барина сначала велитъ себѣ одной прочитать, а ужъ потомъ передастъ эти приказы старостѣ Ѳедоту, ткачамъ, завѣдующему фабрикой и прочимъ, до кого что касалось.

Молодой биринъ продолжалъ писать все также кратко и рѣдко, ни къ кому лично не обращаясь. И такою холодною надменно-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стью вѣяло отъ его требованій и выговоровъ, что каждый разъ послѣ полученія такого письма, всѣ въ усадьбѣ ходили, повѣся носъ, съ жуткимъ чувствомъ тревожнаго недоумѣнія въ душѣ.

VI.

По мѣрѣ того какъ время шло, образъ красиваго юноши въ бархатѣ, атласѣ и кружевахъ, съ огненнымъ взглядомъ и сладострастными губами, оживлявшаго весь домъ своимъ раскатистымъ смѣхомъ, веселыми играми да затѣями, все дальше и дальше уплывалъ у всѣхъ изъ памяти, уступая мѣсто загадочному существу, гордому и неумолимому, отъ котораго никто не ждалъ себѣ добра Чувство недовѣрія и страха къ наслѣднику Маѳы Григорьевны съ каждымъ днемъ вростало все глубже и глубже въ сердца воротыновскихъ обитателей. О пріѣздѣ его вспоминали съ таинственнымъ ужасомъ, какъ объ напасти какой, въ родѣ чумы или холеры.

Народъ стали тѣснить, выжимая изъ него требуемые бариномъ доходы; благосостояніе воротыновцевъ пошатнулось. Все чаще и чаще, то изъ одного двора, то изъ другого, выводили лошадь или корову, чтобъ продать ее за недоимку. Поборы съ году на годъ увеличивались. Молодой баринъ требовалъ все больше и больше денегъ. Все теперь продавалось въ барской усадьбѣ, всѣ ковры до единаго, всѣ сукна, всѣ хозяйственные продукты; въ Петербургъ ничего не посылалось, даже кружева, что плели дворовыя дѣвки и вышивки по батисту и кисеѣ, все что прежде, при Маѳѣ Григорьевнѣ, разсылалось въ видѣ подарковъ родственникамъ и пріятелямъ, теперь по распоряженію ея правнука продавалось пріѣзжающимъ изъ города купцамъ. А деньги не отправлялись такъ какъ при ней, съ вѣрнымъ человѣкомъ туда, куда слѣдовало, а отвозились въ городъ, въ почтамтъ.

И въ Воротыновку тоже не являлось больше посланцевъ ни откуда.

Въ Гнѣздѣ и въ Морскомъ все еще пока шло попрежнему, какъ вдругъ, незадолго до Рождества, пронесся по всему околотку слухъ, что въ Морское присланъ изъ Петербурга новый управитель, и что управитель этотъ никто иной, какъ сынъ бывшей прачки Акульки—Дормидошка.

Акульку эту, съ мальчишкой, старая барыня подарила внуку своему, Владиміру Сергѣевичу Ратморцеву, когда онъ надумалъ жениться.

Въ Воротыновкѣ многіе еще помнили Дормидошку толстопузымъ, бѣловолосымъ мальчуганомъ, а мать его, миловидной, расторопной бабенкой.

Попала она на барскую прачешную по протекціи Ѳедосьи Ивановны, доводившейся ея матери чѣмъ-то въ родѣ троюродной се-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стры. Мужъ Акулины, Ивашка столяръ, былъ горькій пьяница, и взяли ее во дворъ отчасти, чтобы дать ей хоть немножко отдохнуть отъ тиранства супруга, но она была такая способная и такъ скоро научилась тонкія вещи стирать и гладить, что когда понадобилось послать прачку въ Петербургъ, выборъ барыни палъ на нее, да кстати ужъ и Дормидошку отправили съ нею, въ казачки къ молодымъ господамъ.

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ сорокъ, Дормидошку величали теперь Дормидонтомъ Иванычемъ и видъ у него былъ такой внушительный, что иначе какъ за купца, его нельзя было принять.

— Борода у нихъ широкая такая, лопатой, съ просѣдью, волосы тоже съ серебрецомъ и до плечъ динные, рожа жирная да румяная, брови густыя и черныя, а брюхо—во. какое!—объяснялъ и словами и жестами Ѳомка, собравшимся вокругъ него, обитателямъ и обительницамъ нижняго этажа барскаго дома.

— И одѣтъ по-купецки, въ длинномъ кафтанѣ хорошаго сукна, въ картузѣ съ большимъ такимъ козырькомъ, округъ шеи красный гарусный шарфъ обмотанъ, а шуба медвѣжья.

Самъ Ѳомка его не видалъ, но онъ встрѣтился на селѣ съ купцами, которые прямо изъ Морскаго прибыли въ Воротыновку за льномъ.

— Льну въ Морскомъ нынѣшнимъ лѣтомъ не сѣяли,—замѣтилъ кто-то.

— Не сѣяли. Имъ такъ староста и сказалъ.—А къ намъ, говоритъ, господа управителя прислали изъ Петербурга. Какіе порядки онъ заведетъ неизвѣстно; а только по всему видно, что дошлый, пальца въ ротъ ему не клади, откуситъ.—Говоритъ онъ это, а новый-то управитель тутъ какъ тутъ, обходъ, значитъ, дѣлалъ. И какъ увидалъ пришлыхъ людей, сейчасъ имъ допросъ: откелева да и зачѣмъ? И все это такъ строго да важно. А староста имъ потомъ, купцамъ-то, какъ управитель-то ушелъ:—ишь растопырился какъ!—говоритъ. А вѣдь нашего поля ягода, Воротыновской прачки, Акульки да столяра Ваньки сынъ,—говоритъ.

— Такъ, такъ, Акулькинаго мужа Ванькой звали. Пьяница былъ горькій, покойникъ,—раздумчиво вымолвила Ѳедосья Ивановна.

— Чьихъ же они таперича господъ будутъ?—полюбопытствовала Варвара Петровна.

— Да Владиміра Сергѣича, меньшого сынка покойницы Катерины Васильевны, того самаго, котораго въ сенаторы произвели за три года до кончины старой барыни. Она имъ еще тогда, по этому случаю, поздравленіе писала, да подводу съ коврами, да съ серебромъ послала. А женатъ Владиміръ Сергѣичъ на дочери генерала Майданова, Надеждѣ Алексѣевнѣ, и дѣтки у нихъ—старшій Сергѣй Владимірычъ, на три годка помоложе нашего барина будетъ, да три барышни: Татьяна Владиміровна, Варвара Владиміровна и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и Марья Владиміровна. А у старшаго братца ихъ Димитрія Сергѣича, что на Райвеновой женатъ, все сыновья: Григорій Дмитрычъ, Аполлонъ Дмитрычъ и Леонидъ Дмитрычъ.

Все это Митинька отрапортовалъ однимъ духомъ, безъ запинки.

Какъ секретарю покойной Марѳы Григорьевны ему лучше всѣхъ была извѣстна хроника Воротыновской семьи, кто на комъ женатъ, кто отъ кого родился, кто умеръ.

— Поди чай и къ намъ понавѣдается, новый-то управитель,— замѣтилъ Самсонычъ,—захочетъ на старое пепелище взглянуть, по барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ панихидку отслужить, да кстати ужъ и родителя свово помянуть, вѣдь онъ на нашемъ кладбищѣ схороненъ, Ивашка-то столяръ.

— Ужъ это безпремѣнно.

— Одинъ онъ сюда пріѣхалъ или съ семьей?—спросила Ѳедосья Ивановна.

— Ни жены, ни дѣтей при немъ не видать,—отвѣчалъ Ѳомка,— можетъ послѣ пріѣдутъ, а таперича окромѣ старушки одной, не то чтобъ ужъ очень древней, а тоже не изъ молоденькихъ,—никого съ нимъ нѣту.

— Старушка?

Ѳедосья Ивановна оживилась и глаза ея заискрились отъ любопытства.

— Слышишь, Самсонычъ? — обратилась она къ дворецкому, который сползъ съ своей лежанки, послушать новости, принесенныя Ѳомкой.

— Слышу, матушка Ѳедосья Ивановна, слышу. Ужъ это не матка ли Дормидошки-то, племянница твоя, Акулина?

— Она самая, должно быть и есть,—рѣшила Ѳедосья Ивановна.

— Ну, ужъ эта безпремѣнно сюда навѣдается. Завсегда была она ко мнѣ почтительна, съ каждой оказіей, бывало, и поклоны шлетъ и гостинцы. До сихъ поръ, поди чай, помнитъ, какъ я ее отъ мужа отъ злодѣя выручала. Пріѣдетъ, безпремѣнно пріѣдетъ,— самодовольно ухмыляясь, говорила Ѳедосья Ивановна.

И стала она припоминать какая въ молодости Акулина была шустрая, рѣчистая да веселая. Первая вѣстовщица въ деревнѣ; все ей, бывало, раньше всѣхъ извѣстно, кто что сказалъ, кто что сдѣлалъ.

— А мальчишка у ней невзрачный такой былъ изъ себя, сопатый.

— А вотъ онъ, таперича, сопатый-то, въ каку честь влетѣлъ!

— Да, съумѣлъ, значитъ, господамъ потрафить!

— Да ужъ по всему видимо что съумѣлъ. Приказано ему и надъ Пафнутьичемъ въ Гнѣздѣ надзоръ имѣть, провѣрку ему, значитъ, сдѣлать, какъ имѣньемъ управлялъ съ тѣхъ поръ, какъ барыня Марѳа Григорьевна померла.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ какъ! И къ баронскимъ, значитъ, подбился?

— Подбился должно быть, когда полную довѣренность ему дали. Хвастался онъ эфтой самой довѣренностью и попу и старостѣ въ Морскомъ, а также и купцамъ, что за льномъ-то къ нимъ ѣздили. Въ моей, говоритъ, власти этого самаго Пафнутьича смѣнить или оставить, какъ захочу, молъ, такъ и будетъ.

— Ишь ты!

Малашка, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, вмѣстѣ съ другими дѣвушками, побѣжала съ этими новостями къ барышнѣ.

Но Марѳинька отнеслась къ ея разсказамъ совсѣмъ равнодушно и, не давъ ей всего досказать, объявила, что ее нисколько не интересуютъ ни господа Ратморцевы, ни бароны, ни слуги ихъ.

— Что мнѣ до нихъ за дѣло!—вымолвила она съ досадой, не отрывая глазъ отъ книги, которую читала.

— Да какъ же, барышня, вѣдь это ваши родные,—замѣтила Малашка, озадаченная такимъ равнодушіемъ.

Марѳинька вспыхнула и, пристально глянувъ на нее, спросила, какъ-то странно и знаменательно отчеканивая слова:

— А ты почему знаешь, что они мнѣ родня?

Малашка замялась:

— Да вѣдь вы, барышня...

— Ну?—настойчиво сдвинувъ брови, возвысила голосъ дѣвушка:—Чтожъ изъ того что я барышня?

— Покойница барыня васъ жалѣли, и всѣмъ наказывали беречь васъ, и Ѳедосьѣ Ивановнѣ, и Игнатію Самсонычу... Намедни еще Самсонычъ вспоминалъ...

— А бабушка сказала имъ чья я дочь?—прервала ее Марѳинька. И вдругъ громко и истерически зарыдала.

Малашка въ испугѣ упала передъ нею на колѣни.

— Барышня, милая, не плачьте!—повторяла она, цѣлуя ея руки.—Золотая, бриліантовая, не убивайтесь!

Но ее не слушали. Ломая руки, Марѳинька повторяла прерывающимся голосомъ:

— Кто мнѣ это скажетъ? Кто?

И рыдала пуще прежняго.

— Успокойтесь, барышня, я вамъ это узнаю,—сказала Малашка.

— Ты?—недовѣрчиво протянула Марѳинька.

Она перестала плакать и горькая улыбка исказила ея красивое лицо.

— Нѣтъ, Малаша, тебѣ этого не узнать, — продолжала она со вздохомъ.—Ты думаешь мнѣ это только сейчасъ запало въ голову? О нѣтъ! Еще когда бабушка была жива, мы съ маркизомъ... Ты помнишь его, Малаша?..

— Это мусью-то? Какъ не помнить!..

79602
Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Она хотѣла еще что̀-то прибавить, но только засмѣялась, а того, что̀ вспомнила, не сказала.

— Онъ былъ добрый, любилъ меня и принималъ горячее участіе въ моей судьбѣ, — продолжала между тѣмъ раздумчиво Марѳинька.—Еслибъ онъ не уѣхалъ отсюда, ему, можетъ быть, удалось бы узнать чья я дочь, живы ли мои родители и почему я разлучена съ ними... Всѣ думаютъ, что они умерли, что я сирота, но я не могу этому вѣрить, не могу! Если они умерли — почему мнѣ этого не скажутъ, почему меня еще маленькимъ ребенкомъ не заставляли о нихъ молиться? Нѣтъ, нѣтъ, Малаша, они живы, повторяла она съ экзальтаціей.—Они живы, но есть причины, по которымъ не хотятъ, чтобъ я знала кто они и гдѣ они. И имъ то же, вѣрно, сказали, что меня нѣтъ на свѣтѣ и они оплакивали меня, какъ мертвую, а, можетъ быть, давно уже забыли про меня.— А можетъ быть, они до сихъ поръ вспоминаютъ обо мнѣ съ тоской и слезами и имъ не вѣрится, что я умерла. Вѣдь они не видѣли меня въ гробу, не хоронили меня... Можетъ быть, они несчастны, томятся гдѣ-нибудь въ заточеніи, а, можетъ быть, они въ большомъ свѣтѣ, при дворѣ... Какъ я сюда попала? Кто меня сюда привезъ? Для чего? Маркизъ былъ того мнѣнія, что это сдѣлали, вѣроятно, изъ-за денегъ, чтобы состояніе моихъ родителей досталось не мнѣ, а кому-нибудь другому. Можетъ быть, дѣтямъ моего отца отъ другой жены, кто знаетъ? А можетъ быть, меня похитили у нихъ изъ мести. Какой-нибудь злодѣй, врагъ моей семьи, подкупилъ кормилицу, прислугу... Это бываетъ, Малаша. Въ книгахъ описаны происшествія еще необыкновеннѣе и невѣроятнѣе этого, а маркизъ говорилъ, что въ жизни случается невѣроятнѣе и ужаснѣе самаго страшнаго романа...

Марѳинька все болѣе и болѣе одушевлялась. Глаза ея горѣли, щеки покрылись румянцемъ, рѣчь лилась изъ устъ неудержимымъ потокомъ. Въ первый разъ въ жизни высказывала она вслухъ мысли, тѣснившіяся у нея въ мозгу, и это доставляло ей неописанное наслажденіе.

— Знаешь, мнѣ иногда кажется, что вотъ что было: мать моя была красавица, въ нее вѣрно влюбился какой-нибудь очень важный господинъ, она предпочла ему моего отца, и вотъ этотъ злодѣй подвелъ ловкую интригу, чтобы погубить ее... Какъ въ той исторіи, которую я тебѣ разсказывала, помнишь? И вотъ,—продолжала она, не дождавшись отвѣта отъ своей оторопѣвшей слушательницы,—онъ устроилъ такъ, что отецъ повѣрилъ клеветѣ и приказалъ меня умертвить, а бабушка, Марѳа Григорьевна, меня спасла и пріютила у себя. О! это непремѣнно такъ и было! А теперь меня, можетъ быть, давно ищутъ, невинность моей матери открылась и всѣ въ отчаяніи, что не могутъ меня найти. Мать моя убивается обо мнѣ, точно также, какъ и я о ней; отецъ ждетъ не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дождется той минуты, когда ему можно будетъ меня обнять и привсѣхъ назвать своею дочерью... а я здѣсь, одна!.. Совсѣмъ одна съ тѣхъ поръ, какъ бабушка умерла! И конца такому положенію не предвидится. Вотъ уже три года, какъ это продолжается, я состарѣюсь въ этой глуши, сдѣлаюсь такая же, какъ Ѳедосья Ивановна, какъ Варвара...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ, а Малашка, опустившись передъ нею на колѣни, цѣловала ея руки, тоже всхлипывая отъ избытка чувствъ.

— Знаешь, Малаша,—тихо проговорила Марѳинька нѣсколько минутъ спустя,—на прошлой недѣлѣ я чуть было не ушла отсюда совсѣмъ.

— Барышня, милая, да куда же хотѣли вы уйти?—вскричала въ испугѣ Малаша.

— Куда глаза глядятъ. Дошла бы до какой-нибудь деревушки, оттуда наняла бы мужика, чтобы подвезъ меня въ городъ, а тамъ поѣхала бы дальше, въ Петербургъ. Я знаю, чувствую, что тамъ я найду себѣ покровителей, которые помогутъ мнѣ отыскать моего отца и мою мать.

— Тамъ нашъ баринъ, Александръ Васильевичъ,—вымолвила безсознательно Малашка, у которой, какъ у всѣхъ обитателей Воротыновки, представленіе о Петербургѣ было неразлучно съ мыслью объ ихъ молодомъ баринѣ.

Марѳинька вспыхнула:

— Что мнѣ до него за дѣло, до вашего барина? — вскричала она съ раздраженіемъ, — я не крѣпостная его, чтобы заботиться о томъ, гдѣ онъ, что онъ дѣлаетъ и почему онъ сюда не ѣдетъ,—продолжала она, преслѣдуя вслухъ нить новыхъ мыслей безостановочно развертывающихся въ ея мозгу.—Никакихъ правъ онъ надо мной не имѣетъ, ровно никакихъ!

— Да вѣдь письмо-то про васъ покойница-барыня ему написала,—напомнила Малашка.

— Письмо!

Когда Марѳинька вспоминала про это письмо, у нея кровь приливала къ сердцу, и оно такъ билось, точно выскочить хотѣло.

Письмо это было здѣсь, въ домѣ. Самсонычу приказано было отдать его въ собственныя руки молодому барину. Тогда Марѳинька все узнаетъ. Но когда жъ это случится?

— Долго ли еще Александръ Васильевичъ будетъ насъ томить въ неизвѣстности?—вскричала она съ отчаяніемъ.

— Да вотъ теперь, можетъ, и узнаемъ, когда онъ собирается сюда пріѣхать,—сказала Малашка.

— Отъ кого?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да отъ тѣхъ, что въ Морское изъ Петербурга пріѣхали. Имъ нельзя про нашего барина не знать, это и Ѳедосья Ивановна и всѣ говорятъ.

VII.

Въ слѣдующее же воскресенье, новый управитель господъ Ратморцевыхъ явился къ обѣднѣ въ Воротыновку и съ матерью.

Пріѣхали они въ хорошихъ, покрытыхъ ковромъ, саняхъ, запряженныхъ лихой тройкой, съ колокольчиками и бубенчиками, какъ господа. Самъ одѣтъ купцомъ, точь-въ-точь какъ Ѳомка описывалъ, а мать его, бывшая прачка, Акулька, въ лисьемъ салопѣ, крытомъ дорогимъ сатенъ-тюркомъ и въ стеганномъ, атласномъ капорѣ съ мѣхомъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ старые и малые глазѣли на добродушное лицо съ кроткими выцвѣтшими глазами старушки, отыскивая на немъ слѣды прежней Акульки. Но она такъ перемѣнилась, что никто не могъ ее узнать.

А ужъ про сына и говорить нечего. Отъ сопатаго, толстопузаго и бѣлобрысаго Дормидошки ничего не осталось; это былъ теперь среднихъ лѣтъ человѣкъ, съ хитрымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, слегка заплывшихъ жиромъ, благообразный, степенный, какъ подобаетъ быть управителю важныхъ и богатыхъ господъ.

Всю службу простояли пріѣзжіе чинно, истово крестясь и усердно кладя земные поклоны, не оборачиваясь по сторонамъ и дѣлая видъ будто не замѣчаютъ устремленныхъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, сверкающихъ жгучимъ любопытствомъ, взглядовъ. Къ кресту, по обыкновенію, раньше всѣхъ подошла Марѳинька, за ней Варвара Петровна съ Митинькой и Ѳедосьей Ивановной, а послѣ нея священникъ вскинулъ глаза на пріѣзжихъ и взглядомъ пригласилъ ихъ подойти приложиться.

— Съ пріѣздомъ, — слегка наклоняя голову, тихо произнесъ о. Петръ, когда Дормидонтъ Иванычъ съ Акулиной Савишной приложились къ кресту.

Оба отвѣтили почтительнымъ поклономъ и, повернувшись къ маленькой группѣ, остановившейся у праваго клироса, стали здороваться съ Ѳедосьей Ивановной, Варварой Петровной, Митинькой, Самсонычемъ и другими старшими дворовыми.

— Тетенька Ѳедосья Ивановна! Вотъ привелъ Богъ встрѣтиться!—съ слезами умиленія говорила Акулина.

— Привелъ Акулинушка, привелъ, — съ обычною сдержанностью отвѣчала Ѳедосья Ивановна; но голосъ ея дрожалъ отъ волненія и глаза затуманились слезой.

Старухи троекратно облобызались, а затѣмъ когда Акулина продѣлала ту же церемонію съ старыми своими знакомыми Митинькой и Самсонычемъ, а также съ Варварой Петровной, кото-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рую ей представили какъ барышню, что завсегда была при Марѳѣ Григорьевнѣ и больше тридцати лѣтъ живетъ въ домѣ, Ѳедосья Ивановна пригласила гостей въ домъ чайку откушать.

Дормидонтъ Иванычъ вѣжливо принялъ приглашеніе.

Не взирая на видное положеніе, до котораго возвысило его барское довѣріе, онъ особенной кичливости ни передъ кѣмъ здѣсь не проявлялъ и обошелся со всѣми, хотя съ чувствомъ собственнаго достоинства, но какъ человѣкъ, желающій жить съ сосѣдями въ мирѣ и согласіи и чтобъ о немъ всѣ были хорошаго мнѣнія.

Привѣтливо разспросилъ онъ Самсоныча и Митиньку о здоровьѣ, и когда первый сталъ жаловаться на боль въ ногахъ, Дормидонтъ Иванычъ вызвался прислать отличное средство противъ этой немощи.

— Въ родѣ какъ мазь, духовитая и втирать ее надо до суха. Вотъ маменька ею одно время пользовалась и предовольна осталась,— указалъ онъ движеніемъ бровей на мать, занятую бесѣдой съ Ѳедосьей Ивановной.

Понравилось также всѣмъ, что онъ заказалъ панихиду по барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ, при чемъ читалась, по поданному имъ поминанію, длинная вереница именъ, между которыми присутсутствующіе узнавали многихъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ, конечно, и пьяницу Ивашку столяра.

Марѳинька тотчасъ послѣ обѣдни, и ни съ кѣмъ не вступая въ разговоръ, вышла, не оглядываясь, изъ церкви. Во время службы, она чувствовала на себѣ пристальный взглядъ пріѣзжихъ, и ей было очень неловко. Вздохнула она свободнѣе тогда только, когда очутилась въ своихъ комнатахъ на верху.

Она была въ большомъ волненіи, Малашка съ такою увѣренностью утверждала, что отъ пріѣзжихъ узнается много новаго, что увѣренность эта, мало-по-малу, сообщилась и барышнѣ. Жгучее чувство страха и любопытства такъ мутило ей душу, что она ничѣмъ не могла заняться, ни на чемъ сосредоточить мысли и ходила какъ потерянная взадъ и впередъ по своимъ двумъ комнатамъ, вздрагивая при каждомъ шумѣ, въ ожиданіи для себя чего-то важнаго и роковаго.

А внизу между тѣмъ шло угощеніе гостей.

Еще въ началѣ обѣдни Ѳедосья Ивановна послала въ домъ гонца съ приказаніемъ скорѣе пирогъ съ капустой въ печь сажать, да курочекъ, штукъ пять-шесть, да гуська ощипать и зажарить, такъ что, когда приглашенные ею гости, Дормидонтъ Иванычъ съ матерью, попъ съ попадьей, дьяконъ съ дьяконицей, и два дьячка съ ихъ женами, проникли въ нижній этажъ дома, черезъ низенькую дверь чернаго хода (парадный стоялъ запертымъ со смерти Марѳы Григорьевны), длинный столъ въ большой комнатѣ, служившей теперь пріемной и столовой, былъ накрытъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и такъ тѣсно уставленъ всевозможными холодными и горячими кушаньями, бутылками и графинами, что не вдругъ можно было въ нихъ разобраться.

За другимъ столомъ, молоденькая Любаша, которую исподоволь Ѳедосья Ивановна готовила на должность ключницы, взамѣнъ одряхлѣвшей старой барышни, хлопотала у огромнаго пузатаго самовара. У этого стола размѣстился женскій полъ, а у другого съ настойками и закусками—мужчины. И тотчасъ повелась оживленная бесѣда про покойную барыню, Марѳу Григорьевну, и про то, какъ она помирала.

Пріѣзжіе весьма интересовались всѣми этими подробностями, разспрашивали, дивились, умилялись, и въ свою очередь разсказывали какъ ихъ господа помирали.

— Сперва умерла барыня Катерина Васильевна, а супругъ ейный Сергѣй Сергѣичъ преставился годковъ шесть послѣ того, какъ вашъ молодой баринъ Александръ Васильевичъ, у насъ въ Петербургѣ проявился,—объясняла Акулина.

При имени Александра Васильевича, подслушивавшая у дверей, съ другими дѣвушками, Малашка, насторожила уши.

— А часто бываетъ у васъ нашъ молодой баринъ?— спросила Ѳедосья Ивановна, принимая изъ рукъ Любаши налитую чашку.

— Господи! Первѣющій, можно сказать, гость у нашихъ господъ,—отвѣчала Акулина Савишна, покачивая головой и разводя руками.

И лизнувъ съ ложечки меду, она запила его глоткомъ чая съ блюдечка.

— Вашъ Александръ Васильевичъ съ нашими господами въ самыхъ, такъ сказать, пріятельскихъ отношеніяхъ состоитъ,— замѣтилъ ея сынъ.

— А какъ насчетъ ихъ пріѣзда въ наши палестины, ничего еще не извѣстно?—освѣдомился священникъ.

— Про то слуховъ у насъ въ домѣ не было, — сухо отвѣтилъ Дормидонтъ Иванычъ.

И круто свернувъ разговоръ на урожай пшеницы въ нынѣшнемъ году, далъ этимъ замѣтить, что не намѣренъ удовлетворять любопытство здѣшнихъ обитателей относительно молодого барина.

Но мать его оказалась сообщительнѣе и едва только духовные, откушавши, распростились и ушли, а управитель Морскаго отправился съ Митинькой и Самсонычемъ осматривать фабрику и ковровую, какъ между пріѣзжей и ея теткой завязалась бесѣда такого интимнаго свойства, что вначалѣ Акулина Савишна, каждую минуту съ безпокойствомъ оглядывалась на Варвару Петровну, сидѣвшую въ той же комнатѣ, на широкомъ диванѣ, и какъ всегда, послѣ сытной трапезы, сладко подремывавшую, сложивъ ручки на животѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но Ѳедосья Ивановна поспѣшила успокоить свою собесѣдницу.

— При нихъ можно о чемъ угодно говорить, все равно ничего не поймутъ, а если и поймутъ, то сейчасъ и забудутъ, — сказала она, махнувъ рукою въ сторону старой барышни и не подозрѣвая, что къ самой той двери, у которой сидѣла она съ своей гостьей, приложилась ухомъ Малашка и прислушивается съ напряженнымъ вниманіемъ къ каждому ихъ слову.

Раньше, Малашка съ прочими выглядывала изъ коридора, а когда гости, за исключеніемъ Акулины, ушли изъ столовой, и глазѣвшая на нихъ дворня тоже разбрелась кто куда, Малашка обѣжала кругомъ и черезъ комнату, обращенную въ кладовую для разной рухляди, проникла въ тотъ темный чуланъ, въ которомъ была заколоченная дверь въ столовую, какъ разъ у того мѣста, гдѣ на креслахъ размѣстились для бесѣды Ѳедосья Ивановна съ Акулиной.

Преинтересныя вещи услышала тутъ наперсница Марѳиньки.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ Д. М. ЛЕОНОВОЙ [1]).

VII.

Кончина матушки. — Вторичная поѣздка за границу. — Концерты въ Вѣнѣ и Парижѣ. — Приготовленія къ дебюту въ «Grande Opera». — Пожаръ этого театра. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Предложеніе Сѣтова. — Рѣшеніе ѣхать въ кругосвѣтное путешествіе. — Концерты въ Костромѣ. — Пріѣздъ въ Пермь. — Неожиданный отказъ піаниста Линева сопутствовать мнѣ въ путешествіи.

Такимъ образомъ, я распрощалась съ тѣмъ, что̀ мнѣ было такъ дорого! Но одна бѣда всегда ведетъ за собой другую: я разсталась со сценой и въ тотъ же годъ скончалась матушка. Съ этой смертью прекратилось все то, что̀ привязывало меня къ Петербургу, и я очутилась совершенно одинокой. Стремленіе же мое къ сценѣ разгоралось все болѣе и болѣе, и я чувствовала въ себѣ столько силъ, что рѣшилась поѣхать за границу—въ Вѣну, а потомъ Парижъ. Въ Вѣнѣ я дала концертъ въ залѣ консерваторіи; пѣла сочиненія русскихъ композиторовъ, также Шумана и Шуберта. Нѣмцы были въ восторгѣ. Всѣ газеты, безъ исключенія, даже враждебныя русскимъ, расточали мнѣ необычайныя похвалы.

Въ Парижъ я пріѣхала во время выставки и тамъ уже извѣстно было объ успѣхахъ моихъ въ Вѣнѣ, такъ какъ въ нѣсколькихъ газетахъ были переведены съ нѣмецкаго отзывы о моихъ концертахъ, и когда я пріѣхала, ко мнѣ явилась депутація съ просьбою пѣть въ концертѣ, въ пользу одной деревни близъ Парижа, которая пострадала отъ взрыва газа. Вся пресса была заинтересована этимъ концертомъ, въ которомъ участвовали пѣвцы и пѣ-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 326.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

вицы изъ «Grande Opera». Мой выборъ былъ также удаченъ: я пѣла русскія вещи и arioso «Ah, mon fils» изъ «Prophète». Французы приняли меня такъ, какъ я даже не ожидала, и мнѣ передавали, что въ фойе говорили, будто я напомнила французамъ ихъ знаменитую Альбони.

На другой день подтвердилось все это въ газетахъ. Мой голосъ, манеры, даже фигуру, сравнивали съ Альбони, и, наконецъ, предложили мнѣ дебютировать на театрѣ «Grande Opera». Я начала готовить на французскомъ языкѣ всю оперу «Prophète». У меня было два профессора—одинъ аккомпанировалъ мнѣ, а другой занимался со мною французскимъ языкомъ, передавалъ мнѣ всѣ его тонкости, и такъ какъ я была очень способная, то успѣхи мои рѣшительно поражали ихъ обоихъ. Они говорили мнѣ:

— Если вы владѣете еще и сценической игрой, то мы впередъ можемъ васъ поздравить съ тѣмъ, что вы будете имѣть громадный успѣхъ.

Конечно, я усердно работала, чтобы имѣть успѣхъ, и никто не подозрѣвалъ, что главной причиной тому было стремленіе доказать врагамъ моимъ силу мою этимъ дебютомъ въ Парижѣ. Но тутъ, какъ и много разъ въ теченіе артистической моей дѣятельности, нанесенъ былъ мнѣ судьбою совершенно неожиданный ударъ: наканунѣ того дня, когда назначена была мнѣ проба въ театрѣ «Grande Opera», я была на музыкальномъ вечерѣ у графини Шавони; возвращаясь въ каретѣ графини въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, я ѣду мимо «Grande Opera» и вижу въ окнахъ его пламя. И вотъ, почти на моихъ глазахъ, все это великолѣпное зданіе сгорѣло!

Никому не желаю испытать такую минуту! Не помню, какъ я пріѣхала домой, какъ вошла на лѣстницу, до такой степени поразило меня это зрѣлище.

Послѣ этого я еще прожила нѣсколько дней въ Парижѣ, въ надеждѣ не будетъ ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ открыта «Grande Opera», но оказалось, что ее закрыли на два года. Ждать было нечего и я отправилась обратно въ Россію, черезъ Варшаву, гдѣ дала два концерта.

Здѣсь встрѣтила я многихъ изъ нашего генералитета, которые только-что вернулись изъ Петербурга и говорили мнѣ, что были въ «Жизни за царя», но того Вани, котораго они такъ привыкли видѣть, теперь не видали. Лестныя для меня сужденія эти въ особенности были мнѣ дороги въ томъ томительномъ положеніи, въ которомъ я тогда находилась.

Изъ Варшавы заѣхала я въ Вильно, дала и тамъ два концерта. Вездѣ принимали меня горячо. Наконецъ, вернулась я въ Петербургъ и имѣла большую надежду, что послѣ успѣховъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, о которыхъ почти всѣ рецензіи перепечатаны были въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

петербургскихъ газетахъ, мнѣ предложатъ опять продолжать службу. Но дирекція упорно молчала. Я же съ своей стороны не находила возможнымъ предложить свои услуги на томъ основаніи, что тогда, по всей вѣроятности, могла бы разсчитывать еще на худшія условія, нежели у меня были прежде.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи жила я въ Петербургѣ и не знала, что̀ мнѣ дѣлать. Въ это время пріѣхалъ Сѣтовъ, который имѣлъ оперу въ Кіевѣ. Онъ предлагалъ мнѣ тысячъ семь, восемь, въ сезонъ, но я не приняла его предложенія. Оно казалось мнѣ такимъ мизернымъ противъ того, что могло быть. Я настолько чувствовала себя оскорбленной и столько сознавала въ себѣ силы для сценическихъ подмостковъ, что не могла помириться съ мыслью поступить куда-нибудь въ провинцію для того только, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; для меня этого было мало.

Вдругъ въ головѣ моей блеснула новая и смѣлая мысль. Задумала я думушку, которая не давала мнѣ покою ни днемъ, ни ночью, а именно: дай-ка возьму, да объѣду кругомъ свѣта.

Съ каждымъ днемъ эта мысль крѣпла у меня, поддерживаемая увѣренностью въ себѣ и сознаніемъ, что я въ силахъ привести ее въ исполненіе. Обдумывая, конечно, все, и взвѣшивая, я ставила судьбу свою и даже, можетъ быть, жизнь на карту. Нужно было все предусмотрѣть при составленіи плана путешествія. Я остановилась на слѣдующемъ: проѣхать черезъ всю Сибирь къ устью Амура, побывать въ Владивостокѣ, и затѣмъ проѣхать черезъ Китай, Японію и Америку. Я должна была приготовляться ко всему, даже къ гибели. Еслибъ я не обдумала этого вопроса глубоко со всѣхъ сторонъ, вѣроятно, я не рѣшилась бы на такое длинное и опасное путешествіе; но я пришла къ тому заключенію, что если вернусь благополучно, то это будетъ какъ бы возвращеніе съ побѣдой съ страшнаго поля сраженія, если же погибну, то значитъ такъ судьба велитъ. И я твердо рѣшилась ѣхать. Я сговорилась съ аккомпаніаторомъ Линевымъ, который для этого пріѣзжалъ изъ Вильно ко мнѣ. Мы покончили съ нимъ и онъ получилъ отъ меня деньги, чтобы пріѣхать прямо къ извѣстному времени въ Пермь. Я перевезла свое имущество въ Ораніенбаумъ, гдѣ у меня и по сіе время есть дача. Относительно денежнаго вопроса я не задумывалась, я разсчитывала на себя, хотя денегъ у меня было мало. Съ прощальнаго бенефиса моего прошло уже немало времени и, конечно, отъ поднесенныхъ мнѣ червонцевъ оставалось немного, потому что, когда я оставила службу, денегъ у меня не было, а долгу было тысячъ шесть, которыя нужно было заплатить, да немало также стоило мнѣ путешествіе за границу—жизнь въ Парижѣ, приготовленіе мое тамъ къ дебюту; всякій пойметъ, что все это требовало большихъ расходовъ. Не смотря на все это, я рѣшилась и въ половинѣ іюня 1874 года выѣхала изъ Петербурга.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Нѣкоторые изъ знакомыхъ, провожавшихъ меня на Николаевскую желѣзную дорогу, прощаясь спрашивали: «Вы задумали ѣхать вокругъ свѣта, сколько же взяли вы съ собой денегъ»?—«Въ настоящій моментъ,—отвѣчала я,—у меня есть только 400 руб.». Отвѣтъ мой немало удивилъ спрашивавшихъ, потому что отправляться въ путешествіе вокругъ свѣта съ 400 рублями въ карманѣ было, конечно, рисковано. Но мнѣ давали право рискнуть на это примѣры того, что когда я въ лѣтнія путешествія мои пріѣзжала куда-нибудь, въ какой бы то ни было городъ, вездѣ я встрѣчала такое сочувствіе, такой пріемъ и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи, что и теперь, съ твердой увѣренностью на свои силы, не задумалась привести въ исполненіе мой планъ.

Пріѣхавъ въ первый городъ, Рыбинскъ, я хотѣла устроить что-нибудь; но для этого не оказалось ни какой возможности: театръ протекалъ насквозь и потому я должна была продолжать путь въ Кострому. Когда пріѣхала туда, то изъ 400 руб. истрачено было уже болѣе половины. Въ Костромѣ я дала два концерта, которые прибавили нѣсколько сотенъ рублей и я могла ѣхать дальше. По пріѣздѣ въ Пермь, я, согласно условію, ожидала найти тамъ г. Линева; но вмѣсто себя, онъ прислалъ телеграмму съ отказомъ ѣхать со мной. Отказъ свой онъ мотивировалъ тѣмъ, что его сильно напугали этимъ путешествіемъ, что онъ даже опасается за свою жизнь и потому не можетъ ѣхать. Что мнѣ оставалось дѣлать? Ѣхать безъ піаниста? Я подумала, что если до сихъ поръ вездѣ находила музыкантовъ, которые мнѣ аккомпанировали, то, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ найду ихъ. Дѣйствительно, оно такъ и вышло. Отказъ же Линева сдѣлалъ мнѣ громадное сбереженіе. По условію, заключенному съ нимъ, въ теченіе путешествія, по моему разсчету, пришлось бы отдать ему тысячъ пятнадцать рублей.

VIII.

Пермь.—Кунгуръ.—Семейство Кузнецовыхъ.—Екатеринбургъ.—Необычайный успѣхъ моихъ концертовъ.—Постановка оперы «Трубадуръ».—Тюмень.—Концерты и овація въ Омскѣ.—Буранъ въ степи.—Землетрясеніе въ Барнаулѣ.—Томскъ.—Красноярскъ.—Подарокъ Кузнецова.—Концерты въ Иркутскѣ.—Тяжелая болѣзнь.—Байкалъ.—Маймачинъ.—Китайскій обѣдъ.—Чита.—Опасное приключеніе на дорогѣ.—Нерчинскъ.—Благовѣщенскъ.—Хабаровка.—Николаевскъ.—Аукціонъ моихъ вещей.—Уссури и Сунгача.—Бабочки, падающія съ неба.—Ловля рыбы.—Ссыльные китайцы.—На пароходѣ.—Владивостокъ.

Съ Перми началось мое путешествіе по Сибири. Я запаслась лишь немногими рекомендательными письмами, надѣясь, что мое имя достаточно извѣстно,—и не ошиблась. Гдѣ только появлялась я съ моей визитной карточкой, вездѣ двери мнѣ растворялись и вездѣ мѣстныя власти оказывали мнѣ вниманіе и дѣлали все, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

только отъ нихъ зависѣло въ мою пользу. Многіе слышавшіе меня въ Петербургѣ, съ восхищеніемъ припоминали свои впечатлѣнія, вынесенныя послѣ той, или другой оперы, въ которой я пѣла; находились и такіе, которые считали себя обязанными мнѣ потому, что окончили ученіе на суммы отъ концертовъ при моемъ участіи.

Могу сказать безъ хвастовства, что проѣздъ мой по Сибири былъ рядомъ тріумфовъ.

Девять концертовъ въ Перми дали мнѣ возможность ѣхать дальше и я направилась въ Екатеринбургъ.

По дорогѣ я заѣхала въ Кунгуръ. Здѣсь находилось семейство Кузнецовыхъ, которые пригласили меня остановиться у нихъ. Гостепріимство Кузнецова было истинно сибирское. Прелестно убранная зала отдана была въ мое распоряженіе, билеты быстро розданы, аккомпаніаторъ найденъ и, въ концѣ-концовъ, Кузнецовъ вручилъ мнѣ за два концерта солидную сумму. Найти все это въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Кунгуръ, было сверхъ моего ожиданія.

Въ Екатеринбургѣ разрѣшилась вся задача моего путешествія и разрѣшилась благопріятно для меня. Количество концертовъ было неожиданное. Даю одинъ, два, три—желаютъ еще, такъ, что по счету оказалось 17 концертовъ со сценами и пять разъ полная опера «Трубадуръ». Кромѣ того, послѣ пятаго представленія «Трубадура» ко мнѣ пріѣхали г. Нуровъ и г-жа Баландина [1]), и просили меня остаться еще на три представленія; но я должна была отказаться, потому-что тарантасъ мой былъ уже уложенъ. Кто путешествовалъ съ большою кладью, тотъ знаетъ, что значитъ уложить тарантасъ.

Разскажу какимъ образомъ «Трубадуръ» былъ поставленъ въ Екатеринбургѣ. Когда я стала давать эту оперу сценами, то явились любители, которые предложили поставить полную оперу. Оказалось, что имѣлся теноръ, баритонъ, басъ и сопрано, г-жа Маклецкая, взявшаяся готовить хоръ.

Пока разучивали хоры, я успѣла съѣздить въ Нижній-Тагилъ и Кушву.

Въ Нижнемъ-Тагилѣ мнѣ отвели помѣщеніе въ домѣ Демидова, которому собственно принадлежатъ эти заводы и рудники. Проживя здѣсь нѣсколько дней, я отдохнула, благодаря комфорту, который нашла въ этомъ домѣ. Напримѣръ, спальня отдѣлана была роскошно во французскомъ вкусѣ; утромъ, когда я выходила въ столовую, чай и завтракъ были сервировары на серебрѣ и у моего прибора красовался букетъ цвѣтовъ. Послѣ тѣхъ мученій, которыя терпѣли въ то время всѣ проѣзжавшіе отъ Перми до Екатеринбурга по ужасной дорогѣ, попасть въ такую обстановку казалось какимъ-то волшебствомъ.

---

[1]) Конечно, кто былъ въ Екатеринбургѣ, тотъ знаетъ, что эти дома отличаются своимъ гостепріимствомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Концертъ также устроился здѣсь какъ бы самъ собой и, кромѣ того, что доставилъ мнѣ порядочную сумму, пріемъ былъ особенно радушный. Общество было самое сердечное, меня чествовали, угощали и взяли съ меня слово, что на обратномъ пути изъ Кушвы я дамъ другой концертъ.

Кушва неболѣе, какъ простая, хотя и большая деревня. Меня ожидали и отвели мнѣ особенный домикъ, хотя нероскошный, но все въ немъ было чисто и хорошо. Здѣсь также устроили концертъ. Конечно, вся интелегенція Кушвы была въ концертѣ. Кромѣ того, устроены были въ честь меня три вечера. Въ этомъ уголкѣ, на окраинѣ европейской Россіи, сдѣланъ былъ мнѣ такой радушный пріемъ, что я никогда не забуду его.

Когда я уѣзжала изъ Кушвы, мнѣ было необыкновенно грустно; во всякомъ другомъ городѣ, прощаясь, приходило все-таки въ голову—почемъ знать, быть можетъ, и въ другой разъ еще побываю, но здѣсь, я чувствовала, что прощаюсь навсегда съ радушными, добрыми людьми этой далекой, какъ будто невѣдомой страны [1]).

Отсюда я возвратилась въ Нижній-Тагилъ. Тамъ все уже было готово для второго концерта. На другой день послѣ него сдѣланъ былъ въ громадной залѣ обѣдъ. Вся зала уставлена была цвѣтами, шампанское лилось рѣкой за мое здоровье, при чемъ выражались пожеланія хорошаго пути и т. д.

По возвращеніи въ Екатеринбургъ, я нашла, что дѣло мое кипѣло: хоры были почти уже выучены, артисты-любители готовы. Начинались репетиціи «Трубадура», а затѣмъ спектакли, пять подъ рядъ (не болѣе какъ черезъ день) и каждый разъ театръ полонъ.

Всѣ пять спектаклей сошли замѣчательно удачно—для такого города какъ Екатеринбургъ. Капельмейстеръ былъ италіанецъ, оркестръ прекрасный. Костюмовъ, правда, не оказалось, но мы съумѣли все сдѣлать эффектно и дешево. Коленкоръ и манчестеръ играли у насъ роль шелковыхъ матерій. Перья для шляпъ, и бѣлыя и сѣрыя, дѣлались изъ бумаги и т. д.

Между тѣмъ, начались порядочные морозы и сталъ выпадать снѣжокъ; былъ конецъ октября. Въ Тюмени, гдѣ я дала два концерта приходилось позаботиться о возкѣ, потому что санная дорога устанавливалась. Пріискать для меня возокъ было дѣло нелегкое; чтобы сохранить мой голосъ въ холода, которые должны были все усиливаться, надо было пріискать возокъ съ наибольшими удобствами. Но когда судьба начнетъ покровительствовать человѣку, то ему удается все,—такъ было и въ этомъ случаѣ. Мнѣ сообщили, что продается сдѣланный для выставки въ Москву, но опоздавшій на нее какой-то особенный возокъ. При осмотрѣ, онъ

[1]) Теперь черезъ Нижній-Тагилъ и Кушву проходитъ желѣзная дорога, о чемъ тогда и помышленія не было.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

оказался просто чудомъ по удобству и по отдѣлкѣ. Сверху онъ былъ обтянутъ лосиной кожей, окна опушены медвѣдемъ; двойныя отводины, сдѣланныя такимъ образомъ, что возокъ не могъ опрокинуться; внутри обитъ синимъ репсомъ; ручки, крючки, кнопки изъ слоновой кости; внутри два фонаря и зеркало; рамы двойныя. Однимъ словомъ, я нашла всевозможныя приспособленія для удобства и предохраненія отъ холода, какъ будто возокъ былъ заказанъ нарочно для меня. Стоилъ онъ 350 рублей. Тарантасъ мой приняли за 150 рублей, такъ что мнѣ пришлось доплатить всего 200 рублей. Въ Иркутскѣ же, когда я пріѣхала туда и возокъ оказался мнѣ ненужнымъ, мнѣ дали за него, не спрашивая цѣны, 750 рублей.

Выѣхавъ изъ Тюмени въ такомъ роскошномъ возкѣ по первопутку, я благополучно пріѣхала въ Омскъ. Генералъ-губернаторомъ Западной Сибири былъ тогда генералъ-адъютантъ Казнаковъ. Я сдѣлала всѣмъ визиты и получила ихъ обратно. Въ это время здѣсь происходило открытіе театра. Генералъ-губернаторъ ввелъ меня въ свою ложу и этимъ обратилъ общее вниманіе на меня.

Послѣ второго акта раздавались афиши на мой концертъ и того, кто раздавалъ ихъ, буквально сбили съ ногъ. Въ афишахъ было сказано, что билеты можно получать на слѣдующій день съ 9-ти часовъ утра въ гостинницѣ, гдѣ я остановилась. Съ 8-ми часовъ публика уже осадила гостинницу и произошла страшная давка.

Я дала шесть концертовъ. Въ послѣдній, для прощанья, я назначила между прочими вещами мазурку Контскаго и изъ «Жизни за царя»—«Бѣдный конь въ полѣ палъ»—изъ четвертаго акта. Въ Омскѣ было очень много ссыльныхъ поляковъ и они такъ обрадовались, услышавъ свой національный танецъ—мазурку, что устроили мнѣ цѣлую овацію. Во второмъ отдѣленіи, когда я стала пѣть изъ «Жизни за царя» со стороны русскихъ явилось какъ будто соревнованіе въ выраженіи восторга, и я должна была повторить всю арію по требованію публики. Не помню, чтобъ когда-нибудь еще принимали меня съ такимъ восторгомъ; зала буквально дрожала отъ рукоплесканій и криковъ.

Въ промежуткахъ между концертами я была приглашаема на разные вечера къ тамошней аристократіи.

Проводы мои изъ Омска были самые радушные. Мнѣ надавали, по обычаю сибиряковъ, цѣлую массу провизіи на дорогу. Кадку замороженныхъ щей по тарелкамъ, такъ что можно было удобно разогрѣвать ихъ, пельменей, жареныхъ пулярдокъ, разныхъ винъ, и много другого въ этомъ родѣ, такъ что некуда было класть. Гостепріимство сибиряковъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, выразилось въ полной силѣ.

По выѣздѣ моемъ изъ Омска, пошелъ сильный снѣгъ съ вѣтромъ и на слѣдующей же станціи ямщики совѣтывали мнѣ по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

временить: «Такой снѣгъ,—говорили они,—и видно что-то готовится, а ѣхать степью, гдѣ только одинъ кустарникъ». Но я очень торопилась, хотѣлось подвигаться все дальше и дальше и такъ какъ я была не одна, а съ спутникомъ, то и рѣшилась ѣхать. Возокъ былъ запряженъ четверкой лошадей, переѣздъ предстоялъ въ 26 верстъ. Ѣхали, ѣхали, вдругъ останавливаемся на половинѣ дороги. Ямщикъ хлещетъ лошадей, возокъ ни съ мѣста. Съ четверть часа бился онъ такимъ образомъ, наконецъ, подходитъ, отворяетъ дверцу и говоритъ: «Вылѣзай баринъ и барыня». Мы самымъ покорнымъ образомъ исполнили его требованіе. Вѣтеръ валитъ съ ногъ, снѣгъ засыпаетъ глаза, ураганъ страшный, мететъ такъ, что на аршинъ отъ себя ничего не видно. Далѣе послѣдовало новое приказаніе ямщика: «Ты баринъ держи возжи, я буду хлестать лошадей, а ты барыня иди сзади подпирай возокъ». Мы безпрекословно исполнили его приказаніе, думая, что все это, наконецъ, поможетъ. Но не смотря на всѣ старанія, мы не двигаемся съ мѣста. Насколько теперь это кажется смѣшнымъ, настолько тогда было печально. Мы спрашиваемъ, что теперь дѣлать? Ямщикъ, не желая даже отвѣчать, поступаетъ самостоятельно: откладываетъ лошадей, садится на одну изъ нихъ, другихъ беретъ за поводъ и объявляетъ, что приведетъ новыхъ лошадей съ людьми, чтобы стащить возокъ. Такимъ образомъ, мы остались одни среди степи и въ величайшемъ страхѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ было извѣстно, мѣстные киргизы не рѣдко нападали на проѣзжающихъ, пользуясь подобными случаями. Но дѣлать было нечего, надо было покориться необходимости и ждать.

Для предохраненія отъ холода я выпила вина, благо оно со мной было. Я стояла съ одной стороны возка съ револьверомъ въ рукахъ, съ другой стороны мой спутникъ. Ждемъ часъ, два, прождали часа четыре, утѣшаясь тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что такъ какъ возокъ въ теченіе этого времени почти совершенно занесло снѣгомъ, то уже можно было менѣе опасаться нападенія; но невольно закрадывалось сомнѣніе—найдетъ ли насъ ямщикъ. Наконецъ, часа въ три ночи послышались голоса. Въ первую минуту сдѣлалось страшно и вмѣстѣ явилась надежда. Наконецъ, о радость—видимъ лошадей и людей! Начинаются переговоры. Просятъ 25 руб., чтобы вытащить возокъ. Конечно, я спѣшу отвѣчать: «Отрывайте, и сейчасъ же получите деньги». Они требуютъ деньги впередъ. Хотя я и не довѣряла имъ вполнѣ, но приходилось согласиться на условія. Дѣйствительно, не легко было стащить возокъ. Запрягли шестерку лошадей и шесть человѣкъ толкали возокъ сзади, но онъ ни съ мѣста. Полозья такъ врѣзались въ землю, что пришлось опять отпрягать лошадей, отрывать полозья и подложить подъ нихъ жердь. Тогда только шестеркой лошадей сдвинули наконецъ возокъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мы пріѣхали на станцію, когда начало уже свѣтать, и были счастливы, что могли отдохнуть и уснуть.

Не помню сколько станцій надо было проѣхать до поворота на Барнаулъ. И мѣстность, и способы ѣзды здѣсь уже другіе. Лошадей запрягаютъ не въ рядъ, а гусемъ, т. е. одна лошадь впереди другой, ямщикъ на козлахъ, а на третьей лошади форейторъ. Любопытно, что переднія лошади иногда сворачиваютъ какъ имъ вздумается и тогда приходится направлять ихъ на дорогу. Лошади замѣчательно послушны. На одной станціи говорятъ мнѣ, что будутъ ныочки, по нашему ухабы. Эти ныочки до сей минуты не могу забыть. Они были таковы, что возокъ то нырнетъ совершенно въ яму, такъ что его даже невидно, то опять вынырнетъ и снова исчезнетъ. Благодатная страна. Дичи несмѣтное множество; куропатки летали у ногъ лошадей, а по сторонамъ дороги на елкахъ я замѣтила массу тетеревей, которыхъ можно было считать не сотнями, а тысячами.

Мы въѣхали въ Барнаулъ, когда уже темнѣло. Гостинницъ здѣсь нѣтъ и проѣзжающіе должны останавливаться въ меблированныхъ комнатахъ, устроенныхъ болѣе домашнимъ образомъ, нежели обыкновенныя гостинницы.

Попавъ въ теплую комнату послѣ такой мучительной дороги, всего болѣе желательно было добраться скорѣе до постели и уснуть. И что же? Только-что думала я успокоиться, вдругъ слышу такой страшный гулъ, что, казалось, цѣлый городъ готовъ былъ провалиться. Стоявшіе на столѣ стаканъ и свѣча закачались. Вскакиваю въ испугѣ, бѣгу изъ комнаты, хочу спросить, что это такое! Вездѣ все заперто, темнота, всѣ спятъ. Испугъ мой былъ такъ великъ, что я просидѣла до самаго утра, не ложась спать, ожидая, что повторится то же самое. Утромъ, когда всѣ встали, я спросила, что случилось? мнѣ объяснили, что было землетрясеніе, но для мѣстныхъ жителей это было обыкновенное явленіе, и они остались совершенно спокойны.

На другой же день поѣхала я съ визитами. Конечно, прежде всего къ главному начальнику города, который предложилъ мнѣ помѣщеніе у себя; но я, поблагодаривъ, отказалась, на томъ основаніи, что всѣ костюмы и вещи мои были уже разложены и складывать все это—ужасная возня. Концертъ устроился очень скоро. Замѣчателенъ былъ выѣздъ мой на первую репетицію. Морозъ дошелъ до 40°. Выхожу, чтобы ѣхать и чувствую, что отъ холода не могу дохнуть. Но Барнаульское общество было такъ предупредительно, что, предвидя не привычку мою къ такимъ морозамъ, приготовило для меня у подъѣзда четыре кареты, такъ что мнѣ оставалось только выбрать. Кромѣ того, возвратившись съ репетиціи, я не узнала своей гостиной. Вмѣсто простыхъ стульевъ нашла я роскошную бархатную мебель, всѣ комнаты установлены

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

были цвѣтами, великолѣпный коверъ, прелестный чайный сервизъ. Неожиданность такой любезности, такого вниманія, поразили меня въ высшей степени.

Концерты со сценами приводили публику въ восторгъ и всѣ наперерывъ приглашали меня на вечера и обѣды. Доходило до того, что я принуждена была въ одномъ семействѣ завтракать, а въ двухъ другихъ обѣдать, въ 12 часовъ, въ 3 и въ 6, и непремѣнно должна была вездѣ успѣвать, иначе могла оскорбить ту, или другую семью.

Въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Барнаулъ, удалось мнѣ дать шесть концертовъ.

Передъ отъѣздомъ устроенъ былъ въ честь меня главнымъ инженеромъ большой прощальный вечеръ. Вернувшись съ вечера, я уложилась и въ 6 часовъ утра покинула Барнаулъ, направляясь въ Томскъ. Морозы въ эти дни были страшные и доходили до 45°.

Я пріѣхала въ Томскъ въ первый день Рождества и на слѣдующій день сдѣлала визиты. Меня всюду принимали съ необычайнымъ, чисто сибирскимъ, радушіемъ. На концертахъ восторгъ публики былъ неописанный. Въ одномъ изъ нихъ присутствовало нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которые по своему отдавали мнѣ честь. Когда мнѣ аплодировали и я кланялась, они вставали съ своихъ мѣстъ и также кланялись. Мнѣ пришлось дать въ Томскѣ одиннадцать концертовъ со сценами, частію въ театрѣ, причемъ я получила много разныхъ подарковъ и, между прочимъ, отъ г. Цибульскаго слитокъ золота. Въ Томскѣ я пробыла недѣли три, и, послѣ самыхъ искреннихъ проводовъ, направила путь свой далѣе.

Пріѣхавъ въ Красноярскъ, я, конечно, прежде всего познакомилась со всѣми властями города и съ семьею богача П. И. Кузнецова, была обласкана имъ и получила отъ него роскошный подарокъ— нѣсколько десятковъ превосходныхъ черныхъ соболей, поднесенныхъ мнѣ оригинальнымъ образомъ: когда меня пригласили обѣдать и я пришла къ столу, щи уже были налиты, а моя тарелка обложена кругомъ соболями, для того, сказалъ мнѣ хозяинъ, чтобы щи не простыли. Здѣсь я дала всего шесть концертовъ со сценами, такъ какъ городъ Красноярскъ небольшой; но пріемъ, оказанный мнѣ въ немъ, былъ таковъ, что останется навсегда въ моей памяти. Когда я уѣзжала, то всѣ старались чѣмъ-нибудь выразить мнѣ свое радушіе и расположеніе, почти каждый снабдилъ меня на дорогу — кто пельменями, кто индѣйками, кто необыкновенно вкусными пирожками и булочками, и, наконецъ, одна купчиха прислала мнѣ, чтобы закутать потеплѣе ноги, цѣлый соболій мѣхъ.

Февраль мѣсяцъ подходилъ уже къ концу; но морозы все еще продолжались. Пріѣхавъ въ Иркутскъ, я тотчасъ же переодѣлась и поѣхала къ генералъ-губернатору Восточной Сибири барону Фри-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дериксу съ письмами, которыя имѣла изъ Петербурга отъ очень важныхъ лицъ. Генералъ-губернаторъ очень ласково принялъ меня, какъ уже извѣстную ему по Петербургу артистку, и по письмамъ, которыя я передала ему. Онъ спросилъ меня, гдѣ я желаю начать свои концерты, въ собраніи, или въ театрѣ. Я выразила желаніе дать первый концертъ въ собраніи. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что самъ заѣдетъ въ собраніе и посмотритъ какъ и что надо будетъ сдѣлать. Въ условленный часъ я пріѣхала и баронъ былъ настолько любезенъ, что самъ размѣрялъ, сколько станетъ стульевъ въ первомъ ряду и т. д. Когда сосчитали сумму сбора, который могъ дать первый концертъ, въ три тысячи рублей, баронъ Фридериксъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: довольно ли? я замѣтила, что нахожу цѣны слишкомъ дорогими. Тогда онъ спросилъ полиціймейстера, будетъ ли полно? Тотъ отвѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, что желаніе публики посѣтить концертъ такъ велико, что будь мѣста вдвое дороже и то собраніе было бы полно. Отвѣтъ его оправдался. Когда открыли кассу въ 9-ть часовъ, то къ 11-ти уже не осталось ни одного билета.

Генералъ-губернаторъ совѣтывалъ мнѣ сойтись съ театромъ, такъ какъ наступила масляница и я, взявъ театръ по 400 рублей за спектакль, въ теченіе недѣли могла имѣть 3,200 рублей. Такъ я и сдѣлала. Кромѣ того, мнѣ было предоставлено право давать концерты въ театрѣ въ теченіе всего поста.

Но тутъ меня постигло несчастіе: передъ послѣднимъ спектаклемъ, когда ставили «Русскую Свадьбу», я почувствовала простуду. Исполняла я роль боярина Хрущева. Хочу взять ноту и не могу,— голосъ пропалъ совершенно. Я получила страшный бронхитъ и, вмѣсто того, чтобы въ теченіе всего великаго поста давать концерты, прохворала вплоть до мая мѣсяца. Всѣ лучшіе иркутскіе доктора терялись и думали, что я должна погибнуть. Я была въ большой опасности и вся интелегенція Иркутска была озабочена тѣмъ, чтобы спасти меня во чтобы то ни стало. Говорили: «Сохрани Богъ, если она здѣсь умретъ, первый разъ такая артистка заѣхала въ Сибирь, и будетъ настоящимъ пятномъ для сибиряковъ, если мы не спасемъ ее». Дѣйствительно, заботы обо мнѣ и уходъ были таковы, что, можетъ быть, благодаря именно этому я осталась жива; въ то же время еще двѣ барыни захворали бронхитомъ и обѣ умерли. Ко мнѣ приглашали телеграммами изъ другихъ городовъ врачей, которые почему-нибудь считались особенно хорошими. Такъ дотянули меня до мая. Мнѣ ужасно хотѣлось передъ отъѣздомъ дать прощальный концертъ. Конечно, я была еще очень слаба, но концертъ все-таки состоялся съ участіемъ любителей. Публика была такъ благосклонна, что осыпала меня подарками. Между прочими вещами, мнѣ поднесли: браслетъ, брошь, соболей на шубу, серебряный чайный сервизъ. Здѣсь я продала

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мой прелестный возокъ и пріобрѣла тарантасъ. Доктора объявили, что послѣ такого бронхита возможно ѣхать только за Байкалъ.

Кто бывалъ въ Сибири, тотъ знаетъ Байкалъ. Тамошніе жители обижаются, когда его называютъ озеромъ и сами зовутъ его моремъ. Оно имѣетъ ту особенность, что во время бурь ни одинъ пароходъ не можетъ пристать къ берегу и долженъ находиться въ открытой водѣ, чтобы не быть разбитымъ. Озеро это можно назвать бездоннымъ котломъ, сколько разъ ни пробовали измѣрять его глубину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но не могли достать дна; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ тамъ. Бурность озера внушаетъ такой суевѣрный страхъ въ туземцахъ, что они называютъ его Святымъ моремъ и передаютъ о немъ множество разныхъ легендъ. Байкалъ отстоитъ отъ Иркутска въ 60 верстахъ. Дорога къ нему идетъ по берегу быстрой, необыкновенно красивой по чистотѣ воды и живописности береговъ Ангарѣ. Она вытекаетъ изъ озера, черезъ пороги, за которыми открывается громадная масса водъ озера. До станціи Лиственичной на Байкалѣ, гдѣ находится пристань, меня провожали въ нѣсколькихъ экипажахъ. Пароходъ отходилъ въ 4 или 5 часовъ утра. Все общество дожидалось, когда я сяду на пароходъ, и оставалось на берегу, пока онъ не скрылся изъ виду, при чемъ мы взаимно размѣнивались привѣтствіями.

Переѣздъ черезъ Байкалъ былъ удачный. За озеромъ все уже было покрыто зеленью. Мы направили свой путь въ Кяхту. Наступило лѣто, а съ нимъ страшные жары. Казалось, что о концертахъ не могло быть и рѣчи. Вся Кяхта перебралась на дачи по рѣчкамъ Кирону и Чикою. Здѣсь же мнѣ предложили и дачу. Я дала два концерта за городомъ и два въ городѣ.

Гостепріимство оказывалось мнѣ чрезвычайное. Между прочимъ, въ пограничномъ китайскомъ городѣ Маймачинѣ мнѣ устроили у китайцевъ настоящій китайскій обѣдъ. Особенность его заключалась въ томъ, что на большомъ столѣ поставлено было, въ маленькихъ блюдечкахъ, сто перемѣнъ разныхъ кушаньевъ. Замѣчателенъ былъ поросенокъ, зажаренный особеннымъ образомъ и поданный цѣликомъ на большомъ блюдѣ. Мнѣ потомъ показывали, какъ цѣлый поросенокъ протыкается вертеломъ и человѣкъ двѣнадцать китайцевъ поворачиваютъ его и въ то же время опахиваютъ вѣерами, для того, чтобы жаръ попадалъ на него ровно; корочка у такого поросенка выходитъ необычайно вкусная. На обѣдѣ, мнѣ было подарено нѣсколько вазъ и китайскій альбомъ. Въ Маймачинѣ мнѣ показывали національный китайскій театръ. Оркестръ составляли: дудки, цимбалы, разные струнные инструменты, бубенъ и т. п., каждый музыкантъ дудилъ, или билъ въ свой инструментъ какъ попало. Хаосъ выходилъ невообразимый. При этомъ, на сценѣ актеры страшнымъ образомъ ломались.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда я очутилась на воздухѣ, то почувствовала, что меня точно выпустили изъ какого-то ада.

На другой день я покинула Кяхту и направилась въ Читу.

Здѣсь мнѣ была приготовлена квартира у адъютанта военнаго губернатора Забайкальской области, Педашенко. На другой день я поѣхала съ визитомъ къ губернатору, который меня зналъ еще по Петербургу. Встрѣча была радушная и, конечно, тотчасъ же было устроено все для концерта. Черезъ два дня состоялся концертъ, а на другой день, по просьбѣ публики, второй, въ небольшомъ театрѣ этого миніатюрнаго городка. Въ ложахъ и партерѣ преобладалъ военный элементъ, что меня необыкновенно обрадовало, напоминая Петербургъ, тѣмъ болѣе, что нашлось много знакомыхъ офицеровъ. Пріемъ мнѣ былъ, можно сказать, тріумфальный. Одинъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ даже поѣхалъ со мной до Нерчинска, чтобы еще разъ услышать мое пѣніе.

Изъ переѣзда моего отъ Кяхты до Нерчинска въ моей памяти остался одинъ случай: передъ Нерчинскомъ есть громадныя горы. Проѣзжая черезъ нихъ, меня чуть было не постигло большое несчастіе: тарантасъ, запряженный четверкой лошадей, тащился на самую крутую изъ этихъ горъ, кажется седьмую. Была ночь. Вдругъ, ямщикъ соскакиваетъ съ козелъ, замѣтивъ, что лошади пятятся назадъ. Читатель, конечно, знаетъ, какая угрожаетъ опасность, когда лошади не могутъ сдержать экипажъ въ гору; бывали примѣры, что и лошади и тарантасъ летѣли въ такомъ случаѣ кувыркомъ съ горы. Предвидя опасность, я вскакиваю со своего мѣста, хватаю возжи, неистово кричу (вотъ тутъ мой голосъ пригодился), беру немного вправо, потомъ влѣво; лошади напрягаютъ всѣ силы, втаскиваютъ экипажъ на вершину горы и останавливаются. Подходитъ ямщикъ и говоритъ: «Вотъ такъ барыня, спасла себя и лошадей!» Когда приходилось мнѣ разсказывать кому-нибудь объ этомъ случаѣ, то всѣ говорили, что не поступи я такъ энергично, со мною могло бы произойти большое несчастіе.

Въ Нерчинскѣ существовало отдѣленіе Музыкальнаго Общества подъ покровительствомъ извѣстнаго Бутина, любителя искусствъ и литературы. Онъ же предложилъ мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Нерчинскъ помѣщеніе у себя. Признаюсь, что когда я взошла въ квартиру, назначенную мнѣ, то испытала ощущеніе, которое уже давно не приходилось испытывать. Мнѣ отданы были двѣ роскошно меблированныя комнаты съ балкономъ въ садъ, который могъ сравниться только съ самыми замѣчательными садами Европы. Весь въ цвѣтахъ, растенія теплаго климата, даже тропическія, какъ, напримѣръ, лавръ, потомъ кедры, лиственницы; однимъ словомъ собраніе европейскихъ и азіатскихъ растеній. Здѣсь я оставалась двѣ недѣли, и дала четыре концерта. Въ маленькой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

консерваторіи Бутина оркестръ былъ настолько хорошъ, что могъ мнѣ аккомпанировать всю сцену изъ «Жизни за царя», также изъ «Рогнѣды» и «Пророка». Нельзя передать всего восторга, который пришелся на мою долю въ Нерчинскѣ, потому что публика услыхала пѣніе мое подъ аккомпаниментъ оркестра. Впечатлѣніе было такое, что мой портретъ повѣсили на вѣчныя времена въ залахъ Музыкальнаго Общества, а отъ оркестра мнѣ былъ поднесенъ вѣнокъ и фотографія всего оркестра, собственно для меня сдѣланная. Такая же группа поднесена была мнѣ въ Екатеринбургѣ отъ оркестра. Обѣ эти группы хранятся у меня, какъ пріятное воспоминаніе.

Г. Бутину желательно было оказать мнѣ особое вниманіе, и онъ предложилъ мнѣ поѣхать на его золотые пріиски, что было также весьма интересно. Поѣздка эта запечатлѣлась глубоко въ моей памяти. Ѣзды было часовъ двѣнадцать, дорога, можно сказать, непроходимая. Громадный лѣсъ изъ разнообразныхъ видовъ деревьевъ, мѣстами повалившихся съ торчащими корнями и переломанными вѣтвями, а рядомъ съ ними свѣжія молоденькія лиственницы и сосны съ нѣжной зеленью. Мѣстность гористая съ крутыми обрывами и узкими ложбинками, изрытыми ручьями. Этотъ лѣсъ не можетъ не остаться въ памяти того, кто разъ его видѣлъ, и онъ долженъ восхитить всякаго, не смотря на свою дикость.

Наконецъ, показался роскошный домикъ въ этой страшной глуши. Подъѣзжаемъ, передъ глазами открывается прекрасная площадь, покрытая всевозможными машинами. Входимъ въ домъ, гдѣ уже все было приготовлено къ нашей встрѣчѣ,—обстановка и удобства заставляли забывать, что мы находимся въ тайгѣ. На другой день пошли осматривать рудники, гдѣ добывается золото. При мнѣ какъ разъ былъ сдѣланъ опытъ: громадная машина подняла массу земли, изъ которой внизу получилось небольшое количество чего-то, оказавшагося кусочками чистаго золота. Въ числѣ этихъ кусочковъ попался на этотъ разъ одинъ, въ видѣ брелока, который и былъ мнѣ поднесенъ.

Я прогостила здѣсь четыре или пять дней. Время шло незамѣтно: придумывались всевозможныя прогулки съ обѣдами и завтраками, въ окрестностяхъ пріиска.

Возвратившись съ пріиска въ Нерчинскъ, я начала собираться на Амуръ. Тарантасъ, въ которомъ я пріѣхала, былъ купленъ Бутинымъ. Но я доѣхала въ этомъ тарантасѣ до Амура, а потомъ уже онъ возвращенъ былъ владѣльцу. Я не могла нарадоваться, что разстаюсь съ тарантасомъ и сажусь на пароходъ; но радость эта продолжалась недолго. Тотчасъ же пошли разсказы объ опасностяхъ, потому что пароходы здѣсь очень стары и такъ непрочны, что дно ихъ называется тюлевымъ отъ множества заплатокъ; которыя приходится часто дѣлать, потому что безпрестанно попадаются подводные камни, пробивающіе дно парохода.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Общество пароходства такъ было внимательно ко мнѣ, что поднесло безплатные билеты на весь путь.

Пароходъ отвалилъ и глазамъ нашимъ представился великолѣпный видъ: берега высоты необычайной; горы съ зубчатыми вершинами, покрытыя роскошной зеленью. Однимъ словомъ картина красоты и дикости невообразимой.

Скоро я познакомилась съ обществомъ, находившимся на пароходѣ, и между прочимъ съ ѣхавшимъ съ нами губернаторомъ города Благовѣщенска. Онъ спросилъ меня намѣрена ли я остановиться въ Благовѣщенскѣ. Я отвѣчала, что билеты мнѣ выданы прямо до Николаевска и потому трудно будетъ это сдѣлать. Онъ замѣтилъ, что проѣхать Благовѣщенскъ будетъ просто грѣхъ.

— Дайте мнѣ согласіе,—сказалъ онъ,—и я устрою все.

Онъ предложилъ мнѣ свою залу, послалъ телеграмму, чтобы приготовили для концерта все, что было нужно. Пароходъ приходитъ въ Благовѣщенскъ въ четыре часа по полудни и стоитъ до часа ночи, такъ что я успѣла дать концертъ. Одѣвшись на пароходѣ, я отправилась прямо пѣть. Очистилось мнѣ 600 рублей. Концертъ кончился въ 11 часовъ, послѣ чего губернаторъ угостилъ меня ужиномъ, и я успѣла вернуться на пароходъ вовремя, чтобы продолжать свой путь.

Слѣдующая станція была Хабаровка. Хотя мѣстечко это въ родѣ деревни, но тамъ живетъ много служащихъ, которые просили меня дать концертъ. Я остановилась у извѣстнаго мѣховщика Плюснина, который поднесъ мнѣ въ концертѣ сорокъ соболей.

Изъ Хабаровки я направила свой путь въ Николаевскъ. Тамъ особенно обрадовались мнѣ моряки, которые знали меня по Кронштадту. Заранѣе еще отведена была мнѣ квартира въ одномъ семействѣ. Тутъ я чувствовала себя такъ, какъ будто пріѣхала въ родное мѣсто. Я дала четыре концерта, сопровождавшіеся всевозможными овaціями. Мнѣ опять поднесли соболей и восторги были такъ сильны, что губернаторъ сказалъ мнѣ:

— Разсказывайте, матушка Дарья Михайловна, какъ мы васъ здѣсь чествуемъ!

Такъ какъ это былъ почти предѣлъ путешествію моему по Сибири, и туалетъ мой, отъ многочисленныхъ концертовъ, значительно уже поблекъ, то опытные люди посовѣтывали мнѣ сдѣлать аукціонъ. Нечего говорить, какую цѣну давали за крупныя вещи, лишь бы имѣть что-нибудь отъ меня; для примѣра скажу, что цвѣтокъ, за который было назначено 50 коп., доходилъ до десяти рублей.

Мнѣ хотѣлось переѣхать въ Японію прямо изъ Николаевска, но моряки посовѣтывали, чтобы я сѣла на морской пароходъ изъ Владивостока, такъ какъ настоящихъ рейсовъ отсюда не было и меня могли завести въ Камчатку. Поэтому я изъ Николаевска

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вернулась на Хабаровку, гдѣ меня упросили дать еще два концерта. Отсюда пароходъ по Уссури отходитъ нѣсколько разъ въ недѣлю.

Мнѣ разсказывали еще раньше, чему я не вѣрила, будто бы въ Уссури столько какой-то большой рыбы, что она вскакиваетъ въ каюту. Теперь, проѣзжая здѣсь, я была сама очевидицей этого: къ пароходу привязана была маленькая лодочка и отъ движенія пароходнаго колеса двѣ громадныя рыбы очутились въ лодочкѣ. Онѣ были такъ велики, что ихъ достало на обѣдъ для всѣхъ, бывшихъ на пароходѣ. Рыба эта, розовая, похожа на нашу лососину, даже вкуснѣе; тамъ же она ни во что не цѣнится. Мѣстные жители почему-то не ѣдятъ эту рыбу и потому на берегу ее нельзя найти. Ее здѣсь такое множество, что когда бываетъ ходъ этой рыбы, разъ или два въ году, то пароходъ едва можетъ проходить, потому что колеса задѣваютъ за рыбу.

Рѣка Уссури не широка, по берегамъ ея тянется лѣсъ, состоящій изъ краснаго, чернаго, орѣховаго и тому подобныхъ деревьевъ. Этимъ-то драгоцѣннымъ деревомъ казаки топятъ печи. Въ Уссури впадаетъ узенькая рѣчка Сунгача. Подобной рѣчки, вѣроятно, нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ. Напримѣръ: по прямому направленію до какого-нибудь мѣста не болѣе 70—80 верстъ, а по Сунгачи верстъ триста, до того она извилиста. Ѣдешь верстъ тридцать и черезъ часъ, полтора, оказывается, что подъѣзжаешь къ тому же мѣсту, только съ другой стороны. Мѣстность здѣсь совершеннно непроходимая, дикая. По берегамъ цвѣтетъ викторія; черепахи, величиною въ $^1/_2$, въ $^3/_4$ аршина, бросаются въ воду заслыша пароходъ; или вдругъ на берегу появляется стадо дикихъ козъ, которыя, испугавшись парохода, бросаются прочь.

Картина удивительная! Рѣчка Сунгача впадаетъ въ озеро Хонькау. Подъѣзжая къ озеру мы были свидѣтелями страннаго явленія: набѣгаетъ туча и изъ нея падаетъ что-то въ родѣ небольшихъ бѣлыхъ бабочекъ. Первый моментъ послѣ паденія онѣ живы, а черезъ секунду уже мертвыя. И такое ихъ множество, что на пароходѣ образовался изъ нихъ, въ нѣсколько минутъ, слой въ два-три вершка, имѣвшій видъ мокраго снѣга. Когда это странное явленіе стихло и стали мести палубу, то все это обратилось въ бѣлую слизистую массу. Затѣмъ наступила ясная погода. Мы занялись рыбной ловлей. Пароходъ былъ очень маленькій и капитанъ посовѣтывалъ намъ испытать, какъ легко можетъ ловиться здѣсь рыба. Удочку устроивали такъ: брали простой гвоздь, конецъ котораго загибали; крюкъ этотъ привязывали на веревочку и надѣвали кусочекъ хлѣба. Рыба ловилась такъ, что едва успѣвали забрасывать удочки. Эти рыбки въ родѣ нашихъ стерлядокъ и изъ нихъ сдѣлали намъ превосходную уху.

Наконецъ, мы вошли въ озеро Хонь-кау. Небольшая буря такъ взволновала его, что надо было остановиться. Пароходы здѣсь съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

плоскимъ дномъ, и бывали примѣры, что отъ качки переворачивались. Вообще, озеро это, взволновавшись, дня два-три не утихаетъ. Мы пристали къ берегу и капитанъ объяснилъ намъ, что здѣсь живутъ ссыльные китайцы. Это такъ заинтересовало всѣхъ насъ, что мы спросили, нельзя ли посмотрѣть этихъ ссыльныхъ. Они совершенно свободно сидѣли на берегу и вязали мережи (невода), почтительно намъ поклонились и повели насъ осматривать свое помѣщеніе; чистота его поразила насъ. Вокругъ стѣнъ устроенъ родъ диванова, гдѣ ссыльные спятъ одинъ подлѣ другого. Все это очень опрятно, и даже покрыто коврами. Китайцы проводили насъ на пароходъ и, получивъ отъ насъ нѣсколько денегъ, очень благодарили.

Переночевавъ на якорѣ, мы переѣхали на другой день озеро совершенно благополучно. На берегу меня встрѣтилъ исправникъ, которому было уже написано обо мнѣ. Я остановилась у него и онъ тотчасъ же телеграфировалъ въ Владивостокъ, чтобы за мной прислали въ рѣчку Суйфунъ маленькій пароходъ, и поѣхалъ самъ провожать меня во Владивостокъ.

До парохода пришлось ѣхать въ тарантасѣ; проѣхать нужно было немного, верстъ сто; но отъ одной мысли о тарантасѣ я приходила въ ужасъ. Ѣхали впрочемъ хорошо, но все же я была рада, когда мы добрались до рѣчки Суйфунъ, гдѣ меня ждалъ маленькій пароходъ.

Капитанъ объявилъ, что пароходъ отвалитъ послѣ обѣда. Пообѣдали мы превосходно и тронулись въ путь, продолжавшійся до ночи.

Рѣчка Суйфунъ неболѣе пяти сажень шириною, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и того менѣе. Дорогой представилось намъ необычайное зрѣлище: саженяхъ въ 15 сзади насъ, рѣчку переплывала изгибаясь змѣя такого размѣра, что голова ея была на одномъ берегу, а хвостъ почти на другомъ. Страшно было, конечно, видѣть эту картину. Оказалось, что мы находимся въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ водятся удавы, и это былъ удавъ.

Подъѣзжая къ морю мы почувствовали близость его въ прохладномъ вѣяніи вѣтерка.

На встрѣчу мнѣ, для морского переѣзда высланъ былъ большой пароходъ во Владивостокъ. Онъ стоялъ въ открытомъ морѣ на небольшомъ разстояніи отъ берега. Перебираться на него было неудобно и страшно: нужно было подниматься по лѣстницѣ съ нашего маленькаго парохода, къ тому же ночью. Подъ вліяніемъ разныхъ волнующихъ впечатлѣній, мнѣ казалось, что погода была тихая, но когда мы поѣхали по морю, то волны поднимались горами и меня охватило угнетающее чувство. Мы должны были обойти мысъ, который выдается далеко въ море и войти въ бухту, гдѣ находится городъ Владивостокъ. Такъ какъ пароходъ очень запоздалъ и мы прибыли въ глухую полночь, я должна была остановиться

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ домѣ близь гавани, нѣчто въ родѣ гостинницы. На другой же день весь Владивостокъ узналъ о моемъ пріѣздѣ и нѣкоторые моряки пріѣхали ко мнѣ. Я съ своей стороны также поспѣшила сдѣлать визиты главнымъ лицамъ города. Однимъ семействомъ мнѣ была предложена квартира съ всевозможными удобствами, что конечно я приняла съ благодарностью. Здѣсь я дала нѣсколько концертовъ съ большимъ успѣхомъ.

IX.

Отплытіе изъ Владивостока.—Корветъ «Баянъ».—Буря на морѣ.—Юкагама.—Впечатлѣніе, произведенное моимъ пѣніемъ на японцевъ.—Пріобрѣтеніе японскихъ и китайскихъ вещей.—Обѣдъ данный моряками.—Шанхай.—Хонькоу.—Китайскій обѣдъ.—Колобки изъ собачьяго мяса.—Встрѣча новаго года на канонирской лодкѣ «Соболь».—Русская кулебяка въ Китаѣ.—Радушные проводы хонькоуцевъ.—Русскіе блины въ Японіи.—Страшная опасность, грозившая мнѣ.—Переѣздъ въ Санъ-Франциско.

Наступила пора двинуться въ Японію, но являлся вопросъ, на чемъ переѣхать море, такъ какъ платныхъ рейсовъ отсюда не было. Мнѣ посовѣтывали обратиться къ морскому начальству съ просьбой перевезти меня на какомъ-нибудь корветѣ. Сдѣлать это было мнѣ тѣмъ удобнѣе, что я нашла во Владивостокѣ адмирала Пузино, съ которымъ была знакома еще въ Петербургѣ. Онъ плылъ въ Японію съ цѣлой эскадрой. Благодаря посредничеству адмирала, скоро получена была изъ Петербурга телеграмма, разрѣшающая, съ согласія его высочества великаго князя Константина Николаевича, перевезти меня въ Японію. Адмиралъ распорядился, чтобы я ѣхала на корветѣ «Баянъ», гдѣ въ распоряженіе мое отдана была его роскошная каюта, а самъ онъ помѣстился на корветѣ «Аскольдъ».

Оригинально, что русской пѣвицѣ пришлось плыть къ берегамъ Японіи на корветѣ, носившемъ названіе народнаго пѣвца древнихъ славянъ.

Съ полудня начались всевозможные проводы. Весь почти городъ сошелся на берегъ, чтобы сказать «прости» отходившему «Баяну». Обстановка и военные пріемы проводовъ были торжественны; мнѣ казалось, что мы отправляемся на войну.

Наконецъ, мы въ открытомъ морѣ. Я часто сидѣла на кормѣ, бо́льшею частью бесѣдуя съ священникомъ корвета, любуясь и восхищаясь величіемъ зрѣлища Тихаго океана.

Переходъ отъ Владивостока до Юкагамы въ Японіи продолжается девять дней. Плаваніе наше началось при тихой погодѣ. Не помню, сколько прошло дней, когда мы проѣзжали мимо города Хоходате. Вечеромъ въ этотъ день, послѣ молитвы, я вышла на палубу. Дежурный офицеръ съ верхняго мостика пригласилъ меня

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поглядѣть на прелесть природы, говоря: «Тамъ внизу не видно того, что видно здѣсь, взойдите и посмотрите на эту прелесть!» Я взбираюсь. Дѣйствительно передо мной картина, величіе которой мнѣ, конечно, не придется больше никогда видѣть. Корветъ покачивается тихо, граціозно, луна сіяетъ; небо спокойное, ясное, лишь легкія облачка пробѣгаютъ въ вышинѣ, воздухъ чистый, легкій; дышется свободно; поверхность воды спокойна, а саженяхъ въ 50 налѣво отъ корвета мирно плывутъ четыре кита, пуская высоко фонтаны. Спокойствіе кругомъ было полное; вдругъ, нежданно, негаданно, является откуда-то громадная волна, нахлынула на корветъ и покрыла съ головы до ногъ всѣхъ стоящихъ, въ томъ числѣ и меня. Офицеры подхватили меня и помогли сойти внизъ. Тихая погода вдругъ смѣнилась жесточайшей бурей. Мнѣ говорили моряки, что Тихому океану свойственны такіе неожиданные переходы и что однажды внезапно нахлынувшая волна сбила съ ногъ и снесла въ океанъ офицера, стоявшаго на верхнемъ мостикѣ.

Спустившись въ каюту, я хотѣла снять мою мокрую одежду, но буря усиливалась и отъ качки невозможно было держаться на ногахъ. Переходъ тихой погоды въ страшную бурю произошелъ въ какія-нибудь десять минутъ! Слышу кричатъ: «авралъ». Слово это означаетъ, что требуется къ дѣлу все, что находится на корветѣ: люки заколачиваются, пушки привязываются. Нельзя вообразить себѣ эту суматоху, не видавъ ее. Что это былъ за ужасъ! Качка была такъ сильна, что корветъ два раза ложился совершенно на бокъ. Буря, а съ ней и страхъ мой, продолжались до утра.

Когда мы приблизились къ рукаву, ведущему въ бухту Юкагамы, то, вслѣдствіе бури у береговъ скопился такой туманъ, что всѣ пришли въ смущеніе, опасаясь, чтобы не случилось какого-нибудь несчастія, потому что здѣсь находится масса подводныхъ камней. Капитанъ былъ въ недоумѣніи, что дѣлать. Однакоже, мы подвигались впередъ, въ ожиданіи лоцмана, который обыкновенно встрѣчаетъ подходящія суда, чтобы провести ихъ. Наконецъ, мы увидѣли, что онъ приближается. По принятому обычаю, лоцману былъ данъ съ корвета сигналъ. Раздался пушечный выстрѣлъ. Настоящій лоцманъ долженъ былъ это понять, но, по всей вѣроятности, подъѣзжавшій къ намъ лоцманъ былъ простымъ проводникомъ, незнавшимъ этого обычая и, испугавшись выстрѣла, повернулъ назадъ и исчезъ. Мы остались попрежнему въ затрудненіи. Въ это время проходилъ въ виду насъ американскій пароходъ. «Баянъ» спросилъ у него знаками указаній, какъ пройти къ Юкагаму. Тотъ также знаками отвѣтилъ: «слѣдуйте за мной». Но «Баяну» нельзя было этого сдѣлать, потому что надо было развести пары, а, по правиламъ морскаго плаванія, корветъ можетъ разводить пары только тогда, когда взойдетъ въ рукавъ или въ рѣку. Американскій пароходъ скрылся скоро у насъ изъ виду. На счастье

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

наше, на корветѣ находился старшій офицеръ, который раньше уже проходилъ въ этомъ мѣстѣ. Онъ вызвался провести насъ. Подъ руководствомъ его рѣшено было искать надлежащій путь.

Утомленная до крайности бурной ночью, я боролась между страхомъ и желаніемъ отдохнуть, пока, наконецъ, сонъ не пересилилъ боязнь; я ушла въ каюту и скоро заснула. Когда я проснулась, то пары уже дѣйствовали. Мы вошли въ рукавъ. До бухты, по рукаву, надо было пройти часовъ пять или шесть. Я одѣлась и вышла на палубу. Собесѣдникомъ моимъ, по обыкновенію, былъ священникъ. Мы, разумѣется, говорили о только-что испытанныхъ впечатлѣніяхъ во время бури. Какъ потомъ оказалось, причиною ея было землетрясеніе на берегахъ Японіи. Между прочимъ въ Юкагамѣ оно произвело большое опустошеніе: зданія рушились, земля трескалась, и, какъ мнѣ разсказывали очевидцы, стѣны деревянныхъ домовъ раздвигались и сдвигались. Чтобы объяснить такое странное явленіе, нужно замѣтить, что углы деревянныхъ домовъ въ Японіи, именно въ виду частыхъ землетрясеній, въ предупрежденіе разрушеній, устроиваюся такъ, чтобы бревна могли сдвигаться.

Наконецъ, въ виду нашемъ показался Юкагама, прелестный городокъ, весь въ зелени, среди которой выдавались роскошныя пальмы. Навстрѣчу намъ выѣхало множество лодокъ съ кучею дѣтей и разведенными огнями; корветъ былъ окруженъ ими. Въ лодкахъ движеніе, варятъ, пьютъ, ѣдятъ и предлагаютъ разные продукты. Съ пристани начинается пальба и къ корвету подъѣзжаютъ члены русскаго посольства.

Приближаясь къ берегамъ Японіи, я призадумалась надъ тѣмъ, что въ этой странѣ не могу встрѣтить ни одного знакомаго человѣка, и что же? Среди членовъ посольства, подъѣзжающихъ къ намъ, вижу вдругъ все знакомыя лица: Александръ Александровичъ Пеликанъ, съ которымъ я была знакома въ Петербургѣ; секретарь посольства, баронъ Розенъ, котораго знала также по Петербургу, какъ прекраснаго музыканта и, наконецъ, посланникъ Струве, съ которымъ я также встрѣчалась. Съ супругой Струве, Маріей Николаевной, я тотчасъ же познакомилась и приглашена была на другой день къ нимъ обѣдать.

Послѣ отъѣзда посольства, мы вышли на берегъ и я помѣстилась въ роскошной французской гостинницѣ «Бонà».

Контрастъ между Владивостокомъ и Юкагамой поразителенъ. Въ первомъ вездѣ по улицамъ оставшіеся пни отъ срубленныхъ деревьевъ, ѣздить приходится по кочкамъ, всюду нечистота, плохія зданія—здѣсь, въ Юкагамѣ, улицы ровныя, дома прекрасные, множество зелени, садовъ; все чисто и красиво.

Первые дни по пріѣздѣ мнѣ необходимо было отдохнуть и разобрать вещи, послѣ чего я поѣхала къ нашему посланнику, гдѣ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ радости моей, встрѣтила всѣхъ офицеровъ съ «Баяна», а также адмирала Пузино и офицеровъ съ «Аскольда», которыхъ я видѣла во Владивостокѣ. Адмиралъ успѣлъ уже прибыть съ своей эскадрой вслѣдъ за нами.

Послѣ визитовъ, начались хлопоты по устройству концертовъ. Японцы оказались очень любезными и впервые дали зданіе своей ратуши для артистическаго вечера. Зала ратуши роскошна. Число газовыхъ рожковъ доходитъ до 800. Здѣсь обыкновенно живетъ Микадо, когда пріѣзжаетъ изъ Іеддо.

Я познакомилась со многими иностранцами,—французами, англичанами, нѣмцами и, конечно, со всѣми русскими, которые были въ то время въ Юкагамѣ.

При устройствѣ концерта, я встрѣтила полное сочувствіе отъ всѣхъ. Одинъ англичанинъ предложилъ мнѣ аккомпанировать и свой инструментъ для концерта. Участвовалъ еще одинъ французъ со скрипкой и нѣкоторые любители пѣнія. Такимъ образомъ составился интересный концертъ.

Въ концертѣ болѣе половины залы было занято японцами, остальныя мѣста заняты были европейцами. Русскій посланникъ пріѣхалъ съ дочерью японскаго министра двора; ей необыкновенно понравился концертъ. Она много говорила со мной черезъ переводчика, разспрашивала о путешествіи и удивлялась моей рѣшимости на такой дальній и опасный путь.

О концертѣ разсказывать не буду, а приведу только отзывъ главной тамошней японской газеты: «Подходимъ къ башнѣ ратуши; было половина осьмого. (Начало назначено было въ 8 часовъ). По вьющейся лѣстницѣ мы взошли въ залу. Передъ нашими глазами стояли стулья числомъ до тысячи и стулья эти поставлены были рядами одинъ около другого. Впереди залы поставленъ былъ амвонъ, покрытый краснымъ сукномъ и ящикъ о трехъ ножкахъ. Публика идетъ, идетъ, наконецъ, наполнилась вся ратуша. Появляется дама въ черномъ платьѣ, покрытомъ прозрачной черной тканью. (Вѣроятно, видъ мой соотвѣтствовалъ японскому вкусу, потому что здѣсь авторъ статьи разсыпался съ необычайной похвалой относительно моей наружности). Съ ней вышелъ мужчина въ черномъ фракѣ, который, открывъ ящикъ о трехъ ножкахъ, заигралъ на немъ, и мы услыхали тогда впервые звуки, поразившіе насъ. Наконецъ, пѣвица эта начинаетъ пѣть. Она пѣла, то такъ тонко какъ волосъ, то вдругъ какъ мужчина. (Надо замѣтить, что когда японцы восхищаются, то непремѣнно сравниваютъ съ чѣмъ-нибудь). Она пѣла такъ, какъ могла только пѣть богиня пѣнія, которая своимъ голосомъ укрощала не только людей, но и звѣрей. И эта пѣвица пѣла такъ, что рыбки на днѣ моря встрепенулись. Ей такъ хлопали въ ладоши, такой былъ шумъ въ залѣ, точно тысячи журавлей слетались и колотили своими носами въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полъ». Такова была рецензія главной японской газеты, выходящей въ Іеддо.

Вообще, пѣніе мое произвело такое впечатлѣніе на японцевъ и такъ расположило ихъ ко мнѣ, что они не переставали разспрашивать меня черезъ переводчиковъ, которыхъ постоянно было три или четыре, изъ японцевъ же, говорящихъ по-русски. У нихъ даже возбудился вопросъ объ устройствѣ академіи искусствъ, въ программу которой входили музыка, пѣніе, архитектура и рисованіе. Ихъ такъ это занимало, что они желали тотчасъ же перейти къ исполненію, но не было необходимыхъ для этого суммъ, которыми они могли бы тогда располагать и пришлось отложить возможность осуществить это дѣло.

Я пробыла въ Японіи нѣсколько мѣсяцевъ и положительно обворожена была ею, ея оригинальностью, ея обычаями, характеромъ японцевъ вообще, ихъ простодушіемъ, довѣрчивостью, безхитростью, опрятностью, и только сожалѣю, что эта симпатичная страна далеко отъ насъ. Утромъ, выходя изъ комнаты, я всегда находила въ коридорѣ множество японцевъ съ разными вещами, изъ которыхъ я покупала то, что казалось мнѣ интереснымъ. Такимъ образомъ, пріобрѣтая здѣсь старинныя японскія вещи, а потомъ въ Китаѣ—китайскія, я устроила себѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, японско-китайскую комнату, которая существуетъ у меня и теперь и восхищаетъ тѣхъ, кто посѣщаетъ меня. Правда, собирая эту коллекцію, я имѣла въ виду, что она, по возвращеніи моемъ въ Россію, послужитъ въ глазахъ тѣхъ, кто всегда интриговалъ меня, самымъ вѣскимъ доказательствомъ моихъ успѣховъ въ продолженіе моего кругосвѣтнаго путешествія. Еслибъ я, вернувшись, имѣла только большія деньги, то кто же могъ знать, что я ихъ пріобрѣла, тогда какъ эта комната надѣлала такого шума въ Петербургѣ, что о ней неоднократно писали. Изъ временъ пребыванія моего въ Японіи, мнѣ между прочимъ памятенъ обѣдъ, данный русскими морскими офицерами. Самый обѣдъ, т. е. японскія кушанья, не по русскому вкусу. Въ нихъ преобладаютъ каракатицы, разныя водоросли, мясо же въ составъ японскаго обѣда совсѣмъ не входитъ. Мнѣ интересно было любопытство, съ которымъ прислуживавшія за обѣдомъ японки осматривали насъ и изучали туалетъ европейскихъ дамъ; это заняло ихъ такъ, что послѣ обѣда онѣ попросили насъ въ отдѣльную комнату, гдѣ безъ церемоніи разбирали нашу одежду, осязая ее.

Въ Японіи мнѣ случилось быть свидѣтельницей разрушительнаго дѣйствія бури Тихаго океана нетолько въ морѣ, но и на берегахъ. Крыши сносились, дома разрушались, стеклянная крыша, сдѣланная надъ дворомъ гостинницы «Бона», гдѣ я жила, снесена была и разбита, три судна на рейдѣ перевернуты вверхъ дномъ; при этомъ погибло много народа. Въ Японіи же я испы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тала два небольшія землетрясенія. Разъ утромъ за чаемъ почувствовала я вдругъ, что̀ испытывается во время качки на морѣ, качнуло раза три и тѣмъ кончилось; то же самое произошло и въ другой разъ.

Въ Японіи я побывала два раза—до отъѣзда въ Китай и на пути въ Америку. Въ первый разъ прожила три мѣсяца и отправилась въ Китай на пароходѣ, который долженъ былъ остановиться въ Нагасаки. Здѣсь русскій консулъ, г. Орловскій, предложилъ мнѣ помѣщеніе у себя, и я провела три недѣли въ его гостепріимномъ домѣ. Отсюда я продолжала путь въ Шанхай. При переѣздѣ моремъ была такая буря, что съ борта парохода сорвало ботъ и снесло верхнюю капитанскую будку. Люди не только не могли держаться на ногахъ, но не въ состояніи были удержаться въ койкахъ; оставалось лежать всѣмъ на полу каютъ. При мнѣ былъ маленькій кроликъ, мой любимецъ, который отъ самаго Петербурга совершилъ со мной кругосвѣтное путешествіе. Я чуть не лишилась этого милаго животнаго—во время бури его бросало изъ стороны въ сторону, какъ мячикъ.

Въ Шанхаѣ я также провела время очень пріятно. У меня было письмо къ американскому консулу. Остановилась я во французской гостинницѣ. Общество было очень внимательно ко мнѣ, устроивались музыкальные вечера, и, наконецъ, концертъ, на которомъ присутствовала вся европейская публика Шанхая, т. е. англичане, французы, нѣмцы, американцы и, конечно, русскіе. Впрочемъ, послѣднихъ въ Шанхаѣ очень мало. Изъ китайцевъ былъ только одинъ мандаринъ.

Концертъ удался и по сбору и по музыкѣ, не смотря на строгую критику публики, состоявшей, можно сказать, изъ компетентныхъ цѣнителей. Въ концертѣ былъ, между прочимъ, одинъ русскій, который, спросивъ меня, куда я поѣду дальше, выразилъ желаніе видѣть меня въ Хонькоу и, такъ какъ ѣхалъ туда на другой день, вызвался узнать мнѣніе тамошней русской колоніи и извѣстить меня. Хонькоу отстоитъ отъ Шанхая болѣе нежели на 1000 верстъ и путь идетъ по рѣкѣ Янци-кіангу. Вскорѣ я получила отъ этого господина телеграмму съ нѣсколькими подписями. Все общество русскихъ чайныхъ торговцевъ просило меня пріѣхать въ Хонькоу. Я не задумалась и собралась, хотя былъ уже декабрь.

На пароходѣ я доѣхала въ три дня до Хонькоу, гдѣ встрѣтилъ меня нашъ консулъ П. А. Пономаревъ. Онъ предложилъ мнѣ для помѣщенія домъ-особнякъ, хозяева котораго находились въ то время въ Россіи, а у себя каждый день обѣдъ. Въ двѣнадцать часовъ ежедневно четыре китайца являлись за мной съ паланкиномъ и несли меня къ консулу. Здѣсь окружало меня все русское купеческое общество и мнѣ невыразимо пріятно было, что въ центрѣ Китая я нахожусь совершенно въ русскомъ кружкѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Общими силами устроили концертъ и здѣсь, также какъ и въ Шанхаѣ, публика состояла исключительно изъ европейцевъ. Всякій изъявлялъ желаніе, чтобы я спѣла что-нибудь на его родномъ языкѣ, или его національное музыкальное произведеніе; мнѣ пришлось такимъ образомъ пѣть и на итальянскомъ, и на нѣмецкомъ, и на французскомъ, и на другихъ языкахъ. Шотландская пѣсня «John Anderson» вызвала у стариковъ шотландцевъ слезы. Одинъ изъ нихъ училъ меня предварительно выговаривать шотландскія слова и хотя мнѣ было очень трудно привыкнуть къ выговору, но я все-таки освоилась съ нимъ настолько, что спѣла. Въ концертѣ былъ одинъ мандаринъ, который, выражая свой восторгъ, подарилъ мнѣ кацавейку вышитую гербами. Подобную одежду можно получить только съ плеча; китаецъ не имѣетъ права вышить и продать такую вещь европейцу. За это у нихъ полагается по закону строгое наказаніе. Здѣсь также, какъ и въ Шанхаѣ, китайцы не входили въ залу, а слушали подъ окнами.

Концертъ удался какъ нельзя болѣе и мнѣ жилось вообще очень весело. Безпрестанно приглашали меня на вечера и обѣды. Изъ числа послѣднихъ былъ обѣдъ китайскій, съ пѣвцами китайцами и пѣвицами китаянками, данный мнѣ русской колоніею съ нашимъ консуломъ во главѣ. Перемѣнъ на этомъ обѣдѣ было до семидесяти въ чашечкахъ и блюдечкахъ, какъ обыкновенно у китайцевъ, и стоилъ онъ что-то очень много. Деньги за него, мѣдной китайской монетой (чоки), отвезли на восьми подводахъ. Китайскій обѣдъ несравненно лучше японскаго, уже по одному тому, что у китайцевъ есть мясныя блюда. Особенно вкусны были колобки изъ мяса и я ѣла ихъ съ удовольствіемъ, но каково же было мое разочарованіе, когда, возвратившись въ Россію, я получила отъ русскаго консула письмо, въ которомъ онъ писалъ: «вкусные мясные колобки, которые вы такъ усердно кушали, дѣлаются изъ собачьяго мяса». Большую роль въ китайскомъ обѣдѣ играютъ ласточкины гнѣзда. Они, какъ извѣстно, добываются съ большимъ трудомъ, даже съ опасностью жизни, съ отвѣсныхъ приморскихъ скалъ и состоятъ изъ водорослей, служащихъ этимъ птицамъ матеріаломъ для гнѣздъ.

Между тѣмъ, приближался новый годъ. Въ Хонькоу зимовала русская кононирская лодка «Соболь». Капитанъ пригласилъ насъ встрѣтить на ней новый годъ. Встрѣча новаго года была такъ оригинальна, что я никогда не забуду этого праздника. Мы переѣхали въ маленькихъ лодкахъ на «Соболь», убранный роскошными растеніями, между которыми красовались разныхъ цвѣтовъ камеліи. При входѣ мнѣ поднесли прелестный букетъ. Въ 12 часовъ капитанъ вышелъ на трапъ, гдѣ собралась уже вся команда въ ожиданіи этой торжественной минуты, поздравилъ всѣхъ съ новымъ годомъ и торжественно провозгласилъ тостъ за Государя Императора, при этомъ раздались пушечные выстрѣлы и единодушное

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«ура» всей команды и гостей. Затѣмъ слѣдовали многочисленные тосты, поздравленія, пожеланія, шампанское подавалось въ изобиліи. Матросамъ роздано было угощеніе и они бросились качать капитана. Однимъ словомъ, было весело, пріятно и очень торжественно.

Однако, наступило время оставить Хонькоу. Я не знала чѣмъ бы съ своей стороны угостить милое и радушное общество русскихъ чайныхъ торговцевъ, и, наконецъ, придумала. «Я сдѣлаю вамъ настоящую русскую кулебяку,—сказала я, и потребовала нужные на то продукты, что мнѣ и было доставлено, разумѣется, самаго лучшаго достоинства; въ томъ числѣ капуста, которая тамъ чрезвычайно нѣжна и рыба, названіе которой не помню, очень похожая на нашего сига. Помню, что консула очень удивила порція потребованнаго масла, но нужно было такъ, потому что тѣсто я сдѣлала слоеное. Кулебяка вышла превосходная и заслужила всеобщее одобреніе и похвалы; угощеніе мое было тѣмъ болѣе пріятно, что никто тамъ не умѣлъ дѣлать кулебяки.

Въ день моего отъѣзда, у консула былъ обѣдъ, на который было приглашено много европейцевъ. Обѣдъ начался въ 7 часовъ, а кончился въ 10. Во время обѣда мнѣ поднесены были два браслета, литые изъ червоннаго золота, каждый почти по фунту вѣсомъ и на нихъ вычеканено по русски «Отъ Хонькоуцевъ». Вещи мои отправлены были впередъ. Передъ отъѣздомъ мы присѣли по русскому обычаю.

Когда консулъ свелъ меня подъ руку съ лѣстницы своего дома, мнѣ подали роскошный паланкинъ, отдѣланный бархатомъ и золотомъ; я сѣла и съ удивленіемъ увидала себя окруженной торжественной церемоніей, какія бываютъ у насъ на сценѣ. Съ каждой стороны паланкина по 50 китайцевъ несли различные значки, путь освѣщался фонарями и фейерверкомъ, подъ аккомпаниментъ китайскихъ бураковъ, трескъ которыхъ продолжался во время всего пути. Такъ какъ бураки эти взрывались одинъ за другимъ и были подвѣшаны на веревкѣ, прикрѣпленной къ палкамъ, которыя несли передъ паланкиномъ, то и образовали передо мной почти непрерывную огненную линію.

Такимъ образомъ донесли меня до парохода. Было 11 часовъ. На прощанье пили шампанское, выражали разныя пожеланія и, наконецъ, провожавшіе вернулись на берегъ. Послѣднее «прости» выражено было громаднымъ фейерверкомъ. На берегу устроенъ былъ щитъ на протяженіи всего парохода, и когда его зажгли то глазамъ нашимъ представились огненныя изображенія драконовъ, крокодиловъ и разныхъ чудовищъ.

Послѣ третьяго звонка, въ часъ ночи, пароходъ отошелъ отъ берега и Хонькоу со всѣми огненными украшеніями быстро скрылся въ темнотѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тѣмъ же путемъ возвратилась я въ Юкагаму, проживъ, по дорогѣ, двѣ недѣли въ Нагасаки. Въ Юкагамѣ я остановилась опять въ отелѣ «Бона», сдѣлала визиты своимъ знакомымъ и выжидала наиболѣе удобнаго времени для переѣзда по Тихому океану въ С.-Франциско. Во время послѣдняго пребыванія моего въ Юкагамѣ, я получила изъ Іеддо телеграмму отъ нашего посланника съ приглашеніемъ на блины съ икрою, какъ сказано было въ телеграммѣ. Это привело меня въ восхищеніе. Японія и русскіе блины!

Посланница привезла съ собой русскую дѣвушку, которая умѣла печь блины, а русскіе моряки привезли икру; такимъ образомъ устроилась у насъ въ Іеддо русская масляница. Эти блины составили тамъ цѣлое событіе для русскихъ.

Возвратившись послѣ блиновъ въ Юкагаму, я начала приготовляться къ отъѣзду. Вещи, пріобрѣтенныя въ Японіи и въ Китаѣ, я отправила прямымъ путемъ къ себѣ въ Ораніенбаумъ. Наконецъ, день отъѣзда былъ назначенъ и наканунѣ я поѣхала съ прощальными визитами, но тутъ произошла со мной катастофа, задержавшая меня въ Юкагамѣ еще на три недѣли. Билеты были уже взяты и, дѣлая визиты, я была увѣрена, что на слѣдующій день непремѣнно выѣду въ С.-Франциско; но вотъ-что случилось: отъ консула Пеликана повезъ меня, какъ ѣздятъ здѣсь всѣ, о чемъ я уже говорила, носильщикъ, называемый здѣсь «дженериксъ». По этой дорогѣ, приходится спускаться съ большой горы и прежде я брала всегда двухъ людей; одинъ, какъ водится, держалъ оглобли, другой же, для безопасности, долженъ былъ поддерживать экипажъ. Въ этотъ разъ я не позаботилась о второмъ дженериксѣ, затрудняясь вообще объясняться по-японски и предполагая, что дженериксъ надѣется на себя. Но вотъ, когда пришлось спускаться съ горы, онъ побѣжалъ слишкомъ скоро и, будучи не въ силахъ удержать экипажъ, началъ кричать; я также, видя неминуемую опасность, закричала. Ко всему этому, спускъ былъ съ крутымъ поворотомъ. Какъ разъ у поворота находилась небольшая лавочка и дженериксъ, разсчитывая остановиться, направился прямо на эту лавочку. Ударъ былъ такъ силенъ, что когда оглобли ударились въ стѣну, то я стукнулась лбомъ такъ сильно, что почти потеряла сознаніе. Когда мнѣ подана была помощь, то оказалась сильная опухоль на лбу и самая кость была вдавлена, такъ, что до сихъ поръ у меня остался знакъ. Послѣ такого ушиба и испуга, конечно, я не могла выѣхать. Несчастный дженериксъ поплатился за свою самонадѣянность ужасно: ему краемъ стѣны сразу отрѣзало ухо, и онъ, сознавая свою вину, такъ былъ испуганъ, что, несмотря на страшную боль, которую испытывалъ, убѣжалъ, оставивъ ухо на мѣстѣ. Безъ ужаса не могу вспомнить этого случая! Но, какъ выяснилось впослѣдствіи, по милосердію Божію, это несчастіе предохранило меня отъ совер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шенной гибели, потому что пароходъ, на которомъ я должна была тогда выѣхать, погибъ со всѣми пассажирами, почему одно время въ Петербургѣ разнесся слухъ, что я погибла.

Когда я оправилась отъ ушиба и была въ состояніи отправиться въ путь, наступали уже послѣдніе дни страстной недѣли. Мнѣ очень было грустно, что приходилось встрѣтить свѣтлый праздникъ въ морѣ безъ всего, что мы русскіе привыкли имѣть въ эти дни, безъ кулича, пасхи и красныхъ яицъ. Но и тутъ позаботились побаловать меня. Консулъ нашъ неожиданно привезъ мнѣ вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, на пароходъ, пасху, красныхъ яицъ и куличъ, который онъ испекъ самъ и который вышелъ превосходный. Это, разумѣется, очень обрадовало меня и я могла встрѣтить праздникъ Пасхи по-русски.

Въ четыре часа ночи пароходъ нашъ «Бельфикъ» отошелъ отъ пристани. На другой день, утромъ, въ одиннадцать часовъ, я вышла на палубу. Ничего уже не было видно, ни кораблей, ни лодокъ, ни береговъ. День былъ превосходный, волненіе океана едва замѣтное; но на другой же день волненіе начало постоянно увеличиваться. Въ первый день я видѣла на палубѣ много дамъ; но со второго дня онѣ уже скрылись и въ теченіе девятнадцати сутокъ, которыя мы шли до С.-Франциско, я увидѣла ихъ вновь только за три дня до пріѣзда. Дѣйствительно, волненіе было такъ сильно, что на палубу никому нельзя было показаться.

Названіе «Тихій океанъ», можно считать ироническимъ. Сколько ни приходилось мнѣ проѣзжать морей, нигдѣ не бываетъ такихъ постоянныхъ и сильныхъ волненій, какъ въ этомъ океанѣ: волны на немъ такъ велики, что пароходъ то совершенно скрывается между ними, то носъ его поднимается такъ, что пароходъ принимаетъ почти вертикальное положеніе; при этомъ набѣгающія волны громадой своей грозятъ совершенно поглотить пароходъ, но нашъ пароходъ былъ великолѣпно устроенъ, конечно, въ виду этихъ волненій океана, длинный и узкій; когда онъ находилъ на волну, то такъ разсѣкалъ ее, что не долго оставался въ водѣ, и мы, черезъ толстыя стекла каютъ, видѣли только какъ вода перебѣгаетъ черезъ рубку. Надъ мѣстомъ, занимаемымъ рулевымъ, устроенъ стеклянный колпакъ, такъ что, какъ бы пароходъ ни погружался въ воду, лоцманъ можетъ все видѣть.

Такимъ образомъ, въ теченіе пятнадцати сутокъ волны кидали насъ изъ стороны въ сторону. Изъ женщинъ одна только я могла ѣсть, всѣ остальныя были больны; англичанъ и американцевъ такъ это удивило, что они прозвали меня—женщина-матросъ.

Наконецъ, постоянно усиливавшееся волненіе перешло въ настоящій штормъ; насъ вдругъ такъ качнуло, что неожиданно повалилось все и всѣ. Капитанъ сдѣлался даже замѣтно озабоченнымъ. Онъ сошелъ въ нижнюю большую общую каюту и объяс-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нилъ пассажирамъ, что такъ какъ уже 15 сутокъ насъ преслѣдуетъ по этому направленію штормъ, который можетъ разразиться ураганомъ, то онъ теперь же, раньше обыкновеннаго, свернетъ на югъ. И дѣйствительно, какъ только пароходъ измѣнилъ направленіе, часа черезъ два времени неболѣе, намъ представился совершенный контрастъ того, что̀ было; единственно только въ Тихомъ океанѣ можно встрѣтить такія противуположности: наступила совершенная тишь, море было неподвижно, какъ зеркало. Дамы конечно обрадовались, вышли на палубу; но ихъ нельзя было узнать—лица испитыя, желтыя, такъ подѣйствовала на нихъ буря. Одинъ же японецъ пострадалъ такъ, что умеръ, какъ только вышелъ на берегъ; впрочемъ, онъ былъ человѣкъ болѣзненный.

Во все время пути я не знала, что пароходъ везъ внизу въ трюмѣ 700 китайцевъ и что между ними свирѣпствовала страшная черная оспа. Мнѣ это сказали, когда мы уже вышли на берегъ.

Д. Леонова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОПЕРНИКИ.

(Разсказъ изъ жизни понизовой вольницы прошлаго столѣтія).

I.

РАБРЕЗЖИЛОСЬ весеннее утро и огнистымъ отблескомъ затрепетало на выцвѣтшихъ стеклахъ «наугольной казармы» Симбирской тюрьмы, помѣщавшейся въ «старомъ городкѣ», на низу, на берегу Волги. По казармѣ пошелъ не громкій гомонъ, среди котораго слышались скорбные вздохи, возгласы молитвы, зѣвота и глухое лязганье кандаловъ. Сидѣльцы этой казармы—все бродячая вольница, судившаяся только за безпаспортность, хотя многіе изъ нихъ въ разбойныхъ станицахъ хаживали, а двое, Онуча и Сизой, «по три лѣта атаманствовали». Свѣтъ румянаго утра съ каждой минутой все властнѣй внѣдрялся въ сѣрую тюрьму, осиливая тяжелый мракъ и привѣтливо освѣщая закоптѣлые своды бывшихъ крѣпостныхъ казематовъ. Тюремные сидѣльцы стали вставать съ своихъ логовищъ, выползали изъ-подъ наръ и изъ глубокихъ оконныхъ впадинъ, забродили, что ночныя тѣни, по казармѣ, шлепая босыми ногами.

Нѣсколько колодниковъ столпились около глубокихъ и узкихъ, какъ амбразуры, рѣшетчатыхъ окошекъ и молча глядѣли въ туманную ширь Волги рѣки, глядѣли на вольный свѣтъ, въ міръ золотой свободы. А изъ туманной дали доходила до колодниковъ, что тяжкій стонъ больной души, бурлацкая пѣсня. Но заключенники и къ этому стону прислушивались жадно, съ мучительной завистью, какъ къ дорогому звуку, къ любимой пѣснѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Чу! наша братья бурлаченьки... идутъ сердешные на вольной волюшкѣ, а мы добры молодцы во тюрьмѣ сидимъ,—проговорилъ съ скорбнымъ вздохомъ рябой колодникъ Филька.

— Такова, значитъ, наша часть,—гнусливо отвѣтилъ кто-то отъ другого окна.

— Такова-ста!.. Похвалялся вашъ Онуча насъ изъ тюрьмы увести, да сплутовалъ,—упрекнулъ Филька.

— Время, значитъ, не пригадалъ.

— Не пригадалъ-ста!.. Голова-то у него не съ того конца зарублена. Какъ бы въ ту пору мы Сизому поклонялись, давно бы теперясь по Волгѣ гуляли.

— Загулялъ одинъ такой-то, поди-ка! Въ ту пору Филькѣ рябому особливая почотка вышла бы, сами бы власти тюрьму отворили: «ступай-де, Филя, гуляй по вольному свѣту!»—насмѣхался колодникъ отъ другого окна.

— Гнусавый чортъ!..гу-гу-гу!—передразнилъ Филька и замолчалъ.

И товарищъ, его отвѣтчикъ, замолчалъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Сизой!—крикнулъ Филька, обратившись лицомъ въ казарму.

— Что надо?—отвѣтилъ голосъ издали.

И въ ту же минуту выдвинулся изъ толпы и подошелъ къ окошку молодой, лѣтъ тридцати, парень, роста высокаго, въ плечахъ—косая сажень. Черты лица его были тонки и благородны, голубые глаза—глубоки и вдумчивы, какъ будто этотъ человѣкъ былъ родомъ не изъ «подлости». Вся фигура его представляла олицетвореніе богатырской силы, несокрушенной энергіи и безшабашной отваги.

— Сжалься надъ нами, Сизой, уведи изъ тюрьмы, а то гляди мохомъ обростать стали,—съ мольбой проговорилъ Филька.

— Опоздано!—отрывисто отвѣтилъ Сизой.

— Гдѣ опоздано?—Самая пора—весна!—возразили ему.

— Опоздано!—опять коротко отвѣтилъ Сизой.—Онуча вашъ до сей поры зря проваландался, время проволочилъ.

— Плюнь на Онучу... провались онъ!.. Ты веди насъ, мы отъ тебя чаемъ помощи.

— Опоздано!—сказалъ Сизой, раздумчиво нахмуривъ брови.

— «Опоздано, опоздано»—ишь заладилъ одно да долго,—посѣтовали горячо колодники.

— Эхъ, ты богатырь-калѣка!.. и самъ въ тюрьмѣ завязъ, что боровъ въ болотѣ,—укорилъ Филька.

— Стало, такъ мнѣ хочется,—огрызнулся Сизой.

— Вѣдомо!.. зазнобила молодца чужа мужняя жена... Вонъ, ребятушки, нашего атамана, добра молодца, баба осилила, руки-ноженьки ему лычкомъ спутала, — сталъ досадливо насмѣхаться Филька, обращаясь къ товарищамъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но тѣ молчали, понуривъ головы. Сизой мрачно вздохнулъ и пошелъ отъ товарищей прочь, шмыгая дырявыми бахилами по кирпичному полу. Колодники опять тоскливо уткнулись въ окошко. Изъ города, съ «вѣнца», дошелъ внизъ до тюрьмы утренній благовѣстъ. Изъ-за темнаго раменья луговаго берега выкатилось солнышко, большое и красное. Съ нагорнаго берега побѣжалъ вѣтерокъ. Сизый туманъ, скутавшій рѣку, заволновался блѣдно-пурпурными волнами и поползъ по лугамъ и кустарникамъ, падая на нихъ жемчужной росой. Сіянье веселаго и теплаго дня золотистымъ заревомъ разлилось повсюду, отъ края и до края небесъ... У тюремной двери загрохоталъ желѣзный засовъ и дубовая дверь, визгливо скрипя, отворилась настежь. Всѣ сидѣльцы обратили на нее глаза. Въ тюрьму вошелъ самъ секретарь Симбирской провинціальной канцеляріи, Давыдъ Черноусовъ, а за нимъ сержантъ, копіистъ съ бумагами и шесть человѣкъ кузнецовъ съ молотками, зубилами, подпилками и другими кузнечными инструментами. А на дворѣ, передъ отворенной дверью, стояли солдаты съ ружьями «въ штыкахъ», съ сумами и во всей походной формѣ. Секретарь велѣлъ копіисту «учинить колодникамъ перекличку». Тюремные сидѣльцы всѣ оказались на лицо, утеклецовъ не было. Затѣмъ самъ секретарь прочиталъ опредѣленіе и резолюцію Казанской губернской канцеляріи, въ силу которой всѣ колодники наугольной казармы Симбирской тюрьмы ссылались «въ дальные сибирскіе городы въ работу вѣчно».

— Опоздано... Сизой-вѣщунъ,—угрюмо проговорилъ Филька стоявшимъ съ нимъ товарищамъ.

Сержантъ сталъ подводить колодниковъ къ кузнецамъ, которые осматривали кандалы и заклепывали «кои объявлялись въ изъянѣ». Готовыхъ къ походу колодниковъ выводили на дворъ, вышелъ и Сизой и окинулъ дворъ пытливымъ взоромъ. Въ сторонѣ, недалеко отъ воротъ, стояли семь молодыхъ бабъ колодницъ, изъ коихъ одна рѣзко выдѣлялась и своей пропорціональной фигурой, и живымъ миловиднымъ лицомъ, и большими карими глазами, отражавшими глубину пылкой души. На ней Сизой остановилъ свой взглядъ. Глаза его встрѣтились съ ея глазами, ясная улыбка проскользнула по ихъ лицамъ.

— Въ походъ, Матреха?—крикнулъ ей Сизой.

— Въ походъ,—отвѣтила баба.

— Съ вами вмѣстѣ,—сказали другія бабы.

Сизой самодовольно тряхнулъ кудрями и сталъ въ ряды другихъ колодниковъ. Въ унылыхъ глазахъ его зажегся лучъ счастія.

Часа за два до обѣда, партія колодниковъ въ сорокъ девять человѣкъ вышла со двора тюрьмы и пошла на Казань, подъ конвоемъ сержанта Полянцова и двѣнадцати солдатъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Черезъ нѣсколько дней, партія пришла въ село Нижній Услонъ и, въ ожиданіи переправы на другую сторону Волги, расположилась на отдѣльно выдавшемся бугоркѣ, вблизи берега. Полуденная жара и большой переходъ истомили колодниковъ и солдатъ: послѣдніе позабыли про караулъ и растянулись на вершинѣ бугорка подъ коренастымъ вязомъ, скрывшись отъ жгучихъ лучей солнца. Жажда томила всѣхъ. Нѣкоторые изъ колодниковъ, кои были посильнѣй, спускались подъ бугорокъ къ роднику, вырытому въ берегу въ родѣ пещерки, сами пили тамъ и въ шляпахъ и кувшинахъ приносили своимъ малосильнымъ товарищамъ. И Сизой пошелъ къ роднику съ большимъ берестовымъ буракомъ.

— Напой меня, Алешка,—крикнула ему колодница Матрена, когда онъ возвращался отъ родника.

Алешка повернулъ на зовъ.

— Душа вся выгорѣла, Алеша, а самой сойти къ роднику мочи нѣтъ: ноженьки мои притомились, болятъ,—съ истомой говорила Матрена, поднявъ на Сизова ласковые глаза.

— Пей сколь душа приметъ... мало, еще принесу,—отвѣтилъ тотъ.

Матрена жадно припала къ бураку запекшимися губами и съ наслажденіемъ пила холодную воду, какъ дорогой напитокъ.

— Спасибо, соколикъ, дай Богъ тебѣ...—благодарила она, возвращая буракъ.

— На здоровье,—проговорилъ Сизой и хотѣлъ идти. Но Матрена съ такой лаской и мольбой взглянула на него, что онъ невольно запнулся на мѣстѣ и остановился, смущенно потупивъ глаза.

— Что ты во всю путину идешь все одаль отъ насъ? Николи не подойдешь и издали не взглянешь,—тихо и застѣнчиво проговорила Матрена, не поднимая глазъ.

— И безъ меня около васъ много... Онуча всю путину около тебя трется,—ревниво отвѣтилъ Алешка.

— Что мнѣ Онуча—тьфу!

— Ври!.. Видалъ я, какъ ты съ нимъ зубы-то чешешь.

— Нешто! въ эдакой дорогѣ и лѣшему радъ. Пришлось и съ Онучей калякать, коль ты прочь держишься,—сказала Матрена, съ укоромъ взглянувъ на Алешку.

— Тебѣ я что?—съ какой-то обидой выговорилъ Сизой.

— Ты-то?—протянула Матрена, посмотрѣвъ на него знойными глазами.

— Я-то?—взволнованно пробурчалъ Сизой.

— Эхъ, Алешка!.. мучитель ты мой!—горько вздохнула она.

Яркій румянецъ проступилъ на загорѣломъ лицѣ Алешки. Сладкій трепетъ взволновалъ его сердце.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не облыгаешь?—глухо выговорилъ онъ.

Матрена взглянула на него искрившимися слезой глазами.

— Стало, любишь?

— Аль до сей поры не догадался?—упрекнула Матрена.

— Вѣрно слово?

— Вѣрнѣй вѣрнаго.

— Добро. И я давно сохну по тебѣ,—сказалъ Алешка, облегченно вздохнувъ.—Теперь, значитъ, моя душа отдохла... Теперясь я знаю, гдѣ лежитъ моя дорожка, не заросла она, сыщу ее!—горячо выговорилъ онъ, потрясая кулакомъ.

Матрена устремила на него ласковый, какой-то лелѣющій взоръ.

— На, попей еще водицы,—заботливо предложилъ Алешка...—Я завсегда буду носить тебѣ воду.

Матрена взяла буракъ и опять попила водицы.

— Прощай покуда, Мотря.—Помни, теперясь мы съ тобой—свои.

— Вѣрно слово,—отвѣтила Матрена съ счастливой улыбкой.

Алешка удало тряхнулъ головой и бодро зашагалъ къ товарищамъ, чтобы поскорѣй напоить ихъ. А въ это время и паромъ пришелъ съ той стороны. Черезъ нѣсколько минутъ колодниковъ погнали на паромъ, сержантъ торопился поскорѣй придти въ Казань, гдѣ ему будетъ смѣна и колодниковъ поведетъ въ Сибирь другой начальникъ, поручикъ Широковъ.

III.

Изъ Казани колодники пошли Арской дорогой и вплоть до Иртыша шли пѣши, а по этой рѣкѣ пошли внизъ на трехъ «дощаникахъ». Около крѣпости Сургута вошли въ рѣку Обь и пошли по ней вверхъ. Это былъ самый тяжолый походъ: дощаники пришлось тянуть лямкой. Бережныя болота, лѣса и непролазные тальники, всякіе заливы и ерики, которые приходилось переходить, и при этомъ тяжелые кандалы—совсѣмъ измучили колодниковъ.

Былъ августъ мѣсяцъ. Партія колодниковъ прошла около ста верстъ вверхъ по Оби. Съ утра пасмурный день къ полудню разыгрался непогодой. Сѣверный вѣтеръ перешелъ въ бурю, которая подняла сѣдыя волны на многоводной рѣкѣ. Поручикъ велѣлъ зачалиться къ берегу. Вся партія колодниковъ расположилась на небольшой песчаной косѣ. Кругомъ былъ лѣсъ дремучій, жилья человѣческаго и признака не было. Бушевавшая рѣка ревѣла, съ дикимъ шумомъ кидаясь на берегъ бѣлыми валами. Лѣсная дебрь выла и стонала. Мрачныя тучи, зловѣще клубясь, бѣшено и низко мчались надъ лѣсомъ. Холодно и страшно, точно начиналось свѣтопреставленье. Вся конвойная команда схоронилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колодниковъ, подъ деревья, чтобы защититься отъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бури и холода, и прикурнула, безпечно завернувшись въ свои «строевые кафтаны».

— Пора!—шопотомъ сказалъ Алешка Сизой бывшимъ около него товарищамъ.

И это слово его, такимъ же шопотомъ, быстро разнеслось по всему колодничьему стану. Наступила тишина. Сизой, а за нимъ и другіе колодники, человѣкъ съ тридцать, тихонько привстали «на четвереньки», насторожась, какъ кошки, и разомъ кинулись на команду. Одна минута и безпечные солдаты очутились въ плѣну. Колодники всѣхъ перевязали, а сами расковались. Колодничій станъ дико зашумѣлъ, пересиливая шумъ бури. Составился кругъ и поручика судить стали за то, что онъ «морилъ колодниковъ голодомъ, не давалъ нигдѣ въ городахъ печь мягкаго хлѣба и работой нехристіанской изневажилъ сверхъ силъ», и присудили бить его батожьемъ. Отобравъ у поручика пару пистолетовъ и барашковую шубу, а у солдатъ—двѣнадцать ружей со штыками, сумы съ порохомъ и съ пулями, палаши, и, завладѣвъ всѣмъ заготовленнымъ провіантомъ, колодники оставили команду на берегу, а сами переѣхали въ дощаникахъ на другую сторону рѣки. Отсюда тридцать девять человѣкъ пошли на низъ рѣки пѣши, а остальные десять поплыли въ дощаникахъ. Послѣдніе наѣхали на прибрежную деревню и разбили ее, пограбивъ сто шестьдесятъ рублей денегъ и много всякихъ пожитковъ. Изъ деревни колодники переѣхали на другую сторону рѣки, гдѣ была рыбачья ватага и стояло много лодокъ, которыми они овладѣли. Сюда подошли пѣшіе колодники и всѣ порѣшили идти на низъ «воровской артелью». Въ атаманы выбрали Онучу, такъ какъ среди колодниковъ было большинство его старинныхъ товарищей, прежде ходившихъ «подъ нимъ» въ разбойныхъ станицахъ; въ есаулы поставили Марка Жимолость, а старостой Якова Чупина.

На другой день, въ полдень, станица пошла на низъ въ четырехъ лодкахъ и передъ солнечнымъ закатомъ встрѣтила купеческое судно. Завидѣвъ его издали, Онуча отдалъ приказъ напасть на него съ двухъ сторонъ, «въ двѣ лодки съ каждой». Но судно представлялось грознымъ, потому что «изоружено было четырьмя чугунными пушками, всякимъ ружьемъ и сторожей оснащено довольно».

— Иди мимо!—крикнулъ съ судна водоливъ.

— Бросай якорь!—отвѣтилъ ему Онуча.

Но судно якоря не бросало.

— Сарынь на кичку!—раздался съ атаманской лодки традиціонный крикъ.

Лодки понеслись на судно, но атаманская поотстала: очевидно Онучѣ не хотѣлось нападать первому, чтобы не подвергать себя опасности первой схватки. За то лодка, въ которой былъ Сизой съ своими товарищами, первая доспѣла къ судну, и Сизой съ без-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шабашной удалью первый вскочилъ на бортъ его, размахивая солдатскимъ ружьемъ. Хозяева и прислуга судна, пораженная этой удалью, «побѣжала и попряталась въ мурьи и подъ кичку». Когда остальныя лодки зачалились баграми за судно, Сизой съ товарищами побѣдоносно стояли «по потопчинамъ» и объявляли, что сопротивленья уже нѣтъ. Станица разсыпалась по судну и начался безпощадный грабежъ: денегъ взяли болѣе четырехъ тысячъ, множество перстней, крестовъ и цѣпочекъ серебряныхъ, пять ружей «турокъ», много пороху, свинцу, чаю, сахару, шелку, канаваты, камки, полотна, всякихъ фуфаекъ, котловъ, чайниковъ и блюдъ оловянныхъ, два боченка вина. Однимъ словомъ, пограбили всякаго добра столько, сколько въ лодкахъ увезти могли. Хозяевъ-купцовъ разбойники не тронули, потому что они, «ничѣмъ не противились».

Ограбивъ судно, станица сплыла верстъ десять ниже и стала въ глухомъ мѣстѣ.

Разсвѣтало сѣрое утро слѣдующаго дня. Станица стала дуванить богатую добычу. Послѣ дувана началась попойка. Буйный разгулъ огласилъ и шумящую рѣку, и темную лѣсную трущобу.

— Матрешка, иди ко мнѣ!—принялся азартно звать Онуча Матрену, сидѣвшую рядомъ съ Сизымъ.

— Мнѣ около Алешки слаще,—бойко отвѣтила бабенка.

— Коль сама не придешь, за косы притащу,—грозился Онуча.

— Руки у тебя коротки,—крикнулъ Сизой.

— Что?.. Я атаманъ!... Я что хочу, то съ вами и дѣлаю: «хочу съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю».

— Врешь, орясина болонистая!—вспылилъ Сизой, вскочивъ на ноги.—Коль самъ забылъ, такъ спроси у артели, въ чемъ есть твое атаманство.

— Спрячь языкъ, а то урѣжу!—захрипѣлъ Онуча, схватившись за ножъ.

Но и Сизой быстро выхватилъ ножъ.

— Ну, иди на меня! — громовымъ голосомъ крикнулъ онъ, ставъ въ вызывающую позу.

Онуча остановился и въ безсильной злобѣ молча глядѣлъ на соперника, стиснувъ зубы и сверкая рысьими глазами. Весь станъ вдругъ затихъ: станичники мигомъ столпились около бойцовъ.

— Въ ножи ослушника! убейте его, ребята! — хрипло и беззвучно выкрикнулъ Онуча, обращаясь къ ближайшимъ станичникамъ.

— Ваша ссора, вамъ и разниматься,—послышалось изъ толпы.

— Вы такъ-то!.. атамана ослушаться!.. Постой! — зашипѣлъ Онуча, обводя станичниковъ ошалѣлымъ взоромъ, и разразился потокомъ «неподобной брани».

— Онуча посунулся на Сизова зря, не по-атамански!.. криво пошелъ!.. такъ въ артеляхъ не важивалось!—раздались крики въ толпѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Врешь, Онуча идетъ по атаманству!—возражали другіе, его сторонники.

Поднялся горячій споръ. Весь станъ зашумѣлъ и заволновался. Началась ожесточенная драка.

— Долой Онучу!.. Сизой нашъ атаманъ! — загорланило много голосовъ.

И опять драка. Кончилась распря тѣмъ, что Онучу «съ атаманства ссадили», а поклонились имъ Сизому. Принявъ атаманство, Сизой возстановилъ порядокъ въ хмѣльной и буйной артели и велѣлъ прибираться въ походъ. У него была одна мысль — скорѣе выбраться изъ Сибири, поэтому онъ въ тотъ же день повелъ станицу на низъ. Не доходя верстъ десять до крѣпости Сургута, станицѣ повстрѣчался рыбакъ, который объявилъ, что въ ихъ рыбачью избу пріѣхалъ сургутскій воевода съ семью дворовыми людьми и съ восемью солдатами. Сизой тотчасъ поплылъ къ рыбачьей избѣ; съ крикомъ и съ ружейной пальбой причалили станичники къ берегу. Воевода, понявъ, что за люди наѣхали, хотѣлъ скрыться, но было поздно, поэтому онъ вышелъ къ разбойникамъ съ поклономъ. Сизому это понравилось.

— Добро, воевода. Своей покорностью ты закупилъ себѣ спасенье: не трону тебя, а подарю моей дружбой. Давай побратаемся,— сказалъ Сизой.

Но это предложеніе побрататься, очевидно, было не по сердцу воеводѣ: сурово нахмуривъ брови, онъ молчалъ. Сизой, сердито смѣривъ воеводу глазами, молча вынулъ ножъ и повертѣлъ его, какъ бы любуясь игрою стального клинка, на которомъ свѣтлыми бликами разсыпались прорвавшіеся сквозь облака солнечные лучи.

— Ну, давай побратаемся,—сказалъ воевода.

Сизой воткнулъ ножъ въ ножны и перемѣнялся съ воеводой крестами. Въ ознаменованіе братства и дружбы онъ подарилъ воеводѣ «зеленаго сукна аршинъ пятьдесятъ, два чайника и два мѣдныхъ котла, да швабрское полотно». А воевода отдарилъ его «туркой». Сизой приказалъ «варить чай» и угощалъ воеводу. День клонился къ вечеру.

— Награди насъ пашпортами, сто рублевъ дамъ, — запросилъ Сизой.

— Пашпорты на штапномъ дворѣ, не у меня,—отвѣтилъ воевода.

— Не дашь?

— Не моего дѣла просишь. Пашпорты военный капитанъ выдаетъ.

— Дѣло говоришь. Ну, прощай, — послѣ минутнаго раздумья сказалъ Сизой и сѣлъ въ лодку.

Станичники отплыли отъ берега. Взмыла бурлацкая пѣсня и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

взбудила дикіе берега Оби, стономъ раскатившись по лѣсамъ и горнымъ ущельямъ. Такъ и пошла пѣсня вплоть до Сургута, мимо котораго станица плыла уже въ сумерки.

— Кто ѣдетъ?—окликнули ее съ крѣпости.

— Съ Карыму казаки!—крикнулъ въ отвѣтъ Сизой.

Но въ крѣпости поднялась тревога и за разбойниками «учинилась погоня, отъ которой станица бросилась въ побѣгъ», и погоня отстала. Разбойники поплыли по Оби «наспѣхъ» и по пути разбивали суда и богатыя села. Наѣхавъ на Троицкій Кандинскій монастырь, разбойники «мало оный пограбили». Между прочимъ въ монастырѣ подговорили старца «въ вожи» себѣ, которому заплатили впередъ восемьдесятъ рублей. Уходя изъ монастыря, «атаманскій секретарь» Виноградовъ, проворовавшійся симбирскій ярыжка, прибилъ къ воротамъ письмо: «По сей рѣкѣ Обвѣ, которая рѣка течетъ въ сиверную страну, поизволилъ погуливать господинъ атаманъ Сизой, при немъ есаулъ Чупинъ, съ удалыми добрыми молодцами. 19-го дня августа. Секретарь Захаръ Виноградовъ. А въ семъ монастырѣ изтраты сдѣлали и брали своеручно: печенаго хлѣба караваевъ съ тридцать, полть ветчины, восемь ружей, пороху съ пудъ, пятьдесятъ стерлядей, нелимъ, моксуновъ— все харчъ соленый, огласъ (лодку) большой новый и шапку добрую, топоръ».

Старецъ повелъ станицу на низъ и на другіе сутки повернулъ ее изъ Оби въ Сосву. Передъ разсвѣтомъ станичники пристали у какого-то села, которое наполовину было пусто: жители переселились въ другія мѣста. Видя «толикую сельскую бѣдноту», разбивать села Сизой не велѣлъ. Станица расположилась станомъ около церкви, бѣдной и ветхой. Лишь разсвѣло, Сизой пошелъ къ попу и пробылъ у него съ часъ.

— Ребята, я ноня вѣнчаться хочу: мы съ Матреной обѣщались вѣнцомъ накрыться, — объявилъ онъ станицѣ, возвратившись на станъ.

— Добро. Чтожъ? На законѣ дѣло, что изба на столбахъ, во вѣки прочно,—отозвалась станица.

— Спасибо, добры молодцы,—поклонился Сизой.—А кто похочетъ ко мнѣ въ сватья и въ честное «дружество»?

Сейчасъ же станица выбрала изъ своей среды двухъ сватовъ и двухъ дружекъ. Стали готовиться къ свадьбѣ. Бабы принялись шить Матренѣ сарафанъ изъ золотной парчи. Станичники кроили и шили себѣ рубахи и порты изъ камокъ и гарнитуры, драли эти дорогія ткани на кушаки и онучи. На другой день, утромъ, вся станица защеголяла: «нарядилась богато, что торговые люди о святъ день». Около завтрака начался благовѣстъ: попъ надумалъ «отправить часы». Станичники вошли въ церковь, «ходили къ иконостасу, молились и цѣловали образа и къ образамъ прикладывали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

куски парчи, камки и гарнитуру, а на престолъ положили сто рублевъ, дабы церковь поправилась». Послѣ часовъ было вѣнчанье Сизого съ Матреной. Станичники, кто умѣлъ, всѣ пѣли, а Захарка Виноградовъ громогласно возглашалъ «апостола».

— Гляди, Онуча, Матрена теперясь мнѣ жена пѣтая, церковная—и ты злобу свою брось, къ Матренѣ болѣй не присовывайся,—обратился Сизой къ своему сопернику, вышедъ изъ церкви.—Мы уговорились съ ней на то по доброй волѣ, безъ насильства.

Онуча злобно сверкнулъ глазами и молчалъ.

Около церкви станичники учинили большой и веселый пиръ, который продолжался во весь день и до полуночи. На пиру гуляли и сельчане. У церкви станица и заночевала, а въ ночи бѣжалъ старецъ провожатый. Отсюда станица пошла пѣша къ Уральскому хребту, держа путь на «Павлиный Камень». Шли двѣ недѣли лѣсами, болотами, горами, глухими дебрями по неизвѣстнымъ дорогамъ и тропамъ. Хлѣбъ весь пріѣли, пришлось голодать. Переваливъ за хребетъ, станичники «отдохли»: стали попадаться поселки и деревни. По небольшимъ рѣченкамъ станица пошла на низъ, къ большой рѣкѣ Камѣ. Между тѣмъ время подошло осеннее, холодное и непогожее. Сторона здѣшняя никому изъ станичниковъ не знакома, воровскія пристани не вѣдомы. До Волги идти далеко и въ такую глухую пору не дойти. И порѣшила станица разойтись по заводамъ Демидова, бароновъ Строгоновыхъ и Осокина, благо на заводахъ принимали въ работу всякаго бродячаго человѣка и паспортовъ не спрашивали. Сизой съ товарищами, въ двадцати человѣкахъ, пристали въ работу на Бымовскій заводъ Демидова. Зимой туда же пришелъ и Онуча.

IV.

Весна пришла. Скучно стало въ эту пору «добрымъ молодцамъ» на Бымовскомъ заводѣ, отъ тяжелой работы имъ худо можется, подневольная жизнь тошнехонька. И раздумались они и затужили о вольной волюшкѣ, о широкомъ раздольѣ Волги-кормилицы.

— Весна пришла, рѣки въ межень пали: негоже намъ добрымъ молодцамъ въ батракахъ сидѣть, пора и на волѣ погулять,—на Волгу родимую проняться,—сталъ подговаривать Сизой своихъ товарищей.

— Давно пора, веди насъ,—отозвались тѣ.

— Добро, прибирайтесь.

И выбравъ пасмурную ночь, Сизой ушелъ съ завода съ двадцатью четырьмя товарищами, въ числѣ которыхъ былъ и Онуча. Вышедъ на Каму, станичники скрали въ рыбачьемъ куренѣ двѣ лодки, разшитыя на трое веслы, и поплыли на низъ. Плывя Камой, станица набѣжала на Осинскій монастырь съ намѣреніемъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разбить его. Но старцы добровольно отворили ворота и съ поклономъ встрѣтили воровскую шайку. «Видя оную покорность старцевъ», Сизой разбивать монастыря не сталъ, а взялъ только двадцать короваевъ печенаго хлѣба, сушеной рыбы пудовокъ съ шесть, да свинцу и пороху. Станица расположилась около монастыря на отдыхъ. На станъ пришелъ какой-то мужичишка, Семка, и сталъ проситься въ станицу, а о себѣ сказывалъ, что онъ родомъ съ Усолья Надѣинскаго, кое въ Жигуляхъ, въ прошломъ-де лѣтѣ пришелъ на Каму въ разбойной станицѣ атамана Соколова и зазимовалъ въ Чувашахъ, а теперь пробирается опять на Усолье. Сизой принялъ его въ станицу. Съ перваго же дня многіе изъ станичниковъ примѣтили, что Онуча съ пришлымъ бурлачишкой Семкой «якобы въ давнемъ знакомствѣ и дружбѣ; на отдыхѣ ложились вмѣстѣ и межъ собой шопоткомъ шушукались». Этотъ Семка только двое сутокъ пробылъ въ артели и съ одной стоянки ушелъ тайкомъ, ночною порой, невѣдомо куда. Убыль пришлаго бурлачишки нисколько не потревожила станицы: всѣ сочли его за побродягу, коихъ въ то время много шаталось по Руси, а не за настоящаго бурлака-станичника, поэтому сейчасъ же и забыли про его утечку.

Дня черезъ два послѣ того, станица подплывала къ селу Сарапулю. Держась, по воровскому обычаю, вблизи горнаго берега, она плыла не торопясь по теченью рѣчной струи, сложивъ весла. Большая часть станицы безпечно дремала, не подозрѣвая близости большого и опаснаго села, которое заслоняла отъ нихъ высокая и угрюмая Старцова гора. Стоялъ жаркій полдень. Теплый вѣтерокъ по временамъ только, поднявшись изъ дебрей горнаго лѣса, сверкающей рябью проносился по широкому простору спокойной рѣки и опять затихалъ, засыпая въ зеленыхъ кущахъ кудряваго лугового мелколѣсья.

— Эй, станица!.. что лѣниво идешь?—дошелъ до лодокъ голосъ со Старцовой горы.

Станичники подняли глаза на гору: на верху голаго «камня» стоялъ мужичишко, въ которомъ всѣ узнали утеклеца Семку.

— Опять чтоль просишься? — крикнули ему съ атаманской лодки.

— Пѣшему вольготнѣй,—отвѣтилъ Семка и, загрохотавъ подозрительнымъ смѣхомъ, шмыгнулъ съ камня въ лѣсъ.

Черезъ нѣсколько минутъ съ горы раздался дребезжащій свистъ точно кто продудѣлъ въ глиняную свистульку. Сизой всполошился и велѣлъ взяться за весла и держаться отъ берега на средину рѣки. Онуча, стоявшій у руля задней лодки, сразу направилъ ее на противоположный песчаный берегъ, поэтому задняя лодка первой вынеслась на средину, откуда открывалась рѣка во всю ея ширину, отъ края и до края.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Берегись.. высылка!..—раздался тревожный крикъ съ этой лодки.

— Чаль на песокъ!—громогласно скомандовалъ Сизой.

И разбойныя лодки понеслись къ песчаному берегу. А саженяхъ во ста ниже торопливо гнали на тотъ же берегъ шесть лодокъ съ солдатами подъ командой поручика Хвостова. Двѣ лодки съ «высылкой» доспѣли къ берегу одновременно съ разбойными. Станичники, выбѣжавъ на песокъ, начали палить изъ ружей, а сами спѣшно отступали къ бережному мелколѣсью. Вдругъ раздался трескучій залпъ съ солдатскихъ лодокъ и двое станичниковъ пали.

— Ай! — вскрикнула Матрешка, и какъ снопъ, свалилась на землю.

Сизой кинулся къ ней, старался поднять ее, но, увы — изъ груди Матрешки ключемъ била кровь, обагряя бѣлый песокъ.

— Мотря, милая женка!.. открой свои ясныя оченьки! — простоналъ онъ, наклонившись надъ ней.

Матрена съ трудомъ приподняла вѣки, но «ясныя оченьки» уже потускнѣли и гасли.

— Попомни меня, Сизой: отмеску ты получилъ, Онуча не любитъ въ долгу быть. «Высылку» навелъ я черезъ Семку. Жалко лишь, что пуля нашла Матрешку, а не тебя!—прокричалъ Онуча и, захохотавъ, побѣжалъ къ кустарнику.

Какъ раненый звѣрь, вскочилъ Сизой на ноги и ринулся вдогонку.

— Умри, злодѣй!—заревѣлъ онъ, догнавъ коварнаго врага, и всадилъ ему ножъ въ бокъ.

Онуча, не вскрикнувъ, ткнулся лицомъ въ песокъ, а Сизой опять побѣжалъ къ женѣ и засталъ только ея послѣдній вздохъ. Роняя слезы, онъ стоялъ около подруги на колѣняхъ, вонзивъ ножъ въ сыпучій песокъ, и съ горькой тоской глядѣлъ въ ея потухшія очи.

А между тѣмъ четверо солдатъ спѣли къ нему и были уже недалеко.

— И я съ тобой, моя голубка! — перекрестивъ и поцѣловавъ покойницу, проговорилъ Сизой.

И въ ту же минуту, изо всей мочи рѣзнувъ себя по горлу широкимъ ножемъ, упалъ на трупъ Матрены, захлебываясь собственной кровью.

А. Голубевъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ПАРИЖСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1856 ГОДА. [1]

III.

РАЗСМОТРѢВЪ ходъ переговоровъ и положеніе дѣлъ на Парижскомъ конгрессѣ за первыя 8 конференцій, т. е. до 28-го февраля (11-го марта) 1856 года, обратимся къ обзору дальнѣйшаго хода переговоровъ, до ихъ окончанія.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что русскіе дипломаты, еще съ самаго начала переговоровъ, выражали желаніе, чтобы Пруссія, какъ великая держава, участвовавшая въ подписаніи трактата 1841 года, подлежавшаго теперь пересмотру, была бы приглашена участвовать на Парижскомъ конгрессѣ. Подобное же заявленіе было сдѣлано еще въ 1855 году княземъ Горчаковымъ въ Вѣнѣ, во время происходившихъ тамъ переговоровъ. Бисмаркъ не вѣрилъ нашей искренности, такъ какъ, по его мнѣнію, это было не въ нашихъ интересахъ. Но наши политическіе разсчеты не проникали такъ глубоко въ будущее, какъ это казалось Бисмарку.

Для выясненія этого вопроса, обратимся къ обзору обстоятельствъ, въ силу которыхъ Пруссія не получила приглашенія отъ западныхъ державъ участвовать на Парижскомъ конгрессѣ.

Соперничество Пруссіи съ Австріей, по дѣламъ Германіи, заставляло первую изъ нихъ опасаться, чтобы Австрія не возвысилась еще болѣе въ виду современнаго положенія дѣлъ въ Европѣ, при которомъ вѣнскій кабинетъ занималъ выдающееся по-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 386.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ложеніе, какъ держава неучаствовавшая въ войнѣ, но которую обѣ воюющія стороны старались привлечь къ союзу. Поэтому Пруссія, насколько могла, во всемъ мѣшала Австріи.

За это Австрія предлагала Франціи держать въ блокадѣ все Балтійское море, съ прусскими берегами, чтобы препятствовать военной контрабандѣ и вліять на Пруссію. Но графъ Буоль не обѣщалъ принять рѣшительное участіе въ войнѣ, говоря вообще двусмысленно и опасаясь впасть въ недоразумѣнія (malentendus). Австрія опять обратилась къ германскому союзу съ предложеніемъ общаго германскаго единства. Пруссія, въ свою очередь, этому воспротивилась.

Бисмаркъ ѣздилъ по этому поводу въ Штутгардъ и Виртембергъ, чтобы настроить всѣхъ противъ Австріи.

Тогда графъ Буоль поручилъ Эстергази передать въ Берлинѣ копію съ полученнаго имъ отъ вѣнскаго двора заявленія, что ежели прусскій король не присоединится къ державамъ, отправившимъ въ Петербургъ свои требованія по четыремъ пунктамъ, то не будетъ участвовать въ постановленіи мира, о которомъ начнутся въ Парижѣ переговоры.

Лордъ Блумфельдъ, съ своей стороны, сказалъ по адресу Пруссіи, что политика, которая могла быть хорошею въ 1855 году, не будетъ уже таковою въ 1856 году [1]). Независимо отъ того, органъ лорда Пальмерстона, «Morning Post», называя политику Пруссіи лукавою (cauteleuse) и безчестною (déshonorante), говорилъ, что всему этому наступаетъ конецъ, что прусскій король силою будетъ принужденъ выйти изъ своего нейтралитета. «Мы дадимъ Пруссіи урокъ, котораго она долго не забудетъ» [2]). Мы видѣли, изъ донесенія графа Орлова, что въ то время, какъ Англія и Австрія (желавшая быть въ Парижѣ единственною представительницею Германіи) противились приглашенію Пруссіи, графъ Орловъ постоянно настаивалъ на приглашеніи послѣдней участвовать на конгрессѣ. Оно и понятно. Пруссія заявляла намъ, что ей грозятъ разныя несчастія, вслѣдствіе нежеланія ея стать открыто на сторону нашихъ враговъ. Мы вѣрили, поэтому, что Пруссія расположена къ намъ дружественно, и потому, естественно, старались привлечь ее къ участію въ конгрессѣ. Но тутъ-то и представляется чрезвычайно важный вопросъ: сохраняла ли Пруссія свой нейтралитетъ изъ расположенія къ намъ, или подъ вліяніемъ соперничества съ Австріей? Принявъ сторону нашихъ враговъ, она способствовала бы только усиленію Австріи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Но желала ли она своимъ нейтралитетомъ оказать дѣйствительную пользу Россіи?

---

[1]) Rothan, p. 238.
[2]) Rothan, p. 239.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно разсмотрѣть—чего желала и чего не желала, вообще, Пруссія? Она не желала усиленія Россіи, какъ своего сосѣда, для политики будущаго. Но она не желала и вооружать его противъ себя, въ тѣхъ же видахъ будущаго; къ тому же настоящее сложилось противъ Россіи такъ, что ей и безъ того предстояло выйти изъ войны не усиленною, а ослабленною. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, желаемая цѣль, въ извѣстной степени, достигалась сама собою. И такъ, ставъ открыто на сторону нашихъ враговъ, Пруссія ничего не выигрывала. Пристать къ намъ—значило рисковать, потому что тогда и Австрія, несомнѣнно, стала бы на сторону нашихъ противниковъ, а это составило бы пять противъ двухъ. Поэтому, только въ состояніи нейтралитета Пруссія и могла имѣть, во время войны, политическое значеніе для обѣихъ воющихъ сторонъ. Угрозъ же дѣлаемыхъ ей, она не боялась, хорошо понимая, что западныя державы предпочтутъ имѣть Пруссію нейтральною, чѣмъ ставить ее противъ себя, съ оружіемъ въ рукахъ, когда и безъ того шансы войны были еще сомнительны. Но эти угрозы только давали Пруссіи право указывать Россіи, что, не желая быть ея врагомъ, руководимый къ ней чувствами дружбы, берлинскій кабинетъ навлекаетъ на себя вражду цѣлой Европы.

Такимъ образомъ, внѣшняя сторона дружбы съ сосѣдомъ сохранялась. Мы и вѣрили въ эту дружбу.

«Мы конечно не можемъ забыть,—писалъ графъ Нессельроде графу Орлову отъ 5-го апрѣля 1856 года № 120,—что изъ всѣхъ великихъ державъ, одна Пруссія, не была намъ враждебна».

Но если поставить вопросъ такъ: «Поведеніе Пруссіи было ли намъ полезно?» То на этотъ вопросъ факты отвѣчаютъ только отрицательно. Дѣйствительно: въ 1853 году, когда еще война не была объявлена Турціи, Англія и Франція тогда еще не рѣшались на борьбу съ Россіей. Австрія выработала ноту, одобренную Россіей, какъ средство удовлетворить ея законнымъ требованіямъ относительно Порты. Ноту эту обѣщали поддерживать въ Константинополѣ представители Англіи и Франціи. Принятіе этой ноты султаномъ, обязывая его исполнить существующіе между Россіей и Турціей трактаты, устранило бы самую войну. По поводу этой вѣнской ноты, уже одобренной императоромъ Николаемъ, въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ были сдѣланы нѣкоторыя замѣтки, не съ цѣлью измѣненія самой ноты, но, единственно, лично для императора, чтобы указать на нѣкоторыя въ ней неточности и неполноту выраженій, которыя могутъ быть истолкованы не въ нашу пользу.

Эти секретныя замѣтки, не предназначавшіяся даже для ихъ заявленія, неожиданно, появились на столбцахъ берлинскихъ газетъ и вызвали цѣлую бурю толкованій по поводу затаенныхъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

будто бы, намѣреній Россіи. Англія и Франція отказались поддерживать эту ноту; Турція ее не приняла, и война началась.

Въ 1854 году, опять та же Австрія, въ качествѣ посредника, составила проектъ, такъ называемыхъ, четырехъ пунктовъ предварительныхъ соглашеній, которые предлагалось Россіи принять безъ измѣненій. Эти четыре пункта были такого свойства, что графъ Нессельроде, говоря о нихъ въ инструкціи къ графу Орлову, отъ 30-го января 1856 года № 37, выражается такъ, что если бы не обстоятельства «то, безъ малѣйшаго колебанія, пришлось бы бросить перчатку двору, котораго низость равняется только его неблагодарности». И что же? Прусскій король, по его собственнымъ словамъ, кровью писалъ свое письмо императору Николаю— «умоляя его внять голосу благоразумія»—т. е., принять четыре вѣнскихъ пункта безъ измѣненія.

Императоръ Николай поэтому и согласился принять эти пункты за основаніе мирныхъ переговоровъ, которые и открылись въ Вѣнѣ, въ 1855 году. Во время самаго разгара переговоровъ, произошло, также случайное и неожиданное, обстоятельство. Положеніе союзниковъ подъ Севастополемъ было таково, что Наполеонъ уже готовился снять осаду и очистить Крымъ. Но вдругъ представители Франціи и Англіи на конференціяхъ начали проявлять неимовѣрную настойчивость въ своихъ требованіяхъ и не соглашались ни на какія уступки въ пользу Россіи. Дѣло это разъяснилось тѣмъ, что министръ Пруссіи, Мантейфель, всегда крайне не расположенный къ Россіи, добылъ чрезъ своего шпіона копію съ частныхъ писемъ прусскаго военнаго агента въ Петербургѣ къ генералу Герлаху въ Берлинѣ. Въ письмахъ этихъ, какъ неимѣющихъ официальнаго значенія, многое говорилось въ крайне преувеличенномъ видѣ и выставлялось почти безвыходное положеніе Россіи и скорое паденіе Севастополя. Мантейфель доставилъ эти копіи, чрезъ третье лицо, одному изъ членовъ французскаго посольства, и вскорѣ ихъ имѣлъ уже въ своихъ рукахъ Наполеонъ. Это было для него манной, свалившейся съ небесъ. Онъ рѣшилъ продолжать осаду, послалъ Пелисье сообщеніе о скоромъ, неминуемомъ, паденіи Севастополя и приказалъ своему уполномоченному въ Вѣнѣ не дѣлать никакихъ уступокъ. Такимъ образомъ выходитъ, что прусскій министръ Мантейфель былъ, едва ли, не главною причиною неудачи вѣнскихъ конференцій и, быть можетъ, паденія Севастополя.

Когда, въ началѣ 1856 года, снова былъ поднятъ вопросъ объ открытіи переговоровъ, которые императоръ Александръ II предложилъ начать въ Парижѣ, то было рѣшено собраться сперва въ Вѣнѣ представителямъ державъ и опредѣлить основанія переговоровъ, въ смыслѣ тѣхъ же четырехъ пунктовъ, по которымъ въ прошломъ году не состоялось соглашенія. Въ это время прусскій

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

король приказалъ своему посланнику въ Петербургѣ заявить императору Александру II, что ежели Россія не приметъ, безъ измѣненія, дѣлаемыхъ ей предложеній, то онъ, посланникъ, долженъ будетъ оставить Петербургъ [1]).

Поэтому, 15-го (27-го) января 1856 г. прусскому посланнику было сообщено, что Россія приметъ, въ общихъ основаніяхъ, постановленія, которыя состоятся въ Вѣнѣ, и дѣйствительно она приняла вѣнскую конвенцію 20-го января (1-го февраля) 1856 г., какъ основаніе для Парижскаго конгресса.

Такимъ образомъ, Пруссіи пришлось влить послѣднюю каплю въ чашу горечи, которую намъ предстояло испить. Ей выпало, наконецъ, на долю своимъ рѣшительнымъ словомъ побудить Россію сдѣлать уступки, которымъ она такъ долго противилась, разсчитывая на поддержку или хотя на нейтралитетъ Пруссіи.

Австрія упрекала Пруссію за то, что она «первая успѣла пролѣзть въ брешь, которая сдѣлана была Австріей». Теперь Пруссія разсчитывала, что будетъ приглашена къ участію въ Парижскомъ конгрессѣ. Но въ «Times» появилась статья официальнаго значенія, въ которой спрашивалось: «въ качествѣ чего Пруссія будетъ участвовать на конференціяхъ? Она ни нашъ союзникъ, ни союзникъ Россіи, и даже не великая держава, такъ какъ она отказалась отъ этой чести (abdique les honneurs) и на конференціяхъ нѣтъ мѣста для разныхъ увертокъ (subterfuges)». Принцъ Альбертъ, въ письмахъ своихъ къ королевѣ, высказывался въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ допускать на конференціи державу, которая—«ничѣмъ не желала рисковать, а хочетъ получить выгоду, предоставивъ другимъ нести свои жертвы».

Королева, въ письмѣ къ Кларендону отъ 25-го марта н. с. 1856 г.—писала, что «принять Пруссію на конгрессъ—значитъ унизить Англію и доказать, что она смотритъ равнодушно на безнравственность въ политикѣ». Не дождавшись приглашенія, прусскій король обратился въ Петербургъ, прося возбудить вопросъ о приглашеніи Пруссіи на конгрессъ. Противъ этого приглашенія были не только Англія, но и Австрія. Первая потому, что нейтралитетъ Пруссіи не дозволилъ окончательно ослабить Россію; Австрія потому, что, по той же причинѣ, она не получила ожидаемыхъ выгодъ на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому обѣ заявили, что допустятъ Пруссію только тогда, когда она предварительно согласится на принятіе всѣхъ требуемыхъ отъ Россіи условій, и обѣщаетъ поддерживать эти требованія оружіемъ, если Россія ихъ отвергнетъ.

Пруссія однако не согласилась дѣйствовать оружіемъ противъ Россіи и объявила французскому посланнику, де-Мустье, что отно-

[1]) Rothan, p. 240.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сительно своего приглашенія на конгрессъ—она полагается только на справедливость и великодушіе императора Наполеона, вовсе не желая вступить на конгрессъ по милости графа Буоля и подъ его покровительствомъ. «Мы только на васъ разсчитываемъ,—сказалъ Мантейфель.—Англія противъ насъ озлоблена, Австрія намъ завидуетъ, а Россія не желаетъ видѣть насъ въ Парижѣ. Она надѣется, что оскорбленіе, которое мы почувствуемъ вслѣдствіе нашего исключенія изъ конгреса, заставитъ насъ предаться въ ея распоряженіе. Я уже замѣтилъ это изъ разговоровъ съ графомъ Орловымъ, который увѣрялъ меня, что наше положеніе полно достоинства, и совѣтуетъ отклонять всѣ предложенія, которыя намъ будутъ дѣлать» [1]).

Бисмаркъ былъ того же мнѣнія. «Усилія Россіи,—писалъ онъ отъ 15-го февраля,—добиться нашего приглашенія на конгрессъ, не серьезны. Наше раздраженіе, вслѣдствіе исключенія насъ отъ участія на конгрессѣ, сослужитъ ей лучшую службу, чѣмъ наше на немъ присутствіе».

Бисмаркъ совѣтовалъ оставаться спокойными. «Угрожать,—писалъ онъ,—безъ приведенія угрозъ въ исполненіе, покажетъ только дурное состояніе нашего духа. Раздражаться же, не имѣя возможности уничтожить причину раздраженія, силою, или иначе—еще гибельнѣе для государства чѣмъ для частнаго лица. Къ тому же, до сихъ поръ, мы и не имѣемъ еще причинъ быть недовольными своею судьбою» [2]). «Чѣмъ болѣе,—писалъ онъ 25-го января 1856 г.,—мы будемъ изъявлять желаніе и нетерпѣніе участвовать на конгрессѣ, тѣмъ выше будутъ держать веревку, черезъ которую мы хотимъ перескочить».

Англійскій посолъ въ Берлинѣ, лордъ Блюмфельдъ—сказалъ Мантейфелю.

— Ваша политика неизбѣжно приведетъ Пруссію къ полному изолированію въ Европѣ.

— Мы не настолько изолированы, какъ вы думаете,—отвѣчалъ Мантейфель.

— Да, вы правы,—съ ироніей сказалъ Блюмфильдъ—я забылъ, что вы вѣдь спутники (les satelites) русскихъ».

Было уже сказано, насколько это названіе было справедливо. Тѣмъ не менѣе, Россія не переставала настаивать на приглашеніи Пруссіи, что наконецъ и состоялось.

Въ своемъ собраніи 10-го марта, конгрессъ рѣшилъ, чтобы Пруссія, какъ держава подписавшая трактатъ 13-го іюля 1841 года, была приглашена принять участіе въ его трудахъ.

«Имѣю честь препроводить вамъ экземпляръ протокола, кото-

[1]) Rothan, p. 248.
[2]) Rothan, p. 250.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рый прошу сообщить прусскому правительству»,—писалъ графъ Валевскій Мантейфелю, прилагая ему выписку изъ протокола, съ постановленіемъ конгресса о приглашеніи Пруссіи. Представителемъ Пруссіи въ Парижѣ былъ назначенъ тотъ же Мантейфель, враждебность котораго къ Россіи была извѣстна всей Европѣ.

Мантейфель поѣхалъ на конгресъ и прибылъ въ Парижъ 15-го марта. Къ кому онъ не являлся—его долго держали въ пріемныхъ, такъ что онъ намѣревался уже вернуться въ Берлинъ. Послѣ же аудіенціи у Наполеона и графа Валевскаго, положеніе его поправилось, и онъ всего ближе сошелся съ Кавуромъ.

Наполеонъ, при всѣхъ случаяхъ, умышленно показывалъ прусскому послу свое вниманіе, также какъ и графъ Валевскій.

Назначеніе Мантейфеля представителемъ Пруссіи на конгрессъ ясно показываетъ, наскольно она желала дѣйствовать въ нашихъ интересахъ. Въ ненависти къ Россіи Мантейфель уступалъ развѣ только Бунзену. Впрочемъ, мы и не нуждались теперь въ Пруссіи, такъ какъ за насъ былъ Наполеонъ, по камертону котораго настроивался тонъ конгресса.

По поводу назначенія Мантейфеля въ Парижъ, графъ Орловъ ограничился простымъ сообщеніемъ, телеграммою [1]).

«Пруссія вступила вчера на конференцію, вопреки антипатіи Англіи. Занимаются редакціей окончательнаго трактата, который, въ полномъ его видѣ (dans le plenum), возбуждаетъ суетливое (tracassière) сопротивленіе Англіи. Не смотря на это, работы подвигаются, хотя и съ трудомъ».

Затѣмъ, отъ 12-го (24-го) марта [2]), онъ писалъ: «Кларендонъ возбуждаетъ безполезные споры относительно формы принятія Пруссіи на конгрессъ. Послѣ трехъ засѣданій, затрудненія преодолены. Параграфъ о Сербіи принятъ въ нашемъ смыслѣ. Споры о христіанахъ начались. До сихъ поръ мы достигли желаемыхъ результатовъ. Мы включили слова [3]):—который посвящаетъ (qui consacre) свои великодушныя намѣренія пользамъ христіанскихъ населеній».—«Кажется, что англичане получили изъ Лондона приказаніе затягивать переговоры и всѣми мѣрами имъ противиться (contrecarer), въ разсчетѣ затянуть ихъ до 6-го апрѣля н. ст., когда кончается финансовый годъ въ Англіи».

Окончанію переговоровъ препятствовалъ такимъ образомъ только вопросъ о христіанахъ на Востокѣ. Для обезпеченія ихъ будущей судьбы, мы требовали обязательнаго акта со стороны султана. Это находили не согласнымъ съ достоинствомъ Порты. Дѣло останови-

---

[1]) Графъ Орловъ, 7-го (19-го) мая 1856 г., № 42. М. И. Д.

[2]) Графъ Орловъ, 12-го (24-го) марта 1856 г., № 50.

[3]) Слова, внесенныя въ трактатъ, какъ обязательство султана, по отношенію къ христіанамъ въ Турціи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лось не на его сущности, а на формѣ. Графъ Орловъ представилъ по этому вопросу свой проектъ.

«Но, телеграфировалъ онъ [1]),—судя по всему, принятіе его возбудитъ непреодолимыя затрудненія. Въ этомъ вопросѣ мы стоимъ одни. Прошу сказать мнѣ—до какого предѣла я могу довести мое сопротивленіе. Слѣдуетъ ли абсолютнымъ отказомъ компрометировать подписаніе самаго мира? Мы будемъ стараться достигнуть всего, что въ нашей власти, но я сомнѣваюсь въ какомъ-либо успѣхѣ».

Графъ Нессельроде отвѣчалъ на этотъ запросъ телеграммою отъ 12-го (24-го) марта [2]):

«Государь императоръ приказалъ мнѣ предложить вамъ, сдѣлать все возможное для лучшей редакціи пункта, относящагося до христіанъ. Однако, если вамъ не удастся сдѣлать этого, не подвергая риску заключеніе мира,—вамъ разрѣшается принять редакцію въ томъ видѣ, какъ она состоится».

По вопросу о христіанахъ на Востокѣ, графъ Орловъ дѣйствовалъ въ смыслѣ поданнаго ему, состоящимъ при посольствѣ, грекомъ Базили, мемуара, авторъ котораго, по словамъ графа Орлова, былъ знатокомъ положенія дѣлъ на Востокѣ.

По смыслу этого мемуара [3])—«всѣ христіане, безъ различія культа, должны состоять подъ покровительствомъ Европы. Всѣ измѣненія, которыя султанъ пожелалъ бы сдѣлать относительно ихъ въ будущемъ, должны быть предварительно заявлены державамъ, участвующимъ въ гарантіи христіанскихъ привилегій. Относительно же подданныхъ Россіи, посѣщающихъ Іерусалимъ, они пользуются правами, предоставленными католикамъ и протестантамъ—имѣютъ своихъ священниковъ въ Іерусалимѣ и отдѣльныя церковныя зданія, для чего, по требованію русскаго правительства, имъ отводятся въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ приличныя мѣста, годныя для устройства церкви русской и дома для призрѣнія странниковъ и больныхъ. Устройство церкви и дома должно быть подъ спеціальнымъ наблюденіемъ русскаго генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ».

Но опытъ показалъ, что турки не идутъ ни на какія соглашенія и переговоры съ ними всегда только «усложняли положеніе и порождали недовѣріе». Поэтому, проектъ упомянутаго соглашенія былъ представленъ графу Валевскому, который отвѣчалъ на него мемуаромъ, гдѣ говорилось, что въ сущности нашъ проектъ представляетъ тѣ же требованія, которыя были заявлены въ Константинополѣ княземъ Меншиковымъ и которыя не привели къ со-

---

[1]) Графъ Орловъ, 9-го (21-го) мая 1856 г., № 45. М. И. Д.
[2]) Графъ Нессельроде графу Орлову, 12-го (24-го) мая 1856 г., № 97. М. И. Д.
[3]) Графъ Орловъ, 9-го (21-го) мая 1856 г., № 48. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

глашенію. Также мало надежды, чтобы и теперь могло состояться соглашеніе—«и настаивать на этомъ, значитъ, рисковать самимъ миромъ». Къ тому же, всѣ эти гарантіи имѣютъ лишь призрачный характеръ. Стараясь о правѣ постройки русской церкви и странопріимнаго дома въ Іерусалимѣ, нельзя запретить султану дозволить возводить подобныя сооруженія всѣмъ другимъ иностранцамъ въ Турціи.

Франція сама пользуется только чисто призрачнымъ правомъ покровительства на востокѣ христіанамъ, не состоящимъ въ подданствѣ Турціи, потому что весь церковный персоналъ въ Іерусалимѣ—католики, а всѣ, кому они должны покровительствовать—старинные подданные Порты. Вообще графъ Валевскій совѣтовалъ, для нашего же достоинства, не испрашивать отъ Турціи никакихъ частныхъ постановленій. Когда же придетъ время строиться въ Іерусалимѣ или другихъ мѣстахъ, говорилъ онъ, тогда, по заключеніи мира, легко будетъ условиться объ этомъ съ Турціей. По мнѣнію графа Орлова, Турція больше всего боится отдѣльныхъ съ нами соглашеній, и для насъ выгоднѣе держаться общихъ выраженій трактата, растяжимость котораго даетъ намъ возможность развить впослѣдствіи наше положеніе.

Принимая во вниманіе этотъ взглядъ, наши уполномоченные пришли къ тому выводу, что—«на Востокѣ мы имѣемъ перспективу все большаго и большаго искренняго соглашенія съ Франціей. Это послужитъ дѣйствительнымъ средствомъ къ развитію нашей дѣятельности политической и нашихъ правъ, которыя вполнѣ могутъ согласоваться съ правами Франціи, и взаимное согласіе которыхъ будетъ дѣйствительнымъ прогрессомъ для человѣчества вообще, и христіанства въ частности».

Вообще, ходъ переговоровъ, во второй половинѣ сессіи конгресса, виденъ изъ донесенія графа Орлова 9-го (21-го) марта 1856 года, № 46. Донесеніе это служитъ, какъ бы продолженіемъ его отчета о переговорахъ первой половины сессіи, отъ ея начала до 28-го февраля (11-го марта) того же года.

«По вопросу о Дунайскихъ княжествахъ,—пишетъ въ донесеніи за № 46 графъ Орловъ,—мы успѣли выполнить виды императорскаго кабинета, выраженные въ полученныхъ нами инструкціяхъ, которыми мы руководствуемся. Мирный трактатъ подтвердитъ привилегіи Молдавіи и Валахіи, обезпечивая за ними сохраненіе независимой и народной администраціи, равно какъ свободу религіи, закона, торговли и навигаціи. Подробности вопросовъ будутъ опредѣлены соглашеніями между договаривающимися державами. Спеціальная комиссія соберется въ Бухарестѣ и будетъ соображаться съ желаніемъ обоихъ княжествъ, относительно окончательнаго ихъ административнаго устройства. Въ комиссіи будетъ присутствовать одинъ делегатъ отъ русскаго императорскаго двора.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Султанъ долженъ будетъ издать особый хати-шерифъ, долженствующій утвердить административное устройство княжествъ, которыя будутъ состоять подъ гарантіей всѣхъ договаривающихся державъ».

По настоянію нашихъ уполномоченныхъ, въ трактатъ рѣшено было не вносить оскорбительнаго для Россіи выраженія—«полнаго уничтоженія русскаго протектората» надъ княжествами, какъ этого желала Австрія, ставя это выраженіе во главѣ предварительныхъ условій мира, по вѣнскимъ протоколамъ.

Что касается до хода переговоровъ о числѣ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ, то въ этомъ отношеніи англичане сильно возражали противъ французскаго проекта, говоря, что—«состояніе нашего флота, по предполагаемому проекту, даетъ намъ силу, которая можетъ быть опредѣлена въ 12,000 тоннъ, что далеко превосходитъ уже требованія морской службы на морѣ, которое объявляется нейтральнымъ и закрытымъ для иностранныхъ военныхъ судовъ». — «Поэтому, пишетъ графъ Орловъ, поводу, возникли между лордомъ Кларендономъ и графомъ Валевскимъ очень живыя объясненія, какъ словесно, такъ и письменно. Они приняли настолько рѣзкій характеръ, что я уже видѣлъ, что главный предметъ переговоровъ, т. е., возстановленіе мира, рискуетъ разбиться, натолкнувшись на дурныя намѣренія британскаго правительства. Я ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы побѣдить препятствія. Я имѣлъ честь говорить о нихъ лично императору Наполеону. По истинной правдѣ я долженъ отдать ему справедливость въ томъ, что онъ съ мудростью употреблялъ свое авторитетное вліяніе, съ цѣлью примиренія. Графъ Валевскій дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Однако, англійскіе уполномоченные, находясь подъ опасеніемъ порицаній журналовъ, парламентскихъ нападеній и потери популярности, которыя угрожаютъ нынѣшнимъ правителямъ страны въ случаѣ заключенія мира, не рѣшаются навлечь на себя отвѣтственности подписаніемъ акта, по которому наши морскія силы на Черномъ морѣ далеко превосходятъ размѣръ, который можно было бы назвать необходимымъ, но который они называютъ грознымъ (formidable).

«Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они кончили однако тѣмъ, что согласились на условія для нихъ далеко не выгодныя, а для насъ еще болѣе благопріятныя, чѣмъ предполагалось по предварительному плану». Дѣйствительно, за нами утвердили право имѣть 6 большихъ парусныхъ судовъ, въ 50 метровъ длиною, и 4 легкихъ судна, вмѣстимостью 200 тоннъ каждое:— «Но за то, продолжаетъ графъ Орловъ, независимо отъ военныхъ судовъ, предназначенныхъ для береговой службы, мы получили полное право строить и имѣть въ нашемъ распоряженіи, сколько хотимъ, и какихъ хотимъ размѣровъ, транспортныя суда, лишь бы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

они не были вооружены и не имѣли военнаго флага. Такое положеніе даетъ императорскому правительству всѣ желаемыя средства образовать морскія силы, важность которыхъ опредѣлится со временемъ, и даетъ возможность имѣть, по всему протяженію азіатскихъ и европейскихъ береговъ Чернаго моря, суда годныя для военной службы на случай надобности».

Вообще представители Англіи почти ежедневно мѣняли или дополняли свои заявленія—«получая изъ Лондона телеграммы, противорѣчившія сегодня тому, на что̀ они соглашались наканунѣ. Этимъ безпрерывнымъ контръ-приказаніямъ наступилъ теперь конецъ»,—писалъ графъ Орловъ.

Графъ Орловъ написалъ по этому поводу письмо лорду Кларендону. Отвѣчая на него, Кларендонъ не скрывалъ—«того ужаса, который охватываетъ главнаго секретаря Англіи—отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ страны и англійскаго правительства»—«чѣмъ и можно объяснить поведеніе англійскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ»,—замѣчаетъ графъ Орловъ.

Особенности переговоровъ по вопросу о христіанскихъ подданныхъ Порты состояли въ томъ, что этому вопросу договаривающіеся хотѣли придать какъ бы ничтожное значеніе.

«Вы будете удивлены, узнавъ, — пишетъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—что, по соглашенному уже между нашими противниками плану, было рѣшено помѣстить постановленіе по этому вопросу—въ концѣ трактата, съ цѣлью ослабить его важность. Я разрушилъ это предположеніе, предложивъ соединить пунктъ касающійся христіанъ, вмѣстѣ съ пунктомъ, по которому Оттоманская имперія вступала въ составъ европейскихъ державъ».

Вообще не оставалось уже болѣе вопросовъ, по которымъ можно было ожидать серьезныхъ разногласій.

Графъ Валевскій желалъ, чтобы окончательный мирный договоръ былъ уже подписанъ 8-го (20-го марта) марта, въ день годовщины возвращенія съ острова Эльбы императора Наполеона. Но исполнить это не оказалось возможнымъ, въ виду громадныхъ предварительныхъ работъ, которыя требовалось исполнить прежде чѣмъ миръ будетъ подписанъ.

Къ тому же, Англія не переставала тормозить дѣло. Не были еще рѣшены вопросы объ Аландскихъ островахъ и относительно редакціи текста о христіанахъ Порты.

По первому вопросу, заявляя Наполеону и графу Валевскому о намѣреніи русскаго императора не возобновлять укрѣпленій на Аландскихъ островахъ, графъ Орловъ обусловилъ эту уступку такимъ образомъ [1]):

---

[1]) Графъ Орловъ, 20-го мая (1 апрѣля) 1856 г., № 58.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1) «Мы соглашаемся на это только послѣ того, какъ воспослѣдуетъ уже соглашеніе по другимъ пунктамъ переговоровъ.

2) «По этому вопросу соглашеніе должно быть установлено отдѣльное, только между Россіей, Франціей и Англіей, такъ какъ только эти державы вели военныя дѣйствія на водахъ Балтійскаго моря.

3) «Все принятое нами по вопросу объ Аландскихъ островахъ есть наше добровольное обѣщаніе, а не вынужденное обязательство.

Затѣмъ, въ донесеніи отъ того же числа № 57, излагая ходъ дѣла по вопросу о христіанахъ въ Турціи и религіозному,—графъ Орловъ говорилъ,—«что онъ предложилъ проектъ своей редакціи, которую лордъ Кларендонъ назвалъ «въ десять разъ худшею чѣмъ нота князя Меншикова, а графъ Валевскій сказалъ, что будетъ невозможно заставить уполномоченныхъ Турціи подписаться подъ этимъ проектомъ». Предвидя это, наши уполномоченные, заранѣе, заготовили и другой, болѣе мягкій, проектъ редакціи. Этотъ проектъ встрѣтилъ такой же отпоръ, причемъ представители Англіи и Франціи высказали даже опасенія, что Россія имѣетъ какую-то заднюю мысль, и что дѣло можетъ окончиться тѣмъ, что султанъ вовсе откажется внести въ трактатъ параграфъ о христіанахъ, на чемъ настаивалъ графъ Орловъ.

Кларендонъ и Валевскій составили послѣ этого сами проектъ новой редакціи и Валевскій пригласилъ графа Орлова обсудить эту редакцію конфиденціально. Графъ Орловъ счелъ нужнымъ прямо высказать свои замѣчанія по этому проекту.

1) Онъ находилъ, «что французскій проектъ, въ интересахъ Порты, не упоминаетъ вовсе о христіанскомъ населеніи, въ пользу котораго долженъ быть составленъ фирманъ.

2) «Не говорится о томъ, что этотъ актъ, издаваемый султаномъ, долженъ освятить (consacrer) новыя постановленія, имѣющія цѣлью улучшить положеніе христіанскихъ подданныхъ Порты».

Графъ Валевскій обѣщалъ принять эти замѣчанія во вниманіе для новой редакціи текста, но заявилъ, что ему предстоитъ не мало труда побудить другихъ уполномоченныхъ сдѣлать требуемыя нами дополненія, такъ какъ и безъ того, съ большими только затрудненіями, удалось получить согласіе на сдѣланную уже редакцію фирмана.

«Поэтому,—доносилъ графъ Орловъ,—не отъ нашихъ усилій и предусмотрительности (persévérance) зависитъ рѣшеніе этого вопроса, вполнѣ согласное съ нашими желаніями».

Графъ Валевскій, дѣйствительно, составилъ новую редакцію султанскаго фирмана, принявъ въ соображеніе желанія нашихъ уполномоченныхъ, и просилъ ихъ при этомъ не возбуждать новыхъ требованій, такъ какъ можетъ случиться, что султанъ, согласив-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шись на включеніе въ трактатъ особаго пункта о христіанахъ, можетъ взять назадъ свое согласіе и затруднить дѣло.

Дѣйствительно, изъ французскаго посольства въ Константинополѣ было получено извѣстіе, что турецкое правительство очень взволновано тѣмъ, какъ приметъ мусульманское населеніе имперіи извѣстіе о томъ, что въ трактатъ внесенъ особый пунктъ, гарантирующій участь христіанъ, подвластныхъ Портѣ.

Положеніе вопроса, по словамъ графа Орлова, было настолько важно, что можно было ожидать даже разрыва переговоровъ. Графъ Валевскій, чтобы придать обязательную силу султанскому фирману, предложилъ употребить выраженіе, «что договаривающіяся державы признаютъ за нимъ большую важность».

Русскіе уполномоченные составили контръ-проектъ, въ которомъ говорили, что «султанъ, обезпечивая за христіанами Оттоманской Порты сохраненіе, во всей цѣлости, ихъ привилегій, тѣмъ самымъ даетъ новую гарантію миру».

Такимъ образомъ, еслибы султанъ посягнулъ впослѣдствіи на нарушеніе правъ христіанскихъ подданныхъ своихъ, то договаривающіяся державы могли бы сказать тогда, что одна изъ гарантій общаго мира нарушена, и потребовать ея возстановленія, по точному смыслу договора.

Графъ Валевскій и лордъ Кларендонъ отвѣтили на контръ-проектъ нашихъ уполномоченныхъ, что для новаго измѣненія редакціи по вопросу о христіанахъ, пришлось бы ожидать разрѣшенія изъ Константинополя и тѣмъ затянуть переговоры.

Тогда графъ Орловъ объявилъ, что согласенъ принять французскій проектъ, съ нѣкоторыми, лишь незначительными, измѣненіями, и вопросъ былъ этимъ исчерпанъ окончательно.

Когда, вслѣдствіе несогласій возникшихъ при переговорахъ съ лордомъ Кларендономъ, успѣхъ переговоровъ подлежалъ сильному сомнѣнію, графъ Орловъ, въ частныхъ своихъ письмахъ къ графу Валевскому [1]) слѣдующимъ образомъ излагалъ наши требованія, отъ которыхъ мы не отступимъ.

Для рѣшенія предстояло четыре вопроса:

1) Слѣдовало опредѣлить наиболѣе удобную форму выраженій для включенія въ трактатъ вопроса объ измѣненіяхъ нашихъ границъ на лѣвомъ берегу Дуная.

«Въ этомъ отношеніи,—доносилъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—я выражалъ мысль соединить этотъ вопросъ съ вопросомъ о навигаціи по Дунаю. Императоръ Наполеонъ одобрилъ эту мысль и обезпечилъ намъ ея осуществленіе».

2) Отдѣльная конвенція между Россіей и Портой относительно морскихъ силъ на Черномъ морѣ.

---

[1]) Графъ Орловъ, отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1856 г., № 56. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Личное вліяніе императора Наполеона было съ пользою употреблено къ устраненію препятствій, встрѣченныхъ со стороны Англіи по этому предмету».

3) Конвенція относительно Аландскихъ острововъ.

«Если вопросъ этотъ и не былъ разрѣшенъ вполнѣ въ смыслѣ нашихъ требованій, то это не можетъ быть отнесено къ императору Наполеону, а произошло вслѣдствіе сопротивленія изъ Лондона».

4) Привилегіи христіанскихъ населеній Порты.

«Въ этомъ отношеніи, — доносилъ графъ Орловъ, — я долженъ былъ имѣть въ виду двоякую цѣль: во-первыхъ—помѣстить пунктъ, относящійся до христіанъ, на подобающемъ ему видномъ мѣстѣ трактата, и во-вторыхъ, изыскать средство придать обѣщаніямъ султана болѣе обязательную силу, въ видахъ дѣйствительнаго обезпеченія интересовъ христіанскихъ подданныхъ Порты».

Съ этою цѣлью графъ Орловъ передалъ графу Валевскому слѣдующую редакцію пункта о христіанахъ:

«Не посягая на независимость и достоинство султана, великія договаривающіяся державы, принимая сообщенное имъ добровольное рѣшеніе его величества султана, относительно его великодушныхъ намѣреній—предоставляютъ себѣ право коллективнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ дарованныхъ христіанамъ правъ, въ интересахъ всего христіанскаго мира».

По этому вопросу графъ Орловъ не встрѣтилъ поддержки со стороны Наполеона.

«Я имѣю всѣ основанія думать,—писалъ онъ,—что императоръ встрѣтилъ со стороны британскаго правительства непреодолимое сопротивленіе. Не имѣя личной опоры императора, всѣ мои, самыя ревностныя, усилія остались безплодными предъ конференціей, на которой уполномоченные Россіи, при настоящихъ обстоятельствахъ, остаются изолированными.

«Моя попытка послужить, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что я не пренебрегъ ничѣмъ, что могло способствовать осуществленію намѣреній императорскаго кабинета въ границахъ возможнаго. Еслибы я пытался преступить эти границы, то рисковалъ бы успѣхомъ переговоровъ, ввѣренныхъ моимъ стараніямъ. Избѣжавъ этой опасности по вопросу о заключеніи почетнаго мира—совѣсть говоритъ мнѣ, что я вѣрно исполнилъ обязанности, возложенныя на меня государемъ императоромъ, и что я служилъ законнымъ и истиннымъ интересамъ Россіи».

«Государь императоръ,—отвѣчалъ на это графъ Нессельроде телеграммою за № 92,—одобряетъ все вами сказанное и сдѣланное. Теперь не будутъ закладывать палокъ между спицами колесъ. Кончайте и подписывайте».

Наступило послѣднее засѣданіе конгресса. Графъ Орловъ такъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

описываетъ его въ своемъ донесеніи отъ 7-го (19-го) апрѣля 1856 года № 77.

«Мы настаивали, прежде всего, на немедленномъ снятіи блокады, которая три года задерживала всю нашу морскую торговлю. Это было исполненно постановленіемъ въ засѣданіи 4-го апрѣля, при чемъ постановлено возвратить призы захваченные на моряхъ, послѣ подписанія трактата.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о взаимномъ очищеніи занятыхъ во время войны территорій. Гр. Орловъ предложилъ, что очищеніе нами турецкой территоріи должно быть основано на принципѣ одновременности (simultanéite) очищенія нашихъ владѣній союзниками. Послѣдніе возражали, что они находятся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы: намъ ничто не мѣшаетъ, тотчасъ же, произвести очищеніе турецкихъ владѣній, тогда такъ имъ, для очищенія Крыма, требуется больше времени.

Но Орловъ настоялъ на принципѣ одновременнаго очищенія, такъ такъ нужно прекратить, въ одно и то же время, взаимныя занятія земель, занятыхъ во время войны.

«Послѣ нѣсколько разъ возобновлявшихся по этому случаю споровъ, — доносилъ Орловъ, — поддерживаемая мною система была принята.

«Я тѣмъ болѣе придерживался этой системы, что она была лучшимъ средствомъ ускорить передвиженіе союзныхъ войскъ, съ цѣлью точнаго согласованія съ нами во времени». Пользуясь такою постановкою вопроса объ эвакуаціи, гр. Буоль предложилъ, чтобы и австрійскія войска очистили Дунайскія Княжества, по мѣрѣ очищенія союзниками Крыма и Турціи, а Россіей — турецкихъ азіатскихъ владѣній. «Но предложеніе это, писалъ гр. Орловъ, встрѣтило сильный отпоръ со стороны Турціи и представителей другихъ державъ, указавшихъ на то, что страна [1]), занятая чужеземными войсками, не можетъ свободно рѣшить, предоставленный ей конгрессомъ для рѣшенія вопросъ, о своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи». По этому, предложеніе Буоля было отклонено, и Австрія обязалась очистить Княжества прежде срока очищенія, принятаго ея союзниками.

Развивая свою мысль по поводу устройства Дунайскихъ Княжествъ, гр. Орловъ замѣтилъ, что страна состоящая въ подданствѣ Турціи и подъ обезпеченіемъ европейской гарантіи, представляетъ такія осложненія, которыя доставляли до сихъ поръ не мало затрудненій для одной Россіи, «которая, сказалъ онъ, пріобрѣла отъ того очень мало плодовъ, чтобы жалѣть о нихъ, также какъ и о томъ, что ее избавили теперь отъ тяжести, которую до сихъ поръ она несла одна за всѣхъ. Ужъ, конечно, она ничего не по-

[1]) Молдавія и Валахія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

теряетъ отъ того, что на будущее время раздѣлитъ свою гарантію съ другими гарантирующими державами. Послѣдніе убѣдятся на опытѣ, что встрѣтится больше затрудненій и неудобствъ, чѣмъ выгодъ—вмѣшиваться въ административное управленіе Княжествъ».

«Мы успѣли превозмочь,—телеграфировалъ графъ Орловъ отъ 15-го (24-го) марта, № 51,—всѣ затрудненія, дѣлаемыя англичанами послѣ 4-хъ-дневныхъ засѣданій, по 6 часовъ каждое. Вѣроятно, трактатъ будетъ подписанъ черезъ два или три дня. Наше положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Сардинцы находятся съ нами въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ».

Наконецъ, 18-го (30-го) марта, графъ Орловъ телеграфировалъ:—«Трактатъ подписанъ сегодня утромъ. 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ объ этомъ счастливомъ событіи столицу. По выходѣ изъ засѣданія, всѣ уполномоченные, съ разрѣшенія его величества, отправились въ Тюильери и были приняты очень милостиво. Приготовляю отъѣздъ графа Шувалова съ трактатомъ».

IV.

Трудное дѣло совершилось. Парижскій трактатъ, хотя и ослаблявшій Россію, все же далеко не былъ для насъ тѣмъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать наши противники—Англія и Австрія.

Получивъ извѣстіе о подписаніи трактата, графъ Нессельроде писалъ графу Орлову отъ 19-го марта, № 101 [1]), что государь императоръ, находясь въ Финляндіи, получилъ объ этомъ извѣстіе и тотчасъ же, возвратясь въ Петербургъ, поручилъ канцлеру «благодарить графа Орлова за настойчивыя усилія, употребленныя имъ для ускоренія окончательнаго мира».

«Это новая и видная услуга оказанная вами отечеству, — писалъ графъ Нессельроде, — такъ какъ мы пришли къ такому положенію, что необходимость быть готовыми къ возможной войнѣ безполезно вызывала большія издержки.

«Среди всѣхъ разнообразныхъ затрудненій, вы ничѣмъ не пренебрегли, ни въ формѣ, ни въ сущности дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что весьма важно, вы успѣли, не вводя Россію ни въ какія обязательства, ослабить узы коалиціи противъ насъ до того, что сомнительно, чтобы эти узы пережили заключеніе мира».

Затѣмъ, отъ 5-го апрѣля, № 119, канцлеръ писалъ графу Орлову [2]):—«Я имѣлъ честь представить его величеству вашу депешу отъ 10-го марта (1-го апрѣля) съ увѣдомленіемъ о подписаніи окончательнаго мира, и о тѣхъ подробностяхъ, которыя предшествовали его подписанію.

[1]) М. И. Дѣлъ.
[2]) М. И. Дѣлъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Государю императору благоугодно было оцѣнить, по достоинству, непреклонную настойчивость, проявленную вами для того, чтобы побѣдить дурныя намѣренія нашихъ враговъ; равно какъ мудрую проницательность, съ которою вы и баронъ Брунновъ съумѣли, среди возникавшихъ затрудненій, устранить препятствія, которыя могли вредить соглашеніямъ».

Говоря затѣмъ объ успѣшности стараній графа Орлова заручиться личнымъ расположеніемъ Наполеона, графъ Нессельроде продолжаетъ:—«желанія ваши исполнились, и вы сохранили при этомъ искренность, полную достоинства, столь согласнаго съ чувствами государя императора. Вы успѣли, при добромъ расположеніи къ вамъ императора Наполеона, разстроить намѣренія Англіи и уничтожить коалицію, принимавшую все болѣе и болѣе страшные размѣры, способную ввергнуть Россію въ продолжительную войну, исходъ которой предвидѣть нельзя.

«Занятымъ вами на конференціяхъ положеніемъ, вы способствовали улучшенію постановленій трактата. Вашимъ поведеніемъ, внѣ конгресса, вы заставили уважать русское имя, и возбудили къ нашимъ знаменамъ симпатіи тѣхъ, которые были нашими противниками.

«Трактатъ, обезпечивающій Россіи благодѣянія мира, согласованъ съ великодушнымъ самоотверженіемъ, сдѣлавшимъ его возможнымъ.

«Государь императоръ вполнѣ признаетъ важность новой услуги, оказанной вами вашему отечеству».

И такъ, миръ состоялся. Ближайшимъ его послѣдствіемъ было желаніе съ нашей стороны возвратить свободу нашей торговлѣ, стѣсненной блокадой, и очистить владѣнія наши отъ непріятельскихъ войскъ.

Графъ Орловъ доносилъ отъ 23-го марта (4-го апрѣля), № 67 [1]), что—«союзники тотчасъ начнутъ очищать Керчь, Эникале, Кинбурнъ. Эвакуація опредѣлена въ 6-ть мѣсяцевъ. Просятъ дозволенія вступить въ Севастопольскій портъ, для удобства нагрузки судовъ, что можетъ ускорить на 2 мѣсяца эвакуацію.

«Они также хотятъ насъ поскорѣе оставить, какъ мы желаемъ отъ нихъ отдѣлаться». Съ нашей стороны это дозволеніе было дано.

Такимъ образомъ, постановленія трактата приводились въ исполненіе, и вскорѣ все должно было вступить въ свой нормальный порядокъ, нарушенный войною.

Но каковы должны были послѣдовать дальнѣйшія событія, вытекающія изъ только-что законченной великой борьбы? Мы знали теперь и нашихъ враговъ и сомнительныхъ друзей нашихъ. Ка-

[1]) М. И. Дѣлъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кое положеніе займетъ въ будущемъ Россія, и въ какія станетъ отношенія къ прочимъ державамъ? Каковы, наконецъ, взаимныя отношенія опредѣлятся между европейскими державами вообще?

Вотъ вопросы, которые желалъ освѣтить нашъ канцлеръ, въ препровожденномъ имъ графу Орлову меморандумѣ отъ 5-го апрѣля 1856 г. № 120 [1]), на которомъ рукою императора Александра II написано—быть по сему.

Въ этомъ меморандумѣ графъ Нессельроде говоритъ:

«Трактатъ только-что заключенный въ Парижѣ, полагая конецъ войнѣ, а вслѣдствіе того и образовавшейся противъ Россіи коалиціи, тѣмъ не менѣе, нужно въ томъ сознаться, оставляетъ насъ въ неопредѣленномъ положеніи относительно нашей политики въ будущемъ.

«Послѣ только-что перенесеннаго испытанія, Россія нуждается въ сосредоточеніи въ самой себѣ (a besoin de se replier sur elle-même), и въ изысканіи средствъ залечить нанесенныя ей войною раны, посредствомъ всѣхъ внутреннихъ средствъ своихъ.

«На этой мысли должна основываться вся наша политика въ теченіе неопредѣленнаго времени, съ цѣлью достигнуть этого благого желанія, и устраняя внѣшнія препятствія, могущія затруднить его достиженіе. Къ осуществленію этой политики должны быть направлены теперь всѣ усилія слугъ императора.

«Какъ не просто кажется это желаніе, но достиженіе его будетъ не легко. Россія находится предъ лицомъ Европы въ новомъ положеніи. Перенесенный ею кризисъ сильно ослабилъ ея прежнія сношенія.

«Тройственный сѣверный союзъ, служившій долгое время противовѣсомъ союзу морскихъ державъ, пересталъ существовать. Поведеніе Австріи разрушило престижъ, придаваемый въ Европѣ этому союзу.

«Съ другой стороны—Швеція на сѣверѣ, а Турція на югѣ, стоятъ противъ насъ въ условіяхъ совершенно новыхъ и требующихъ осторожности (délicates).

«Англія—нашъ истинный постоянный (persévérante) врагъ, осталась недовольной и злобной и по заключеніи мира. Поэтому, элементы причинъ вызвавшихъ противъ насъ коалицію продолжаютъ существовать.

«Наша единственная гарантія (sauvegarde) противъ возникновенія несогласій, прекратившихся миромъ, и наше обезпеченіе въ томъ, что этотъ миръ предолжится на столько, сколько намъ необходимо для внутреннихъ надобностей—состоитъ въ добромъ расположеніи къ намъ императора Наполеона.

---

[1]) М. И. Дѣлъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Поэтому, сохранить это расположеніе, не обязываясь однако обѣщаніемъ слѣдовать за предпріятіями, которыя онъ можетъ предпринять—должно быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій».

Одобряя поэтому тотъ тактъ, съ которымъ графъ Орловъ отклонилъ возбужденный Наполеономъ разговоръ по поводу Польши, Италіи и Вѣнскаго конгресса 1815 г., графъ Нессельроде замѣчаетъ, что послѣдній вопросъ, «вѣроятно, имѣлъ цѣлью обезпеченіе династическихъ правъ Бонапартовъ». Поэтому, графу Орлову было указано, что если другія европейскія державы согласятся признать эти династическія права Бонапартовъ, то онъ, Орловъ, можетъ или признать ихъ отъ имени Россіи, или, смотря по обстоятельствамъ, отложить ихъ признаніе на будущее время.

«Другой предметъ,—продолжаетъ графъ Нессельроде,—который государь императоръ поручаетъ вашему попеченію — это вопросъ объ отношеніяхъ Франціи къ Пруссіи. Мы, конечно, не можемъ забыть, что изъ всѣхъ великихъ державъ одна Пруссія не была намъ враждебна (hostile).

«Прямые интересы связываютъ ее съ Россіей, и намъ кажется, что отношенія наши къ Франціи, каковы бы они ни были въ будущемъ, только выиграли бы отъ подкрѣпленія (à s'etayer) этого союза. Миролюбивыя расположенія тюильерійскаго двора къ этой державѣ, насколько они теперь проявляются, кажется, только подтверждаютъ нашу мысль».

Изъ словъ графа Нессельроде, такимъ образомъ, видно, что онъ все еще не довѣрялъ искренности Наполеона, хотя послѣдній и оказывалъ свое полное расположеніе къ Россіи и къ ея представителю въ Парижѣ.

Мы знали, что императоръ французовъ искалъ также сближенія съ Пруссіей, и находили, что это сближеніе согласуется съ нашими видами; но мы не забыли, что въ 1854 г., Наполеонъ выражалъ Пруссіи свое желаніе—«видѣть ея владѣнія округленными», а для округленія ихъ слѣдовало присоединить къ ней наши балтійскія провинціи.

Такая мысль, конечно, была лишь попыткою вовлечь тогда Пруссію въ войну противъ Россіи,—но ничто не ручалось, что эта, или подобная ей, комбинація можетъ возродиться вновь въ пылкомъ и предпріимчивомъ умѣ повелителя Франціи. Поэтому, нужна была осторожность въ сношеніяхъ съ нимъ; надлежало ближе узнать дѣйствительныя намѣренія его въ будущемъ. Эта задача и предстояла теперь нашимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ, который они вскорѣ должны были уже оставить. Въ особенности, надлежало выяснить значеніе новаго, принятаго на себя Франціей обязательства, какъ бы направленнаго противъ Россіи, заключеннаго уже послѣ подписанія мирнаго трактата. Оказалось, что Англія, Австрія и Франція подписали между собою особое секрет-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ное соглашеніе отъ 3-го (15-го) апрѣля, относительно гарантіи, въ видахъ обезпеченія цѣлости Турецкой имперіи. Такъ какъ нарушительницей этой цѣлости предполагалась Россія,—значитъ Франція согласилась вступить въ союзъ направленный противъ Россіи.

Готовясь къ отъѣзду въ Лондонъ, баронъ Брунновъ, наканунѣ своего отъѣзда [1]), имѣлъ конфиденціальную аудіенцію у графа Валевскаго. Послѣдній сообщилъ ему при этомъ копію съ трактата, заключеннаго между Австріей, Франціей и Англіей, отъ 3-го (15-го) апрѣля. Хотя вопросъ этотъ былъ уже соглашенъ между этими тремя державами еще въ Вѣнѣ, 14-го ноября 1855 г., но теперь онъ получилъ форму трактата, цѣль котораго, какъ полагалъ графъ Орловъ, состояла въ томъ, «чтобы сблизить начинавшія ослабляться отношенія Австріи къ Англіи и чтобы скомпрометировать Францію, искавшую сближенія съ Россіей».

«Мысль подобной политической комбинаціи, пишетъ графъ Орловъ, уже не нова. Графъ Буоль позаимствовалъ ее, какъ традицію, изъ архивовъ вѣнскихъ канцелярій, въ которыхъ покоятся (reposent) обломки тройственнаго союза, заключеннаго въ 1814 г., передъ Вѣнскимъ конгрессомъ, по мысли, плодотворной въ основаніи, князя Меттерниха и Талейрана. Но стараясь подражать примѣру политики уже отжившей, принадлежавшей къ эпохѣ, не существующей въ настоящемъ, графъ Буоль долженъ былъ бы подумать о томъ, насколько такая комбинація была не вѣрно разсчитана (précaire). Онъ долженъ былъ бы вспомнить, въ особенности, какъ блаженной памяти императоръ Александръ I умѣлъ разрушить узкіе разсчеты своихъ противниковъ, предавъ все великодушному, но презрительному забвенію, когда трактатъ тройственнаго союза попалъ ему въ руки. Этотъ великій примѣръ политики, мудрой, потому, что она великодушна, представится, какъ я въ томъ увѣренъ, въ мысли государя императора, когда онъ узнаетъ о дѣлѣ, слѣды коего я открылъ всего спустя нѣсколько дней по его совершеніи».

Графъ Валевскій, рѣшаясь признаться по этому дѣлу барону Бруннову, обнаружилъ смущеніе, смѣшанное съ смиреніемъ (humiliation). Онъ старался указать на то, что согласіе Франціи по настоящему дѣлу было дано еще въ ноябрѣ 1855 г., въ то время когда тюльерійскій кабинетъ не имѣлъ еще никакой надежды улучшить, въ будущемъ, прямыя сношенія между Франціей и Россіей.

По словамъ графа Валевскаго, Наполеонъ долго колебался исполнить теперь, данное въ прошломъ году, Австріи обѣщаніе, и согласился на это—единственно для того, чтобы не навлечь на себя осужденія (blâme) въ не исполненіи даннаго слова.

---

[1]) Графъ Орловъ, 19-го апрѣля (1 мая) 1856 г., № 91. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Графъ Орловъ также готовился оставить Парижъ. Передъ отъѣздомъ, онъ [1]) просилъ позволенія представиться Наполеону, не въ качествѣ министра, а какъ генералъ-адъютантъ русскаго императора. Наполеонъ прислалъ къ нему своего церемоніймейстера, который заявилъ, что императоръ желаетъ принять его съ особенною торжественностію. Въ назначенный день аудіенціи, три придворныя парадныя кареты, съ кавалерійскимъ конвоемъ, прибыли къ дому русскаго посольства и графъ Орловъ, съ своей свитой отправился во дворецъ, у входа котораго былъ выставленъ почетный караулъ, встрѣтившій прибывшихъ музыкою. Послѣ торжественнаго пріема, Наполеонъ пригласилъ графа Орлова въ сосѣдній залъ, для частныхъ переговоровъ и сказалъ при этомъ: — «что если бы покойный императоръ Николай могъ узнать его истинныя намѣренія въ свое время, то этимъ предотвратилась бы возникшая между ними распря, избѣжать которую онъ (Наполеонъ) желалъ всѣмъ сердцемъ». При этомъ Наполеонъ пожаловалъ графу Орлову высшую степень ордена Почетнаго Легіона.

Черезъ нѣсколько дней, графъ Орловъ былъ снова принятъ императоромъ Наполеономъ 21-го апрѣля (3-го мая). «Я только-что имѣлъ, телеграфировалъ Орловъ [2]), у Наполеона аудіенцію, о которой предварительно не испрашивалъ разрѣшенія. Въ интимномъ разговорѣ, онъ самъ возбудилъ вопросъ о секретномъ трактатѣ; онъ высказалъ мнѣ сожалѣніе, что принялъ на себя въ Вѣнѣ обязательство, которое теперь, по настоянію Австріи и Англіи, долженъ былъ подписать, какъ трактатъ, въ которомъ онъ, впрочемъ, не признаетъ ни цѣли, ни необходимости, такъ какъ онъ имѣетъ одни общія мѣста, подходящія ко всѣмъ случаямъ.

«Я сказалъ, что причины руководившія Англіей и Австріей понятны: хотѣли попытаться поссорить насъ съ Франціей и предупредить возможность составленія союза между Россіей и Франціей. Императоръ прибавилъ:

— «Когда я узналъ отъ Валевскаго, что текстъ трактата вамъ еще не сообщенъ, я выразилъ ему по этому случаю мое неудовольствіе, такъ какъ это имѣетъ видъ хитрости, на которую я неспособенъ, и я прошу васъ увѣрить въ этомъ императора Александра; я приказалъ сообщить вамъ всѣ свѣдѣнія по этому вопросу».

На другой день, графъ Орловъ былъ принятъ на аудіенціи у императрицы Евгеніи. На этой аудіенціи [3]), императрица выразила ему сожалѣніе относительно того, что императоръ Наполеонъ былъ въ необходимости участвовать въ тройственномъ союзѣ, какъ бы направленномъ противъ Россіи, но при этомъ она прибавила:—«Я

---

[1]) Графъ Орловъ, отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1856 г., № 88. М. И. Д.
[2]) Графъ Орловъ, отъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1856 г., № 92. М. И. Д.
[3]) Графъ Орловъ, отъ 22-го апрѣля (7-го мая) 1856 г., № 95. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знаю отъ графа Валевскаго, что Англія и Австрія всѣми силами старались опредѣлить подробности, casus belli, но Наполеонъ очень рѣшительно отвергъ это требованіе сказавъ:—Я не подпишу ничего, кромѣ общихъ основаній, такъ какъ оставляю за собою право лично рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ casus belli или нѣтъ». Наполеонъ не согласился также привлечь къ тройственному союзу и Пруссію.

Съ своей стороны, баронъ Брунновъ, также способствовалъ выясненію нашихъ отношеній къ Франціи. 6-го (18-го) мая [1]) онъ имѣлъ аудіенцію у Наполеона, который между прочимъ сказалъ:

— «Мое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что насущные интересы Европы, для ихъ обезпеченія, нуждаются въ соглашеніи Франціи съ Россіей и Англіей. Я старался поддержать мой союзъ съ Великобританіей, но въ то же время я имѣлъ въ виду установить доброе согласіе съ Россіей. Если бы эти три державы пришли къ общему соглашенію, то мнѣ кажется, что онѣ полюбовно могли бы рѣшить всѣ вопросы, которые могутъ имъ представиться. Вы не можете себѣ представить, какъ трудно мнѣ было иногда привести англичанъ къ какому-нибудь положительному рѣшенію. Такъ было по случаю установленія плана кампаніи. У нихъ были постоянныя колебанія. Въ то время, когда я уже считалъ какое-нибудь рѣшеніе совершенно установившимся—оказывалось, что, нѣсколько недѣль спустя, нужно было начинать снова обсужденіе того же вопроса. Это уже происходитъ отъ конституціонной формы страны, въ которой правительство не всегда свободно, ни въ своихъ желаніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Я вамъ представлю еще другой образчикъ англійской нерѣшительности. Когда на конференціяхъ разбирался вопросъ объ измѣненіи границъ Бессарабіи, я полагалъ, что для вашего кабинета возможно устроить такой обмѣнъ: оставить неприкосновеннымъ границы на Дунаѣ, и взамѣнъ того уступить (de concéder) нѣкоторые пограничные ваши пункты въ Азіи. Я передалъ объ этомъ лорду Кларендону, но онъ никогда не могъ договориться ни до какого практическаго рѣшенія».

Перейдя затѣмъ снова къ мысли о будущемъ союзѣ Франціи съ Россіей и Англіей, Наполеонъ сказалъ:

— «На Востокѣ, какъ я полагаю, мы могли бы сгладить всѣ затрудненія. Въ Италіи и Германіи,—думаю, не существуетъ между Франціей и Россіей причинъ къ разногласію (de dissentiment). По этому наше соглашеніе, мнѣ кажется, совершенно обезпеченнымъ».

Брунновъ заговорилъ тогда о Греціи, выставляя на видъ безкорыстныя цѣли, которыя имѣла Россія относительно Греціи, и что мы желали утвержденія въ этой странѣ порядка, основаннаго

[1]) Брунновъ, 11-го (23-го) мая 1856 г., № 113. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на трактатахъ, и отстраненія отъ нея всего, что могло только породить безпорядки. Наполеонъ ничего рѣшительнаго не сказалъ по этому вопросу и перешелъ прямо къ тому, что поведеніе Россіи относительно бельгійскаго вопроса передъ началомъ войны прямо показало ему дурное расположеніе къ нему императора Николая. Брунновъ доказывалъ, что направленіе бельгійскаго вопроса исходило отъ Англіи, а что императоръ Николай не хотѣлъ даже имѣть при брюссельскомъ дворѣ своего посланника, такъ какъ король Леопольдъ имѣлъ въ своей свитѣ многихъ поляковъ, измѣнившихъ своей присягѣ относительно Россіи, и что императоръ Николай не имѣлъ къ Франціи никакихъ поводовъ къ враждебности. Выслушавъ эти замѣчанія, Наполеонъ сказалъ:

— «Вы можете всегда разсчитывать на мое доброе расположеніе, даже не смотря на нѣкоторыя дурныя воспоминанія. Я вамъ скажу только, что я очень благодаренъ за намѣреніе вашего государя установить свои сношенія съ Туринскимъ дворомъ. Король Сардиніи— мой союзникъ. Мнѣ пріятно видѣть прекращеніе несогласій вашихъ съ державою, сосѣднею и дружественною Франціи».

Брунновъ замѣчаетъ по поводу своего разговора съ Наполеономъ, что это человѣкъ съ умомъ замѣчательнымъ и глубокимъ, привыкшій говорить меньше, чѣмъ думать, и не говорить всегда того, что̀ думаетъ.

И такъ, Наполеонъ не переставалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражать свое желаніе сблизиться, какъ можно болѣе, съ Россіей.

Въ особенности сильно онъ высказался въ этомъ смыслѣ при прощальной аудіенціи у него графа Орлова, который доносилъ о ней 12-го (24-го) мая № 119 [1]).

«Аудіенція у императора была вполнѣ удовлетворительна. Онъ говорилъ со мною обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія (avec un entier abandon), и поручилъ мнѣ, на этотъ разъ совершенно искренно, просить для него дружбы государя императора. Онъ надѣется, что взаимныя симпатіи, существующія между обѣими націями, пріобрѣтутъ еще большую силу, отъ согласія установившагося между ихъ государями.—«Это желаніе моего сердца»,—прибавилъ онъ съ волненіемъ и со слезами на глазахъ. Онъ говорилъ со мною также о Польшѣ, но въ смыслѣ совершенно согласномъ съ намѣреніями государя императора. Считаю лишнимъ говорить о томъ, что было сказано лично обо мнѣ. Что̀ касается до будущаго—мнѣ кажется, что слова Наполеона имѣютъ значеніе правды».

На этой депешѣ императоръ Александръ сдѣлалъ надпись:— «все это очень хорошо, если только искренно».

Съ отъѣздомъ графа Орлова изъ Парижа закончился процессъ

[1]) М. И. Дѣлъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

установленнаго въ немъ трактата, ратификація котораго послѣдовала 15-го (27-го) апрѣля 1856 года.

По внѣшности, мы остались въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Франціи.

Императоръ Александръ II препроводилъ Наполеону высшій россійскій орденъ св. Андрея Первозваннаго. Графу Валевскому пожалована дорогая табакерка, украшенная брилліантами. Баронъ Брунновъ также получилъ въ награду брилліантовую табакерку.

Мы вышли изъ конгресса лучше, чѣмъ можно было ожидать. Многое сдѣлано было такъ, какъ мы того желали. Насколько было возможно, честь Россіи осталась неприкосновенною, какъ въ вопросѣ объ Аландскихъ островахъ, такъ и относительно Польши.

Въ высочайшемъ манифестѣ отъ 19-го марта 1856 года, по случаю заключенія парижскаго мира, между прочимъ говорится:

«Россіяне! Труды ваши и жертвы были не напрасны. Великое дѣло совершилось, хотя иными, непредвидѣнными путями, и мы нынѣ можемъ, съ спокойствіемъ совѣсти, положить конецъ симъ жертвамъ и усиліямъ, возвратить драгоцѣнный миръ любезному отечеству нашему». Упомянувъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ границахъ Бессарабіи и по отношенію къ нашему черноморскому флоту, въ манифестѣ сказано:

«Сіи уступки не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны, и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога намъ врученной» [1]).

Не считаю нужнымъ приводить здѣсь подлинный текстъ редакціи парижскаго трактата, такъ какъ онъ, дословно, напечатанъ еще въ 1857 г., въ 15 томѣ, извѣстнаго сборника Мартенса [2]). Укажемъ только на то, что мы успѣли отстоять въ Парижѣ. У насъ желали отобрать почти всю Бессарабію—пришлось уступить только незначительную, южную часть ея. Хотѣли уничтожить всякое значеніе нашихъ силъ на Черномъ морѣ и для этой цѣли закрыть докъ въ Николаевѣ—мы отстояли Николаевъ и сохранили на Черномъ морѣ силы, которыя Англія называла даже formidables. Въ Азіи у насъ хотѣли отнять всю страну по лѣвому берегу Кубани—мы сохранили ее. Хотѣли насъ заставить сдѣлать уступки Польшѣ—мы съ твердостью отклонили эти настоянія.

Въ своемъ донесеніи графу Нессельроде отъ 7-го (19-го) апрѣля 1856 г. № 78 [3]), графъ Орловъ выражается, между прочимъ, такъ: «Мнѣ легко было замѣтить, что французскій кабинетъ имѣлъ мысль—расширить сферу политическихъ вопросовъ, предложенныхъ намъ на разсмотрѣніе. Это стремленіе проявилось еще во

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XXXI, 1856 года.
[2]) Martens. Recueil general des traités. Cottingue. 1857.
[3]) М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

время моего перваго разговора съ императоромъ Наполеономъ. Ваше сіятельство оцѣнили серьезность причинъ послужившихъ мнѣ основаніемъ—не вступать на путь, который могъ оказаться сомнительнымъ и труднымъ.

«Но не смотря на это, императоръ французовъ воспользовался случаемъ поговорить со мною, чтобы еще разъ возвратиться къ тому же предмету, выражая свое желаніе, чтобы слово милосердія и великодушія было произнесено въ интересахъ Польши. Я не поколебался отклонить это внушеніе (suggestion), сдержанно, но твердо. Я сказалъ, безъ всякихъ изворотовъ, что всякая мысль, относительно улучшенія въ будущемъ, за безуміе (de démence) въ прошломъ, принадлежитъ единственно государю императору; что всякая иниціатива въ этомъ отношеніи, принятая кѣмъ-либо другимъ, не только не улучшитъ, а только можетъ помѣшать улучшенію этого вопроса.

«Словомъ, глубокое чувство долга передъ моимъ императоромъ, заставляетъ меня громко высказаться противъ илюзій, возникшихъ на конференціяхъ относительно вопроса, совершенно не подлежащему нашему обсужденію [1]).

«Эти слова, какъ мнѣ кажется, произвели выгодное впечатлѣніе въ мысляхъ императора Наполеона. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сообщить вашему сіятельству, что когда наши засѣданія приближались къ концу, графъ Валевскій, въ частномъ и конфиденціальномъ разговорѣ со мною, убѣдительно просилъ меня сказать на конференціяхъ, отъ имени государя императора, нѣсколько словъ, благопріятныхъ Польшѣ.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что желаніе это было внушено намѣреніемъ доказать польской эмиграціи, что интересы эмигрантовъ не были забыты, и что вліяніе Франціи побудило меня сдѣлать въ пользу ихъ заявленіе на самыхъ конференціяхъ.

«Хотя внушеніе это и было мнѣ сдѣлано въ самой дружеской формѣ, но я счелъ своимъ долгомъ, самымъ положительнымъ образомъ, разочаровать ихъ. Въ этихъ видахъ, я не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ передать графу Валевскому мой разговоръ по этому предмету съ императоромъ Наполеономъ.

«Въ самомъ дѣлѣ—отклонивъ требованія императора, нельзя уже было ожидать, что мною будутъ приняты предложенія его министра.

«Мнѣ кажется, что графъ Валевскій пришелъ къ очевидности подобнаго вывода для своихъ размышленій».

Въ то же время и лордъ Кларендонъ, желая быть пріятнымъ своему правительству, также въ частномъ разговорѣ съ графомъ

---

[1]) На этомъ мѣстѣ рукою императора Александра замѣтка «très bien répondu».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Орловымъ, завелъ рѣчь о Польшѣ, но встрѣтилъ такой же энергичный отпоръ.—«Кларендонъ,—писалъ въ томъ же донесеніи за № 78 графъ Орловъ,—понялъ, что мое рѣшеніе слишкомъ твердо, чтобы поколебать его. Поэтому, онъ воздерживался съ тактомъ и приличіемъ. Такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя въ этомъ отношеніи попытки остались безплодными, и я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мнѣ не пришлось слышать произнесеніе имени Польши на засѣданіяхъ, въ присутствіи представителей великихъ державъ Европы. Каждый долженъ сказать, что соглашеніе, подписанное въ Парижѣ, предъ лицомъ всей коалиціи, которая не рѣшилась даже произнести имени Польши въ присутствіи русскаго уполномоченнаго, было, я смѣю это сказать,—миромъ почетнымъ для нашего государя и соотвѣтственнымъ достоинству его короны».

Что касается до вопросовъ европейской политики, не относящихся, непосредственно, до Россіи, какъ напримѣръ—Греціи, папскаго престола, обѣихъ Сицилій и Италіи, то графъ Орловъ не принималъ въ нихъ никакого особеннаго участія, заявивъ на конференціяхъ, что такъ какъ его миссія состоитъ въ заключеніи мира, то онъ не имѣетъ никакихъ полномочій по вопросамъ, не относящимся къ замиренію Россіи съ ея противниками.

Между Кавуромъ и Буолемъ происходили рѣзкіе переговоры по италіанскимъ вопросамъ. Напрасно Буоль говорилъ, что миссія конгресса не заключается въ обсужденіи внутреннихъ дѣлъ въ государствахъ независимыхъ.

Живые споры возникли также на совѣщаніяхъ по поводу обсужденія вопроса о нейтрализаціи и свободѣ морей. Графъ Валевскій и лордъ Кларендонъ хотѣли установить по этому предмету редакцію, выработанную ими во время послѣдней войны.

На это графъ Орловъ замѣтилъ, что—«въ такомъ случаѣ, Россія имѣетъ еще больше права настаивать на текстѣ конвенціи, заключенной ею въ 1854 г. съ Американскими Соединенными Штатами, такъ какъ конвенція эта сильно поддерживаетъ принципы, покровительствующіе свободѣ плаванія по нейтральнымъ морямъ». Такая постановка вопроса была далеко не въ интересахъ Англіи, почему она и отказалась отъ своего предложенія. Поэтому, возникшіе споры не дали перевѣса Валевскому съ Кларендономъ, почему о спорахъ этихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ протоколѣ № XXIII, резюмировавшемъ этотъ вопросъ, и предложеніе министровъ Франціи и Англіи—«было совершенно отмѣнено» — а принята редакція предложенная графомъ Орловымъ.

По окончаніи конференціи, Орловъ предложилъ Кларендону и другимъ уполномоченнымъ выразить графу Валевскому общую благодарность за его тактъ, съ которымъ онъ велъ дѣло конференцій, и довелъ ихъ къ благополучному окончанію. Предложеніе это было принято всѣми и находится въ XXIV протоколѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда миръ еще не былъ подписанъ окончательно, графъ Нессельроде писалъ Орлову отъ 3-го (15-го марта), — «что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь, чтобы изгладить изъ памяти Наполеона все непріятное по воспоминаніямъ о 1814 и 1815 гг., такъ какъ это можетъ облегчить заключеніе мира». Графъ Орловъ, отвѣчалъ ему на это, отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1856 г. № 61 [1]),—что миръ заключенъ и безъ этого. Что теперь удобнѣе сдѣлать что-нибудь въ этомъ смыслѣ, уже послѣ, а не прежде заключенія трактата. Дѣйствительно, сдѣланныя Орловымъ въ этомъ смыслѣ заявленія были приняты графомъ Валевскимъ, и потомъ Наполеономъ, съ живѣйшею благодарностію.

Значитъ, и въ этомъ случаѣ графъ Орловъ проявилъ большой тактъ, не дѣлая вида, что мы, съ цѣлью заручиться расположеніемъ Наполеона, упреждаемъ его желанія, а вынудили его самого искать дружбы съ Россіей.

Опасаясь этой дружбы, Австрія дѣлала возможныя попытки сблизиться съ Франціей. Графъ Орловъ писалъ князю Горчакову [2])—«Валевскому пожалована лента св. Стефана. Эрцгерцогъ, братъ австрійскаго императора, прибудетъ надняхъ въ Парижъ— вотъ шаги Австріи дѣлаемыя для сближенія съ Наполеономъ, и для избѣжанія жгучаго (épineuse) вопроса объ Италіи».

Еще болѣе, чѣмъ Австрія, опасался отдѣльнаго сближенія нашего съ Франціей берлинскій кабинетъ, тогда какъ мы считали полезнымъ содѣйствовать дружескому сближенію Пруссіи съ Франціей.

Въ этомъ желаніи проявлялась наша ошибочная увѣренность въ расположеніи къ намъ берлинскаго двора, еще въ 1855 г., заискивавшаго у Наполеона.

Въ апрѣлѣ 1855 года Наполеонъ поѣхалъ въ Лондонъ. Его встрѣтили тамъ со всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью. Въ честь его устроено было нѣсколько празднествъ. На одномъ изъ нихъ, во дворцѣ королевы, она танцовала съ Наполеономъ, и при этомъ занесла въ свой журналъ [3]):

«Не странно ли, что я, внучка Георга III, танцую въ залѣ Ватерлоо, съ императоромъ Наполеономъ, племянникомъ величайшаго врага Англіи, а теперь моимъ искреннѣйшимъ союзникомъ, который всего еще не болѣе восьми лѣтъ назадъ жилъ у насъ несчастнымъ изгнанникомъ!» Изъ залы были, во вниманіе къ Наполеону, вынесены всѣ картины, изображавшія бой при Ватерлоо и даже снятъ былъ со стѣны портретъ Веллингтона.

Затѣмъ, въ августѣ, того же года, королева отдала визитъ въ Парижъ, и подъ руку съ Наполеономъ осматривала домъ инвали-

---

[1]) М. И. Д.

[2]) Графъ Орловъ, 26-го апрѣля (7-го мая) 1856 г. М. И. Д.

[3]) Journal de la reine Victoria.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

довъ, учрежденный Наполеономъ I, для ветерановъ, изъ которыхъ многіе сражались противъ Англіи.

Парижъ сталъ центромъ европейской политики. Этого было достаточно, чтобы всѣ дипломаты Европы устремились по направленію къ этому центру. Не замедлилъ туда явиться и Бисмаркъ, который теперь сталъ восхищаться всѣмъ французскимъ. Представленный въ Парижѣ англійской королевѣ, онъ, на ея вопросъ—«нравится ли ему Парижъ?—отвѣчалъ—«да, Парижъ гораздо лучше Петербурга» [1]). Онъ хвалилъ англійскую армію, называлъ Наполеона III великимъ монархомъ, а объ императрицѣ Евгеніи сказалъ—что—«лучшее, что онъ видѣлъ въ Парижѣ — это императрица французовъ»—зная, что эти слова будутъ ей переданы. Въ Берлинѣ нѣкоторые порицали такое измѣненіе во взглядахъ Бисмарка, помня, какъ онъ, еще недавно, отзывался по поводу тѣхъ же личностей.

— «Никоимъ образомъ, говорилъ генералъ Герлахъ, ему (Бисмарку) не слѣдовало присутствовать на празднествахъ, которыя составляютъ лишь позоръ нашего королевства» [2]).

Какъ только было получено въ Берлинѣ извѣстіе о подписаніи парижскаго мира, король, тотчасъ же, приказалъ отслужить благодарственный молебенъ и сказалъ при этомъ — «я добезумія радъ миру».

Но обѣщалъ ли этотъ миръ что-нибудь прочное для спокойствія Пруссіи? Какъ велики были ея шансы на сближеніе съ Франціей, чего она такъ желала?

Еще 19-го января 1856 года, Бисмаркъ въ донесеніи своемъ писалъ:

— «По словамъ Доренберга (Doerenberg, депутатъ отъ Гессена)—граница по Рейнъ составляетъ неизмѣнную программу Наполеона въ будущемъ. Онъ полагаетъ, что императоръ находитъ болѣе удобнымъ достигнуть этой цѣли съ помощью Австріи, чѣмъ при содѣйствіи Россіи, ослабленной войною. Поэтому, Пруссія не должна терять времени, а должна вооружиться и приступить къ мобилизаціи союзныхъ войскъ федераціи, не заботясь о протестѣ Франціи». Тѣмъ не менѣе, союзъ Пруссіи съ Россіей и Франціей онъ находилъ полезнымъ.—«Генералъ Герлахъ, писалъ онъ 13-го февраля 1856 г.,—выражалъ мнѣ свои опасенія по поводу сближенія Россіи съ Франціей. Я въ этомъ и не сомнѣвался бы, если бы мы сами не могли твердо вступить въ этотъ двойственный союзъ. Это послужило бы намъ средствомъ избавиться отъ опеки и сѣтей Австріи».

Когда, по окончаніи переговоровъ въ Парижѣ и по подписаніи трактата, Мантейфель возвращался въ Берлинъ, то заѣхалъ во

[1]) Journal de la reine Victoria.
[2]) Rothan, p. 215.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Франкфуртъ, съ цѣлью переговорить съ Бисмаркомъ относительно дальнѣйшей политики, которой должна слѣдовать Пруссія. Бисмаркъ высказался въ томъ смыслѣ, что Пруссіи слѣдуетъ быть любезной со всѣми, но ни съ кѣмъ исключительно. Каждому, надлежало сдѣлать намекъ на возможность союза съ Пруссіей, такъ какъ всѣ того желаютъ: Англія, чтобы обезпечить себя относительно Франціи; Австрія, потому что она боится за Италію. Больше же всего она боится, чтобы по окончаніи замиренія Россія не вступила въ союзъ съ Франціей, и вмѣстѣ съ нею не отплатила Австріи за ея поведеніе въ послѣднюю войну. Италія нуждалась въ Пруссіи, потому что имѣетъ счеты съ Австріей. Россія—потому что стоитъ изолированною, и даже Франція, которая плохо вѣритъ въ безкорыстіе Англіи, и которой симпатіи были на сторонѣ Италіи. Еще въ 1854 г., въ бытность въ Парижѣ герцога Саксенъ-Кобургскаго, Наполеонъ, желая сблизиться съ Пруссіей, сказалъ, что онъ—желалъ бы видѣть Пруссію сильною, съ округленными границами въ Германіи: Австрію можно удовлетворить дунайскими княжествами, а германскихъ принцевъ, лишенныхъ владѣній—на счетъ Польши» [1]).

Теперь же, въ тѣхъ же видахъ сближенія съ Пруссіей, Наполеонъ, въ маѣ 1856 года, изъявилъ желаніе видѣть маневры прусскихъ войскъ. Другими словами, онъ желалъ получить приглашеніе побывать въ Берлинѣ. «Если это такъ, писалъ Бисмаркъ 10-го мая, то это будетъ служить вѣнцомъ нашей политики на востокѣ. Присутствіе его въ Берлинѣ, когда императоры Россіи и Австріи намѣреваются, можетъ быть, ѣхать въ Парижъ, было бы, по моему, дипломатическою побѣдою».

Но Наполеонъ слишкомъ былъ опьяненъ своимъ счастьемъ, чтобы видѣть въ настоящемъ свѣтѣ, политическій горизонтъ Европы. «Опьяненіе, говоритъ Ротанъ, помрачаетъ взглядъ и скрываетъ дѣйствительность. Оно заставляетъ забывать уроки прошлаго. Наполеонъ и не подозрѣвалъ, что Пруссія и Піемонтъ, скрывавшія свою настоящую политику, послужатъ причиною его гибели». Англія также не могла не таить зависти противъ Франціи. Россія задавалась внутренними реформами. Въ самой Франціи, орлеанская партія, не терявшая надежды снова появиться на сценѣ по смерти Наполеона, неимѣвшаго наслѣдника, и мечтавшая о коронѣ—была сильно опечалена рожденіемъ у него сына, отнимавшаго у нея надежду на будущее. Съ другой стороны, сторонники республики также не радовались упроченію династіи Наполеона и пріобрѣтенному блеску, озарявшему его корону. Ничто не было упущено этими партіями изъ вида, чтобы поколебать наслѣдственность власти Бонапартовъ.

[1]) Rothan, p. 272.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Одно довѣренное лицо въ Парижѣ, такъ сообщало гр. Нессельроде настроеніе французскаго общества, по случаю рожденія императорскаго наслѣдника. Корреспонденція эта послана изъ Парижа 19-го (31-го) марта, т. е. на другой день по подписаніи мира, въ годовщину вступленія союзниковъ въ Парижъ въ 1814 году. Числа были подогнаны съ цѣлью, показать Франціи, что 1856 годъ искупилъ 1814.

Корреспондентъ [1]), съ отмѣткою на своемъ письмѣ—trés secret, говоритъ, что партіи орлеанистовъ и республиканцевъ были очень недовольны рожденіемъ наслѣдника Наполеона, такъ какъ это значительно ослабляло надежды первыхъ и намѣренія вторыхъ. Поэтому стали распространяться слухи, что родившійся принцъ не есть сынъ Наполеона. Говорили, что императрица поѣхала на югъ Франціи по приказанію императора и была тамъ безъ него еще до начала беременности, а оттуда уже возвратилась въ ожиданіи наслѣдника; и именно наслѣдника, а не наслѣдницы.

«Наполеонъ, говорилось далѣе, слишкомъ уменъ для того, чтобы положиться на случай. Обстановка беременности сдѣлана была очень ловко для того, чтобы оставалось чего-либо еще желать отъ родительницы». Эта увѣренность, что будетъ объявлено о рожденіи непремѣнно сына, была такъ велика, что на предложеніе одного камергера, занимавшаго видное мѣсто при дворѣ, держать по этому предмету пари въ 100 луидоровъ противъ 1,000, не нашлось ни одного охотника.

Слѣдя за подробными бюллетенями, объявлявшими о ходѣ болѣзни императрицы, многіе говорили: «такъ не выставляютъ передъ всѣми свою жену на показъ! Ужъ лучше было бы устроить ея разрѣшеніе на открытой площади».

Слухи эти доходили до императора, раздражали его и заставляли принимать мѣры строгости. Болѣе 600 человѣкъ было, по поводу этихъ слуховъ, посажено въ крѣпость.

Но этой мѣрой число недоброжелателей династіи не уменьшалось, а, напротивъ, возростало. Для борьбы съ этими партіями, Наполеонъ окружалъ себя лицами враждебнаго имъ направленія.

Понимая свою силу, приверженцы царствующей династіи не стѣснялись въ образѣ своихъ дѣйствій вообще, зная что имъ все сойдетъ съ рукъ, пока во Франціи царствуетъ Наполеонъ. Проявлялись, на каждомъ шагу, расхищенія казенныхъ суммъ, и даже изъ портфеля самого Наполеона, лежавшаго на письменномъ столѣ въ его кабинетѣ, маршалъ С. А., съумѣлъ, во время доклада, взять крупную сумму (около 100,000 франковъ) и потомъ, шутя, сознался въ этомъ Наполеону.

Все это быстро умножало число недовольныхъ противъ, такъ

[1]) Изъ бумагъ гр. Нессельроде. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

называемыхъ, креатуръ Наполеона, особенно противъ лицъ высшей военной іерархіи, которымъ дозволялся всякій произволъ, въ видахъ твердой опоры на армію.

Въ своемъ ослѣпленіи, Наполеонъ не обращалъ даже вниманія на то, что эта самая армія, сочувствіемъ которой онъ такъ желалъ заручиться, благодаря хищничеству своихъ начальниковъ, — не имѣла даже боевого снаряженія. Запасы, заготовленные на случай войны, значились только въ отчетахъ на бумагѣ, а ассигнуемыя на нихъ суммы оставались въ карманахъ высшихъ чиновъ арміи.

Клерикальная партія, т. е. партія іезуитовъ, также вліяла на политику Наполеона, доказывая ему необходимость вмѣшательства въ дѣла Мексики, что имѣло такой печальный конецъ. Съ другой стороны италіанцы и поляки взывали къ нему же о помощи противъ Австріи, въ видахъ объединенія Италіи, и противъ Россіи. Словомъ, въ самой Франціи, принявшей, къ тому же, крайне повелительный тонъ въ сферѣ европейской политики, таились, и даже проявлялись явно, элементы, развитіе которыхъ предвѣщало неизбѣжность скорой катастрофы.

И катастрофа эта должна была послѣдовать оттуда, откуда ее всего менѣе ожидалъ Наполеонъ—со стороны Пруссіи, съ которою онъ хотѣлъ сойтись послѣ Парижскаго конгресса.

Съ замѣчательною проницательностью предсказалъ будущій ходъ европейской политики послѣ Парижскаго мира Бисмаркъ, въ его мемуарѣ отъ 26-го апрѣля н. ст. 1856 года [1]), поданномъ прусскому королю:

«Наполеонъ имѣетъ теперь большой для себя выборъ союзниковъ», писалъ онъ. Бисмаркъ допускалъ возможность сближенія Франціи съ Россіей, и самъ находилъ полезнымъ стать твердо, обѣими ногами (à pieds joints), въ этомъ союзѣ.

«Но въ настоящее время, замѣчаетъ Бисмаркъ, для этого союза еще не пробилъ часъ».

«Настойчивыя усилія Орлова, говоритъ онъ, еще не заставятъ грушу упасть съ дерева; но когда она созрѣетъ, — она упадетъ сама собою, и русскіе тогда явятся во время, чтобы поймать эту грушу въ свою шапку».

Бисмаркъ былъ правъ относительно возможности сближенія Франціи съ Россіей, но не былъ правъ, говоря, что Орловъ настаивалъ на союзѣ. Мы видѣли, что напротивъ Орловъ имѣлъ инструкціи не вступать ни въ какія положительныя соглашенія и обязательства съ Наполеономъ, что могло бы помѣшать намъ заняться исключительно внутренними дѣлами.

«Англія,—продолжаетъ Бисмаркъ,—также будетъ стараться под-

---

[1]) Correspondance diplomatique de M. de Bismarck. Traduite par M. Funck-Brentano.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

держать добрыя отношенія къ Франціи. Для обѣихъ разрывъ былъ бы опасенъ и дорого бы обошелся. Флотъ Франціи послѣ войны пришелъ въ жалкое состояніе. Въ случаѣ войны съ Англіей, Франція могла бы найти поддержку со стороны Россіи и Американскихъ Штатовъ. Поэтому, Англія скрываетъ свой гнѣвъ по случаю заключенія Парижскаго мира.

«Правда, Наполеонъ терпитъ финансовыя затрудненія. Но если бы Англія имѣла въ виду этимъ воспользоваться и поселить смуту во Франціи, то Наполеонъ возбудитъ противъ коварнаго Альбіона національное чувство французовъ, и всѣ попытки англичанъ сойдутъ съ Франціи—какъ съ гуся вода.

«Нельзя допустить, чтобы Людовикъ - Наполеонъ предпринялъ войну ради войны, и чтобы онъ былъ побужденъ къ тому жаждою пріобрѣтеній—онъ не принадлежитъ къ числу завоевателей. Но возможно, что онъ предприметъ войну въ интересахъ Италіи».

«Претензіи Сардиніи,—говоритъ Бисмаркъ,—воспоминанія Бонапартистовъ и Мюратистовъ, корсиканская гордость—все это можетъ легко повліять на старшаго сына римской церкви. Ненависть противъ Австріи, и италіанскіе владѣтели облегчатъ ему намѣченные пути противъ Австріи, тогда какъ онъ не можетъ разсчитывать ни на чью помощь въ Германіи—ни на принцевъ, потому-что они не имѣютъ силы, ни на демократію, потому что она жадна и подла (гарасе et lâche)».

Обращаясь снова къ вопросу о возможныхъ въ будущемъ союзахъ, Бисмаркъ говоритъ:

«Сближеніе между Франціей и Россіей естественно вполнѣ. Ихъ географическое положеніе и политическіе взгляды представляютъ для обѣихъ этихъ державъ наименѣе поводовъ къ столкновенію, чѣмъ между всѣми другими великими державами. У нихъ нѣтъ интересовъ, вызывающихъ неизбѣжное столкновеніе. Враждебное отношеніе императора Николая къ династіи орлеанистовъ разъединяло до сихъ поръ обѣ страны между собою. Война, оконченная безъ взаимной ненависти, покончила между ними всѣ счеты.

«Война послужила болѣе внутреннимъ, чѣмъ внѣшнимъ потребностямъ Франціи. Теперь орлеанисты исчезли; императоръ Николай скончался; священный союзъ не существуетъ. Я не вижу поэтому ничего, что могло бы остановить силы, влекущія оба государства одно къ другому, и любезности, которыми онѣ обмѣниваются между собою,—есть скорѣе доказательство взаимной симпатіи, уже существующей, чѣмъ средство породить ее... Если состоится франко-русскій союзъ, съ воинственными цѣлями—мы не можемъ быть въ числѣ его противниковъ, потому что, я въ этомъ убѣжденъ, мы не устоимъ противъ него».

«Во времена Шварценберга, — прибавляетъ Бисмаркъ,— много говорили о тройственномъ союзѣ между Россіей, Франціей и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Австріей. Ненависть, которую питаетъ теперь Россія къ Австріи, и вліяніе, которое императоръ Наполеонъ намѣренъ проявить на полуостровѣ Итальянскомъ, побудятъ вѣнскій кабинетъ принять противъ этого соотвѣтственныя мѣры».

Союзъ между Англіей и Австріей Бисмаркъ не находилъ полезнымъ ни для Пруссіи, ни для германской федераціи и вообще, неудобнымъ для страны. Если бы Англія оказалась даже побѣдительницею на моряхъ — Германія, находясь между Россіей и Франціей, несла бы на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы.—«Къ тому же,—прибавляетъ Бисмаркъ,—я утверждаю, что въ случаѣ опасности,—ни одинъ союзный князь въ Германіи не задумается не исполнить своихъ обязательствъ, въ разсчетахъ, что императоръ Наполеонъ и императоръ Александръ ихъ не оставятъ, и что они, какъ въ 1813 и 1814 годахъ, не потеряютъ ничего, сохранятъ свои очаги и своимъ подданнымъ предоставятъ счастье, понимаемое каждымъ по своему».

Что касается до будущихъ отношеній между Пруссіей и Австріей, то Бисмаркъ замѣчаетъ:—«Германія слишкомъ тѣсна для насъ обоихъ. Въ будущемъ, намъ придется бороться съ Австріей за наше существованіе, и не отъ насъ зависитъ предупредить предстоящее столкновеніе. Ходъ событій въ Германіи не допускаетъ иного исхода».

Поэтому, въ ожиданіи будущаго, Бисмаркъ совѣтовалъ,—«дѣлать разные авансы Людовику-Наполеону, что насъ ни къ чему не обязываетъ и охранять себя отъ всѣхъ попытокъ, имѣющихъ цѣлью вести насъ на буксирѣ Австріи».

Будущее показало всю проницательность Бисмарка. Наполеонъ, дѣйствительно, прежде всего, обратился противъ Австріи, въ интересахъ итальянцевъ, а затѣмъ началась борьба между Пруссіей и Австріей, окончившаяся удаленіемъ послѣдней изъ Германіи. Не осуществился только дѣйствительный союзъ между Франціей и Россіей. Но и тутъ виноватъ не Бисмаркъ, а Наполеонъ, который, побуждаемый іезуитами, вмѣшательствомъ своимъ въ дѣла Польши въ 1863 году помѣшалъ весьма возможному союзу Россіи съ Франціей, что предупредило бы роковыя для Франціи событія 1870 и 71 годовъ.

Въ то время, когда Наполеонъ готовился нанести ударъ Австріи, берлинскій дворъ незамѣтно подготовлялъ событія, о которыхъ еще въ 1854 году, Наполеонъ высказывался принцу Саксенъ-Кобургскому, говоря, что онъ—«желалъ бы видѣть владѣнія Пруссіи округленными въ Германіи, а Пруссію—сильною на сѣверѣ».

Предупредительность Наполеона была тогда такъ велика, что онъ даже спрашивалъ:—«не найдутъ ли въ Берлинѣ болѣе удобнымъ взять Ганноверъ, вмѣсто Саксоніи [1])».

---

[1]) Zur Geschichte der Orientalischen Kriegs 1853—56. Geffken.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Наполеонъ забылъ правило Макіавелли: «Chi è cagione che uno diventi potente-rovina» (кто помогаетъ усиленію другого, тотъ себѣ готовитъ гибель).

Но въ Берлинѣ твердо помнили это правило и примѣняли его на всѣ стороны своихъ границъ. Тамъ желали войны между Франціей и Австріей, такъ какъ это ослабляло сосѣдей Пруссіи на югѣ и на западѣ. Что касается до восточнаго сосѣда, то поведеніе Пруссіи, во время всей крымской войны, достаточно показало, что старый Макіавелли находилъ себѣ читателей въ Берлинѣ.

Пруссія, пользуясь борьбою Австріи съ Франціей и Италіей и спокойная на счетъ Россіи, сама теперь стала помышлять объ округленіи своихъ границъ, почему, прежде всего, обратила вниманіе на Данію, потомъ на Австрію, а затѣмъ и на самую Францію.

Мы не руководствовались Макіавелли и допустили совершиться всему, о чемъ мечтала Пруссія. Что же будетъ потомъ? —qui vivra— verra!

А. Петровъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ О В. И. НАЗИМОВѢ.

ОЯБРЯ 24-го 1889 г. въ Казани скончался бывшій попечитель Казанскаго учебнаго округа Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ (родился 27-го іюня 1826 г.). Прежде чѣмъ занять постъ попечителя округа, который онъ съ честью занималъ почти двадцать лѣтъ, П. Д. Шестаковъ прошелъ всѣ низшія педагогическо-служебныя должности. Онъ былъ и учителемъ (1846—1852 гг.), и инспекторомъ (1852—1855 гг.), и директоромъ гимназіи (1855—1860 гг.), и инспекторомъ студентовъ (1860—1861 гг.), и инспекторомъ казенныхъ училищъ (1861—1863 гг.), и помощникомъ попечителя учебнаго округа (1863—1865 гг.).

Продолжительная и плодотворная педагогическая дѣятельность П. Д., которой онъ посвятилъ всѣ лучшія свои силы, не ограничивалась одними чисто служебными, хотя и весьма сложными обязанностями. Помимо многочисленныхъ педагогическо-литературныхъ трудовъ, разсѣянныхъ по различнымъ педагогическимъ изданіямъ, онъ не мало работалъ и по исторіи Россіи. Во время пребыванія своего въ должности учителя Тверской гимназіи, онъ вмѣстѣ съ директоромъ гимназіи, Н. М. Коншинымъ, трудился надъ изданіемъ «Домостроя» попа Сильвестра, а также надъ описаніемъ рукописи «Посланіе митрополита Фотія къ войску въ Свіяжскъ». Въ должности инспектора и директора Смоленской гимназіи, онъ составилъ «Историческую записку за 50 лѣтъ ея существованія» и въ «Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1853—1855 гг. напечаталъ слѣдующія статьи по исторіи и этнографіи Смоленской губерніи: «Отрывочныя сказанія о городѣ Смоленскѣ, извлеченныя изъ старыхъ записей и разсказовъ старожиловъ», «Смоленскій говоръ», «Духовщинское подрѣчье». Въ «Памятной книжкѣ Смоленской губерніи» онъ напечаталъ въ 1857 г. «Географію Смоленской губерніи». Назначенный въ 1857 г. директоромъ Смоленскаго губернскаго попечительскаго комитета о тюрьмахъ, П. Д., по его собственному признанію, «ревностно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

исполнилъ обязанности директора и имѣлъ утѣшеніе видѣть хорошіе результаты». Въ 1861 г. въ «Русской Рѣчи» имъ были напечатаны двѣ статьи «Изъ записокъ директора тюремнаго комитета».

Во время пребыванія въ Москвѣ въ званіи инспектора студентовъ и затѣмъ инспектора казенныхъ училищъ[1]) П. Д. помѣстилъ въ «Православномъ Обозрѣніи» «Матеріалы для жизнеописанія святителя Тихона, епископа Воронежскаго» (Записки келейника В. И. Чеботарева).

Въ періодъ двадцатилѣтняго управленія Казанскимъ учебнымъ округомъ, П. Д. Шестаковъ напечаталъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» 1868 г. изслѣдованіе о «Святомъ Стефанѣ Великопермскомъ», а въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за тотъ же тодъ «Житіе преподобнаго отца нашего Трифона Вятскаго чудотворца». За 1873 г. въ «Ученыхъ Запискахъ» имъ было напечатано изслѣдованіе «Родственна ли меря съ вогулами». Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» П. Д. были помѣщены статьи о «Просвѣтителяхъ лопарей архимандритѣ Феодоритѣ и и св. Трифонѣ Печенгскомъ» (1868 г.), «О распространеніи христіанства у калмыковъ» (1869 г.) и «Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося памятника времени св. Стефана Великопермскаго» (1871 г.). Всѣ эти ученыя работы стоятъ въ тѣсной связи съ занятіями П. Д. по интересовавшему его вопросу объ образованіи инородцевъ и съ трудами по открывшемуся въ 1867 г. въ Казани братству святителя Гурія, въ которомъ онъ былъ первымъ предсѣдателемъ. Въ 1869 г. имъ сдѣлано было обширное представленіе министру народнаго просвѣщенія въ видѣ «Соображеній о системѣ образованія инородцевъ, обитающихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа».

Въ 1877 г. происходилъ въ Казани IV археологическій съѣздъ. П. Д. и здѣсь «явился дѣятельнымъ работникомъ», сначала по организаціи съѣзда, въ качествѣ предсѣдателя его предварительнаго комитета, затѣмъ въ качествѣ члена съѣзда и, наконецъ, въ качествѣ предсѣдателя (1878—1883 гг.) «Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи», возникшаго по мысли съѣзда. Здѣсь плодомъ дѣятельности П. Д. явились слѣдующіе рефераты, касавшіеся вопросовъ мѣстной географіи, исторіи и этнографіи: «Напоминаніе о древнемъ городѣ Моджарѣ», «Замѣтка о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе» и изслѣдованіе по вопросу о томъ, «Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ?» Всѣ эти статьи были напечатаны въ «Трудахъ IV археологическаго съѣзда». Въ «Трудахъ Общества Врачей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» П. Д. въ 1879 г. напечаталъ «Показанія о чумѣ очевидцевъ не медиковъ».

За свои ученые труды и просвѣщенное сочувствіе къ научнымъ интересамъ, П. Д. Шестаковъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго Казанскаго университета, Казанской духовной академіи, Общества врачей

---

[1]) Въ 1849—1852 гг. П. Д. былъ учителемъ 4-й Московской гимназіи. За это время онъ перевелъ съ греческаго двѣ трагедіи Эврипида—«Медею» и «Гипполита, несущаго вѣнокъ». Обѣ были напечатаны впослѣдствіи въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» 1865 и 1871 гг. и изданы отдѣльными оттисками. Въ 1876 г. въ тѣхъ же «Ученыхъ Запискахъ» была напечатана въ переводѣ П. Д. трагедія Эврипида «Троянки».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи.

18-го іюня 1883 г., согласно прошенію, П. Д. былъ уволенъ отъ должности попечителя округа. Въ послѣдніе шесть лѣтъ жизни, проведенные въ отставкѣ, П. Д. продолжалъ усердно заниматься наукой. За это время онъ, кромѣ многихъ педагогическихъ статей, напечаталъ, по опредѣленію Совѣта Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, «Воспоминанія о графѣ Алексѣѣ Сергѣевичѣ Уваровѣ», а въ «Русской Старинѣ» 1887—1889 гг. помѣстилъ свои воспоминанія «О Московскомъ университетѣ въ 1840-хъ годахъ», «О студенческихъ волненіяхъ въ Москвѣ 1861 г.», «О студенческихъ волненіяхъ въ Казани 1882 г.». Въ недавнее время въ «Русской Старинѣ» помѣщены, посланныя имъ еще при жизни, его воспоминанія «О графѣ Д. А. Толстомъ» и «Казанскомъ университетѣ».

Послѣ смерти П. Д. въ его бумагахъ, помимо автобіографіи и дневника (почти въ 600 листовъ), который онъ велъ въ теченіе 20 лѣтъ, осталось нѣсколько статей, совсѣмъ приготовленныхъ къ печати. Одна изъ нихъ «Воспоминанія о В. И. Назимовѣ»—предлагается теперь вниманію читателей «Историческаго Вѣстника».

А. Рождественъ.

Послѣ блестящаго попечительства графа С. Г. Строгонова и прошедшаго незамѣтно кратковременнаго попечительства Д. П. Голохвастова, въ московскій учебный округъ назначенъ былъ попечителемъ генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ, бывшій, по однимъ слухамъ, попечителемъ, по другимъ—дядькой наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.

Слухи о новомъ попечителѣ ходили устрашающіе. Говорили про него, что онъ солдафонъ, бурбонъ, что онъ—человѣкъ безъ всякаго образованія, что онъ заводитъ и въ университетѣ и въ гимназіяхъ солдатскую дистиплину, студентовъ и гимназистовъ уже заставилъ маршировать, скоро-де у него замаршируютъ и учителя, и инспектора, и деректора, и профессора. Объ его недостаточныхъ знаніяхъ сложились даже легенды. О немъ разсказывали, что, при первомъ посѣщеніи университета, найдя въ актовой залѣ девять нишъ, занятыхъ статуями музъ, и видя, что десятая ниша пустая, онъ приказалъ въ пустой поставить десятую музу; что, присутствуя на экзаменѣ изъ естественной исторіи, онъ, услышавъ отвѣтъ студента, что слонъ съѣдаетъ въ день сто пудовъ сѣна, замѣтилъ: «ну ужъ это слишкомъ много», а когда профессоръ сказалъ: это гипербола, ваше превосходительство, то попечитель обратился къ студенту съ укоромъ: «видите, это гипербола съѣдаетъ сто пудовъ сѣна, а вы сказали—слонъ». Много и другихъ анекдотовъ разсказываютъ про В. И. Назимова; всѣ эти анекдоты показываютъ одно, что ученымъ людямъ онъ пришелся не по душѣ, вотъ они и разгуливались на его счетъ.—Мы, признаюсь, съ трепетомъ ожидали пріѣзда грознаго попечителя, который, по слухамъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не церемонился съ подчиненными, кричалъ и распекалъ по военному. Мы, правду сказать, имѣли основаніе опасаться болѣе другихъ: наша гимназія (Московская 4-я) была преобразована изъ опальнаго, закрытаго по повелѣнію государя императора Николая Павловича, заведенія, Московскаго Дворянскаго Института; большая часть воспитанниковъ института остались въ гимназіи. «Разгромитъ насъ попечитель», говорили воспитанники старшихъ классовъ. Директоръ 4-й гимназіи, Н. М. Коншинъ, перемѣщенный изъ директоровъ Тверской гимназіи, на первыхъ же порахъ какъ-то не умѣлъ поладить съ воспитанниками старшихъ классовъ, и былъ недоволенъ ими, слѣдовательно отъ него воспитанники поддержки и хорошей рекомендаціи ожидать не могли.

«Завтра попечитель пріѣдетъ», заговорили въ гимназіи. Дѣйствительно, попечитель пріѣхалъ. Всѣ ученики были собраны въ большой актовой залѣ. Попечитель вошелъ суровый и мрачный, глядя изъ-подлобья, такъ, можетъ быть, показалось отъ страха; онъ тотчасъ же отдалъ приказаніе отдѣлить новыхъ воспитанниковъ, поступившихъ въ 4-ю гимназію, отъ старыхъ, бывшихъ воспитанниковъ упраздненнаго Дворянскаго Института. Отдѣлили: первыхъ поставили направо, вторыхъ налѣво, съ послѣдними помѣстился и я, какъ надзиратель 7-го класса, а семиклассники всѣ безъ исключенія были прежніе воспитанники Дворянскаго Института. В. И. Назимовъ сначала подошелъ къ стоявшимъ направо, поздоровался съ ними,—потомъ круто повернулъ въ нашу сторону, мрачный, какъ буря, и сталъ громить воспитанниковъ. Разгромивъ ихъ, онъ обратился ко мнѣ, и, смотря на меня гнѣвнымъ взглядомъ, сталъ кричать: «А вы чего смотрѣли? Какъ вы могли допустить такія мерзости?» и т. п. Распекъ, что называется, въ пухъ и прахъ, и, обратившись къ директору, сказалъ ему: «проводите меня по гимназіи». И учителя, и надзиратели, и воспитанники, обратились ко мнѣ съ сожалѣніемъ: «васъ-то за что распекъ? Вы-то тутъ при чемъ?»—Что на это сказать?—Распекъ, потому что власть имѣетъ распекать. Безъ сомнѣнія, видя меня стоящимъ около бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго Института, онъ принялъ меня за служившаго въ Институтѣ; а я только-что перемѣщенъ былъ изъ Тверской гимназіи учителемъ и вмѣстѣ надзирателемъ гимназическаго пансіона.—Проходя обратно по залѣ, гдѣ мы дожидались его возвращенія, попечитель кинулъ въ нашу сторону грозное: «смотрите вы у меня», въ сторону стоящихъ направо: «прощайте, надѣюсь, вы не будете таковы»,—и вышелъ.

Слухъ о томъ, что попечитель не церемонился съ подчиненными, оправдался,—сталъ оправдываться и слухъ о томъ, что попечитель заводитъ военную дисциплину.

Н. М. Коншинъ перемѣщенъ директоромъ Ярославскаго лицея и училищъ Ярославской губерніи. Новый директоръ Московской

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

4-й гимназіи, назначенный, по представленію попечителя, изъ военныхъ, баронъ А. И. Рейхель, переименованный изъ подполковниковъ въ надворные совѣтники, сталъ сильно налегать на военную выправку и фронтовое ученіе гимназистовъ, и даже въ первое время давалъ надзирателямъ выговоры за «плохую выправку» пансіонеровъ. Барону Рейхелю принадлежитъ оставшееся надолго въ памяти учителей и учениковъ замѣчательное въ своемъ родѣ изреченіе, сказанное имъ министру народнаго просвѣщенія князю Ширинскому-Шахматову: «Смѣю завѣрить, ваше сіятельство, что съ тѣхъ поръ какъ введено обученіе фронту, съ тѣхъ поръ какъ ученики стали маршировать, они сдѣлались развязнѣе и къ ученію понятливѣй». А. И. Рейхель былъ въ сущности премилый и предобрый человѣкъ, чрезвычайно ласковый съ учениками, заботливый и внимательный воспитатель. Но нужно было посмотрѣть, какъ преображалась его маленькая, тщедушная фигурка, когда онъ пробѣгалъ по фронту учениковъ, какой-то взъерошенный. «Смирно-о-о!—кричалъ онъ пронзительной фистулой.—Глаза на пра-а-а-во! Глаза на пра-а-во! Смотрѣть въ глаза начальнику! Ѣсть начальника глазами!» При немъ заведены были дежурные по классу. При входѣ директора или инспектора въ классъ, ученики вставали, вытягивая руки по швамъ, и, на привѣтствіе начальника, кричали: «Здравія желаемъ, ваше в—іе». Дежурный по классу мѣрнымъ шагомъ подходилъ къ вошедшему начальнику и рапортовалъ:—Честь имѣю рапортовать вашему в—ію, что въ классѣ учениковъ по списку—, на лицо—, въ больницѣ—. И затѣмъ, сдѣлавъ налѣво или направо кругомъ, маршировалъ къ своему мѣсту. При встрѣчѣ съ директоромъ или инспекторомъ въ коридорѣ, ученики обязаны были дѣлать фронтъ. Къ чаю, завтраку, обѣду и ужину, воспитанники пансіона, построившись рядами попарно, обязаны были идти въ ногу. Эти военные порядки какъ-то легко прививались къ воспитанникамъ 4-й гимназіи, чему, по моему мнѣнію, много способствовали два воспитанника С. и Ш., поступившіе изъ кадетскаго корпуса, отлично учившіеся, дружно жившіе съ товарищами и имѣвшіе на нихъ хорошее вліяніе. С. и Ш. были отличными ординарцами и отличными, такъ сказать, ефрейторами, ведшими отдѣленія по военному на прогулкахъ.

Впрочемъ, эти выправки и фронтовыя ученія не заглушали въ А. И. Рейхелѣ голоса сердца: онъ относился весьма тепло и къ своимъ сослуживцамъ и къ воспитанникамъ. Баронъ А. И. Рейхель завелъ въ пансіонѣ 4-й гимназіи спектакли и концерты, на которыхъ играли воспитанники, и которые привлекали отборную публику; устроилъ нѣчто въ родѣ полугодичныхъ испытаній, на которыя приглашалъ профессоровъ. Во время роскошной иллюминаціи въ честь двадцатипятилѣтія царствованія государя императора Николая Павловича, на вышку дома 4-й гимназіи, помѣщавшейся

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тогда въ извѣстномъ домѣ Пашкова, гдѣ теперь Румянцевскій музей, собралось большое общество военныхъ и статскихъ генераловъ, такъ какъ съ этой вышки представлялся великолѣпный видъ на иллюминованную Москву. По распоряженію директора, воспитанники—старшіе встрѣчали каждаго гостя въ пріемной и провожали на вышку. Между собравшимися звѣздоносцами выдѣлялся одѣтый въ черный сюртукъ худой, длинноносый, невзрачный человѣчекъ, на котораго со вниманіемъ смотрѣли всѣ знатные гости наши, а воспитанники просто поѣдали его глазами. Это былъ знаменитый авторъ «Мертвыхъ Душъ», Н. В. Гоголь. Помню, какъ онъ, долго любуясь на разстилавшуюся подъ его ногами грандіозно освѣщенную нашу матушку Москву, задумчиво произнесъ: «Какъ это зрѣлище напоминаетъ мнѣ вѣчный городъ».

Черезъ нѣсколько времени по поступленіи въ Московскую 4-ю гимназію новаго директора, снова разнесся слухъ: попечитель пріѣдетъ. «Ну, сказали мнѣ сослуживцы, теперь ужъ не то будетъ: теперь у насъ директоръ-любимецъ попечителя, посмотрите попечитель всѣмъ останется доволенъ и васъ распекать не будетъ».

Пріѣхалъ попечитель, обошелъ по классамъ, пошелъ въ спальни, я, въ качествѣ дежурнаго надзирателя, сопровождалъ его вмѣстѣ съ директоромъ и инспекторомъ. Въ спальняхъ попечитель приподнималъ одѣяла, простыни, тюфяки, смотрѣлъ, все ли чисто. «Прекрасно»,—сказалъ онъ директору,—«все чисто, хорошо, въ порядкѣ». И вдругъ, повернувшись въ мою сторону,—грозно закричалъ:—«А у васъ въ Институтѣ что было?—Грязь, нечистота, мерзость». Рядомъ со мною стоялъ экономъ пансіона, бывшій экономомъ и въ Дворянскомъ Институтѣ. Наивно увѣренный, что къ нему обращается попечитель, я отступилъ нѣсколько за эконома. «Куда вы»,—сказалъ попечитель,—«я вамъ говорю, вы завели и поддерживали тутъ всякую мерзость». И пошелъ, и пошелъ. Много рѣзкаго тутъ было сказано. Я стоялъ, почтительно вытянувшись, и слушалъ... Наконецъ, выливъ свой гнѣвъ, попечитель снова сталъ расхваливать нынѣшніе порядки и благодарить директора.

Послѣ этой жестокой распекаціи, я, по отъѣздѣ попечителя, обратился къ директору и просилъ его должность г. попечителю округа, что онъ другой разъ распекаетъ меня публично, считая меня за служившаго въ Дворянскомъ Институтѣ, но я въ Дворянскомъ Институтѣ не былъ, а поступилъ на службу въ 4-ю гимназію. А. И. Рейхель отвѣчалъ мнѣ: «Успокойтесь, завтра же доложу и надѣюсь, что Владиміръ Ивановичъ больше васъ распекать не будетъ».

Черезъ недѣлю снова пріѣхалъ попечитель округа въ день моего дежурства и, увидѣвъ меня, съ улыбкою сказалъ:—«Ведите меня по своей гимназіи». Этимъ окончились мои служебныя невзгоды въ 4-й гимназіи. А одинъ случай, самъ по себѣ незначи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тельный, обратилъ на меня особенное милостивое вниманіе попечителя. Возвращаясь разъ съ воспитанниками изъ дальней прогулки за городъ, я, войдя на бульваръ Петровскаго парка, предложилъ имъ построиться и идти, какъ въ городъ, въ ногу. Такъ какъ воспитанниковъ со мною было много, то воспитанники С. и Ш. предложили раздѣлить всѣхъ на два отряда: одинъ велъ Ш. впереди, другой—С.; при этомъ отдѣленіи былъ и я. Ш. съ своимъ отдѣленіемъ шелъ скорѣе и нѣсколько опередилъ насъ. Вдругъ слышимъ мы—оттуда доносится: здравія желаемъ, ваше превосходительство. «Вѣрно попечитель встрѣтился», заговорили воспитанники нашего отдѣленія, подтянулись, прибодрились... Подъѣзжаетъ попечитель въ колескѣ. По командѣ С., воспитанники быстро выровнялись въ двѣ шеренги лицомъ къ попечителю. Онъ приказалъ кучеру остановиться. «Здравствуйте, дѣти!»—Здравія желаемъ, ваше превосходительство. Попечитель подозвалъ меня къ себѣ, спросилъ, откуда мы, съ кѣмъ идетъ первый отрядъ, и снова привѣтливо раскланялся съ воспитанниками. Несомнѣнно, что очень расположенный ко мнѣ Н. М. Коншинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ трудились въ Твери надъ изданіемъ «Домостроя» попа Сильвестра, и баронъ А. И. Рейхель хорошо отрекомендовали меня попечителю; но думаю, что и этотъ случай не мало способствовалъ моему повышенію. Съ повышеніемъ попечитель поздравилъ меня по военному.

Въ Москвѣ въ это время (въ 1852 году) устроена была интересная сельско-хозяйственная выставка въ манежѣ. Повели и мы туда своихъ воспитанниковъ. Пришли въ манежъ, ходимъ чинно парами, осматриваемъ. Вдругъ шопотъ: «попечитель, попечитель!» Воспитанники подтянулись. Попечитель поровнялся съ нами и, подавая мнѣ руку,—сказалъ: «Здравствуйте, инспекторъ». Воспитанники, какъ и я самъ, полагали, что попечитель принялъ меня за нашего инспектора В. В. Авилова, хотя смѣшать насъ было трудно. Когда мы вышли изъ манежа, я увидѣлъ, что нашъ директоръ шелъ по тротуару. Вѣроятно, услышавъ мѣрный шагъ воспитанниковъ, онъ посмотрѣлъ въ нашу сторону и знакомъ подозвалъ меня къ себѣ. Я разсказалъ ему встрѣчу нашу съ попечителемъ и прибавилъ: вѣроятно, г. попечитель принялъ меня за инспектора, смѣшалъ меня съ В. В. Авиловымъ.—«Нѣтъ, грустнымъ голосомъ сказалъ мнѣ баронъ Рейхель, не смѣшалъ, а поздравилъ. Владиміръ Ивановичъ беретъ васъ отъ меня, онъ назначаетъ васъ кудо-то инспекторомъ и завтра проситъ васъ къ себѣ, чтобы объявить о назначеніи. Мнѣ такъ тяжело разставаться съ вами,—вы мнѣ оказывали такую большую помощь. Но что дѣлать?»

На другой день, 6-го октября, я явился къ попечителю. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково.

— Я назначаю васъ инспекторомъ. Я обѣщалъ Смоленскому

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

директору Философову дать ему хорошаго инспектора, и желалъ бы, чтобы вы ѣхали въ Смоленскъ. Но Ярославскій директоръ Коншинъ проситъ назначить васъ къ нему въ инспекторы. Выборъ я предоставляю вамъ, хотя бы и желалъ, чтобы вы были инспекторомъ въ Смоленской гимназіи. Подумайте и скажите мнѣ, куда вы желаете.

Я зналъ хорошо Н. М. Коншина, желалъ бы служить съ нимъ, но мнѣ не безъизвѣстно было, что, съ моимъ назначеніемъ въ Ярославль, потеряетъ мѣсто инспекторъ, бывшій прежде моимъ учителемъ; и потому, недолго раздумывая, я отвѣтилъ:

— Я поѣду въ Смоленскъ, согласно желанію вашего превосходительства.

— Ну, очень радъ. Сегодня же состоится ваше назначеніе, готовьтесь въ путь, тамъ директоръ очень нуждается въ дѣятельномъ и надежномъ помощникѣ.

Пожавъ мнѣ крѣпко руку, попечитель простился со мною.

Въ послѣднее воскресенье передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы, неожиданно для меня, въ гимназической церкви послѣ обѣдни, по распоряженію директора, служили напутственный для меня молебенъ. А. И. Рейхель и воспитанники тепло и сердечно простились со мною. Видно, сердце у А. И. Рейхеля не замуштровалось военною дисциплиною и осталось при немъ теплое и отзывчивое.

Такое же доброе и отзывчивое сердце нашелъ я и у другого директора изъ военныхъ, у директора Смоленской гимназіи М. А. Философова. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я кратковременную, къ сожалѣнію, совмѣстную службу съ нимъ: онъ относился ко мнѣ просто, честно, подружески.

Почитаю здѣсь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу обвиненія, возводившагося на В. И. Назимова, какъ попечителя округа, за назначеніе имъ директоровъ гимназіи изъ военныхъ. «Самъ бурбонъ, изъ бурбоновъ и назначаетъ». Сложилась даже въ то время между педагогами Московскаго учебнаго округа такая поговорка: directores nascuntur, inspectores fiunt (директорами родятся, инспекторовъ назначаютъ). Но какъ я убѣдился изъ примѣровъ барона Рейхеля и Философова, В. И. Назимовъ выбиралъ въ директора людей честныхъ, сердечныхъ и усердныхъ, которые съ пользою служили начальниками учебныхъ заведеній; кромѣ того, впослѣдствіи увидимъ, что онъ представлялъ въ директора и инспекторовъ. Стало быть, это обвиненіе не имѣетъ достаточныхъ основаній. При Смоленской гимназіи былъ благородный пансіонъ, а при гимназіяхъ, гдѣ были благородные пансіоны, были и почетные попечители, избираемые дворянствомъ на узаконенное число лѣтъ. Почетные попечители иные ничего не дѣлали, появляясь только въ торжественныхъ случаяхъ, такъ что воспитанники пансіона, увидѣвъ на гимназическомъ актѣ особу въ дирек-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торскомъ мундирѣ, съ удивленіемъ спрашивали: кто это? Иные почетные попечители ограничивали свою дѣятельность вниманіемъ къ воспитанникамъ, выражавшимся въ присылкѣ имъ конфектъ, въ устройствѣ елокъ и т. п. Были и такіе, которые желали играть первую роль, роль начальника, къ которому въ праздники являлись бы въ мундирахъ и директоръ, и инспекторъ, и учителя,— такіе нерѣдко вмѣшивались во все, дѣлали грозный окрикъ на учителей и надзирателей, а если поддастся, то и на директора. Къ числу такихъ почетныхъ попечителей принадлежалъ и Смоленскій графъ Б. При прежнемъ директорѣ, который страдалъ запоемъ и не посѣщалъ гимназіи, при инспекторѣ, любившемъ играть въ карты и просиживавшемъ ночи напролетъ въ клубѣ, графъ Б. привыкъ распоряжаться въ гимназіи, распекалъ всѣхъ, грозилъ учителямъ: «я васъ выгоню, стоитъ только съѣздить къ попечителю округа», словомъ былъ полновластнымъ хозяиномъ гимназіи.

Новый директоръ, Философовъ, къ счастію, былъ старый товарищъ графа Б. по кадетскому корпусу и былъ съ нимъ на ты. Какъ стараго товарища, встрѣтилъ его въ сущности добродушный, только крайне честолюбивый и не обладавшій тактомъ графъ Б. съ распростертыми объятіями. Меня онъ тоже встрѣтилъ привѣтливо,—онъ зналъ меня, когда я шесть лѣтъ тому назадъ былъ учителемъ греческаго языка въ Смоленской гимназіи. И у насъ образовалось довольно согласное тріо. Почетный попечитель, не желая обидѣть своего кадетскаго товарища, не вмѣшивался слишкомъ усердно въ дѣла, хотя и подавалъ директору совѣты въ родѣ такихъ: «А учителя Г., братъ, нужно непремѣнно выгнать: онъ пьяница страшный, у него, посмотри, отъ пьянства носъ красный». Въ дѣйствительности же учитель Г. только и пилъ, что чай съ вареньемъ, ни водки, ни вина въ ротъ не бралъ, но былъ очень невзраченъ: безъ руки, лицо угреватое, носъ сизо-красный, но человѣкъ былъ добрый, веселый, сердечный и учитель знающій, усердный и энергическій. На такіе совѣты директоръ отвѣчалъ: «Погоди, братъ, дай всмотрѣться», и графъ Б. успокоивался. Все шло на первыхъ порахъ тихо и гладко.

По порученію директора, въ первый годъ инспекторской службы я ѣздилъ въ Москву для закупокъ по пансіону и для доклада попечителю округа о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Здѣсь я еще лучше могъ узнать В. И. Назимова. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково, расцѣловался со мною, выслушивалъ внимательно, и вотъ что меня поразило при этомъ объясненіи. Въ жару разговора, я, позабывшись, разъ назвалъ его не ваше превосходительство, а просто Владиміръ Ивановичъ, какъ мы обыкновенно называли попечителя въ разговорахъ съ директоромъ Философовымъ. И каково же было мое удивленіе! Владиміръ Ивановичъ взглянулъ на меня при этомъ, подалъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. Это ли не сердечность?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Къ сожалѣнію, спокойствіе въ Смоленской гимназіи продолжалось недолго. Что-то вышло между женами почетнаго попечителя и директора. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, идемъ мы съ директоромъ въ пансіонъ,—оттуда отъѣзжаетъ почетный попечитель и, отворотившись, проѣзжаетъ мимо насъ.

— Что это значитъ, Михаилъ Александровичъ?—спрашиваю я.

— Не понимаю, только ясно, что Б. отвернулся съ намѣреніемъ. То-то съ нѣкотораго времени онъ что-то не посѣщаетъ меня, а прежде заѣзжалъ каждый день.

Черезъ недѣлю директоръ получилъ отъ попечителя округа запросъ по поводу донесенія почетнаго попечителя о безпорядкахъ въ гимназіи и пансіонѣ. Это было начало. Затѣмъ пошли доносъ за доносомъ. Почетный попечитель доносилъ попечителю округа, что директоръ Философовъ ничѣмъ не занимается, что если бы не инспекторъ, который очень дѣятеленъ, то и гимназія и пансіонъ пришли бы въ безпорядокъ; но и инспекторъ не можетъ дѣлать многаго, такъ какъ директоръ не даетъ ему воли.

Одновременно съ этими донесеніями почетнаго попечителя, приходилъ ко мнѣ одинъ знакомый дворянинъ, который былъ близокъ къ графу Б. и старался вооружить меня противъ директора, разсказывая, между прочимъ, какъ дурно обо мнѣ отзывается Философовъ и какъ отлично говоритъ обо мнѣ графъ Б. Этотъ подсылъ возмутилъ меня. До тѣхъ поръ я не дѣйствовалъ, съ этого же времени открыто сталъ на сторону директора. Я отправился къ губернскому предводителю князю М. В. Друцкому-Соколинскому, и просилъ его откровенно сказать мнѣ, доволенъ ли онъ гимназіею и пансіономъ. Князь отвѣчалъ мнѣ: «очень доволенъ, хочу даже сына моего отдать къ вамъ въ пансіонъ». Тогда я разсказалъ ему объ отношеніяхъ почетнаго попечителя къ директору и просилъ его, не найдетъ ли онъ возможнымъ и справедливымъ, какъ губернскій предводитель, написать письмо директору и выразить ему свое удовольствіе веденіемъ дѣлъ въ благородномъ при гимназіи пансіонѣ. Князь М. В. Друцкій-Соколовскій изъявилъ полное согласіе, и на другой же день прислалъ директору письмо, въ которомъ благодарилъ отъ лица родителей-дворянъ за отличное состояніе пансіона. Это письмо, шедшее совершенно въ разрѣзъ съ донесеніями почетнаго попечителя, директоръ въ подлинникѣ препроводилъ къ попечителю округа. Кромѣ того, я открыто сталъ говорить въ обществѣ о дѣйствіяхъ почетнаго попечителя.

Разгнѣванный этимъ, графъ Б. перемѣнилъ тактику. Теперь онъ доносилъ попечителю округа преимущественно на меня. Онъ доносилъ, что инспекторъ забралъ въ руки директора и вертитъ всѣмъ, что и въ гимназіи, и въ пансіонѣ, безпорядокъ, что посѣтивъ ночью благородный пансіонъ такого-то числа, онъ нашелъ много безпорядковъ, даже дежурнаго надзирателя нашелъ спя-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щимъ. Вслѣдствіе этого донесенія, попечитель округа прислалъ предписаніе, въ которомъ дѣлалъ замѣчаніе директору и строгій выговоръ инспектору за найденные почетнымъ попечителемъ безпорядки въ пансіонѣ. Какъ ни стѣснялся благородный М. А. Философовъ объявлять мнѣ эту бумагу, но я, замѣтивъ, что онъ сконфуженъ и скрываетъ отъ меня что-то, прямо спросилъ: «Не полученъ ли выговоръ мнѣ отъ попечителя округа?»—«Вы почемъ знаете», съ удивленіемъ спросилъ директоръ.—«Видѣлъ во снѣ и во снѣ читалъ бумагу отъ попечителя со строгимъ выговоромъ мнѣ». Дѣйствительно, я видѣлъ такой сонъ, вѣроятно, потому, что ожидалъ непріятностей. По поводу этого предписанія попечителя округа я представилъ объясненіе, въ которомъ высказалъ, что безпорядковъ никакихъ почетный попечитель въ пансіонѣ во время посѣщенія ночью не нашелъ, что видно и изъ самаго донесенія почетнаго попечителя, такъ какъ онъ ни на какіе безпорядки не указываетъ, кромѣ того, что «даже надзирателя засталъ спящимъ», но надзирателямъ и не вмѣнено въ обязанность не спать. Затѣмъ я объяснилъ, что въ это свое ночное посѣщеніе почетный попечитель сдѣлалъ безпорядокъ въ пансіонѣ, потому что распекалъ надзирателя, сталъ на него кричать и своимъ крикомъ разбудилъ и напугалъ воспитанниковъ, что объ этомъ шумѣ, произведенномъ почетнымъ попечителемъ, я въ тотъ же день доложилъ директору.

Частыя и многословныя донесенія графа Б. побудили попечителя округа поспѣшить пріѣздомъ въ Смоленскъ, куда онъ обѣщалъ пріѣхать, еще прощаясь со мною въ послѣдній разъ въ Москвѣ.

Вѣсть о пріѣздѣ попечителя округа распространилъ, помнится, почетный попечитель. Эта вѣсть нагнала порядочный страхъ на учительскій персоналъ: боялись вліянія графа Б., который уже многимъ давно грозилъ, что ихъ выгонятъ, только бы ему увидѣться съ попечителемъ округа. Памятна мнѣ комическая сцена, которой я самъ былъ свидѣтелемъ. Прихожу я въ учительскую и вижу: стоитъ передъ зеркаломъ учитель Г., тотъ самый, изгнанія котораго желалъ графъ Б., укоризненно качаетъ головою и говоритъ:

— Ахъ ты рожа, рожа! Вотъ пріѣдетъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, посмотритъ на тебя и скажетъ: гоните вонъ эту красноносую, угреватую рожу,—видно, что пьетъ горькую.

Пріѣхалъ попечитель округа въ Смоленскъ. Мы отправились къ нему вмѣстѣ съ директоромъ. Доложили о нашемъ приходѣ, ждемъ въ залѣ. Выходитъ попечитель, подходитъ къ директору, здоровается съ нимъ и ведетъ его въ кабинетъ. На меня и не посмотрѣлъ, какъ-будто вмѣсто меня тѣнь стояла. Минутъ черезъ десять, поговоривъ, конечно, обо мнѣ съ директоромъ, попечитель выходитъ, радушно подаетъ мнѣ руку, цѣлуется со мною и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

приглашаетъ тоже въ кабинетъ. Здѣсь мы пробыли недолго. «Я скоро буду къ вамъ въ пансіонъ»,—сказалъ онъ.

Осматривалъ попечитель округа Смоленскую гимназію съ благороднымъ пансіономъ три дня. Передъ самымъ его пріѣздомъ въ домъ гимназіи, гдѣ помѣщался и пансіонъ, явился и почетный попечитель. Въ пансіонѣ попечитель округа осматривалъ все: кровати, тюфяки, постельное и носильное бѣлье, платье, шкафчики воспитанниковъ, ихъ книги и тетради, и все расхваливалъ. Почетный попечитель обратился къ попечителю округа съ предложеніемъ:—«Не угодно ли вашему превосходительству осмотрѣть больницу?» Больница помѣщалась во флигелѣ крайне тѣсно. Попечитель округа пошелъ въ больницу, осмотрѣлъ все и при осмотрѣ нѣсколько разъ повторялъ:—«Вотъ порядокъ, вотъ чистота образцовые вездѣ въ пансіонѣ, тѣсно только очень, но въ этомъ виновато дворянство, а не начальство гимназіи».

То же самое было и при осмотрѣ гимназіи. Попечитель посѣщалъ классы, слушалъ преподаваніе, отвѣты учениковъ. Учителю Г., послѣ урока и моей рекомендаціи, попечитель подалъ руку съ словомъ: «благодарю». По окончаніи осмотра, въ залѣ педагогическаго совѣта, въ присутствіи почетнаго попечителя, онъ хвалилъ все и всѣхъ, объявлялъ благодарность директору и инспектору за прекрасный, веселый и бодрый видъ воспитанниковъ, за ихъ выдержку, за успѣшное ученіе, за порядокъ. «Чистота во всемъ образцовая», — сказалъ попечитель округа въ концѣ своей рѣчи, и при этомъ приподнявъ нѣсколько уголъ зеленаго сукна, покрывавшаго большой длинный столъ, хотѣлъ, вѣроятно, похвастать чистотою, но рукою попалъ въ пыль, быстро обтеръ руку о подкладку своего мундира, прикрылъ столъ сукномъ, и снова продолжалъ, въ упоръ смотря на почетнаго попечителя: «Да, дисциплина, порядокъ во всемъ и чистота образцовые, благодарю отъ души» и пожалъ руку директору. Почетный попечитель съежился, ему, видимо, было очень не по себѣ.

Наканунѣ отъѣзда изъ Смоленска, вечеромъ, попечитель округа пригласилъ директора и меня къ себѣ на чай. За чаемъ онъ разсказывалъ намъ, какъ онъ отдѣлалъ почетнаго попечителя.

— Вообразите, явился вчера утромъ съ доносомъ на васъ (смотритъ на меня). Знаете ли вы, что вы уголовный преступникъ, что васъ въ Сибирь нужно сослать, такъ какъ вы устроили здѣсь тайное общество... Изъ кого же?—Изъ учениковъ, изъ дѣтей. Это мнѣ донесъ вашъ почетный попечитель. Я выслушалъ его, повидимому, спокойно, хотя эта низость взволновала меня ужасно. Постой же, голубчикъ, думаю, я тебя проучу. Знаете, графъ, говорю я ему, сообщенное вами слишкомъ важно. Потрудитесь изложить все, сказанное мнѣ, письменно и доставьте мнѣ завтра утромъ. Сегодня утромъ голубчикъ является ко мнѣ съ бумагою, я раскрылъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пробѣжалъ глазами, вижу—то же, что̀ онъ говорилъ. Тогда я и принялся на него кричать, отдѣлывать его по-военному. Онъ было въ графскую амбицію вломился. Ваше превосходительство, говоритъ, прикладывая руку къ уху, я немного крѣпокъ на ухо, говорите погромче, погромче. Что̀? крикнулъ я на него, молчать, руки по швамъ! Я говорю вамъ, какъ генералъ-адъютантъ моего всемилостивѣйшаго государя. Ну, и отдѣлалъ молодца по-свойски. Скажите пожалуйста. Выдумалъ этакую клевету, а еще руку къ уху, «я крѣпокъ на ухо». Будетъ онъ помнить.

Разсказавъ о почетномъ попечителѣ, В. И. обращается ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Ну, какъ вы здѣсь поживаете? Довольны службою?

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я,—недоволенъ.

— Чѣмъ же?

— Какъ мнѣ быть довольнымъ? Пока я былъ учителемъ, я не только не слыхалъ выговора или замѣчанія, даже косого взгляда не видалъ отъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, а при первомъ шагѣ на мѣстѣ начальника, я имѣлъ несчастіе получить письменный строгій выговоръ.

— Отъ кого это?

— Отъ вашего превосходительства.

— Вотъ охота вамъ обращать вниманіе на мое письменное предписаніе и принимать къ сердцу. Вы бы плюнули на мою бумагу.—Вы знаете, что я васъ люблю и уважаю. Ну, довольны теперь?.

— Не совсѣмъ, ваше превосходительство.

— Что̀ же вамъ еще нужно?

— Я имѣлъ несчастіе получить письменный выговоръ.

— А! понимаю. Завтра же Михаилъ Александровичъ получитъ отъ меня бумагу. Довольны теперь?

— Мнѣ остается только благодарить ваше превосходительство за ваше лестное, дорогое вниманіе ко мнѣ.

Такъ и хотѣлось тогда разцѣловать этого суроваго, жесткаго попечителя: столько простоты и сердечности было въ его словахъ, а черты лица его сдѣлались какъ-будто мягкими и нѣжными.

На другой день, 9-го ноября 1853 г., получено было на имя директора слѣдующее предложеніе попечителя округа за № 510-мъ.

«При обозрѣніи моемъ здѣшней губернской гимназіи и принадлежащаго ей благороднаго пансіона, переведеннаго въ корпусъ гимназіи по неудобствамъ и ветхости прежняго зданія, я усмотрѣлъ слѣдующее:

«Не взирая на тѣсное помѣщеніе учениковъ, въ заведеніи содержится примѣрная чистота и порядокъ; у самихъ учениковъ веселый и смѣлый взглядъ, непринужденность и находчивость въ отвѣтахъ; содержаніе ихъ, какъ въ отношеніи одежды, такъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пищи, совершенно удовлетворительно; сверхъ того, мнѣ пріятно было видѣть ихъ чистоплотность, способствующую всегда къ физическому здоровью дѣтей. Въ отношеніи ихъ научнаго образованія, при посѣщеніи классовъ, я остался совершенно довольнымъ ихъ отвѣтами на предложенные мною вопросы. Приращеніе же числа воспитанниковъ противу прежнихъ годовъ, и тѣ лестные отзывы о заведеніи, которые я получилъ отъ правительственныхъ и почетныхъ лицъ г. Смоленска, свидѣтельствуютъ мнѣ о нравственномъ направленіи дѣтей, ввѣренныхъ надзору вашего высоблагородія. При повѣркѣ денежной суммы, хранящейся въ уѣздномъ казначействѣ, я нашелъ оную въ совершенной цѣлости, а приходо-расходныя книги въ должномъ порядкѣ.

«Приписывая такое прекрасное положеніе гимназіи и благороднаго пансіона вашей ревностной службѣ и вашимъ стараніямъ исполнять возложенную на васъ священную обязанность воспитанія, я считаю пріятнѣйшимъ долгимъ объявить вамъ, милостивый государь, и г. инспектору классовъ искреннюю мою благодарность въ полной увѣренности, что заведеніе, вами управляемое, останется и впредь при тѣхъ же прекрасныхъ началахъ. Таковую мою благодарность и надежду прошу васъ передать всѣмъ гг. преподавателямъ и надзирателямъ, равномѣрно объявить и всѣмъ ученикамъ, сколько я остался ими доволенъ, за что и благодарю ихъ сердечно».

Это предложеніе ясно свидѣтельствуетъ какъ о вполнѣ внимательномъ отношеніи В. И. Назимова къ учебно-воспитательному дѣлу, такъ и объ его гуманности и, скажу болѣе, сердечности къ своимъ подчиненнымъ и къ учащимся. Заключительныя слова, относящіяся къ ученикамъ—«и благодарю ихъ сердечно» вылились изъ теплаго сердца. Что попечителю понравились веселый и смѣлый взглядъ и непринужденность учениковъ Смоленской гимназіи, не показываетъ ли это, что В. И. Назимовъ не взглядомъ солдата смотрѣлъ на воспитательное дѣло, а зоркимъ взглядомъ опытнаго воспитателя. Не даромъ прозорливый государь приблизилъ его къ своему царственному сыну, наслѣднику престола.

Послѣ ревизіи попечителя округа, графъ Б. не прекращалъ своихъ преслѣдованій. Ожесточенный дѣйствіями попечителя, онъ вездѣ бранилъ и его, и директора, и меня, и бомбардировалъ директора непріятными запросами и отношеніями, отвѣчая на которые директоръ, и безъ того больной и желчный, еще болѣе раздражался. Все это до такой степени опротивѣло мягкосердечному и благородному М. А. Философову, что онъ рѣшился уйти, взялъ отпускъ и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе.

Бремя борьбы пало на мои плечи. В. И. Назимовъ своимъ чуткимъ сердцемъ понималъ, что молодому инспектору трудно, тяжело, если даже директоръ не вынесъ и уѣхалъ. Онъ прислалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ Смоленскъ инспектора казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа П. К. Ѳедорова, «чтобы, какъ сказалъ мнѣ самъ П. К., защищать меня отъ нападеній почетнаго попечителя», и продержалъ его въ Смоленскѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. П. К. Ѳедоровъ сильно скорбѣлъ и жаловался на эту бездѣйственную жизнь вдали отъ дѣтей; онъ пріѣхалъ съ одною женой, и говорилъ: «Къ чему Владиміръ Ивановичъ прислалъ меня, вы и сами съ зубами, и сами отлично отгрызаетесь». Управлялъ все это время гимназіею и дирекціею я, а инспекторъ казенныхъ училищъ состоялъ какъ бы въ резервѣ, на случай. Нельзя не видѣть и въ этомъ фактѣ мягкости В. И. Назимова и его сердечной заботливости о своихъ подчиненныхъ. Наконецъ, и П. К. Ѳедоровъ уѣхалъ въ Москву, вѣроятно, убѣдивъ попечителя округа, что я и самъ слажу, что графъ Б. не съѣстъ меня. Остался я одинъ, и графъ Б., вслѣдствіе своихъ крайне несдержанныхъ доносовъ, вынужденъ былъ оставить постъ почетнаго попечителя. Онъ поступилъ въ ополченіе и скончался чуть ли не на второмъ переходѣ. Миръ его душѣ! Онъ былъ добрый человѣкъ, но увлекающійся, крайнее самолюбіе не давало ему покоя.

На первомъ же дворянскомъ собраніи, бывшемъ послѣ этой долго тянувшейся борьбы съ почетнымъ попечителемъ, въ февралѣ 1855 г. мнѣ поднесенъ былъ отъ смоленскаго дворянства адресъ слѣдующаго содержанія [1]).

«На сихъ дняхъ разнеслись слухи, что вы оставляете Смоленскую губернскую гимназію, въ благородномъ пансіонѣ которой получаютъ воспитаніе наши дѣти. Эти слухи огорчили, скажемъ болѣе, поразили родителей, ввѣрившихъ своихъ дѣтей вашему попеченію. Скорбь ихъ, которой они не въ силахъ были выразить, нынѣ достигла до губернскаго стола Дворянскаго Собранія. При семъ случаѣ и губернскій предводитель, какъ постоянный свидѣтель вашихъ неусыпныхъ трудовъ къ пользѣ ввѣреннаго вамъ юношества и горячей любви къ дѣтямъ, долгомъ почелъ съ своей стороны выразить передъ собраніемъ великую потерю для благороднаго пансіона, если вы его оставите. Просьбы родителей слились съ просьбами всѣхъ дворянъ и выразились единогласнымъ возгласамъ: просить Петра Дмитріевича остаться у насъ, не покидать дѣтей нашихъ. Просимъ, покорнѣйше просимъ гг. предводителей дворянства упросить отъ всѣхъ насъ Петра Дмитріевича не оставлять благороднаго пансіона.

«Петръ Дмитріевичъ! Эти строки суть слѣдствія общаго желанія дворянства и каждаго изъ насъ.

«Пансіонъ, подъ управленіемъ вашимъ, въ глазахъ нашихъ до-

---

[1]) Въ это время по городу разнесся слухъ, будто меня переводятъ инспекторомъ въ одну изъ московскихъ гимназій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стигъ своего назначенія. Вы съумѣли развить въ сердцахъ дѣтей зародышъ святого чувства любви къ вѣрѣ, престолу и родинѣ. Вы указываете имъ стезю чести, по которой долженъ идти русскій дворянинъ. Ваша любовь къ дѣтямъ сдѣлала для нихъ трудъ науки пріятнымъ и дорогимъ. Изъ любви къ вамъ они сохраняютъ, какъ святыню, высокія правила нравственности, которыя вы внушаете имъ словомъ и прекраснымъ своимъ примѣромъ. Ваше безотлучное присутствіе въ пансіонѣ, полное участія и любви къ дѣтямъ, до того сроднило ихъ съ вами, что они не могутъ вообразить себя безъ васъ.

«Вотъ наши и всего дворянства нелицемѣрныя чувства и истинныя убѣжденія. Ежели особенныя и неизвѣстныя намъ служебныя причины вамъ не препятствуютъ, то мы всепокорнѣйше просимъ васъ не оставлять управленія пансіона, который столь высоко поставленъ вашими неутомимыми о немъ заботами и попеченіями».

Адресъ подписанъ губернскимъ предводителемъ княземъ М. Друцкимъ-Соколинскимъ и всѣми уѣздными предводителями дворянства [1]).

Въ первый день свѣтлаго праздника получено мною отъ попечителя округа письмо, въ которомъ г. попечитель весьма рѣзко дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, поставляя на видъ, что мнѣ не слѣдовало принимать адреса отъ дворянства безъ разрѣшенія своего начальства, что въ этомъ адресѣ смоленское дворянство выбираетъ меня въ безсмѣнные инспектора или директора, тогда какъ оставленіе меня на службѣ въ Смоленской гимназіи зависитъ не отъ дворянства, а отъ учебнаго начальства и т. д. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось этого письма: содержаніе письма, полученнаго въ такой великій праздникъ, такъ меня возмутило, что, каюсь, я изорвалъ его въ кусочки. Теперь дорого бы далъ, если бы оно было у меня, чтобы я могъ привести оное дословно. Я отвѣчалъ попечителю округа на это суровое письмо изложеніемъ всего хода дѣла, какъ совершенно неожиданно для меня все это случилось. Сидѣлъ я на урокѣ въ Заднѣпровскомъ приходскомъ училищѣ, вдругъ ко мнѣ явились два дворянина въ мундирахъ, и отъ имени дворянъ пригласили меня «къ столу Дворянскаго Губернскаго собранія».

Въ прежнее время не разъ случалось, что директоровъ приглашали къ столу Дворянскаго Губернскаго собранія для выраженія неудовольствія дворянства за плохое веденіе хозяйства въ благородномъ пансіонѣ, существовавшемъ на счетъ дворянства, за неудовлетворительное нравственное состояніе пансіона и т. п. По-

[1]) Этотъ лестный для меня адресъ я не представлялъ никуда, но губернскій предводитель препроводилъ копію съ адреса попечителю московскаго учебнаго округа.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нятно, что въ видахъ прошедшихъ столкновеній съ почетнымъ попечителемъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ большую партію, мнѣ естественно было подумать, что и меня ожидаетъ непріятный сюрпризъ у стола Дворянскаго Губернскаго собранія. Не ѣхать значило вооружать противъ себя дворянство. Я поѣхалъ.

При моемъ появленіи въ залѣ, губернскій предводитель попросилъ меня къ столу и затѣмъ сказалъ секретарю дворянства: «читайте». И секретарь сталъ читать извѣстный теперь г. попечителю адресъ; по прочтеніи адресъ былъ врученъ мнѣ губернскимъ предводителемъ. Я былъ глубоко взволнованъ и тронутъ этимъ адресомъ, и, по врученіи его мнѣ, сердечно благодарилъ дворянство Смоленской губерніи за лестное вниманіе, мнѣ оказанное, и, сказавъ при этомъ краткую прочувствованную рѣчь, заключилъ ее такими словами: «Адресъ благороднаго смоленскаго дворянства я сохраню, какъ драгоцѣнный памятникъ, и передамъ его въ наслѣдство моимъ дѣтямъ». Я спрашивалъ въ письмѣ г. попечителя округа, какъ же я могъ не принять адреса? Неужели мнѣ слѣдовало сказать тутъ же при всемъ собраніи дворянства: не читайте, не подавайте мнѣ адреса, я прежде спрошу разрѣшенія моего начальства.

На это письмо отвѣта, конечно, не послѣдовало. Ходили слухи, что попечитель московскаго округа, получивъ отъ смоленскаго губернскаго предводителя копію адреса, мнѣ поданнаго, и отвѣтивъ и губернскому предворителю и мнѣ суровыми письмами [1]), предлагалъ мѣсто директора смоленской гимназіи поочередно всѣмъ московскимъ инспекторамъ, имѣя намѣреніе, на зло дворянству, перевести меня въ Москву. Но всѣ инспектора московскихъ гимназій отказались отъ мѣста Смоленскаго директора. Такъ дѣло о назначеніи директора въ Смоленскъ и замолкло. Одинъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, служившій прежде въ военной службѣ и имѣвшій рекомендательныя письма къ В. И. Назимову, ѣздилъ въ Москву просить мѣсто директора смоленской гимназіи. Попечитель московскаго учебнаго округа принялъ его ласково, но на его просьбу отвѣтилъ лаконически: «Тамъ директоръ есть». Этотъ отвѣтъ попечителя сдѣлался извѣстенъ въ Смоленскѣ, и пошли толки, что безъ сомнѣнія попечитель разумѣлъ меня, и что, конечно, я и останусь директоромъ, тѣмъ болѣе, что исправляю директорскую должность около двухъ лѣтъ [2]).

---

[1]) Князь М. В. Друцкій-Соколинскій очень оскорбился полученнымъ отъ попечителя письмомъ и хотѣлъ отвѣчать рѣзко; но я упросилъ его не отвѣчать, опасаясь, что его отвѣтъ можетъ вредно отозваться на мнѣ.

[2]) Съ 15 декабря 1853 по 8 февраля 1855 безмездно, такъ какъ директоръ считался на службѣ, а съ 8 февраля по 6 декабря 1855 г. съ полученіемъ содержанія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Дѣйствительно, въ декабрѣ 185» года я узналъ изъ газетъ о назначеніи меня исправляющимъ должность директора училищъ Смоленской губерніи.

Получивъ это назначеніе, я поѣхалъ въ Москву благодарить попечителя округа. Когда я пріѣхалъ въ Москву, В. И. Назимовъ уже былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, но, къ удовольствію моему, былъ еще въ Москвѣ. В. И. Назимовъ принялъ меня сердечно, обнялъ, поцѣловалъ, и на мою благодарность отвѣтилъ:

— Вы этого стоили.

Затѣмъ «дружески» посовѣтовалъ мнѣ почаще пріѣзжать въ Москву видѣться съ попечителемъ.

— Знаете, есть люди, которые завидуютъ быстрому повышенію и не прочь повредить.

Я понялъ, что разорванное мною письмо писано подъ вліяніемъ людей, наговорившихъ на меня. Прощаясь со мною, Владиміръ Ивановичъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что вами каждый попечитель будетъ доволенъ. Но если бы, сверхъ чаянія, вами были здѣсь недовольны, пишите ко мнѣ, я дамъ вамъ мѣсто лучшее.

Это было мое послѣдніе свиданіе съ Владиміромъ Ивановичемъ Назимовымъ. Это былъ человѣкъ высокой честности и благородства, прямой, гуманный. Онъ, по моему, болѣе надѣвалъ на себя маску жестокости и суровости, но въ сердцѣ его хранилось неизсякаемое сокровище доброты. Кто бы изъ начальниковъ сказалъ такъ своему подчиненному, какъ Владиміръ Ивановичъ мнѣ въ Смоленскѣ: «Вы плюнули бы на мою бумагу, вы знаете, что я васъ люблю и уважаю». Только люди, знавшіе его поверхностно, судившіе по наружному виду, называли его солдафономъ, бурбономъ. Побольше бы было у насъ такихъ солдафоновъ, какъ бы хорошо и правильно жилось.

П. Шестаковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПО ЮЖНО-УССУРІЙСКОМУ КРАЮ[1].

II.

КАЗАЧИНОЮ или «заповѣдною казацкою землею» недавно еще стала зваться пограничная съ Манчжуріею полоса Южно-Уссурійскаго края, населенная преимущественно казаками Уссурійскаго войска. Пришедши сюда съ праваго берега Уссури въ 1879 году, немногочисленные казаки образовали рядъ станицъ въ пограничномъ раіонѣ отъ озера Ханка до рѣки Суйфуна. Сознавая важность прикрытія границы не столько колоніями переселенцевъ, сколько станицами пригодныхъ къ военной службѣ казаковъ, мѣстная администрація думала искусственно усилить численность этихъ послѣднихъ, переименовавъ въ казаки крестьянъ изъ деревень пограничнаго раіона. Мѣра эта, неприведенная правда въ исполненіе, принесла нѣкоторыя непріятныя послѣдствія для правильной колонизаціи края. Переселенцы, было обосновавшіеся въ «заповѣдныхъ казацкихъ земляхъ», каковыми считалась пограничная полоса верстъ 25—50 въ ширину, изъ боязни быть перечисленными въ казаки, покинули насиженныя мѣста и подвинулись въ глубь страны къ большому почтовому тракту, еще болѣе разрѣдивъ и безъ того скудное населеніе края.

— Чего же ты не захотѣлъ идти въ казаки?—спросилъ я своего новаго возницу на пути въ казачину.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 435.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мы люди вольные,—отвѣчалъ онъ напрямикъ,—а казакъ тотъ же солдатъ; ни воли нѣтъ у него, ни свободушки; ихняго брата совсѣмъ нѣмецъ заѣлъ, — прибавилъ еще вполголоса мой ямщикъ.

Грѣха нечего таить, подумалъ я про себя, внутренно соглашаясь съ мнѣніемъ крестьянина. Чего ради въ самомъ дѣлѣ въ Уссурійскомъ казачьемъ войскѣ такъ много нѣмцевъ, которыхъ такъ недолюбливаетъ и крестьянинъ, и казакъ? Нечего и говорить о томъ, что не въ нѣмцахъ тутъ дѣло, но стоитъ только припомнить фамиліи начальствующихъ лицъ всего Пріамурскаго края, чтобы не сознаться, что правъ отчасти крестьянинъ, въ простотѣ своихъ нехитрыхъ мыслей всѣ неурядицы сваливающій на не полюбившихся ему нѣмцевъ. Недостатокъ чисто-русскихъ, энергичныхъ, преданныхъ душою дѣлу и относящихся тепло къ меньшему брату, дѣятелей слишкомъ ощутителенъ въ краѣ, гдѣ такъ заботливо насаждается рукою правительства чисто-русское населеніе; какъ бы высоко во всѣхъ отношеніяхъ не стоялъ власть имущій иностранецъ, хотя бы только по имени, долго еще въ глазахъ простого русскаго человѣка онъ не будетъ пользоваться тѣмъ престижемъ, который привлекаетъ невольно сердца.

Версты не считаны по тѣмъ проселкамъ, по которымъ приходится пробираться въ казачинѣ, но все-таки не мало ихъ мы проѣхали, пока добрались до большой деревни Жарикова, лежащей къ юго-западу отъ Камня-Рыболова. Глухою ночью мы пріѣхали сюда насквозь пронизанные сыростью холодной ночи, забрызганные грязью, усталые и голодные. Деревня разумѣется спала, и лишь нѣсколько десятковъ быковъ, лежавшихъ на улицѣ передъ избушками, встрѣтило насъ, не охотно, уступая дорогу повозкѣ и лошадямъ.

— Видно здѣсь не боятся тигровъ,—спросилъ я ямщика, пока онъ розыскивалъ такъ называемую земскую квартиру, которая отводится путнику въ каждой деревушкѣ Южно-Уссурійскаго края.

— Не слыхать ихъ давно ужъ тутъ, а вотъ поѣдемъ далѣе въ казачину, тамъ по ночамъ держи ухо востро; еще онамеднясь у казака одного утянули послѣднюю лошадь. По уваламъ больше тигра живетъ, не любитъ онъ «вольной степы».

Жариково населено еще крестьянами, а не казаками; изъ боязни быть перечисленными въ эти послѣдніе, отсюда еще недавно ушло нѣсколько семей, поселившихся на среднемъ Суйфунѣ. Мѣстность кругомъ хлѣбородная, урожаи хороши, скота много, лѣсъ не особенно далеко—всѣ данныя есть для того, чтобы процвѣтать деревнѣ, но она еще многаго оставляетъ желать. Есть что-то общее для русскихъ деревень края, даже обезпеченныхъ всякими угодіями, и это общее сказывается прежде всего въ какой-то неу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

строенности, отсутствіи хозяйственности и въ печальномъ видѣ самыхъ поселеній, похожихъ болѣе на временныя становища, чѣмъ на постоянные пункты осѣдлаго населенія. Всѣ эти недостатки, какъ и отсутствіе зелени и садовъ, придающихъ такой привѣтливый идиллическій видъ деревнямъ Россіи, объясняются впрочемъ относительною юностью этихъ поселеній, изъ которыхъ самому старшему насчитывается около тридцати лѣтъ.

Въ Жариковѣ мы провели остатокъ ночи и половину слѣдующаго дня, начавшагося грозою и проливнымъ дождемъ. Августъ и сентябрь самые дождливые мѣсяца въ Уссурійскомъ краѣ; глядя на эти потоки воды, низвергаемой небесами, и льющейся настоящими ручейками съ возвышенностей и уваловъ, повѣришь по неволѣ разсказамъ мѣстныхъ обывателей, жалующихся на то, что подобные дожди сносятъ съ полей пахатную землю и переполняютъ большинство рѣкъ края до того, что онѣ выступаютъ изъ береговъ и заливаютъ поля и луга, расположенные въ ихъ долинахъ. Весенніе и осенніе дожди, лѣтніе густые туманы и обильные зимніе снѣга, вмѣстѣ съ почвенными условіями края, все это до крайности способствуетъ переполненію почвы влагою, на что жалуются справедливо во многихъ мѣстахъ переселенцы.

— Въ иномъ мѣстѣ возьмешь плугомъ землю, а подъ нею жидкая грязь; кинешь зерно—сгніетъ, а не то и взойдетъ, такъ по сырости пьяный хлѣбъ и народится. Вотъ ужъ подлинно не себѣ, и не свиньямъ, даже и тѣ его не ѣдятъ.

Рядомъ съ подобными жалобами въ краѣ на страшную сырость почвы, услышишь подчасъ самыя противуположныя сѣтованія.

— Воды нѣтъ, батюшка баринъ,—говорятъ иногда мужички на «вольной степи», рѣченка далеко, солнышко жаритъ, что огнемъ,—ну и высыхаетъ земелька, трескается даже сердешная,—гдѣ ужъ тутъ хорошему хлѣбушкѣ вырости...

Сперва, по правдѣ сказать, я вѣрилъ каждому слову мужика-переселенца и сочувствовалъ его горю, но скоро затѣмъ, убѣдясь въ томъ, что они хнычутъ и жалуются постоянно даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всякимъ угодьемъ наградилъ ихъ Господь, сталъ относиться осторожнѣе къ жалобамъ и сѣтованіямъ всякаго рода. Переселенецъ, бросившій у себя на родинѣ свое хозяйство и землю, пріѣзжалъ сюда буквально за тридевять земель въ той надеждѣ, что на Амурѣ ему не придется работать, не разгибая спины, и хлѣбъ самъ въ ротъ повалится и вотъ, придя сюда и убѣдившись на опытѣ, что славны бубны за горами, и что на Амурѣ приходится много и очень много потрудиться надъ земелькой, сталъ сваливать свои неудачи и на землю, и на сырость, и на дожди, но только не на самого себя. Правда, и условія, представляющіяся земледѣльцу въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, не совсѣмъ одинаковы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ тѣми, при какихъ доселѣ пахали землю у себя на родинѣ наши переселенцы,—но не надо забывать по пословицѣ, что первый блинъ всегда комомъ. Поживутъ еще нѣсколько годковъ жалующіеся на природу, еще скучающіе по родинѣ мужички, поосмотрятся, подъучатся, попримѣтятъ—и пойдетъ хозяйство поглаже у нихъ. Стоитъ только посмотрѣть на села, которыя подольше обосновались въ краѣ, и поймешь сразу, что они живутъ и не тужатъ, хотя у нихъ земля такая же, какъ и у новоселовъ. Тоже можно увидать и у казаковъ—однихъ изъ самыхъ первыхъ русскихъ насельниковъ края. Они присмотрѣлись къ окружающей ихъ мѣстности и природѣ до того, что имъ, какъ и корейцамъ, самымъ древнимъ оборигенамъ края, удается все, и если бы окончились всякія передряги, до настоящаго времени смущающія казачину, она дала бы еще въ десять разъ болѣе того, что̀ она представляетъ теперь.

Отъ Жарикова до Барабашевой Левады и урочища Атамановскаго будетъ, по моему, никакъ не менѣе 40 или 45 верстъ. Отъ полудня мы ѣхали очень порядочно, бодро поднимались и опускались по уваламъ и все-таки прибыли въ Леваду лишь позднимъ вечеромъ, остановившись всего часа два на дорогѣ. Красоты природы на этомъ перегонѣ не настолько хороши, чтобы ихъ можно было живописать, но за то охота въ этихъ мѣстахъ такая, какой далеко не вездѣ можно сыскать. На пути отъ Жарикова въ Леваду, даже не имѣя никакой особенной страсти или желанія стрѣлять, я принужденъ былъ все-таки не покидать своего дробовика, такъ какъ разнообразная дичь, можно сказать, сама просилась на выстрѣлъ. Помимо цѣлаго десятка фазановъ, настрѣленныхъ нами въ два ружья съ возницею, мнѣ удалось еще свалить великолѣпную козулю, которая выпрыгнула чуть не подъ ноги нашимъ лошадямъ, а за тѣмъ, испугавшись, забилась въ кусты вмѣсто того, чтобы бѣжать. Пуля берданки убила ее на повалъ, мой возница опытною рукою началъ снимать шкуру еще съ теплаго и дымящагося мяса, но оно такъ трепетало подъ ножемъ, что дальнѣйшая операція была оставлена, и мы ограничились лишь тѣмъ, что взвалили добычу на телѣгу и повезли съ собою въ Леваду. Но и этими трофеями не окончились наши охотничьи подвиги; мой возница, пользуясь двухчасовою остановкою для корма коней, успѣлъ подстрѣлить еще пару жирныхъ куропатокъ. Помимо этихъ успѣшныхъ выстрѣловъ, давшихъ намъ хорошую добычу, оба мы еще не мало пропуделяли по дичи болѣе осторожной и не шедшей глупо подъ выстрѣлъ.

Хотя большая деревня Барабашево-Левада и стоитъ въ самой казачинѣ, но она подобно Жарикову населена крестьянами и можетъ похвастаться также всевозможными угодіями, которыми человѣкъ еще не съумѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Такъ какъ здѣсь, повидимому, на природу жаловаться было нельзя, а хны-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кать мужику все-таки на что-нибудь надобно, то здѣсь меня впервые встрѣтили жалобы переселенцевъ на близость китайской границы и опасенія прелиминарнаго свойства.

— Всѣмъ бы хорошо было наше мѣсто,—говорилъ мнѣ старичекъ-крестьянинъ съ Барабашевой Левады, да ужъ больно близко отсюда «столбы». Живемъ, да подъ Богомъ ходимъ... Придетъ китаецъ, да спалитъ нашу деревеньку, а насъ самихъ перерѣжетъ, какъ барановъ...

— Да развѣ бывали такіе примѣры?—допрашивалъ я его въ свою очередь.

— Бывать-то не бывало, пока Господь милова̀лъ, да сказываютъ старожилы, что трусливъ манза, пока его мало, а найдетъ его тьма-тьмущая, и конецъ будетъ рассейскому человѣку въ этомъ краю. Вѣдь тамъ за столбами ихъ сила несмѣтная, ждутъ, говорятъ, только войны, когда прикажетъ царь ихній Амурскую землю отъ насъ отнимать...

Какъ ни пытался я разубѣдить старика въ его излишнихъ опасеніяхъ, указывая между прочимъ и на значительныя наши военныя силы, расположенныя въ краѣ, онъ стоялъ на своемъ и только укоризненно качалъ головой.

— Охъ, не знаешь ты, баринъ, мѣстности нашей, питерскій ты, оттолѣ вамъ и не видать, силенъ манза на границѣ, а за столбами и не приведи ты Богъ!

Я сознавалъ прекрасно всю правоту словъ старика, довольно трезво смотрящаго на далеко непрочное наше положеніе въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и оппонировалъ ему не въ серьезъ. Меня поражало только это твердое убѣжденіе простого крестьянина въ томъ, во что̀ не хотятъ вѣрить многіе интелигенты, это сознаніе грядущей опасности, не вычитанной имъ изъ книжекъ, а инстинктивно ощущаемой, которой онъ и не думаетъ избѣгать.

— Что̀жъ не уйдете вы подальше за трактъ, хотя бы на Лифу,—спросилъ я далѣе своего собесѣдника.—Нѣчего жить тутъ на границѣ, когда всего опасаетесь. Коли трусите—дайте мѣсто другимъ, царю здѣсь трусы не надобны...

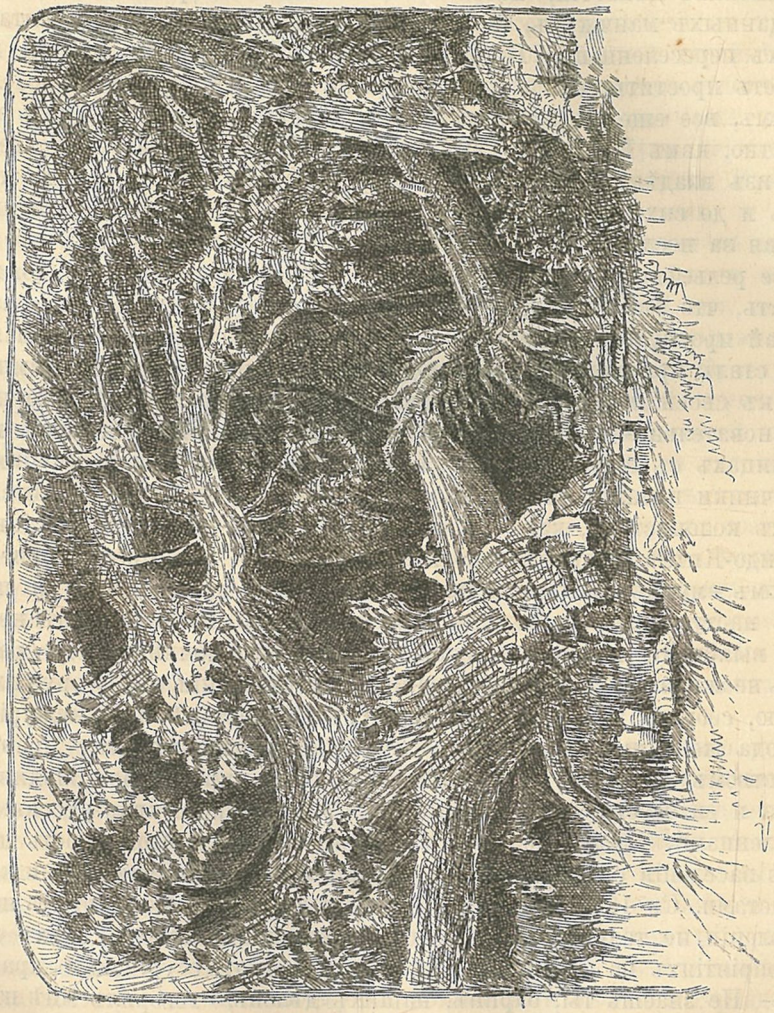
Не обидѣлся на мои задорныя слова старичекъ, а только покачалъ головою; я замѣтилъ при этомъ, какъ сверкнули искры изъ его полупотухшихъ очей.

— Нѣтъ, трусу мы не празднуемъ,—отвѣчалъ онъ спокойно,—а говоримъ такъ себѣ, къ слову сказать. Ужъ пришли сюда на границу, такъ отсюда и не уйдемъ, хотя бы всѣ манзы приходили насъ отсюда выгонять. Мы хотя и не казаки, и не солдаты, а свою землю даромъ не отдадимъ. Наше дѣло царское, пограничное—мы и сами то разумѣемъ...

Долго еще на эту тему мы бесѣдовали съ умнымъ старичкомъ за чаемъ, хотя время было далеко за полночь. Я старался себѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

выяснить тотъ взглядъ, который существуетъ у нашего пограничнаго населенія на положеніе дѣла въ краѣ, и долженъ повторить еще разъ, что простой русскій мужикъ и казаки сознаютъ инстинктивно серьезность нашего положенія на границѣ, но это не мѣшаетъ имъ быть твердою опорою нашею на манчжурской гра-



Ночлегъ въ лѣсу.

ницѣ, на которую могутъ смѣло опереться всѣ военныя силы края.

Представляя, можно сказать, отдѣльный оазисъ сравнительно большого русскаго населенія, находящійся на концѣ узкой коммуникаціонной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и колонизаціонной линіи, связывающей его съ остальною Сибирью и притомъ прерываемою совер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шенно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, почти открытый со стороны Китая, нашъ Южно-Уссурійскій край, дѣйствительно, самая уязвимая наша пята на всей нашей европейско-азіатской границѣ. Опасенія за него должны увеличиваться еще болѣе потому, что здѣсь идетъ граница наша съ Манчжуріею—колыбелью китайскихъ династій, населенною болѣе чѣмъ тремя милліонами преданныхъ манчжуръ, не считая еще десятковъ тысячъ китайскихъ переселенцевъ. Припомнимъ къ тому еще, что Китай не можетъ простить себѣ потери Амурскаго края и, считая его доселѣ своимъ, все еще надѣется тѣмъ или другимъ путемъ получить его обратно, какъ Кульджу, тѣмъ болѣе, что этотъ край—единственное изъ владѣній богдыхана, потерянное имъ съ сороковыхъ годовъ и до сихъ поръ еще не возвращенное. Аггресивная политика Китая за послѣднее время начинаетъ выказываться все болѣе и болѣе рельефно, и судя по упорству и энергіи китайцевъ, можно думать, что эта послѣдняя едва ли когда-нибудь ослабнетъ, разъ Китай проснулся и началъ сознавать свою силу. Мало-по-малу онъ сталъ придвигаться отовсюду изъ глубины застѣнной имперіи къ своей периферіи и началъ свое движеніе вполнѣ логично и основательно—увеличивая и укрѣпляя свои военныя силы на границахъ съ одной стороны и съ другой—приближая къ нимъ источники питанія энергичнымъ разселеніемъ собственно китайскихъ колонистовъ, какъ въ Манчжуріи, такъ и въ Туркестанѣ и Индо-Китаѣ. Сознавая вполнѣ, что самымъ страшнымъ соперникомъ ему въ Азіи является Россія, Китай прежде всего и повелъ наступательную политику по отношенію къ этой послѣдней. Для выясненія вопроса о Кульджѣ, какъ мы помнимъ, онъ развилъ неожиданно громадныя военныя приготовленія, перевооружилъ армію, собралъ значительныя силы въ Туркестанѣ и Манчжуріи, и сюда же направилъ прежде всего покровительствуемое правительствомъ населеніе. Въ отвѣтъ Россіи на укрѣпленіе Владивостока и ея заботы о заселеніи Южно-Уссурійскаго края русскими поселенцами, Китай выказалъ удивительную настойчивость въ дѣлѣ заселенія своей части Манчжуріи собственно китайскими колонистами. Съ 1880-го года Китай пошелъ неуклонно въ этомъ направленіи не только отвѣчая, но и перегоняя Россію во всѣхъ ея мѣропріятіяхъ по отношенію къ закрѣпленію Уссурійскаго края.

— Не знаешь ты, баринъ, нашихъ дѣловъ,—говорилъ мнѣ нѣсколько позднѣе другой мѣстный политиканъ-казакъ, мой возница изъ Полтавскаго стана,—много нашихъ теперь, слава Богу, приходитъ сюда изъ Россеи; строютъ они деревни и станицы и не вѣдаютъ, что давно всю землю эту подѣлили между собою манзы. Гонятъ насъ отселѣ теперь,—говорятъ они,—а придетъ скоро время—мы васъ погонимъ, нашу землю вы забрали, уходите опять за Амуръ. За столбами вить видимо-невидимо нагнано китайскихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мужиковъ, пашутъ землю они, поднимаютъ новины, прорубаютъ тайгу. До насъ добираются видно... Какъ навалитъ сюда манзовъ— не справиться намъ съ ними... Погляни, какъ теперь валятъ, все перешибаютъ въ краю...

Силенъ манза въ Южно-Уссурійскомъ краѣ; какъ посмотришь въ самомъ дѣлѣ, да подумаешь, правъ, десять разъ правъ, мой собесѣдникъ-казакъ: «какъ навалится — все перешибетъ въ краю». Уже и теперь онъ забралъ многое въ этой далекой окрайнѣ Россіи; вся мелкая торговля въ его рукахъ, съ каждымъ годомъ сила и значеніе китайцевъ въ краѣ увеличивается, они уже поднимаютъ у насъ высоко голову, когда на родинѣ чуть не падаютъ ницъ передъ каждымъ мелкимъ чиновникомъ богдыхана. Приливъ манзовскаго населенія все еще достаточно значителенъ, и никакими мѣрами его нельзя остановить. Китаецъ, приходя въ русскіе предѣлы, остается тѣмъ же китайцемъ съ головы до ногъ, приноситъ съ собою ту же китайщину, благодаря которой онъ не способенъ не только обрусѣваться, но и подвинуться хотя немного по дорогѣ примиренія съ европейцами и ихъ культурою. Культурная борьба Россіи съ Китаемъ уже начинается, и немного нужно времени для того, чтобы мы ощутили ея натискъ по всей нашей азіатской окрайнѣ. Китайскій вопросъ назрѣваетъ не для однихъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; многіе изъ видныхъ представителей нашей администраціи въ краѣ это уже прекрасно сознаютъ. «Если пробуждающійся Китай, — говоритъ одинъ изъ крупныхъ русскихъ дѣятелей въ краѣ, — рѣшится и принужденъ будетъ войти въ ближайшее столкновеніе (вооруженное и культурное), то Россія ранѣе другихъ должна будетъ дать отпоръ, причемъ Пріамурскому краю предстоитъ вынести на себѣ первый актъ этой борьбы».

Простое, но мѣткое политиканство простого русскаго посельника пограничной полосы Южно-Уссурійскаго края не только заставило меня подумать серьезно объ этомъ назрѣвающемъ вопросѣ, но и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы собрать, какъ можно болѣе свѣдѣній по этому послѣднему. Поѣздка за «столбы» была рѣшена давно, но теперь меня потянуло туда еще сильнѣе, и я уже съ твердыми намѣреніями, на этихъ же дняхъ перейти границу, выѣзжалъ изъ Барабашевой Левады по дорогѣ къ Атамановскому карантину. Счастливый случай помогъ мнѣ въ этомъ гораздо скорѣе, чѣмъ того я ожидалъ.

По всей, болѣе чѣмъ четырехсотверстной, границѣ Южно-Уссурійскаго края съ Манчжуріею, отъ рѣки Тумень-Улы до с. Турьяго Рога, не смотря на массу пограничныхъ тропъ, ведущихъ черезъ увалы и тайгу изъ китайской въ русскую Манчжурію, очень немного такихъ удобныхъ проходовъ, которые могли бы служить дорогами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. На пути этихъ по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

граничныхъ дорогъ, недалеко отъ линіи, учреждено съ нашей стороны нѣсколько пограничныхъ карауленъ, которыя иногда называются карантинами, потому-что одною изъ главныхъ задачъ ихъ является визированіе корейскаго и манчжурскаго скота во избѣжаніе заноса различныхъ эпизоотій. Нѣкоторыми изъ этихъ карауловъ, содержимыхъ казаками южно-уссурійскаго отдѣла, совершается также и визированіе китайскихъ билетовъ всѣхъ проходящихъ манзовъ. Такія пропускныя заставы существуютъ въ пограничныхъ караулахъ: Турьерогскомъ, Полтавскомъ, Мангугайскомъ и Хунчунскомъ; помимо этихъ постовъ, манзамъ строго воспрещено переходить русскую границу. Это правило, однако, соблюдается далеко не во всѣхъ случаяхъ, и ежегодно цѣлыя сотни китайцевъ приходятъ въ наши предѣлы черезъ тайгу и звѣровыя тропы, живутъ безъ русскихъ и даже китайскихъ паспортовъ и прячутся по лѣсамъ, занимаясь охотничьими промыслами. Къ одному изъ такихъ пограничныхъ постовъ, Атамановскому, мы и направились изъ Левады, чтобы поскорѣе перейти манившіе насъ «столбы».

Отъ Барабашевой Левады мы покинули повозку и взяли верховыхъ лошадей, съ которыми и не разлучались во всѣхъ странствованіяхъ въ пограничной тайгѣ. Одна лошадь для меня, другая для проводника, а третья запасная, несшая на себѣ кое-какія жизненные припасы и мой несложный багажъ, составляли весь нашъ караванъ. Слѣдуя изгибомъ небольшой рѣчки Тунча, бѣгущей въ озеро Ханку, мы въ нѣсколько часовъ достигли Атамановскаго, гдѣ меня встрѣтили очень привѣтливо, всячески уговаривали остановиться переночевать и даже запугивали тиграми, — но я, торопясь перейти границу, отклонилъ всѣ эти любезныя приглашенія, и пустился въ дальнѣйшій путь. Въ тотъ же день къ вечеру мы добрались до одинокой китайской фанзы, стоящей недалеко отъ «столбовъ», гдѣ я и рѣшился заночевать въ сообществѣ какихъ-то весьма подозрительныхъ на видъ пограничныхъ побродягъ.

Фанза—лѣсная избушка—была очень тѣсна и грязна и притомъ лишена даже тѣни уютности или комфорта. Кое-какъ сколоченная изъ дубовыхъ досокъ съ земляномъ поломъ, дымящимся очагомъ и грязными деревянными скамейками въ родѣ наръ, она давала пріютъ цѣлому десятку китайцевъ; когда мы подъѣзжали къ ней, на встрѣчу намъ выскочили прежде всего двѣ кудластыхъ злющихъ собаки, а затѣмъ старый манза, высокій, рябой, съ пергаментнымъ лицомъ и порѣдѣвшей косой. Увидавъ военный мундиръ, онъ какъ-то сразу присѣлъ, потомъ попятился, а затѣмъ началъ низко кланяться, болтать русскія привѣтствія и приглашать насъ въ фанзу, гдѣ привѣтливо уже мигалъ огонекъ.

Отдавъ коней въ распоряженіе нѣсколькихъ китайцевъ, бросившихся помогать мнѣ и моему проводнику, я вошелъ въ фанзу, откуда старый манза уже выгонялъ своихъ сродичей для того, что-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

бы очистить мѣсто русскому «капитану». Желая познакомиться поближе съ крайне меня интересовавшими манзами, я приказалъ старику не безпокоить ради меня ранѣе насъ прибывшихъ путниковъ, сѣлъ къ огоньку на разосланную мнѣ медвѣжью шкуру и сталъ ожидать приготовленія мнѣ ужина и чая по китайскому образцу, присматриваясь къ кружку оборванныхъ и не особенно привѣтливыхъ съ виду китайцевъ, которые видимо боялись меня, какъ русскаго чиновника, всегда грознаго для нихъ, по всей вѣроятности, безпарспортныхъ, голодныхъ и безпріютныхъ бродягъ, я замѣтилъ одного старика, какъ-то особенно выгодно отличавшагося отъ прочихъ. Высокій, стройный, мускулистый, онъ не прятался отъ моихъ глазъ, а глядѣлъ мнѣ прямо въ лицо, словно желая что-то спросить. Знаками я пригласилъ его сѣсть поближе ко мнѣ, надѣясь разговориться съ нимъ при помощи моего проводника, не много мароковавшаго по-китайски. Къ удивленію моему, старый китаецъ, подошедшій ко мнѣ съ великимъ почтеніемъ по приглашенію, вдругъ довольно хорошо заговорилъ со мною на томъ смѣшанномъ русско-китайскомъ нарѣчіи, которымъ говорятъ между собою русскіе и китайцы отъ Туркестана и Кяхты до Владивостока. Собесѣдникъ мой оказался тѣмъ человѣкомъ, который могъ быть наиболѣе пригоденъ мнѣ при странствованіяхъ моихъ по пограничной тайгѣ, и я черезъ полчаса знакомства съ нимъ уже составилъ въ головѣ планъ, чтобы овладѣть этимъ манзою и эксплоатировать его въ качествѣ охотника и проводника. Я сообщилъ свой планъ моему спутнику изъ Левады и тотъ одобрилъ его, сообщивъ мнѣ, что словоохотливый китаецъ, нашъ новый знакомый, своего рода знаменитость, первый охотникъ между пограничными манзами— Тунли. Такъ какъ около трехъ недѣль дальнѣйшаго моего путешествія по краю было связано самымъ тѣснымъ образомъ съ этимъ новымъ знакомцемъ, которому я обязанъ очень многимъ, я позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ очертить интересную и оригинальную личность Тунли.

Тунли представлялъ образецъ того любопытнаго и вымирающаго типа лѣсного бродяги, который я встрѣчалъ и въ Лапландіи, и на Уралѣ, и въ Обонежьѣ, и на Кавказѣ, и въ Алжиріи, и на Таврѣ — вездѣ, гдѣ остаются еще цѣлыми дремучіе заповѣдные лѣса. Хитрость китайца, чутье собаки, глазъ сокола, ухо зайца и ловкость тигра — вотъ качества, какія чуть не отъ рожденія пріобрѣлъ и унаслѣдовалъ Тунли. Сынъ дикой Манчжуріи, не трусливый китаецъ родомъ, онъ былъ настоящимъ царемъ идущей по верховьямъ Суйфуна тайги. Человѣкъ и звѣрь соединились въ немъ, но звѣрь не заглушилъ человѣка. Старый ловецъ звѣрей былъ прежде всего человѣкомъ; его сердце было отзывчиво къ нуждамъ ближняго, кто бы ни былъ то—свой, инородецъ, или русскій человѣкъ; старымъ дѣдомъ и отцомъ называли его безпріютные, оди-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нокіе манзы; лѣсная хижина Тунли была домомъ для всякаго путника или охотника, заблудившагося въ пограничной тайгѣ. Старый Тунли провелъ всю свою долгую жизнь одинокимъ; его женою была дикая тайга, его братьями—дикіе звѣри, его дѣтьми—безпріютные манзы. Кромѣ лѣса, звѣрей и бродячихъ манзъ, ничего въ мірѣ не зналъ и не видалъ Тунли; вся жизнь его протекла въ тайгѣ, въ сообществѣ и борьбѣ съ дикими звѣрями и въ бесѣдахъ съ бродячими земляками, которыхъ гонитъ жестокая судьба изъ равнинъ Китая въ горы и лѣса пограничной Манчжуріи. Безъ тайги и звѣря не могъ бы жить Тунли; всю тайгу знаетъ онъ отъ горныхъ массивовъ Хингана до Амура, берега океана и песчанныхъ пустынь Гоби; никто лучше его изъ русскихъ и китайскихъ охотниковъ не зналъ тайги и всѣхъ ея логовищъ, никто поэтому не могъ состязаться съ нимъ и въ добываніи всякаго звѣря. Легко добывалъ старый охотникъ и козу, и изюбря, и медвѣдя, и даже тигра, но не особенно любитъ онъ эти промыслы, потому что они не даютъ столько денегъ сколько соболи, жень-шень и многоцѣнные панты (молодые оленьи рога, чрезвычайно цѣнимые китайцами, какъ лекарство). Таковъ былъ одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ и опытныхъ охотниковъ пограничной Манчжуріи, который взялся провести меня по краевымъ уваламъ Южно-Уссурійскаго края, за пограничные столбы, и походить со мною по слѣдамъ тигровъ, приходящихъ сюда отъ подножья Хингана. Не долги были наши уговоры, старый Тунли согласился сразу на всѣ мои условія, и не прошло еще двухъ-трехъ часовъ послѣ моего прибытія въ лѣсную фанзу, какъ лучшій Немвродъ края очутился въ моемъ распоряженіи въ качествѣ проводника, охотника, слуги и даже друга, котораго я скоро полюбилъ отъ души.

Еще было далеко до свѣту, какъ меня разбудилъ Тунли, уже приготовившій мнѣ по китайскому способу закуску и чай. Большая чашка отварнаго риса, кусокъ зажаренной козы, какіе-то противнаго вкуса пирожки съ подозрительной начинкой и, наконецъ, чай въ видѣ жирной бурды, сваренной въ томъ же котелкѣ, гдѣ вчера варилась похлебка, казались лукулловскими яствами для голодныхъ бродягъ, сидѣвшихъ около насъ у очага, но далеко не аппетитными для меня. Съ грѣхомъ пополамъ я съѣлъ только горсточку рису и кусочекъ говядины, но этого ужаснаго чаю, который надо хлебать изъ деревянныхъ чашечекъ, которыми каждый зачерпываетъ изъ общей посудины я испробовать не могъ, не смотря на просьбы Тунли и стараго китайца-хозяина фанзы. Передъ моимъ выступленіемъ въ походъ мой прежній проводникъ, мужичекъ изъ Левады, попросилъ отпустить его домой, такъ какъ въ деревнѣ ждали его спѣшныя хозяйственныя работы. Разумѣется, я не сталъ пользоваться своимъ правомъ и отпустилъ мужичка, тѣмъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

болѣе, что онъ такъ горячо мнѣ рекомендовалъ Тунли, что трудно было съ нимъ не согласиться. И такъ я очутился въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи по уваламъ и тайгѣ пограничной полосы совершенно одинъ, въ сообществѣ какого-то пока еще совершенно

Засада на тигра.

мнѣ не знакомаго китайца или манчжура, къ которому присоединилось еще двое подозрительныхъ манзъ.

Такъ какъ дальнѣйшія мои странствованія въ теченіе почти трехъ недѣль представляютъ уже не систематическіе переѣзды отъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одного опредѣленнаго тракта къ другому, а настоящее кочеваніе по безконечной тайгѣ безъ строго намѣченной цѣли, то я не буду описывать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что подробное описаніе ихъ составитъ предметъ спеціальнаго очерка, посвященнаго исключительно тайгѣ.

Въ тайгѣ Южно-Уссурійскаго края природа не поскупилась на свои дары, она дала ей много свѣта, много красокъ, жизни и красоты. Въ ней ростутъ рядомъ сосна и виноградъ, кедръ и орѣшникъ, дубъ и ліана, дикая яблоня и могучая грабина; сотни цвѣтущихъ кустарниковъ и травъ благоухаютъ подъ таинственными сводами великановъ лѣса; его основа заткана пестрымъ ковромъ разнообразныхъ растеній; сѣть вьющихся ліанъ заполняетъ самые промежутки между стволами деревьевъ, стебельками кустовъ, тростинками подроcли и пышными кружевами высокоподнимающихся травъ. Разнообразныя деревья поднимаются здѣсь на десятки саженей, кусты образуютъ непроницаемыя стѣны, а травы скрываютъ не только оленя, но и всадника вмѣстѣ съ конемъ. Сѣть плющей, повилики и винограда, сплетающихся между собою и стволами деревьевъ, кусты, заполняющіе всѣ промежутки, остающіеся между листвою тѣхъ и другихъ, образуютъ такія непроходныя чащи, передъ которыми мѣстами безсиленъ самый топоръ; лишь огонь можетъ разрушить эту сплошную живую стѣну сплетшихся между собою растеній. Разнообразію растительнаго царства манчжурской тайги соотвѣтствуетъ и разнообразіе ея четвероногихъ и пернатыхъ обитателей. Великолѣпный тигръ живетъ здѣсь рядомъ съ темно-бурымъ медвѣдемъ, барсъ вмѣстѣ съ соболемъ, шакалъ съ рысью, красный олень съ кабаномъ и козулей. Въ горныхъ трущобахъ Уссурійскаго края встрѣчаются рядомъ глухой тетеревъ и золотистый фазанъ, птицы тайги и пернатые обитатели американскаго материка; соловей, орѣховка, триперстка, также какъ и огромный филинъ, одинаково свойственны пріамурской тайгѣ. Тайга—это колоссальная живая масса, зеленый океанъ, въ которомъ тысячи и милліоны разнообразныхъ растительныхъ организмовъ слились въ одно цѣлое, перемѣшавъ листву, стволы и корни.

Черезъ этотъ зеленый океанъ лѣса, представляющій иногда не проходимыя чащи, мѣстами не можетъ пробраться ни звѣрь, ни человѣкъ; лишь по протоптаннымъ вѣками тропамъ, въ образованіи которыхъ звѣрь и человѣкъ принимали одинаковое участіе, совершается движеніе внутри таинственной кондовой тайги. По такимъ охотничьимъ, пробитымъ бродячими манзами, а также звѣровымъ тропамъ, проложеннымъ пятою многочисленныхъ животныхъ лѣса, мы пробирались по увалам и лѣсамъ пограничной полосы въ продолженіе многихъ дней и ночей.

Изъ всего путешествія моего, богатаго разнообразными впечатлѣніями и эпизодами, всего пріятнѣе вспоминаются мнѣ длинные

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

утомительные переходы въ первобытномъ лѣсу въ сообществѣ стараго Тунли и двухъ его сотоварищей, которыхъ я тоже скоро полюбилъ. Какъ теперь вижу я, нашъ маленькій, но постоянно оживленный караванъ. Впереди него бѣгутъ, обнюхивая по сторонамъ, двѣ небольшихъ лайки, которыхъ выростилъ и выкормилъ Тунли; старый охотникъ съ ружьемъ наготовѣ идетъ за ними, высматривая слѣды звѣря и человѣка на тропѣ и на сучьяхъ деревьевъ. Вслѣдъ за Тунли верхомъ, или ведя подъ уздцы свою крошечную корейскую лошадку, двигаюсь я, собирая растенія, любуясь разнообразною жизнью тайги, прислушиваясь къ ея многорѣчивымъ голосамъ. Два остальныхъ китайца идутъ сзади, присматривая за вьючною лошадью и оберегая нашъ тылъ. Они также, какъ и старый Тунли, особенно внимательно всматриваются въ пучки растеній, ютящихся у корней великановъ лѣса, полные сладкой надеждой отыскать многоцѣнный корень жизни—женьшень. Опытные охотники за пантами и женьшенемъ, они всю жизнь свою провели въ добываніи того и другого продукта, невѣроятную цѣну которыхъ понимаютъ лишь одни сыны Китая и Манчжуріи.

Однообразно проходятъ дни и недѣли въ этомъ блужданіи по тайгѣ, но сколько чудныхъ воспоминаній, полныхъ дикой поэзіи, оставили они во мнѣ даже послѣ странствованія по роскошнымъ лѣсамъ Японіи и Цейлона. Кочевая жизнь въ лѣсу, ночевки подъ открытымъ небомъ, въ глубинѣ таинственной тайги, у костровъ и въ лѣсныхъ шалашахъ, звѣрованіе, встрѣчи съ дикими звѣрями и не менѣе дикими людьми лѣса—все это представляетъ такой поразительный контрастъ съ жизнью цивилизованнаго человѣка, что, не испытавъ его, даже трудно себѣ вообразить. Утромъ насъ будила рано обыкновенно пронизывающая сырость и прохлада, отъ которой тщетно мы старались уберечься, кутаясь въ свои шубы и пальто. Костерокъ, согрѣвавшій насъ ночью и вечеромъ, такъ располагавшій къ кейфованію и нѣгѣ, подъ утро всегда замиралъ, и тщетно караулившій манза пытался его поддержать. Мы просыпались нерѣдко подъ ревъ бурановъ и всегда подъ звуки тысячеголосой тайги. Не смотря на свѣжесть утра, дышалось какъ-то легко, по всему тѣлу разливалось столько энергіи, что ее хватало снова на цѣлый день утомительнаго пути. Живо мои манзы разводили новый костеръ, варили рисъ или похлебку, жарили съ вечера еще набитую дичь, приготовляли кипятокъ для чаю, кормили и оправляли лошадей. Не проходило обыкновенно часу, какъ мы уже готовы были снова выступать. Часы до полудня проходили быстро; мои спутники искали слѣдовъ звѣря и женьшеня, а я любовался дикою прелестью лѣса, прислушивался къ его пѣснямъ, наблюдалъ его разнообразную жизнь, а порою погружался въ такое созерцаніе, изъ котораго меня выводили только какія-нибудь замѣчанія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

словоохотливаго Тунли. По дорогѣ всѣ мы при случаѣ стрѣляли ту или другую дичь, не брезгуя даже зайцемъ и маленькою лѣсною куропаткою. Къ вечеру нашъ запасъ дичи всегда былъ настолько великъ, что мы могли даже дѣлать выборъ, приготовляя себѣ ужинъ или обѣдъ. Около полудня мы останавливались обыкновенно; привалъ свой пригоняли мы чаще всего къ какому-нибудь весело журчавшему лѣсному ручейку; тутъ мы поили и оставляли своихъ лошадей, готовили себѣ обѣдъ, отдыхали, а часовъ около трехъ снова пускались въ дальнѣйшій путь, и такъ шли до тѣхъ поръ, пока не начинало смеркаться, и въ глухой тайгѣ не становилось такъ темно, что звѣровая тропа пропадала совершенно въ чащѣ. Опытный Тунли и ночлегъ нашъ обыкновенно пригонялъ къ ручейку или къ какому-нибудь охотничьему шалашу, представлявшему кое-какую защиту съ навѣтренной стороны. Снова зажигался костерокъ, ставились неизмѣнные два котелка, варился незатѣйливый ужинъ и самымъ первобытнымъ путемъ обжаривалась настрѣленная дичь. При всѣхъ этихъ приготовленіяхъ не было и намека на какое-нибудь кулинарное искусство; безъ хлѣба, а потомъ и безъ соли, которою не запаслись мы достаточно, съѣдали мы и рисъ, и похлебку, и куски скорѣе обугленнаго и закопченнаго, чѣмъ прожареннаго мяса. Не смотря на это, ужинъ нашъ, запиваемый чаемъ, приготовлявшимся и по русскому и по китайскому способу, былъ всегда однимъ изъ самыхъ пріятныхъ моментовъ дня. Поэтическая обстановка, ясный костерокъ, лѣсные звуки, неумолкающіе даже ночью, пріятная усталость, здоровый аппетитъ и оживленная бесѣда—все это дѣлало вечернюю остановку на ночлегъ настолько пріятною, что даже яркимъ солнечнымъ днемъ невольно мечталось о ней. Цѣлыми часами, нерѣдко за полночь, продолжались наши бесѣды; словоохотливый Тунли разсказывалъ интересные эпизоды изъ своей долгой, богатой приключеніями жизни, о тиграхъ, хунхузахъ—китайскихъ разбойникахъ, о добываніи женьшеня, пантовъ, и о многомъ другомъ, о чемъ знаетъ лишь тайга, да лѣсные бродяги, подобные Тунли. Я слушалъ со вниманіемъ эти простые, полные наивности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго интереса разсказы, и они дополняли во многомъ мои свѣдѣнія о природѣ, и людяхъ этого любопытнаго таёжнаго уголка. Мнѣ не пересказать всего того, что я слышалъ отъ Тунли и его опытныхъ товарищей въ долгіе часы нашихъ бесѣдъ, у костровъ, во мракѣ ночей, подъ легкій шумъ засыпающей тайги, потому что для того понадобилась бы цѣлая книга. Я скажу кратко только, что въ нихъ заключалось цѣлое міросозерцаніе человѣка, проведшаго всю свою жизнь въ общеніи съ природою, которая одна была его матерью, наставникомъ и духовнымъ отцомъ. Всегда полезно и пріятно общеніе съ такими людями, которые примѣромъ собственной жизни доказываютъ, какъ могучъ даже одинъ предоставлен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ный самому себѣ человѣкъ въ борьбѣ и союзѣ вмѣстѣ съ всемогущей природой.

Не разъ наши мирныя бесѣды у яркопылающаго костра смущали крики звѣрей, близко подходившихъ къ нашему становищу, не разъ замѣчалъ Тунли, что даже тигръ бродилъ недалеко отъ нашего костерка, и тогда мы проводили часа полтора или два въ довольно сильной ажитаціи, хотя старый охотникъ и успокоивалъ наше смущеніе. Одну ночь мы провели совершенно безъ сна въ ожиданіи нападенія тигра, все время пугавшаго нашихъ собакъ и лошадей; двѣ другихъ ночи мы просидѣли подъ проливнымъ дождемъ, прячась лишь подъ широкія лапы елей и прикрываясь шкурами. Но всѣ эти несовсѣмъ пріятныя приключенія только разнообразили наше звѣрованіе и еще болѣе затягивали меня въ кочевую жизнь.

Черезъ недѣлю своего блужданія по тайгѣ, идущей по верховьямъ Тунги и истокамъ Суйфуна, мы пришли въ лѣсную фанзу Тунли, стоящую въ глухомъ лѣсу, верстахъ въ 30 отъ русской границы. На пути къ ней, въ предѣлахъ китайской Манчжуріи, мы прошли одинъ пограничный постъ, содержимый манчжурскими войсками, при чемъ убѣдились, что съ китайской стороны самая граница еще болѣе слабо населена, чѣмъ со стороны Южно-Уссурійскаго края, и наблюдается гораздо хуже, чѣмъ нашими рѣдкими караулами. Нѣсколько позднѣе мы прошли съ четверть версты другой манчжурскій постъ, при чемъ видали даже начальника его, мирно пившаго чай передъ караульной фанзою и не обратившаго даже вниманія на то, что недалеко отъ него проходитъ небольшой караванъ съ русскимъ военнымъ мундиромъ во главѣ. Эта непростительная небрежность необъяснима была тѣмъ болѣе, что встрѣчавшіе насъ не разъ на пути бродячіе манзы, по всей вѣроятности, уже успѣли далеко по краю разнести молву, что въ самыхъ китайскихъ предѣлахъ находится русскій «капитанъ». О моей поѣздкѣ, какъ я узналъ позднѣе, китайскія власти знали даже въ Хунчунѣ; меня удивляетъ по этому, какимъ образомъ безъ всякой задержки и даже опроса я прошелъ почти передъ самымъ носомъ три или четыре караульни, не говоря уже о нѣсколькихъ другихъ, которыя мы миновали, оставивъ далеко въ сторонѣ. Всего за день до прибытія въ фанзу Тунли, мы встрѣтили въ лѣсу одного изъ военныхъ манчжурскихъ всадниковъ, который, поговоривъ немного въ Тунли, очень вѣжливо разстался съ нами и велѣлъ передать мнѣ самыя лучшія пожеланія.

Не доходя до фанзы нашего Немврода, мы впервые еще за недѣлю нашего блужданія по лѣсу, нашли ясно намѣченные тигровые слѣды. Страшный звѣрь, повидимому, шелъ по направленію къ избушкѣ Тунли, и это почему-то смутило нашего стараго опытнаго проводника.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Тигръ обидѣлъ Тунли,—сказалъ онъ вдругъ послѣ долгаго изученія слѣдовъ,—онъ утащилъ изъ фанзы стараго охотника или собаку, или свинью. Не прошло и получаса, какъ подтвердились предположенія Тунли; едва мы прибыли въ фанзу, какъ молодой работникъ его сообщилъ, что прошлою ночью тигръ дѣйствительно скралъ лучшую собаку Тунли. Страшно былъ опечаленъ этою вѣстью добрый старикъ, любившій своихъ собакъ, какъ единственныхъ друзей, раздѣлявшихъ съ нимъ всѣ радости и печали кочевой жизни, но скоро онъ оправился и далъ клятву отомстить тигру за его тяжелую обиду. Разумѣется, я съ радостью принялъ приглашеніе Тунли остаться на нѣсколько дней въ его фанзѣ, чтобы подкараулить или выслѣдить тигра. Для меня представлялся рѣдкій случай поохотиться за страшнымъ хищникомъ въ сообществѣ такого опытнаго охотника, какъ Тунли, и пожить въ звѣровой избушкѣ, жизнь въ которой мнѣ казалась всегда привлекательною.

Цѣлую ночь эту мы прокараулили тигра изъ фанзы, но онъ и не думалъ подходить близко, не смотря на подставленную падаль и визгъ поросенка, привязаннаго на деревѣ въ мѣшкѣ; на утро однако слѣды хищника оказались въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ фанзы. Весь слѣдующій день мы пробродили по окрестностямъ, опредѣляя направленіе тигровыхъ слѣдовъ, при чемъ напали на небольшую тропинку, которою видно звѣрь ходилъ нѣсколько разъ. Тропка эта вела въ самое глухое мѣсто прилежащей тайги, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось логовище звѣря. На этой тропкѣ мы и рѣшили сдѣлать засаду, подманивъ хищника на привязанную козу. Еще съ вечера мы забрались въ лѣсъ, приготовили все для ночной сидьбы и вчетверомъ рѣшили во что бы то ни стало ожидать тигра.

Долѣе полуночи мы просидѣли на мѣстѣ, и какъ ни ревѣла бѣдная коза, тигръ не думалъ являться, такъ какъ собаки наши и не думали безпокоиться. Ночь проходила, нервы стали уже ослабѣвать отъ сильнаго напряженія, энергія пропадала, и двое изъ охотниковъ уже хотѣли снимать засаду, какъ Тунли подалъ знакъ къ молчанію. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ этого, раздался невдалекѣ отъ насъ такой оглушающій ревъ, что у меня пропала даже въ первые моменты всякая охота поджидать, чтобы тигръ подошелъ ближе. Второй раскатъ рева словно громъ послышался чуть не у самыхъ ногъ. Да, только въ самыя роковыя минуты охоты начинаешь раскаиваться въ томъ, чего такъ долго и страстно ожидалъ. Уже не впервые я испытывалъ подобное раскаяніе, но не впервые получалъ и удовлетвореніе, если выдерживалъ тѣ или другія испытанія. Кое-какъ успокоенный присутствіемъ опытнаго звѣробоя, подошедшаго близко ко мнѣ, я ободрился, и всѣ наши четыре ружья были направлены въ сторону, откуда слышался ревъ и шелестъ мягкихъ, хотя и тяжелыхъ шаговъ. Не смотря однако на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

страшный ревъ, которымъ тигръ словно вызывалъ скрытыхъ охотниковъ на бой, звѣрь видно почуялъ засаду, узналъ во время коварство человѣка, и не рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу, испытавъ, по всей вѣроятности, превосходство оружія, передъ которымъ безсильны вся дикая звѣриная сила и самое отчаянное мужество. Тигръ ушелъ снова въ тайгу, откуда и пришелъ. Засада наша опять кончилась неудачею, и мы пришли къ убѣжденію, что едва ли можно было добыть засадою осторожнаго звѣря... На другой день, мы рѣшили покинуть фанзу Тунли, чтобы изслѣдовать хищника въ самой чащѣ по его слѣдамъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и мы, потерявъ тигровые слѣды, направились снова вдоль линіи границы, зайдя въ такую глухую тайгу, что мѣстами терялись самыя звѣровыя тропы, и намъ приходилось пробираться черезъ чащи. Слѣпо довѣряя своимъ проводникамъ, я шелъ за ними, не думая даже о томъ, куда ведутъ меня мои казавшіеся мнѣ порою подозрительными друзья. Ужъ не хунхузы ли они, — порою пробѣгала въ моей головѣ неотвязчивая мысль, но я спѣшилъ отогнать отъ себя страшное подозрѣніе, потому-что это значило совершенно запропасть въ тайгѣ. Попрежнему мы успѣшно звѣровали, били дичь и даже добыли соболя, правда вынувъ его изъ чужой пасти [1]). Тунли посчастливилось даже найти два небольшихъ корешка женьшеня, которые я тотчасъ же и купилъ у него, чтобы испытать на себѣ позднѣе ихъ чудотворное дѣйствіе [2]). Скоро прошла уже цѣлая недѣля, какъ мы покинули фанзу Тунли и находились безвыходно въ тайгѣ, натыкаясь временами на одинокія лѣсныя фанзы, гдѣ дополняли свои скудные припасы и снова уходили въ манившую насъ все дальше и дальше тайгу. Не разъ за это время мы шли по слѣдамъ тигра, но звѣрь словно бѣжалъ передъ нами, какъ говорилъ старый Тунли; мы даже не слыхали его рева вблизи, и только въ послѣднюю ночь пребыванія нашего за столбами слышали снова его близкое присутствіе возлѣ нашего становища.

Кромѣ рѣдкихъ лѣсныхъ фанзъ, звѣриныхъ тропокъ и пастей, мы встрѣчали за столбами еще такъ называемыя звѣровыя ямы, посредствомъ которыхъ ловятъ въ большомъ количествѣ всякаго звѣря въ предѣлахъ русской и китайской Манчжуріи. Ямы эти, или скорѣе сказать, рвы копаются на большомъ протяженіи поперекъ падей, или логовинѣ, лежащихъ между увалами, такъ что ими совершенно преграждается проходъ черезъ эти послѣднія. Ямины, крытыя хворостомъ, перемѣшиваются съ баррикадами изъ поваленныхъ де-

---

[1]) Пастью называется особаго рода ловушка или западня для звѣря, преимущественно соболя.

[2]) Женьшень, какъ и панты, позднѣе испробованные мною, не оказали ровно никакого дѣйствія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ревъ и валежника, такъ что звѣрь, бѣгущій по пади, остановленный препятствіями, идетъ въ проходы, оставленные между ними и занятые рвами и непремѣнно попадетъ туда. Такой способъ охоты дозволяетъ безъ большого труда и безъ всякаго риска добывать много звѣря, и потому, какъ хищническій, строго воспрещенъ у насъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Во всѣхъ лѣсахъ края однако можно до сихъ поръ встрѣтить остатки звѣровыхъ ямъ, которыми иногда впрочемъ тайнымъ образомъ и доселѣ пользуются звѣровые манзы.

Такъ какъ общее направленіе нашего блужданія шло по линіи границы, то мы перешли рядъ уваловъ, раздѣляющихъ между собою верховья Суйфуна, Тунги и Патахезы, а потомъ спустились по направленію къ среднему теченію Суйфуна. По всѣмъ лѣснымъ рѣчкамъ, говорятъ, встрѣчается много золотого песку, который добываютъ манзы; одна небольшая рѣченка, впадающая въ Суйфунъ и находящаяся большею частью своего теченія въ китайскихъ владѣніяхъ, такъ и называется Золотою Патахезою. О золотѣ и розсыпяхъ золотого песку, я слыхалъ не менѣе, чѣмъ о женьшенѣ, соболяхъ и пантахъ, не только отъ Тунли, но и другихъ своихъ проводниковъ; всѣ эти промыслы видно составляютъ самыя прибыльныя занятія для аборигеновъ края.

Столько не бродилъ однако я по самымъ глухимъ уголкамъ тайги, сколько не встрѣчалъ тамъ бродячихъ и звѣровыхъ манзъ; пробирающихся, по всей вѣроятности, въ наши предѣлы, я не видалъ только знаменитыхъ хунхузовъ—китайскихъ разбойниковъ, которыми меня многіе пугали въ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, многочисленные и сильные прежде, они могли безнаказанно хищничать въ краѣ и грозить одинокимъ поселенцамъ, но разъ во всѣ уголки, годные для земледѣлія, явились цѣлыя общины русскихъ и китайскихъ поселянъ, хунхузы стали пропадать и скоро отойдутъ въ область исторіи. Разумная мѣра снабженія русскихъ поселенцевъ казенными винтовками и патронами лучше всѣхъ другихъ способствовала вымиранію хунхузовъ, о которыхъ теперь говорятъ болѣе легенды, чѣмъ ихъ дѣйствительные потерявшіе всякое обояніе подвиги. Русскій поселенецъ, бьющій смѣло тигра и медвѣдя, не побоится десятка даже вооруженныхъ манзъ, которыхъ силу и трусость онъ знаетъ хорошо.

Много за то мнѣ пришлось услышать за столбами отъ Тунли и другихъ встрѣчныхъ манзъ, которыхъ я разспрашивалъ при посредствѣ этого послѣдняго, о другомъ явленіи, которое болѣе страшно, чѣмъ хунхузы для нашего Южно-Уссурійскаго края. Не тысячи, а десятки тысячъ переселенцевъ Китай призываетъ изъ глубины своей имперіи на культурную борьбу съ Россіею, даетъ имъ земли въ Манчжуріи и готовитъ изъ нихъ базисъ для дальнѣйшаго своего наступательнаго движенія къ нашей границѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Еще недавно Манчжурія была совершенно лишена собственно китайскаго населенія, не уходившаго за предѣлы Великой Стѣны, а теперь въ ней многія тысячи китайскихъ семействъ, подкрѣпляемыхъ значительными военными силами, собранными въ Хунхунѣ, Нингутѣ и Цицикарѣ. Въ случаѣ какого-нибудь наступательнаго шага, Китай можетъ серьезно опереться на свою Сунгарскую линію, обращенную фронтомъ къ нашему Уссурійскому краю.

Бассейнъ Сунгари съ городами Сансиномъ, Нингутою, Цицикаромъ и Гириномъ, представляющій населеніе въ десять разъ большее, чѣмъ весь нашъ Уссурійскій край, подкрѣпляемое еще непосредственно населеніемъ застѣннаго Китая, является уже такою сильною стратегическою, колонизаціонною и экономическою базою, которой мы и въ пятьдесять лѣтъ самой энергической колонизаціи русской Манчжуріи не можемъ противупоставить ничего подобнаго. Правда, какъ мы уже говорили, самая пограничная полоса со стороны Китая населена еще слабѣе и наблюдается хуже, чѣмъ со стороны Уссурійскаго края, но линія осѣдлаго китайскаго населенія уже не далеко отъ границы, всего въ какой-нибудь сотнѣ верстъ, а линія манчжурскихъ поселковъ и звѣровыхъ фанзъ китайцевъ еще ближе. Сѣть китайскихъ фанзъ покрываетъ весь нашъ Уссурійскій край даже въ самыхъ глухихъ его уголкахъ, а потому на нихъ, какъ на аванпосты китайскаго культурнаго и экономическаго вліянія, надо обращать самое серьезное вниманіе.

Почти 20 дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ я перевалилъ границу недалеко отъ Атамановки; все время это я находился за столбами во владѣніяхъ богдыхана, лишь по временамъ подходя близко къ русской границѣ, особенно блуждая въ верховьяхъ Патахезы. Мало-по-малу, мы стали выходить изъ глухой тайги, и по мѣрѣ приближенія къ среднему Суйфуну, къ той полосѣ, гдѣ онъ начинаетъ входить въ русскіе предѣлы, встрѣтили первыя осѣдлыя китайскія поселенія, представленныя нѣсколькими фанзами, наполненными рабочими. Близко по этимъ дорогамъ, унизаннымъ подобными фанзами, думалось мнѣ, Китаю добраться до нашей границы, да и за нею онъ найдетъ себѣ союзниковъ и друзей. Непріятное впечатлѣніе произвели на меня поэтому эти довольныя, жирныя лица манзъ—хлѣбопашцевъ, въ сравненіи съ тѣми лѣсными бродягами, въ обществѣ которыхъ я доселѣ находился.

Послѣднюю ночь пребыванія во владѣніяхъ богдыхана, какъ я уже упоминалъ, мы провели въ близкомъ сосѣдствѣ съ тигромъ, который долго ходилъ вокругъ нашего становища, пугая лошадей и заставляя насъ разводить сильнѣе огонь и быть постоянно настороже вмѣсто того, чтобы отдохнуть послѣ утомительнаго 12-ти часоваго перехода по тайгѣ. На утро мы выступили по этому

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поздно съ послѣдняго ночлега и пошли прямо къ «столбамъ», что виднѣлись уже съ вершины увала. Къ полудню мы были у нихъ и перешли русскую границу.

На всемъ протяженіи нашей пограничной линіи отъ Посьета до поста № 4, т. е. почти на 450-верстномъ разстояніи идетъ нѣсколько десятковъ пограничныхъ столбовъ, обозначенныхъ съ одной стороны русскимъ орломъ, а съ другой китайскими и манчжурскими надписями. Столбы эти съ каменнымъ основаніемъ аршина $2^1/_2$—3 въ вышину, во многихъ мѣстахъ уже полуразрушенные, стоятъ на каждыхъ 10—15 верстахъ и раздѣляются на главные и второстепенные. Не только русскіе охотники, но и бродячіе манзы дѣлятъ всю границу на участки по этимъ столбамъ, не стѣсняясь впрочемъ никогда въ случаѣ нужды переходить границу и бить звѣря на чужой землѣ. Такъ точно поступили и мы; нечего поэтому и удивляться, что манзы, не имѣющіе и понятія о международныхъ отношеніяхъ, нарушаютъ границу постоянно, тѣмъ болѣе что они до сихъ поръ смотрятъ на Уссурійскій край, какъ на уголокъ своей родины, временно данный ихъ богдыханомъ русскимъ на пользованіе. На эти нарушенія, впрочемъ, никто и не обращаетъ никакого вниманія.

Переваливъ русскую границу, мы были въ одномъ мѣстѣ сильно поражены тѣмъ, что всѣ склоны горъ были ископаны глубокими яминами и обвалами, словно служившими для добыванія какой-нибудь руды. Тунли пояснилъ мнѣ, что по границѣ многія горы ископаны такимъ образомъ, такъ какъ здѣсь цѣлыя сотни людей занимаются добываніемъ золота. Масса преступленій совершается ради этого презрѣннаго металла; отецъ самого Тунли былъ убитъ изъ-за нѣсколькихъ мѣшковъ золотого песку его же сотоварищемъ по добыванію золота. Благоразумными мѣрами, принятыми противъ хищническаго добыванія металла, тайная добыча его мало-по-малу прекращается, но правильной организаціи этого промысла пока еще нѣтъ вовсе, хотя золотой песокъ встрѣчается во многихъ рѣкахъ Южно-Уссурійскаго края.

Спускаясь съ увалов, окаймляющихъ берега средняго Суйфуна, мы видали издалека значительное манчжурское поселеніе, расположенное въ долинѣ этого послѣдняго, а также многолюдный базаръ, куда съѣзжаются и русскіе казаки, и поселенцы съ Суйфуна, но посѣтить тотъ и другой въ своемъ военномъ мундирѣ я нашелъ неудобнымъ, чтобы не смущать и безъ того подозрительныхъ китайскихъ властей. Еще часъ пути, и вдали показались бѣлыя мазанки большой казачьей станицы Полтавской, куда я и направлялся теперь, чтобы отдохнуть послѣ трехнедѣльнаго блужданія по тайгѣ. Выйдя изъ казачины у Атамановскаго, я снова попадалъ въ нее, и на этотъ разъ она привѣтливо встрѣчала меня

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и яркимъ солнечнымъ днемъ, и праздничнымъ видомъ разряженнаго народа, и залихватскою пѣснею русскою.

— Теперь прощай, капитанъ, — сказалъ мнѣ вдругъ задумавшись Тунли, — моя не пойдетъ Полтавской, казакъ не любитъ манза.

— Со мной полюбятъ,—отвѣчалъ я ему,—пойдемъ со мною, и я скажу всѣмъ «капитанамъ» русскимъ, что Тунли хорошій человѣкъ, и я отъ всего сердца полюбилъ его...

А. Елисѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАРИКАТУРИСТЪ Н. А. СТЕПАНОВЪ [1].

III.

ПЕРВЫЕ Н. А. Степановъ выступилъ публично на карикатурное поприще въ «Ералашѣ» Неваховича. Это видно изъ того, что на заглавномъ иллюстрированномъ листѣ 1846 года, съ лѣвой стороны, нарисованъ портретъ Неваховича, а съ правой—Степанова. Кромѣ того, просматривая листы «Ералаша», легко отмѣтить степановскія карикатуры, зная его манеру. Въ «Ералашѣ» первенствовали, конечно, карикатуры Неваховича, за которыми слѣдовали карикатуры Степанова и, наконецъ, Н. А. Пальма; подписей, однако, подъ карикатурами не было. Сотрудничество Н. А. въ «Ералашѣ» продолжалось годъ, или два, и въ дѣятельности нашего карикатуриста особенно важнаго значенія не имѣетъ: это были первые печатные шаги и опыты, въ которыхъ еще мало мастерства и бойкости рисунка, выработанныхъ съ теченіемъ времени.

Кромѣ «Ералаша», Степановъ въ 1848 году выступилъ съ своими карикатурами въ «Иллюстрированномъ альманахѣ», изданномъ Панаевымъ и Некрасовымъ въ видѣ приложенія къ «Современнику». Хотя передъ нами цѣлыхъ десять писемъ, писанныхъ къ Н. А. частью Панаевымъ, частью Некрасовымъ, по поводу издававшагося ими альманаха, но изъ нихъ точно нельзя опредѣлить, какое принималъ участіе въ этомъ изданіи Степановъ, который сдѣлался уже довольно извѣстенъ своими карикатурами.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 457.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Изъ писемъ редакторовъ «Современника» видно, что всѣ статьи, печатавшіяся въ альманахѣ, посылались на предварительный просмотръ и одобреніе Н. А. Можетъ быть, Панаевъ и Некрасовъ находили, что Степановъ компетентнѣе ихъ въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній; а можетъ быть, Степановъ, будучи равнымъ съ ними вкладчикомъ въ альманахъ, не желалъ вполнѣ полагаться на ихъ вкусъ, боясь за свой пай, и потому выговорилъ себѣ право предварительнаго просмотра литературнаго матеріала. За неимѣніемъ данныхъ, вопросъ этотъ нельзя рѣшить ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Въ альманахѣ было помѣщено 10 повѣстей и разсказовъ, а именно: «Семейство Тальниковыхъ», романъ Станицкаго (жены И. И. Панаева),—«Лола Монтесъ», повѣсть А. В. Дружинина съ картинкой Ф.**,—«Смотрины и рукобитье», разсказъ В. И. Даля съ двумя картинками Степанова, — «Дуракъ Ѳедя», разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго съ четырьмя картинками Ф.**,—«Три Хашиша» М. А. Сааруни съ пятью его же иллюстраціями, — «Встрѣча на станціи», разсказъ Панаева съ картинкой Ф.**, — «Старушка», разсказъ А. Н. Майкова,—«Заборовъ», повѣсть Е. П. Гребенки съ тринадцатью картинками Агина и др. Наконецъ, были помѣщены: «Исторія капитана Копѣйкина, въ лицахъ», три картины А. А. Агина, и «Два помѣщика», рисунокъ Ф.**

Альманахъ начинался карикатурами Степанова, которыхъ было приложено семь. Всѣ онѣ рисованы на камнѣ въ литографскомъ заведеніи Поля-Пти; рисунокъ ихъ былъ исправленъ и улучшенъ г. Викторомъ, отчего онѣ много потеряли и кажутся хуже карикатуръ Агина и Неваховича [1]). Вотъ перечень степановскихъ карикатуръ: 1) Генеральная репетиція оперы «Эсмеральда», (карикатура на Даргомыжскаго, но онъ сдѣланъ очень моложавымъ). Подпись: Композиторъ. Да гдѣ же остальные? (представлена поющею коза).—Служитель. Завтра на представленіи будутъ всѣ.. 2) Ну, вотъ и прекрасно! (карикатура на Н. В. Кукольника; подпись—его постоянная поговорка. 3) Типографскія превращенія— карикатура, но весьма неудачная, на Бѣлинскаго и намеки на цензорскую работу. Подпись: «Своей собственной статьи не узнаю въ печати...» 4) Петербургскій Томъ Пусъ — карикатура на Л. Брандта, фельетониста «Сѣверной Пчелы», мнившаго себя похожимъ на Наполеона и изображеннаго поэтому à la Napoleon [2]). 5) Жур-

[1]) Карандашу послѣдняго принадлежатъ въ альманахѣ двѣ карикатуры: 1) Остроумный бенефиціантъ и 2) Господинъ и слуга.

[2]) По словамъ П. А. Степанова, Брандтъ самъ объяснялъ свое сходство съ Наполеономъ I слѣдующимъ образомъ: во время бѣгства своего изъ Россіи, въ 1812 году, Наполеонъ остановился ночевать въ усадьбѣ матери Брандта, въ Литвѣ, и былъ принятъ чрезвычайно радушно. Послѣдствіемъ этого пребыванія императора у г-жи Брандтъ и было рожденіе ею сына, весьма похожаго на великаго полководца.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

налистъ и сотрудникъ (карикатура на Краевскаго и какого-то, повидимому, сотрудника «Отечественныхъ Записокъ». Краевскій похожъ мало, а сотрудникъ напоминаетъ Д. В. Григоровича). Подпись: Вы изволили прочесть мою повѣсть? — Прочелъ, ничего, не дурно, мѣстами есть промахи, поверхностный взглядъ на предметы... (съ глубокомысленною важностью) Знаете, повѣсть ваша, собственно, не повѣсть, а психологическое развитіе...—Именно-съ...— Вы, можетъ быть, изволили забыть, что это мнѣніе г. Т. (т. е. Тургенева), которое я изложилъ въ письмѣ къ вамъ при посылкѣ повѣсти... 6) Гамлетъ, покупающій дрова (карикатура на актера Каратыгина, слишкомъ шаржирована), и, наконецъ, 7) Мазурка (карикатура на Булгарина, съ надписью, взятою изъ его «Воспоминаній»: «Съ молоду я былъ хорошъ собою, ловко танцовалъ мазурку и нравился женщинамъ...»). Изъ всѣхъ семи карикатуръ эта самая удачная.

Въ воспоминаніяхъ г-жи Панаевой-Головачевой разсказана печальная судьба, постигшая этотъ альманахъ, который сначала въ концѣ 1847 года былъ разрѣшенъ цензурой, а затѣмъ, въ началѣ 1848 года офиціально запрещенъ главнымъ цензурнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ графа Бутурлина, но все-таки проникъ въ публику контрабандой. О появленіи его въ продажѣ г-жа Панаева-Головачева разсказываетъ слѣдующее: «Когда альманахъ былъ запрещенъ, то листы были свалены на чердакѣ при квартирѣ редакціи. Когда надо было переѣзжать на другую квартиру, то я пошла на чердакъ и удивилась, замѣтя, что пачки листовъ развязаны и валялись въ безпорядкѣ. Прислуга объяснила мнѣ, что бывшій лакей Некрасова водилъ на чердакъ букинистовъ и продавалъ имъ бумагу на вѣсъ. Ясно, что изъ этихъ листовъ составлялись книжки и втихомолку распродавались» [1]).

Ни прекращеніе «Ералаша», ни неудавшійся «Иллюстрированный альманахъ» не могли, конечно, удержать Степанова отъ дальнѣйшихъ опытовъ карикатурныхъ изданій. Вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, А. С. Даргомыжскимъ, Н. А. затѣялъ въ 1849 году «Музыкальный альбомъ» съ карикатурами, издателемъ котораго явился извѣстный тогда редакторъ «Музыкальнаго Вѣстника»—Бернардъ. Альбомъ состоялъ изъ 24 листовъ большого формата и сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью. Вотъ его содержаніе:

1) «Не задумывайся, мой другъ», музыка А. А. Алябьева. Карикатура на Алябьева, подъ заглавіемъ: «Композиторъ послѣ обѣда». Подпись: «Соловей нашъ, соловей! И какъ видно откормленъ не баснями». Затѣмъ идутъ ноты и листъ съ словами пѣсни. 2) L'attente (ожиданіе), romance. Paroles de m-me Desbor-des-Valmore.

---

[1]) См. «Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты. 1824—1870». Стр. 193.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Musique de P. Castrioto Scandezberg. Dedié à m-elle Herminie Dargomijski. Карикатура на Степанова. Надпись: «Композиторъ въ разсѣянности»; подпись: Композиторъ. Какъ плохо! Чей это романсъ?—Вашъ собственный...» 3) «Не называй ее небесной», романсъ, слова Павлова, музыка Даргомыжскаго. Карикатура на Даргомыжскаго, съ надписью: «композиторъ, цѣнитель талантовъ». Подпись: «помилуйте! Всѣ хвалили ея пѣніе—да она безбожно

Н. А. Степановъ, раскрашивающій статуэтку-карикатуру.

фальшивитъ». Композиторъ. «Ну гдѣ же фальшивитъ? Она прехорошенькая...» 4) «Колыбельная пѣсня» (безъ словъ) кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Карикатура изображаетъ красиваго князя Одоевскаго, несущаго семерыхъ дѣтей. Подпись: «Дѣти кричатъ. Пусти, я хочу играть, мнѣ ѣсть хочется, пусти... Композиторъ. Тссъ! Спите глупенькіе! (поетъ) баю, баюшки-баю...» 5) «Былыя слезы», романсъ, слова графини Ростопчиной, музыка Ѳ. М. Толстого, съ карикатурой на послѣдняго. Заглавіе: «Композиторъ въ горѣ», подпись:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Ахъ зачѣмъ ты проливаешь
«Слезы горкія тайкомъ
«И украдкой утираешь
«Ихъ кисейнымъ рукавомъ».

«Композиторъ. Увы! оперу мою отложили до будущаго сезона». 6) «О, молчи, молчи, милый другъ мой, молчи», романсъ А. Варламова. Подъ карикатурой подпись: «Композиторъ. Нравится ли вамъ мой красный сарафанъ?—Могу вамъ сказать одно, что онъ никогда не износится». 7) «Воспоминаніе», романсъ А. Ѳ. Львова. Карикатура на него носитъ заглавіе: «Композиторъ увлеченный и увлекающійся» и представляетъ Львова въ одномъ генеральскомъ эполетѣ, въ мундирѣ, стоящимъ передъ пюпитромъ (на которомъ лежитъ другой снятый эполетъ) и играющимъ на скрипкѣ. Подпись: «Плохая нажива для карикатуры—ни одной слабой струны...» 8) «Ты скоро меня позабудешь», романсъ, слова Ю. Жадовской, музыка М. И. Глинки. Заглавіе карикатуры на послѣдняго: «Композиторъ, возвратившійся на родину». Глинка представленъ джентельменомъ, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы фракѣ, съ тупеемъ на головѣ. Подпись: «Что вы привезли намъ изъ Италіи?—Всегдашнюю готовность любить. — Мы были бы довольны новой оперой».

Конечно, альбомъ этотъ былъ больше издательской аферой, чѣмъ выдающимся художественнымъ изданіемъ. Но въ то время, когда все вдругъ замолкло подъ тяжелой рукой цензуры и литература очутилась въ опалѣ, надо было пробиваться чѣмъ Богъ послалъ. Поэтому «Музыкальный альбомъ» занималъ не однихъ интересующихся музыкой. Ни Степановъ, ни Даргомыжскій, не цѣнили особенно высоко свое наскоро испеченное дѣтище, какъ это видно изъ слѣдующаго юмористическаго стихотворенія Н. А., сохранившагося въ его портфелѣ и написаннаго по поводу продажи права на изданіе альбома г. Бернарду:

Александру Сергѣевичу Даргомыжскому, по продажѣ „Музыкальнаго альбома“ Бернарду.

«Васъ, любезный компаньонъ
«По дѣламъ альбома,
«Подравляю разъ милльонъ
«Съ тѣмъ, что мы ужъ дома.
«Барышами полонъ ротъ,
«Въ дѣлѣ не погибли.
«Да-съ! Рублей по пятисотъ
«Съ вами мы зашибли.
«И никто, мой компаньонъ,
«Правды не закроетъ:
«Общій трудъ нашъ награжденъ
«Болѣе чѣмъ стоитъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Твой барышъ—вѣдь просто рай;
«У любаго спросимъ.
«Эхъ! какъ въ добрый урожай
«Получилъ самъ-восемь.
«Ты всѣ піэсы могъ продать,
«То-есть піэсовъ пару,
«Такъ рублей за пятьдесятъ
«Хоть жиду Бернару.
«Я же за восемь головъ
«Да за листъ покрышки
«Получилъ бы сто рублевъ
«Гукѣ [1]) на коврижки.
«Но сверхъ этихъ барыши!
«Не возясь съ Бернаромъ,
«Ты взялъ сотенку рублей,
«Я съ полсотни даромъ.
«Нашъ разсчетъ и бѣлъ, и чистъ,
«Какъ отъ прачки юбки:
«Ты почти капиталистъ,
«Не поднявъ кузютки.
«Какъ же намъ не ликовать—
«Вотъ хоть бы на столько [2])—
«Что пришлось намъ отдыхать,
«Не трудясь нисколько».

Если карикатуры Н. А., появившіяся въ печати въ концѣ сороковыхъ годовъ, стоятъ значительно ниже позднѣйшихъ его карикатуръ и по техникѣ, и по замыслу, представляя только какъ бы «пробы карандаша», то статуэтки-карикатуры и бюстики его работы должны быть признаны произведеніями, заслуживающими всякаго вниманія. Выйдя въ отставку, Н. А. сталъ помышлять, чѣмъ обезпечить свое существованіе, и напалъ на счастливую мысль, которая доставила ему не только всеобщую извѣстность, но и вполнѣ обезпечила ему безбѣдное существованіе въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Вотъ что разсказываетъ по поводу этихъ работъ Петръ Александровичъ: «Однажды, Николай, навѣстивъ Петра, засталъ его лѣпящимъ бюстъ Глинки. Это породило въ немъ охоту также попробовать лѣпки. Первое, что онъ сдѣлалъ, была статуэтка въ карикатурѣ Яненки, нюхающаго табакъ; для большаго эффекта онъ ее раскрасилъ—вышло очень хорошо. Затѣмъ были вылѣплены Брюловъ, Глинка, Кукольникъ—обычные типы Николая, надъ которыми любилъ потѣшаться его юморъ. Въ этой новой работѣ многаго ему недоставало, все дѣлалось самоучкой; надо было позаняться отъ человѣка знающаго. Петръ свезъ Николая къ скульптору барону Клодту, который съ охотою

[1]) Такъ родители въ дѣтствѣ называли своего сына, Сергѣя Николаевича Степанова.

[2]) При этомъ въ рукописи нарисована рука, показывающая пальцами «на сколько».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

многое пояснилъ, многому научилъ Николая и далъ ему много нужныхъ инструментовъ. Съ этого времени Николай весь предался лѣпкѣ. Каждая новая статуэтка выдѣлывалась искуснѣе; о сходствѣ и говорить нечего. Полное не только физическое, но и душевное сходство съ оригиналомъ воспроизводилось поразительно.

— Наконецъ-то я въ Севастополѣ! (Штурмъ 6 іюня).

Всѣмъ хотѣлось имѣть такія статуэтки, и Николай рѣшился пускать ихъ въ продажу. Въ магазинѣ Беггрова появились въ первый разъ эти карикатуры. Раскупались онѣ на-расхватъ. Для удовлетворенія требованій Николай вынужденъ былъ нанять двухъ формовщиковъ и отвести имъ особую мастерскую. Одинъ за другимъ начали появляться: Каратыгинъ, князь Одоевскій, князь

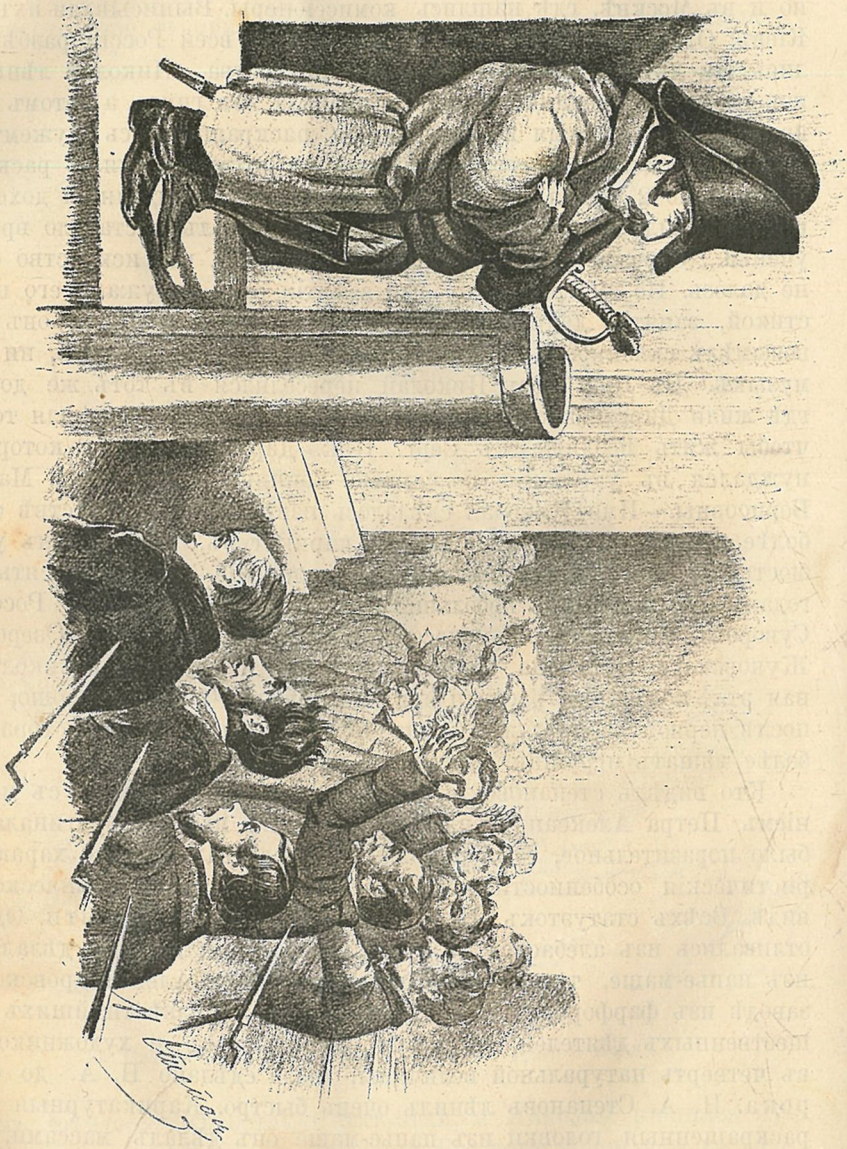
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вяземскій, графъ Сологубъ, Гречъ, Булгаринъ, Краевскій, Панаевъ, Щепкинъ, Айвазовскій, Бенедиктовъ, всѣ извѣстнѣйшіе артисты, актеры и литераторы. Во всѣхъ журналахъ заговорили объ этой новости. Стали уже покупать ихъ не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ нашлись комиссіонеры. Выписывали ихъ въ Кіевъ, Одессу и другіе города,—словомъ по всей Россіи разбѣжались эти дѣти насмѣшливаго духа искусства. Николай лѣпилъ изъ воска, формовщики отливали сначала изъ гипса, а потомъ изъ папье-маше. Отлитыя и отчищенныя раскрашивались мужемъ и женою. Продавали статуэтки—бѣлыя по полтора рубля, а раскрашенныя по 2 рубля, и это доставляло очень порядочный доходъ, который былъ весьма кстати: Сережа подросталъ, наставало время ученья... Сережа учился охотно... Но странно, что искусство ему не далось. Не смотря на то, что занятія отца окружали его пластикой, занятія дяди, А. С. Даргомыжскаго, звуками, онъ не возымѣлъ склонности ни къ живописи, ни къ скульптурѣ, ни къ музыкѣ. Въ 1852 году Николай переселился въ тотъ же домъ, гдѣ жили Даргомыжскіе. Переселеніе это сдѣлано было для того, чтобы жить поближе къ Серг. Ник. Даргомыжскому, который нуждался въ утѣшеніи по случаю кончины своей жены Маріи Борисовны.—Имя Николая сдѣлалось извѣстно. Въ искусствѣ онъ болѣе и болѣе крѣпнулъ. Кромѣ карикатуръ, онъ лѣпилъ уже бюсты въ натуральную величину и маленькіе. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ вылѣпилъ небольшіе бюсты великихъ людей Россіи: Суворова, Державина, Ломоносова, Карамзина, Крылова, Озерова, Жуковскаго, Пушкина, Брюлова, Глинки и другихъ. Великолѣпная эта коллекція расходилась на первыхъ порахъ хорошо, но послѣ первой распродажи пошла вяло. Значитъ, публику гораздо болѣе тѣшатъ игрушки, чѣмъ дѣло серьезное».

Кто видѣлъ степановскія статуэтки, тотъ согласится съ мнѣніемъ Петра Александровича, что сходство ихъ съ оригиналами было поразительное, хотя художникъ передавалъ только характеристическія особенности копируемаго имъ лица въ комическомъ видѣ. Всѣхъ статуэтокъ Н. А. сдѣлалъ до восьмидесяти. Одни отливались изъ алебастра съ примѣсью стеарина, другіе дѣлались изъ папье-маше, третьи — на императорскомъ Александровскомъ заводѣ изъ фарфоровой глины. Бюстиковъ же извѣстнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, артистовъ, литераторовъ и художниковъ, въ четверть натуральной величины, было сдѣлано Н. А. до сорока. Н. А. Степановъ лѣпилъ очень быстро. Карикатурныя же раскрашенныя головки изъ папье-маше онъ дѣлалъ массами, не имѣя недостатка въ заказахъ. Работалъ онъ по заказамъ и бюсты въ натуральную величину. Этими скульптурными работами Н. А. существовалъ безбѣдно, ни въ чемъ себѣ не отказывая, съ половины сороковыхъ годовъ до 1856 года. Конечно, и трудился онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ потѣ лица, что, не смотря на его выносливую натуру, успѣло нагнать на его голову порядочную просѣдь. Теперь, къ сожалѣнію, отъ замѣчательнаго предпріятія талантливаго карикатуриста-лѣпщика ничего не осталось для потомства. Статуэтки и бюстики

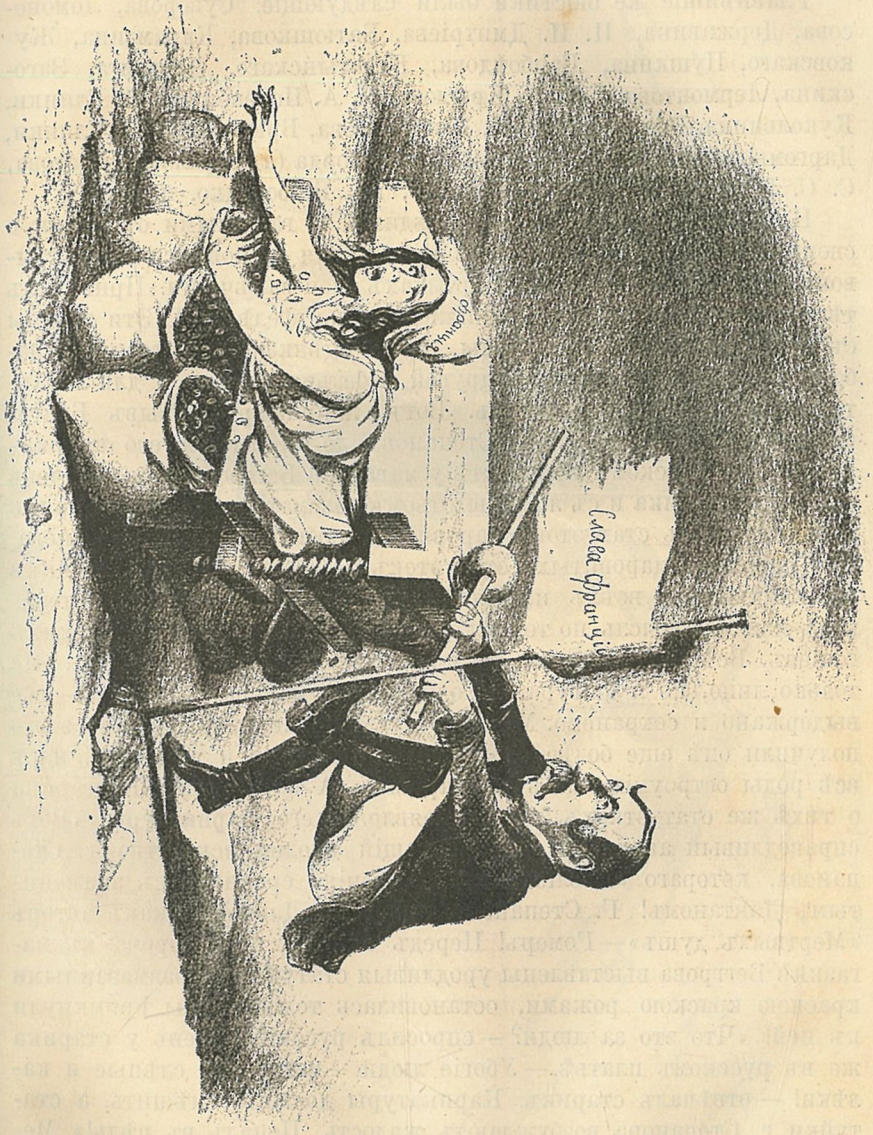


— Французы! Имперія есть миръ, а подтвержденіе этой истины — позади васъ.—До свиданья! (Да здравствуетъ Наполеонъ!).

его сдѣлались археологическою рѣдкостью, и, вѣроятно, лишь у немногихъ лицъ сохранились полныя ихъ коллекціи. Нынѣшняя же публика очевидно не имѣетъ о нихъ никакого понятія, и поэтому намъ, кажется, не лишнимъ перечислить болѣе полно, чѣмъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

выше перечислилъ Петръ Александровичъ, хотя бы главнѣйшія изъ нихъ. Н. А. были сдѣланы статуэтки: Булгарина, Греча, Брандта, Кукольника, Яненко, кн. Одоевскаго, актера Максимова, Айвазовскаго, Брюлова, Д. В. Григоровича, артистокъ Гусевой и Смир-



— Я рѣшаю для Франціи все, что умѣю и могу.

новой, Бѣлинскаго, В. Р. Зотова, Лазарева, извѣстнаго нѣмецкаго актера Мора, пѣвца Петрова, Ѳ. А. Кони, Артемовскаго, Бенедиктова, кн. Вяземскаго, Варламова, Владиславлева, французскихъ артистовъ Вэрнэ и Готье, М. И. Глинки, Губера, Гончарова, Дру-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

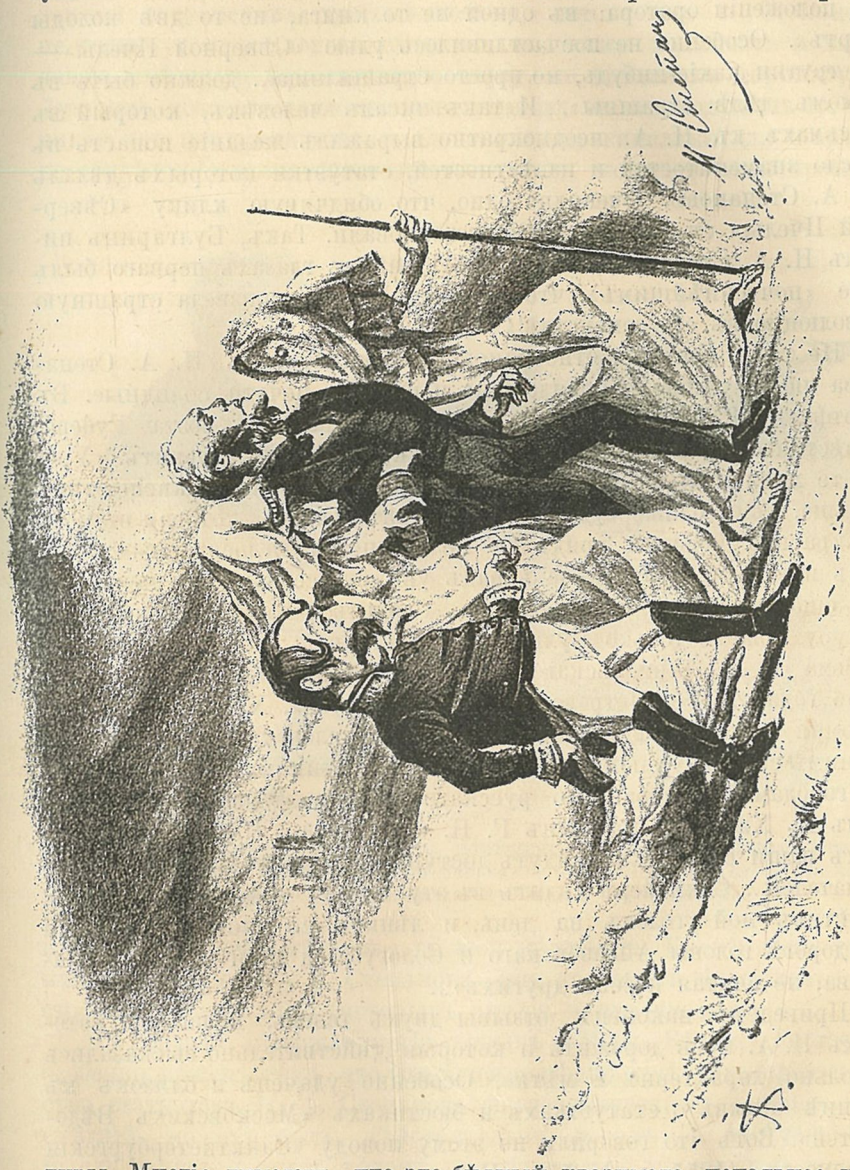
жинина, Даргомыжскаго, Г. П. Данилевскаго, П. А. Каратыгина, Краевскаго, Ан. Контскаго, Леонова, Лоди, Мартынова, Марковецкаго, Некрасова, Панаева, гр. Сологуба, Самойлова, Сосницкаго, И. С. Тургенева, Тимма, Щепкина, Щербины, и друг.

Главнѣйшіе же бюстики были слѣдующіе: Суворова, Ломоносова, Державина, И. И. Дмитріева, Батюшкова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, Баратынскаго, Дельвига, Загоскина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Н. А. Полевого, Ѳ. Н. Глинки, Кукольника, Вонлярлярскаго, Бенедиктова, Брюлова, М. И. Глинки, Даргомыжскаго, В. А. Каратыгина, Рикорда (адмирала), Пирогова, С. С. Куторги, Рашэли, Контскаго, кн. Безбородко, и друг.

Н. А. весьма внимательно слѣдилъ за газетными отзывами о своихъ статуэткахъ и собиралъ ихъ, дѣлая по поводу этихъ отзывовъ тутъ же на газетныхъ вырѣзкахъ свои замѣчанія. Приводимъ тѣ изъ нихъ, которые сохранились въ портфелѣ Н. А. Эти отзывы съ одной стороны характерны, какъ оцѣнка скульпторныхъ работъ Н. А. Степанова, а съ другой небезъинтересны и для характеристики самихъ писавшихъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Булгарина о статуэткахъ Н. А. Степанова до появленія его карикатуры: «На Невскомъ проспектѣ у магазина Беггрова, каждый день толпится публика и съ любопытствомъ разсматриваетъ цѣлый рядъ карикатурныхъ статуэтокъ даровитаго любителя Н. А. Степанова. Кто не знаетъ даровитыхъ статуэтокъ Дантана, представляющихъ въ карикатурѣ всѣхъ парижскихъ знаменитостей? У г. Степанова явилась мысль по тому же способу иллюстрировать русскихъ геніевъ. Всѣ статуэтки его отличаются рѣдкимъ сходствомъ... Не только лицо, но и фигура, походка, даже манера одѣваться — все выдержано и сохранено. Многія статуэтки раскрашены и отъ этого получили онѣ еще болѣе сходства.—Потѣха, да и только! У насъ всѣ роды остроумія, какъ въ Парижѣ». А вотъ отзывъ Булгарина о тѣхъ же статуэткахъ послѣ появленія его карикатуры: «Вотъ справедливый анекдотъ, опредѣляющій вполнѣ искусство г. Степанова, котораго «Библіотека для Чтенія» сравнила съ знаменитымъ Дантаномъ! Г. Степановъ такой же Дантанъ, какъ авторъ «Мертвыхъ душъ»—Гомеръ! Передъ окномъ, на которомъ въ магазинѣ Беггрова выставлены уродливыя статуйки съ размазанными красною краскою рожами, остановилась толпа, и мы примкнули къ ней! «Что это за люди? — спросилъ русскій парень у старика же въ русскомъ платьѣ.— Убогіе люди:— вишь всѣ слѣпые и калѣки! — отвѣчалъ старикъ. Карикатуры должны смѣшить, а статуйки г. Степанова возбуждаютъ жалость. Попалъ въ цѣль!» Между тѣмъ, нѣсколько раньше, Булгаринъ и въ частныхъ письмахъ къ Н. А. подписывался «преданнымъ, любящимъ и уважающимъ». Истинно фигляринская преданность, о которой распространяться нечего, ибо Ѳаддей Булгаринъ въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ въ русской литературѣ прочную извѣстность.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ стилѣ и духѣ Булгарина писалъ о статуэткахъ и Л. Брандтъ, фельетонистъ «Сѣверной Пчелы», тоже жестоко обидѣвшійся на свою карикатуру. Онъ говоритъ: «Городской Вѣстникъ не можетъ умолчать о появленіи на окнѣ магазина Беггрова новой карика-



Союзъ современныхъ бичей человѣчества: холеры, диссентеріи и к°.

туры. Многіе думаютъ, что это бѣдный квазимодо, печальное изображеніе фантазіи Виктора Гюго, невинное чудовище, которое умѣло любить и плакать; собравшіеся передъ окномъ спрашиваютъ другъ у друга: кто это? И получаютъ въ отвѣтъ... о, вы никогда

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не угадаете, кого изображаетъ или думаетъ изобразить новая статуэтка... Посмотрите, что за носъ—цѣлое плацпарадное мѣсто, на которомъ могутъ свободно маневрировать два комплектныхъ баталіона! А губы — флейты, да и только; а брюшко, а ножка! Руки въ положеніи оратора: въ одной не то книга, не то двѣ колоды картъ... Особенно не посчастливилось улью «Сѣверной Пчелы» — не трутни какіе-нибудь, но просто страшилища... должно быть въ самомъ дѣлѣ страшны». И такъ писалъ человѣкъ, который въ письмахъ къ Н. А. неоднократно выражалъ желаніе попасть въ число знаменитостей и извѣстностей, статуэтки которыхъ дѣлалъ Н. А. Степановъ. Очевидно одно, что обидчивую клику «Сѣверной Пчелы» статуэтки сильно взволновали. Такъ, Булгаринъ писалъ Н. А. Степанову, когда послѣдній въ глазахъ перваго былъ еще «почтеннѣйшимъ», что «голова Греча произвела страшную революцію въ его семействѣ!»

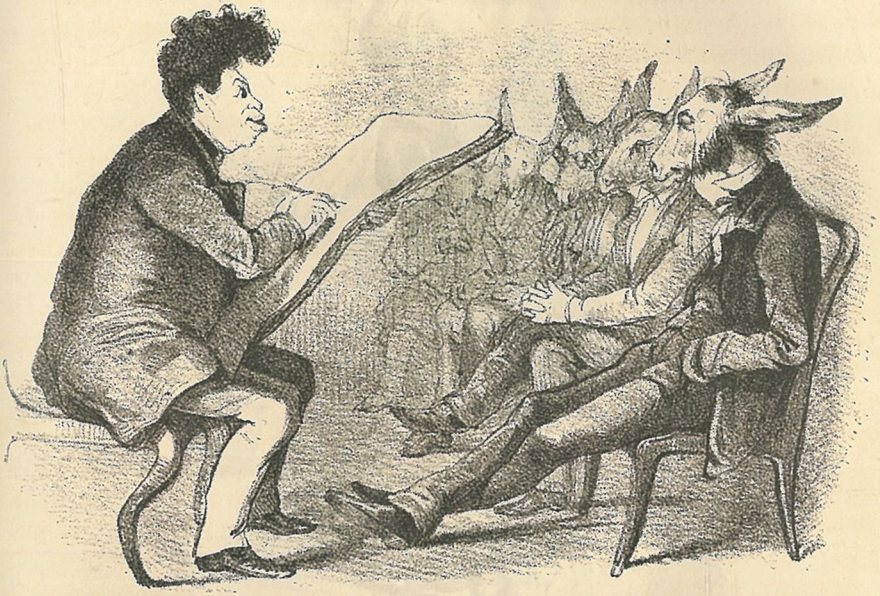
Не такъ, конечно, относились къ карикатурамъ Н. А. Степанова люди умные и порядочные и органы печати солидные. Въ портфелѣ Н. А. сохранилось, напримѣръ, письмо поэта Губера, извѣстнаго переводчика «Фауста», въ которомъ онъ говоритъ. «Уродуйте меня столько, сколько можете; даю вамъ carte-blanche; чѣмъ больше, тѣмъ ближе будетъ къ дѣйствительности, которая въ моей прекрасной персонѣ врядъ ли не останется недосягаемымъ для васъ идеаломъ; я буду очень радъ увидѣть себя раскрашеннымъ; это еще возвыситъ мои прелести... Сердиться же на свою карикатуру можетъ только Булгаринъ»... Или вотъ еще отрывокъ изъ письма Г. П. Данилевскаго къ Н. А. Степанову, отъ 10-го мая 1856 года, изъ с. Петровскаго, близь Чугуева, Харьковской губ.: «Помня наши условія, пишетъ Г. П. Данилевскій, о доставленіи вашимъ скульптурнымъ статуэткамъ и бюстикамъ комиссіонеровъ по городамъ пространнаго русскаго царства, теперь рекомендую вамъ въ Харьковѣ магазинъ Г. П. Сакмейера... Черезъ его магазинъ ваши статуэтки найдутъ доступъ къ значительной массѣ покупателей... Сакмейеръ сидитъ въ эту минуту у меня въ деревнѣ, посѣтивъ мой уголокъ на день, и лѣпитъ со мною поломанныя въ дорогѣ головы Айвазовскаго и Сологуба, и ноги и спину Панаева, не считая носовъ другихъ»...

Приведемъ, наконецъ, отзывы двухъ газетъ, мнѣніемъ которыхъ Н. А. могъ дорожить и которыя дѣйствительно высказались довольно характерно и мѣтко. Особенно удаченъ и близокъ къ истинѣ отзывъ о статуэткахъ и бюстикахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Вотъ что говорили по этому поводу «Санктпетербургскія Вѣдомости» (1855 г., № 57): «Нашъ даровитый художникъ-любитель Н. А. Степановъ, прославившійся своими шаржами (русскаго слова не знаемъ) на извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ, недавно пополнилъ свои коллекціи, въ которыхъ любители дѣлаютъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

частыя опустошенія; теперь желающіе могутъ пріобрѣсти не только отдѣльныя статуэтки, но и всю коллекцію вдругъ. Коллекція шаржей или статуэтокъ Н. А. Степанова состоитъ изъ слѣдующихъ 49 лицъ (тутъ всѣ онѣ перечисляются). Всѣ эти статуэтки сдѣлаются современемъ драгоцѣнностью, потому что г. Степановъ не только мастеръ ловить сходство, но также подмѣчать и передавать смѣшную или странную черту, не впадая въ карикатуру. Лучшимъ доказательствомъ словъ нашихъ можетъ служить то, что никто изъ послужившихъ г. Степанову оригиналами для шаржей не обидѣлся [1]) и мы даже знаемъ одного, который самъ просилъ

Ал. Дюма въ Россіи.



— Путевыя впечатлѣнія будутъ помѣщены въ журналѣ Монте-Кристо, вмѣстѣ съ другими замѣчательными очерками, написанными *со словъ* русскихъ, знающихъ очень хорошо Россію изъ иностранныхъ источниковъ.

и выпросилъ себѣ мѣстечко въ этой коллекціи. Кромѣ статуэтокъ или шаржей, есть у г. Степанова еще коллекція бюстиковъ, состоящая изъ 32 лицъ (которыхъ авторъ и перечисляетъ)».

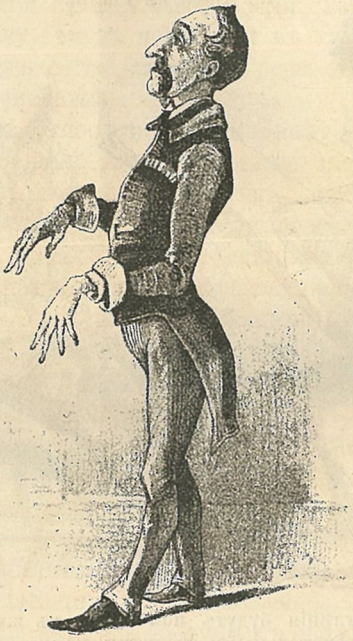
Но гораздо содержательнѣе отзывъ «Моск. Вѣдом.», который особенно важенъ тѣмъ, что совершенно вѣрно отмѣчаетъ превосходство статуэтокъ Н. А. Степанова надъ статуэтками Дантана. Послѣдній, можетъ быть, дѣйствительно, подалъ Н. А. Степанову мысль заняться этимъ дѣломъ примѣнительно къ русской жизни; но чтобы, какъ нѣкоторые утверждаютъ, произведенія Дантана въ художественномъ отношеніи стояли выше степановскихъ — это

[1]) За исключеніемъ, какъ мы видѣли, клики «Сѣверной Пчелы».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мнѣніе совершенно ложное и не основательное. Но предоставимъ слово критику «Моск. Вѣдом.» (1855 г., № 13): «Въ прошломъ году у насъ было однажды сказано о бюстикахъ г. Степанова какъ-то мимоходомъ и невѣрно. Не преминемъ теперь, при сообщеніи художественныхъ извѣстій, отдать полную справедливость художнику, который изъ любви къ искусству и къ литературѣ производитъ прекрасную коллекцію бюстовъ замѣчательныхъ русскихъ писателей; большая часть изъ вышедшихъ до сихъ поръ въ публику

(Ант. Контскій).



Членъ всѣхъ музыкальныхъ обществъ, придворный піанистъ императрицы Сандвичевыхъ острововъ и кавалеръ орденовъ: земель Каффровъ и Готтентотовъ, Сіамскаго короля, и проч.

отличается большимъ сходствомъ, и не слѣдуетъ принимать нѣсколько эскизную ихъ лѣпку за небрежную: между тою и другою большая разница. Что же касается до карикатуръ г. Степанова, то, по нашему мнѣнію, онѣ стоятъ выше карикатуръ Дантана, который, какъ французъ, по натурѣ своей, пересаливаетъ до того, что человѣческій образъ въ его шаржахъ совершенно теряется; а такія карикатуры хороши лишь въ рисункахъ. Взглянешь—и потомъ въ сторону; постоянно же имѣть ихъ передъ глазами непріятно, какъ всякую чудовищную уродливость. Но въ карикатурахъ г. Сте-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

панова личность изображаемаго лица не только не исчезаетъ, а, напротивъ, при шаржировкѣ, сдержанной въ границахъ вкуса и возможности, становится еще рельефнѣе. На этомъ-то основаніи каждая карикатура г. Степанова весела, забавна и всегда пріятна для глаза на столѣ, на этажеркѣ, на стѣнѣ; тогда какъ Лаблашъ, Листъ и другіе черезъ край карикатурныя произведенія Дантана очень скоро лишаются своихъ почетныхъ мѣстъ и пере-

(А. А. Фетъ).

Горацій. Cum interprete odarum mearum consuetudinem jungere jucundissime mihi est. (Мнѣ очень пріятно познакомиться съ переводчикомъ моихъ одъ).
— Извините, я не понимаю по-латыни.

ходятъ въ переднія и дальше. Мы сами были очевидцами такихъ переселеній, потому что и не очень развитый вкусъ не можетъ выносить безграничныхъ уродствъ, составляющихъ рѣзкую противоположность съ красотою».

IV.

До сихъ поръ мы знакомили читателя съ произведеніями талантливаго карикатуриста, посвященными почти исключительно представителямъ изъ области искусства и литературы. Въ этой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тѣсной сферѣ Н. А. долженъ былъ работать довольно долгое время главнымъ образомъ въ силу условій времени, — второй половины и конца Николаевскаго царствованія. Можно навѣрно сказать, что цензура этого времени не пропустила бы ни одной изъ тѣхъ карикатуръ Н. А. Степанова, что̀ появлялись нѣсколько лѣтъ спустя напр. въ «Искрѣ» или даже въ «Знакомыхъ». Но въ 1855 году времена измѣнились: вступилъ на престолъ Александръ II, окончилась тяжелая и безплодная Севастопольская война, повѣяло новымъ живительнымъ духомъ, пробудившимъ русскую общественную жизнь и мысль отъ долгаго прозябанія. Измѣнился и характеръ дѣятельности нашего карикатуриста: онъ выходитъ на широкую дорогу карикатуры общественной, бытовой и политической. Положимъ, что на этой широкой дорогѣ было понадѣлано не мало шлагбаумовъ съ надписью: «цензура», стояло не мало досмотрщиковъ, а иногда эта дорога волею судебъ превращалась снова въ глухой и трудно-проѣзжій проселокъ, однако кое-что удавалось сдѣлать и при такихъ условіяхъ. И Н. А. началъ работать съ удивительной бодростью и юношеской энергіей, не смотря на приближеніе старости (въ 1855 году ему было уже около пятидесяти лѣтъ) и трудился такимъ образомъ около пятнадцати лѣтъ—періода наиболѣе плодотворнаго и плодовитаго изъ всей своей дѣятельности. За это время имъ нарисована цѣлая масса карикатуръ — болѣе двухъ тысячъ группъ, среди которыхъ, разумѣется, много утратившихъ нынѣ интересъ, но не мало и сохранившихъ его, ибо Н. А. Степановъ по большей части умѣлъ выбирать сюжеты для своихъ карикатуръ, умѣлъ изображать типически-смѣшное, подмѣчать такія стороны русскаго характера, русской жизни, такія подчасъ общечеловѣческія слабости, которыя существуютъ доселѣ и долго еще будутъ существовать. Изъ этихъ карикатуръ мы выбрали для воспроизведенія двадцать (4 изъ альбомовъ политическихъ карикатуръ и 16 изъ альбомовъ «Знакомые»), среди которыхъ есть нѣсколько литературныхъ, но большая часть имѣетъ значеніе общественное. Карикатура только тогда хороша, когда она понятна безъ подписи, ибо подпись должна играть роль какъ бы аккомпанимента, причемъ рисунокъ—мелодія. Не всѣ, конечно, карикатуры Н. А. Степанова удовлетворяютъ этому условію: во многихъ вся соль заключается лишь въ подписяхъ, и не будь послѣднихъ—зритель бы недоумѣвалъ, что̀ хотѣлъ сказать карикатуристъ; въ иныхъ же и самый рисунокъ и подписи равно безцвѣтны и не остроумны. Но при оцѣнкѣ карикатурной дѣятельности Н. А. нужно принять во вниманіе, что онъ съ 1855 по 1864 г. работалъ, связанный извѣстными условіями—сначала съ г. Беггровымъ, издателемъ его политическихъ карикатуръ и «Знакомыхъ», затѣмъ съ г. Старчевскимъ, сотрудничая больше года въ его «Сынѣ Отечества», наконецъ, со вторымъ редакторомъ «Искры» В. С. Курочкинымъ. Н. А.,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ силу извѣстнаго уговора, долженъ былъ представлять къ такому-то сроку опредѣленное количество группъ. Такъ, напримѣръ, въ «Искрѣ» для каждаго нумера онъ долженъ былъ нарисовать или четыре большихъ группы, занимающихъ двѣ полстраницы, или двѣнадцать маленькихъ, помѣщая, кромѣ того, по временамъ, большой и сложный рисунокъ заглавный на первой страницѣ. И это въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, изъ недѣли въ недѣлю.

(М. П. Погодинъ).

— Куплю-ка я эти старыя голенищи за нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ, а потомъ выдамъ ихъ за голенищи Святополка Окаяннаго.

При такой работѣ едва ли можно требовать постоянной свѣжести вдохновенія, новизны и остроумія темъ, тщательной отдѣлки въ рисункѣ: для всего этого просто не хватитъ времени, ибо творческое вдохновеніе вещь очень капризная.

Сравнивая карикатуры Н. А. съ нынѣшними, приходится сказать, что степановскимъ нужно отдать преимущество: если нынѣшнія превосходятъ, пожалуй, въ нѣкоторыхъ случаяхъ степановскія въ отношеніи техники, то послѣднія стоятъ безусловно выше

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первыхъ по содержанію. Карикатуры Н. А. всегда приличны и цѣломудренны; онѣ не потакаютъ дурнымъ вкусамъ толпы, не разжигаютъ чувственности, не трактуютъ скоромныхъ сюжетовъ. Онѣ зачастую заставляютъ серьезно задуматься, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣхъ, но смѣхъ сквозь слезы. Карикатуры Н. А. Степанова принадлежатъ въ лучшей своей части къ разряду серьезной сатиры на общественные нравы, на сколько эта сатира была возможна при современныхъ карикатуристу условіяхъ. Излюбленными же темами нынѣшнихъ юмористическихъ журналовъ являются, во-первыхъ, порнографія въ разнообразнѣйшихъ видахъ и варьяціяхъ, во-вторыхъ, семейныя измѣны и супружеская невѣрность, въ-третьихъ, тещи и, въ-четвертыхъ, позаимствованное у Островскаго «темное царство». Вотъ коньки, на которыхъ ѣздятъ нынѣшніе «Стрекозы», «Будильники», и др. Разница, такимъ образомъ, между прежнимъ и теперешнимъ довольно большая: прежде думали, что карикатура, будучи юмористическимъ произведеніемъ, должна преслѣдовать и цѣли серьезныя, сатирическія; нынѣ же думаютъ, что юмористика и порнографія—одно и то же.

Нынѣ, напримѣръ, не появляется ничего подобнаго политическимъ карикатурамъ Н. А. по поводу Крымской войны. Эти карикатуры, появившіяся въ свѣтъ по мысли Н. А. Степанова, издавалъ А. И. Беггровъ, который, зная талантъ Н. А., охотно пошелъ на это предпріятіе. При большихъ связяхъ Н. А. не трудно было исходатайствовать разрѣшеніе на подобное патріотическое предпріятіе, которое въ то время было весьма не лишнимъ и могло хоть сколько-нибудь развлечь публику, изнывавшую и горевавшую отъ разныхъ нашихъ неудачъ въ эту войну. Н. А. своими политическими карикатурами попалъ, такъ сказать, въ нервъ времени и имѣлъ большой успѣхъ. Никакихъ письменныхъ условій у Н. А. Степанова съ г. Беггровымъ не было: послѣдній несъ всѣ издержки по изданію, а первый долженъ былъ поставлять извѣстное число карикатуръ, при составленіи которыхъ, для вѣрности портретовъ и сходства съ оригиналами, Н. А. пользовался разными иностранными иллюстрированными изданіями, выходившими въ то время въ Германіи, Франціи и Англіи. Въ теченіе 1855 года въ свѣтъ вышло всего лишь три выпуска большого формата въ десять листовъ каждый. Какъ дополненіе къ нимъ въ началѣ 1856 года успѣлъ еще появиться альбомъ, тоже политическихъ карикатуръ, въ большую четверку подъ заглавіемъ «Современныя шутки», заключающій десять рисунковъ. Четвертый же выпускъ изъ первой серіи былъ въ 1856 году совсѣмъ готовъ, и въ то время, когда оставалось только выпустить его въ свѣтъ, онъ былъ остановленъ цензурой, по случаю заключенія Парижскаго мира. Издатель, г. Беггровъ, получилъ удовлетвореніе отъ правительства за издержки, понесенныя имъ на четвертый выпускъ, заключавшій въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

себѣ карикатуры главнымъ образомъ на Наполеона III и его достойныхъ сподвижниковъ. У г. Беггрова хранится единственный экземпляръ этого выпуска, который онъ любезно предоставилъ въ наше распоряженіе и изъ котораго мы заимствовали для воспроизведенія три группы. Оригиналы всѣхъ политическихъ карикатуръ были куплены у Н. А. однимъ англичаниномъ за большія деньги.

(И. А. Гончаровъ). (Н. А. Степановъ).

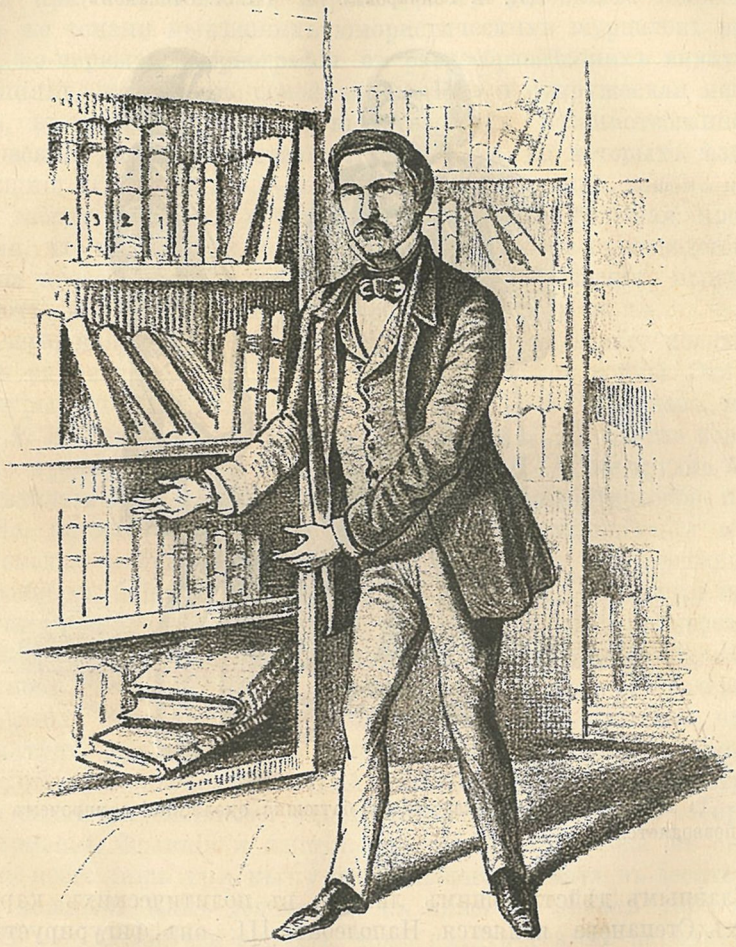
— Да вѣдь это моя карикатура! ну, батюшка, одолжили! а впрочемъ печатать позволяется...

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ политическихъ карикатурахъ Степанова является Наполеонъ III: онъ фигурируетъ на семнадцати листахъ, т. е. занимаетъ почти половину всѣхъ четырехъ выпусковъ или тридцати девяти листовъ. Болѣе всего ему отведено мѣста въ четвертомъ и въ первомъ выпускахъ. Карикатуры на Наполенона III вообще наиболѣе удались Н. А. изъ всѣхъ остальныхъ: онѣ и ѣдки, и мѣтки. Хвастовство Наполеона, его самомнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысліе, деспотизмъ и крайнее самообожаніе — все это нашло въ карикатурахъ Степанова

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

яркое выраженіе. Вмѣстѣ съ Наполеономъ очень часто изображается и лордъ Пальмерстонъ. Кромѣ тѣхъ трехъ, что воспроизведены у насъ, есть еще нѣсколько весьма характерныхъ, съ которыми считаемъ нелишнимъ познакомить читателя. Начнемъ съ карикатуры подъ заглавіемъ: «Какъ изобрѣли Наполеона III». На ней изобра-

(А. В. Дружининъ).



— Рекомендуется вновь открытая библіотека для чтенія.

женъ Наполеонъ въ видѣ ребенка, стоящій на табуреткѣ. Вдали красуется памятникъ Наполеону I, нарисованному въ его любимой позѣ, со скрещенными на груди руками, въ треуголкѣ, въ сѣромъ военномъ пальто. Пальмерстонъ старается сдѣлать точную копію съ великаго полководца: одной рукою онъ надѣваетъ на Напо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

леона III треуголку, другой скрещиваетъ ему руки на груди. Сзади двое, повидимому джонъ-булей, сыплютъ въ карманы своей креатуры изъ объемистаго мѣшка стерлинги. Подпись: «Полагаю, что въ этомъ видѣ и онъ будетъ страшенъ». Далѣе, заслуживаетъ вниманія карикатура, на которой съ лѣвой стороны изображена конная статуя—памятникъ съ надписью на постаментѣ: «Наполеонъ III

(Н. Ѳ. Щербина).

— День—деньской я на солнцѣ лежу, трусь елеемъ вокругъ поясницы; на воронъ и на будку гляжу, да на чухонъ античныя лица—и твердятъ на морозѣ уста: красота! красота! красота!

самому себѣ», а съ правой—онъ же самый въ почтительной бесѣдѣ съ тѣнью Наполеона I, явившагося, какъ обыкновенно это рисуютъ, въ деревѣ. Подпись представляетъ разговоръ славнаго предка съ хвастливымъ потомкомъ: «Вѣроятно, ты воздвигъ себѣ этотъ памятникъ за какія-нибудь великія заслуги?—Напротивъ, я поставилъ его именно для того, чтобы безъ заслугъ показаться

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

выше въ глазахъ націи. Вы этого не поймете, любезный дядюшка, потому что отстали отъ вѣка, а нынѣшнимъ французамъ и понимать не нужно: я пріучилъ ихъ не разсуждать, но исполнять мои желанія».—Отмѣтимъ еще карикатуру, изображающую сцену, на которой выстроена съ лѣвой стороны длинная шеренга казаковъ на-вытяжкѣ съ пиками на плечо, а съ правой такая же шеренга

(В. А. Кокоревъ).

Удочка, на которую ловится русскій человѣкъ.

стрѣляющихъ въ нихъ французскихъ солдатъ; выше надъ ними изъ ложи высунулся апплодирующій Наполеонъ III. Подпись гласитъ: «Наполеонъ III, за неимѣніемъ II-го, невидавшій другого непріятеля, кромѣ своихъ заимодавцевъ, одерживаетъ въ театрѣ блистательныя побѣды надъ казаками».—Наконецъ, назовемъ еще карикатуру, на которой Наполеонъ фигурируетъ бесѣдующимъ съ двадцатью

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какими-то дѣвицами, стоящими на правой сторонѣ, бокомъ къ зрителю, въ два ряда,—о слѣдующемъ: «Плонъ-Плону дано порученіе привезти извѣстіе о взятіи Севастополя. Какъ только онъ появится съ непріятельскими знаменами и флагами, вы 20 дѣвицъ приложите руку къ сердцу, что будетъ означать 20 сердецъ (vingt coeurs) или побѣдитель (vainqueur).—А если извѣстіе будетъ неблагопріятное?—Тогда вы удалитесь.—Нѣтъ, мы повернемся и прижимъ руку къ другому мѣсту, а что̀ это значитъ—онъ догадается».

Русскій человѣкъ.

— Вотъ твои деньги. Я съ тобою больше не поѣду—убирайся!
— Надо бы на чаекъ прибавить.

Слѣдующее мѣсто за Наполеономъ и Пальмерстономъ въ политическихъ карикатурахъ Степанова отведено адмиралу Нэпиру. Онъ занимаетъ половину перваго выпуска и изображается въ разныхъ видахъ. На одной, напримѣръ, карикатурѣ онъ изображенъ сидящимъ съ стаканомъ въ одной рукѣ и бутылкой портера въ другой и выслушивающимъ отъ офицера рапортъ адмирала Плум-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

риджа слѣдующаго содержанія: «Адмиралъ! имѣю честь донести, что флотъ нашъ, не найдя въ Улеаборгѣ и Брагештадтѣ ни одного русскаго солдата, увѣнчался новыми подвигами храбрости и великодушія. При семъ препровождаются побѣдные трофеи: барка съ саломъ и солью. Истребляя и защищая собственность частныхъ лицъ, мы щадили жизнь ихъ... Русскіе же, напротивъ того, выказали при Гамле-Карлебю все свое варварство. Они выставили противъ нашихъ 9 вооруженныхъ баркасовъ, двѣ пушки, одного офицера и безпощадно поразили въ рядахъ нашихъ до 100 несчастныхъ жертвъ». Нэпиръ на это воскликнулъ: «Годдамъ! жизнь храбрыхъ моряковъ нашихъ дорога. Для подобныхъ случаевъ надо вытребовать французскій дессантъ—да позначительнѣе. Подставлять подъ пули и проливать кровь—дѣло французовъ, а мы, какъ видите, и вина даромъ не проливаемъ?»—Кромѣ этой, весьма недурны еще и по замыслу, и по выполненію, слѣдующія двѣ карикатуры, представляющія какъ бы двѣ послѣдовательныя сцены изъ одного и того же водевиля. На одной изъ нихъ Нэпиръ изображенъ въ костюмѣ паяца, въ курткѣ съ буфами, въ короткихъ буфчатыхъ же штанишкахъ, въ кругленькой шапочкѣ съ перьями. Онъ стоитъ на берегу Финскаго залива, въ дали котораго виднѣются кронштадтскія укрѣпленія; рядомъ съ нимъ столъ съ пирамидой бутылокъ и съ двумя канделябрами, въ рукахъ же Нэпира свитокъ, на которомъ написано: «Программа спектакля. 1) однимъ ударомъ кулака сокрушить Кронштадтъ, 2) другимъ Свеаборгъ, 3) вступить побѣдителемъ зим...» (далѣе прочитать нельзя, ибо свитокъ въ этомъ мѣстѣ свертывается). На другой же карикатурѣ Нэпиръ, взобравшись на мачту, смотритъ на кронштадтскія же укрѣпленія; кругомъ разстилается море, сливаясь съ горизонтомъ, и среди такой обстановки толстая маленькая фигурка адмирала, уцѣпившагося кое-какъ за мачту, производитъ весьма комическое впечатлѣніе. Подпись: «Ге!.. ге!.. ге!.. Какъ тутъ крѣпко—пожива плохая!—Видно завтракъ въ этихъ портахъ придется уступить французамъ».

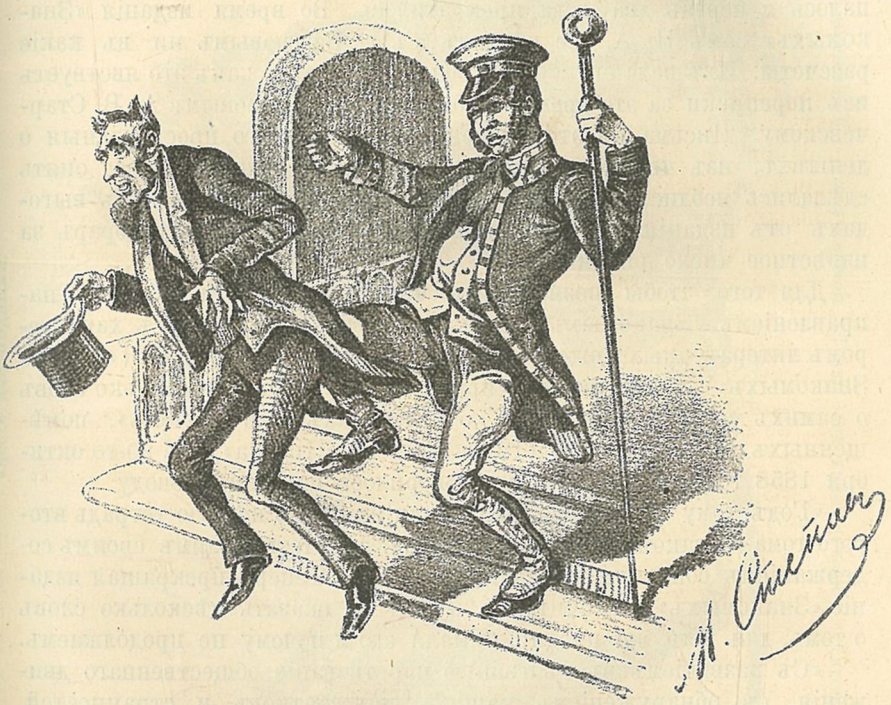
Второй и третій выпуски по содержанію представляются смѣшанными: въ нихъ изрѣдка встрѣчаются и карикатуры на Наполеона и Пальмерстона, но на ряду съ ними—и на нѣкоторыхъ французскихъ генераловъ (Сенъ-Арно, Раглана), на французовъ вообще, на многихъ карикатурахъ бесѣдующихъ о взятіи Севастополя, изображаемаго въ видѣ бульдога, на англійскую артилерію, ѣздящую въ Крыму вмѣсто лошадей—на турецкихъ солдатахъ, на англійскихъ и турецкихъ генераловъ, на англичанъ вообще, которые откровенно объявляютъ, что имъ комфортъ дороже военной славы, и проч. Эти карикатуры, нужно сознаться, менѣе удались Степанову, чѣмъ карикатуры на Наполеона III, Пальмерстона и Нэпира, хотя безотносительно многія и изъ нихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

удачны—остроумны и характерны, какъ, напримѣръ, «Герои Инкермана до и послѣ сраженія» или «Франція, недовольная своими генералами».

Въ то же время, когда выходили политическія карикатуры по поводу Крымской войны, Степанову пришла мысль издавать нѣчто въ родѣ «Ералаша» Неваховича. Н. А. предложилъ А. И. Беггрову издавать вмѣстѣ карикатурный альбомъ: «Наши знакомые»; но тогдашняя цензура почему-то не нашла возможнымъ пропустить слово «наши», а пропустила только «знакомые», которые издава-

Мечты и дѣйствительность.



— Слишкомъ 40 лѣтъ не видался я съ своимъ школьнымъ товарищемъ. Воображаю, какъ голубчикъ мнѣ обрадуется.

лись въ теченіе двухъ лѣтъ: въ 1856—1857 году вышелъ одинъ томъ и въ 1857—1858 году—другой. Оба тома въ большой листъ заключаютъ въ себѣ по 36 листовъ съ 195-ю литографированными рисунками. Всѣ рисунки перваго тома-выпуска принадлежатъ одному Степанову, во второмъ же томѣ 20 листовъ, а остальные 12 рисованы художниками: Р. К. Жуковскимъ, М. Зичи, Г. Дестунисомъ, А. Волковымъ, П. И. Анненскимъ и другими. Кромѣ того, ко второму тому сталъ прилагаться и текстъ, составлявшійся

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

В. Р. Зотовымъ, Курочкинымъ и Щербиной, подъ заглавіемъ: «Листокъ Знакомыхъ». Текстъ во второмъ томѣ занимаетъ всего 12 листовъ [1]). Не смотря на то, что цензорами были Бекетовъ и И. А. Гончаровъ, Степановъ жаловался, что они перечеркивали красными чернилами лица на тѣхъ карикатурныхъ листахъ, которые не дозволялись къ напечатанію.

Будучи продолженіемъ «Ералаша», «Знакомые» были вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо лучше его: въ нихъ карикатуры были удачнѣе и по техникѣ и по содержанію, въ нихъ участвовали люди истинно-талантливые, извѣстные художники. Не смотря на все это, особеннаго успѣха «Знакомые», однако, не имѣли, изданіе плохо окупалось и черезъ два года прекратилось. Во время изданія «Знакомыхъ» самъ Н. А. не входилъ съ г. Беггровымъ ни въ какіе разсчеты. Ихъ вела его жена, Софья Сергѣевна, какъ это явствуетъ изъ переписки за это время, сообщенной г. Беггровымъ А. В. Старчевскому. Письма въ этой перепискѣ чаще всего просительныя о деньгахъ, изъ чего можно заключить, что средства Н. А. опять сдѣлались неблистательными и что онъ не участвовалъ въ выгодахъ отъ изданія, получая лишь выговоренный имъ гонораръ за извѣстное число рисунковъ.

Для того, чтобы познакомить читателя какъ съ общимъ направленіемъ «Знакомыхъ» въ карикатурахъ, такъ и съ характеромъ литературныхъ ежемѣсячныхъ къ нимъ прибавленій («Листка Знакомыхъ»), мы позволимъ привести изъ нихъ «Нѣсколько словъ о самихъ себѣ, о знакомыхъ, о читателяхъ и о прочемъ», помѣщенныхъ въ послѣднемъ (12-мъ) нумерѣ «Листка», отъ 20-го октября 1858 года. Вотъ что тамъ говорилось по этому поводу:

«Годъ тому назадъ мы выпустили въ свѣтъ первую тетрадь второго тома «Знакомыхъ», съ текстомъ, соотвѣтствующимъ своимъ содержаніемъ общему направленію изданія... Теперь, прекращая изданіе «Знакомыхъ», мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, для чего мы предпринимали его и почему не продолжаемъ.

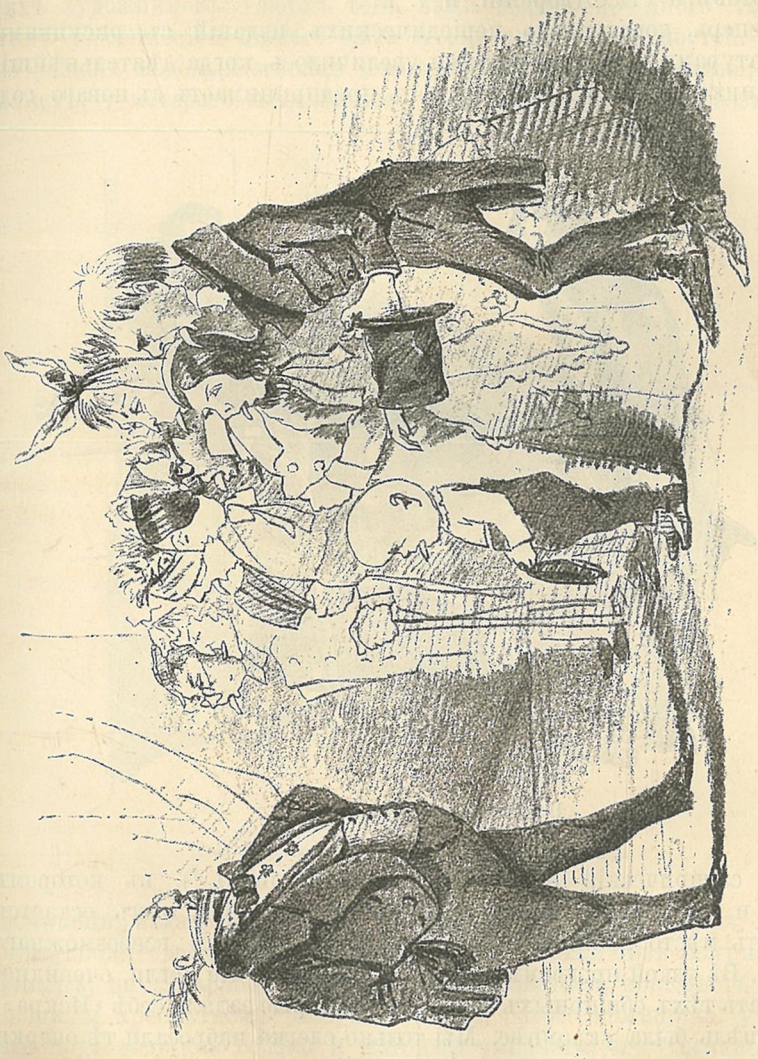
«Съ развитіемъ въ нынѣшнее царствованіе общественнаго движенія, съ обнаруженіемъ нашихъ недостатковъ и странностей, литература обратилась къ ихъ обличенію и осмѣянію. Въ этомъ дѣлѣ, полезномъ и необходимомъ для улучшенія общества, самымъ лучшимъ помощникомъ слова могло быть наглядное изображеніе; карандашъ долженъ былъ объяснить и дополнить перо. Карикатура приносила такую же пользу, какъ насмѣшка, иронія, рисунокъ дѣйствовалъ такъ же, какъ сатира.

---

[1]) Карикатуры Н. А. изъ альбомовъ «Знакомые» были изданы еще въ другомъ видѣ, въ 20 тетрадяхъ, съ слѣдующими подраздѣленіями: «Съ натуры»—4 тетради, «Петербургскіе типы»—2, «Промышленники»—3, «Литераторы»—2, «Дачи»—2, «Дѣти»—1, «Моды»—2, «Чиновники»—3, «Художники и артисты»—1 тетрадь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Начавъ изданіе «Знакомыхъ» въ ноябрѣ 1856 года, мы дали до ноября 1857 года около двухсотъ рисунковъ, возбудившихъ вниманіе публики. Въ этомъ первомъ томѣ карандашъ остроумнаго карикатуриста Н. А. Степанова коснулся всего, что̀ занимало русское общество. Здѣсь были изображены и продѣлки чиновниковъ,



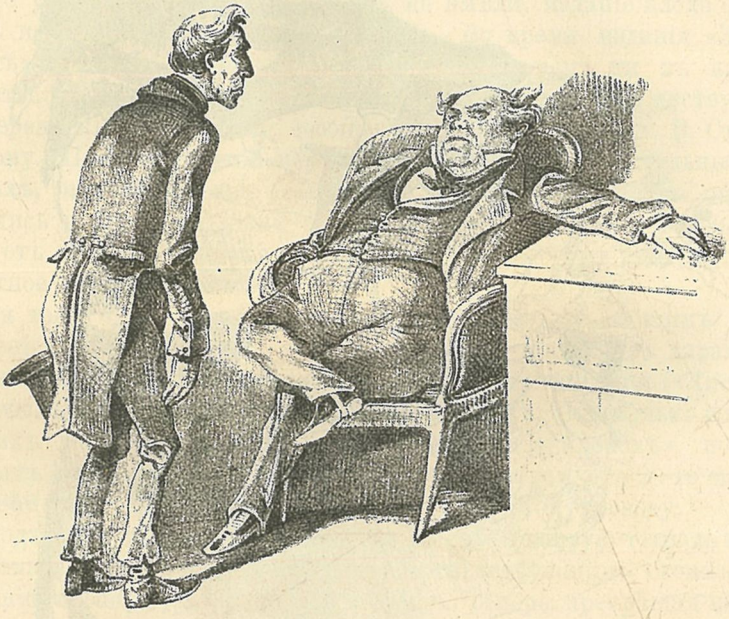
Врачъ для бѣдныхъ. — Покажите языкъ!.. Хорошо!—приходите завтра, можетъ быть, я и пропишу вамъ что-нибудь.

на которыя общественное мнѣніе обратило свое вниманіе, и откупщики, противъ которыхъ въ настоящее время вооружаются уже не насмѣшкою, а негодованіемъ, и отъѣзжающіе за границу журналисты и филантропы, концертный сезонъ и художественная выставка, переѣздъ на дачи, коломенскіе моншеры, и проч., и проч.,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

даже цѣлая драма въ пяти картинахъ. Благосклонный пріемъ публикою этого тома «Знакомыхъ» побудилъ насъ дать на слѣдующій годъ еще болѣе развитія этому изданію, присоединивъ къ рисункамъ и текстъ, который состоялъ бы изъ легкихъ очерковъ петербургскихъ странностей столичной жизни, юмористическихъ анекдотовъ и стихотвореній, и т. п...

«Теперь, когда число періодическихъ изданій съ рисунками, карикатурами и иллюстраціями увеличилось, когда дѣятельнѣйшій сотрудникъ нашъ Н. А. Степановъ предпринимаетъ съ новаго года



Подчиненнаго гни въ дугу,

новый сатирическій и карикатурный журналъ [1]), въ которомъ тексту и рисункамъ назначены обширныя рамы, намъ остается уступить мѣсто нашимъ собратамъ, пожелавъ имъ всевозможнаго успѣха. Въ узкой программѣ своей «Знакомые» не могли, очевидно, развивать тѣхъ обширныхъ вопросовъ, которые задала себѣ «Искра». Наша цѣль была скромнѣе. Мы только слегка набросали тѣ очерки петербургскихъ нравовъ и особенностей, о которыхъ можно написать цѣлые томы. Если мы успѣли обратить вниманіе читателей на нѣкоторые изъ современныхъ типовъ и вопросовъ, то довольны и этимъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, объ «Искрѣ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Для приданія бо́льшаго разнообразія рисункамъ [1]), мы пригласили въ нынѣшнемъ году и другихъ художниковъ участвовать въ нашемъ изданіи... Можемъ смѣло сказать, что ни одно событіе въ Петербургѣ, случившееся въ этомъ году и имѣвшее свою странную или смѣшную сторону, не ускользнуло отъ мѣткаго карандаша нашихъ художниковъ. Сверхъ того, нами подмѣчено много типическихъ особенностей нашего быта и отдѣльныхъ личностей. Такъ изображенъ медовый мѣсяцъ нововыпущеннаго прапорщика; журналистъ, у котораго недвижимаго всего одинъ журналъ безъ под-

а начальству кланяйся ниже кармановъ.

писчиковъ; издатель, взявшій въ сотрудники парикмахера; дама, совѣтующая своему мужу учиться брать взятки изъ журналовъ; офицеръ, на котораго надо поскорѣе любоваться, покамѣстъ не заговорилъ; крестьянинъ, несущій черезъ болото помѣщика, у котораго подъ мышкой собака и который увѣряетъ, что у всякаго есть свое бремя; нѣмецъ-педагогъ, который даже свою Фидельку сѣчетъ «для зистемъ»; его превосходительство, который спрашиваетъ у гуляющихъ въ Павловскѣ, не видали ли они ея превосходительство,

[1]) Вѣрнѣе же, какъ намъ кажется, потому, что Н. А. Степановъ въ 1858 г. отрудничалъ еще и въ «Сынѣ Отечества».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

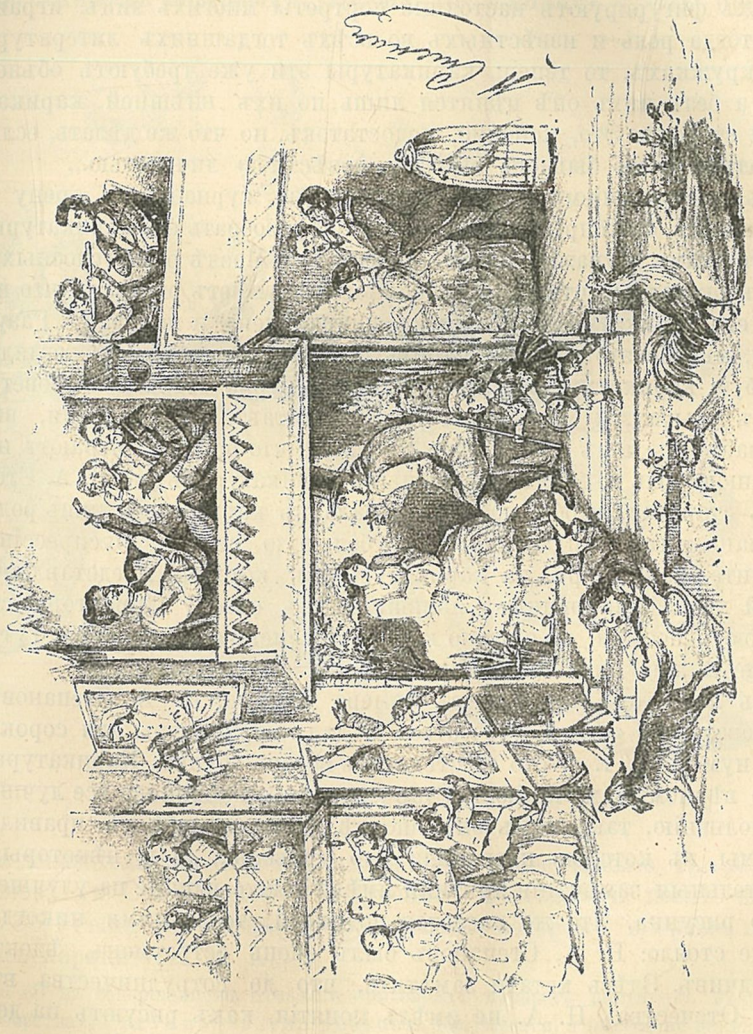
его жену; камелія, недовольная шалью, подаркомъ ея обожателя, и замѣчающая, что такую гадость онъ могъ бы подарить своей женѣ. Здѣсь выставлены и чиновники, и дачники, добродушные мужья и эманципированныя жены, фокусники Кастонъ и Александръ Дюма, мѣткіе отвѣты русскаго человѣка, цѣлая драма изъ жизни художниковъ, однимъ словомъ все, что̀ занимаетъ Петербургъ и о чемъ онъ говоритъ. Собранные по серіямъ и категоріямъ эти рисунки представляютъ вѣрную и полную картину особенностей и быта цѣлыхъ сословій... Прощаясь съ читателями, мы можемъ сказать, что сдѣлали все, что̀ могли, если не все, что̀ слѣдовало и что̀ было необходимо. Faciunt meliora potentes».

Мы, конечно, не могли заимствовать изъ альбомовъ «Знакомые» для воспроизведенія всѣхъ удачныхъ карикатуръ и сохранившихъ доселѣ въ томъ или другомъ отношеніи интересъ. Взятые нами образчики характерны на столько, что могутъ дать хотя бы нѣкоторое понятіе о наблюдательности Н. А. Степанова съ сферѣ общественной жизни, о его умѣніи подмѣчать человѣческія слабости и способности находить для воплощенія ихъ яркіе карикатурные образы. Добрая половина карикатуръ изъ «Знакомыхъ», конечно, для насъ имѣетъ весьма слабый интересъ, затрогивая и иллюстрируя такія злобы дня, которыя волновали людей пятидесятыхъ годовъ. Есть кромѣ того, карикатуры шуточныя, а не сатирическія, не преслѣдующія особенно серьезныхъ цѣлей, являющіяся такъ сказать, «цвѣтами невиннаго юмора». Такимъ образомъ остается, пожалуй, всего лишь четверть, имѣющихъ значеніе и донынѣ; изъ этой четверти мы и заимствовали шестнадцать карикатуръ для воспроизведенія. Среди нихъ есть нѣсколько литературныхъ, но большая часть общественныхъ. Въ «Знакомыхъ» Н. А. Степанову больше всего удались карикатуры на «акробатовъ благотворительности», на чиновничество, серія карикатуръ подъ заглавіемъ: «Русскій человѣкъ», въ которыхъ подмѣчено много классическихъ чертъ русскаго характера, и другая, наконецъ, серія, иллюстрирующая наши «Взгляды на воспитаніе». Вообще же, хотя «Знакомые» и были, какъ мы уже говорили, какъ бы продолженіемъ «Ералаша», но по содержанію своему они гораздо разнообразнѣе послѣдняго, превосходя его вмѣстѣ съ тѣмъ и качествомъ рисунка, большею типичностью и мѣткостью. Просматривая пятьдесятъ шесть листовъ, заключающихъ больше двухъ сотъ принадлежащихъ карандашу Н. А. рисунковъ, мы убѣждаемся, что талантъ его достигъ къ этому времени уже полной своей зрѣлости, что для него настала пора широкой общественной дѣятельности съ сферѣ карикатуры, что творческая фантазія его работала неутомимо, ибо онъ, одновременно съ дѣятельнымъ участіемъ въ «Знакомыхъ», болѣе года сотрудничаетъ еще въ «Сынѣ Отечества», привлекая къ нему массы подписчиковъ и подготовляя себя для пятилѣтнихъ трудовъ въ «Искрѣ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Слабый успѣхъ карикатурныхъ альбомовъ «Знакомые», обнаруживавшійся уже въ первый годъ ихъ изданія, вѣроятно и заставилъ Н. А. искать сотрудничества въ «Сынѣ Отечества» г. Старчевскаго. Начавъ работать въ этой газетѣ съ конца 1857 года, Н. А.



Петербургскія дачи.

— То ли дѣло на дачѣ:—просторно, тихо, передъ глазами зелень, ну объ воздухѣ и говорить нечего.

посвятилъ ей весь слѣдующій годъ. О выступленіи талантливаго карикатуриста на журнально-публицистическое поприще г. Старчевскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ такимъ образомъ: «Первыя его карикатуры не могли идти въ сравненіе съ рисун-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ками Емельянова и Маркова, заботившихся болѣе о рисункѣ, чѣмъ о содержаніи карикатуры. У Н. А. Степанова карикатура является карикатурой какъ по своей внѣшности, такъ и по внутреннему содержанію. И хотя онъ не придавалъ своимъ карикатурамъ особеннаго значенія, и не предполагалъ, что онѣ долго будутъ занимать общество, но многія изъ нихъ и теперь еще не лишены интереса и свѣжести... Одно только можно замѣтить, что такъ какъ въ карикатурахъ фигурируютъ настоящіе портреты многихъ лицъ, игравшихъ тогда роль и извѣстныхъ во всѣхъ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ, то теперь карикатуры эти уже требуютъ объясненій, а безъ нихъ онѣ цѣнятся лишь по ихъ внѣшней карикатурной сторонѣ. Это, конечно, недостатокъ, но что же дѣлать, если карикатура часто бываетъ вызвана извѣстною личностью...

«Съ выступленіемъ Н. А. Степанова на журнальную арену у него явились благопріятели, старавшіеся разобрать его карикатуры по косточкамъ и указать на ихъ недостатки. Послѣ разноголосныхъ толковъ оказалось, что Н. А. Степановъ не умѣетъ рисовать, что во всѣхъ его карикатурахъ рисунокъ неправиленъ и невѣренъ. Разумѣется, мнѣніе это ложно... Стоитъ бросить хоть бѣглый взглядъ на любую карикатуру Н. А. Степанова—и она тотчасъ вызоветъ въ васъ улыбку, и очень часто, не прочитавъ еще подписи, вы уже знаете въ чемъ дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что подписи играютъ не послѣднюю роль во многихъ сложныхъ карикатурахъ, но Н. А. Степановъ старался, чтобы подпись играла въ карикатурѣ лишь роль аккомпанимента, придавала бы ей большую силу и экспрессію. Взгляните, напримѣръ, на карикатуру, въ которой представленъ бѣдный мелкій чиновникъ, явившійся къ своему директору съ просьбою о пособіи, по случаю какого-то семейнаго несчастія. Тутъ вамъ не нужна никакая подпись»...

Весь 1858 годъ, начиная съ нумера второго, Н. А. Степановъ участвовалъ въ «Сынѣ Отечества» и далъ карикатуры для сорока двухъ нумеровъ, т. е. сто шестьдесятъ восемь группъ. Карикатуры его, по вѣрному замѣчанію г. Старчевскаго, становились все лучше по исполненію, такъ какъ онъ вполнѣ усвоилъ себѣ тѣ правила и пріемы, въ которые посвятили его граверы, да и нѣкоторыя основательныя замѣчанія критики имѣли также вліяніе на улучшеніе его рисунка. Что же касается подписей, то за ними никогда дѣло не стояло: Н. А. Степановъ былъ очень остроуменъ, ѣдокъ и находчивъ. Здѣсь кстати замѣтить, что до сотрудничества въ «Сынѣ Отечества» Н. А. не имѣлъ понятія, какъ рисуютъ на деревѣ. Между тѣмъ, заключая съ г. Старчевскимъ условіе, онъ хотѣлъ самъ и компановать, и рисовать на доскахъ скомпанованныя карикатуры. Но чтобы передавать рисунокъ на деревѣ—требуется особенная снаровка и привычка, такъ что многіе, отлично рисуя на бумагѣ, совершенно не могутъ переводить ихъ на доски. Намъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кажется, что нападки на первыхъ порахъ критики на неправильность рисунка въ карикатурахъ Н. А. Степанова въ «Сынѣ Отечества» должны быть объяснены именно тогдашнимъ неумѣньемъ нашего карикатуриста рисовать на деревѣ; отъ этого рисунокъ и выходилъ неправильнымъ, а не отъ того, что Н. А. Степановъ якобы не умѣлъ рисовать. Стоитъ только взглянуть на акварельныя карикатуры на Глинку, рисованныя гораздо раньше, чтобы понять всю лживость подобныхъ укоровъ. Не лишнимъ будетъ привести

— Прочь дѣти! — Игра эта не для васъ.

въ доказательство нашего мнѣнія слѣдующее письмо Н. А. Степанова къ Старчевскому, полученное послѣднимъ послѣ выхода № 45 «Сына Отечества» 1857 года, въ которомъ впервые появились карикатуры Н. А.:

«Я въ совершенномъ отчаяніи отъ своихъ первыхъ рисунковъ въ «Сынѣ Отечества». Сухо и подавлено рѣзьбою. Разумѣется, я никого не виню, кромѣ себя: значитъ, я не умѣю рисовать на деревѣ. Поэтому и хотѣлъ бы я посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь изъ граверовъ — чего мнѣ болѣе держаться и чего избѣгать. Обиднѣе всего, что лица изуродованы. Сжальтесь, Альбертъ Викентьевичъ, надъ моимъ горестнымъ положеніемъ и пришлите ко мнѣ Сѣрякова. Потрудитесь прислать завтра къ 3 часамъ за деревяшками. Новые рисунки будутъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сдѣланы полегче, я хочу перепробовать всѣ способы черченія — авось, добьюсь и до настоящаго. Пришлю я вамъ также два листа карикатуръ, но прошу заранѣе оградить личность ихъ отъ пощечинъ цензуры... Еще разъ прошу откомандировать ко мнѣ Сѣрякова» [1]).

Возьмемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній г. Старчевскаго о сотрудничествѣ Н. А. въ «Сынѣ Отечества». «Относительно аккуратности,—говоритъ Старчевскій,—и своевременной доставки въ редакцію и цензуру карикатурныхъ листовъ, а также по своевременному исполненію рисунковъ на доскахъ — Степановъ былъ безукоризненъ. Записки о скорѣйшемъ доставленіи дощечекъ и процензурованныхъ карикатуръ такъ и летѣли въ редакцію... Такъ какъ у Н. А. было довольно дѣла съ карикатурами, которыхъ еженедѣльно требовалось скомпановать четыре группы, нарисовать ихъ предварительно на листахъ, а потомъ перевести на доски, то разумѣется, что свободнаго времени у него оставалось очень мало, и потому въ теченіе всего года мы видѣлись очень рѣдко: каждый дѣлалъ свое дѣло. И нужно отдать полную справедливость его благородному безкорыстію: онъ самъ назначилъ себѣ помѣсячный гонораръ въ 60 рублей и былъ имъ вполнѣ доволенъ. Такая умѣренность талантливаго художника у насъ довольно рѣдка... Лѣтомъ 1858 года мнѣ уже было извѣстно, что, увлекшись необычайнымъ успѣхомъ «Сына Отечества», который имѣлъ до 14.000 подписчиковъ, В. С. Курочкинъ, бывшій мой сотрудникъ, а потомъ перебѣжчикъ въ «Общезанимательный Вѣстникъ», издававшійся Рюминымъ, вздумалъ, при содѣйствіи Степанова [2]), издавать чисто карикатурный журналъ «Искру». Онъ полагалъ, что если карикатуры Степанова, помѣщаемыя въ «Сынѣ Отечества», имѣютъ въ обществѣ большой успѣхъ, то и первый на Руси чисто сатирическій журналъ съ карикатурами долженъ имѣть успѣхъ громадный, переманивъ не одну тысячу подписчиковъ отъ «Сына Отечества»... Въ теченіе лѣта, однако, все это держалось отъ меня въ тайнѣ... Но вотъ, наконецъ, появилось

[1]) По поводу этого письма г. Старчевскій замѣчаетъ: «Послѣдняя фраза теперь многимъ литераторамъ, знающимъ чѣмъ впослѣдствіи сталъ извѣстный нашъ граверъ Сѣряковъ, покажется странной. Но тогда Сѣряковъ рѣзалъ на деревѣ рисунки для «Сына Отечества» и хотя былъ однимъ изъ лучшихъ ксилографовъ, однако, никто не могъ думать, что человѣкъ, не получившій никакого образованія, прибывшій въ Петербургъ по способу пѣшаго хожденія и поступившій на первыхъ порахъ въ дворники, какъ онъ самъ объ этомъ разсказывалъ, впослѣдствіи получитъ европейскую извѣстность и будетъ конкурировать въ Парижѣ съ первѣйшими французскими ксилографами, которымъ онъ ни въ чемъ не уступалъ. Какая счастливая и богатая русская натура».

[2]) Здѣсь г. Старчевскій не точно передаетъ факты: завѣтной мыслью Н. А было издавать карикатурный журналъ (объ этомъ подробнѣе скажемъ съ слѣдующей главѣ), онъ давно искалъ редактора литературной части и денегъ на такое изданіе; ему принадлежитъ полная иниціатива въ основаніи «Искры», а не Курочкину.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Польза отъ кринолиновъ.

Для науки: въ примѣненіи къ аэростатамъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

объявленіе объ изданіи въ 1859 году «Искры». Вскорѣ послѣ этого Степановъ былъ у меня, объяснилъ все дѣло и заявилъ, что будетъ попрежнему продолжать работать для «Сына Отечества» до конца года и даже въ январѣ 1859, пока я не отыщу лицо, способное замѣнить его въ журналѣ. И онъ дѣйствительно самымъ добросовѣстнымъ образомъ продолжалъ свое дѣло... Надо сознаться, что оставленіе Н. А. «Сына Отечества» было для меня весьма чувствительною потерей. Замѣнить его было невозможно, да и онъ пріобрѣлъ громадную популярность, которую вполнѣ заслуживалъ. Но переходъ его въ «Искру» не только не лишилъ меня подписчиковъ, а напротивъ въ 1859 году число ихъ прибавилось, превысивъ 16.000.—Тѣмъ не менѣе, 1858 годъ нанесъ мнѣ два чувствительныхъ удара: первый—смерть Сенковскаго, лишившая меня популярныхъ «листковъ барона Брамбеуса», второй—уходъ Степанова, карикатуры котораго замѣняли эти листки».

Особенно яркихъ и характерныхъ среди карикатуръ, рисованныхъ Н. А. за время его сотрудничества въ «Сынѣ Отечества», по нашему мнѣнію, нѣтъ; потому мы и не взяли изъ нихъ ни одной для воспроизведенія на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Этотъ краткій періодъ своей дѣятельности, первые свои шаги на журнальномъ поприщѣ Н. А. не ознаменовалъ ничѣмъ выдающимся. Карикатуры этого времени съ одной стороны примыкаютъ къ «Искрѣ», а съ другой являются продолженіемъ темъ изъ альбомовъ «Знакомые». Въ нихъ преобладаетъ не сатира, подчасъ очень ѣдкая и больно бичующая современные пороки, какъ это было въ «Искрѣ», а игривое остроуміе, добродушный юморъ и подчасъ довольно незатѣйливая игра словъ, такъ что весь эффектъ и соль заключаются въ удачныхъ подписяхъ.

Но помимо этихъ шалостей талантливаго карандаша, которыя вызывались, вѣроятно, довольно часто «независящими обстоятельствами», есть карикатуры съ пошибомъ сатирическимъ. Вотъ, напримѣръ, на одной карикатурѣ изображаются водовозъ и фельетонистъ. Первый спрашиваетъ второго:

— А что баринъ, и ты возишь воду?

— Да любезный,—отвѣчаетъ фельетонистъ, имя же ему легіонъ и донынѣ,—подрядился поставлять въ одинъ журналъ.

Или еще другая карикатура изъ того же журнальнаго міра, столь примѣнимая къ современнымъ нравамъ. Двое бесѣдуютъ:

— Не хотите ли быть моимъ компаніономъ по изданію?

— Хорошо, но тутъ много условій.

— По моему только два: умъ и деньги.

— Значитъ, капиталъ вашъ?

Весьма не дурна и слѣдующая жанровая картина, характерная для семейныхъ нравовъ извѣстнаго сорта людей или даже

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

людей извѣстнаго круга. Дѣйствующія лица отецъ и сынъ, встрѣтившіеся въ неудобномъ мѣстѣ.

Отецъ. Вѣдь я запретилъ тебѣ таскаться по трактирамъ.

Сынъ. Виноватъ, сейчасъ уйду домой.

Отецъ. На этотъ разъ можешь остаться, только не говори матери, что встрѣтился тутъ со мной.

Интересны до сихъ поръ карикатуры изъ быта чиновничьяго, столь близко знакомаго Степанову, изъ семейной жизни, которая доселѣ служитъ неисчерпаемымъ кладеземъ юмористическаго вдохновенія для карикатуристовъ всѣхъ націй, въ особенности же русскихъ; заставляютъ задумываться и такія карикатуры, которыя, кажется, посвящены вопросамъ и злобамъ, отошедшимъ уже въ область преданій, каковы, напримѣръ, откупа и взяточничество, ибо эти карикатуры съ нѣкоторыми измѣненіями примѣнимы и къ жизни современной: реформы учрежденій совершаются быстро, нравы же исправляются очень медленно, слоями, касаясь болѣе верхнихъ и слабо проникая въ нижніе.

С. Трубачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА [1].

XXI.

МОСКОВСКІЙ оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ былъ гордъ и надменъ. Это обстоятельство много вредило ему въ отношеніяхъ къ самолюбивымъ москвичамъ.

Однажды, является къ Шульгину, по дѣламъ, богатый первогильдейный купецъ и располагается въ пріемной, бережно положивъ свою мѣховую шапку у письменнаго стола.

Въ пріемную вышелъ Шульгинъ и прежде всего ему почему-то бросилась въ глаза эта шапка.

— Чья?—грозно спросилъ онъ посѣтителей, указывая на нее.

— Моя, ваше превосходительство,—отвѣтилъ купецъ нѣсколько смутившись и неловко потянулся къ собственности.

— Какъ же ты смѣлъ положить свою шапку на мое кресло!—наступилъ на него оберъ-полиціймейстеръ.

Такой неласковый пріемъ неожиданно прошрафившагося купца сконфузилъ и обидѣлъ его.

— Помилуйте,—сказалъ онъ, давая понять Шульгину, что тотъ разговариваетъ не съ какимъ-нибудь разночинцемъ, а съ коммерческой особой.—Я вѣдь первой гильдіи купецъ!

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 488.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А я, по твоему, второй что ли?—сердито воскликнулъ оберъ-полиціймейстеръ и приказалъ дежурному квартальному: дать ему метлу и заставить вымести улицу.

Какъ купецъ не упирался и не протестовалъ, а улицу вымелъ...

XXII.

Младшій священникъ Литовскаго полка разсказывалъ мнѣ, какъ нѣкоторые солдаты приступаютъ къ причастію.

Придетъ и вытянется, точно аршинъ проглотилъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваю.

— Андрей Степановъ, ваше благородіе!—отчеканитъ онъ.

Я набираю ложицею причастіе, а онъ съ мѣста не тронется, только вытянетъ шею, какъ журавль, и тянется къ чашѣ. Съ крайнею осторожностью донесешь ложицу до его рта и не успѣешь принять ее обратно, какъ онъ снова отчеканитъ:

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе!

И повернувъ налѣво кругомъ, маршированнымъ шагомъ отправляется на мѣсто.

XXIII.

Поручикъ пограничной стражи Бакѣевъ былъ одержимъ страстью къ спиртнымъ напиткамъ. Начальство долго терпѣло его поведеніе, но, наконецъ, потерявъ всякую надежду исправить его, предложило ему выдти въ отставку. Это было во время Севастопольской кампаніи... Бакѣевъ воспользовался военнымъ временемъ и попросилъ перевода въ дѣйствующую армію, что и было охотно исполнено. Его зачислили въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ Севастопольскаго гарнизона. Съ этимъ переводомъ наступило для него положительное приволье: пить онъ могъ безнаказанно сколько было угодно, потому что начальству тогда было не до того.

Разъ ему пришлось стоять на посту въ виду непріятелей. Наканунѣ онъ былъ пьянъ и хмѣль еще не совсѣмъ вышелъ изъ его головы... Вѣроятно, соскучившись стоять нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, онъ легъ на спину, задорно поднявъ ноги, на подобіе флаговъ.

— Бейте, подлецы,—сказалъ онъ,—на полный пенсіонъ!

Непріятели нацѣлились въ оригинальнаго часового и такъ мѣтко попали въ него, что Бакѣевъ до пенсіи не выжилъ.

XXIV.

Въ доброе старое время армейскіе офицеры отличались сантиментальностью и по простотѣ своей душевной довольствовались очень немногимъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Бывало, только-что произведенный офицеръ считалъ обязанностью на первое свое третное жалованье купить: халатъ съ пестрыми разводами и красными цвѣтами, шнуръ, который заканчивался тяжелыми кистями; спальные сапоги съ цвѣтными узорами, на манеръ татарскихъ; турецкую феску и длинный черешневый чубукъ. Этимъ обозначались самые первые и утѣшительные шаги къ барству и сознанію относительной самостоятельности. Кисетъ же, изготовленный изъ разныхъ лоскутковъ, и часовой шнурокъ, вышитый голубымъ бисеромъ, обыкновенно заготовлялся задолго до полученія офицерскаго чина. Эти предметы были почти всегда трогательными воспоминаніями о какой-нибудь барышнѣ, заставлявшей трепетно биться юное сердечко счастливаго обладателя этихъ сувениpовъ, тѣмъ болѣе дорогихъ, что они добывались путемъ терпѣливаго и продолжительнаго ухаживанья.

Часто случалось, что офицеръ, обзаведенный всѣми атрибутами роскоши и потратившій на это все свое жалованье, принужденъ былъ съ рыцарскимъ терпѣніемъ переносить нужду и довольствоваться солдатскимъ обѣдомъ. Впрочемъ, это его не смущало нисколько, потому что при слѣдующей получкѣ денегъ онъ пріобрѣталъ гитару и въ часы досуга обучался извлекать изъ нея медленные звуки какого-нибудь чувствительнаго романса.

Обычнымъ развлеченіемъ офицеръ стараго времени считалъ «провѣтриванье». Это значило въ домашнемъ костюмѣ сидѣть за воротами своего дома, покуривать трубку и брянчать на гитарѣ. Высшимъ же удовольствіемъ было прогуливаться по городу въ праздничный день. Облачится бывало офицеръ въ полную форму и лихо пройдетъ мимо тѣхъ домовъ, изъ оконъ которыхъ кокетливо выглядываютъ женскія головки. За нимъ непремѣнно плетется денщикъ, таскающій чубукъ и кисетъ.

Во время этой прогулки между самодовольнымъ офицеромъ и терпѣливымъ денщикомъ обыкновенно происходитъ такой разговоръ:

— Егорка, эполеты трясутся?

— Трясутся, ваше благородіе.

— Ну и пусть себѣ трясутся!... А шарфъ шатается?

— Шатается, ваше благородіе.

— Богъ съ нимъ! Пусть себѣ шатается!... А барышни любуются?

— Любуются, ваше благородіе.

— Не запретишь вѣдь,—пусть себѣ любуются и страдаютъ!

И жилось просто, счастливо и пріятно! Такъ ли нынѣшніе живутъ?!

XXV.

Солдатъ учатъ, чтобы они при инспекторскихъ смотрахъ отвѣчали быстро, внятно и громко. Однажды, этотъ мудрый способъ преподаванія «не задумываться» сослужилъ большую службу нѣкоему полковому командиру С—ну.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На него былъ сердитъ начальникъ дивизіи, вздумавшій какъ-то врасплохъ сдѣлать смотръ, чтобы къ чему-нибудь придраться и подвести командира подъ отвѣтственность; но все оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ. Тогда онъ сталъ разспрашивать солдатъ:

— Претензіи не имѣете?

— Не имѣемъ, ваше превосходительство.

— Получаете все сполна?

— Все, ваше-ство.

— Кормятъ васъ хорошо?

— Хорошо, ваше-ство.

— Даютъ вамъ котлеты?

— Даютъ, ваше-ство.

— И соусъ?

— Такъ точно, ваше-ство.

Генералъ сталъ ужъ сердиться.

— И бисквиты получаете?

— Такъ точно, ваше-ство.

— Индюки, скоты, дурачье, бараны! — закричалъ начальникъ дивизіи и уѣхалъ ни съ чѣмъ.

XXVI.

Въ мое время военное начальство особенною грамотностію не отличалось. Попадались такіе офицеры, которые безъ ошибокъ свою фамилію подписать не могли, и при какой-нибудь нуждѣ написать, списать или отписать, обращались обыкновенно къ ротнымъ писарямъ, хотя тоже не особенно грамотнымъ, но за то красиво выводившимъ буквы, такъ что внѣшній видъ рукописи съ успѣхомъ замѣнялъ внутренній. И это считалось совершенно достаточнымъ.

Поэтому случались такія сценки:

Однажды капитанъ Шатихинъ, человѣкъ недалекій, но требовательный и исполнительный служака, вздумалъ написать своей женѣ письмо изъ лагеря. Не обладая достаточнымъ умѣньемъ передавать бумагѣ свои мысли, онъ приказалъ явиться къ нему ротному писарю, который, разумѣется, не замедлилъ предстать предъ нимъ съ необходимыми атрибутами: бумагою, перомъ и чернилами.

— Ну, садись... Слушай и записывай, — приказалъ Шатихинъ и сталъ диктовать: — «Милая моя Оля! Я, слава Богу, живъ и здравъ, чего и тебѣ желаю»...

Писарь бойко написалъ.

— Готово? — освѣдомился капитанъ.

— Готово.

— А ну-ка, почитай, такъ ли вышло...

— «Милая моя Оля!» — началъ было писарь, но Шатихинъ гнѣвно его перебилъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какъ твоя Оля?... Ахъ, ты болванъ! Да какъ ты смѣешь про мою жену такъ говорить! На конюшню! Запорю!... Пиши снова...

Оробѣвшій писарь принялся за письмо во второй разъ. Капитанъ, значительно возвысивъ голосъ, вторично продиктовалъ: «Милая моя Оля! Я, слава Богу», и т. д. Когда фраза была написана, онъ снова потребовалъ ее прочитать.

— Опять что-нибудь навралъ!—внушительно замѣтилъ Шатихинъ.

Смѣтливый писарь во второй разъ посланіе своего начальника прочелъ уже такъ:

— Милая вашего высокоблагородія Оля! Ваше высокоблагородіе, слава Богу живы и здоровы, чего и вашему высокоблагородію желаютъ...

— Ну, то-то!—сказалъ довольный капитанъ.—Всегда нужно предъ начальствомъ почтеніе оказывать. Жена-то хоть и баба, а все-таки капитанша.

XXVII.

Начальникъ кирасирской дивизіи, генералъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, плохо зналъ русскій языкъ, вслѣдствіе чего происходили частыя недоразумѣнія при объясненіяхъ его съ подчиненными. Въ особенности трудно ему было столковаться съ солдатами.

Однажды, при посѣщеніи полкового лазарета, Пилларъ-фонъ-Пильхау обратился съ вопросомъ къ одному больному рядовому:

— Чѣмъ ты больна?

— Задавнею ломотою,—отвѣтилъ тотъ.

Генералъ съ запальчивостью набросился на доктора.

— Пошему мнѣ не доложено? опять безпорядки!

Недоумѣвающій докторъ не нашелъ отвѣта.

— Вси необыкновенна слючи должны быть мнѣ извѣсна тотшасъ,—продолжалъ генералъ,—шелофека изуротовали, а я нишово не знаю...

— У больного, ваше превосходительство,—началъ было докторъ объяснять ревматическую болѣзнь рядового, но строгій начальникъ его перебилъ:

— Ахъ, пожалюста, безъ оправданій!..

И моментально перемѣривъ гнѣвный голосъ на ласковый, сталъ разспрашивать солдата.

— Ахъ, ты бѣдній, бѣдній! Кто же тебя задафиль? Кто тебя поломаль?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,—вздумалъ солдатъ поправить генерала.—У меня задавняя ломота...

— Нишаво, нишаво, ми все узнаемъ!..—успокоивающе сказалъ Пилларъ-фонъ-Пильхау и приказалъ сопровождавшему его адъютанту: —Нарядить слѣдствіе и подробно доложить мнѣ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Привыкшій къ подобнымъ недоразумѣніямъ адъютантъ, не входя въ разъясненія, отвѣтилъ:

— Слушаю!

XXVIII.

Адмиралъ N былъ страстный поклонникъ женскаго пола и оставался холостымъ до преклонныхъ лѣтъ. Его слабость къ хорошенькимъ женщинамъ знали всѣ подчиненные и пользовались ею въ неограниченныхъ предѣлахъ. На этой слабости строились карьеры и упрочивалось благосостояніе очень многихъ...

Однажды, является къ N экипажный командиръ его эскадры и докладываетъ:

— У меня въ экипажѣ матросъ женится...

— Ну, такъ что же?

— А то, что матросъ этотъ съ необыкновенно уродливой физіономіей и дылда такая, что невѣста ему чуть ни подъ кушакъ достаетъ только... Совсѣмъ не пара ему эта красавица...

— Красавица, говорите?

— Удивительная!.. И молоденькая очень...

— Когда же свадьба?

— Сейчасъ должа состояться.

— Пойдемъ посмотрѣть!

Вошелъ адмиралъ въ церковь, взглянулъ на невѣсту и поразился ея миловидностью. Дѣйствительно, она была очень хороша... Потомъ смѣрилъ взглядомъ жениха и брезгливое чувство овладѣло имъ: матросъ представлялъ своею внѣшностію слишкомъ рѣзкую противоположность этой дѣвушкѣ.

Мягкое сердце адмирала преисполнилось жалостью и быстро почувствовало къ несчастной невѣстѣ непоборимое влеченіе.

Адмиралъ подошелъ къ ней и тихо спросилъ, по любви ли она вступаетъ въ замужество?

— Мать заставляетъ идти за него,—грустно отвѣтила дѣвушка конфузливо потупляясь.

Адмиралъ сейчасъ же прошелъ въ алтарь къ священнику, готовившемуся приступить къ вѣнчанію, и сказалъ:

— Батюшка, вѣнчайте меня съ нею!

— Что вы?!—ужаснулся священникъ,—этимъ шутить нельзя!

— Да я и не шучу? Спросите у невѣсты желаетъ ли она выдти за меня замужъ?

Произошло нѣкоторое замѣшательство. Послѣ немалыхъ убѣжденій и доводовъ, священникъ вышелъ къ невѣстѣ и спросилъ о желаніи ея относительно замужества съ адмираломъ. Она отвѣтила утвердительно.

Къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ, адмиралъ всталъ съ дѣвушкой подъ вѣнецъ, а отставному жениху, вмѣстѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ экипажнымъ командиромъ, пришлось росписаться въ метрической книгѣ свидѣтелями этого случайнаго брака.

Впослѣдствіи изъ этой дѣвушки вышла прехорошенькая адмиральша, на которую завистливо посматривало все морское общество. Адмиралъ нанялъ ей разныхъ учителей, и она въ самое короткое время, благодаря своей воспріимчивой натурѣ, сдѣлалась образованной и свѣтской барыней. Общество кронштадтскихъ дамъ къ ней искренно привязалось и никто не гнушался ея мѣщанскимъ происхожденіемъ.

XXIX.

Генералъ Коцебу ревизовалъ солдатскую школу. Осмотрѣвъ помѣщеніе, школьныя пособія, и поговоривъ съ офицеромъ-преподавателемъ, онъ обратился къ учащимся, желая провѣрить ихъ знанія.

— Это что за буква? — спросилъ Коцебу крайняго солдата, указывая на А. крупно написанное имъ на черной доскѣ.

— А, ваше превосходительство,—быстро отвѣтилъ тотъ.

— Хорошо! А эта?

— К, ваше—ство.

— Молодецъ!—поощрительно замѣтилъ генералъ и написалъ на доскѣ букву Я.—Ну а эта что за буква?

Солдатъ замялся.

— Развѣ этой буквы не знаешь?—удивился гонералъ.—Вѣдь, поди, училъ ее?

— Такъ точно, ваше -ство.

— Забылъ, чтоли?

— Никакъ нѣтъ, ваше—ство.

— Такъ отчего же не можешь назвать ее?

Солдатъ глупо вытянулъ физіономію.

— Ну?

Наконецъ вопрошаемый съ робостію произноситъ, принимая ее за мѣстоименіе:

— Генералъ Коцеба!

XXX.

Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, князь Воронцовъ, оставилъ по себѣ благодарную память въ управляемой имъ мѣстности. Его справедливость, снисходительность и доброта, цѣнились всѣми и располагали къ нему каждаго. Въ обращеніи съ людьми онъ всегда былъ простъ и любезенъ, что способствовало откровенности младшихъ со старшими и порождало вѣру въ любимаго начальника края, принимавшаго близко къ сердцу нужды и благосостояніе жителей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Интересныхъ фактовъ изъ жизни князя Воронцова очень много. Особенно богатъ анекдотами періодъ его жизни именно за время управленія имъ Новороссіей.

Вотъ анекдотъ, какъ одинъ бѣднякъ черезъ князя Воронцова разбогатѣлъ и вышелъ въ люди.

Какъ-то, передъ обѣдомъ, князь Воронцовъ вмѣстѣ съ знакомыми прогуливался по улицамъ и бульварамъ Одессы. Захотѣлось ему понюхать табаку; вынулъ онъ изъ кармана золотую табакерку, но въ ней не оказалось ни одной щепотки требуемаго вещества, а между тѣмъ привычка беретъ свое и князю это лишеніе кажется слишкомъ тяжелымъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Воронцовъ увидалъ на углу Дерибасовской улицы отставного солдата, сидѣвшаго около своего походнаго магазинчика, заключавшагося въ небольшомъ деревянномъ ящикѣ, и продававшаго именно нюхательный табакъ своего приготовленія.

Подошелъ къ нему Воронцовъ, и, попробовавъ его табакъ, сказалъ:

— А у тебя, старина, табачекъ-то хорошъ... самъ, поди, теръ?

— Самъ-съ, ваше сіятельство.

— А называешь ты его какъ?

— По-матроски, ваше сіятельство, «рулевой».

— Ну насыпь-ка мнѣ въ табакерку своего «рулевого»...

Князь щедро заплатилъ за горсть грошоваго табаку—далъ солдату полуимперіалъ. Примѣру Воронцова послѣдовали многіе, сопровождавшіе его: кто только понюхалъ, кто наполнилъ свою табакерку, и всѣ такъ же щедро расплачивались съ счастливымъ торговцемъ, пораженнымъ неожиданностью.

Только-что Воронцовъ отошелъ отъ этого табачнаго фабриканта, какъ къ нему со всѣхъ сторонъ стали сходиться прохожіе и разспрашивать: зачѣмъ подходилъ къ нему губернаторъ, что говорилъ? Солдатъ охотно передавалъ всѣмъ и каждому, какъ похвалилъ его табакъ князь Воронцовъ и вся его свита, и какъ щедро всѣ съ нимъ расплачивались. Каждый изъ слушателей почелъ своею обязанностью послѣдовать примѣру начальника края и пріобрѣсти хоть сколько-нибудь нюхательнаго табаку солдатскаго приготовленія, такъ понравившагося Воронцову.

Такимъ образомъ, въ короткое время солдатъ продалъ весь свой товаръ съ большою прибылью и отправился домой приготовлять вновь. На другой день, когда объ этомъ происшествіи уже знала половина города, къ солдату начали являться покупатели и спрашивали уже прямо «воронцовскаго» табаку. Всѣхъ заинтересовало, даже и тѣхъ, которые никогда не нюхали, что это за табакъ у какого-то уличнаго разносчика, который удостоился похвалъ свѣтлѣйшаго князя, вѣроятно, знающаго толкъ во всемъ.

Солдатъ ликовалъ. Количество товара въ былое время обыкно-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

венно хватавшее на мѣсяцъ, теперь расходилось въ нѣсколько часовъ. Его табакъ вошелъ въ моду и самъ онъ уже не сталъ поспѣвать приготовлять его въ требуемомъ количествѣ, пришлось нанять работниковъ и открыть маленькую лавочку, впослѣдствіи расширенную въ большой магазинъ, приносившій владѣльцу изрядные барыши.

Въ непродолжительное время солдатъ скопилъ кругленькій капиталъ, выстроилъ на памятной ему Дерибасовской улицѣ роскошный домъ и записался въ купцы. Впослѣдствіи онъ бросилъ свою табачную фабрику и занялся болѣе крупными комерческими оборотами.

Благодаря счастливой случайности, что у князя Воронцова во время прогулки не оказалось въ табакеркѣ табаку, бѣдный отставной солдатъ сдѣлался богачемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ИДЕАЛИСТОВЪ.

Въ ДЕКАБРѢ мѣсяцѣ, 1888 года, Москва проводила, при огромномъ стеченіи народа, къ мѣсту послѣдняго упокоенія, въ Алексѣевскій монастырь, одного изъ популярнѣйшихъ своихъ людей послѣдняго десятилѣтія—Сергѣя Андреевича Юрьева, не столь извѣстнаго своими литературными трудами и заслугами, сколько своимъ обширнымъ нравственнымъ вліяніемъ, своей обаятельной, чарующей личностью.

Въ первые же дни послѣ кончины С. А. среди его друзей возникла мысль объ изданіи въ память его и въ пользу его семьи сборника, и однимъ изъ первыхъ на призывъ иниціаторовъ этого дѣла отозвался графъ Л. Н. Толстой, предназначавшій первоначально въ сборникъ «Крейцерову сонату», а затѣмъ замѣнившій ее комедіей «Плоды просвѣщенія». Сборникъ этотъ, недавно вышедшій въ свѣтъ и озаглавленный: «Въ память С. А. Юрьева», является лучшимъ памятникомъ, который могли только воздвигнуть одному изъ послѣднихъ русскихъ идеалистовъ его друзья и почитатели. Помимо разнообразнаго и интереснаго матеріала, заключающагося въ этомъ сборникѣ, онъ важенъ особенно тѣмъ, что даетъ возможность воскресить духовный обликъ С. А., обрисованный въ воспоминаніяхъ его друзей,—свѣтлый обликъ, весьма поучительный и назидательный для нашего дряблаго и расшатаннаго времени.

Когда С. А. Юрьева захотѣли выбрать въ Москвѣ въ члены Общества любителей россійской словесности и, по обычаю, наводили справки о томъ, что онъ напечаталъ, искренно любившій его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Писемскій—воскликнулъ: «что вы мнѣ говорите, напечаталъ! Да онъ наговорилъ о литературѣ больше всѣхъ насъ!» Дѣйствительно, Юрьевъ былъ по преимуществу художникомъ устнаго слова, ораторомъ, и владѣлъ этимъ рѣдкимъ даромъ въ совершенствѣ. Онъ, такъ сказать, разбрасывалъ по воздуху свои сокровища, а не будь этого—его положеніе въ литературѣ было бы гораздо опредѣленнѣе и внушительнѣе, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, С. А. извѣстенъ теперь какъ публицистъ, основатель недолговѣчной «Бесѣды» (1871—1872 гг.) и «Русской Мысли», изъ которой ловкіе люди съумѣли его выжить; какъ художественный критикъ, немногочисленныя статьи котораго о театрѣ и по литературѣ, какъ напримѣръ «Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ» и «Опытъ объясненія трагедіи Гёте «Фаустъ», никогда, правда, не забудутся; наконецъ, какъ драматическій писатель и главнымъ образомъ прекрасный переводчикъ нѣкоторыхъ драмъ Лопе-де-Веги и Шекспира... и только. Между тѣмъ, имя его было извѣстно всей Москвѣ и въ литературѣ произносилось съ большимъ уваженіемъ. Тайна этой широкой популярности скрывалась въ его высоко-образованной, чуткой, идеальной личности, въ его вліяніи на людей разныхъ общественныхъ положеній и состояній, ибо С. А., этотъ неутомимый искатель истины, былъ вѣчнымъ проповѣдникомъ, всегда увлекающимся, задушевнымъ собесѣдникомъ, добровольнымъ учителемъ всѣхъ, кто хотѣлъ его слушать. Артистъ, начинающій писатель, студентъ, спеціалистъ ученый, общественный дѣятель—всѣ почерпали въ его рѣчахъ много цѣннаго и ободряющаго. Такимъ образомъ, бесѣды Юрьева были серьезнымъ общественнымъ служеніемъ. Эти бесѣды теперь не исчезнутъ въ памяти общества, и благородный, и яркій образъ Юрьева-мыслителя, Юрьева-оратора, отзывавшагося своею бодрою мыслью на самые разнообразные вопросы и предметы, сохранится въ потомствѣ. За это, конечно, нужно поблагодарить друзей покойнаго: профессора А. Н. Веселовскаго, князя А. И. Сумбатова, Л. М. Лопатина и г-жу Л., которые подѣлились съ публикой своими воспоминаніями о симпатичномъ идеалистѣ, позволяющими сдѣлась довольно обстоятельную характеристику Юрьева и лишній разъ остановить общественное вниманіе на одномъ изъ благороднѣйшихъ энтузіастовъ, которыми такъ оскудѣла современная дѣйствительность...

Многимъ С. А. казался человѣкомъ страннымъ, въ которомъ уживались всевозможныя противоположности и который будто бы тѣшился игрою противорѣчій. Эти непроницательные люди удивлялись какъ прекрасный математикъ, даже астрономъ, могъ въ то же время бредить Шекспиромъ и Гёте, какъ калязинскій землевладѣлецъ, популярный въ своей округѣ, могъ ходить тамъ въ народномъ костюмѣ, играть у себя вмѣстѣ съ крестьянами на сценѣ, а потомъ углубляться съ Шеллингомъ въ дебри абстрактности; какъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

славянофилъ по многимъ мнѣніямъ и по дружескимъ связямъ могъ радоваться каждому успѣху европейскаго прогресса, съ интересомъ слѣдить за самыми смѣлыми направленіями въ наукѣ и жизни. Такъ разсуждали люди, не дававшіе себѣ труда вникнуть поглубже въ міросозерцаніе С. А., которое, какъ замѣчаетъ г. Лопатинъ, отличалось законченностью, цѣльностью, идеальной широтой, такъ что въ мнѣніяхъ Юрьева не было внутренней разрозненности и онъ всегда былъ вѣренъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ. С. А. соединялъ въ себѣ самыя симпатичныя черты того перваго поколѣнія русскихъ мыслителей, къ которому принадлежали Хомяковъ, Станкевичъ, Кирѣевскій, Юрій Самаринъ. Онъ былъ шеллингіанецъ, но въ системѣ Шеллинга откинулъ всю схоластику. Міръ для Юрьева являлся воплощеніемъ добра и красоты, которое въ борьбѣ міровыхъ силъ совершается постепенно и непрерывно. Онъ вѣрилъ, что уже въ первомъ источникѣ вещей заключены основныя начала дѣйствительности, начало реальное, темно-стихійное и косное, и начало идеальное, свѣтлое, исполненное разума, жизни и гармоніи. Въ Божествѣ начало реальное побѣждено идеальнымъ; въ мірѣ же смертныхъ существъ эти начала постоянно борются, но въ концѣ концовъ міръ животный уподобится міру божественному и весь процессъ мірового развитія представляетъ постепенное торжество духа надъ грубою реальностью. Такимъ образомъ, дуализмъ Юрьева по существу вещей въ концѣ временъ предназначался къ упраздненію. Поэтому С. А. атомы, эти элементы физическаго міра, трактовалъ какъ «идеальные центры силъ, выражающіе въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ вѣчные законы разума».

Глубоко вѣруя во всеобщность закона развитія, С. А. представлялъ его однако не такъ, какъ понимаютъ современные эволюціонисты: онъ былъ убѣжденъ, что происходитъ не простое осложненіе формъ бытія по однимъ и тѣмъ же механическимъ законамъ, а что при каждой новой стадіи мірового процесса дѣйствуютъ и новыя творческія силы, по новымъ законамъ. Физическіе и химическіе законы господствуютъ лишь въ царствѣ неорганической природы. Въ органическомъ же мірѣ, кромѣ нихъ, является жизненная сила, которая, побѣждая стихійную косность, творитъ «разнообразный, художественно цѣлостный міръ организмовъ». Но лишь съ возникновеніемъ человѣчества рядомъ съ царствомъ природы появляется царство исторіи, лишь въ человѣческой личности духъ раскрывается въ своей безконечности, какъ неизсякаемый творческій центръ жизни. Въ этой области совершается тоже борьба двухъ міровыхъ началъ, въ которой, по выраженію Юрьева въ статьѣ о «Народной правдѣ», «нравственное начало шагъ за шагомъ завоевываетъ себѣ побѣду надъ физическою необходимостью законовъ царства матеріи, заставляя послѣдніе служить своимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цѣлямъ». Исторія начинается порабощеніемъ человѣка природой и обществомъ и ходъ ея состоитъ въ постепенномъ нравственномъ возвышеніи и освобожденіи лица отъ внѣшняго и внутренняго гнета. «Въ будущемъ,—говоритъ г. Лопатинъ,—предносилось Юрьеву полное раскрытіе нравственныхъ силъ человѣчества, окончательная побѣда самодѣятельной личности надъ противоборствующими ей темными силами». При этомъ личность только въ нравственномъ единеніи съ остальнымъ человѣчествомъ, въ началѣ соборномъ или хоровомъ, найдетъ высшую правду жизни,—только руководимая любовью къ человѣку и идеалами счастья людей достигнетъ «святая святыхъ тайнъ жизни, полнаго удовлетворенія и блаженства». Отсюда понятнымъ становится важное значеніе, которое Юрьевъ придавалъ народности, ибо только въ союзѣ съ другими людьми человѣкъ становится нравственною личностью. Народъ есть естественный союзъ людей, въ которомъ они прямо родятся и на жизнь котораго вліяютъ своимъ творческимъ духомъ, постепенно обособляясь среди другихъ народовъ своимъ языкомъ, поэзіей, обычаями, религіозными вѣрованіями. Но это обособленіе въ концѣ концовъ должно завершиться общечеловѣческимъ единеніемъ «по мѣрѣ того, говоритъ Юрьевъ, какъ возростаютъ познанія истины и вселяется ея правда въ жизнь человѣчества, возростаютъ и самобытность и независимость каждаго народа и каждаго человѣка, возростаетъ и братство народовъ и людей и ихъ внутреннее единеніе, и близится возвѣщенное Христомъ царство правды, въ которомъ душа каждаго человѣка станетъ для всѣхъ дороже цѣлаго міра, и всѣ будутъ едины, какъ братья».

Понимая такъ внѣшнюю жизнь міра, С. А. глубоко былъ убѣжденъ въ существованіи въ ней стороны мистической, ибо міръ потому и существуетъ, что въ немъ вѣетъ Духъ Божественный, вездѣ внося жизнь и радость, ибо реальное начало должно въ корнѣ просвѣтиться, внутренно, а не только извнѣ подъ давленіемъ начала идеальнаго: иначе міровой процессъ не былъ бы законченъ и осмысленъ. Тварь должна потушить въ себѣ антагонизмъ къ идеальному, т. е. должна принять въ себя Божество. Но собственными силами она сдѣлать этого не могла, и отсюда возникла нравственная неизбѣжность воплощенія Бога въ человѣческомъ образѣ. «Личность Христа,—говоритъ г. Лопатинъ,—является средоточіемъ мірового и историческаго процесса въ его неуклонномъ теченіи къ очищенію и возрожденію всего сотвореннаго, и искупительный актъ Христовъ былъ для Юрьева не только предметомъ вѣры—онъ видѣлъ въ немъ верховную истину умозрѣнія».

Будучи убѣжденнымъ спиритуалистомъ, С. А. оригинально доказывалъ, что жизнь организма есть «лишь выраженіе безотчетнаго душевнаго творчества». Онъ разсуждалъ такъ: въ физической природѣ нѣтъ того, что мы называемъ развитіемъ и совер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шенствованіемъ, а только смѣна формъ движенія; въ духѣ же пріобрѣтенія души не поглощаются ихъ переходомъ въ активныя состоянія, духъ непрерывно накопляетъ пережитыя состоянія, безпредѣльно ростетъ и ширится, словомъ духъ отличается отъ тѣла внутренней безконечностью. Къ этому коренному убѣжденію Юрьева въ могущество духа примыкала его горячая вѣра въ без-

Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ.

смертіе души, для которой земная жизнь слишкомъ ограниченна, чтобы развить всю безконечную полноту лежащихъ въ ней духовныхъ задатковъ. Мы не только ничтожные винты и колеса огромной и безпощадной машины: въ насъ живетъ свободный, безконечный духъ, который погибнуть не можетъ, — иначе жизнь лишается смысла. Для Юрьева безсмертіе было не отвлеченнымъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

догматомъ, а живымъ представленіемъ: онъ разсматривалъ, по стопамъ великихъ мыслителей церкви, Оригена и св. Григорія Нисскаго, судьбу душъ за предѣлами гроба, какъ великій очистительный процессъ, ведущій всякую духовную тварь къ примиренію и сочетанію съ ея Божественнымъ Источникомъ. «Онъ признавалъ, говоритъ г. Лопатинъ, различіе въ посмертной участи духовныхъ существъ, но онъ не рѣшился вѣрить въ вѣчную область зла и муки рядомъ съ торжествующимъ царствомъ Христа. Страданія омраченной души являлось его умственному взору нравственно необходимымъ слѣдствіемъ духовнаго огрубѣнія, ненормальнаго направленія воли, ея извращеннаго отношенія къ божеству и низшимъ силамъ дѣйствительности. Однажды, покойный выразился такъ въ неподражаемой наивности своей образной рѣчи: «Представьте человѣка, который живетъ въ душу живую (передъ тѣмъ шелъ разговоръ о различіи въ человѣкѣ души живой, общей у него съ животными, отъ духа животворящаго, — высшаго начала въ немъ), т. е. животныя побужденія—ѣстъ, пьетъ, ищетъ только чувственныхъ наслажденій, и вдругъ онъ умираетъ, остается духъ и только. Поймите, въ какое положеніе онъ попадетъ,— странное, нелѣпое положеніе! Ему неловко, онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать, куда дѣться! Онъ точно пьяный среди трезвой и благочинной компаніи! И вотъ является неизбѣжный рядъ мученій, борьбы, безплодныхъ усилій». Но и для этихъ душъ, утонувшихъ въ собственной тьмѣ, загорится когда-нибудь яркій лучъ благодати и примиренія.

Въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ С. А. находился и взглядъ его на задачи познанія: онъ утверждалъ, что полная живая истина открывается лишь гармоническому дѣйствію всѣхъ духовныхъ силъ человѣка. Подъ такимъ внутренно-цѣлостнымъ познаніемъ Юрьевъ разумѣлъ не только простое сочетаніе умозрѣнія съ опытомъ; онъ давалъ не менѣе выдающееся мѣсто въ познаніи высшей истины волѣ, направленной къ добру, и чувству, воспріимчивому къ красотѣ созданія. Такой взглядъ становится понятенъ, если припомнить, что Юрьевъ считалъ міровой процессъ—живымъ художествомъ всемірнаго духа, а вселенную — художественнымъ осуществленіемъ божественной мысли. Слѣдовательно, для пониманія «таинственной картины міра, раскинутой передъ нашими глазами, мы должны настроить себя созвучно тому, что въ немъ совершается».

Но истина все-таки дается не одинокимъ усиліямъ отдѣльнаго ума, она «усвояется соборною всецѣлостью общечеловѣческаго сознанія, объединеннаго свободнымъ дѣйствіемъ любви въ воспріятіи откровенія, т. е. осуществляется только въ церкви, мистически обоснованной искупительнымъ актомъ Христа». С. А. былъ искренно-вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, горячимъ поклонни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

комъ Хомякова и его теоріи церкви. Юрьевъ говорилъ, что основныя вѣрованія христіанства въ ихъ живомъ внутреннемъ единствѣ суть такіе же постулаты свободнаго нравственнаго сознанія, какими представлялись Канту его абстрактныя утвержденія о бытіи Бога, безсмертіи души и человѣческой свободѣ. Онъ говорилъ, что духъ христіанства, которымъ сознательно и не сознательно живутъ новые вѣка, ведущіе человѣка къ жизни безконечной, не можетъ считать противоестественными стремленія человѣка познать абсолютную истину и проникнуть духомъ въ нѣдра жизни божественной, но вмѣняетъ въ вину человѣка эгоистическое направленіе его душевныхъ стремленій и видитъ въ этомъ нравственное извращеніе природы человѣка, источникъ его разрушенія.

Конечно, многіе найдутъ и находили міровоззрѣніе С. А. фантастическимъ и мечтательнымъ; многіе скажутъ, что въ немъ есть произвольныя толкованія понятій, которыя обыкновенно означаютъ совсѣмъ иное, чѣмъ думаетъ Юрьевъ. Мы говоримъ объ его толкованіи безсмертія души, о загробномъ существованіи, о сочетаніи вѣры въ догматы съ совершеннымъ свободомысліемъ, объ его взглядахъ на сущность познанія, отличающихся туманностью. Все это до нѣкоторой степени вѣрно и строгой, научно-философской критики многіе отдѣльные взгляды Юрьева, пожалуй, не выдержатъ. Но противники С. А. забываютъ, что въ данномъ случаѣ дѣло вовсе не въ критикѣ: Юрьевъ не желалъ строить никакой философской системы и не считалъ себя къ тому призваннымъ. Его міровоззрѣніе было его личнымъ вѣрованіемъ и, не смотря на нѣкоторыя натяжки, имѣетъ бо́льшую жизненную и практическую цѣнность, чѣмъ многія стройныя философскія ученія. Оно дорого особенно потому, что черезъ него красной нитью проходитъ горячая вѣра всѣмъ сердцемъ въ человѣка, настоящая бодрая любовь къ людямъ. И оно важно особенно въ наше время—унылое, слабонервное, ноющее, когда гнилыя пессимистическія тенденціи охватили почти все молодое поколѣніе, когда угасла бодрая вѣра въ безконечность человѣческаго духа и когда эту вѣру замѣнила разслабляющая и убивающая всѣ хорошія стремленія мысль о Нирванѣ, мысль о кажущемся ничтожествѣ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, приводящая столь же скоро и къ легкомысленнымъ самоубійствамъ, и къ безшабашному прожиганію жизни. Нынѣшнимъ молодымъ старикамъ, не спѣша критиковать взгляды Юрьева, слѣдовало бы запастись его вѣрой во внутреннюю красоту человѣка, въ которой онъ почерпалъ свой юношескій пылъ, выдѣлявшій его среди всѣхъ его сверстниковъ и помогавшій переносить ему тяжелыя житейскія невзгоды,—слѣдовало бы научиться у него жить, бороться и умирать,—слѣдовало бы воспринять его вѣру въ свѣтлое будущее людей, въ глубокій нравственный смыслъ исторіи и помнить его вѣщія слова: «Стремленіе къ познанію истины, къ осуществленію

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

правды въ жизни, есть основная и центральная сила духовной природы человѣка, которая влечетъ его на высшія степени совершенствованія, къ высшимъ цѣлямъ его жизни. Это голосъ Бога въ его душѣ, незаглушимый, неистребимый никакими отрицательными силами, въ какія бы уклоненія не отвлекали онѣ его отъ прямого пути, какими бы извилинами не шелъ онъ въ своей жизни». Въ этомъ глубоко-поучительная и жизненная сторона міровоззрѣнія С. А., съ которымъ тѣсно были связаны его гуманный либерализмъ во мнѣніяхъ о дѣлахъ общественныхъ и политическихъ и его возвышенный идеализмъ въ вопросахъ искусства.

Юрьевъ горячо сочувствовалъ всякому успѣху свободы, гуманности, правды во всѣхъ странахъ; насиліе и безчеловѣчность, гдѣ бы они ни совершались, глубоко возмущали его, ибо онъ верховной обязанностью человѣка считалъ дѣятельность свободную, соединенную съ полнымъ развитіемъ силъ личности. Онъ говорилъ: «Только отрицая духъ въ человѣкѣ, можно отрицать его абсолютное право на индивидуальную, личную самостоятельность и свободу. Свобода для человѣка есть возможность для него личнаго самоопредѣленія во имя правды, и право на свободу равносильно праву на то, чтобы быть вполнѣ человѣкомъ. Это неприкосновенная святыня, за которую онъ долженъ умирать, ибо безъ нея онъ не можетъ служить правдѣ. Какъ безконечны силы духа, такъ безконечна и радость ихъ удовлетворенія. Къ этому счастью открываетъ путь свобода, и потому нѣтъ драгоцѣннѣе ея никакого сокровища на землѣ». Такіе диѳирамбы свободѣ подавали иногда поводъ людямъ, не знавшимъ лично С. А., считать его человѣкомъ, вредно дѣйствовавшимъ на молодежь, называя его «нигилистомъ». Г-жа Л. замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Юрьевѣ, что она всегда искренно удивлялась такому мнѣнію. Самъ С. А. высказывалъ ей (см. 171 стр. «Сборника»), что видѣлъ въ радикальной молодежи лишь извѣстнаго оттѣнка людей, не щадившихъ жизни для воображаемаго блага человѣчества, и что, по его мнѣнію, движеніе это прежде всего достойно искренняго сожалѣнія.—«Я всегда говорилъ, что эта проповѣдь невозможна, что это вздоръ, чепуха!.. Путемъ насилія они ничего не сдѣлаютъ, этого нельзя, это совершенный вздоръ-съ! Идеи свободы и равенства можно проповѣдывать только Евангеліемъ».

Столь же свято, какъ свобода, было для Юрьева искусство, и художественный геній былъ для него великой силой ясновидѣнія самыхъ коренныхъ тайнъ, движущихъ жизнью природы и человѣка. Онъ требовалъ отъ искусства не потаканія грубымъ вкусамъ, а служенія высшимъ вопросамъ духовной жизни; онъ полагалъ его задачу въ живомъ воплощеніи идеаловъ красоты и правды, ибо былъ убѣжденъ, что нравственное и художественно-прекрасное тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ двѣ стороны

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одной и той же истины. Изъ всѣхъ видовъ искусства С. А. чувствовалъ особенное влеченіе къ сценическому, признавая за сценой громадное культурное значеніе. Драму С. А. считалъ высшимъ созданіемъ поэзіи, а сцену—всенародной каѳедрой. Драму онъ называлъ еще всенароднымъ краснорѣчіемъ («Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ»), говорящимъ не одному уму, а всѣмъ сторонамъ духа,—тѣмъ краснорѣчіемъ, въ которомъ соединились всѣ искусства, чтобы овладѣть всѣми инстинктами души. Изъ этихъ возвышенныхъ убѣжденій С. А. почерпнулъ свою любовь къ вѣчнымъ непреходящимъ образцамъ драматической поэзіи, къ писателямъ, чьи идеалы понятны и близки лучшей части всего человѣчества и во всѣ времена. Представленіе пьесъ Шекспира, Шиллера и Лопе-де-Веги, было для С. А. праздникомъ; за классическую міровую драматическую литературу онъ всегда ратовалъ и справедливо находилъ, что она забывается. Онъ вѣрно замѣчалъ, что наша драматическая литература все болѣе и болѣе спускается до фотографической передачи дѣйствительности, лишенной всякой поэзіи и не одушевленной никакой идеей. «Соразмѣрно съ этимъ, говорилъ С. А., падаетъ вкусъ; и критика, говоря вообще, и публика, восхищающаяся вѣрностью, рабской передачей не имѣющихъ никакого значенія формъ дѣйствительности, забываютъ, что такой реализмъ лжетъ на жизнь человѣка и на природу его, выдавая чисто внѣшнія, частныя и случайныя черты, за внутреннее и общее». Такой приговоръ современной драматической литературѣ, конечно, совершенно справедливъ и вовсе не односторонень. С. А. признавалъ громадное значеніе бытовыхъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы на ряду съ ними видное мѣсто занимали и міровые классики, чтобы на нихъ, такъ сказать, опирался театръ.

Высокія требованія отъ театра вообще совпадали съ высокими требованіями отъ актеровъ. С. А. требовалъ идеи и отъ актеровъ, исполняющихъ драму, онъ считалъ непремѣннымъ условіемъ для сценическаго дѣятеля воплощеніе не только во внѣшній, но главнымъ образомъ въ духовный обликъ изображаемаго лица. «И врядъ ли правы тѣ, говоритъ князь Сумбатовъ, рисуя отношенія С. А. къ сценѣ за послѣдніе годы его жизни, которые упрекали его, главнымъ образомъ, въ отрѣшенности отъ живыхъ реальныхъ запросовъ, отъ живыхъ явленій современной ему жизни. Онъ только понялъ, что ему назначено, всѣми условіями его жизни и натуры, занять извѣстное мѣсто въ общемъ дѣлѣ, выполнить задачу, къ которой былъ призванъ...

«С. А. считалъ назначеніемъ театра давать обществу полные силы устои, на которыхъ бы могли опереться и вырости лучшія его стремленія. Предоставляя другимъ анализъ и художественное воплощеніе матеріальной стороны жизни, онъ былъ художникомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и аналитикомъ ея духовной стороны. Поэтому-то онъ и былъ такъ близокъ всѣмъ тѣмъ, кто сохранилъ живую вѣру въ свѣтлыя и святыя цѣли жизни, въ вѣчное торжество духа надъ матеріей. Онъ откликался и со сцены и въ личныхъ бесѣдахъ, на ихъ страстные порывы, на крики ихъ мятущейся души. Онъ не признавалъ, что есть люди, у которыхъ угасла совсѣмъ искра Божія, умѣлъ находить и раздувать ее. Онъ не умѣлъ быть никому чужимъ и эта любовь къ человѣку освѣщала все, къ чему онъ ни прикасался».

Таковъ симпатичный духовный обликъ восторженнаго энтузіаста С. А. Юрьева, одного изъ послѣднихъ типическихъ представителей сороковыхъ годовъ по своимъ стремленіямъ,—человѣка, въ душѣ котораго горѣлъ святой огонь идеализма, который умѣлъ соединять любовь ко всему свѣтлому и цѣнному, что выработала западная культура, съ любовью къ родинѣ, съ вѣрой въ ея великое будущее; который умѣлъ быть религіознымъ и свободно-мыслящимъ человѣкомъ,—который съ высокимъ образованіемъ съумѣлъ соединить любящее рѣдкое сердце, отзывчивость и чуткость ко всѣмъ вопросамъ общественнымъ... Память о такихъ людяхъ должна вѣчно сохраняться, ихъ образъ долженъ вдохновлять на подвиги грядущія поколѣнія...

Кромѣ воспоминаній о С. А., въ сборникѣ въ его память несомнѣнный интересъ представляютъ письма къ нему Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, А. И. Кошелева и Н. А. Чаева и статья М. М. Ковалевскаго, являющаяся прекраснымъ комментаріемъ къ драмѣ Лопе-де-Вега «Овечій источникъ», въ которой поэтъ проникъ въ сокровеннѣйшій смыслъ народной жизни. Эта статья очень умѣстна въ сборникѣ, ибо Юрьевъ сильно интересовался раскрытіемъ нравственнаго и общественнаго міросозерцанія народа прошлаго и настоящаго времени. Далѣе интересны письма Гоголя къ графу А. П. Толстому, являющіяся весьма цѣннымъ матеріаломъ для біографіи великаго писателя; интересна также статья професора Н. И. Стороженко «Вольнодумецъ эпохи Возрожденія», трактующая о французскомъ гуманистѣ Долѣ, который жестоко потерпѣлъ отъ фанатизма инквизиціи за свое нейтральное свободомыслiе внѣ религіозныхъ партій; наконецъ, въ сборникѣ помѣщено нѣсколько стихотвореній и нѣсколько вещей беллетристическихъ, среди которыхъ общее вниманіе привлекла и привлекаетъ комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ графа Л. Н. Толстого «Плоды просвѣщенія». Нѣкоторые критики еще до появленія этой комедіи въ печати восторгались ею, какъ произведеніемъ высоко-художественнымъ. Намъ кажется, что не будь подъ этимъ произведеніемъ знаменитаго имени автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», оно бы далеко не обратило на себя такого вниманія, какъ теперь. Произведенія графа Толстого читаются на-расхватъ, вы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зываютъ горячіе споры и пространно комментируются. Тоже случалось и съ «Плодами просвѣщенія». Хотя это произведеніе и названо комедіей, но оно сбивается на фарсъ и притомъ шаржированный. Намѣреніемъ автора было осмѣять пустоту барской жизни, ея сытое бездѣльничанье подъ видомъ дѣла и увлеченіе всякими модными теоріями и вопросами. Тема почтенная, не разъ уже затронутая комедіей. Хозяинъ дома—спиритъ, его жена раздражительная и мнительная дама, помѣшанная на своихъ собачкахъ и бактеорологіи, сынокъ—кандидатъ безъ опредѣленныхъ занятій, членъ общества велосипедистовъ, общества конскихъ ристалищъ и общества поощренія борзыхъ собакъ, и прочіе дѣйствующія лица изъ аристократическаго круга представляютъ намеки на современные типы, которые такъ и остались намеками. Это не живые люди, а ходячія олицетворенія и воплощенія тѣхъ или иныхъ барскихъ глупостей. Роль хора въ «Плодахъ просвѣщенія» играютъ трое мужичковъ, пришедшихъ въ столицу изъ Курской губерніи приторговать у Звѣздинцева, спирита-помѣщика, землю, потому что у нихъ самихъ «земля малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда» и нѣсколько человѣкъ прислуги. Этотъ хоръ назначенъ для осмѣянія барскаго ничегонедѣланія, и отдѣльные хористы и хористки, особенно послѣднія, напримѣръ, кухарка и горничная, разсказываютъ, какъ господа «здоровы жрать» и какъ они вчетверомъ на фортепьянахъ «запузыриваютъ» или въ карты играютъ, какъ барыню «засупониваютъ» въ корсетъ и проч. въ этомъ же стилѣ. Намъ кажется, что подобная quasi-сатира недостойна геніальнаго таланта графа Толстого. Конечно «Плоды просвѣщенія» читаются легко и увлекательно, какъ бойко написанный фарсъ, но и только; тенденція же автора погибла въ карикатурѣ, и комизмъ этого произведенія совершенно внѣшній.

С. Т—въ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАПИСКИ ТАЛЕЙРАНА.

Два представителя европейской дипломатіи.—Наслѣдники Талейрана, оттягивающіе обнародованіе его «Записокъ».—Вынужденная публикація ихъ.—Появленіе «Записокъ» въ англійскомъ переводѣ сѣвероамериканскаго журнала ранѣе французскаго подлинника.—Значеніе «Записокъ» и сужденіе объ ихъ авторѣ американскаго посланника.—Мнѣнія о Талейранѣ его современниковъ и позднѣйшихъ писателей.—Обвиненія подкрѣпленныя документами.—Умолчаніе Талейрана о выдающихся фактахъ его карьеры.—Законодательная дѣятельность Талейрана и его характеристика.—Дѣтство и не любовь отца.—Хромота, какъ причина поступленія въ духовное званіе.—Монархическіе принципы.—Вступленіе въ свѣтъ и въ генеральные штаты.—Лафайетъ и увлеченіе Америкою.—Кардинальская шляпа.—Графъ д'Артуа.—Талейранъ, служащій обѣдню на Марсовомъ полѣ.—Герцогъ Орлеанскій.—Причина революціи.—Отправленіе въ Англію и высылка изъ Лондона.—Талейранъ въ Америкѣ.—Вашингтонъ и Гамильтонъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ два года назадъ умеръ въ Парижѣ государственный дѣятель, игравшій въ теченіе полустолѣтія выдающуюся роль въ политической исторіи не только своего отечества, но и всей Европы. Послѣ Метерниха это былъ единственный министръ, извѣстность котораго была такъ прочна и громка, что дипломаты всѣхъ странъ склонялись передъ его искуствомъ вести международныя сношенія и переговоры, устроивать конгрессы, заключать трактаты. Правда, нравственный обликъ французскаго дипломата, также какъ и его австрійскаго ученика, не возбуждалъ особенной симпатіи къ нимъ, даже въ тѣхъ лицахъ, которыя пользовались ихъ услугами, но кто же не знаетъ, что «въ политикѣ нѣтъ справедливости» и между дипломатіей и моралью нѣтъ ничего общаго. Но Талейранъ, при всемъ своемъ искусствѣ обходить несговорчивыхъ людей и обманывать довѣрявшихъ его слову, все-таки симпатичнѣе австрійскаго ретрограда и консерватора, при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

несшаго столько вреда развитію человѣчества и затормозившаго прогресивное движеніе въ Европѣ больше чѣмъ на четверть столѣтія, послѣ паденія наполеоновскаго деспотизма, которому, впрочемъ, усердно содѣйствовалъ и Талейранъ. Но во время реставраціи и іюльской монархіи онъ дѣйствовалъ все-таки въ либеральномъ духѣ, что не разъ приводило его къ столкновенію съ Метернихомъ, который былъ 19-ю годами моложе своего учителя и умеръ двадцатью однимъ годомъ позже него, все такимъ же ретроградомъ, не смотря на то, что видѣлъ окончательное крушеніе своей системы. Вотъ почему «Записки» Метерниха, въ свое время представленныя въ извлеченіи читателямъ «Историческаго Вѣстника», не возбуждали такого интереса въ публикѣ, какъ «Записки» Талейрана, которыя самъ авторъ опредѣлилъ напечатать не раньше какъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти. Срокъ этотъ давно уже прошелъ и печать не разъ дѣлала запросъ наслѣдникамъ министра, почему они медлятъ обнародованіемъ его мемуаровъ? Были даже попытки побудить къ скорѣйшему опубликованію ихъ. Парижскій кореспондентъ газеты «Times», пресловутый Бловицъ, добывшій часть мемуаровъ, напечаталъ выдержки изъ нихъ въ англійской газетѣ и грозилъ обнародовать цѣлыя главы, если еще будутъ оттягивать печатаніе. Это заставило наконецъ консервативныхъ и клерикальныхъ наслѣдниковъ заняться изданіемъ. Глава ихъ, герцогъ Брольи, прочелъ въ академіи отрывокъ изъ мемуаровъ и напечаталъ его въ своемъ журналѣ «Le Correspondant», гдѣ помѣстилъ и предисловіе къ нимъ. Но еще раньше выхода ихъ въ свѣтъ, въ двухъ первыхъ книжкахъ нью-іоркскаго иллюстрированнаго журнала на нынѣшній годъ «The Century» явился переводъ «Записокъ» съ предисловіемъ американскаго посланника во Франціи Вейтлау Рейда. Этотъ взглядъ заатлантическаго дипломата на своего европейскаго колегу довольно любопытенъ и мы приведемъ его въ извлеченіи и съ нашею оцѣнкою тамъ, гдѣ нельзя согласиться съ его взглядами, прежде, чѣмъ приступить къ передачѣ выдержекъ изъ «Записокъ», которыя мы представимъ читателямъ также въ самомъ сжатомъ видѣ, останавливаясь только на болѣе выдающихся мѣстахъ или на такихъ, гдѣ авторъ, не любившій говорить правду, противорѣчитъ ей вопреки установившимся сужденіямъ. Отъ дипломата, сказавшаго, что «языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли», нельзя ждать безпристрастнаго отношенія къ историческимъ дѣятелямъ и фактамъ. Дѣло критики— указать: гдѣ авторъ заблуждается и гдѣ онъ старается ввести въ заблужденіе другихъ. По смерти Талейрана изслѣдованія по разработкѣ его эпохи сдѣлались такъ обширны и подробны, что возстановленіе истины не составляетъ большого затрудненія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I.

Американскій авторъ введенія къ «Запискамъ» Талейрана говоритъ, что въ нихъ многіе думали найти складъ разнаго рода политическихъ тайнъ и разоблаченіе поступковъ и характеровъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ одно время съ министромъ Директоріи, консульства, имперіи, реставраціи и орлеанской монархіи. Другіе ждали пикантныхъ анекдотовъ о тѣхъ, чья репутація уже установилась исторіею. Рейдъ не прибавляетъ, оправдались ли эти надежды и опасенія, но мы можемъ сказать заранѣе, судя по первымъ томамъ, что съ этой стороны любопытство и ожиданія читателей не будутъ удовлетворены. Никакого новаго свѣта авторъ «Записокъ» не бросаетъ на извѣстныя событія и на лицъ, въ нихъ участвовавшихъ. Любопытны только его взгляды на нихъ, да попытки выставить свои отношенія къ нимъ въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. И это совершенно естественно: такой человѣкъ, какъ Талейранъ, не могъ относиться иначе, какъ вполнѣ субъективно къ фактамъ и лицамъ, и эта субъективность составляетъ отличительную черту и его «Записокъ», гдѣ онъ самъ вездѣ стоитъ на первомъ планѣ. Вездѣ онъ является преимущественно офиціальнымъ лицомъ, руководителемъ иностранной политики и международныхъ сношеній и хотя исполняетъ только предписанія своихъ монарховъ, но придаетъ дипломатическимъ отношеніямъ такой тонъ, какой отвѣчаетъ его личнымъ воззрѣніямъ и интересамъ. Генрихъ Бульверъ сказалъ объ немъ: «это былъ самый выдающійся членъ учредительнаго собранія послѣ Мирабо, а вовремя имперіи первый человѣкъ, послѣ Наполеона». Это справедливо только по отношенію къ политикѣ, но ненадо забывать, что удивляясь его дѣятельности въ этой области и признавая въ ней его вліяніе, выше котораго было въ послѣднее время только вліяніе Бисмарка—ни одинъ изъ государственныхъ людей не могъ положиться на обѣщанія перваго министра Франціи, а масса обыкновенной публики считала его прямо человѣкомъ, ни на одно слово котораго нельзя расчитывать. Наполеонъ назвалъ его шелковымъ чулкомъ, наполненнымъ навозомъ, и высказалъ ему это однажды въ глаза. Шатобріанъ говорилъ: «когда Талейранъ не составляетъ заговоровъ, то онъ кого-нибудь подкупаетъ». Карно выражался еще рѣзче: «въ немъ всѣ пороки стараго режима и ни одной изъ добродѣтелей новаго; у него нѣтъ никакихъ принциповъ, онъ мѣняетъ ихъ какъ бѣлье; сегодня онъ республиканецъ, потому что это выгодно, завтра—приверженецъ абсолютной монархіи, потому что вѣтеръ подулъ въ эту сторону». Мирабо отзывался объ немъ, какъ о низкомъ лгунѣ, способномъ продать за деньги не только своихъ друзей, но и свою душу. Жозефъ Шенье, когда въ директоріи зашла рѣчь о томъ, чтобы вернуть Талейрана изъ изгнанія, говорилъ: «онъ былъ сначала анархистомъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

потомъ орлеанистомъ и не былъ робеспьеристомъ только потому, что Робеспьеръ не хотѣлъ знать его. Какъ губка онъ впитываетъ въ себя всякую жидкость, въ которой плаваетъ, но изъ него уже ничего не выжмешь».

Изъ современныхъ писателей почти всѣ признаютъ продажность Талейрана, обманъ своихъ начальниковъ, отсутствіе въ немъ всякой честности. Только Ламартинъ снисходителенъ къ нему, тогда какъ Луи Бланъ клеймитъ его, Гизо считаетъ его ловкимъ придворнымъ, но не государственнымъ дѣятелемъ. Такого же мнѣнія были объ немъ иностранцы. Въ концѣ его дипломатическаго поприща, когда онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ, лордъ Лондондери сильно осуждалъ его въ палатѣ лордовъ. Веллингтонъ, защищая его, сказалъ только, что онъ всегда очень искусно отстаивалъ интересы своей страны. Талейранъ сознался потомъ, что изъ всѣхъ государственныхъ людей только одинъ Веллингтонъ сказалъ объ немъ доброе слово. Современники обвиняли его, во все продолженіе его карьеры, во всевозможныхъ преступленіяхъ. Распутный священникъ, онъ началъ свое поприще подъ подкровительствомъ Дюбарри. Достигнувъ епископскаго званія, онъ принужденъ былъ объяснить въ газетахъ, что велъ игру въ клубахъ, а не въ игорныхъ домахъ и выигралъ всего 30 тысячъ франковъ, а не 700, какъ утверждали клеветники. Считаясь другомъ Мирабо, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что отравилъ великаго оратора. Потомъ его обвиняли, что онъ участвовалъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью убить Наполеона. Ужъ одно распространеніе подобныхъ слуховъ, ходившихъ объ немъ въ народѣ, доказываетъ, какую репутацію создалъ онъ себѣ въ темныхъ массахъ. Еще больше говорили—и на этотъ разъ съ большею основательностью—объ огромныхъ взяткахъ, какія онъ бралъ за оказываемыя имъ услуги и съ своихъ соотечественниковъ, и съ иностранныхъ дворовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ при Директоріи, онъ велъ переговоры съ Наполеономъ, чтобы уничтожить ее, а при Наполенѣ—съ австрійскимъ императоромъ, чтобы вернуть Бурбоновъ, и при Бурбонахъ интриговалъ въ пользу орлеанской линіи. Учредительное собраніе запретило ему возвращеніе во Францію, Питтъ изгналъ его изъ Англіи, Вашингтонъ не согласился принять его въ Америкѣ, папа отлучилъ его отъ церкви. И между тѣмъ впослѣдствіи республика сдѣлала его министромъ, въ Англію онъ вернулся посломъ Франціи, а американскому уполномоченному въ Парижѣ предложилъ заплатить за то, чтобы жить въ мирѣ съ Франціей. И когда онъ умиралъ, у смертнаго одра его былъ французскій король и кардиналъ-епископъ благословилъ именемъ папы и церкви отходящаго въ вѣчность.

Обвиненія въ распутствѣ, обманахъ, измѣнѣ, продажности, подкрѣпляются документами. Когда Талейранъ потребовалъ отъ американскаго посланника взятки въ 250,000 фунтовъ стерлинговъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

для себя и еще большей суммы для Директоріи подъ видомъ займа, посланникъ писалъ конгрессу: «развѣ вы не знаете, что въ Парижѣ все продается. Неужели вы думали достигнуть чего-нибудь безъ денегъ съ такимъ правительствомъ?» Говорятъ, что обманывая своихъ правителей, онъ заботливо охранялъ права и достоинства Франціи какъ первостепенной державы. Но и это весьма сомнительно. Тьеръ и Минье говорятъ, что онъ выказывалъ отвращеніе къ насилію и преслѣдованіямъ и никому не дѣлалъ зла. Но Сент-Бёвъ писалъ еще въ 1867 году: «на памяти Телейрана лежатъ три сомнительныхъ дѣла: смерть Мирабо, герцога Энгіенскаго и заговоръ Мобрейля съ цѣлью убійства Наполеона». Обо всѣхъ этихъ обвинительныхъ пунктахъ Талейранъ очень мало говоритъ въ своихъ «Запискахъ», хотя толки, относящіеся къ Мирабо, сильно тревожили его. Въ смерти герцога Энгіенскаго самъ Наполеонъ обвинялъ Талейрана, но этотъ, въ свою очередь, взваливаетъ всю вину на своего повелителя—и это гораздо вѣроятнѣе. Участіе же въ заговорѣ Мобрейля и совсѣмъ не вѣроятно. При дворѣ онъ держалъ себя со всею утонченностью вельможи стараго режима. Онъ говорилъ хорошо, а писалъ еще лучше, и въ салонахъ отличался блестящимъ остроумiемъ. Женщины всегда были на его сторонѣ. Въ годы величія онъ не отличался высокомѣріемъ, въ тяжелыя времена умѣлъ стушеваться и не помнилъ обидъ. Когда Наполеонъ въ присутствіи другихъ упрекалъ его въ продажничествѣ и двуличіи, онъ молчалъ и только, когда императоръ уходилъ, замѣтилъ: «какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ мало сдерживаетъ себя». Еще первымъ консуломъ Наполеонъ спросилъ его однажды: отчего онъ такъ разбогатѣлъ и нажилъ до 30-ти мильоновъ франковъ?—«Очень просто, отвѣтилъ онъ, я купилъ сколько могъ ренты наканунѣ 18 брюмера и продалъ ее на другой день». На вѣнскомъ конгрессѣ когда пришло извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ Эльбы, Талейранъ почувствовалъ необходимость ѣхать въ Карлсбадъ, такъ какъ «у него печень не въ порядкѣ, а первая обязанность дипломата заботиться о своей печени». Послѣ Ватерлоо онъ сильно жаловался на эту печень, но когда Людовикъ XVIII возвратилъ ему званіе министра иностранныхъ дѣлъ, болѣзнь какъ рукой сняло.

Его дѣятельность въ учредительномъ собраніи мало оцѣнена и забыта, а онъ былъ въ немъ всегда на сторонѣ полезныхъ мѣръ. Онъ усердно содѣйствовалъ введенію метрической системы и сопротивлялся введенію ассигнацій, предсказывая плачевный конецъ ихъ. Онъ представилъ дѣльный планъ финансовыхъ реформъ и настаивалъ на уничтоженіи лотерей. Имъ составленъ также проектъ преобразованія народнаго воспитанія и секуляризаціи школъ. Въ политикѣ онъ держался мирнаго направленія и союза съ Англіею. Бывши епископомъ, онъ подалъ планъ о покупкѣ имѣній духовенства, увеличивавшій фонды казначейства на два мильярда

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

франковъ, и объ уничтоженіи десятины, платимой церкви. Ко всѣмъ реформамъ въ дворянскомъ сословіи онъ относился сочувственно, но и убѣдившись въ неспособности короля управлять государствомъ, продолжалъ идти по теченію и не стоялъ за коренныя преобразованія. Позднѣе онъ предостерегалъ Наполеона отъ опасности слѣдовать политической системѣ, принятой имъ въ Испаніи, и даже впалъ въ немилость, оттого что не одобрялъ насильственныхъ мѣръ, какимъ подвергался испанскій народъ. Въ Эрфуртѣ онъ протестовалъ противъ агресивныхъ мѣръ направленныхъ для ослабленія Австріи и старался сблизиться съ Алексан-

Талейранъ.

дромъ I. При Людовикѣ XVIII онъ оставилъ министерство потому, что король не хотѣлъ принять его плана союза съ Англіей, а при Луи-Филиппѣ заключилъ въ 1834 году съ этой державой трактатъ, на долго обезпечившій миръ въ Европѣ. На вѣнскомъ конгрессѣ онъ держался также союза съ Англіею, а не съ Россіею. Послѣ Ста Дней онъ всѣми силами отстаивалъ территорію Франціи. Въ палатѣ перовъ онъ защищалъ свободу печати. «Эта свобода, говорилъ онъ, въ глазахъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей составляла всегда безусловную необходимость просвѣщенныхъ временъ. Тѣмъ болѣе невозможно брать назадъ эту свободу, уже однажды данную, или—что одно и тоже—останавливать ея дѣйствіе на неопредѣленное время. Эта ошибка можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ наше время есть нѣкто—кто умнѣе Вольтера,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

любого министра, Бонапарте— это весь свѣтъ, и упорствовать въ борьбѣ съ этимъ свѣтомъ большая ошибка, а въ наше время политическія ошибки гибельны для правительства». Фразу — «всѣ умнѣе, чѣмъ одинъ кто-либо»—Талейранъ повторялъ не разъ въ разныхъ формахъ.

Записки Талейрана, во всякомъ случаѣ, разъясняютъ многія, если на всѣ стороны его политической дѣятельности и знакомство съ ними полезно и интересно. Обратимся теперь къ извлеченію изъ нихъ выдающихся мѣстъ и къ ихъ оцѣнкѣ.

II.

«Я родился въ 1754 году, — такъ начинаются мемуары,—родители мои были очень не богаты, но занимали при дворѣ положеніе, которое обезпечивало за ними съ ихъ дѣтьми достиженіе высшихъ званій. Людовикъ XV пользовался тогда всеобщимъ уваженіемъ. Первыя лица въ государствѣ считали заслугою повиновеніе своему монарху; они не понимали другой власти и величія, какъ происходящихъ отъ королевскаго могущества». Изъ этихъ вступительныхъ фразъ можно было бы заключить, что Талейранъ преданнѣйшій слуга самодержавной монархіи, еслибы въ теченіе своей жизни, онъ не изъявлялъ нѣсколько разъ своей преданности и готовности служить всевозможнымъ образамъ правленія отъ разнузданнаго республиканизма до наполеоновскаго деспотизма и конституціонныхъ прициповъ іюльской монархіи. И потомъ, тотчасъ же вслѣдъ за изъявленіемъ вѣрноподданническаго уваженія къ особѣ короля, Талейранъ прибавляетъ, что королева своими «меланхолическими добродѣтелями возбуждала сожалѣніе въ народѣ, извинявшемъ склонность короля къ маркизѣ Помпадуръ, Пентіеврѣ, маршальшѣ Дюрасъ, г-жѣ Люинь, Марсанъ, Перигоръ, Суршъ, Виларсъ, Таванъ, Эстисакъ, герцогинѣ Флери. Талейранъ не называетъ только Дюбарри, вѣроятно, какъ недостойную стать по своему происхожденію на ряду съ этими знатными дамами. Бабушка его была при дворѣ королевы, жила въ Версали и дала свѣтское образованіе своимъ пятерымъ дѣтямъ. У отца его были точно такіе же взгляды на воспитаніе: слишкомъ большая заботливость о дѣтяхъ, казалось ему педантизмомъ, достаточно было—«открыть имъ карьеру». Маленькихъ дѣтей обыкновенно не держали дома. Талейранъ росъ въ окрестностяхъ Парижа. Тамъ будучи четырехъ лѣтъ, онъ упалъ однажды со шкапа и повредилъ себѣ ногу. Женщина, которой было поручено смотрѣть за ребенкомъ, сообщила объ этомъ его семейству черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ остался хромымъ на всю жизнь. Это обстоятельство имѣло вліяніе на всю его будущность. Семья съ горестью увидала, что онъ неспособенъ къ военной службѣ и сдѣлала его духовнымъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лицомъ, хотя онъ никогда не чувствовалъ призванія быть слугою алтаря. Съ чувствомъ глубокой благодарности отзывается онъ о своей бабушкѣ г-жѣ Шале, относившейся къ ребенку съ материнской любовью. Восьми лѣтъ его отдали въ школу. Тамъ онъ захворалъ оспой. Ее лечили тогда тѣмъ, что запирали больного въ жарко натопленную комнату и поили горячими декоктами, чтобы вызвать болѣзнь наружу вмѣстѣ съ испариной. Многіе умирали отъ такого леченья. Талейранъ уцѣлѣлъ. Двѣнадцати лѣтъ его отвезли въ Реймсъ, чтобы приготовить къ вступленію въ духовное званіе. Видя, что невозможно избѣгнуть своей участи—онъ покорился ей и принялъ тонсуру въ церкви св. Сульпиція въ Парижѣ. Отношенія его къ отцу все время были самыя холодныя, а материнской ласки онъ вовсе не зналъ, и не объясняетъ, почему его не любили въ семьѣ. Получивъ пребенду и поселившись въ Бельшассѣ, онъ вступилъ въ свѣтъ, куда его стали приглашать за «жалкую остроту». На ужинѣ въ отелѣ у г-жи Буфлеръ герцогиня Граммонъ обратилась къ нему съ словами:

— Скажите, пожалуйста, отчего входя въ наше общество, вы вскричали: а! а?

— Простите, герцогиня, вы дурно разслышали: я сказалъ не а! а! а—о! о!—отвѣчалъ Талейранъ.

Въ «Запискахъ» говорится дальше о значеніи салоновъ въ тогдашнемъ парижскомъ обществѣ и расхваливается, въ восторженныхъ выраженіяхъ, первая подруга ранней молодости автора. Салоны, гдѣ при Людовикѣ XV господствовали Вольтеръ, Фонтенель, Бюфонъ, Монтескье, при Людовикѣ XVI распались. Въ обществѣ произошла сильная перемѣна: «чувства замѣнились философскими идеями, страсти—анализомъ человѣческаго сердца, желаніе нравиться—личнымъ мнѣніемъ, увеселенія—планами, проектами и т. п. Все это предвѣщало революцію, отъ которой меня отдѣляетъ столько лѣтъ и столько событій»,—прибавляетъ Талейранъ. Характеристика лицъ, съ которыми онъ сталкивался, не отличается мѣткостью и наблюдательностью. Такъ, говоря о Лафайетѣ, котораго онъ не любилъ, онъ говоритъ, что еслибы его не выдвинули впередъ особыя обстоятельства, онъ остался бы неизвѣстнымъ всю свою жизнь. Въ немъ самомъ не было ничего, что поставило бы его на первый планъ и всѣ средства, какія онъ употреблялъ для этой цѣли, были очень неискусны. Его репутацію поддерживали симпатіи его къ Америкѣ, но въ это время вся Франція съ жадностью слѣдила за преніями конгресса, печатавшимися въ еженедѣльномъ журналѣ «Le courrier de l'Europe». Издавалъ его памфлетистъ Морандъ, служившій при полиціи, авторъ грязнаго пасквиля: «Le gazetier cuirassé». Французы, участвовавшіе въ американской кампаніи, возвращались на родину, восхищенные Новымъ Свѣтомъ. Всѣ толковали объ Америкѣ, точно ее открыли во второй разъ. Талейранъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не сочувствовалъ общему увлеченію и находилъ, что Франціи выгоднѣе имѣть сношенія съ Старымъ чѣмъ съ Новымъ Свѣтомъ, что по своему географическому положенію она должна имѣть вліяніе на государства басейна Средиземнаго моря. Поэтому онъ включилъ въ трактатъ о заключеніи мира съ Англіею въ Амьенѣ нѣсколько чисто платоническихъ пожеланій о необходимости сдѣлать доступными цивилизаціи берега сѣверной Африки. Въ то же время онъ совѣтовалъ своему правительству не посылать остатковъ блестящей египетской арміи на Сан-Доминго, съ напрасной цѣлью возвратить снова этотъ островъ подъ французское владычество, а употребить эти войска для обузданія алжирскихъ пиратовъ и занятія Варварійскихъ владѣній. Талейранъ былъ въ этомъ случаѣ предусмотрительнымъ политикомъ и если бы Франція завладѣла Алжиромъ не въ 1830 году, а въ началѣ столѣтія, это могло бы остановить и введеніе континентальной системы, принесшей столько вреда. Увлеченіе Америкой имѣло еще и тѣ дурныя послѣдствія, что оттуда возвращались съ идеями полнаго равенства всѣхъ гражданъ и находили въ своемъ отечествѣ, напримѣръ, приказъ маршала Сегюра, подтверждающій, чтобы офицерское званіе получали въ арміи одни дворяне.

Въ концѣ восемидесятыхъ годовъ, Талейранъ уже такъ умѣло дѣйствовалъ на дипломатическомъ поприщѣ и пріобрѣталъ благоволеніе иностранныхъ государей, что Густавъ III выхлопоталъ ему у папы Пія VI кардинальскую шляпу. Шляпы этой искусному дипломату не удалось, однако, надѣть, такъ какъ Марія-Антуанета, не любившая его, сильно возстала противъ этого и, черезъ посредство австрійскаго двора, убѣдила папу отложить это назначеніе, потому будто бы, что награжденіе по ходатайству иностраннаго государя такою милостью, человѣка, не рекомендованнаго своимъ правительствомъ, нарушаетъ права короны. Въ собраніе генеральныхъ штатовъ Талейранъ былъ выбранъ какъ членъ духовенства и, понявъ, что при дѣленіи представителей по сословіямъ нельзя выработать никакого прочнаго плана конституціи, предложилъ распустить штаты и сдѣлать новые выборы, по другой системѣ. Объ этомъ онъ сообщилъ графу д'Артуа, который «оказывалъ мнѣ нѣкоторую благосклонность и—если я смѣю употребить его собственное выраженіе — даже дружбу». Въ посмертныхъ «Запискахъ» можно было бы и не выражаться такимъ придворнымъ языкомъ о человѣкѣ, который былъ дурной братъ, дурной гражданинъ и дурной король, но Талейранъ очевидно не могъ отучиться отъ низкопоклоничества и въ литературѣ, какъ и въ жизни. Его сообщенія будущему королю Карлу X и переговоры съ дворомъ не повели ни къ чему, и онъ рѣшился—плыть по теченію, не выдвигаясь впередъ и не подвергая себя опасности. Онъ признавалъ опасность принятія «декларації правъ человѣка», но не протестовалъ про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тивъ нея. Онъ придаетъ особенную важность своему участію въ комиссіи введенія новыхъ мѣръ и вѣсовъ, и въ комитетѣ по народному образованію, и перечисляетъ громкія имена лицъ, въ нихъ участвовавшихъ—Лапласа, Лавуазье, Монжа, Лагранжа, Кондорсе. Но какую роль игралъ въ этихъ комиссіяхъ самъ Талейранъ не ученый и не педагогъ—онъ не говоритъ объ этомъ, за то довольно пространно объясняетъ, почему онъ принялъ гражданскую конституцію духовенства и отказался отъ отенскаго епископства. За то онъ ничего не говоритъ о праздникѣ 14-го іюля 1790 года на Марсовомъ полѣ, куда собрались представители всѣхъ 83-хъ вновь учрежденныхъ департаментовъ Франціи—принести присягу конституціи, и гдѣ Талейранъ, какъ епископъ, служилъ торжественно обѣдню. Бастидъ, авторъ біографіи Талейрана на французскомъ языкѣ, вышедшей вскорѣ послѣ его смерти, говоритъ, что епископъ, подходя къ алтарю, обратился къ начальнику національной гвардіи генералу Лафайету съ словами: «Пожалуйста теперь не смѣшите меня». Тотъ же авторъ обнародовалъ письмо Талейрана, отъ 15-го іюля, къ своей пріятельницѣ, графинѣ Флаго, въ которомъ онъ называетъ эту торжественную церемонію: «вчерашній смѣхотворный праздникъ» и приводитъ слова Сіейеса, спросившаго его, въ присутствіи 16-ти лицъ, съ сардонической улыбкой: какъ онъ могъ сохранить серьезный видъ, исполняя шутовство на Марсовомъ полѣ, гдѣ между сотнею тысячъ народа было все-таки нѣсколько христіанъ, вѣрившихъ въ серьезность этой національной присяги. Въ этомъ любопытномъ письмѣ встрѣчаются далѣе еще слѣдующія фразы: «Я держусь мнѣнія Вольтера: вѣримъ мы въ Бога или нѣтъ—это наше дѣло, но для толпы опасно не вѣрить, и если она не будетъ вѣрить въ наказаніе на томъ свѣтѣ и въ будущемъ, то будетъ красть, отравлять и убивать». Заключается это письмо слѣдующимъ мадригальнымъ обращеніемъ Талейрана: «надѣюсь, что проницательность ваша подскажетъ вамъ, какому божеству возсылалъ я свои молитвы и приносилъ клятву въ вѣрности. Вы однѣ — то высшее существо, которое я обожалъ и всегда буду обожать».

Снисходительный къ графу д'Артуа, Талейранъ рѣзко отзывается о герцогѣ Орлеанскомъ, называя его «человѣкомъ безъ сердца и безъ убѣжденій, не образованнымъ невѣждой; всѣ его поступки отличаются несообразительностью, легкомысліемъ, плутовствомъ». Но въ этомъ мѣстѣ «Записокъ», которыя писались въ царствованіе сына герцога, существуетъ пропускъ, о которомъ издатели выражаются лаконически: «здѣсь въ рукописи недостаетъ восьми страницъ». Авторъ приводитъ только черту безсердечія герцога Орлеанскаго, относящуюся еще къ 1788 году: у него былъ другъ маркизъ Конфлансъ, 26 лѣтъ, дѣлившій съ нимъ разгульную жизнь, умный и добрый малый. Однажды, онъ обѣщалъ обѣдать у Бирона съ герцогомъ Орлеанскимъ и нѣсколькими офице-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рами. Въ назначенный часъ всѣ собрались къ столу, не было только одного Конфланса и герцогъ былъ недоволенъ этимъ, такъ какъ торопился тотчасъ послѣ обѣда въ театръ. Въ четыре часа лакей Конфланса явился съ извѣстіемъ, что господинъ его внезапно скончался. Всѣ были поражены неожиданною новостью, но герцогъ Орлеанскій вскричалъ: «господа! такъ какъ намъ теперь некого больше ждать, отправимся скорѣе обѣдать, чтобы мнѣ не опоздать къ началу оперы». Талейранъ опровергаетъ мнѣніе, что герцогъ былъ однимъ изъ дѣятелей революціи, что вокругъ него собирались группы недовольныхъ, и самъ онъ съ помощью ихъ замышлялъ проложить себѣ дорогу къ трону. Все это немыслимо при безхарактерности герцога и его распутной жизни. Въ національномъ собраніи онъ игралъ самую жалкую роль и не смотря на то, что вотировалъ смерть короля, сложилъ свою голову на гильотинѣ. Онъ не могъ быть ни коноводомъ, ни агентомъ революціи. «Историки напрасно ищутъ людей, которые возбудили, направляли или сдерживали французскую революцію: въ ней не было ни творцовъ, ни руководителей. Сѣмена ея посѣяны писателями, которые, въ эпоху прогреса, стремясь къ уничтоженію предразсудковъ, опрокинули религіозные и общественные принципы,—а также неумѣлыми министрами, увеличившими дефицитъ финансовъ и неудовольствіе народа». Странное мнѣніе о причинѣ революціи у такого государственнаго, хотя не общественнаго дѣятеля какъ Талейранъ.

Въ виду угрожающаго положенія нѣкоторыхъ изъ европейскихъ державъ, сбиравшихся вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, жирондисты потребовали отъ министерства, чтобы оно вошло въ сношенія съ державами о прекращеніи вооруженій. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Лессаръ положилъ отправить Талейрана съ этимъ предложеніемъ въ Лондонъ. «Мнѣ давно хотѣлось оставить Францію, говоритъ онъ, гдѣ я утомился и разочаровался, и хоть я былъ увѣренъ въ неуспѣхѣ моего порученія, но принялъ его охотно. Людовикъ XVI написалъ королю Англіи письмо и я повезъ его. Въ то время дѣло шло уже не о томъ, какъ будетъ царствовать король, а о томъ, какъ спасти его со всею семьею. Надо было употребить всѣ средства для этой цѣли». Франція была тогда въ войнѣ только съ Австріей и Сардиніей. Но если бы всѣ европейскія державы предложили свое посредничество и признали совершившуюся во Франціи перемѣну формы правленія, съ тѣмъ, чтобы царствующей семьѣ была предоставлена свобода оставить страну, демагоги, хотя и были бы недовольны этимъ, но не могли бы отвергнуть такого предложенія, тѣмъ болѣе, что кабинетъ разослалъ миролюбивыя декларації ко всѣмъ правительствамъ. Талейранъ уѣхалъ въ Лондонъ послѣ 10 августа 1792 г. и пробылъ тамъ слѣдующій годъ и часть 1794 г. Маркизъ Лансдоунъ принялъ его очень любезно и познакомилъ съ Гастингсомъ, Пристлеемъ, Кан-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нингомъ, Ромильи, Бентамомъ, Фоксомъ. Онъ жалуется, что отсутсутствіе изъ Франціи не позволило ему близко узнать подробности ужасныхъ сценъ, въ которыхъ звѣрство смѣшивалось съ омерзеніемъ. Онъ говоритъ, что царствованіе Генриха IV и Людовика XIV извѣстны во всѣхъ деталяхъ, а революція представляется туманною и загадочною даже для тѣхъ, кто въ ней принималъ участіе. Событія шли такъ быстро одно за другимъ, что трудно было въ нихъ оріентироваться. «Вожди черни, являясь неизвѣстно откуда въ минуты народныхъ возстаній, по прекращеніи ихъ также быстро погружались въ неизвѣстность. Нельзя сказать, чтобы поступки ихъ не имѣли историческаго значенія, но какой же выводъ можно сдѣлать изъ событій, совершенныхъ нерѣдко безъ цѣли и плана, производимыхъ безжалостными и безпорядочными страстями? Изслѣдованія рѣдко объясняютъ причины катастрофъ, но изученіе ихъ все-таки предостерегаетъ насъ отъ нетерпимости въ сужденіяхъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ лицъ, участвовавшихъ въ тѣхъ событіяхъ, ни высокостоящіе, ни простые граждане, не могутъ отклонить отъ себя отвѣтственности за случившееся».

Талейранъ говоритъ очень коротко о своемъ изгнаніи изъ Англіи и увѣряетъ, что Питтъ прислалъ ему приказаніе выѣхать въ 24 часа только потому, что онъ былъ эмигрантомъ. Онъ протестовалъ напрасно, писалъ даже къ королю, но не получилъ нигдѣ удовлетворенія и долженъ былъ жить на кораблѣ, приготовлявшемся къ отплытію въ Америку. Корабль, на которомъ ѣхалъ Талейранъ, вынесъ сильную бурю при выходѣ изъ устья Темзы, но прибылъ благополучно въ Филадельфію, гдѣ изгнанникъ сошелся съ нѣсколькими голландцами и французами. Они отправились знакомиться съ страною. Больше всего ихъ удивило то, что въ полутораста миляхъ отъ столицы начинаются дѣвственныя лѣса, не тронутыя рукою человѣка. Авторъ сожалѣетъ, что американцы обращаютъ больше вниманія на торговлю, чѣмъ на земледѣліе, и что девять-десятыхъ изъ 500 милліоновъ акровъ земли, составляющей территорію Сѣверной Америки остаются невоздѣланными. Въ лихорадочномъ комерческомъ движеніи авторъ видитъ соціальную болѣзнь и упрекаетъ также американцевъ въ излишней любви къ роскоши и страсти къ деньгамъ. Онъ видѣлъ севрскіе фарфоровые столики, купленные дорогою цѣною въ Тріанонѣ, а въ шестидесяти миляхъ отъ Бостона платили 12 фунтовъ стерлинговъ за соломенную шляпу изъ Флоренціи. На берегу Огіо, въ деревянномъ домикѣ владѣльца, было великолѣпное фортепьяно съ бронзовыми инкрустаціями, но хозяинъ просилъ не играть на немъ, такъ какъ настройщикъ живетъ въ ста миляхъ и пріѣзжаетъ разъ въ годъ. Въ Мачіасѣ богатый ландлордъ говорилъ ему, что никогда не былъ въ Филадельфіи и не видѣлъ Вашингтона, но теперь сбирается съѣздить туда.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И вы конечно поспѣшите увидѣть великаго человѣка?— спросилъ Талейранъ.

— Постараюсь, но еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ бы тамъ мистера Бингама, самаго богатаго человѣка въ городѣ,—отвѣчалъ практическій американецъ.

Объ освободителѣ Америки и ея первомъ президентѣ Талейранъ говоритъ только одинъ разъ, въ приведенномъ выше мѣстѣ. Причина этому очень проста: лордъ Ландсоунъ далъ ему очень любезное рекомендательное письмо къ Вашингтону. Въ письмѣ Талейранъ разхваливался, какъ человѣкъ передовой и умѣренный, пожертвовавшій своимъ самолюбіемъ общественному принципу, отказавшись отъ духовнаго званія, но изгнанный по желанію двухъ дворовъ, недопускающихъ, чтобы епископъ могъ предпочесть свободу гражданина своимъ духовнымъ обязанностямъ. Не смотря на такую рекомендацію, Вашингтонъ наотрѣзъ отказался видѣться съ Талейраномъ, и дипломатъ никогда не могъ простить этого. За то онъ съ восторгомъ отзывается о генералѣ Гамильтонѣ и приводитъ продолжительныя бесѣды съ нимъ, о политическомъ и экономическомъ положеніи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Преобладаніе исключительно торговыхъ интересовъ могло быть причиною комерческихъ кризисовъ и вредить развитію страны. Пропитанный идеями французскихъ экономистовъ, Талейранъ стоялъ за свободу торговли и уничтоженіе пошлинъ. Гамильтонъ представилъ напротивъ въ конгрессъ таможенный тарифъ, и конгрессъ утвердилъ его. По мнѣнію Талейрана, ничто не мѣшало самымъ близкимъ сношеніямъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Европа, столько лѣтъ уже развивающая свою промышленность и искусства, производитъ болѣе предметы роскоши, дѣлающіе жизнь болѣе пріятною и комфортабельною. Америка даетъ такой урожай хлѣба, какого не можетъ доставить ни одна страна. Такимъ образомъ, обмѣнъ произведеній, одинаково необходимыхъ для обѣихъ частей свѣта, будетъ необходимо содѣйствовать ихъ сближенію, сначала торговому, а потомъ и умственному. Гамильтонъ находилъ, что это можетъ осуществиться, когда въ Америкѣ будутъ такіе же четыре обширные комерческіе рынка для всемірной торговли, какъ Лондонъ, Амстердамъ, Марсель и Кадиксъ. Талейранъ, проведя 30 мѣсяцевъ въ Америкѣ, хорошо ознакомился съ этой страною, гдѣ онъ жилъ «безъ всякой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ быть далеко отъ Франціи и Англіи». Декретъ конвента 1796 года позволилъ ему вернуться въ отечество.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

МЕТАФИЗИКЪ XVII СТОЛѢТІЯ.[1])

ИМЯ СПИНОЗЫ чрезвычайно популярно. Немногіе философы среднихъ вѣковъ, и даже новѣйшаго времени, удостоивались такого вниманія ученой критики, какъ жизнь и дѣятельность великаго метафизика XVII столѣтія. Иностранная литература, и въ особенности германская, изобилуетъ трудами о Спинозѣ: его судили и изслѣдовали со всѣхъ сторонъ; его сочиненія переведены и изданы уже давно и тѣмъ не менѣе эта сильная и могучая натура, оставшаяся загадкой для современниковъ, продолжаетъ и до сихъ поръ носить на себѣ какую-то таинственную окраску. Когда приходится говорить о Спинозѣ, мысль невольно переносится къ современной ему эпохѣ, полной борьбы, мрака и ужаса. Феодальная Европа отживаетъ свои послѣдніе дни; деспотизмъ достигаетъ апогея; во славу Господа и ради спасенія человѣческихъ душъ «великій инквизиторъ» безпощаденъ и всевластенъ. Рядомъ съ этимъ, всю континентальную Европу ослѣпляетъ блескъ и слава двора Людовика XIV, гдѣ абсолютизмъ достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта. Все безпрекословно повинуется французскому королю: даже горы, по выраженію современниковъ, отступаютъ передъ его велѣніемъ. Такова внѣшняя сторона вѣка, но даже поверхностный наблюдатель ви-

[1]) Переписка Бенедикта де-Спинозы съ приложеніемъ жизнеописанія Спинозы І. Колеруса. Переводъ съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ, подъ редакціей съ примѣчаніями А. Л. Волынскаго. Спб. 1891.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дить, что средневѣковое зданіе непрочно и близко къ распаденію. Всѣ его устои расшатаны и новая жизнь съ ея жгучими запросами готова поглотить вѣковыя формы и традиціи. Сѣверныя державы объявляютъ борьбу ветхому континенту и дѣлаются разсадникомъ, какъ политической, такъ и религіозной оппозиціи. Оппозиція эта ростетъ съ каждымъ годомъ и мало-по-малу охватываетъ собою все бо́льшую территорію. Въ этой борьбѣ *стараго* и *новаго* обѣ стороны отличаются крайней фанатичностью своего credo и скепсизъ не закрадывается въ вѣрующія сердца.

И вотъ, въ эту-то эпоху является великій скептикъ своего времени, человѣкъ, одаренный отъ природы умомъ, способнымъ на глубокій анализъ и на широкій синтезъ. Бенедиктъ де-Спиноза бросаетъ перчатку своему вѣку, рветъ узы съ современниками, съ своимъ народомъ, и произноситъ громкое и сильное осужденіе и старому и новому порядку вещей. Все отъ него отшатывается, онъ остается одинокъ, больной, хилый, въ нуждѣ. Евреи произносятъ надъ нимъ великую анаѳему; христіане шлютъ ему негодованіе и проклятіе. Врагъ церковности, онъ не вступаетъ въ союзъ и съ свѣтской властью, не смотря на то, что послѣдняя идетъ ему на встрѣчу: ему дорожѐ всего въ жизни свобода, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Только въ свободѣ Спиноза усматриваетъ путь къ истинѣ, а послѣдняя есть альфа и омега всей его жизни. Только немногіе люди либеральнаго образа мыслей признали его великимъ человѣкомъ вѣка, предвидя, что основы борьбы философа останутся отнынѣ на вѣки основами всякой соціальной и философской борьбы. Трагизмъ положенія, смѣлость, даже дерзость мысли, непоколебимость убѣжденій, гармонія жизни съ проповѣдью, при мрачномъ фонѣ окружающихъ явленій—вотъ что невольно заставляетъ остановиться передъ Спинозой въ изумленіи всякаго, кто примется за изученіе исторіи XVII столѣтія.

И наша отечественная литература обратила уже давно вниманіе на Спинозу, хотя при этомъ приходилось преимущественно пользоваться иностранными источниками. Только недавно появилась въ переводѣ его «Этика», остальные же труды были для насъ недоступны. Теперь передъ нами новый путь къ ознакомленію съ типичной фигурой философа: мы имѣемъ прекрасный переводъ «Переписки Бенедикта де-Спинозы», сдѣланный г-жею Гуревичъ, подъ редакціей г. Волынскаго, по изданію сочиненій Спинозы Ванъ-Флотена и Ланда 1882 — 1883 гг. Къ перепискѣ присоединено и жизнеописаніе философа, сдѣланное современникомъ Спинозы, Іоганномъ Колерусомъ, а также текстъ отлученія, обнародованный въ 1656 г. противъ Спинозы заправилами еврейской общины съ высоты синагогальной каѳедры. Редакторъ перевода снабдилъ изданіе многочисленными примѣчаніями, поясняю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щими типичныя мѣста въ письмахъ философа, при чемъ онъ предоставилъ свободу выводовъ самому читателю, не оказывая на него давленія критическими замѣчаніями. Если изъ изученія «Этики» мы почерпаемъ наиболѣе существенные взгляды Спинозы по вопросамъ метафизики и морали, то «Переписка», давая въ этомъ отношеніи не менѣе матеріала, помогаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ живымъ портретомъ личности философа. Страстный языкъ писемъ, тонкость полемическихъ пріемовъ, необыкновенно богатая игра ума — всѣ эти качества рисуютъ намъ человѣка, не холоднаго и безстрастнаго, а мыслителя, умѣющаго съ непоколебимой твердостью, мужественно и пылко отстаивать свои завѣтные идеалы. Чистота всей натуры и образа жизни, неспособность идти на какіе бы то ни было компромиссы и сдѣлки съ совѣстью, глубокая вѣра въ правоту своего исповѣданія, вѣра доходящая до поэтической экзальтаціи — вотъ отличительныя черты характера Бенедикта де-Спинозы.

Мѣсторожденіе Спинозы точно неизвѣстно. Обыкновенно біографы, въ томъ числѣ и Колерусъ, полагаютъ, что онъ родился въ Амстердамѣ, но нѣкоторые намеки въ перепискѣ философа даютъ поводъ полагать, что родина его Испанія. По всей вѣроятности родители Спинозы вынуждены были покинуть Пиренейскій полуостровъ вслѣдствіе сильныхъ притѣсненій, которымъ подвергались евреи со стороны католической церкви и переселиться въ Амстердамъ, этотъ сѣверный уголокъ Германіи, куда стекалось подъ защиту либеральнаго правительства все гонимое и тѣснимое, оппозиціонное домашнему порядку вещей. Въ Амстердамѣ родители Спинозы открыли торговлю и числились зажиточными и честными купцами. Уже съ дѣтства маленькій Барухъ [1]) обнаружилъ необычайныя способности и любознательность. Отецъ его, не желая глушить природныхъ дарованій сына, далъ ему возможно полное для того времени образованіе. Онъ пригласилъ ему въ преподаватели извѣстнаго мѣстнаго педагога Франциска Ванъ-денъ-Энде, человѣка либеральнаго образа мыслей, республиканца, окончившаго трагически свою судьбу во Франціи, по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Ванъ-денъ-Энде, какъ полагаетъ Бенедиктъ Колерусъ, забросилъ въ душу своего ученика первыя сѣмена невѣрія и скептическаго отношенія, какъ къ іудейскому, такъ и христіанскому закону. Овладѣвъ въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ, Спиноза

[1]) Имя Баруха было ему дано при рожденіи. Впослѣдствіи, когда онъ разорвалъ связь съ еврействомъ, онъ перемѣнилъ имя и сталъ подписываться въ письмахъ и сочиненіяхъ именемъ Бенедикта (переводное имя Баруха).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обратился къ изученію теологіи со всѣми ея схоластическими тонкостями. Но его жажда истиннаго знанія не нашла себѣ утоленія въ этой излюбленной средними вѣками области: реальный умъ юноши не примирился съ фальшивыми положеніями схоластики и обратился къ изученію окружающей природы. На нѣкоторое время Спиноза всецѣло отдается естественнымъ наукамъ, физикѣ по преимуществу. Но реальное точное знаніе не удовлетворяетъ его — онъ не довольствуется констатированіемъ фактовъ: ему нужно широкое обобщеніе, философское обоснованіе и толкованіе всего міросданія. Онъ погружается въ разсмотрѣніе существующихъ философскихъ ученій и ищетъ методовъ для построенія собственной научной системы.

Ученіе Декарта все болѣе овладѣвало въ то время умами пытливыми и рвущимися къ свободному знанію. Въ методахъ и философской системѣ французскаго ученаго Спиноза нашелъ себѣ временное удовлетвореніе. Положеніе Декарта cogito ergo sum или все то истинно, что я познаю ясно и опредѣленно, вполнѣ гармонировало съ прирожденнымъ настроеніемъ ума молодого амстердамскаго ученаго. Но если Декартъ вѣчно находился въ страхѣ передъ ортодоксальнымъ духовенствомъ и тщательно избѣгалъ явныхъ съ нимъ столкновеній, за то его молодой поклонникъ, принявъ положенія своего учителя, сразу сдѣлалъ изъ нихъ жизненное примѣненіе. Со всею отвагою пылкаго ума онъ ринулся въ борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей и на первыхъ порахъ занесъ свой философскій мечъ противъ единовѣрцевъ. Іудейское исповѣданіе съ его талмудическими и кабалистическими толкованіями стало претить его логически-прямому разуму и точнымъ методамъ мышленія. Подвергнувъ строгому анализу не только кабалистическія и талмудическія ученія, но и книги библіи, онъ отнесся скептически къ тому, чему поклонялось столько вѣковъ правовѣрное еврейство. Выступить сразу противъ библіи онъ, однако, не рѣшился, а направилъ свою проповѣдь противъ раввинизма. Спиноза сталъ, не стѣсняясь, среди знакомыхъ и учениковъ, утверждать, что принципы еврейскихъ раввиновъ не могутъ быть приняты ни однимъ здравомыслящимъ человѣкомъ; по его мнѣнію, всѣ эти принципы имѣютъ единственнымъ основаніемъ авторитетъ самихъ раввиновъ, а вовсе не исходятъ отъ Бога, какъ они на то претендуютъ, не имѣя за себя въ этомъ отношеніи ни тѣни какого бы то ни было основанія. Это стремленіе къ правдѣ, чистой правдѣ и несомнѣнности, повело къ полному разрыву между нимъ и единоплеменниками.

У Спинозы теорія не расходилась съ практикой, расчетливость и выгоды жизни не входили въ его планы, какъ это было у ловкаго и осторожнаго Декарта, почему онъ, установивъ однажды извѣстное положеніе, со всею страстностью своего темперамента рѣшился на явную оппозицію. Онъ пересталъ посѣщать синагогу,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сталъ избѣгать сношеній съ старшинами своей колоніи и еврейскими толковниками и мудрецами. Философскія изслѣдованія и, какъ послѣдствія ихъ, смѣлые выводы и обобщенія—вотъ та стихія, въ которую онъ всенародно окунулся. Поведеніе молодого ученаго произвело настоящій переполохъ, цѣлую бурю въ амстердамской еврейской общинѣ.

Столько надеждъ возлагалось на этого блистящаго даровитаго члена общины! старики видѣли въ немъ оплотъ будущаго еврейства, столь нуждавшагося тогда въ мужественныхъ борцахъ! И что же вмѣсто того? Измѣна, ренегатство, позорное отступничество... И въ какое время? Въ то время, когда и безъ того съ каждымъ днемъ численность племени уменьшается, когда ихъ во имя славы Господней жгутъ на кострахъ и пытаютъ въ мрачныхъ инквизиціонныхъ подземельяхъ, когда христіанскіе монастыри переполнены трусливыми и робкими, бѣжавшими туда изъ чувства самосохраненія... Нѣтъ, этому слѣдуетъ положить конецъ! И вотъ представители Амстердамской общины, послѣ долгихъ и тайныхъ совѣщаній, начинаютъ дѣйствовать. Главные хахамы раввинской коллегіи сначала добыли несомнѣнныя доказательства его вѣроотступничества, затѣмъ пригласили его къ себѣ и стали увѣщевать. Но увѣщеванія не подѣйствовали. Скромно, но твердо молодой еретикъ съумѣлъ дать отпоръ своимъ противникамъ. Тогда его подвергли первичному церковному отлученію: всякое близкое съ нимъ общеніе въ теченіе 30 дней было запрещено. Это, однако, не подѣйствовало, и Спиноза въ кругу близкихъ продолжалъ проповѣдь своей ереси. Коллегія попыталась переманить его на свою сторону инымъ путемъ: ему предложили ежегодную пенсію въ 1,000 гульденовъ подъ условіемъ, чтобъ онъ хоть изрѣдка являлся въ синагогу и не дѣлалъ явныхъ враждебныхъ еврейству шаговъ. Но деньги не соблазнили молодого философа и онъ предпочелъ быть свободнымъ, зависимымъ только отъ своихъ убѣжденій и нравственности, чѣмъ связать себя позорной продажей и унизить себя отступничествомъ передъ тѣмъ, что считалъ за истину. Амстердамская колонія продолжала волноваться. Одинъ фанатикъ рѣшился даже покончить съ молодымъ философомъ, причиняющимъ столько заботъ своимъ единоплеменникамъ. Однажды, при выходѣ Спинозы изъ театра, онъ напалъ на него и попытался нанести ему ударъ кинжаломъ. Спиноза съумѣлъ во время отстраниться, такъ что кинжалъ разрѣзалъ только плащъ. Видя такое къ себѣ враждебное настроеніе и опасаясь быть убитымъ какимъ-нибудь фанатизированнымъ гражданиномъ, онъ рѣшается покинуть Амстердамъ и поселяется у одного знакомаго въ деревнѣ, гдѣ ничто не угрожало его жизни и гдѣ онъ могъ свободно предаваться излюбленнымъ научнымъ и ремесленнымъ занятіямъ.

Удаленіе Спинозы изъ Амстердама переполнило чашу терпѣнія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

еврейской коллегіи и она рѣшила болѣе его не щадить. И вотъ въ одинъ изъ четверговъ 1656 года, незадолго до траурнаго дня разрушенія Іерусалима, раввинны и старшины произнесли надъ нимъ въ синагогѣ, съ высоты каѳедры и при открытомъ кивотѣ завѣта, великую анаѳему, самый страшный видъ отлученія. Мотивировавъ сначала, почему философъ подвергается столь жестокому наказанію, раввины возгласили: «По произволенію ангеловъ и приговору святыхъ мы отлучаемъ, отдѣляемъ и предаемъ осужденію и проклятію Баруха де-Спинозу, съ согласія синагогальнаго трибунала и всей этой святой общины, передъ священными книгами Тора съ шестью стами тринадцатью предписаніями, въ нихъ написанными—тому проклятію, которымъ Іисусъ Навинъ проклялъ Іерихонъ, которое Элиса изрекъ надъ отроками, и всѣмъ тѣмъ проклятіямъ, которыя написаны въ книгѣ законовъ. Да будетъ онъ проклятъ и днемъ и ночью; да будетъ проклятъ, когда ложится и когда встаетъ; да будетъ проклятъ и при выходѣ, и при входѣ. Да не проститъ ему Адонаи, да разразится его гнѣвъ и его мщеніе надъ человѣкомъ симъ, и да тяготятъ надъ нимъ всѣ проклятія, написанныя въ книгѣ законовъ. Да сотретъ Адонаи имя его подъ небомъ и да предастъ его злу, отдѣливъ отъ всѣхъ колѣнъ израилевыхъ со всѣми небесными проклятіями, написанными въ книгѣ законовъ. Вы же, твердо держащіеся Адонаи, нашего Бога, всѣ вы нынѣ да здравствуйте! Предупреждаемъ васъ, что никто не долженъ говорить съ нимъ ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какую-либо услугу, ни проживать съ нимъ подъ одной кровлей, ни стоять отъ него ближе, чѣмъ на четыре локтя, ни читать ничего, имъ составленнаго или написаннаго».

Такъ какъ Спиноза не явился въ синагогу, чтобъ лично присутствовать при своемъ отлученіи, то актъ анаѳемы былъ изложенъ письменно и копія его доставлена отлученному. Но этимъ заправилы общины не ограничились, а рѣшили для вящшаго наказанія отступника и для примѣра другимъ молодымъ людямъ обратиться къ городскому магистрату съ ходатайствомъ объ официальномъ и пожизненномъ удаленіи его изъ Амстердама. Городскія власти уступили синагогальной общинѣ и запретили Спинозѣ въѣздъ въ Амстердамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Всѣ эти дѣйствія, однако, не смутили Спинозу. Онъ продолжалъ спокойно жить въ деревнѣ своего друга, погруженный въ свои изслѣдованія и занятый усовершенствованіемъ въ избранномъ ремеслѣ — шлифовкѣ стеколъ, въ чемъ видѣлъ средство къ скромному существованію. Правда, онъ отвѣтилъ амстердамскимъ властямъ оправдательною запискою, главная цѣль которой заключалась въ изложеніи религіозно-политическаго profession de foi. Большая часть положеній этой записки вошла въ составъ надѣлавшаго такъ много шума его «Богословско-политическаго трактата». Одно изъ главныхъ положеній, какъ записки, такъ и трактата,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

заключалось въ томъ, что «свобода мысли можетъ быть дозволена безъ всякаго ущерба для государственнаго спокойствія и религіи; она должна быть даже допущена, такъ какъ при ея запрещеніи не могли бы существовать въ государствѣ религія и спокойствіе».

Проживъ нѣкоторое время у своего знакомаго въ имѣніи, Спиноза переѣхалъ сначала въ Ринсбургъ, а вскорѣ затѣмъ окончательно поселился въ Гагѣ, гдѣ за скромную плату нанялъ себѣ незатѣйливое помѣщеніе у одного небогатаго семейства. Здѣсь уже ничто не мѣшало его занятіямъ и дни его текли мирно и тихо среди усиленныхъ занятій философіей, переписки съ нѣкоторыми пріятелями и выдѣлыванья шлифованныхъ стеколъ. Послѣднее занятіе, благодаря его искусству и стараніямъ друзей, доставляло ему незначительный заработокъ, помогавшій сводить концы съ концами своей скромной, полной лишеній и нуждъ, жизни. Нельзя сказать, чтобъ это ремесло было легкое. Слабогрудому и хилому Спинозѣ приходилось вдыхать постоянно стекольную пыль, которая губительно дѣйствовала на легкія и въ концѣ концовъ развила въ немъ злѣйшую чахотку, которая и свела его въ могилу. А вмѣстѣ съ тѣмъ, поступись онъ только своими завѣтными убѣжденіями, какая почетная дорога могла передъ нимъ развернуться. Такъ, послѣ обнародованія нѣсколькихъ своихъ сочиненій, онъ сталъ привлекать къ себѣ вниманіе все бо̀льшаго числа современниковъ изъ христіанъ; одни изъ нихъ пошли къ нему на встрѣчу, ища его дружбы и расположенія, другіе поспѣшили обвинить его въ атеизмѣ и даже политической неблагонадежности. Изъ числа первыхъ необходимо отмѣтить курфюрста Пфальцскаго Карла Людвига, который черезъ посредство доктора теологіи Фабриціуса обратился къ Спинозѣ съ предложеніемъ занять каѳедру философіи въ Гейдельбергскомъ университетѣ, при чемъ ему гарантировалась «широкая свобода философствованія, согласно его принципамъ и личному усмотрѣнію». Но амстердамскій изгнанникъ не плѣнился почетнымъ предложеніемъ и заманчивыми обѣщаніями. Въ письмѣ, полномъ достоинства, вѣжливомъ и любезномъ, онъ отказался отъ занятія каѳедры, мотивируя свой отказъ слѣдующими соображеніями: «во-первыхъ, я думаю,— писалъ онъ Фабриціусу,— что обученіе юношества воспрепятствовало бы моимъ дальнѣйшимъ философскимъ занятіямъ; а во-вторыхъ, я не знаю, въ какихъ предѣлахъ должна заключаться предоставляемая мнѣ свобода философствованія, чтобы не вызвать подозрѣнія въ посягательствѣ на государственную религію... Испытавъ непріятности даже въ моей одинокой частной жизни, я имѣю тѣмъ большее основаніе опасаться ихъ по достиженіи высшаго положенія.

«И такъ, вы видите, славнѣйшій мужъ, что не надежда на какую-либо лучшую участь удерживаетъ меня, но лишь любовь къ спокойствію, которое я надѣюсь до нѣкоторой степени облегчить себѣ воздержаніемъ отъ публичныхъ чтеній».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

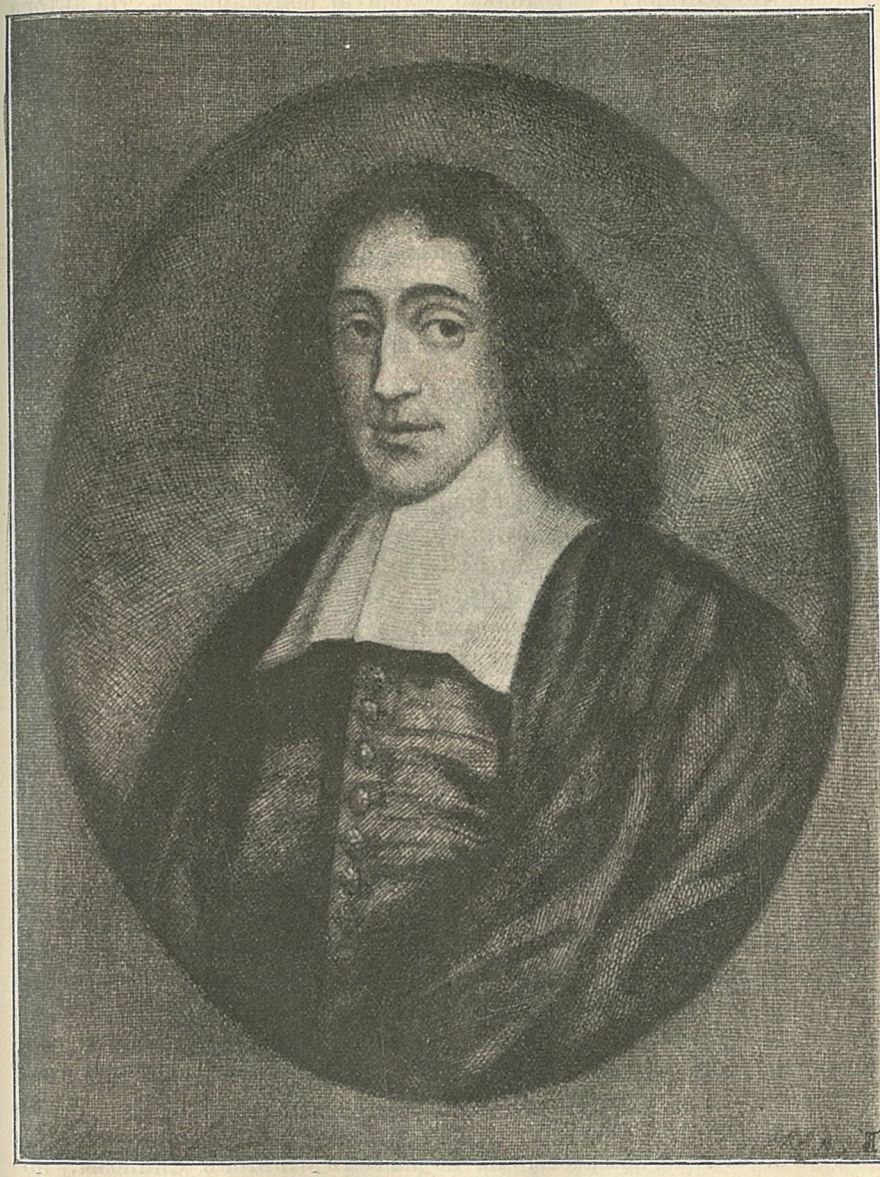
Если Спиноза умѣлъ держать себя съ достоинствомъ въ благопріятныхъ случаяхъ жизни и не поступаться убѣжденіями передъ соблазнами, то не съ меньшимъ спокойствіемъ и сознаніемъ своей философской правды встрѣчалъ онъ и опасности. Послѣ своего возвращенія въ Гагу изъ Утрехта, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ принцемъ де-Конде, среди городской черни распространился слухъ, что Спиноза состоитъ на службѣ принца въ качествѣ шпіона. Чернь заволновалась и хозяинъ дома, гдѣ жилъ философъ, опасался, чтобъ домъ его и имущество не пострадали отъ возбужденной толпы. Спиноза успокоилъ его словами: «Не безпокойтесь на мой счетъ, мнѣ весьма легко оправдаться: многимъ гражданамъ и нѣкоторымъ изъ членовъ правительства хорошо извѣстно, что побудило меня къ этой поѣздкѣ. Но въ случаѣ чего, при первомъ малѣйшемъ шумѣ черни у вашей двери—я самъ пойду къ ней на встрѣчу, хотя бы даже она намѣрена была поступить со мной такъ же, какъ съ несчастными де-Виттами. Я честный республиканецъ и никогда не имѣлъ въ мысляхъ ничего, кромѣ пользы и славы моей родины».

Свою извѣстность Спиноза пріобрѣлъ главнымъ образомъ опубликованіемъ двухъ сочиненій—«Этики» и «Богословско-политическаго трактата», особенно послѣднимъ, такъ какъ оно задѣвало представителей духовной власти. Въ первомъ трудѣ заключается главное развитіе пантеистическаго ученія Спинозы. Центральный пунктъ его метафизической системы заключается въ томъ, что Богъ имманентенъ, присущъ міру, а не трансцедентенъ, внѣ міра; Богъ есть причина вселенной, въ которой онъ всецѣло воплощается. Связь человѣка со вселенной, т. е. съ Богомъ и любовь къ нему, достигается путемъ высшей прозорливости, черезъ посредство руководящаго разума. Высшая добродѣтель есть самоотреченіе путемъ знанія и возможно меньшее соприкосновеніе съ жизненными бурями.

«Этика» Спинозы, хотя и имѣла сильное вліяніе на умы современниковъ, однако не произвела такой сенсаціи, какъ «Богословско-политическій трактатъ», обнародованный въ Амстердамѣ въ 1670 году и возставившій противъ философа представителей церкви и людей, религіозныхъ, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ.

Главная мысль трактата, какъ мы уже упомянули, слѣдующая: «такъ какъ религія состоитъ не столько во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, сколько въ простотѣ и истинѣ души, то до нея нѣтъ дѣла никакому праву и никакому общественному авторитету» и въ другомъ мѣстѣ: «правительству принадлежитъ право опредѣлять родъ общественнаго богослуженія въ данномъ государствѣ,—но оно должно предоставлять своимъ подданнымъ свободу имѣть въ вопросахъ религіи какія угодно мнѣнія и высказывать все, что̀ имъ подсказываетъ сердце и разумъ. Такая же свобода должна быть допущена для подданныхъ и въ отношеніи внѣшнихъ проявленій богопочитанія».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Бенедиктъ де-Спиноза

Исходя изъ мысли, что свобода науки тѣсно связана съ интересами самой религіи, Спиноза разсматриваетъ библію историко-критически, независимо отъ догматическихъ предположеній. «Трактатъ» навлекъ на философа сильное неудовольствіе духовенства; по настояніямъ послѣдняго, продажа этого сочиненія была запре-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щена, что доставило ему только большую популярность. На автора посыпались возраженія, какъ печатныя, такъ и въ письмахъ.

Пасторъ реформатской церкви, г. Бурманъ, объявилъ Спинозу «нечестивѣйшимъ изъ атеистовъ, какого когда-либо видѣлъ міръ», докторъ Музеусъ, профессоръ изъ Іены, писалъ: «діаволъ совратилъ великое множество людей, находящихся на службѣ у него и направляющихъ свои старанія къ тому, чтобы ниспровергнуть все, что̀ есть въ мірѣ святого. Но можно право сомнѣваться, чтобы кто-либо между ними работалъ надъ разрушеніемъ всякаго божественнаго и человѣческаго права съ такою силою, какъ этотъ лжеучитель, рожденный на погибель религіи и государства». Цѣлый рядъ брошюръ и памфлетовъ появился въ печати, направленныхъ противъ Спинозы; и подъ какимъ только заглавіемъ ни появлялись они, напримѣръ «Побѣжденное нечестіе», «Убѣжденный нечестивецъ или разсужденіе противъ Спинозы опровергающее основные принципы его атеизма» и множество другихъ.

Теперь Спиноза очутился воистину въ трагическомъ положеніи: проклятый еврействомъ, онъ вооружилъ своимъ раціонализмомъ и христіанскій міръ. Имя его сдѣлалось символомъ нечестія и разрушенія. Даже вчерашніе друзья, и тѣ стали относиться къ нему сдержанно, боясь себя скомпрометировать въ глазахъ правительства и духовенства. Ихъ письма носятъ на себѣ характеръ или увѣщеваній или вопросовъ, гдѣ у автора со страхомъ и недоумѣніемъ просятъ разъясненій; нѣкоторые требуютъ, чтобы онъ очистилъ себя отъ напрасныхъ обвиненій. Характерно письмо одного бывшаго пріятеля Спинозы, Альберта Бурга, перешедшаго изъ лютеранства въ католичество. Посвятивъ очень много мѣста критикѣ ученія Спинозы, Бургъ заключаетъ письмо слѣдующимъ патетическимъ монологомъ: «Одумайтесь, философъ! Признайте свою мудрствующую глупость и безумную мудрость, преложите гордость на смиреніе,— и вы излечитесь. Молите Христа во святой Троицѣ, чтобы онъ смилостивился надъ вами—и онъ спасетъ васъ. Читайте святыхъ отцовъ и учителей церкви, и они научатъ васъ, что̀ надо дѣлать, чтобы не погибнуть, но обрѣсти жизнь вѣчную. Посовѣтуйтесь съ правовѣрными людьми доброй жизни и глубокой вѣры, и они скажутъ вамъ много такого, чего вы никогда не знали раньше и что̀ поразитъ васъ».

На печатные памфлеты мы не имѣемъ отвѣтовъ Спинозы, но съ кореспондентами онъ старательно обмѣнивался мыслями. Однимъ (напримѣръ, Ольденбургу) онъ разъяснялъ истинное значеніе «Трактата» и развивалъ подробнѣе нѣкоторыя положенія, другихъ онъ опровергалъ и иронически указывалъ имъ ихъ противорѣчія. Такъ, отвѣчая тому же Бургу, онъ писалъ: «Не въ томъ ли состоитъ все ваше смиреніе, что вы вѣрите не самому себѣ, а другимъ людямъ, которыхъ многіе осуждаютъ. И неужели вы можете

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

считать самомнѣніемъ, гордостью—то, что я пользуюсь моимъ разумомъ и уповаю на то слово Божіе, которое заключено въ душѣ и никогда не можетъ ни извратиться, ни испортиться? Отбросьте опасный предразсудокъ, признайте разумъ, данный вамъ Богомъ—развивайте его, если не хотите снизойти на степень животнаго. Перестаньте называть нелѣпыя заблужденія—тайнами; не смѣшивайте столь постыдно того, что неизвѣстно намъ или еще не изслѣдовано, съ тѣмъ, несообразность чего можетъ быть доказана,—каковы всѣ такъ называемыя ужасныя тайны вашей церкви,—которыя вы считаете тѣмъ болѣе превосходящими разумъ, чѣмъ болѣе они противорѣчатъ здравому смыслу».

Въ нападкахъ на Спинозу проглядываетъ между прочимъ одна любопытная черта: оппоненты призываютъ его часто къ доброй жизни, точно онъ какой-то злодѣй и жизнь его полна недобрыхъ дѣяній. На самомъ дѣлѣ, онъ являлся современникамъ истиннымъ примѣромъ добродѣтели, любви къ ближнему, всепрощающимъ, полнымъ самопожертвованія. Онъ не навязывалъ никому своихъ убѣжденій, не агитировалъ грубо среди простыхъ людей, не пытался воздѣйствовать въ партійномъ направленіи на дѣйствія души. Когда, однажды, квартирная хозяйка обратилась къ нему съ вопросомъ: можетъ ли она спастись, принадлежа къ исповѣдуемой ею религіи? Спиноза отвѣтилъ: «Ваша религія хороша, вы не должны искать другой, ни сомнѣваться въ своемъ спасеніи, если только вы не будете довольствоваться внѣшней набожностью, но будете въ то же время вести кроткую и мирную жизнь».

Образцомъ такой кроткой и мирной жизни онъ могъ по справедливости считаться самъ. Цѣлый день, запертый въ своей комнатѣ за книгами и письмами, онъ никого не утруждалъ, ни для кого не составлялъ предмета заботъ и попеченій. Даже когда тяжкій недугъ грозилъ ему смертью, онъ съумѣлъ отойти въ вѣчность спокойно, съ сознаніемъ плодотворно-прожитой жизни. За нѣсколько часовъ до кончины онъ спустился внизъ къ хозяевамъ, поговорилъ съ ними, а когда тѣ ушли къ обѣднѣ, онъ послалъ за докторомъ, на рукахъ котораго нѣсколько времени спустя и скончался къ удивленію вернувшихся изъ церкви хозяевъ, не знавшихъ даже, какъ тяжко боленъ ихъ жилецъ... Послѣ Спинозы, конечно, никакого имущества не осталось; на столѣ лежалъ одинъ дукатъ да нѣсколько мелкихъ монетъ, которые и присвоилъ себѣ врачъ, какъ плату за визитъ.

25-го февраля 1677 года состоялись его скромные похороны на христіанскомъ кладбищѣ, причемъ расходы по погребенію принялъ на себя хозяинъ типографіи въ Амстердамѣ, гдѣ покойный печаталъ свои произведенія.

Б. Глинскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЖАНЪ-ЛУИ-ЭРНЕСТЪ МЕЙСОНЬЕ.

Первые художественные опыты Мейсонье. — Мейсонье, какъ иллюстраторъ. — Дебюты его въ живописи и безучастность его къ классикамъ и романтикамъ. — Отличительныя черты произведеній Мейсонье. — О женофобіи его. — Картинка «L'affaire Clémenceau». — Картины: «Чтеніе у Дидро», «Драка» и «Баррикада 1848 г.». — Портретныя работы Мейсонье. — Батальноисторическія картины его: «Императоръ при Сольферино», «1814-й годъ», «1805-й годъ», «1807-й годъ» и другія произведенія изъ эпохи Наполеона I. — Участіе въ Парижскихъ Салонахъ, награды и отличія. — Организація національнаго Салона въ 1890. — Начальствованіе корпусомъ художниковъ при осадѣ Парижа. — Любовь Мейсонье къ лошадямъ и студіи его въ Парижѣ и Пуасси.

I.

Сколько бы ни мѣнялись вкусы и направленія въ художествахъ Франціи съ каждымъ новымъ государственнымъ переворотомъ, переходя отъ классицизма къ романтизму, отъ реализма къ натурализму, одна особенность всегда отличала французовъ неизмѣнно въ ихъ отношеніяхъ къ искусству. Это — уваженіе къ совершенному и прекрасному, къ тому, что французъ называетъ «le fini». Оно-то, конечно, и побуждаетъ всякаго даровитаго художника во Франціи посильно добиваться истиннаго мастерства и осмысленности въ техникѣ, которыя самымъ обыденнымъ сюжетамъ придаютъ привлекательность, а за произведеніями французскаго искусства обезпечиваютъ господство на міровомъ рынкѣ.

Первоклассным и самымъ авторитетнымъ выразителемъ такихъ отличительныхъ особенностей французской живописи изъ художниковъ XIX вѣка былъ покойный Жанъ-Луи-Эрнестъ Мейсонье. О немъ справедливо сказалъ одинъ изъ европейскихъ художественныхъ критиковъ, что цѣль его искусства — «voir en grand, exé-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

cuter en petit». И дѣйствительно, въ рядахъ старинныхъ и новѣйшихъ живописцевъ трудно подыскать художника, который болѣе заканчивалъ бы свои сюжеты и къ которому болѣе, чѣмъ къ Мейсонье, подходило бы латинское выраженіе: «maxime mirandus in minimis».

Біографія Мейсонье не богата внѣшними фактами. Сынъ ліонскаго купца-дрогиста, онъ съ юныхъ лѣтъ попалъ въ Парижъ и долженъ былъ выдержать нѣкоторую борьбу съ предразсудками отца, прежде чѣмъ посвятить себя искусству. Школьные успѣхи его оказались не блестящими, къ професіи отца его не тянуло. Только къ рисованію рано проявилась въ немъ наклонность. Извѣстный французскій иллюстраторъ Тони Жоганно ободрялъ его работать въ этомъ направленіи и, кажется, увѣщанія Жоганно подѣйствовали и на отца Мейсонье. Онъ согласился на то, чтобы сынъ посѣщалъ студію живописца Конье, писавшаго преимущественно мундиры, лошадей и солдатъ.

Одинъ изъ сотоварищей юнаго Мейсонье по студіи Конье, Тримоле, убѣдилъ его серьезно заняться изученіемъ фламандскихъ и голландскихъ мастеровъ. Копируя голландскихъ жанристовъ, Мейсонье въ антрактахъ въ компаніи съ Тримоле дѣлалъ акварельные рисунки и разныя украшенія для издателей книгъ. Къ этому времени относится и преданіе о томъ, что Мейсонье съ Добиньи поставлялъ для торговцевъ картинами на вывозъ живописныя работы по 5 франковъ за квадратный метръ. Долго ли продолжались эти мытарства проявлявшагося дарованія, остается неизвѣстнымъ. За то достовѣрно извѣстно, что безпримѣрной славы своей Мейсонье добился лишь постепенно, долголѣтнимъ и упорнымъ трудомъ.

Когда была исполнена самая ранняя работа Мейсонье, опредѣлить трудно. Согласно большинству свидѣтельствъ (см. J. L. E. Meissonier, his life and Work by Lionel Robinson. London. I. S. Virtue a. C°.) въ 1831 или 1832 гг., 18-ти-лѣтній художникъ явился съ четырьмя сепіями къ одному издателю дѣтскихъ книгъ и предложилъ свои услуги для иллюстрированія дѣтскихъ разсказовъ. Издателю рисунки понравились, но онъ испугался издержекъ, какія потребовались бы для воспроизведенія такихъ тонкихъ иллюстрацій. Только въ 1835 г. ему удалось получить работу у издателя Кюрмера. Вмѣстѣ съ Ваттье, Рожье, Деверія, Левасеромъ, и нѣсколькими другими молодыми художниками, онъ дѣлалъ рисунки для «Histoire de l'Ancien et du Nouveau Testament, représentée par des figures» (Paris, L. Curmer, 1835 г.). Для этого изданія Мейсонье нарисовалъ «Появленіе Олоферна въ Іудеи», и «Юдиѳь передъ Олоферномъ», и «Смерть Елеазара». Иллюстраціи эти гравировались въ Англіи.

Къ тому же періоду относятся пять рисунковъ Мейсонье къ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пѣснѣ «le vieux célibataire», но объ условіяхъ исполненія этихъ работъ ничего неизвѣстно. Затѣмъ Кюрмеръ заказалъ молодому художнику виньетки, заставки и пр. для своего новаго изданія «Discours sur l'Histoire Universelle» Босюэта, для котораго Мейсонье также нарисовалъ три фигуры—Исайя, св. Павла и Карла Великаго, впослѣдствіи выставлявшіяся въ Парижскомъ Салонѣ въ большомъ форматѣ. Около того времени ему было поручено иллюстрировать «Chûte d'un Ange» Ламартина и сантиментальные эпизоды изъ сочиненій Бернардэна де-Сенъ-Пьерра. Тогда Мейсонье отмѣчалъ свои работы монограмой EM или ME, надолго остававшейся его подписью.

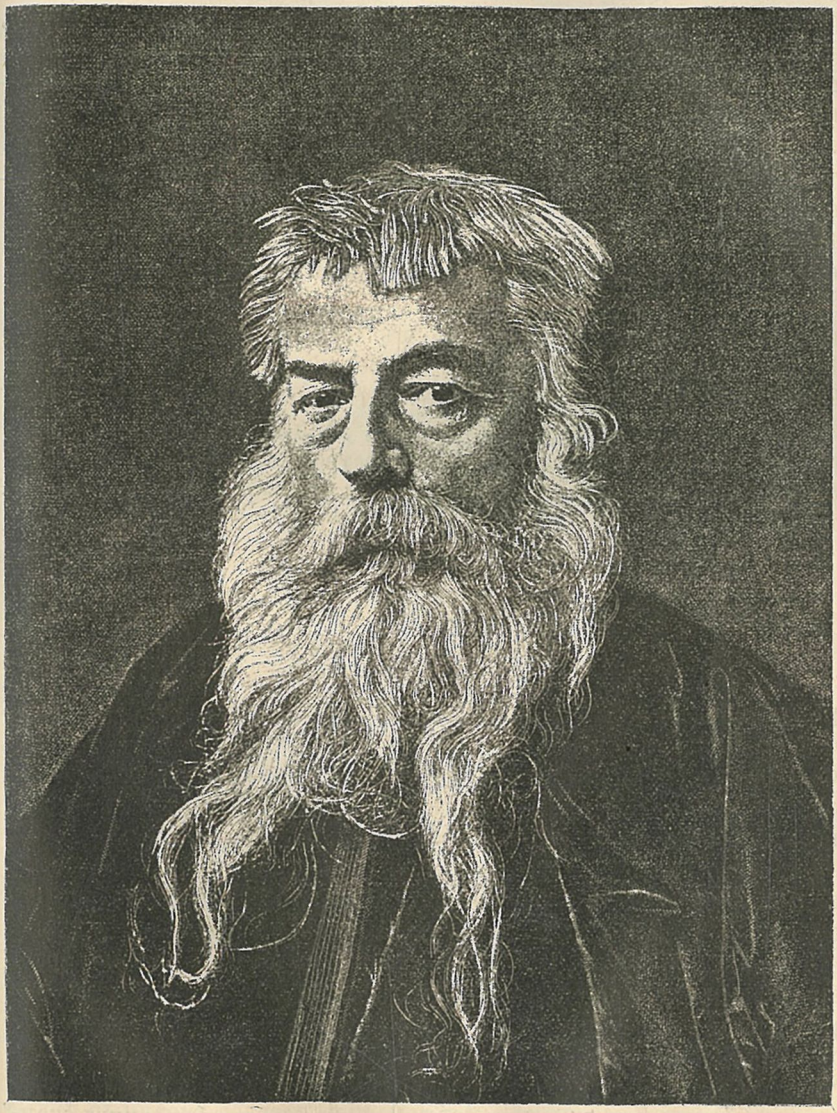
Но на рисовальщика Мейсонье было обращено вниманіе лишь съ появленіемъ иллюстрированнаго изданія «Paul et Virginie» и «Chaumière indienne». Тутъ въ рисункахъ уже ясно сказалась индивидуальность юнаго художника. Форматъ этихъ изданій, необходимость соображаться въ размѣрахъ изображаемаго съ числомъ и длиннотой строкъ, конечно, могли только научить иллюстратора умѣнью выражать свою мысль въ рамкахъ нѣсколькихъ сантиметровъ и развить въ немъ природный инстинктъ миніатюриста. Иллюстраціи къ этимъ сочиненіямъ Бернардена свидѣтельствовали о добросовѣстности исполненія. «Jardin des Plantes» съ одной стороны и библіотека Лувра — съ другой, давали ему матеріалъ для подготовки рисунковъ. Въ ботаническомъ саду онъ изучалъ произведенія тропической природы, а въ библіотекѣ извлекалъ данныя изъ описаній путешественниковъ и ученыхъ.

Затѣмъ Мейсонье участвовалъ въ изданіи Кюрмера «Les Français peints par eux-mêmes», гдѣ главными иллюстраторами состояли Гаварни, Анри Монье и Тримоле. Изъ этихъ работъ знаменитаго художника особенно любопытны: «Модель художника», какъ рѣдкій у Мейсонье образецъ трактовки женской фигуры; виньетка къ «Agent de change», какъ одна изъ первыхъ попытокъ его изобразить группу, въ которой каждому персонажу отведена особая роль и приданъ индивидуальный характеръ; внутренность конюшни, служащая фронтисписомъ къ «Парижскому спортсмену», свидѣтельствующая о любви художника къ лошадямъ; старый книжный червь въ образѣ «Amateur de livres»; слѣпой нищій въ «Les pauvres».

Вторая серія «Les français» посвящена провинціаламъ и тутъ, рисунки Мейсонье обличаютъ въ немъ большую наблюдательность.

Всѣ эти рисунки исполнялись имъ между 1841 — 1843 гг. Тогда же Кюрмеръ далъ возможность Мейсонье впервые обратить вниманіе на Наполеоновскую легенду. Въ 1840 г. останки Бонапарта, котораго доблести воспѣвались въ то время Викторомъ Гюго, Беранже и другими республиканскими поэтами, были привезены съ острова св. Елены и прибытіе ихъ во Францію ознаменовалось пробужденіемъ горячихъ симпатій къ дѣлу Наполеона. Изъ худож-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Ж.-Л.-Э. Мейсонье.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

никовъ, при доставленіи праха въ домъ Инвалидовъ, находились Добиньи и Мейсонье. Послѣдній исполнилъ замѣчательно законченный этюдъ вступленія праха въ Гаврскій портъ и сцену на Руанской набережной, когда погребальное шествіе проходило черезъ Сену.

Въ 1845 г. Мейсонье иллюстрировалъ «Ile des Plaisirs» Фенелона и эта работа поставила его въ дѣловыя отношенія съ извѣстной парижской издательской фирмой Гетцеля, которая поручила ему исполнить рисунки для «L'Histoire d'une poupée et d'un soldat de plomb» Сталь. Сверхъ того, онъ попробовалъ примѣнить къ иллюстраціямъ свои глубокія свѣдѣнія по части костюмовъ XVII и XVIII вв. и сдѣлалъ девять рисунковъ на деревѣ, рѣзанныхъ Лавуанья, для перевода Віардо «Lazarillo de Formes» Мендоцы. Въ 80-хъ гг. Мейсонье исполнилъ нѣсколько рисунковъ для полнаго собранія сочиненій Бальзака, напечатаннаго въ 1885 г. Алекс. Гуссьо. Болѣе, чѣмъ характеры Бальзака, по сердцу художнику пришлись «Contes Rémois» графа де-Шевине. Эти краткія исторіи въ стихахъ, прилаженныя къ духу времени, дали возможность Мейсонье во всемъ блескѣ показать свое мастерство иллюстратора и рисунками для «Contes Rémois» завершилась карьера его, какъ рисовальщика.

II.

Тѣмъ временемъ возростала постепенно и слава Мейсонье, какъ живописца. На первыхъ порахъ и ему довелось испытать всѣ непріятности дебютантовъ, заявляющихъ себя новизной и оригинальностью. Первыя попытки его въ живописи совпали съ періодомъ моды на дикія композиціи и бѣшеный канканъ красокъ, когда подражатели Делакруа, во имя дѣланной афектаціи и превыспренныхъ темъ, пренебрегали и рисункомъ, и добросовѣстнымъ изученіемъ своего дѣла, когда всѣ силились творить отъ себя, когда разныя бездарности, усвоившія отъ своего учителя только его ошибки, возводили въ принципъ свое незнаніе и нежеланіе учиться.

Въ такое-то время, среди нихъ появился юный Мейсонье, сразу выказавшій и добросовѣстность, и готовность совершенствоваться, пренебрегая требованіями модныхъ вкусовъ и партійныхъ догматовъ. Тогдашніе вершители судебъ искусства сперва отвергали его картинки, какъ негодныя для Салона, а когда пустили туда, то молодого художника, внимательно изучавшаго голландскихъ жанристовъ, встрѣтили свистками и обзывали живописцемъ Иванушекъ-дурачковъ и табакерочныхъ крышекъ.

Но Мейсонье продолжалъ спокойно идти своей дорогой. Впервые его имя упоминается въ каталогѣ Салона 1834 г. подъ двумя работами—акварелью, изображающею дѣвочку, которая подаетъ бу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Игроки въ карты.
Съ картины Мейсонье.

тылку съ пивомъ солдату, и картинкой, которую называютъ разно—«Посѣтители», «Les Bourgeois flamands», и «Une visite chez le bourgmestre»—и которая исполнена въ стилѣ старинной голландской живописи. Акварельный рисунокъ обратилъ на себя вниманіе «Société des amis des arts» и былъ пріобрѣтенъ за сто франковъ. По другой версіи, именно картинка «Посѣтители» была

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

куплена за такую цѣну и затѣмъ перешла въ руки Потюрга, за смертью котораго поступила въ галлерею недавно скончавшагося извѣстнаго англійскаго коллекціонера Уолесса.

Въ слѣдующемъ году Мейсонье не выставлялъ въ Салонѣ. Вражда различныхъ направленій въ искусствѣ, какъ и въ литературѣ того времени, дошла до крайнихъ предѣловъ, и ясно было, что молодой художникъ не принадлежалъ ни къ партіи, державшейся традицій академичности въ искусствѣ, ни къ тѣмъ, кто давалъ необузданную волю фантазіи. Темпераментъ Мейсонье, какъ и вкусы его, удаляли его отъ споровъ классиковъ съ романтиками, въ которыхъ дѣятельную роль играли Делакруа, Дешанъ, Шеферъ, Дюпре, Буланже. Онъ болѣе склонялся на сторону Понсара и Эмиля Ожье, чѣмъ Виктора Гюго и Альфреда де-Мюссе, писалъ ихъ портреты и рисовалъ костюмы для ихъ пьесъ.

Эти его любимые драматурги являлись въ сущности представителями здраваго смысла. Мейсонье, не раздѣляя романтическихъ восторговъ своихъ коллегъ, отвертывался и отъ бездушнаго классицизма Демарна, Раффе и Гюе. Его сюжеты долгое время ограничивались узкимъ кругомъ. Но онъ, очевидно, стремился скорѣе достигнуть безусловнаго совершенства въ воспроизведеніи немногихъ типовъ, чѣмъ отдавать свое мастерство на произволъ ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи. Отсюда объясняется такое обиліе написанныхъ имъ типовъ кавалеровъ XVII—XVIII вв. и оруженосцевъ, типовъ читающаго или пьющаго.

Но это не значитъ, что Мейсонье копировалъ самаго себя, какъ обыкновенно поступаютъ его подражатели — миніатюристы, если имѣется спросъ на ихъ работы. Во множествѣ картинокъ его съ одинаковыми названіями, трактующихъ тѣ же характеры, всегда видно отраженіе иного истолкованія одного и того же сюжета. Въ этомъ отношеніи онъ отличается и отъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ голландской школы, по мнѣнію многихъ, превосходя ихъ бо̀льшей ясностью.

Другая отличительная черта произведеній Мейсонье — ихъ осмысленность. Смотря на его курильщиковъ, его ученыхъ, его игроковъ въ шахматы, или знатоковъ любителей картинъ и эстамповъ, живо представляешь себя въ подобномъ положеніи. Правда, костюмы тутъ не нашего времени, но мысли, позы и чувства, выраженныя въ этихъ типахъ, умѣстны во всякія эпохи. Окружающая эти типы обстановка зачастую принадлежитъ прошлому вѣку, но тщательное изученіе того періода, который художнику желательно воскресить, все-таки подчинено главному интересу картины. Лица, физіономіи и позы, выдвинуты на первый планъ и обстановка является лишь аксесуаромъ, тогда какъ у новѣйшихъ миніатюристовъ бываетъ какъ разъ наоборотъ. Все это подтверждается множествомъ «Игроковъ въ шахматы», первый образчикъ которыхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

появился въ Парижскомъ Салонѣ 1836 года, различными группами картежниковъ (см. прилагаемый рисунокъ), игроковъ въ кости, игроковъ въ пикетъ, иллюстрирующими различные періоды костюмовъ со временъ Людовика XIII до начала французской революціи.

Курильщикъ.
Съ картины Мейсонье.

Въ эти группы, по обстановкѣ преимущественно XVII столѣтія, Мейсонье рѣдко допускаетъ болѣе пяти персонажей, но каждый изъ нихъ изображается въ различныхъ позахъ. При этомъ художнику не требуется многихъ сценъ для иллюстрированія жизни и карьеры любого изъ избираемыхъ имъ типовъ. Въ маленькой рамкѣ онъ мо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жетъ выразительно передать его характеръ. Въ этомъ отношеніи любопытны и воспроизводимыя здѣсь фигуры «Курильщика» (1848 г.) и гравированнаго Ражономъ «Знаменоносца». Оруженосцы, офицеры, придворные Мейсонье, какъ живые, повѣствуютъ о своихъ приключеніяхъ не хуже персонажей въ романахъ Вальтеръ-Скотта или Александра Дюма-отца.

Только героини изъ романовъ или изъ дѣйствительной жизни не пользуются симпатіями художника. Это—рѣдкостный примѣръ женофобіи со стороны французскаго художника. Есть нѣсколько произведеній, созданныхъ точно случайно, преимущественно сельскихъ сценъ, въ которыхъ Мейсонье изображаетъ представительницъ прекраснаго пола, но такихъ исключеній у него не много. Поэтому-то картинка Мейсонье «Decameron» въ галлереѣ Уоллеса является безцѣнной рѣдкостью. Она безусловно опровергаетъ приписываемую знаменитому художнику неспособность воспроизводить граціозность формъ или красоту женскаго лица. Это — сцена въ духѣ Ватто, показывающая красивыхъ кавалеровъ и дамъ подъ итальянскимъ небомъ.

Вообще, установилось мнѣніе, что Мейсонье неспособенъ портретировать женскія фигуры. Въ большинствѣ его произведеній, дѣйствительно, женщина совершенно отсутствуетъ или играетъ подчиненную роль на второмъ планѣ, подавая вино или пиво жовіальнымъ всадникамъ или пѣшеходамъ. Но на одной изъ его картинокъ «Le baiser d'adieu» (1855 г.) женская фигура сосредоточиваетъ на себѣ главный интересъ сцены. Любовники видятся украдкой на окраинѣ парка и, быть можетъ, прощаются навсегда.

Тутъ же умѣстно упомянуть о малоизвѣстной картинкѣ, кажется, единственной, на которой знаменитый художникъ трактовалъ нагую фигуру. Она была на юбилейной выставкѣ его въ 1884 г. Въ каталогѣ этой выставки картинка называется «L'affaire Clémenceau». Написана она вотъ по какому случаю. Александръ Дюма въ 1866 г. напечаталъ свой весьма извѣстный романъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изъ ста роскошныхъ экземпляровъ, назначавшихся для любителей, одинъ былъ разрѣзанъ по страницамъ, которыя авторомъ были розданы художникамъ-пріятелямъ. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ рисунокъ соотвѣтственный содержанію полученной страницы. Буланже нарисовалъ фронтисписъ, Викторъ-Жераръ — сцену на кладбищѣ Монтмартръ и т. п. Мейсонье досталась страница, описывающая сцену того, какъ Клемансо впервые устанавливалъ свою модель Маріетту.

И во всѣхъ этихъ произведеніяхъ наблюдательность художника, его тщательное изученіе всякой подробности и внѣшнихъ атрибутовъ, которыми характеризуются послѣдовательные періоды исторіи Франціи, не менѣе замѣчательны, какъ и его тонкое письмо и жизненность миніатюрныхъ изображеній. Всѣ аксесуары, начиная

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Знаменоносецъ.
Съ картины Мейсонье.

съ экрана при каминѣ и оконныхъ занавѣсей, комбинируются имъ точно для того, чтобы полнѣе и всестороннѣе охарактеризовать изображенныя фигуры или группы.

Въ одной изъ наиболѣе выдающихся картинъ съ группами «La lecture chez Diderot» (1859 г.) воспроизведенъ кружокъ философовъ-энциклопедистовъ. Шестеро друзей Дидро собрались у стола

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

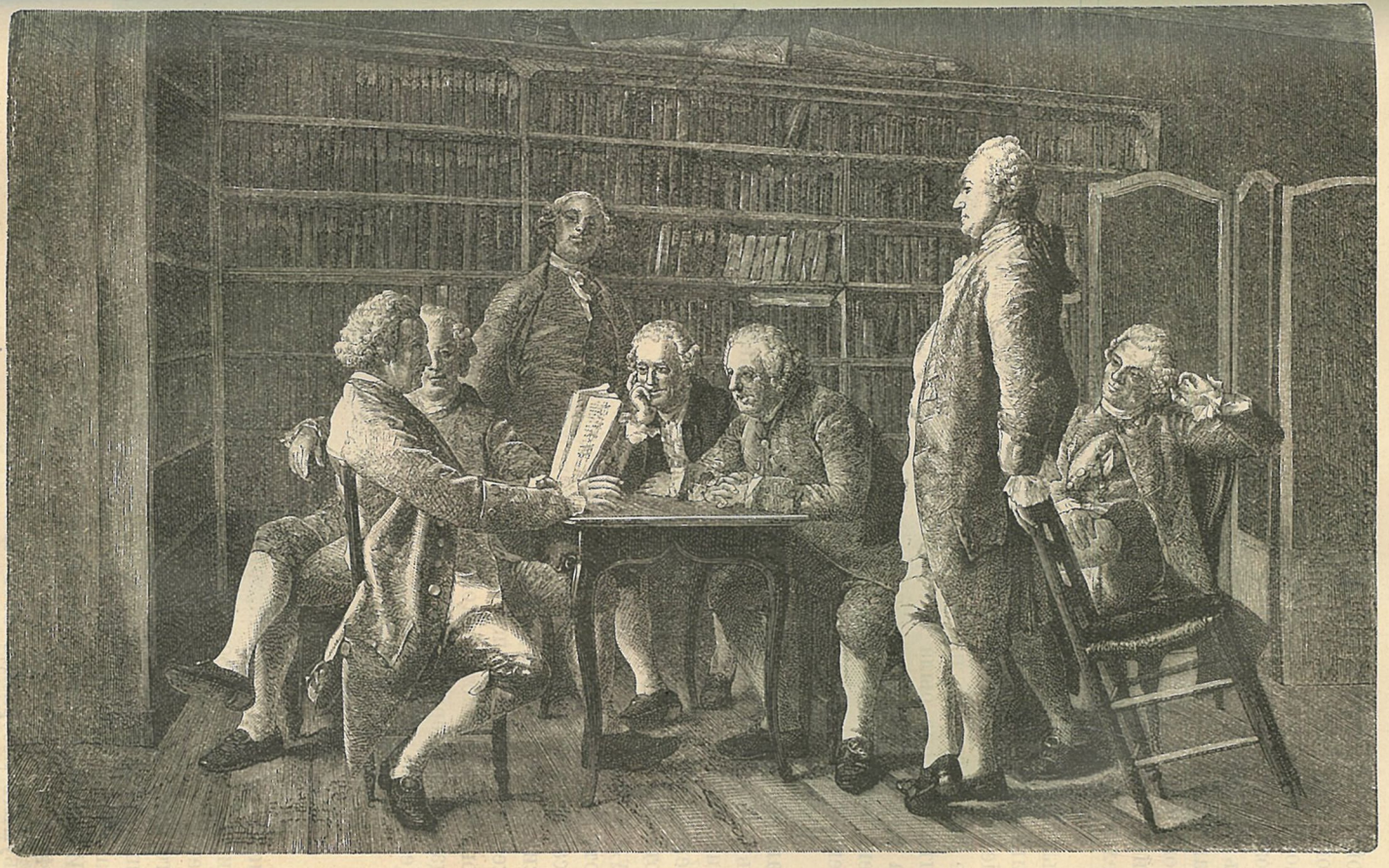
въ его библіотекѣ, въ концѣ стола помѣстился Дидро; онъ читаетъ одну изъ своихъ критическихъ статей о новыхъ произведеніяхъ Салона. Тутъ не трудно узнать Гримма, Гольбаха, д'Аламбера. На лицахъ всѣхъ выражено удовольствіе, вызываемое слушаніемъ умнаго чтенія.

Въ сценахъ на воздухѣ съ охотниками, солдатами и лошадьми, фигуры трактуются Мейсонье съ неменьшей тщательностью и правдивостью, какъ и самый пейзажъ. Самые измѣнчивые эфекты воздуха ему также удавалось передавать, какъ и искусственное освѣщеніе его студіи. И почти во всѣхъ произведеніяхъ Мейсонье, группы ли это или отдѣльныя фигуры, слѣдуетъ отмѣтить одну замѣчательную особенность. Всѣ его характеры находятся въ покойномъ состояніи или въ прерванномъ движеніи. Можетъ быть, оттого-то картинки Мейсонье производятъ впечатлѣніе спокойствія и мира.

Исключенія отсюда почти случайныя и единичныя. Вотъ знаменитая «La rixe» («Драка»), за которую художникъ въ 1855 г. получилъ высшее художественное отличіе—почетную медаль. Въ тавернѣ два игрока съ яростными жестами набросились другъ на друга. Двое другихъ пытаются силой разнять противниковъ. Тутъ руки говорятъ еще яснѣе, чѣмъ лица. И картина не выходитъ изъ предѣловъ красоты и разработана съ тою же тщательностью, какъ и прочія произведенія Мейсонье. Наполеонъ III, замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвела эта картинка на его высокаго гостя, покойнаго супруга королевы Викторіи, купилъ ее у Мейсонье за 25,000 франковъ и подарилъ принцу Альберту. «La rixe» виситъ теперь въ Osborne House, какъ цѣнный «сувениръ», хотя и не совсѣмъ подходящій для напоминанія объ «entente cordiale» двухъ націй.

Другая картинка, полная движенія, есть «Un souvenir de la guerre civile», написанная, вѣроятно, въ бурные дни 1848 г. Тутъ Мейсонье оказался доступнымъ политическимъ эмоціямъ, какъ бы вопреки сложившемуся мнѣнію объ его художническомъ безстрастіи и политическомъ индиферентизмѣ. Небольшая канва, всего въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ, представляетъ баррикаду при въѣздѣ на одну изъ тѣхъ улицъ (какъ утверждаютъ, улицу de la Morsellerie) стараго Парижа, считавшуюся властями наиболѣе упорною въ смыслѣ народнаго недовольства. Солдаты проложили себѣ путь черезъ баррикаду; темная улица безмолвна, какъ могила, ни единаго окна не отворено, не замѣтно ни малѣйшаго признака жизни, хотя трупы грудами лежатъ на опрокинутой баррикадѣ. Какъ разъ на первомъ планѣ валяется старый башмакъ, недавно ношенный, со стоптанной пяткой, краснорѣчиво свидѣтельствующій о нищенскомъ положеніи его хозяина. Вчера ему казалось легче и, быть можетъ, благороднѣе пасть, борясь за свободу, нежели умереть отъ голода въ канавѣ, но сегодня, передъ лицомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Энциклопедисты у Дидро.

Съ картины Мейсонье.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

войска, въ виду бо́льшей опытности сравнительно съ его собственной, онъ поступилъ согласно изреченію «plutôt souffrir que de mourir» и предался бѣгству вмѣстѣ со всѣми остальными, посѣявъ позади себя свой старый башмакъ. Выставленная въ 1851 году, въ періодъ возроставшаго развитія имперіализма, картина эта какъ бы потерпѣла фіаско, — сюжетъ помѣшалъ ея художественному успѣху и она была переправлена черезъ Брюссельскую границу и по настоящее время находится въ галлереи жены бывшаго бельгійскаго министра двора ванъ-Пратъ.

Художникъ не возвращался болѣе къ воспоминаніямъ объ уличныхъ схваткахъ, хотя говорятъ, что онъ написалъ повтореніе картины «La barricade» и не выпускалъ ее изъ мастерской въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Говорятъ, будто впослѣдствіи онъ отдалъ ее другу своему и коллегѣ Делакруа. При продажѣ картинъ послѣдняго, она была пріобрѣтена Штейнгелемъ, зятемъ Мейсонье, за 6,000 франковъ, и предложена имъ для Люксанбургской галлереи, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, предложеніе это было отклонено, а затѣмъ ее кто-то купилъ за 6,000 франковъ.

Мейсонье не разъ приходилось писать и портреты. Въ болѣе раннихъ произведеніяхъ его, пріятели и знакомые позировали ему въ качествѣ моделей, и не мало весьма извѣстныхъ именъ въ Парижѣ въ періодъ іюльской монархіи анонимно воспроизведены въ персонажахъ знаменитаго художника. Первыми его портретными работами были портреты его первой жены (сестры его товарища художника Штейнгеля) и дочери (1854 г.). Въ числѣ другихъ работъ подобнаго рода считаются наиболѣе удачными портреты Александра Батта (1857 г.), голландскаго скрипача, долгое время проживавшаго въ Парижѣ, баронессы Тэнаръ (1859 г.), красивой женщины съ роскошными волосами, сына художника Шарля Мейсонье въ фантастическомъ костюмѣ временъ Людовика XIII, стоящаго подъ деревьями (1864 г.), Александра Дюма-сына (1867 г.), Делаганта и Тьера (1867 г.), издателя Гетцеля (1879 г.).

III.

Когда началась итальянская война, Мейсонье получилъ разрѣшеніе сопровождать штабъ французской арміи въ качествѣ живописца, и былъ хорошо принимаемъ въ главной квартирѣ. Къ этому переходу отъ простого и субъективнаго жанра къ историческому его побудило чтеніе Тьеровской исторіи войнъ первой имперіи и тщательное изученіе анатоміи лошади. Результатомъ итальянской кампаніи явилась первая батально-историческая картина его «Императоръ при Сольферино». «Solferino» (1860 г.) имѣла размѣры: 12×8 дюймовъ, но на такомъ пространствѣ художникъ съумѣлъ изобразить вотъ что:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Драка (La rixe).

Съ картины Мейсонье.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Императоръ, стоя нѣсколько впереди своего главнаго штаба, обозрѣваетъ поле битвы съ вершины возвышенности, круто обрывающейся книзу и открывающей артилерійскую баттарею. На краю площадки неподвижная лошадь настороживаетъ уши на грохотъ пушекъ. Императоръ слегка склонился на сѣдельную луку, какъ бы сопровождая взглядъ свой, которымъ онъ окидываетъ горизонтъ, съ хладнокровіемъ предводителя, изучая шахматную доску, гдѣ разыгрывается страшная партія. Ничего не можетъ быть правдивѣе, говоритъ Теофиль Готье въ своемъ отзывѣ о Салонѣ 1861 года, ничего не можетъ быть проще и благороднѣе этой позы, ни малѣйшей напыщенности, никакой натянутости, а между тѣмъ глазъ невольно приковывается къ этой спокойной, серьезной, задумчивой фигурѣ. Сдерживая своихъ коней, раздражаемыхъ запахомъ пороха и взрывами артилерійскихъ снарядовъ, офицеры въ молчаніи ожидаютъ результата осмотра и могущихъ послѣдовать приказаній; почтительное любопытство заставляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обернуться къ своему главнокомандующему, какъ бы изъ желанія предугадать его мысль на безстрастномъ его лицѣ; другіе какъ бы застыли въ своей героической пассивности, ничего не предрѣшая и готовые рѣшиться на все. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади группы виднѣется самъ художникъ, помѣстившій сюда свой портретъ какъ бы для того, чтобы своимъ присутствіемъ засвидѣтельствовать о достовѣрности сцены. Влѣво нѣсколько труповъ австрійцевъ, отличающихся своими бѣлыми жилетками и синими панталонами, лежатъ распростертые на землѣ.

Въ компановкѣ конной группы, гдѣ всѣ персонажи представляютъ собою портреты, производящіе положительно реальное впечатлѣніе, зрителя поражаетъ удивительное мастерство художника. Онъ превзошелъ Воувермана, Бургиньона, Верне. При всемъ маломъ размѣрѣ его боевыхъ коней, вышиною въ четыре-пять сантиметровъ, вы видите зрачки ихъ глазъ, пряжку на ихъ оглавіи, шифръ ихъ сѣдла, малѣйшую деталь ихъ строенія и упряжи. Это, конечно, мелочи, но упомянуть о нихъ не мѣшаетъ, такъ какъ онѣ нисколько не мѣшаютъ широтѣ цѣлаго; ихъ замѣчаешь, какъ и въ природѣ, только приглядѣвшись къ нимъ поближе.

То же самое можно сказать и о фигурахъ людей. При первомъ взглядѣ на нихъ, они поражаютъ ясностью силуэта, естественностью жестовъ, непринужденностью позы и вольнымъ военнымъ аллюромъ. Приглядываясь къ нимъ болѣе внимательно, можно разсмотрѣть пуговицы, кантики, аксельбанты, темляки, всѣ детали мундира, до ордена включительно, который виднѣется въ разрѣзѣ на груди фигуры третьяго плана.

Со времени «L'Empereur à Solferino», бывшей на выставкѣ въ Салонѣ 1861 года и пріобрѣтенной для Люксанбургскаго музея за 200,000 франковъ, Мейсонье обратился къ военной исторіи Фран-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«1814-й годъ».
Съ картины Мейсонье.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ціи и въ частности къ Наполеоновской эпопеѣ. Конечно, онъ могъ бы до конца жизни продолжать писать своихъ напудренныхъ читателей, писателей, игроковъ, курильщиковъ, знатоковъ искусства, безъ ущерба для сбыта своихъ картинъ. Вмѣсто того 50-лѣтній художникъ, вдругъ обращается къ новой, болѣе трудной области художественнаго творчества.

Выборъ Наполеоновской эпопеи вполнѣ понятенъ. Во-первыхъ, во всякомъ хорошемъ французѣ сидитъ солдатъ и даже шовинистъ. Во-вторыхъ, Мейсонье выросъ среди героическихъ легендъ о войнахъ первой имперіи. Онъ слушалъ пѣсни Беранже и читалъ повѣствованія Тьера. Но, противоположно историку или романисту, художникъ началъ прямо съ развязки. Первое изъ трехъ его главныхъ произведеній, иллюстрирующихъ Наполеоновскую эпопею, называется «1814 годъ». Картина появилась въ Салонѣ 1864 года подъ названіемъ «Campagne de France».

По избитой, ухабистой, изборожденной выбоинами дорогѣ, размякшей отъ полуталаго снѣга, на своемъ бѣломъ конѣ, сопровождаемый генеральнымъ штабомъ, шагомъ движется Наполеонъ. У генераловъ мрачный, угнетенный видъ. Они не осмѣливаются прерывать молчаніе того, кто такъ часто водилъ ихъ на встрѣчу успѣхамъ. Императоръ, въ надвинутой на чело треуголкѣ, предается горькому раздумью; правая рука засунута въ наглухо-застегнутый сѣрый сюртукъ; лицо блѣдно, взоръ потухшій, ротъ искаженъ лихорадочнымъ состояніемъ.

Непосредственно за властелиномъ, на гнѣдомъ конѣ, подбоченясь, слѣдуетъ маршалъ Ней; на немъ темнозеленый сюртукъ, съ генеральскимъ шарфомъ на боку, большая сѣрая шинель, накинутая на плечи, съ развѣвающимися рукавами, застегнутая спереди у ворота, съ поднятымъ воротникомъ. Онъ смотритъ на императора съ гордой увѣренностью и надеждой. На томъ же планѣ, также на гнѣдой лошади, закутанный въ черную шинель, ѣдетъ генералъ Берту, съ выраженіемъ безропотной покорности на лицѣ.

Почти на той же линіи, на сивомъ конѣ въ яблокахъ, виденъ генералъ Друо; на немъ черная шинель; правая рука у него засунута въ карманъ шинели. Подъ вліяніемъ утомленія, убаюкиваемый ходомъ своего коня, онъ какъ будто полуспитъ. За нимъ видны генералы Гурго, Флаго, весь генеральный штабъ съ развѣдчиками, егерями и гусарскими офицерами. Сзади нихъ помѣщается отрядъ развѣдчиковъ и совсѣмъ въ концѣ императорской свиты, вдали, виднѣются кирасиры въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Справа, впереди группы кавалеристовъ, маршируютъ барабанщики, держа съ боку какъ бы онѣмѣлые барабаны и среди нихъ тамбуръ-мажоры. За ними дефилируетъ безчисленными рядами пѣхота. Вся картина съ ея туманнымъ воздухомъ, съ фигурами и конями, производитъ мощное, неотразимое впечатлѣніе тишины и сосредоточенности.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, мастерскую Мейсонье посѣтилъ Делагантъ, одинъ изъ парижскихъ финансистовъ—любитель искусствъ. Художникъ, по своему обыкновенію, писалъ какую-то маленькую картинку.

— Что должна изображать эта картина?—спросилъ Делагантъ.

— Военный сюжетъ, который я хочу назвать «1814 годъ»,— отвѣчалъ Мейсонье.

— Вашъ сюжетъ очень значителенъ, господинъ Мейсонье, а холстъ очень малъ, — замѣтилъ Делагантъ: — почему бы вамъ не написать картину бо́льшихъ размѣровъ?

— Во-первыхъ, потому, что такова вообще моя манера писать, а во-вторыхъ —признаюсь вамъ откровенно—потому, что нуждаюсь въ деньгахъ. Я работаю медленно, и съ маленькой картинкой справлюсь, конечно, скорѣе, чѣмъ съ большой.

— Вамъ нужны деньги? Напишите мой портретъ. Что это стоитъ?

— 25,000 франковъ.

— Вотъ деньги.

Делагантъ вытащилъ изъ бумажника пачку банковыхъ билетовъ и передалъ ихъ художнику.

— Картину «1814 годъ» я также желаю оставить за собою, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вы написали ее на большемъ холстѣ.

Нѣсколько времени спустя, портретъ былъ готовъ. Мейсонье предложилъ Делаганту новый размѣръ картины «1814 годъ».

Делагантъ одобрилъ и справился о цѣнѣ.

— Такая картина будетъ стоить 70,000 франковъ, — отвѣтилъ Мейсонье.

— Согласенъ. Вотъ половина суммы въ задатокъ.

Картина была написана, оплачена и, какъ уже замѣчено, въ 1864 году выставлена въ «Салонѣ», гдѣ имѣла заслуженный успѣхъ. Наступила франко-прусская война, затѣмъ коммуна. Картина назначена была къ продажѣ въ Лондонъ за 300,000 франковъ; но сдѣлка не состоялась. Нѣсколько времени тому назадъ, американскій милліонеръ Вандербильтъ предлагалъ за нее 400,000 франковъ. Делагантъ сообщилъ объ этомъ предложеніи Мейсонье.

— Картина стоитъ дороже. Не выпускайте ее за такую цѣну,— отвѣтилъ художникъ.

Делагантъ послушался его совѣта, обѣщавъ Мейсонье 50,000 франковъ, если когда-нибудь ему удастся продать это произведеніе дороже предложенной цифры.

Съ 1864 года за страховку картины Делагантъ ежегодно платилъ по 500 франковъ, а въ 1889 году во время всемірной выставки долженъ былъ еще приплатить 4,000 франковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, къ Делаганту явился Багъ, большой знатокъ искусства, съ предложеніемъ купить у него картину за 500,000 франковъ на чистыя деньги. Делагантъ не устоялъ противъ такого соблазна и согласился. Всѣхъ въ Парижѣ занималъ тогда вопросъ: для кого покупалъ Багъ? Для кого онъ запасался этой картиной? На другое же утро стало извѣстно, что «1814 годъ» купленъ Шошаромъ, бывшимъ директоромъ большихъ магазиновъ «Лувръ» за 850,000 франковъ. Такимъ образомъ въ 24 часа Багъ нажилъ на продажѣ 350,000 франковъ.

Это былъ первый случай, что художнику при жизни его достался такой успѣхъ. Ни одна изъ знаменитѣйшихъ картинъ, за которыя платилось въ новѣйшее время сотни тысячъ, не была оцѣнена такъ высоко.

Второй картиной изъ Наполеоновской эпохи явилась «Кирасиры», иначе называемая «1805-й годъ». Она была окончена въ 1871 году. По содержанію она составляетъ прямую противоположность «1814-му году». Здѣсь конецъ тріумфовъ великаго полководца. «1805-й годъ»—преддверіе его великой славы. Полки ждутъ сигнала къ атакѣ. Кавалерія стройно подвигается впередъ, пѣхота скучилась и ждетъ команды, справа артилерія приготовилась открыть огонь по непріятелю. Императоръ виденъ еще только на заднемъ планѣ, занимая небольшую возвышенность въ близи своего штаба. Эта картина, купленная за 400,000 франковъ, ушла въ Америку и во время пожара въ Нью-Іоркѣ сгорѣла въ кладовой, гдѣ помѣщалась временно.

Въ третей картинѣ изъ цикла Наполеоновской легенды, «Фридландъ» или «1807-й годъ», изображающей верхъ торжествъ Наполеона I, кирасиры дефилируютъ передъ императоромъ, который тутъ помѣщенъ уже въ самомъ центрѣ этой сцены. Около императора находятся маршалы Бессьеръ, Дюрокъ и Бертье, позади него генералъ Нансути ожидаетъ приказаній двинуть впередъ «старую гвардію».

Мейсонье, говорятъ, работалъ не менѣе 15-ти лѣтъ надъ этой картиной и этому не трудно повѣрить въ виду 67 эскизовъ сдѣланныхъ художникомъ спеціально для «1807 года», которые были собраны на его юбилейной выставкѣ въ Парижѣ въ 1884 году. Нью-Іоркскій милліонеръ Стюартъ купилъ картину за 300,000 франковъ.

Къ этимъ тремъ главнымъ твореніямъ слѣдуетъ прибавить еще картины на сюжеты изъ Наполеоновской эпохи—«Моро и Десоль» (1876 годъ) утромъ передъ битвой Гогенлиндена, «Кавалерійская аттака» (1869 года), купленная Пробоско изъ Цинцинати, «Маршалъ Саксонскій и его штабъ» (увезена также въ Америку), «Генералъ Дезэ при Рейнской арміи» (1867 года).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эскизъ фигуры въ картинѣ «1807-й годъ».

Эскизъ фигуры въ картинѣ «1807-й годъ».

IV.

Какъ уже сказано, извѣстность Мейсонье возростала постепенно и слава пришла къ нему не сразу. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ перечня результатовъ его художественной дѣятельности, на сколько она выразилась на парижскихъ выставкахъ.

Шесть лѣтъ Мейсонье выставлялъ въ Салонѣ, не удостоиваясь никакихъ наградъ. Затѣмъ въ 1840 году онъ получилъ медаль третьяго разряда за картину «Читающій», въ слѣдующемъ году ему досталась второклассая медаль за «Партію въ шахматы» и въ 1843 году первокласная медаль за картины «Живописецъ въ своей мастерской» и за два мужскіе портрета. Такая же медаль была присуждена ему въ 1848 году за картинки: «Три друга», «Игра въ карты», «Солдаты» и за три портрета. Онъ выставлялъ, кромѣ того, въ Салонахъ: 1842 г. «Jeune homme jouant de la

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

basse» и «Курильщикъ»; 1845 г. — «Corps de garde», «Молодой человѣкъ разсматривающій рисунки» и «Партія въ пикетъ»; 1849 г. — «Курильщикъ»; 1850 г. — «La dimanche», «Souvenir de guerre civile», «Играющій на флейтѣ», «Художникъ показывающій свои рисунки» и портретъ; 1852 г.—«Homme choisissant son épée», «Молодой человѣкъ за работой» и «Bravi»; 1853 г.—«A l'ombre des bosquets», «Chants d'un jeune poète», «Un jeune homme lit en dejeunant» и «Пейзажъ».

Всемірная выставка въ Парижѣ 1855 года принесла ему большую почетную медаль. Тутъ появились его замѣчательнѣйшія произведенія — «La rixe», «Bravi», «La lecture chez Diderot» и «Le joueurs de boules» (при Людовикѣ XV). Затѣмъ Мейсонье выставлялъ въ Салонахъ 1857, 1861, 1864, 1865, 1877, 1883 и 1884 годовъ. Въ 1867 году, на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, ему опять досталась первая почетная медаль. На вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года, когда онъ получилъ высшую награду, находились 7 его картинъ, включая «Сольферино», «1807-й годъ» и «1814-й годъ», два этюда plein-air «La partie de boules» и «Le route de la Salice», двѣ военныя сцены—«Au tourneBride» и «Petit poste de grand'garde» и одна комнатная сцена—«Игра въ карты».

На всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1878 года, его произведенія занимали почетное мѣсто. Для Мейсонье отведена была одна изъ галлерей выставки—отличіе, какого удостоивались раньше только Энгръ и Делакруа. Въ 1883 году, въ первомъ трехгодичномъ правительственномъ Салонѣ, знаменитый художникъ явился съ пятью картинами: «San'Marc» («Madonna del Bacio»—изображена молодая женщина на колѣняхъ молящаяся передъ Мадонной), «Le guide» (баварскій крестьянинъ—проводникъ драгунъ изъ арміи Рейна и Мозеля 1797 года), портретъ Виктора Лефранка; «Les Tuileries» въ маѣ 1871 года (развалины), «La vedette» (при Людовикѣ XIV) и «Le chant» (мальчикъ поющій подъ шарманку).

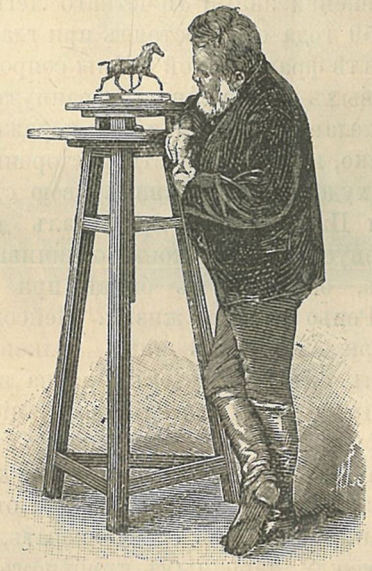
Въ Салонѣ 1884 года находился его работы портретъ г-жи Макэ, американской милліонерши. Изъ-за этого портрета знаменитый художникъ испыталъ не мало непріятностей. Дѣло въ томъ, что милліонерша вздумала украсить свою галлерею собственнымъ портретомъ, который былъ бы непремѣнно написанъ знаменитѣйшимъ изъ французскихъ художниковъ. Мейсонье, рѣдко работавшій женскіе портреты, послѣ долгихъ переговоровъ, уступилъ желаніямъ неотвязчивой американки. Портретъ, за который художнику было заплачено 90,000 франковъ, не понравился г-жѣ Макэ, и она бросила его и довела объ этомъ до свѣдѣнія Мейсонье. Послѣдній вернулъ деньги и, получивъ портретъ обратно, уничтожилъ его.

Съ 1884 года картины его не выставлялись въ парижскихъ Салонахъ. Въ іюнѣ 1884 года, по случаю его 50-тилѣтняго юбилея, была устроена особая выставка его произведеній. На ней находи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лось 146 работъ, не составляющихъ и четвертой части всѣхъ написанныхъ имъ картинъ.

На всемірной выставкѣ 1889 года главенство Мейсонье среди современныхъ художниковъ выяснилось еще болѣе, чѣмъ на выставкѣ 1878 года. Тогда же онъ выступилъ организаторомъ «Національнаго общества изящныхъ искусствъ» и особаго національнаго Салона, въ которомъ сгруппировались независимые художники всѣхъ направленій. Этотъ Салонъ впервые былъ открытъ на Марсовомъ полѣ въ 1890 году, одновременно съ Салономъ «Société des artistes français» во Дворцѣ Промышленности, гдѣ главарями состоятъ руководители «Ecole des Beaux-Arts».



Мейсонье изучаетъ движенія лошади.

77-тилѣтній Мейсонье въ новомъ Салонѣ выставилъ новую картину изъ Наполеоновской эпохи — «Октябрь 1806 годъ» (Наполеонъ на бѣломъ конѣ съ возвышенности слѣдитъ за движеніемъ своихъ войскъ, преслѣдующихъ непріятеля въ равнинѣ). Картина эта висѣла одна на большой стѣнѣ, какъ бы для того, чтобъ показать, что эта сравнительно небольшая вещица драгоцѣннѣе колоссальнѣйшей изъ картинъ. Мало того, картина оберегалась особымъ прислужникомъ отъ вандализма иныхъ республиканскихъ варваровъ, которые нѣкогда вырѣзали голову Наполеона III съ картины «Сольферино», стоящей въ Люксанбургскомъ музеѣ.

Салонъ Мейсонье имѣлъ большой успѣхъ и побѣдилъ своего соперника. Тѣмъ заботливѣе Мейсонье сталъ хлопотать о наилучшей организаціи своего Салона въ нынѣшнемъ году. Не смотря на су-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ровую зилу, онъ не берегся въ своихъ хлопотахъ, и 78-лѣтній художникъ схватилъ простуду, на которую сперва не обратилъ вниманіе. Появилось воспаленіе легкихъ и въ короткое время свело его въ могилу.

Независимо отъ перечисленныхъ художественныхъ отличій, Мейсонье въ 1861 году былъ избранъ членомъ французскаго Института, гдѣ ему досталось 12-е кресло, занимавшееся до 1835 года барономъ Гро (Gros), а потомъ Абелемъ де-Пюжолемъ, котораго «Renaissance des Arts», украшавшее библіотеку Тюльери, было уничтожено при коммунѣ 1871 года. Затѣмъ онъ до конца дней своихъ занималъ постъ президента парижской академіи изящныхъ искусствъ.

Помимо чисто художественныхъ отличій, Мейсонье съ 1846 года получилъ всѣхъ степеней знаки Почетнаго Легіона. Въ итальянскую кампанію 1859 года онъ состоялъ при главномъ штабѣ, а въ 1870 году при началѣ французской войны сопровождалъ Рейнскую армію, но послѣ первыхъ проигранныхъ французами битвъ вернулся въ Парижъ, не пожелавъ увѣковѣчивать пораженій отечественной арміи. Вскорѣ, однако, когда опасность со стороны непріятеля стала угрожать Парижу, художникъ оставилъ свою студію въ Пуасси.

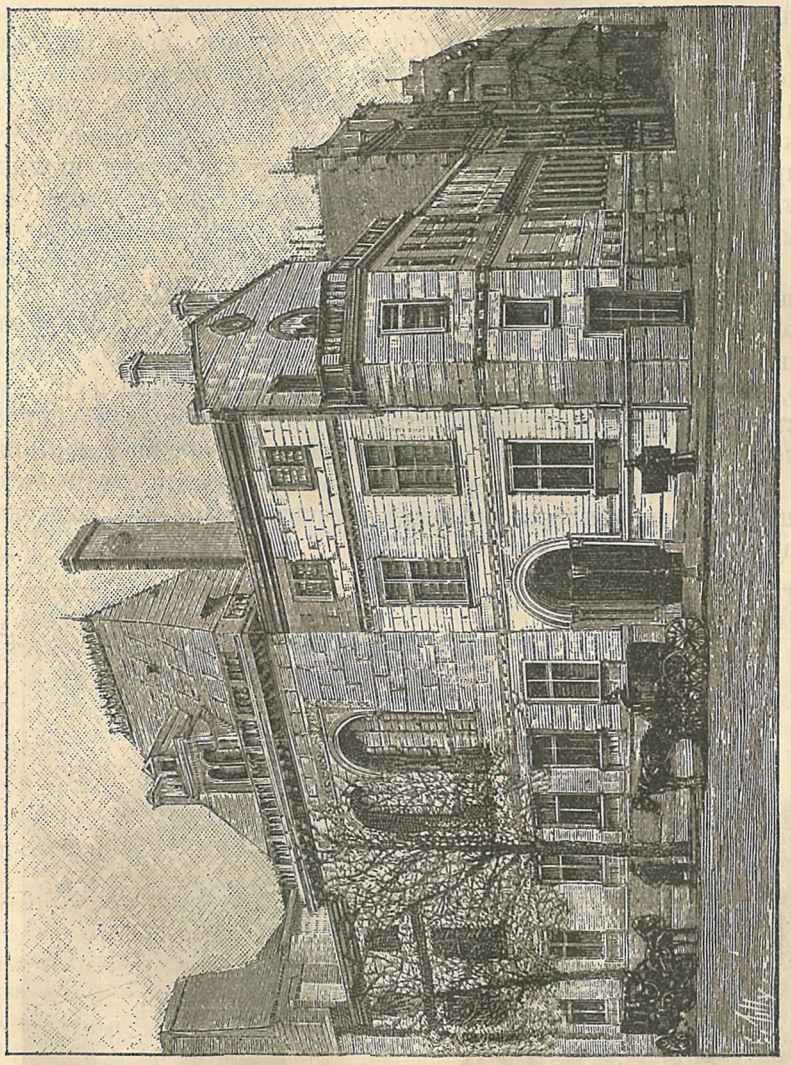
Во время осады Парижа онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи корпуса художниковъ, отличившагося храбростью и самоотверженіемъ, особенно въ битвѣ при Бюзанвалѣ, которая талантливому Реньо стоила жизни. Мейсонье во все время осады состоялъ при штабѣ въ чинѣ полковника, имѣя подъ своимъ начальствомъ импресіонистовъ Броуна и Мане. По заключеніи мира, онъ просилъ правительство національной обороны назначить его префектомъ Меца, утверждая, что даже въ своей студіи онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ при исполненіи обязанностей мэра въ Пусеи. Но Гамбетта отказалъ въ просьбѣ знаменитому художнику, что, къ слову сказать, не только не породило размолвки между народнымъ трибуномъ и живописцемъ-патріотомъ, но послужило только новымъ поводомъ къ ихъ сближенію.

Въ заключеніе этого краткаго очерка жизни и дѣятельности Мейсонье, небезъинтересно упомянуть еще о томъ, что приведено въ извѣстность относительно особенностей обстановки, въ какой жилъ этотъ знаменитый художникъ.

Большую часть года Мейсонье проводилъ въ своей усадьбѣ въ Пуасси. Здѣсь пристройки его дома и украшенія служатъ свидѣтельствомъ различныхъ стадій карьеры художника. Лошади особенно интересовали его. Говорятъ, онъ разорился бы на красивыхъ лошадей, еслибы картины не доставляли ему огромныхъ суммъ. Конюшни въ Пуасси по обстановкѣ и комфорту соперничали съ его студіями. Онъ самъ росписывалъ свои конюшни и свои экипажи. Въ Пуасси онъ однажды провелъ небольшую желѣзнодорожную линію, чтобы имѣть возможность съ карандашемъ въ рукахъ слѣдить за галопировавшимъ кавалерійскимъ полкомъ и отмѣчать движенія лошадей. Почти для каждой изъ лошадей, изображен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ на его картинахъ, онъ покупалъ особую модель. И до конца дней своихъ Мейсонье не переставалъ изучать анатомію лошади. Въ Парижѣ его домъ (на углу Avenue de Villers и Boulevard Malesherbes) во многихъ отношеніяхъ являлся двойникомъ дома



Домъ Мейсонье въ Парижѣ.

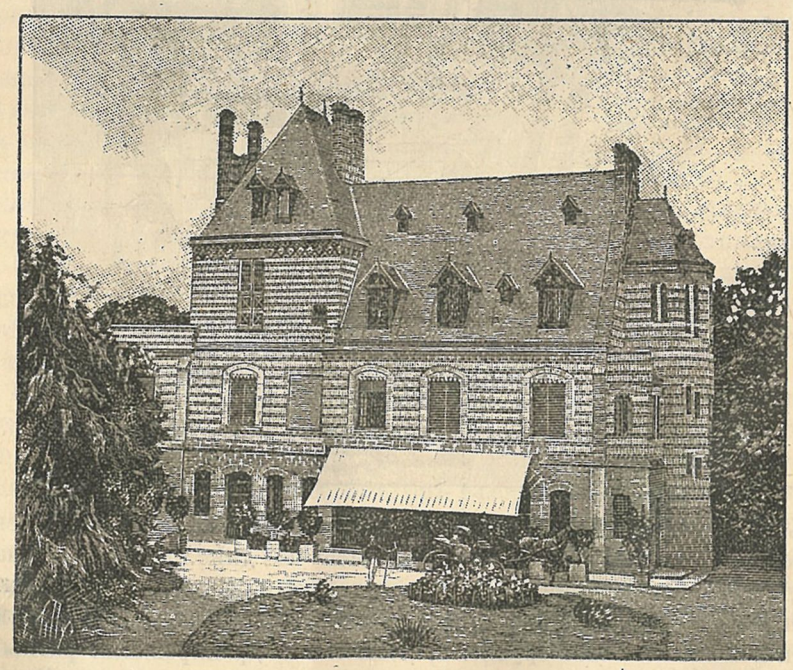
въ Пуасси. Студіи и конюшни составляли главное украшеніе обоихъ. Въ каждомъ изъ нихъ было по двѣ студіи: большая, гдѣ художникъ принималъ посѣтителей, и меньшая, куда былъ открытъ доступъ только близкимъ людямъ и друзьямъ. Мастерскія эти наполнены были оружіемъ, костюмами, драпировками разныхъ періодовъ французской исторіи, начиная съ XV столѣтія. Въ од-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

номъ углу находились костюмы кавалеровъ періода Людовика XIII, въ другомъ—образцы полковыхъ мундировъ французской арміи со временъ Директоріи. Посѣтители любовались еще восковыми моделями, сдѣланными самимъ Мейсонье.

Въ Парижѣ циркулируетъ множество анекдотовъ насчетъ того, какъ работалъ Мейсонье и съ какими трудами сопряжено было для него достиженіе безусловной безупречности въ исполненіи картинъ. Говорятъ, что модель его для картины «La rixe» подвергалась настоящимъ пыткамъ, но вѣдь и самъ Мейсонье готовъ былъ подчиниться всякаго рода мукамъ, лишь бы достигнуть идеальной точности въ воспроизведеніи натуры. Разсказываютъ, что во время писанія картины «1814-й годъ» художникъ получилъ позволеніе взять на время изъ «Musée des Souverains» плащъ, который былъ на Наполеонѣ при возвращеніи его изъ Россіи. Мейсонье сдѣлалъ точную копію плаща и, сидя въ своей студіи на деревянномъ конѣ, передъ зеркаломъ изучалъ цѣлыми часами положеніе каждой складки и затѣмъ воспроизводилъ это съ микроскопической точностью. Кромѣ того, онъ устроилъ въ миніатюрѣ пейзажъ съ моделями фуръ, пушекъ и другими принадлежностями арміи. Подобныя же приготовленія были сдѣланы для его оставшейся неоконченной картины «La France vengeresse». Сверхъ того, каждая изъ его студій была полна этюдами, цѣнность которыхъ разсчитывается въ 2 милліона франковъ.

Ѳ. Булгаковъ.



Домъ Мейсонье въ Пуасси.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Собралъ и издалъ Инн. Кузнецовъ. Томскъ. 1890.

КНИГА, заглавіе которой мы выписали, содержитъ въ себѣ сибирскіе историческіе акты, отчасти извлеченные г. Кузнецовымъ изъ мѣстныхъ архивовъ (изъ архива Асхызскаго и изъ той части архива Саянскаго острога, которая хранится въ Минусинскомъ музеѣ), отчасти пріобрѣтенные имъ отъ томскаго старожила и собирателя разныхъ рѣдкостей П. А. Пушкарева. Всѣхъ напечатанныхъ въ ней актовъ 34 №№; изъ нихъ нѣкоторые ничтожны по своему содержанію, другіе были уже напечатаны раньше [1]), но какъ тѣ, такъ и другіе, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ, не бывшихъ еще въ печати, несомнѣнно имѣютъ значеніе не только для исторіи мѣстной, но и для исторіи Россіи вообще. Особенный интересъ представляютъ прежде всего тѣ акты, которые относятся ко времени единодержавія Петра Великаго: въ нихъ мы находимъ немало такихъ чертъ, которыя еще разъ доказываютъ глубокій практическій умъ и заботливость преобразователя Россіи, простиравшуюся до мелочей. Таковы, въ особенности грамоты: о приводѣ къ вѣрѣ истца, отвѣтчика и свидѣтелей (№ 29), о таможенныхъ пошлинахъ (№ 34) о жалованьѣ томскому духовенству (№ 32), о гербовой бумагѣ (№ 33) и о посылкѣ «съ Москвы въ Томской» двухъ

[1]) Напримѣръ, присяжный листъ Алтынъ-хана Кунканчея почти цѣликомъ напечатанъ въ I т. «Памятниковъ Сибирской исторіи XVIII в.» (стр. 168—170), а грамота томскому воеводѣ о «непокупкѣ архіепископамъ и всякимъ монастырскимъ чинамъ земельныхъ и рыбныхъ угодій» — въ V т. «Актовъ Историческихъ» (стр. 48, гр. 32; только у этой послѣдней не хватаетъ конца и адресована она кузнецкому воеводѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кантарей «для праваго вѣсу» (№ 31). Въ послѣдней грамотѣ, между прочимъ, предписывается томскому воеводѣ «съ товарищи» «записать эти кантари въ приходную книгу... и беречь отъ пожарнаго времени и, чтобъ не заржавѣли, вымарывать ихъ масломъ или какимъ саломъ, чтобъ въ правомъ вѣсѣ никогда отъ нихъ никакой измѣны не было». Изъ другихъ актовъ, находящихся въ сборникѣ г. Кузнецова, наиболѣе любопытны тѣ изъ нихъ, которые характеризуютъ отношеніе русскаго правительства къ сибирскимъ инородцамъ, нерѣдко изъявлявшимъ полную готовность служить «великому государю», «подъ его высокою рукою въ подданствѣ быти», и въ то же время никогда не упускавшимъ случая пограбить и побить русскихъ и ихъ «ясачныхъ людей». Русское правительство никогда не отказывалось принимать этихъ инородцевъ «подъ свою высокую руку», почти всегда исполняло всѣ ихъ просьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда вполнѣ не довѣряло ихъ обѣщаніямъ и рекомендовало воеводамъ соблюдать въ отношеніи ихъ величайшую осторожность. Такъ, напримѣръ, въ 1666 году нѣкоторые калмыцкіе тайши просили царя Алексѣя Михайловича, чтобъ онъ принялъ ихъ «подъ свою высокую руку въ подданство», не велѣлъ ратнымъ людямъ ходить на нихъ войною и дозволилъ ихъ «улуснымъ людямъ ходити съ торги къ Томску», причемъ обѣщались «служити великому государю и на ослушниковъ его войною ходити». Царь весьма благосклонно отнесся къ этой просьбѣ, велѣлъ послать тайшамъ «жалованье» и сказать при этомъ, «чтобъ тайши улусныхъ своихъ людей съ торгомъ къ Томску и къ Тобольску присылали немногихъ, чтобъ отъ многихъ людей въ торгахъ съ русскими людьми ссоры и задоровъ не было», а воеводамъ предписалъ «того смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ ихъ было немноголюдно, и осторожность велѣть отъ нихъ держать большую, и велѣть имъ торговать отъ города вдали, а въ городъ опричь пословъ, никого калмыковъ не пускать, и ссоры и задоровъ русскимъ людемъ съ калмыки чинить не велѣть» (№ 11). О точно такомъ же отношеніи русскаго правительства къ калмыкамъ свидѣтельствуетъ и грамота № 20 (1679 г.). Есть еще въ сборникѣ г. Кузнецова любопытные документы, касающіеся отношенія русскаго правительства къ «ясачнымъ людямъ» (обращаться съ ними предписывается возможно мягче, ласковѣе, «чтобъ тѣмъ ясачныхъ людей не оскорбить и отъ нашей государевой милости не отогнать»—(№№ 21, 23, 27 и др.), также отношенія томскихъ служилыхъ людей къ воеводамъ и служилымъ людямъ Кузнецкаго и Красноярскаго остроговъ (№№ 4 и 23), устройства новыхъ поселеній (№ 26)—«о строеніи Уртамской слободы», отправки хлѣбнаго и денежнаго жалованья изъ Тобольска въ Томскъ (№ 16), экономическаго положенія сибирскихъ монастырей (№ 18) и проч.; есть, кромѣ того, и нѣсколько другихъ, неменѣе любопытныхъ и важныхъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, но на нихъ мы не имѣемъ возможности останавливаться...—Намъ необходимо еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ изданы г. Кузнецовымъ «Историческіе Акты». Судя по тому значенію, какое придаетъ имъ самъ собиратель и издатель ихъ и какое могутъ они имѣть для изслѣдователя, мы ожидали бы, что и изданы они будутъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворительно; но на самомъ дѣлѣ, мы этого не замѣчаемъ. Правда, напечатаны они на хорошей бумагѣ, превосходнымъ крупнымъ шрифтомъ, къ нимъ приложенъ «Алфавитный указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій, съ примѣчаніями къ нимъ», но... вмѣстѣ съ тѣмъ, мы встрѣчаемъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ книгѣ г. Кузнецова грубыя ошибки и такія опечатки (неуказанныя издателемъ), которыя подрываютъ даже довѣріе къ тексту документовъ. Г. Кузнецовъ, указывая даты нѣкоторыхъ грамотъ, повидимому, упустилъ изъ виду только одно обстоятельство, а именно, что у насъ новый годъ въ XVII столѣтіи начинался не съ января, а съ сентября, и потому у него, напримѣръ, грамоты №№ 15, 17, 20 и 23 оказываются писанными «на Москвѣ» не въ 1667, 1674, 1679 и 1684 годахъ, а въ 1668, 1675 и т. д. (годомъ позже). Изъ опечатокъ укажемъ на двѣ, особенно важныя. Въ текстѣ грамоты № 13 указано, что она писана 13-го іюля, а въ заглавіи — 31-го; затѣмъ на страницѣ 10 въ грамотѣ № 5 читаемъ: «Въ прошломъ во 1570 году...», а «писана грамота лѣта 7156». Гдѣ же истина?..

Что касается до приложеннаго въ концѣ книги г. Кузнецова «Алфавитнаго Указателя», то и на его составленіе г. Кузнецовъ не обратилъ должнаго вниманія. Правда, онъ, повидимому, пытался выполнить главныя требованія, которымъ долженъ удовлетворять всякій указатель, т. е. требованія точности и полноты: въ своемъ «Указателѣ» онъ о многомъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія (напримѣръ, объ Алтынъ-ханахъ, объ основаніи остроговъ и городовъ, объ Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ, о Тубинцахъ, о рѣкахъ и проч.), указываетъ почти всѣ годы основанія о строговъ, городовъ, церквей, монастырей, время правленія воеводъ..., но въ то же время допускаетъ массу неточностей, пропусковъ и опечатокъ. При составленіи «Алфавитнаго Указателя» онъ, оказывается, не принялъ во вниманіе ни «Актовъ историческихъ» и «Дополненій къ нимъ», изданныхъ Археографической комиссіей, ни даже «Историческихъ актовъ», изданныхъ имъ самимъ, хотя въ числѣ пособій, служившихъ ему для примѣчаній, упоминаетъ такой трудъ, который, конечно, ни на что ему не понадобился (разборъ сочиненія г. Андреевскаго «О воеводахъ, намѣстникахъ и губернаторахъ», Н. Калачова. Спб. 1867). Отъ этого произошло между прочимъ то, что онъ неточно указываетъ годы правленія воеводъ. Такъ, напримѣръ, Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ у него былъ томскимъ воеводой только въ 1659 — 1663 годахъ, между тѣмъ, изъ изданныхъ имъ же самимъ документовъ видно, что этотъ Бутурлинъ былъ томскимъ воеводой также и въ 1665—1666 гг. (№№ 9 и 14; кромѣ того, см. «Дополн. къ Акт. Ист.», V, 40). Затѣмъ въ его «Указателѣ» значится только одинъ Кольцовъ-Масальскій, именно князь Иванъ Михайловичъ, между тѣмъ, въ грамотахъ 22 и 23 упоминается еще другой—князь Андрей Михайловичъ (стр. 58 и 59, на которыхъ встрѣчается его имя, г. Кузнецовымъ отнесены къ князю Ивану Михайловичу). Также упомянутъ только одинъ Щербатовъ—Константинъ Осиповичъ, боярин и и воевода енисейскій (съ 1682 по 1684 г. по Кузнецову, который въ данномъ случаѣ заимствовалъ свое свѣдѣніе у Пестова; но дата эта опять-таки невѣрна: см. «Дополн. къ А. И.», X, 253 и 254), а между тѣмъ въ грамотѣ № 5 говорится о другомъ Щербатовѣ — князѣ Осипѣ Ивановичѣ, который былъ томскимъ воеводой въ 1647—1648 гг. («Дополн. къ Акт. Ист.», III, 106—107).

А. Терскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Съ 95 рисунками и 2-мя раскрашенными картами. Часть вторая. Спб. 1891.

Вышедшая теперь въ русскомъ переводѣ вторая часть научно-популярнаго сочиненія К. Ф. Беккера,—Becker's Geschichte des Alterthums,—вновь обработаннаго Вильгельмомъ Мюллеромъ, отличается тѣми же достоинствами, которыя мы отмѣтили въ первой его части (см. «Историческій Вѣстникъ», 1890 года, мартъ, стр. 691). Изъ шести періодовъ, на которые авторъ дѣлитъ всю исторію человѣчества, здѣсь разсматриваются два: третій—отъ Кира до Александра и четвертый — Римская исторія дома Константина и его династіи (534 г. до Р. Х., до 363 г. по Р. Х.). Послѣдній, впрочемъ, здѣсь только начатъ (до законовъ Лициния)—продолженіе его въ третьей части. Такимъ образомъ почти вся настоящая часть посвящена исторіи Греціи (стр. 24—239 изъ 278-ми). Разсматривая первую часть, въ числѣ другихъ свойствъ талантливаго автора, мы отмѣтили то, что у него культурная сторона исторіи не заслоняется внѣшними фактами, а напротивъ выступаетъ на первый планъ,—представляетъ ту почву, на которой развиваются событія внѣшней исторіи. Это особенно приложимо ко второй части исторіи Беккера, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о самой культурной странѣ, древности, съ ея искусствомъ, литературою и философіей, достигшими высшаго своего развитія «въ цвѣтущій періодъ» ея исторіи. Какъ на образецъ хотя и краткихъ, но блестящихъ характеристикъ Беккера, можно указать на характеристику одного изъ трехъ великихъ греческихъ трагиковъ Еврипида:—«По благородству и смѣлости, онъ примыкаетъ къ Эсхилу, а по изяществу языка и глубинѣ мысли къ Софоклу. Еврипидъ является истиннымъ сыномъ своего вѣка. Прежній идеальный характеръ трагедіи онъ перенесъ или скорѣе возвратилъ къ истинной правдѣ дѣйствительной жизни и изображалъ людей такими, какими они являются въ ней на самомъ дѣлѣ. При этомъ въ трагедіяхъ своихъ Еврипидъ приводилъ выводы и основныя положенія тогдашней философіи и пользовался софистическою діалектикою. Длинные разсказы вмѣсто драматическаго дѣйствія въ соединеніи съ часто употребляемою развязкою въ видѣ неожиданно появляющагося Божества, такъ называемаго deus ex machina, показываютъ, что Еврипидъ не особенно заботился объ естественномъ и послѣдовательномъ развитіи драмы. Хоровыя пѣсни не находятся уже въ полной, внутренней, тѣсной связи съ дѣйствіемъ и характерами дѣйствующихъ лицъ; онѣ являются какъ бы чѣмъ-то сохраняющимся лишь по обычаю, а не въ силу дѣйствительной необходимости. Но за то Еврипидъ отличается необыкновеннымъ пониманіемъ сердца человѣческаго и его страстей. Главною цѣлью его было возбужденіе состраданія и умиленія, почему онъ и заслужилъ у древнихъ названіе τραγικώτατος. Какъ послѣдователь Анаксагора, Еврипидъ часто впадаетъ въ противорѣчіе съ миѳами, что нерѣдко пагубно отражается на содержаніи его пьесъ»... (стр. 146—7). Политипажи, иллюстрирующіе содержаніе, отличаются изяществомъ выполненія и представляютъ собою снимки съ древнихъ памятниковъ и съ произведеній замѣчательныхъ художниковъ новаго времени. Ко второй части приложены три карты (изъ которыхъ двѣ раскрашены): 1) Македонская монархія Александра Великаго, 2) Лаціумъ и 3) Италія. С.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Памяти Александра Дмитріевича Градовскаго. Изданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ портретомъ. Спб. 1890.

Въ свое время на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (январь, 1890 г.) была напечатана краткая характеристика покойнаго А. Д. Градовскаго, его научныхъ и публицистическихъ трудовъ и руководящихъ принциповъ его научной общественной и публицистической дѣятельности. Полная и всесторонняя оцѣнка дѣятельности покойнаго профессора, заявлялось между прочимъ въ концѣ статьи, въ настоящее время не мыслима, благодаря жизненности самой этой дѣятельности, благодаря тому, что тѣ общественные вопросы, на которые такъ живо всегда откликался покойный А. Д. Градовскій, еще слишкомъ свѣжи, чтобы сдѣлаться предметомъ объективнаго, историческаго изслѣдованія. Изданная С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ брошюра, состоящая изъ рѣчей, посвященныхъ на засѣданіи Юридическаго Общества 18-го ноября 1889 года памяти покойнаго профессора, хотя не представляетъ такой обстоятельной оцѣнки дѣятельности покойнаго, тѣмъ неменѣе даетъ общую характеристику разнообразныхъ сторонъ этой высоко-талантливой личности. Первая рѣчь проф. И. Я. Фойницкаго, озаглавленная «памяти учителя и товарища» рисуетъ покойнаго, главнымъ образомъ, со стороны его университетской дѣятельности, его вліянія на университетскую молодежь, обусловливаемаго какъ громадной эрудиціей, такъ и тою душевною теплотой и нравственной чистотой, какими обладалъ покойный.

Рѣчи Н. М. Коркунова и М. И. Свѣшникова характеризуютъ Александра Дмитріевича, какъ ученаго, насколько его научная дѣятельность отразилась въ опубликованныхъ литературныхъ трудахъ. Публицистическая дѣятельность покойнаго, его общественные и государственные идеалы, къ развитію и обосновкѣ которыхъ покойный такъ много приложилъ силъ, составляютъ предметъ рѣчи К. К. Арсеньева. Наконецъ, послѣдняя, одушевленная рѣчь А. Ѳ. Кони представляетъ личныя воспоминанія о покойномъ профессорѣ, характеристику его, какъ человѣка, какъ общественнаго дѣятеля, какъ публициста. Въ концѣ брошюры помѣщенъ краткій очеркъ біографіи Александра Дмитріевича.

Будучи произнесены подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти А. Д. Градовскаго и сознанія глубокой незамѣнимой утраты въ лицѣ покойнаго и для русской юридической науки, и для всего русскаго общества, всѣ рѣчи отличаются особенной живостью и рельефностью обрисовки образа покойнаго профессора. Благодаря близости говорившихъ къ покойному, ихъ знакомству съ тѣми сферами дѣятельности, въ которыхъ работалъ и Александръ Дмитріевичъ, всѣ рѣчи производятъ сильное, глубокое впечатлѣніе.

Передъ читателемъ вырисовывается стройный, опредѣленный образъ не узкаго кабинетнаго сухого ученаго, но и общественнаго дѣятеля въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ горячо ратовавшаго за принципы совершенствованія общественности, за борьбу съ остатками вѣкового рабства, за необходимость общечеловѣческой гражданственности, и такъ болѣвшаго душой о всѣхъ неурядицахъ нашей общественной жизни.

«Глубокими бороздами прошла его дѣятельность, говоритъ въ своей рѣчи И. Я. Фойницкій, по умственной жизни русскаго общества, и благодарную

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

память оставилъ онъ по себѣ какъ ученый, какъ общественный дѣятель, какъ человѣкъ». Будемъ надѣяться, что Юридическое Общество, членомъ-учредителемъ котораго онъ былъ, принималъ затѣмъ близкое участіе въ его дѣятельности, насчитывающее въ числѣ своихъ членовъ много лицъ, близко знавшихъ покойнаго, употребитъ всѣ средства къ тому, чтобы провести въ общественное сознаніе память о покойномъ, какъ ученомъ и общественномъ дѣятелѣ, и путемъ разбора дѣятельности покойнаго подготовитъ необходимый матеріалъ для обстоятельной, всесторонней біографіи и оцѣнки дѣятельности А. Д. Градовскаго. Ѳ. М.

Pamiętnik drugiego zjazdu historyków Polskich we Lwowie. I. Referaty. Lwow. 1891.

Въ 1880 году истекло четыреста лѣтъ со времени смерти извѣстнаго польскаго историка, краковскаго каноника Яна Длугоша. Чтобы должнымъ образомъ отпраздновать этотъ юбилей, польскіе историки постановили устроить свой съѣздъ. Собрать его они хотѣли, между прочимъ, и по той причинѣ, что вслѣдствіе оживленія, послѣдовавшаго съ семидесятыхъ годовъ въ польской исторической наукѣ, они считали необходимымъ выяснить главныя нужды ея и изыскать пути, чтобы обезпечить ей наболѣе успѣшное дальнѣйшее движеніе. Въ виду всего этого, съѣздъ поставилъ себѣ цѣлью, во-первыхъ, привести въ извѣстность силы, которыми располагаетъ польская историческая наука, а во-вторыхъ, обсудить вопросъ о томъ, изданіе какихъ источниковъ наиболѣе пригодно и необходимо въ данный моментъ. Дѣйствительно, здѣсь въ Краковѣ была начертана польскими учеными программа изданія историческихъ матеріаловъ, наиболѣе необходимыхъ для изученія прошлаго Рѣчи Посполитой, программа, которой они продолжаютъ слѣдовать и до настоящаго времени. Три года спустя, въ виду наступавшаго исполненія трехлѣтія со времени смерти извѣстнаго поэта Яна Кохановскаго, корифея такъ называемаго золотаго періода польской литературы, было поставлено созвать историко-литературный съѣздъ въ Краковѣ въ маѣ 1884 года. Программа этого съѣзда упоминала о ненаучности, господствующей въ пріемахъ изученія исторіи польской литературы и языка, указывала на необходимость заняться рѣшеніемъ вопроса объ устраненіи этихъ недостатковъ, требовала разсмотрѣнія задачъ и потребностей исторіи польской литературы, а также предпринятія болѣе критическаго изданія литературныхъ памятниковъ. Что касается послѣдняго вопроса, то труды историко-литературнаго съѣзда, носящаго названіе съѣзда Кохановскаго, не прошли безслѣдно. Стоитъ лишь вспомнить о превосходномъ изданіи сочиненій Яна Кохановскаго (оно будетъ вскорѣ совершенно окончено), а также о переизданіи рѣдкихъ литературныхъ произведеній XVI вѣка подъ редакціей краковской академіи наукъ, которое, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставляетъ многаго желать.

Съѣздъ 1884 года, хотя въ немъ принимало участіе очень много историковъ, какъ мы видѣли, имѣлъ свою спеціальную задачу. Между тѣмъ въ десятилѣтіе, протекшее со времени такъ называемаго съѣзда Длугоша, историческая наука сдѣлала большіе успѣхи, и польскіе ученые сочли полезнымъ собраться опять. Мѣстомъ для созванія новаго съѣзда былъ избранъ городъ Львовъ, и такъ какъ организаціей его занялось мѣстное историческое обще-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ство, во главѣ котораго стоитъ проф. Лиске, то этимъ отчасти уже заранѣе опредѣлялось на какіе вопросы будетъ главнымъ образомъ обращено вниманіе съѣзда. Чтобы не затягивать засѣданій его, было рѣшено напечатать предварительно всѣ рефераты, которые должны были быть представлены на съѣздѣ, и разослать ихъ участникамъ его, чтобы собравшіеся историки могли прямо заняться обсужденіемъ поднятыхъ референтами вопросовъ. Этимъ и можно объяснить только то обстоятельство, что въ теченіе трехъ дней съѣздъ окончилъ всѣ свои занятія (онъ былъ открытъ 17-го, а закрытъ 19-го іюля нов. стиля), не смотря на довольно значительное количество представленныхъ докладовъ и принятыхъ по поводу ихъ рѣшеній. Передъ нами лежитъ книга изданныхъ съѣздомъ рефератовъ (числомъ 29) подъ заглавіемъ: «Pamiętnik drugiego zjazdu historyków polskich we Lwowie». Эти рефераты вмѣстѣ съ отчетами, помѣщенными въ различныхъ журналахъ, относительно преній по поводу ихъ во Львовѣ, даютъ намъ возможность составить понятіе о задачахъ, поставленныхъ тамъ себѣ польскою историческою наукою и о тѣхъ цѣляхъ, которыя она теперь намѣрена преслѣдовать.

Вопросамъ теоретическимъ и научной разработкѣ польской исторіи не было отведено мѣста на львовскомъ съѣздѣ. Коснулся этого предмета лишь одинъ только г. Корзонъ, извѣстный своими трудами по исторіи Станислава-Августа. Его рефератъ о погрѣшностяхъ польской исторіографіи при изображеніи прошлаго своего народа вызвалъ очень бурныя и даже страстныя пренія. Г. Корзонъ, разсмотрѣвъ въ своемъ докладѣ крайне противорѣчивую и ненаучную оцѣнку различныхъ эпохъ и событій польской исторіи новою школою, такъ называемою краковскою, смѣнившею въ настоящее время нарушевичевскую и лелевелевскую, обратилъ вниманіе съѣзда на необходимость отказаться отъ прежнихъ пріемовъ изученія своей исторіи. Онъ указалъ на то, что польскіе историки заставляютъ свою науку служить цѣлямъ политическимъ и проповѣдуютъ, что исторія есть magistra vitae, а вслѣдствіе этого въ высшей степени субъективно относятся къ явленіямъ прошлой жизни своего народа при ихъ изученіи, толкованіи и освѣщеніи. Указалъ онъ и на недостаточное знакомство многихъ польскихъ ученыхъ съ всеобщею исторіею. Сѣтованія г. Корзона станутъ вполнѣ понятны для каждаго, кто знакомъ съ польскою исторіографіею. Достаточно напомнить, что лучшіе труды по польской исторіи, которые охватываютъ большіе періоды, принадлежатъ до сихъ поръ перу нѣмцевъ (Реппеля, Каро). Къ сожалѣнію, рефератъ г. Корзона вмѣсто спокойнаго, серьезнаго обсужденія встрѣтилъ далеко недружелюбный пріемъ, какъ свидѣтельствуютъ журнальные отчеты.

Всѣ другіе рефераты были посвящены различнымъ частнымъ вопросамъ. Значительная часть ихъ трактовала о собираніи и изданіи историческихъ документовъ, о сохраненіи и приведеніи въ извѣстность памятниковъ старины, объ основаніи музеевъ, а также о средствахъ, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгнуть, чтобы вызвать и оживить научное движеніе въ провинціи. Но для русскихъ историковъ болѣе спеціальный интересъ могутъ представить тѣ рефераты, которые затрогивали различные вопросы изъ литовско-русской исторіи. Четвертая часть напечатанныхъ докладовъ даже прямо была посвящена Литвѣ и Червоной Руси. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если обратить вниманіе на то, что главнымъ устроителемъ львовскаго съѣзда было мѣстное историческое общество (оно было основано въ 1886 году), которое

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поставило себѣ цѣлью: «содѣйствовать развитію историческихъ наукъ, насколько онѣ касаются въ особенности Червоной Руси». Впрочемъ, нельзя не отмѣтить въ нынѣшнемъ теченіи польской исторической литературы того факта, что, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и Австріи, поляки съ особеннымъ усердіемъ стали заниматься изученіемъ прошлаго Литвы и Галицкой Руси. Въ послѣднее время ими опубликовано много документовъ и сочиненій по исторіи указанныхъ земель и издано также не мало изслѣдованій по ихъ этнографіи и географіи.

Я сообщу лишь самымъ краткимъ образомъ о занятіяхъ львовскаго съѣзда, посвященныхъ исторіи Литвы и Руси, чтобы дать понятіе о намѣченныхъ польскими историками изысканіяхъ и работахъ въ указанной области. Александръ Чоловскій изъ Львова представилъ большой рефератъ по поводу спорнаго вопроса о мѣстоположеніи древняго Галича. Владиміръ Деметрикевичъ изъ Кракова поднялъ вопросъ объ опекѣ надъ историческими памятниками Галиціи и о необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ отношеніи. Ѳаддей Довгирдъ изъ Варшавы сдѣлалъ въ своемъ рефератѣ, хотя поверхностный, но небезъинтересный очеркъ изслѣдованій Литвы въ археологическомъ отношеніи въ доисторическое время и охарактеризовалъ главные типы остатковъ кладбищъ, городищъ, кургановъ и могилъ этой эпохи. Маврикій Станкевичъ изъ Кракова, указавъ на успѣхи, дѣлаемые польскою исторіографіею въ области изученія прошлой жизни Литвы, взывалъ въ своемъ докладѣ къ съѣзду, чтобы было обращено также вниманіе и на исторію литовской письменности, которая оставлена въ пренебреженіи польскою наукою. Въ виду этого обстоятельства онъ предложилъ обратить вниманіе польскихъ библіотекъ на собираніе и пріобрѣтеніе литовскихъ книгъ, надѣясь, по всей вѣроятности, что эта мѣра можетъ повести къ восполненію указаннаго имъ пробѣла въ польской наукѣ. Александръ Семковичъ изъ Львова въ своемъ рефератѣ указалъ на то, что исторія польской культуры почти не разработана, а по исторіи польскихъ городовъ ровно ничего не сдѣлано. Лишь въ послѣднее время краковская академія наукъ издала нѣсколько томовъ документовъ, извлеченныхъ изъ городского архива Кракова. Въ виду этого г. Семковичъ предлагаетъ немедленно приняться за приведеніе въ порядокъ львовскаго городского архива и одновременно начать публикацію наиболѣе важныхъ актовъ его. Разобравъ довольно подробно вопросъ о важномъ значеніи для исторіи польской культуры документовъ, касающихся прошлой жизни Львова, игравшаго такую выдающуюся политическую роль, онъ въ то же время намѣтилъ и планъ ихъ изданія. Впрочемъ, всѣ проекты о приведеніи въ должный порядокъ архива и о публикаціи его документовъ представляютъ только мечты г. Семковича, такъ какъ въ своемъ рефератѣ онъ вынужденъ оговориться, что надежду на выполненіе своихъ плановъ онъ возлагаетъ на щедрость городского управленія, которое, вѣроятно, не откажетъ въ матеріальной поддержкѣ указанному дѣлу. Польскіе журналы сообщаютъ, будто, дѣйствительно, городское управленіе Львова образовало уже особую комиссію для разсмотрѣнія вопроса о приведеніи въ порядокъ городского архива.

Польскіе ученые въ послѣднее время занялись усердно критическимъ изслѣдованіемъ литовскихъ лѣтописей. Этому вопросу посвящено профессорами Шараневичемъ, Смолкою нѣсколько работъ. Г. Прохаска, хорошо извѣстный въ русской литературѣ своими трудами по литовской исторіи,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

посвятилъ вышеупомянутому вопросу изслѣдованіе, вышедшее въ Львовѣ подъ заглавіемъ: «Latopis litewski, rozbiór krytyczny». Въ рефератѣ, представленномъ львовскому съѣзду, онъ вкратцѣ повторяетъ высказанныя имъ въ только-что названномъ изслѣдованіи воззрѣнія относительно первоначальнаго состава литовской лѣтописи, полемизируетъ по этому поводу съ проф. Смолкою и требуетъ безотлагательно критическаго изданія литовскихъ лѣтописей. Съѣздъ постановилъ, согласно съ желаніемъ референта, издать литовскую лѣтопись въ ближайшемъ томѣ «Monumenta Poloniae historica».

Фридрихъ Папе изъ Львова начерталъ цѣлую программу, которой слѣдуетъ держаться, по его мнѣнію, лицамъ, занимающимся исторіею Червоной Руси. Послѣ краткаго вступленія, написаннаго въ напыщенно-шовинистическомъ тонѣ и уснащеннаго не въ маломъ количествѣ курьезами, онъ излагаетъ свои воззрѣнія относительно того, на какія стороны въ исторіи Галицкой Руси должны обратить главное вниманіе польскіе ученые. Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, изучать исторію колонизаціи указанной земли; во-вторыхъ, распредѣленіе поземельной собственности между отдѣльными классами общества и состояніе сельскаго хозяйства въ различныя эпохи; въ третьихъ, исторію русской церкви, обращая при этомъ особое вниманіе на унію; въ четвертыхъ, онъ рекомендуетъ не упускать изъ виду дѣла военныя и политическія и, наконецъ, совѣтуетъ заняться изданіемъ русскихъ лѣтописей и хроникъ. Выполненіе этой программы референтъ считаетъ главною обязанностью львовскаго историческаго общества.

Знакомясь съ рефератами, представленными на львовскомъ съѣздѣ, а также знакомясь и съ преніями, происходившими по поводу ихъ, нельзя не придти къ заключенію, что нѣкоторые историки представили очень обстоятельный отчетъ объ успѣхахъ своей науки въ той или другой ея области, очень трезво отнеслись къ ея потребностямъ и задачамъ. Но зато было не мало и такихъ докладовъ, которые были написаны и безъ всякаго знанія дѣла, а иногда даже являлись плодомъ желанія помечтать и пофантазировать. Бросается также въ глаза поразительное незнакомство съ русскою историческою литературою у большей части лицъ, дѣлавшихъ свои доклады въ Львовѣ.

Слѣдующій съѣздъ постановлено созвать черезъ десять лѣтъ, но въ болѣе малыхъ размѣрахъ произойдетъ еще собраніе польскихъ историковъ въ 1895 году въ городѣ Познани. **Н. Любовичъ.**

Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая. Спб. 1891.

Изъ сочиненій, написанныхъ о Гете и посвященныхъ оцѣнкѣ его значенія въ исторіи культуры и разбору его произведеній, можно составить отдѣльную обширную библіотеку. Въ Германіи столько разныхъ обществъ, сборниковъ, періодическихъ изданій, исключительно занимающихся изслѣдованіемъ малѣйшихъ подробностей жизни и трудовъ великаго писателя, что надо удивляться, какъ еще и теперь, по временамъ, появляются то неизданныя еще письма его, то какіе-нибудь документы, характеризующіе его многостороннюю дѣятельность. Да и на русскомъ языкѣ переводы отдѣльныхъ произведеній Гете составятъ сотни томовъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ числу нѣмецкихъ писателей, болѣе любимыхъ русскою

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

публикою. Не говоря уже о томъ, что у насъ вообще предпочитаютъ холодному тайному совѣтнику увлекающагося Шиллера, самая судьба переводовъ Гете подвергалась у насъ рѣзкимъ колебаніямъ. Мы познакомились съ нимъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда на русскомъ языкѣ явились сначала «Клавиго», потомъ «Вертеръ». Затѣмъ въ журналахъ и альманахахъ эпохи Александра I и первыхъ годовъ Николая I появлялись мелкія, большею частью лирическія пьесы Гете. Въ 1842 году, въ Петербургѣ общество молодыхъ людей предприняло изданіе полнаго собранія сочиненій Гете въ русскомъ переводѣ, но предпріятіе прекратилось на третьемъ выпускѣ—по неудовлетворительности переводовъ, а еще болѣе по равнодушію публики. Потомъ, въ 1865 году явился первый томъ новаго перевода «полнаго собранія» подъ редакціей Вейнберга, начинавшаго десятки изданій разнаго рода и не оканчивавшаго ни одного изъ нихъ. Дотянувшись до 1871 года изданіе остановилось на шестомъ томѣ. Наконецъ, въ 1878 году началось новое полное собраніе изъ хорошихъ переводовъ, подъ редакціей Гербеля и въ два года вышло въ десяти томахъ. Почти одновременно явилось такое же полное собраніе и въ изданіи Вольфа. Кромѣ того, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, являлись не разъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ журналахъ всѣ лучшія произведенія писателя, въ добросовѣстныхъ переводахъ Струговщикова, Кронеберга, Погодина, Яхонтова, Водовозова, М. Достоевскаго, Ап. Григорьева, П. Полевого и др. Фауста переводили десятки поэтовъ: Губеръ, Вронченко, Овчинниковъ, Струговщиковъ, Грековъ, Павловъ, Фетъ, Трунинъ, Аносова, Холодовскій и др. Фирма А. С. Суворина выпустила вторымъ изданіемъ «Гете, его жизнь и избранныя стихотворенія».

Но при обиліи переводовъ изъ Гете мы не богаты коментаріями на его произведенія и оцѣнкою его значенія. Вся литература о немъ ограничивается переводомъ А. П. Невѣдомскаго классическаго труда Льюиса «Жизнь Вольфганга Гете», статьями Думшина: «Гете, его жизнь и произведенія» («Библіотека для Чтенія» 1857 г.), «Характеръ Гете и его нравственное вліяніе» («Сынъ Отечества», 1857 г.), «Два фазиса мыслящаго Гете» А. Струговщикова («Всемірный Трудъ» 1868 г.) и «Жизнь Гете» А. П. М—ля («Отечественныя Записки» 1868 г.). Книга Эккермана была вовсе неизвѣстной на русскомъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока г. Аверкіевъ по собственному выраженію «почувствовалъ себя счастливымъ», когда А. С. Суворинъ предложилъ ему заняться переводомъ «Разговоровъ». И не одинъ г. Аверкіевъ такъ высоко ставитъ эту книгу. Нашъ знаменитый филологъ и археологъ Ѳ. И. Буслаевъ называетъ ее своимъ «эстетическимъ евангеліемъ и любитъ почитать изъ нея страничку другую на сонъ грядущій». Конечно, этого сна не наводитъ на него книга, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, какъ и ея авторъ, сынъ мелкаго торговца лентами и полотномъ по деревнямъ, коровій пастухъ въ молодости, потомъ писецъ въ уѣздномъ судѣ, недурной живописецъ, пустившійся въ литературу, плохой поэтъ, заурядный критикъ, но почти неразлучно жившій съ Гете въ послѣднія десять лѣтъ жизни писателя, влюбленный въ его произведенія, приводившій въ порядокъ его бумаги, управлявшій его дѣлами. Безъ Эккермана мы не знали бы такъ хорошо жизнь Гете, его мнѣнія о разныхъ предметахъ, тщательно собираемыя и записываемыя Эккерманомъ, старавшимся объяснить значеніе произведеній писателя. Объ нихъ Гете говоритъ самъ, что они никогда не могутъ быть

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

популярны, потому что они писаны не для толпы, а для не многихъ лицъ, съ такими же чувствами и направленіями ума какъ у самого автора. Вотъ что Эккерманъ говоритъ объ этихъ произведеніяхъ: «Творенія Гете писаны для умовъ наблюдательныхъ, побуждаемыхъ желаніемъ проникнуть въ тайники міра и природы человѣка и изучать ихъ законы... Они нужны также для молодыхъ поэтовъ, изучающихъ тонкости слога и стремящихся видѣть, какъ создаются предметы по правиламъ искусства. Все истинно великое и мудрое существуетъ только въ весьма небольшомъ кругу избранныхъ людей. Разумъ не можетъ быть популяренъ, объ этомъ нечего и заботиться понапрасну. Одни страсти и чувства популярны, но разумъ составляетъ достояніе немногихъ». Мысли эти, разбросанныя въ объемистомъ сочиненіи Эккермана, выражены имъ гораздо пространнѣе и краснорѣчивѣе, но мы привели только ихъ сущность.

Чрезвычайно любопытно у Эккермана сужденіе, высказанное самимъ Гете о своемъ Фаустѣ, но объемъ рецензіи не позволяетъ намъ цитировать его, также какъ и множество другихъ мѣткихъ и вѣрныхъ мыслей, тщательно и добросовѣстно переданныхъ переводчикомъ. Трудъ его будетъ встрѣченъ съ особеннымъ интересомъ всѣми, кого интересуетъ исторія литературы вообще и исторія развитія мысли у умныхъ людей и первокласныхъ писателей. Много ли у насъ такихъ любителей и цѣнителей литературы — это другой вопросъ, и какъ бы ни хотѣлось намъ, чтобы переводъ Эккермана сдѣлался также популяренъ въ Россіи, какъ подлинникъ въ Германіи, но мы сильно сомнѣваемся въ этомъ, зная какъ большинство нашей публики привыкло только «пробѣгать», а не читать хорошія книги. Многое можетъ ей показаться у Эккермана лишнимъ, скучнымъ, слишкомъ наивнымъ, мелкимъ, устарѣлымъ. Многія лица и близко стоящія къ литературѣ не раздѣляютъ энтузіазма не только къ Эккерману, но и къ самому Гете, и находятъ, что въ книгѣ можно было бы поменьше говорить о линяніи птицъ и паденіи барометра, о башкирскомъ лукѣ, о цвѣтахъ въ природѣ и въ поэзіи, и побольше о политическихъ событіяхъ и воспоминаніяхъ. И нельзя сказать, чтобы такія лица были совершенно неправы. Возьмемъ, для примѣра, хоть свиданіе Гете съ Наполеономъ, во время эрфуртскихъ праздниковъ, о которыхъ герцогъ Брольи читалъ недавно во французской академіи воспоминанія Талейрана. Бесѣда такихъ лицъ конечно могла интересовать всякаго, и что же говоритъ объ ней Эккерманъ? Пятнадцать строкъ только о томъ, на какое мѣсто въ «Вертерѣ» указалъ Наполеонъ, какъ не выдерживающее строгой критики. Да и тутъ Гете «предпочитаетъ умолчать» и не называетъ этого мѣста, такъ что г. Аверкіевъ добавляетъ этотъ разсказъ свѣдѣніями, сообщенными французомъ Делеро. Оказывается, что Наполеонъ, кромѣ «Вертера», говорилъ Гете много дѣльнаго о французской и греческой трагедіи, разспрашивалъ о его положеніи при дворѣ веймарскаго герцога, звалъ его въ Парижъ и пр. Талейранъ, прибавляетъ еще, что Наполеонъ говорилъ о Виландѣ, Тацитѣ, Коцебу. Все это конечно интереснѣе диссертаціи о башкирскомъ лукѣ—и обо всемъ этомъ нѣтъ ни слова ни у Эккермана, ни въ запискахъ Гете, почему-то хранившаго глубокое молчаніе на счетъ этого свиданія и уклонявшагося даже отъ вопросовъ о немъ, герцога. Или великіе люди любятъ говорить только о самихъ себѣ, высказывать только свои собственныя сужденія, полагая, что всякая, замѣченная ими мелочь, важнѣе мнѣній другихъ выдающихся людей?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Все это не мѣшаетъ, однако, книгѣ Эккермана въ переводѣ г. Аверкіе ва быть чрезвычайно интересною, а критикѣ желать, чтобы книга эта нашла сколько можно болѣе распространенный кругъ читателей, которымъ она принесетъ несомнѣнную пользу, если и недоставитъ счастія, какъ переводчику. Вл. З—въ.

Архивъ князя Воронцова. Книга 37-я. Москва. 1891.

Каждому, занимающемуся отечественною исторіей, извѣстно это обширное, хотя и лишенное научнаго аппарата, изданіе важныхъ документовъ, обнимающихъ нѣсколько эпохъ, съ царствованія Елисаветы до Николая I. Оно нерѣдко даетъ или нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся бумаги, или такіе государственные акты, которые намъ удавалось видѣть только въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Оттого нѣтъ историческаго изслѣдованія, посвященнаго указаннымъ эпохамъ, которое обходилось бы безъ ссылокъ на это изданіе и безъ выдержекъ изъ него. Только-что вышедшій 37-й томъ «Архива кн. Воронцова» посвященъ исключительно XIX вѣку, и именно важной и мало разработанной порѣ, 1814—1829 гг. Предметомъ его служитъ послѣдняя изъ знаменитостей рода Воронцовыхъ,—князь Михаилъ Семеновичъ. Пятую часть книги занимаетъ его автобіографія, причемъ половина ея напечатана въ двухъ одинаковыхъ текстахъ — французскомъ и англійскомъ: издатель очевидно не жалѣетъ бумаги. Автобіографія была написана для родственницъ автора, которыя, подобно многимъ изъ Воронцовыхъ, принадлежали не столько Россіи, сколько Англіи, гдѣ затерялся и подлинникъ автобіографіи (она напечатана теперь по списку). Ее можно бы было и не печатать: это—краткій и сухой дневникъ военнаго человѣка, ровно ничего не дающій новаго даже о Бородинѣ, гдѣ авторъ былъ въ самомъ средоточіи огня, но зато дневникъ обстоятельно излагаетъ исторіи полученія наградъ и рожденія дѣтей писавшимъ. Подобнымъ же характеромъ отличаются письма кн. Воронцова, особенно изъ Варшавы, гдѣ его плѣняли «черные глаза, чертовка, злодѣйка» и т. д. Столь же мало историческаго интереса въ письмахъ разныхъ лицъ къ князю. Исключеніе составляютъ письма графа А. А. Закревскаго, занимающія пятую часть книги. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ является въ нихъ человѣкомъ, дѣловитымъ, своеобразнымъ, въ особенности же прямодушнымъ: онъ часто дѣлаетъ нотаціи князю, особенно по поводу его манеры испрашивать себѣ разныя аренды, и столовыя и прибавки. Закревскій—критическій умъ. Онъ вездѣ схватывалъ слабыя стороны и считалъ это истиннымъ патріотизмомъ. Въ кампанію 1812 г. онъ ясно видѣлъ всю «безтолковщину, безпутство», самохвальство и ложь нашихъ военачальниковъ, комисаріата и провіантской части. А потомъ его поражали недостатки министровъ, начиная съ Канкрина. Въ 1816 г. онъ писалъ: «не удивляюсь, что министры наши пользѣ государственной мѣшали: когда же они сего и не дѣлали?» Тогда же, говоря о пребываніи въ Петербургѣ Ермолова, котораго одного онъ высоко ставилъ, Закревскій говорилъ: «Ермолову здѣсь такъ наскучило жить безъ толку, что онъ въ отчаяніи. Все испытываетъ въ Петербургѣ министровъ и разнаго рода сволочь». А на запросъ какъ идутъ дѣла? онъ отвѣчалъ: «хорошо: воровство не уменьшается; управленіе департаментами въ самомъ гнусномъ состояніи». Въ 1818 г. такая аттестація потому же поводу: «У насъ все идетъ по старому, и зло-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

употребленія по всѣмъ частямъ до чрезвычайности увеличиваются, которымъ никакой нѣтъ и не предвидится преграды». Закревскій все ворчалъ. Ему не нравилась и «перебивка дивизій для единообразнаго какого-то цвѣта воротниковъ», и «фурштадтскіе батальоны, гдѣ во всей формѣ сидитъ правящій фурлейтъ лошадьми въ киверѣ и саблѣ», словно «во время дѣйствія будетъ петербургская мостовая». Еще чаще Закревскій касался «здѣшнихъ пародовъ и ученій», которые «до такой степени всѣмъ надоѣли, что я не могу вамъ сего описать. А Дибичъ единственно для того просился въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть ученье: «знаетъ чѣмъ угодить!» Но больше всего Закревскій срывалъ зло на Аракчеевѣ, «премудрыя выдумки» котораго онъ понималъ замѣчательно тонко. Военныя поселенія приводили его въ ужасъ и негодованіе. Въ маѣ 1817 г. онъ писалъ къ Воронцову изъ Петербурга: «У насъ поселеніе водводряется, и уже напечатана гр. Аракчеевымъ первая книжка: бредни препорядочные!» Въ іюнѣ: «Мы мнимой пользы сего поселенія вѣрно не дождемся; а дѣти и внуки, у кого оные есть, будутъ не полезное заведеніе оплакивать». Въ іюлѣ 1818 года: «Поселеніе увеличивается подъ мудрымъ начальствомъ Аракчеева, который о благѣ общемъ нимало не заботится и есть, по дѣламъ его, вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи».

А. Т.

Мои воспоминанія 1848—1889. А. Фета. Москва. 1890.

Г. Фету, на старости лѣтъ, пришла весьма счастливая мысль собрать и издать въ свѣтъ письма къ нему Тургенева, Л. Толстого, Боткина и другихъ, очень любопытныя и по именамъ корреспондентовъ и сами по себѣ, какъ матеріалъ для исторіи литературы и умственнаго развитія пережитаго нами періода, взволновавшаго и измѣнившаго всѣ стороны русской жизни. Само собой разумѣется, что новыхъ сторонъ въ этихъ писателяхъ настоящія письма не открываютъ, но хорошо уже и то, что они лишній разъ напоминаютъ намъ наше блестящее литературное прошлое, а кромѣ того, и разъясняютъ нѣсколько нѣкоторые запутанные факты его.

Къ сожалѣнію, г. Фетъ не удовлетворился скромной ролью «издателя»: ему вздумалось снабдить эти письма своими воспоминаніями — растянутыми, скучными, едва ли кому-либо, кромѣ близкихъ друзей автора, интересными; отъ этого книга, единственно во вредъ себѣ, сильно увеличилась въ объемѣ и ея интересъ, такъ сказать, затерялся среди массы хлама: изъ 850 стр. книги едва десятая часть, страницъ 80—90, любопытна и интересна, а все остальное — или анекдотично (иногда и неправдоподобно) по своему содержанію, или же не имѣетъ ровно никакого отношенія ни къ самому г. Фету, какъ писателю, ни къ его корреспондентамъ.

Но за то, обращаясь къ положительной сторонѣ книги, т. е. къ письмамъ, нужно сказать, что они имѣютъ большую цѣнность для исторіи русской литературы. Здѣсь Тургеневъ, Л. Толстой и пр. говорятъ сами за себя, своими собственными словами и поступками, а потому нѣтъ надобности провѣрять подлинность матеріала, что крайне необходимо, хотя и очень затруднительно, (а иногда и невозможно), дѣлать съ книгами въ родѣ извѣстныхъ воспоминаній Панаева, г-жи Головачевой и пр. Въ этихъ послѣднихъ нѣтъ почти ни одного факта, который можно было бы принять на вѣру, безъ оговорки; въ нихъ можетъ быть вѣренъ общій духъ событій или словъ (и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

то не всегда), но всѣ рѣчи Бѣлинскаго, Тургенева, Добролюбова, Некрасова и пр., въ изобиліи имѣющіяся хоть у той же г-жи Головачевой, только могли быть сказаны, а были ли дѣйствительно, этого никто, должно быть, не станетъ утверждать навѣрное.

Ярче всѣхъ выдается въ письмахъ Тургеневъ съ его рѣдкимъ остроумiемъ, огромнымъ литературнымъ чутьемъ, его мягкой, немножко эпикурейской натурой, прогрессивными, общественными и политическими идеалами. Много еще въ этомъ «неисправимомъ западникѣ» загадочнаго, недостаточно понятнаго и разъясненнаго, какъ, напримѣръ, его отношенія къ Некрасову и другимъ сотрудникамъ «Современника» или, вообще, къ «молодому поколѣнію 60-хъ и 70-хъ годовъ». Впрочемъ, и настоящія письма тутъ ничего почти не прибавляютъ къ прежде извѣстнымъ матеріаламъ. Они только еще рельефнѣе рисуютъ намъ этого все-таки симпатичнаго, при всѣхъ его, можетъ быть, недостаткахъ и странностяхъ, писателя въ сравненіи съ Боткинымъ, тѣмъ же г. Фетомъ и даже Л. Толстымъ. До конца жизни своей онъ все-таки остался чистъ по своимъ убѣжденіямъ и вѣренъ идеаламъ молодости, по крайней мѣрѣ въ своей литературной дѣятельности. Живо интересуясь явленіями современной литературы и жизни, обладая замѣчательнымъ критическимъ чутьемъ, онъ былъ по бо́льшей части безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ: съ одной стороны—онъ сразу открывалъ и признавалъ талантъ даже въ произведеніяхъ людей совершенно несимпатичныхъ ему по направленію и убѣжденіямъ,—такъ, онъ вездѣ почти отзывается въ настоящихъ письмахъ съ восторгомъ о сочиненіяхъ Л. Толстого, съ которымъ у него ничего не было общаго,—а съ другой,—онъ умѣлъ понимать фальшъ или недостатки въ произведеніяхъ близкихъ пріятелей (и тоже не скрывалъ этого), какъ напримѣръ Фета, къ которому онъ былъ привязанъ съ давнихъ поръ. Такъ, онъ нигдѣ не хвалитъ его безъ оговорокъ («у васъ изъ десяти стихотвореній всегда одно превосходное»), не преклоняется безусловно предъ его поэтическимъ талантомъ, какъ это дѣлалъ Толстой или недавно г. Страховъ по поводу юбилея г. Фета,—для этого онъ обладалъ слишкомъ тонкимъ эстетическимъ пониманіемъ, а напротивъ: онъ часто замѣчаетъ, хотя въ видѣ шутки, но шутка его убійственна,—уродливость каждаго неестественнаго или неправильнаго стиха этого лирика, у котораго часто это бываетъ.

О Толстомъ, своемъ личномъ врагѣ, Тургеневъ, какъ выше сказано, отзывается съ величайшимъ уваженіемъ, напримѣръ, по поводу его «Казаковъ», отъ которыхъ онъ «пришелъ въ восторгъ» (I, 417), «Поликушки», въ которомъ «есть страницы поистинѣ удивительныя! Даже до холода въ спинной кости пробираетъ» (II, 7); въ «Войнѣ и Мирѣ» есть вещи, которыя... такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ» (II, 174). А вспомнимъ, какъ объ этомъ романѣ отзывалось большинство нашихъ критиковъ! Понялъ Тургеневъ и таланты Помяловскаго (I, 383—4, 391) и Рѣшетникова, котораго, по его словамъ, одного, да еще Толстого, когда онъ не философствовалъ, и можно читать (II, 190. Писано въ 1869 г.).

Много любопытнаго и важнаго заключается и въ письмахъ Л. Толстого. Тутъ еще разъ подтверждается недавно открытый критиками фактъ въ дѣятельности знаменитаго писателя—присутствіе въ ней съ самаго ея начала тѣхъ элементовъ, которые такъ сильно развились у него въ послѣднее время; если въ срединѣ 50-хъ годовъ онъ и является передъ нами франтомъ и гим-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

настомъ, то скоро уже «усердно ищетъ сближенія съ сельскимъ бытомъ и хозяйствомъ» и «желаетъ все захватить разомъ» (I, 237). Чрезвычайно любопытно одно письмо его отъ 1858 года, совершенно оригинальное и по слогу и по веселости, столь рѣдкой въ немъ. Кто повѣритъ, что это писалъ гр. Л. Н. Толстой, безпощадный анализъ котораго, кажется, совсѣмъ долженъ исключать такія чувства: «Душенька дяденька Фетинька! Ей-Богу душенька, и я васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ быть противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ. Что-то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и каростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю... Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я право хочу сочинить. Такую сочиню, что ужъ ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука-то... А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ досадно, что до сихъ поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать...» (I, 279—80).

Но вообще письма Л. Толстого большей частью дѣлового характера особенно письма позднѣйшихъ годовъ, когда онъ такъ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ. Многія изъ нихъ наполнены мельчайшими подробностями хозяйственной жизни и въ общемъ скучны и неинтересны. Зато интересны письма такъ или иначе затрогивающія современную литературу, о которой Толстой дѣлалъ своеобразные отзывы, или рисующія намъ его умственное настроеніе, размышленія надъ «смысломъ жизни» и проч. Особенно важно въ этомъ послѣднемъ отношеніи письмо 1860 года послѣ смерти Н. Н. Толстого, брата Л. Н.; здѣсь уже знакомый намъ Л. Толстой нашего времени: ...«Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что было Николай Николаевичъ Толстой, для него ничего не осталось... Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана и кончатся ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка... Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую онъ все-таки любитъ лучше всего, что эта правда ужасна... Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь...» (I, 350—51). Вотъ гдѣ зародышъ того умственнаго и нравственнаго перерожденія Толстого, которое совершилось окончательно только къ концу 70-хъ годовъ. Какъ извѣстно, въ «Исповѣди» онъ вспоминаетъ этотъ фактъ и это настроеніе и говоритъ почти тоже...

Оригинальны и любопытны отзывы Л. Толстого о нѣкоторыхъ русскихъ литературныхъ произведеніяхъ: «Наканунѣ» много лучше «Дворянскаго Гнѣзда», и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ, не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это—всегдашняя (!) ошибка Тургенева... (эта повѣсть) успѣха имѣть не будетъ (!)». «Гроза»—«плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣхъ» (I, 317—18). Любопытно сопоставить послѣдній отзывъ, какъ и многіе другіе, съ отзывомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тургенева: «Фетъ! помилосердуйте! Гдѣ было ваше чутье, ваше пониманіе поэзіи, когда вы не признали въ Грозѣ... удивительнѣйшее, великолѣпнѣйшее произведеніе русскаго, могучаго, вполнѣ овладѣвшаго собою, таланта? Гдѣ вы нашли тутъ мелодраму, французскія замашки, неестественность? Я рѣшительно ничего не понимаю и въ первый разъ гляжу на васъ—въ этого рода вопросѣ—съ недоумѣніемъ. Аллахъ! какое затменіе нашло на васъ?» (I, 313). Послѣдствія показали на чьей сторонѣ здѣсь правда... Любопытно и сужденіе Толстого о «Дымѣ»: въ немъ «нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи... Еще одинъ (т. е. Тургеневъ) кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю (!)» (II, 121).

Менѣе, конечно, интереса представляютъ письма и личность В. П. Боткина, извѣстнаго друга Бѣлинскаго, но къ шестидесятымъ годамъ уже сожегшаго почти «все, чему поклонялся», хотя память о прежнемъ, какъ показываетъ его восторгъ при чтеніи «Воспоминаній о Бѣлинскомъ» Панаева, пробудившихъ старое въ его душѣ, еще и осталась. Часто трактуя о «подвальныхъ сотрудникахъ» «Современника» и «Русскаго Слова», онъ не пренебрегаетъ противъ нихъ и такими средствами: «я же, пользуясь моимъ знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараюсь поддержать ихъ въ ихъ энергіи» (II, 82). И кости «друга» его, великаго критика, не повернулись въ могилѣ! Между тѣмъ, какъ Тургеневъ о возникающемъ «Вѣстникѣ Европы» отзывается какъ о «самомъ пріятномъ явленіи», Боткинъ видитъ въ немъ «центръ разныхъ разлагающихъ доктринъ подъ маскою либерализма» (II, 86). За то у Боткина большое сходство съ г. Фетомъ: послѣдній спалъ когда-то при чтеніи самимъ Гончаровымъ «Обломова» (I, 201), а первый могъ одолѣть только двѣ части «Обрыва» и называетъ его «длинной, многословной рапсодіей, утомительной до тошноты» (II, 196).

Ар. М.

Р. Гаймъ. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891.

Это первая чисто историко-литературная работа профессора философіи въ Галльскомъ университетѣ Роберта Гайма (Haym, род. 1821 г.), появившаяся десятью годами раньше его обширной монографіи о Гердерѣ, которую г. Невѣдомскій перевелъ въ 1888 году. Мы вовсе не намѣрены ставить въ упрекъ почтенному переводчику этого противорѣчія между хронологіей оригиналовъ и хронологіей переводовъ; напротивъ, мы вполнѣ раздѣляемъ тѣ основанія, которыми онъ, повидимому, руководствовался: во-первыхъ, хронологія переводовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ хронологіи историко-литературныхъ фактовъ, которые изслѣдовалъ Робертъ Гаймъ, такъ какъ Гердеръ есть предшественникъ романтиковъ въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова; критикъ, образовавшій литературныя убѣжденія Гете, первый вліятельный проповѣдникъ любви и уваженія къ родной старинѣ и народности, не только вмѣстѣ съ Лессингомъ расчистилъ дорогу новой, романтической поэзіи, но и указалъ важнѣйшіе фазисы ея развитія; иначе сказать, безъ Гердера романтики не понятны; послѣ Гердера--они только естественное послѣдствіе. Во-вторыхъ, работа Гайма о Гердерѣ интереснѣе и понятнѣе уже по одному тому, что предметъ ея — дѣятельность одного человѣка, за которымъ чита-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тель слѣдитъ, такъ сказать, отъ колыбели до могилы. Въ третьихъ, наконецъ, философъ по спеціальности Гаймъ въ первой своей работѣ еще не успѣлъ въ такой степени оріентироваться въ исторіи литературы, а поэтому въ ней больше недостатковъ, а едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что съ авторомъ лучше знакомиться по болѣе совершеннымъ его произведеніямъ.

Одинъ изъ внѣшнихъ, но не маловажныхъ, по нашему мнѣнію, недостатковъ книги Гайма тотъ, что заглавіе ея невольно вводитъ читателя въ обманъ. Рецензентъ помнитъ, какъ, двадцать лѣтъ назадъ, онъ самъ печально обманулся насчетъ этой книги: люди шестидесятыхъ годовъ относительно романтизма бродили, пожалуй, въ большей тьмѣ, чѣмъ предшествующее имъ поколѣніе, которое до нѣкоторой степени само переживало остатки романтизма въ литературѣ и, если не знало его основательно, то во всякомъ случаѣ чувствовало его; между тѣмъ, мы должны были знакомиться съ романтизмомъ по книгамъ, а въ этихъ книгахъ встрѣчали такія противорѣчащія объясненія этого понятія, что они только затемняли дѣло: Бѣлинскій въ введеніи къ своей знаменитой статьѣ о Пушкинѣ почти объединяетъ романтизмъ съ поэзіей, и тотъ же Бѣлинскій романтизмъ противуполагаетъ художественности; а въ шестидесятыхъ годахъ иные вліятельные критики подъ романтизмомъ просто-на-просто подразумѣвали чепуху. Мы знали, конечно, что романтизмъ родился и сложился въ Германіи, но и нѣмецкій романтизмъ представлялся намъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ: и Гете романтикъ, и Шиллеръ романтикъ, и гасители просвѣщенія романтики, и Гейне романтикъ, а что между ними общаго? Еще хуже было дѣло, если мы выходили за предѣлы Германіи: какъ объединить, напримѣръ, нашего архиромантика Жуковскаго съ Байрономъ? какъ связать Шатобріана съ Дюма? Однимъ словомъ, полная тьма.

И вотъ получается извѣстіе, что вышла книга профессора Гайма «Романтическая школа», книга почти въ тысячу страницъ; конечно, онъ разобралъ въ ней все дѣло, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Германіи. Какъ сейчасъ помню, что я пріобрѣлъ ее, не дожидаясь рецензій и не смущаясь ея довольно дорогой цѣной. Прошу вообразить мое разочарованіе: ни о Гофманѣ, котораго мы такъ всѣ любили въ дѣтствѣ, ни объ Арнимѣ, которымъ такъ заинтересовалъ насъ Гейне, ни объ Эйхендорфѣ, ни о множествѣ другихъ, я не нашелъ здѣсь почти ни одного слова. Оказалось, что это вовсе не исторія романтизма, а только исторія возникновенія школы, первыхъ шаговъ ея, обзоръ дѣятельности пятерыхъ-шестерыхъ основателей, да и то не всей дѣятельности, а только ея начала, до 1802 года, когда романтики разбрелись по всей Европѣ проповѣдовать свое ученіе.

Но рядомъ съ этимъ недостаткомъ нельзя не указать на огромное достоинство книги Гайма: отмежевавъ себѣ немного, онъ такъ хорошо разработалъ свою полосу, что для внимательнаго читателя не только уяснилъ самый важный моментъ въ исторіи романтизма, но и открылъ, что называется, широкіе виды на всю его судьбу. Можно не соглашаться съ частными выводами его работы, но нельзя не преклониться передъ его усердіемъ, акуратностью и научной честностью. Его книга замѣняетъ для насъ цѣлую библіотеку источниковъ; всѣ ихъ онъ не только прочиталъ, но проштудировалъ, и изъ каждаго извлекъ все существенное, давая такимъ образомъ читателю полную возможность самому дѣлать выводы и обобщенія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Философская подготовка Гайма очень помогла дѣлу, такъ какъ основатели школы, напримѣръ: Фридрихъ Шлегель и Шлейермахеръ болѣе философы, чѣмъ литераторы.

Но и историкамъ Гаймъ оказался прекраснымъ; многіе вопросы переработаны имъ заново и рѣшены окончательно, напримѣръ, хоть вопросъ о личныхъ отношеніяхъ основателей школы къ Гете и Шиллеру.

Въ общемъ книга Гайма читается не легко, но зато никто, прочтя ее, не скажетъ: «я потерялъ масло и время». Считаемъ излишнимъ говорить о достоинствахъ перевода г. Невѣдомскаго. **А. К.**

Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и передѣланное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890.

Вышедшее около тридцати лѣтъ тому назадъ сочиненіе К. Шмидта—«Die Geschichte der Pädagogik»—все еще остается, по выраженію Диттеса, «замѣчательнѣйшимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ», даже въ богатой нѣмецкой литературѣ. Оно потребовало со стороны автора, отличавшагося громадною эрудиціей, десятилѣтнихъ подготовительныхъ работъ и представляетъ собою типическое произведеніе извѣстной «нѣмецкой, совѣстливой, трудолюбивой учености». Предлагая массу фактическаго матеріала, оно является въ то же время и вполнѣ философскимъ произведеніемъ, проникнутымъ опредѣленною идеею. Послѣднее обстоятельство отразилось на немъ двояко, сообщивъ ему высокія достоиства и немаловажные недостатки. Укажемъ главные изъ тѣхъ и другихъ.

Шмидтъ—идеалистъ, послѣдователь Гегеля, философія котораго, несмотря на свою принципіальную несостоятельность, оказала въ высшей степени благотворное вліяніе на многихъ замѣчательныхъ дѣятелей науки, сообщивъ широту ихъ воззрѣніямъ и глубину философскаго проникновенія въ излѣдуемые предметы. Этой философіи обязанъ Шмидтъ тою широтою постановки вопросовъ воспитанія, которою отличаются какъ это, такъ и другія его сочиненія. «Можетъ ли быть воспитателемъ тотъ, — спрашиваетъ онъ,—кто не знаетъ человѣческаго организма, ни въ его относительной самостоятельности, ни въ его тѣсной связи съ природою; — кто не постигъ, что совокупное человѣчество проявляетъ, обособляясь, въ каждой единичной личности; — кто не изслѣдовалъ духовныхъ органовъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи, и потому не въ состояніи сообщить имъ отвѣчающее ихъ бытію развитіе?» Какъ членъ во «всеорганизмѣ міровъ», человѣкъ, по его словамъ не что иное, какъ обособленный организмъ, міръ въ маломъ видѣ, средоточіе дѣйствующихъ во вселенной силъ и законовъ, состоящій въ тѣсномъ взаимнодѣйствіи со всѣмъ, и въ свою очередь представляющій обликъ. А потому людское существо постигнетъ и способенъ быть воспитателемъ, т. е. образователемъ человѣка, только тотъ, кто изслѣдовалъ природу, ея строй, ея своеобразную жизнь, воплощеніе въ ней духа. Человѣческая жизнь необъяснима безъ созерцанія космической. Въ частности, относительно исторіи воспитательнаго дѣла, онъ говоритъ: — «Погружаясь въ купель исторіи, человѣкъ крѣпнетъ. Благодаря ей, обновляется его жизнь: онъ сжигаетъ свой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

старящій и мертвящій эгоизмъ во всеобщемъ разумѣ человѣчества. Особенно же педагогъ въ исторіи педагогики. Кто дошелъ до сознанія, что одна только наука приводитъ къ ясному пониманію жизни и ея явленій и что наука есть основа для художника-педагога; кто сверхъ того убѣжденъ, что современное состояніе есть результатъ прошедшаго, и что, слѣдовательно, только тотъ составитъ себѣ вѣрное понятіе о современности, кто изслѣдовалъ прошедшее, т. е. ея основу: тотъ пойметъ также, что тогда только можно получить вѣрное понятіе о задачахъ современнаго воспитанія и тогда только найдется ключъ къ разрѣшенію этихъ задачъ, когда мы изслѣдуемъ путь, пройденный исторіей воспитанія, и прислушаемся къ ея вѣщему, поучительному и просвѣщенному голосу. Что значитъ опытъ обыденной единичной личности противъ опыта тысячелѣтій? Тоже, что ограниченный своею особностью единичный умъ противъ всеобщаго разума, который развился въ потокѣ всемірной исторіи изъ разума мудрѣйшихъ людей всѣхъ временъ. Только тотъ постигнетъ сущность и цѣну воспитанія, кто прослѣдитъ за развитіемъ идеи его въ потокѣ вѣковъ... Наука педагогики безъ исторіи ея—то же, что зданіе безъ основы. Исторія педагогики сама по себѣ есть уже законнѣйшая и объективнѣйшая научная система педагогики. Исторія воспитанія, по Шмидту, находится въ самой тѣсной, органической связи съ исторіею культуры вообще: развитіе единичнаго человѣка зависитъ отъ степени развитія народа, среди котораго онъ живетъ, точно также и отъ степени развитія человѣчества, въ средѣ котораго стоитъ народъ. И поскольку высока или низка эта ступень развитія человѣчества и народа, постольку же будутъ болѣе или менѣе совершенны воззрѣнія и понятія относительно единичнаго человѣка, а слѣдовательно также и воспитаніе его. «Наука и художество, религіозный и государственный строй народа и ступень, занимаемая его членами, обусловливаютъ равномѣрно и степень его системы воспитанія».

Но въ самомъ взглядѣ на сущность историческаго процеса Гегель оказалъ автору плохую услугу: на всемірную исторію онъ смотритъ, какъ на реализацію абсолютнаго. «Существо Божіе, — говоритъ онъ, — живетъ во всемъ, а въ человѣчествѣ оно проявляется разумомъ, красотою и нравственностью. (По сравненію съ соотвѣтствующими выраженіями въ другихъ мѣстахъ, мы можемъ замѣнить послѣднія понятія обычными у Гегеля и его послѣдователей терминами—«истина, добро и красота»). Господство этихъ идеальныхъ силъ и есть та цѣль, къ которой стремится человѣчество. Исторія свидѣтельствуетъ о попыткахъ и подвигахъ, предпринятыхъ и совершенныхъ нашимъ родомъ на пути къ этой цѣли, обо всѣхъ борьбахъ и порывахъ, возникшихъ изъ желанія, чтобы царство божіе водворилось на землѣ, о побѣдахъ, уже одержанныхъ ходомъ непрерывнаго развитія». Слово развитіе выражаетъ собою тайну жизни, и дѣло исторіи подслушать у жизни эту тайну. Развитіе человѣчества есть поступательное движеніе отъ простого къ сложному;—это развитіе — переходъ отъ безсознательности къ сознанію, отъ безобразія къ красотѣ, отъ природной необходимости къ свободѣ духа. Усматривая аналогію между развитіемъ всего человѣчества и отдѣльнаго индивида, Шмидтъ находитъ, что восточные народы представляютъ собою дѣтство человѣчества, классическая древность — юношескій возростъ, христіанство—зрѣлость. Таже аналогія простирается и на каждый народъ, въ частности: онъ «проживаетъ свой дѣтскій возростъ, въ кото-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ромъ онъ самъ себѣ представляется какъ бы сказаніемъ и потому въ сказаніяхъ изображаетъ свою жизнь; онъ празднуетъ свою юность дивными подвигами, стремясь въ силу своего разцвѣтающаго духа къ завоеваніемъ; онъ проявляетъ мужемъ зрѣлость, спокойствіе и разумность въ мысляхъ, чувствахъ и хотѣніяхъ; наконецъ, старецъ-народъ пользуется лишь нажитыми благами и, костенѣя, погибаетъ, если только народный духъ не одаренъ столь высокими качествами и такимъ энергическимъ порывомъ, что по осуществленіи и проявленіи идеи, лежавшей въ основѣ его бытія, онъ въ состояніи будетъ воспринять и разработать новую идею; въ такомъ случаѣ возросты для него не что иное, какъ историческія времена года, въ чередованіи которыхъ онъ молодѣетъ вновь».

Законы, управляющіе, по мнѣнію Шмидта, исторіею вообще, прилагаются имъ и къ исторіи педагогики. Главная задача послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить, насколько глубоко, насколько ясно, идея человѣчества отражается въ сознаніи любой современной ему эпохи. Всеобщая исторія показываетъ, что всякое дальнѣйшее развитіе есть критика только-что пройденнаго пути человѣчества, такъ что каждый новый періодъ идетъ далѣе, отрѣшаясь отъ односторонностей стараго, и человѣчество такимъ образомъ все болѣе приближается къ своей божественной цѣли; подобно тому исторія педагогики также должна изслѣдовать органическое развитіе искусства воспитанія и стало быть представить и уяснить поступательное движеніе педагогической идеи въ ходѣ времени. Согласно съ этимъ, исторія педагогики должна показать, каково въ каждую эпоху было воспитаніе въ дѣйствительности и какимъ въ то же время ему слѣдовало бы быть по существу своему, въ духѣ людей мыслящихъ, т. е. представить, какъ обучались народы, и чему и какъ учили геніальныя личности среди народовъ. Поэтому исторія педагогики должна не только представить теоретическое и практическое развитіе педагогики въ продолжительномъ ходѣ всемірной исторіи; но также и характеризовать это развитіе въ средѣ единичныхъ народовъ. Она должна изобразить воспитаніе въ дѣтскомъ возростѣ народа, когда оно исходитъ отъ главы семейства и состоитъ въ пріученіи къ старозавѣтнымъ нравамъ, формамъ и обычаямъ, не руководясь, впрочемъ, при этомъ никакою высшею сознательною идеею. Однако путемъ наблюденія и опыта исподоволь слагаются единичныя правила, основныя начала воспитанія, переходящіе въ устныхъ преданіяхъ изъ рода въ родъ. Сознательно же воспитаніе ведется уже въ расчлененной общинѣ и въ организованномъ государствѣ,—въ юномъ возростѣ народа. Тутъ оно не предоставляется болѣе случайнымъ и произвольнымъ воззрѣніемъ единичной личности; а уже само государство заинтересовано въ томъ, чтобы подростающія поколѣнія воспитывались, и сверхъ того, чтобы они развивались путемъ, отвѣчающимъ устойчивости и преуспѣянію общины и государства, и тѣмъ достигалось бы единство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ членовъ послѣдняго. Законодатели въ этомъ періодѣ приводятъ въ порядокъ и выясняютъ установившіеся обычаи и правила воспитанія. Затѣмъ, уже въ зрѣломъ возростѣ народа воспитаніе и обученіе вытекаютъ изъ яснаго стремленія, сознающаго свою цѣль и средства. Теперь, какъ и въ эпоху народной старости, выступаютъ философы и педагоги, съ тѣмъ, чтобы утвердить воспитаніе на прочныхъ началахъ и дать такимъ образомъ законченную теорію его.

Въ настоящее время, характеризуемое паденіемъ идеализма вообще и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гегельянскаго въ особенности, было бы анахронизмомъ входить въ разборъ воззрѣній Шмидта на исторію воспитанія. Они слишкомъ устарѣли для этого, какъ не отвѣчаютъ современному состоянію исторической науки и многія изъ приводимыхъ авторомъ фактическихъ указаній. Это сознали редакторы 4-го нѣмецкаго изданія сочиненія Шмидта — Диттесъ и Ганнакъ, которые нашли нужнымъ «основательный и строгій пересмотръ, во многихъ мѣстахъ даже совершенную перемѣну его».

Редакція перваго тома, посвященнаго воспитанію у дикихъ народовъ на Востокѣ, у грековъ и римлянъ, принадлежитъ Ганнаку, директору педагогическаго института въ Вѣнѣ, который долженъ былъ преодолѣть немалыя «трудности». Послѣднія возникли, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что послѣ перваго изданія въ области восточной и классической древности были предприняты обширныя изслѣдованія и сдѣланы замѣчательные выводы, которые въ послѣдующихъ затѣмъ изданіяхъ не были приняты къ свѣдѣнію; множество новыхъ данныхъ, собранныхъ Ганнакомъ, сдѣлали то, что книга вышла почти вдвое обширнѣе прошлаго. Во-вторыхъ,—вслѣдствіе того, что въ воззрѣніи на исторію педагогики онъ значительно расходится съ авторомъ: тогда какъ Шмидтъ придавалъ главное значеніе субъективному, обстрактному распредѣленію и разложенію фактовъ, въ духѣ гегелевой философіи; Ганнакъ, со своей стороны, выдвинулъ на первый планъ объективное, засвидѣтельствованное исторіей, конкретное содержаніе и «старался вывести оттуда, само собою вытекающія, условія и послѣдствія, не обращая вниманія ни на какія предвзятыя теоріи». Благодаря всему этому, мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ исторіей педагогики Шмидта, сколько съ новымъ произведеніемъ—Ганнака, на что и обращаемъ вниманіе читателей, знакомыхъ съ первоначальною редакціею, въ подлинникѣ или въ русскомъ переводѣ.

М. С—скій.

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва 1890.

Кто не знаетъ давнишней формулы сѣтованій на преобладаніе у насъ журналистики надъ всѣми иными формами печатнаго слова.

Журналовъ тысячи, а книги ни одной, повторяетъ всякій прикосновенный къ литературѣ, но рѣдко кто помнитъ автора этого стиха, князя Д. П. Горчакова (1756—1824). Вышеприведенный стихъ зажился въ общей памяти, въ немъ нѣтъ ничего устарѣлаго, но возьмемъ его въ болѣе цѣлостной комбинаціи того эпиграмматическаго характера четверостишія, которое имъ замыкается, и получится совершенно иное впечатлѣніе.

Вотъ это четверостишіе:

«Исполнить торопясь писательски желанья,
«Всѣ въ ежемѣсячныя пустилися изданья,
«И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной,
«Журналовъ тысячи, а книги ни одной».

Архаизмы этихъ стиховъ оттолкнутъ современнаго читателя, привыкшаго къ гладкости стиха и прозы нашихъ дней. Таковъ удѣлъ писателя, въ произведеніяхъ котораго хорошее загромождено отжившимъ свой вѣкъ. А между тѣмъ, сатира князя Горчакова, изъ которой взяты приведенные стихи, въ свое время пользовалась значительной извѣстностью. Это сатирическое посланіе къ князю С. П. Долгорукову, напечатанное уже послѣ смерти автора, да и то отрывкомъ въ «Памятникахъ отечественныхъ музъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на 1827-й годъ, подъ заглавіемъ «Невѣроятные». Сатирикъ обвиняетъ здѣсь русское общество въ отсутствіи національной окраски, говоря, что его блестящіе представители, тотъ «сокъ умной молодежи», которую такъ зло въ то же время осмѣялъ Грибоѣдовъ, были не болѣе какъ на русской подкладкѣ франты французскаго фасона, получавшіе во времена Директоріи кличку «incroyables».

Въ другой своей сатирѣ: «Совѣтъ Пустону» князь Горчаковъ съ еще большею рѣзкостью нападаетъ на подобнаго рода франтовъ, рисуя передъ нами одного изъ нихъ, всецѣло погруженнаго въ свѣтскія удовольствія и пренебрегающаго интересами науки и литературы. Типъ старый даже для того времени, когда за спиной автора стоялъ Кантемиръ въ сатирѣ «Къ уму моему» и Фонъ-Визинъ въ комедіи «Бригадиръ». Но сатира «Совѣтъ Пустону» сильна своей положительной стороной. Князь Горчаковъ заключаетъ свою сатиру обращеніемъ къ Пустону:

«Послушай, у тебя прекрасное село;
«Ступай въ него, оставь жокеевъ и катанье,
«И къ земледѣлію направь свое вниманье;
«Учись и замѣчай, въ какія времена
«Тамъ выгодно землѣ повѣрить сѣмена;
«Какъ утучнить ее, какъ съ малыми трудами
«Покрыть свои поля обильными плодами,
«Какъ въ пользу всѣ стахіи обращать
«И честнымъ образомъ себя обогащать.
«Смотри, чтобъ у тебя крестьяне не лѣнились
«И прибыльно себѣ и обществу трудились...
«Не меньше прочаго Россіи нуженъ плугъ;
«Герой ее хранитъ, философъ просвѣщаетъ,
«А добрый селянинъ трудомъ обогащаетъ,
«И хлѣбомъ житницы стараяся снабдить,
«Двумъ первымъ подаетъ онъ способы служить.
«Такъ точно подъ землей сокрыто основанье
«Великолѣпное поддерживаетъ зданье».

Впослѣдствіи Гоголь вложилъ эту программу въ уста Тентетникова, который, собираясь бросить службу въ Петербургѣ, говоритъ своему чиновному дядюшкѣ: «у меня триста душъ, имѣнье въ разстройствѣ, и государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцеляріи другой переписать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ; званіе это также не бездѣлица. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ работящихъ подданныхъ, чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія?» («Мертвыя души» часть II, гл. 1). И тотъ же Гоголь вывелъ департаментскаго чиновника Хлестакова, который про деревню знаетъ только, что она «имѣетъ свои пригорки, ручейки». Такимъ образомъ, князь Горчаковъ представляется намъ въ живомъ соотношеніи съ общимъ ходомъ развитія литературы. Его живой умъ, его энергичное негодованіе, искрятся въ его сатирическихъ произведеніяхъ, направленныхъ не только противъ полуобразованности, но и противъ казнокрадовъ, подрядчиковъ и откупщиковъ—однимъ словомъ, противъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ объединялъ подъ общимъ именемъ «злодѣйствъ мерзительный соборъ».

Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, при всѣхъ его задаткахъ движенія впередъ, былъ слишкомъ привязанъ къ устарѣвшимъ и для его времени тра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

диціямъ искусства и не умѣлъ сразу схватить жизненныхъ чертъ новыхъ вѣяній. Сторонникъ Державина, присяжный членъ «Бесѣды любителей русскаго слова» онъ былъ ревностнымъ поборникомъ ложно классической теоріи, въ путахъ которой писалъ комическія оперы («Калифъ на часъ», «Счастливая тоня», «Баба Яга»), отличающіяся тяжелымъ языкомъ и отсутствіемъ художественной правды въ положеніяхъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ, въ свое время публику могли удовлетворять, болѣе или менѣе заслуженно, такіе, напримѣръ, куплеты приказнаго Взяткина, выведеннаго въ оперѣ «Баба-Яга»:

«Ибо указъ мы туда пригибаемъ,
«Гдѣбъ отъ него намъ покормка была;
«Точно то мы одно наблюдаемъ,
«Чтобы по формѣ текли всѣ дѣла.
«Выписки, справки екстракты по дѣлу
«Мы сочиняемъ, собравшись съ умомъ.
«Должно въ приказныхъ обрядахъ быть смѣлу.
«Дондеже хлѣбецъ добудешь перомъ».

Горчаковъ нападалъ на Карамзинскій сантиментализмъ, но самъ является чрезвычайно чувствительнымъ въ своей россійской повѣсти «Пламиръ и Раида» (напечатана въ 1796 г.), построенной въ духѣ «Страданій молодого Вертера».

Обращаясь къ вышедшему теперь въ свѣтъ собранію сочиненій князя Д. П. Горчакова, изданныхъ его внучкой княжной Еленой Горчаковой, и воздавая должное прекрасной внѣшности книги, обстоятельности краткой біографіи, предпосланной сочиненіямъ нашего автора, мы, къ сожалѣнію, не можемъ не отмѣтить пропуска нѣсколькихъ произведеній точно указанныхъ А. Д. Галаховымъ въ исторіи «Русской словесности» (т. II, 359). Сюда относится рядъ стихотвореній въ «Другѣ просвѣщенія» (1804—1806), изъ коихъ только одно посланіе къ Долгорукову («Другъ просвѣщенія» 1804, № 6) помѣщено въ собраніи сочиненій, причемъ помѣчено, какъ взятое изъ II тома «Исторической христоматіи» А. Д. Галахова. Хорошо было бы со стороны издательницы, почтившей память своего дѣда такимъ разумнымъ способомъ, какъ изданіе его сочиненій, пополнить отмѣченный пробѣлъ, отпечатавъ въ видѣ особаго прибавленія нечаянно пропущенныя стихотворенія. Какъ бы то ни было, кн. Горчаковъ сыгралъ довольно видную роль въ нашей литературѣ, при изученіи которой необходимо располагать возможно-полнымъ собраніемъ его сочиненій. Къ сочиненіямъ кн. Горчакова приложенъ хорошо сдѣланный портретъ его. Е. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Варенское событіе: бѣгство Людовика XVI съ семействомъ изъ Парижа и причина его неудачи; почтмейстеръ Друэ.— Екатерина Медичи—злая фея Франціи: правители эпохи реформаціи; политика женской красоты и лукавства во Франціи; купанье короля Франциска II въ дѣтской крови; астрологія и магія въ XVI столѣтіи; политическія предсказанія астролога Руджіери о судьбѣ послѣднихъ Валуа; параллель между Екатериной Медичи и императрицей Евгеніей.— Тьеръ о своей политической карьерѣ по воспоминаніямъ Арсена Гуссе: маленькій ростъ великихъ людей; ничтожество академическихъ лавровъ; значеніе путешествій. — Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савской царицѣ: аравійское происхожденіе эѳіопской царицы; посѣщеніе Соломона Савской царицей; критическія времена для Соломона.

ВАРЕНСКОЕ СОБЫТІЕ. Бѣгство королевской семьи изъ Парижа 20-го іюня 1791 г. и арестованіе ея въ мѣстечкѣ Варенне представляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ интереснѣйшихъ драматическихъ эпизодовъ бурной эпохи французской революціи. На описаніи этого бѣгства останавливались не только всѣ историки революціи, но и біографы членовъ королевской фамиліи: Людовика XVI, Маріи-Антуанеты и Людовика XVII.

Не смотря на обиліе описаній событія, сдѣлавшагося, казалось бы уже вполнѣ извѣстнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, новые изслѣдователи продолжаютъ, однако, заниматься этимъ вопросомъ и стараются— по имѣющемуся нынѣ въ ихъ распоряженіи громадному матеріалу—выяснить съ возможнымъ безпристрастіемъ причины неудачи путешествія и степень отвѣтственности, падающей на лицъ, принимавшихъ въ этомъ дѣлѣ участіе. Фурнель, Варенскій уроженецъ, выросшій, какъ говоритъ онъ, почти среди очевидцевъ злополучнаго событія, собиралъ, съ своего ранняго возроста, всѣ мѣстныя устныя преданія о катастрофѣ 21-го іюня и посвятилъ разработкѣ этого вопроса все свое усердіе и умѣніе. Сочиненіе его подъ заглавіемъ «L'Evenement de Varennes» (Paris, 1890), представляетъ дѣйствительно зна-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чительный интересъ со стороны критики; Фурнель разъясняетъ существующія до сего времени нѣкоторыя разнорѣчія и выясняетъ очень обстоятельно всѣ главнѣйшія причины неудачи бѣгства короля. Фурнель соглашается вполнѣ съ извѣстнымъ уже мнѣніемъ, что Людовикъ XVI, долго колебавшійся относительно необходимости выѣзда изъ Парижа, рѣшился на этотъ шагъ лишь послѣ изданія закона о гражданскомъ устройствѣ духовенства, закона неодобреннаго папою и оскорбившаго религіозное чувство короля, какъ истиннаго сына церкви. Въ тотъ день, говоритъ авторъ, когда Людовикъ увидалъ, что его религіозное убѣжденіе болѣе не свободно, положеніе его показалось ему окончательно невыносимымъ, онъ пересталъ колебаться и приступилъ рѣшительно къ приготовленіямъ къ отъѣзду. Въ «L'Evenement de Varennes» подтверждены также извѣстные факты о неосторожностяхъ въ подготовленіяхъ къ бѣгству и о доносахъ придворной прислуги, но доказывается, что ни Бальи (мэръ Парижа), ни Лафайетъ (начальникъ національной гвардіи), на которыхъ, какъ извѣстно, обрушилось общественное мнѣніе столицы, лишь только распространилась вѣсть о бѣгствѣ королевской семьи, ничего объ этомъ не знали. Описаніе ночнаго выхода изъ Тюльери, хожденія по темнымъ улицамъ Парижа, приведшія къ опозданію отъѣздомъ изъ Парижа и прочія интересныя подробности первыхъ шаговъ бѣглецовъ, ни въ чемъ у Фурнеля существенно не отличаются отъ извѣстныхъ уже о всемъ этомъ разсказовъ.

Въ разсказъ о дальнѣйшемъ путешествіи до м. Понъ-Соммевель, гдѣ король долженъ былъ встрѣтить первое военное прикрытіе подъ начальствомъ герцога Шуазеля, авторъ справедливо упрекаетъ герцога Шуазеля за преждевременный уходъ съ своимъ отрядомъ съ мѣстъ наблюденія, чѣмъ нарушена была общая связь между кавалерійскими отрядами, расположенными вдоль пути слѣдованія королевской семьи, что въ свою очередь привело главнымъ образомъ къ Варенской катастрофѣ. Съ момента отбытія Людовика XVI изъ Понъ-Соммевеля, Фурнель считаетъ весь планъ маркиза Булье устроенной имъ цѣпи прикрытій для обезпеченія бѣгства королевскаго семейства, нарушеннымъ и успѣхъ предпріятія компрометированнымъ.

Къ 8-ми часамъ вечера тяжелая королевская карета дотащилась до м. С.-Менегульдъ, гдѣ содержатель почтовой станціи Друэ (а не сынъ почтмейстера, какъ его обыкновенно называютъ), возвратившись случайно съ полевой прогулки, увидѣлъ огромныхъ размѣровъ карету, въ которую впрягали шестерикъ лошадей, приблизился къ экипажу, окруженному толпою любопытныхъ, и разглядѣлъ случайно высунувшееся изъ кареты лицо короля. Сличивъ это лицо съ изображеніемъ на ассигнаціяхъ, Друэ безъ труда угадалъ, кто скрывается подъ видомъ слуги мнимой баронессы Корфъ, съ которою слуга ея сидѣлъ вмѣстѣ въ каретѣ. Лишь только экипажъ выѣхалъ изъ С.-Менегульда, муниципальныя власти собрались на совѣтъ и единогласно уполномочили Друэ принять мѣры для воспрепятствованія путешествію королевской семьи. Друэ и еще одинъ менегульдскій житель Гильомъ поскакали тотчасъ же верхами въ Варенъ, опередили прибытіе туда королевской кареты и устроили всѣмъ извѣстное Варенское задержаніе несчастнаго Людовика XVI.

Кто же были виновники и какія были вообще причины неуспѣха поѣздки? Все рѣшительно,—отвѣчаетъ Фурнель,—вело неминуемо къ катастрофѣ, и все съ самаго момента отъѣзда и даже пожалуй раньше — было не болѣе какъ одна нескончаемая цѣпь или неловкостей, неосторожностей, или несчастій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Такимъ образомъ, не то удивительно, по мнѣнію Фурнеля, что несчастный монархъ попался въ западню, не доѣхавъ лишь нѣсколькихъ километровъ до станціи спасенія, а скорѣе то изумительно, что онъ не былъ задержанъ на самыхъ первыхъ же порахъ.

Со стороны маркиза Булье мѣры были приняты съ возможной тщательностью и несомнѣнною предусмотрительностью. Ошибки же, разстроившія весь ловко и умно задуманный планъ дѣйствій, произошли съ одной стороны отъ его второстепенныхъ агентовъ, а съ другой—отъ самого короля. Не смотря на сдѣланныя неосторожности и доносы, отъѣздъ изъ Парижа совершился благополучно. Маркизу Булье удалось также возстановить безурядицу, происшедшую было вслѣдствіе выѣзда 20-го іюня, т. е. днемъ позже противъ назначеннаго, но медленность движенія во время пути была неисправимо пагубна.

Поэтому нужно признать, что главнѣйшая причина приведшая къ печальной развязкѣ заключается прежде всего въ позднемъ прибытіи королевской семьи на первый военный постъ (Pont Sommevelle) — это же произошло вслѣдствіе опозданія выѣздомъ изъ Парижа, медленности ѣзды и починки кареты. Казалось бы, по правиламъ элементарной осторожности, что въ виду значительнаго опозданія слѣдовало бы послать нарочнаго предупредить объ этомъ герцога Шуазеля, но объ этомъ-то и не подумали... Герцогъ же съ своей стороны, въ виду возбужденнаго непріязненнаго настроенія жителей Понъ-Соммевеля и боясь столкновенія съ ними, нашелъ вынужденнымъ увести свой кавалерійскій отрядъ до прибытія короля, при этомъ онъ пошелъ назадъ не большою, а окольною дорогою, сбился съ пути, и не только не могъ приготовить, какъ условлено было, подставу въ Варенѣ, но преждевременнымъ уходомъ своимъ нарушилъ еще общую связь между отрядами, расположенными вдоль пути слѣдованія короля. Ко всему этому нужно прибавить, говоритъ авторъ, наружный видъ и размѣры кареты, которая какъ будто нарочно была сдѣлана, чтобы привлекать на себя всеобщее вниманіе, костюмы трехъ спутниковъ-курьеровъ, одѣтыхъ въ ливреи ярко-желтаго цвѣта, наконецъ, не осторожное поведеніе самого короля, — все это вмѣстѣ взятое объясняетъ вполнѣ несчастную развязку королевскаго бѣгства.

Изъ книги Фурнеля узнаемъ также съ нѣкоторою достовѣрностью о дальнѣйшей судьбѣ лицъ игравшихъ наиболѣе видную роль въ Варенскомъ событіи, особенно почтсодержателя Друэ. Послѣдній, какъ извѣстно, сдѣлался личностью историческою: онъ былъ весьма замѣтнымъ депутатомъ національнаго собранія, принадлежа къ якобинской партіи, вотировалъ смертный приговоръ Людовика XVI, былъ въ плѣну у австрійцевъ и сидѣлъ въ крѣпости Шпигельбергъ, принималъ затѣмъ, возвратившись во Францію, участіе въ заговорѣ Бабёфа: во время имперіи занималъ должность подъ-префекта въ своемъ родномъ городѣ С.-Менегульдѣ и Наполеонъ пожаловалъ ему орденъ Почетнаго Легіона. Фурнель розыскалъ его просьбу отъ 27-го марта 1813 г., въ которой онъ ходатайствовалъ о назначеніи его генеральнымъ полицейскимъ комиссаромъ, для чего имѣлъ всѣ необходимыя способности. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, Друэ почувствовалъ себя въ небезопасности и принужденъ былъ тщательно скрываться отъ розысковъ полиціи. Проживъ 3 мѣсяца въ пещерѣ, высѣченной въ скалѣ, близъ С.-Менегульды, онъ укрылся сперва въ С.-Дени, а затѣмъ поселился въ Маконѣ подъ чужимъ именемъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нѣкоего Маергеса (Maërgesse), механика, родомъ изъ Ліежа, и жилъ тамъ около 8 лѣтъ съ любовницею по имени Норманъ, которую онъ похитилъ у ея мужа. 11-го апрѣля 1824 г. Друэ умеръ, и только благодаря показаніямъ этой Норманъ власти узнали, что лицо извѣстное подъ именемъ Маергеса былъ исчезнувшій Жанъ Баптистъ Друэ, розыскать котораго при жизни его не удалось. Эти подробности появляются въ печати впервые.

— Екатерина Медичи—злая фея Франціи. Женская красота и женское лукавство въ теченіе вѣковъ были главными полюсами исторіи Франціи. Конечно, тутъ разумѣются главнымъ образомъ не супруги королей. Красавицы со стороны вмѣшивались въ дѣла правленія и завѣдывали головами и сердцами королей. Если же когда-либо и королевѣ приходилось играть историческую роль, то ея вліяніе обыкновенно было очень гибельно. Но едва ли не самымъ пагубнымъ можно считать управленіе жены Генриха II, Екатерины Медичи. Для Франціи она явилась злою феей, по выраженію нѣмецкаго ученаго Земмига. Въ вѣкъ реформаціи вообще мало было правителей, способныхъ справляться съ колосальными задачами той эпохи и руководить движеніемъ своего времени. Могущественнѣйшій изъ всѣхъ ихъ, императоръ Карлъ V, сознавъ свое безсиліе, удалился въ монастырь. А его соперникъ, Франциск I, король Франціи, былъ только героемъ турнировъ, красивымъ салоннымъ кавалеромъ. Еще менѣе обнаружилъ способности благопріятно направлять судьбы своей страны сынъ и замѣститель его Генрихъ II.

Въ 1533 г. въ Марсели, онъ сочетался бракомъ съ итальянкой Екатериной Медичи, истинной дщерью своей родины, умной и суевѣрной, чуткой къ искусствамъ, но безъ всякой нравственной основы и совершенно недоступной угрызеніямъ совѣсти. Пока былъ живъ ея мужъ, вступившій на престолъ въ 1547 году, она держалась вдали отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ. Она чувствовала, что напрасно было бы бороться съ вліяніемъ красивой Діаны де-Пуатье. Она упражнялась тогда лишь въ искусствѣ, которое впослѣдствіи примѣняла на пагубу Франціи, именно въ лукавствѣ. Только послѣ смерти короля въ 1559 г. она играла политическую роль въ качествѣ регентши по малолѣтству ея четверыхъ сыновей. Тутъ она стала дѣйствительною королевой.

Вмѣсто соблазна чувственной красотой, одолѣвавшей ея супруга, теперь стояли ей на дорогѣ демонъ честолюбія и кровавый дьяволъ фанатизма, оспаривая у нея бразды правленія. Первый овладѣлъ принцами крови, второй—обоими Гизами, герцогомъ Франциском и его братомъ, кардиналомъ Карломъ. Племянница Гизовъ, Марія Стюартъ, была супругой короля Франциска II. Въ началѣ Екатерина охотно щадила обѣ партіи, чтобъ строить свою собственную власть на ненависти принцевъ и Гизовъ. Но 16-ти-лѣтній король влюбился въ свою молодую жену, а эта подсказывала ему то, что нашептывали ей оба дядюшки. Чтобъ не разсориться съ сыномъ, она вступила въ сдѣлку съ обоими Гизами и отстранилась отъ принцевъ и приверженцевъ ихъ и Колиньи. При французскомъ дворѣ, такимъ образомъ, правили теперь красота Маріи Стюартъ и лукавство Екатерины Медичи.

Вслѣдствіе такой политики, почва Франціи почти непрерывно пропитывалась кровью. То междуусобія, то убійства, то эшафотъ—надъ всѣми этими кровавыми ужасами, длившимися почти 40 лѣтъ, витала злая фея Франціи Екатерина Медичи. Въ новѣйшія времена подобное же пагубное и растлѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вающее вліяніе на нравы и судьбы Франціи оказывала императрица Евгенія. Дурной примѣръ ея страсти къ нарядамъ внесъ въ многочисленныя семьи Франціи разореніе, а ея ханженство привело къ войнѣ 1870 г. При Екатеринѣ Медичи, вмѣсто пруссаковъ воевали съ гугенотами.

Начало ея вмѣшательства въ судьбы Франціи ознаменовано изувѣрскимъ поступкомъ. Молодой король заболѣлъ какой-то загадочной болѣзнью. Сыпь покрыла его лицо, и королева-мать въ концѣ октября 1559 г. отвезла его въ Блуа въ надеждѣ, что чистый воздухъ Луарской долины будетъ ему полезенъ. Но пребываніе загадочно больного короля въ Блуа приводило въ ужасъ всѣхъ матерей этого города. Прошелъ даже слухъ, что больной король для освѣженія своей крови купается въ крови маленькихъ дѣтей, которыхъ тайно похищаютъ.

Затѣмъ въ заботахъ о будущемъ своего рода и въ виду притѣсненій со стороны партій, суевѣрная флорентинка прибѣгла къ астрологіи. Астрологія тогда была официально признанной наукой и обнимала собой данныя астрономіи, медицины, математики и даже богословія. Король Карлъ V основалъ даже особую коллегію, въ которой спеціально изучалась астрологія, и папа Урбанъ V принялъ подъ свое покровительство продѣлывавшіяся тамъ астрологическія операціи. Астрологія сперва избѣгала связи съ магіей. Послѣдняя, считавшаяся грѣховной, учила совершать сверхъестественныя дѣла съ помощью сверхъестественныхъ существъ, ангеловъ или діаволовъ. Астрологія же дѣлала свои выводы изъ наблюденій надъ небесными тѣлами и утверждала, что опирается на природѣ вещей и на наукѣ чиселъ, но въ концѣ концевъ магія и астрологія породнились. Всего за 9 лѣтъ до того времени о которомъ идетъ рѣчь, въ Ліонѣ (1550 г.) появилось полное собраніе сочиненій ученаго авантюриста, который впервые привелъ въ единую научную систему астрологію и магію. Это былъ Корнелій Агриппа изъ Неттесгейна, современникъ д-ра Фауста. Агриппа приписывалъ извѣстнымъ духамъ родъ господства надъ планетами, отъ которыхъ зависѣла судьба человѣка, и косвенно приписывалось тѣмъ же духамъ господство надъ человѣческими судьбами.

Во времена Екатерины Медичи знаменитѣйшій изъ тогдашнихъ астрологовъ Козьма Руджіери, котораго Екатерина привезла съ собой во Францію, также былъ однимъ изъ сторонниковъ помянутой системы нѣмецкаго ученаго. Для операцій Руджіери и другихъ астрологовъ, Екатерина отвела замокъ Шомонъ, находившійся въ нѣсколькихъ часахъ отъ Блуа на лѣвомъ берегу Луары, на лѣсистой возвышенности. На зубцахъ башни въ Шомонѣ, соединенной съ спальней Екатерины, до сихъ поръ еще сохранились разные кабалистическіе знаки. Тутъ въ уединеніи Екатерина въ сообществѣ съ своими учеными отгадчиками тайно, по звѣздамъ, не разъ узнавала планы своихъ враговъ и указанія на то, какой политикѣ ей надо держаться.

И вотъ въ октябрѣ она снова явилась въ Шомонъ. Руджіери показалъ ей въ своемъ залѣ, уставленномъ чудодѣйственными инструментами, скелетами звѣрей и т. п., судьбу четырехъ ея сыновей. Двоимъ изъ нихъ предсказывалась насильственная смерть, а всѣмъ четверымъ—кончина въ молодыхъ годахъ и безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Но всѣ четыре должны были носить королевскую корону.

— Какъ же, имъ предназначено занимать престолъ Франціи одному за другимъ?—печально воскликнула Екатерина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На этотъ вопросъ Руджіери не могъ дать опредѣленнаго отвѣта. Онъ былъ не вполнѣ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. И дѣйствительно, четвертый сынъ Екатерины, герцогъ Алансонскій, умеръ въ 1584 году, не сдѣлавшись королемъ.

Такъ какъ указанія звѣздъ были недостаточно ясны, то Екатерина обратилась къ магіи. Руджіери подвелъ ее къ волшебному зеркалу. Королева увидѣла въ немъ большой залъ, и чародѣй предупредилъ ее, что тѣ, кого она увидитъ въ этомъ залѣ, процарствуютъ столько лѣтъ, сколько разъ они обойдутъ кругомъ зала. Сперва показался царствовавшій король съ печальнымъ угнетеннымъ лицомъ, которое королева едва имѣла время разглядѣть—такъ быстро исчезло это видѣніе. Поблѣднѣвъ отъ страха, Екатерина узнала, что не пройдетъ и года, какъ она узритъ смерть своего старшаго сына. За нимъ послѣдовалъ будущій Карлъ IX; этотъ обошелъ залъ пять съ половиною разъ и при исчезновеніи видѣнія въ зеркалѣ отразилось какое-то кровавое облако. Вотъ она и Варѳоломеевская ночь! Затѣмъ появился герцогъ Анжуйскій, который долженъ былъ сдѣлаться Генрихомъ III, и прогулялся вокругъ зала 15 разъ, прежде чѣмъ остановился. И тотчасъ за нимъ вышелъ бодрый и веселый Генрихъ IV, двадцать разъ обошелъ залъ и хотѣлъ было пройтись въ 21-й разъ, но вдругъ исчезъ. Вслѣдъ за нимъ появился маленькій принцъ 8—9 лѣтъ, обошедшій залъ 37 разъ, и потомъ все смѣшалось, такъ какъ королева уже не хотѣла болѣе глядѣть въ зеркало.

Объ этомъ пророчествѣ разсказывалось многими историками, хотя и съ нѣкоторыми варіантами относительно подробностей. Земмигъ недавно напечаталъ о немъ замѣтки по версіи, передаваемой библіотекаремъ Луазлеромъ въ Орлеанѣ.

На душу Екатерины это предсказаніе оказало глубокое дѣйствіе. Какъ всѣ суевѣрные люди, она объяснила его на свой ладъ, и взяла изъ него только то, что̀ ей годилось. Она вѣрила въ свое лукавство и въ то, что̀ она съумѣетъ обойти судьбу, какъ привыкла поступать съ своими врагами. По этому, какъ только Карлъ IX сдѣлался королемъ, послѣ своего брата Франциска, она для остальныхъ двухъ сыновей своихъ принялась добывать иноземныя короны. Съ этой цѣлью она поручила французскому посланнику въ Константинополѣ похлопотать у турецкихъ министровъ, нельзя ли ея Генриху, герцогу Анжуйскому, дать королевство Алжирію. Когда этотъ планъ не удался, она вознаградила себя тѣмъ, что постаралась добиться избранія Генриха королемъ Польши. Въ тѣхъ же честолюбивыхъ видахъ она употребляла всѣ усилія, чтобы женить ея четвертаго сына, Франциска, герцога Алансонскаго, на королевѣ Елисаветѣ, дабы возложить на его голову корону Англіи.

И этой суевѣрной женщинѣ суждено было направлять судьбы Франціи. Страна обрекалась на погибель, какъ въ новѣйшія времена при императрицѣ Евгеніи, затѣявшей «sa petite guerre à elle». Монархія Валуа была уничтожена фанатической лигой и возстаніемъ Парижа. Возстаніе того же Парижа выгнало императрицу Евгенію изъ Франціи и сокрушило вторую имперію. Послѣдній, оставшійся въ живыхъ, сынъ Екатерины Генрихъ III истекъ кровью подъ кинжаломъ одного монаха, сынъ императрицы Евгеніи умеръ отъ пикъ африканскихъ дикарей. Екатерина пользовалась всѣми средствами, чтобъ удержать власть за своими сыновьями, начиная отъ галантерейности до смертоубійства. Эта безсовѣстность нашла себѣ кару. Ко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рона Валуа ниспала окровавленной съ головы ея дочерей. Легкомысленная надменность испанки въ позднѣйшія времена привела къ подобной же катастрофѣ.

— Тьеръ о своей политической карьерѣ. Арсенъ Гуссе, 76-тилѣтній авторъ «Histoire du quarante et unième fauteuil de l'Académie française», издалъ 5-й и 6-й томы своихъ «Confessions», которые заключаютъ въ себѣ воспоминанія не столько его собственныя, сколько чужія, и потому весьма любопытны. Интересно, между прочимъ, мнѣніе Тьера о своей политической карьерѣ.

«Однажды вечеромъ,—разсказываетъ Гуссе,—не помню, по какому случаю, Тьеръ еще разъ разсказалъ намъ про свою жизнь. Слушателями были: двѣ дамы и двое мужчинъ, герцогиня Колонна и княгиня Трубецкая, бывшій министръ Тьера и я, случайный его исторіографъ. Г-жа Тьеръ и mademoiselle Донъ (Dosne) гдѣ-то въ уголкѣ задремали, а политики окружили Минье. Вотъ что приблизительно говорилъ Тьеръ: «быть можетъ, я сдѣлался государственнымъ человѣкомъ потому, что природа дурно меня выкроила. Тѣмъ настойчивѣе было мое рѣшеніе сдѣлаться великимъ, чѣмъ менѣе преуспѣлъ я въ физическомъ ростѣ. Духовная сторона во мнѣ мстила за физическую. Будь я такъ же красивъ, какъ красавецъ Минье, быть можетъ, я и удовольствовался бы одной этой красотой, но я утѣшался мыслью, что міромъ владѣли люди малорослые: Наполеонъ—гигантъ по уму, Талейранъ—лукавая голова. И тотъ, и другой, были бы забракованы при рекрутскомъ наборѣ. Сначала я предполагалъ избрать себѣ поприще ученаго, критика, историка, одного изъ числа сорока «безсмертныхъ», но быть руководителемъ общественнаго мнѣнія. Съ самаго ранняго моего дѣтства я сказалъ себѣ, что принадлежу къ фамиліи Шенье. Если ужъ мнѣ не суждено было бы подняться въ высшія сферы, въ такомъ случаѣ я могъ бы продекламировать вамъ свои любовныя стихи или христіанскіе стансы, которые будутъ вполнѣ умѣстны, когда я издамъ наконецъ мой трудъ о бытіи Бога».

«Здѣсь Тьера прервали. Одинъ изъ насъ посовѣтовалъ ему поспѣшить съ изданіемъ. «Да, да,—продолжалъ онъ,—въ теченіе всѣхъ вѣковъ Господь позволяетъ себѣ скрываться подобно солнышку за облаками. Но пойдемъ далѣе. Я слишкомъ большой почитатель древности, чтобы не любить искусства; посему долженъ признаться, что въ основѣ любви моей къ церкви лежатъ работы великолѣпныхъ художниковъ всякаго рода, обращающихъ ее въ музей. Трудъ составлялъ самое фундаментальное ядро всей моей жизни. Я слышалъ, что для заработка куска хлѣба надо сдѣлаться адвокатомъ. Съ этого я и началъ, однако, мнѣ скоро стало ясно, что я призванъ на защиту болѣе великаго дѣла, чѣмъ все то, что встрѣчалось въ судебной практикѣ. Для однихъ исходнымъ пунктомъ является судебная арена, для другихъ—имъ служитъ литература. Я дебютировалъ на литературномъ поприщѣ панегирикомъ стоику Вовенаргу. Позвольте при семъ показать вамъ все ничтожество академическихъ лавровъ. Академія въ Э назначила похвальное слово Вовенаргу. Рѣчь моя была блистательна. Но было извѣстно, что ея авторъ—я, какой-то ничтожный адвокатишка. Премированіе мое было отложено до слѣдующаго года. Тогда я заявился вторично, на этотъ разъ подъ покровомъ тайны, панегирикомъ, который далеко уступалъ первому, ибо былъ признанъ болѣе академичнымъ. Само собой разумѣется, я былъ премированъ. Это было въ то время, когда другъ мой Минье былъ премированъ «академіей надписей» за трудъ объ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Institution de Saint Louis». Оба лауреата не могли болѣе оставаться въ провинціи, и вотъ мы отправились въ Парижъ. Не утаю, что всѣ мечты наши сосредоточивались на улицѣ du Bac (гдѣ обитала госпожа Сталь, которою мы бредили). Только погрязнувъ выше головы въ грязи и водѣ, ощутили мы потребность въ солнцѣ. Дождливые дни проводилъ я въ библіотекѣ и музеяхъ, гдѣ наконецъ обрѣлъ для себя вторую отчизну. Больше всего увлекала меня живопись. Я готовъ былъ самъ взяться за кисть, но я принужденъ былъ удовольствоваться геніемъ другихъ. Извѣстно, что въ «Constitutionnel'ѣ» 1822 года я писалъ о «Салонѣ» того времени. Въ это же время меня занималъ одинъ романъ, неправдоподобный, но вполнѣ истинный. Это былъ романъ мистриссъ Белами, знаменитой актрисы, дочери лорда Тинолея, артистическое посвященіе которой было совершено Гаррикомъ. Какъ на театральныхъ подмоскахъ, такъ и внѣ ихъ, она жила какъ настоящая королева. Но историческія занятія увлекали меня сильнѣе романа...

«Герцогиня Колонна высказала свое мнѣніе, что исторія собственно то же сводится къ роману, но—avec garantie des gouvernements. Мнѣ болѣе по вкусу романы Бальзака и Жоржа Занда; они правдивѣе, такъ какъ повѣствуютъ исключительно о нашихъ страстяхъ». Затѣмъ Тьеръ продолжалъ: «Во всякомъ случаѣ, въ то время я не особенно отдавался книгамъ. Такимъ образомъ, посѣтилъ я Пиренеи и Альпы, признаться,—изъ опасенія, какъ бы не замерзнуть въ Парижѣ. Ахъ, эти путешествія. Каждый человѣкъ долженъ бы годъ съ днемъ путешествовать подобно тому, какъ онъ годъ съ днемъ отбываетъ воинскую повинность. Обратите вниманіе, путешествіе мое по Италіи и по сейчасъ является лучшимъ произведеніемъ моей библіотеки. Моимъ идеаломъ было бы возсѣсть на коня и проѣхать подобно Цезарю и Наполеону весь свѣтъ, вмѣсто солдатъ, снабженнымъ вооруженными идеями».

«Тьеръ замолкъ и поникъ челомъ на руку. Это было нѣсколько дней спустя послѣ его смѣщенія съ президентства французской республики. Онъ чувствовалъ, что съ его паденіемъ миссія его окончена.

— «Ну и что же дальше?—спросила герцогиня.

— «Дальнѣйшее вамъ извѣстно,—сказалъ Тьеръ, поднявъ голову и какъ бы отгоняя свою мечту,—я написалъ «Histoire de la Révolution». Вслѣдъ за ней послѣдовала другая исторія: я засадилъ Карла X въ Хартію и заставилъ его броситься изъ окна. Я громко и слишкомъ поспѣшно поднялъ голосъ противъ іюльскихъ распоряженій. Благодаря этому, я сдѣлался министромъ и министромъ-президентомъ. При Людовикѣ XIV или во время регентства я сохранилъ бы за собою этотъ постъ; но при королѣ (Луи-Филиппѣ), котораго я создалъ, идеи мои были отвергнуты, и, вслѣдствіе этого, не удержался на престолѣ и самъ король».

— Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савской царицѣ. Исторія и критика, какъ извѣстно, не согласны въ томъ, насколько эта сказочная повелительница принадлежитъ къ области достовѣрныхъ фактовъ. Тѣмъ болѣе любопытнымъ оказывается новый этюдъ на эту тему, пытающійся разрѣшить вопросъ о реальности знаменитой царицы, которую привлекла въ Іерусалимъ слава о мудрости Соломона. Гдѣ находилось царство этой правительницы? Іосифъ Флавій полагаетъ, что правительница, посѣтившая Соломона, была царицей Эѳіопіи. Онъ называетъ ее Никауле или Никаулисъ. Предположеніе это поддерживаютъ отцы церкви Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій, Оригенъ, Августинъ, Іеронимъ и др. Оно же согласуется съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

легендами, до сихъ поръ сохранившимися въ Эѳіопіи. Англичанинъ Брюсъ извлекаетъ изъ эѳіопскихъ книгъ, что нѣкогда царица этой страны по имени Мокеда пріѣзжала въ Іерусалимъ, гдѣ приняла вѣру въ истиннаго Бога. Она имѣла сына отъ Соломона. Этотъ сынъ послѣ нея управлялъ Эѳіопіей подъ именемъ Мемлека съ прозвищемъ Эбу-Хакимъ, т. е. «сынъ мудреца». Существованіе такихъ преданій подтверждается и другими.

Другіе изслѣдователи переносятъ Савское царство въ Аравію, и отождествляютъ его съ Маріабо, нынѣ Маребъ, а царицу называютъ Балкисъ. Она властвовала надъ Іеменемъ. Архіепископъ Турскій Мейньянъ, напечатавшій недавно историко-критическую работу о Савской царицѣ, держится этой послѣдней версіи. Его доводы заслуживаютъ упоминанія. «Во-первыхъ—говоритъ онъ—по священному писанію эта страна находится въ Аравіи; подарки, принесенныя царицей, аравійскіе продукты, и свѣтская наука также подтверждаетъ это».

Но какъ же аравійская царица попала въ Эѳіопію? Мейньянъ ссылается на Ленорманна и на Сельвестра де Саси. Оба ученые допускаютъ великое переселеніе сабеянъ въ Эѳіопію. Оно относится ко временамъ Соломона и совершилось тогда, когда сабеяне были изгнаны другими аравитянами изъ своихъ мѣстъ. Затѣмъ сынъ царицы и Соломона съ своими людьми перешелъ черезъ Красное море въ Эѳіопію и основалъ тамъ новое царство. Такимъ образомъ двѣ различныя версіи соединяются въ одну и уясняются. Теперь, когда всякія историко-критическія сомнѣнія устранены, нельзя не коснуться романическихъ отношеній Савской царицы къ Соломону.

Царица въ отдаленной Аравіи прослышала о мудрости, богатствахъ и, конечно, красотѣ и силѣ Соломона и не могла удержаться, чтобъ не отправиться въ Іерусалимъ. Она отправилась туда съ многочисленной свитой и цѣлымъ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ драгоцѣнными тканями и благородными металлами. Ее встрѣтили, устроили и обращались съ нею съ помпою, которая восхитила ее и повергла въ сладостный восторгъ. Представъ предъ Соломономъ, она говорила съ нимъ притчами и загадками, которыя онъ всѣ умѣлъ разрѣшить. Наконецъ, она уже не владѣетъ собою и восклицаетъ съ восторгомъ: «и мудрость твоя и дѣянія твои гораздо выше всего, что̀ я слышала о нихъ. Счастливы подданные твои, о царь, и счастливы слуги твои, имѣя возможность всегда быть около тебя и слышать слова твоей мудрости!» Архіепископъ Мейньянъ усматриваетъ во этихъ словахъ «меланхолическую скорбь» о томъ, что она вскорѣ должна разстаться съ такимъ царемъ. Не изобличаютъ ли эти слова, говоритъ онъ, болѣе живое чувство, чѣмъ одно удивленіе?

«Болѣе живое чувство» не осталось безъ отвѣта. По арабскому преданію, Савская царица, разставшись съ Соломономъ, была его женой и матерью одного изъ его дѣтей. Этимъ объясняется ея расточительное великодушіе относительно повелителя Израиля. Она подарила Соломону 120 золотыхъ талантовъ, драгоцѣнные камни и столько благовонныхъ снадобій, сколько ихъ не бывало никогда въ Іерусалимѣ. Соломонъ не остался въ долгу. При отъѣздѣ царицы онъ одарилъ ее еще больше, чѣмъ она его.

Тогда еще для Соломона были хорошія времена. Онъ былъ страшно богатъ и щедрость его не знала границъ. Но этому пришелъ конецъ, когда онъ забылъ объ истинномъ Богѣ и обратился къ Астароту и Камосу. Мудрость свою онъ утратилъ во дворцѣ, гдѣ жили тысячи его женъ. Онъ ра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сточалъ свои сокровища и сталъ разоряться отъ своей маніи къ сооруженіямъ. Явился дефицитъ, который, слѣдовательно вовсе не новѣйшее учрежденіе, а для покрытія дефицита пришлось дѣлать займы. И наконецъ, онъ не могъ платить своимъ кредиторамъ.

Такимъ образомъ, со стороны Соломона романъ кончился совершенно прозаически. А царица Савская сохранила его образъ отъ блестящихъ временъ Соломона и не переставала его любить и почитать. Преданіе утверждаетъ, что она даже переписывалась съ Соломономъ при посредствѣ птицы «Hudhud», которая доставляла письма. Ученые еще не знаютъ, какая эта была птица. Стало быть, въ концѣ царствованія Соломона рядомъ съ разорительными роскошными сооруженіями, дефицитомъ, государственными займами и банкротствомъ существовали своего рода почтовые голуби. Ничто не ново подъ луной!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійскій кореспондентъ на Закаспійской желѣзной дорогѣ. — Угро-финскій сборникъ.—Біографія Дизраели. — Послѣдніе томы исторіи Лекки. — Исторія Ирландіи. — Нѣмецкій протестъ противъ Пруссіи, въ формѣ педагогическаго сочиненія.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ КОРЕСПОНДЕНТЪ газеты «Times», Джорджъ Добсонъ издалъ книгу «Желѣзнодорожное движеніе Россіи въ центральную Азію». (Russia's railway advance in Central Asia). Онъ былъ первый англичанинъ, совершившій по этой дорогѣ поѣздку въ Самаркандъ. Джорджъ Кёрзонъ проѣхалъ по ней послѣ него, хотя и описалъ ее прежде. Еще раньше полковникъ Лемезюрье осмотрѣлъ ее до Бухары, откуда ѣхалъ до Чарджуя въ экипажѣ, такъ какъ дорога еще строилась. А у насъ поторопились ли издать полное и обстоятельное описаніе пути, о которомъ столько говорятъ иностранцы? Кёрзонъ говоритъ объ этой дорогѣ съ политической точки зрѣнія (мы дали объ ней отчетъ въ прошломъ году), а Добсонъ утверждаетъ, что «предразсудки и ложныя идеи о Россіи происходятъ большею частью отъ этихъ политическихъ взглядовъ» и повторяетъ, что цѣлью его было написать «безпристрастную книгу—общаго характера», которая могла бы замѣнить книгу Евгенія Шюйлера о Туркестанѣ. Книга Добсона составлена изъ его писемъ въ газету «Times», и добавлена разсказами о послѣднихъ событіяхъ. Англійская критика, и особенно строгій критикъ «Academy» Стефенъ Уилеръ, довольны наблюдательностью автора и сообщаемыми имъ свѣдѣніями, но не его политическими выводами, и опровергаютъ его мнѣнія о границахъ Бухары, о томъ, что Англія не имѣетъ контроля надъ Абдурахманомъ. Этому контролю критикъ приписываетъ напротивъ то обстоятельство, что Россія не нарушала границъ Афганистана. Уилеръ обращаетъ, также вниманіе на толки Добсона о соперничествѣ и интригахъ русскихъ начальниковъ въ Средней Азіи и выводитъ изъ этого заключеніе о непрочности нашей власти въ этой странѣ. Кёрзонъ также говоритъ о неправиль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ дѣйствіяхъ русскихъ властей. Добсонъ приводитъ всѣ толки о причинахъ смѣны генераловъ Розенбаха, Комарова, Колпаковскаго (о послѣднемъ Шюйлеръ говоритъ, что онъ положилъ конецъ подкупамъ и чиновничьей распущенности въ Туркестанѣ). Мы не можемъ судить о степени справедливости этихъ толковъ (извѣстный Вамбери, напримѣръ, говоритъ совершенно другое) также и о томъ, насколько поколеблено положеніе строителя дороги г. Анненкова и полковника Алиханова; но замѣтимъ только, что основывать свои выводы на ходячихъ толкахъ о современныхъ событіяхъ не дѣло серьезнаго наблюдателя. Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Добсономъ о мервскихъ туркменахъ, также весьма сомнительны, хотя онъ и передаетъ ихъ по преданіямъ самихъ текинцевъ, которые два столѣтія тому назадъ будто бы эмигрировали въ бухарскія владѣнія изъ Маргилана въ Ферганѣ. Хивинскій историкъ Абулъ Гариханъ описываетъ стоянку туркменъ еще въ 1640 году на берегахъ Каспійскаго моря. Происхожденіе текинцевъ отъ сельджуковъ также опровергнуты Генрихомъ Роулинсономъ. Разсказъ о разрушеніи Мерва бухарскимъ шахомъ Мурадомъ, приписанный Добсономъ народной легендѣ—историческое событіе, упоминаемое въ «Исторіи Монголовъ» Гоуорта, на основаніи показаній Абдулъ Керима. Объ немъ говоритъ и Джонъ Малькольмъ. За то свѣдѣнія, сообщаемыя Добсономъ, о торговлѣ въ Средней Азіи очень замѣчательны и тутъ можно понять недовѣріе, высказываемое имъ къ статистическимъ цифрамъ, выводимымъ русскими торговцами и къ увѣреніямъ, что англійскіе и индѣйскіе товары вытѣснены изъ обращенія въ Средней Азіи. Авторъ сожалѣетъ, что въ Бухарѣ и Закавказьи нѣтъ англійскихъ консуловъ и не надѣется на скорое водвореніе ихъ въ этихъ странахъ.

— Въ Гельсингфорсѣ издается уже пять лѣтъ журналъ общества финно-угрскаго (Suomolais ugrilaisen seuran ackakauskirja). Прежде выходило не болѣе одной книги въ годъ, но теперь вышла уже седьмая. Въ журналѣ участвуютъ не одни финны, но русскіе, нѣмцы, норвежцы, и статьи помѣщаются, кромѣ финскаго, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что придаетъ книгамъ космополитическій оттѣнокъ. Особенно разработывается въ журналѣ лингвистика и миѳологія. Сетеле помѣстилъ въ немъ на нѣмецкомъ языкѣ обстоятельное изслѣдованіе объ образованіи корней во временахъ и видахъ въ финно-угрскихъ языкахъ (Zur Geschichte der Tempus und Modus Stammabildung in der finnisch ugrischen Sprachen). Здѣсь показано родство финскаго языка со всѣми его нарѣчіями: корельскимъ, водскимъ, кревинскимъ, эстонскимъ, летскимъ и языками лапландскимъ, мордовскимъ, черемисскимъ, зыряно-вотякскимъ, мадьярскимъ, вогульскимъ и остяцкимъ. Докторъ Парка отдаетъ отчетъ въ своемъ путешествіи къ черемисамъ, Гейкель изслѣдуетъ жилища финскихъ племенъ. Покойный Вл. Майновъ напечаталъ изслѣдованіе на французскомъ языкѣ «объ остаткахъ мордовской миѳологіи». Карлъ Кронъ собралъ всѣ сѣверныя зооморфическія преданія о медвѣдѣ и лисицѣ. Помѣщены также отчеты о положеніи культурныхъ вопросовъ у разныхъ племенъ, о языкѣ черемисовъ и т. п. Все это доказываетъ, что сѣверные сосѣди наши занимаются не только сепаратистскими претензіями, но и серьезными, научными изслѣдованіями, что конечно гораздо полезнѣе.

— Англійскій публицистъ и историкъ Фроудъ предпринялъ изданіе «Первые министры королевы Викторіи» и началъ серію ихъ съ Биконсфильда.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

(The prime ministers of que en Victoria. Lord Beaconsfield). Біографіи будутъ написаны разными лицами и все изданіе можетъ скоро закончиться, такъ какъ въ 53 хъ-лѣтнее царствованіе Викторіи было только девять премьеровъ: Мельборнъ, Пиль, Россель, Дерби, Абердинъ, Пальмерстонъ, Дизраели, Гладстонъ и Салисбюри. Во Франціи только со времени паденія второй имперіи ихъ было вдвое больше. Книга Фроуда написана прекраснымъ языкомъ, но не сообщаетъ новыхъ подробностей объ этомъ семитическомъ выродкѣ, управлявшемъ политикою христіанской Англіи, а во время берлинскаго конгресса и всей Европы. Авторъ біографіи чаще всего заставляетъ говорить самого Дизраели, приводя обширныя выписки изъ его писемъ и романовъ. Читая тѣ и другіе, удивляешься, какимъ образомъ этотъ безспорно умный, но далеко не блестящій государственный человѣкъ, могъ сдѣлаться вождемъ строго-консервативной партіи въ Англіи. «Чтобы управлять людьми, пишетъ онъ, надо или стать выше ихъ или презирать ихъ. Я выбралъ второе и сдѣлался популяренъ. Ловкость у насъ гораздо нужнѣе, чѣмъ геній». И этой ловкостью онъ добился перваго мѣста въ Англіи. Романы его нисколько не помогли ему въ этомъ случаѣ: трилогія его, написанная въ молодые годы «Коннингсби», «Сивилла» и «Танкредъ» сочинена для прославленія еврейства, которому, по словамъ автора, долженъ будетъ принадлежать весь міръ. Только въ зрѣломъ возрастѣ онъ разочаровался нѣсколько въ своихъ соотечественникахъ и написалъ серьезный романъ «Лотарій», уже послѣ того, какъ былъ первымъ министромъ. Любопытнымъ эпизодомъ въ жизни Дизраели была его связь съ мистрисъ Бриджесъ Вильямсъ, уже пожилой вдовою еврейскаго происхожденія, какъ и самъ онъ. Она вела съ нимъ переписку до своей смерти и оставила ему все свое огромное состояніе. Фроудъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ этой корреспонденціи, но говоритъ, что теперь она еще не можетъ быть напечатана вполнѣ, хотя Дизраели отзывался вообще очень сдержанно о лицахъ съ которыми былъ въ сношеніяхъ. Въ концѣ 1862 года онъ пишетъ о малоизвѣстномъ фактѣ: «греки рѣшили имѣть короля непремѣнно изъ англійскаго дома и, въ виду отказа принца Альфреда (герцога Эдинбургскаго) намѣрены избрать лорда Станлея (графа Дерби). Если онъ приметъ, я потеряю въ немъ друга и вліятельнаго коллегу. Это конечно блестящая перспектива для дома Станлеевъ, но ихъ трудно ослѣпить и они предпочтутъ свой замокъ въ Ланкастерѣ Партенону и равнинамъ Аттики. И нашъ вѣкъ называютъ утилитарнымъ, тогда какъ онъ вполнѣ романтическій!» Дизраели признается, что если бы онъ былъ молодъ какъ Дерби, то не отказался бы отъ престола. Странно, что не подумали сдѣлать предложенія такому православному христіанину какъ потомокъ жида. Къ Станлеямъ имѣли все-таки основаніе обратиться. Не говоря уже о томъ, что они въ родствѣ съ Плантагенетами, они были прежде и королями острова Мэнъ, имѣющаго до сихъ поръ особую конституцію и отдѣльный парламентъ, чего такъ напрасно добивается Ирландія. Устроить несчастную Ирландію Дизраели, по мнѣнію Фроуда, могъ бы очень легко во время своего шестилѣтняго управленія Англіею (1874—1880), но онъ занимался только восточными, а не внутренними дѣлами. Не смотря на это авторъ восхищается все-таки широтою принциповъ Дизраели. Въ чемъ же заключается эта широта?..

— Къ Ирландіи собственно относятся и послѣдніе два тома «Исторіи Англіи въ XVIII столѣтіи» (History of England in the eighteenth

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

century) Вильяма Лекки. Историкъ положилъ закончить свой капитальный трудъ европейскою войною 1793 года и исполнилъ это въ шести томахъ, вышедшихъ до послѣдняго времени. Теперь вышли два послѣдніе тома, посвященные исключительно исторіи Ирландіи до уничтоженія ирландскаго парламента въ 1801 году актомъ соединенія этого острова съ Великобританіею. Въ книгѣ Лекки приведено много новыхъ документовъ, относящихся къ этимъ событіямъ, полнымъ возстаніями и заговорами. Выводъ автора очень снисходительный: трудно управлять страною, считавшеюся ареною борьбы политическихъ партій. Не только трудно, но негуманно и даже не политично править островомъ такъ, какъ это дѣлала и дѣлаетъ Англія. Она и сама видитъ это теперь и большинство ея, въ лицѣ либеральной партіи, стоитъ за автономію острова, но консерваторамъ это не съ руки и потому они стараются всѣми средствами отдалить неизбѣжный моментъ, когда Ирландія должна получить самоуправленіе. Изложеніе Лекки отличается вѣрностью и строгою группировкою фактовъ, являющихся мѣстами въ драматической окраскѣ, какъ напримѣръ въ разсказѣ о погонѣ за Эдуардомъ Фиц-Джеральдомъ, о поимкѣ этого главы возстанія 1798 года и о патетической сценѣ его смерти. Къ печальнымъ явленіямъ этой эпохи да и всѣхъ послѣдующихъ эпохъ возстаній и заговоровъ относится то обстоятельство, что во всякомъ заговорѣ были доносчики и измѣнники, сообщавшіе за деньги англійскому правительству все, что̀ замышлялось противъ него. Отъ этого всѣ предводители возстаній шли на явную гибель и надо еще удивляться, что число ихъ не уменьшалось.

— Объ Ирландіи вышла также замѣчательная книга французскаго ученаго Прессансе, могущая служить продолженіемъ исторіи Лекки, такъ какъ она начинается съ акта соединенія и доходитъ до 1888 года. (L'Irlande et l'Angleterre depuis l'acte d'Union jusqu'a nos jours, 1800—1888 par Francis de Pressensè). Авторъ прямо объясняетъ въ предисловіи цѣль и значеніе своей книги: «это опытъ политической исторіи. Я началъ его съ предубѣжденіемъ въ пользу господства Англіи и противъ ирландской автономіи и кончилъ вполнѣ присоединившись къ требованіямъ Гладстона и парнелистовъ». Таковъ результатъ добросовѣстныхъ изслѣдованій Прессансе. По его мнѣнію ирландцы ненавидятъ англичанъ вовсе не изъ-за религіозной розни, а за захватъ лондонскимъ правительствомъ и ландлордами земель, искони принадлежавшихъ жителямъ Зеленаго острова. Ирландецъ одинаково ненавидитъ лорда-католика и лорда-протестанта, потому что оба они безпощадны къ крестьянину, землю котораго присвоили себѣ незаконно. Авторъ приводитъ выписки изъ народныхъ пѣсенъ, выражающихъ эту ненависть. Вотъ отрывокъ ирландской марсельезы, написанный О'Сюлливаномъ на смерть трехъ ирландскихъ патріотовъ, повѣшенныхъ за то, что они вырвали изъ рукъ жандармовъ двухъ вождей феніанской партіи въ 1867 году. «Высоко на висѣлицѣ качались трое съ благородными сердцами, скошенные въ цвѣтѣ лѣтъ, местью тирана. Но они смѣло смотрѣли ему въ глаза и съ твердой душою пошли на смерть. Боже спаси Ирландію! говорили они. Боже спаси Ирландію! повторимъ мы всѣ. На высокомъ ли эшафотѣ или на полѣ сраженія умремъ мы—не все ли это равно, если мы умираемъ за дорогую Ирландію? Никогда до послѣдняго дня не забудется память храбрыхъ, отдавшихъ свою жизнь нашей родинѣ. Но дѣло наше все-таки должно идти впередъ среди радостей, среди счастія или печали, до тѣхъ поръ пока мы уви-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

димъ на нашемъ островѣ—народъ свободнымъ и великимъ». Если бы ирландцы отстаивали только свое право на обладаніе землею Ирландіи съ ними была бы вся англійская демократія, но теперь она боится, что автономія острова будетъ гибелью для Англіи и эгоизмъ заставляетъ англичанъ забыть чувство справедливости. Въ этомъ вся серьезность ирландскаго вопроса.

— Нѣмецкая журналистика замолчала въ послѣднее время книгу, выдержавшую въ десятокъ мѣсяцевъ до 50-ти изданій. Положимъ, каждое изданіе серьезной нѣмецкой книги печатается обыкновенно не болѣе какъ въ ползавода (600 экземпляровъ), но во всякомъ случаѣ, книга, въ короткое время расходящаяся и въ тридцати тысячахъ экземплярахъ, явленіе рѣдкое и заслуживала полнаго вниманія. Между тѣмъ, ни одинъ журналъ не далъ объ ней сколько-нибудь серьзной, хотя бы и неодобрительной критики. Это происходитъ оттого, что книга отрицаетъ современное умственное развитіе Германіи, а публика читаетъ ее съ жадностью потому, что авторъ подвергаетъ рѣзкому осужденію все то, чѣмъ въ Германіи привыкли гордиться офиціально и офиціозно. Книга носитъ странное названіе: «Рембрандтъ какъ воспитатель» (Rembrandt als Erzieher); издана она въ Лейпцигѣ безъ имени автора, но одинъ берлинскій журналъ говоритъ, что ее написалъ докторъ Юлій Лангхельнъ изъ Экенферде въ Шлезвигѣ, работавшій одно время въ археологическомъ институтѣ въ Римѣ, потомъ жившій частнымъ человѣкомъ въ Дрезденѣ, а теперь поселившійся въ Вѣнѣ. Вотъ все, что знаютъ объ немъ. Книга его дурно написана, мало интересна, полна странныхъ мыслей и узкихъ сужденій, въ ней 329 компактныхъ страницъ безъ всякаго раздѣленія на главы; педагогическаго значенія въ ней нѣтъ вовсе, литературнаго очень мало и между тѣмъ нѣмцы читаютъ ее съ увлеченіемъ, отъ Рейна до Вислы, отъ Балтики до Адріатики, хотя главная мысль книги—бросающійся въ глазъ парадоксъ: воспитаніе въ Германіи такъ плохо, что его необходимо преобразовать, но профессора не вольютъ новой умственной жизни въ нѣмцевъ—это дѣло нѣмецкой молодежи, для этого она должна только изучить творенія Рембрандта, самаго индивидуальнаго изъ всѣхъ художниковъ и самаго нѣмецкаго (хотя онъ и голандецъ). Картины и гравюры Рембрандта укажутъ настоящій путь въ наукѣ, въ искусствѣ, литературѣ, философіи, въ политикѣ, въ нравственномъ чувствѣ. Вотъ почему этотъ художникъ долженъ быть всеобщимъ воспитателемъ. Кромѣ этого главнаго софизма, въ книгѣ еще много другихъ: философія Спинозы серьезно сравнивается съ философіею Рембрандта, отрицается всякая заслуга Дарвина, германское правительство упрекается за то, что дало субсидію на изданіе латинскихъ надписей, когда могло бы издать на эти деньги народныя пѣсни и проч. Но не смотря на всѣ парадоксы и увлеченія автора, книга его произвела впечатлѣніе потому, что громко высказываетъ то, о чемъ думаютъ многіе нѣмцы: современная Германія идетъ къ умственному паденію, къ нравственному самоубійству. Авторъ говоритъ прямо: «послѣ 1870 года интелектуальное развитіе, на которое расчитывали нѣмцы—не осуществилось и произошло скорое паденіе. Въ нравственномъ отношеніи Іена была для нѣмцевъ полезнѣе Седана». Паденіе это доказывается безплодіемъ современной литературы, науки, искуства. Наука потонула въ спеціальностяхъ, нѣтъ ни одного выдающагося мыслителя, въ пластическихъ искусствахъ нѣтъ величія, въ музыкѣ—одни исполнители; въ романѣ великій человѣкъ—Пауль Гейзе, въ поэзіи нѣтъ ни одного даже такого имени

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

критика занимается только коментаріями умершихъ писателей. Спеціальность убила науку; возясь съ микроскопомъ, нѣмецкіе ученые не видятъ міра, подробности скрываютъ отъ нихъ цѣлое и умъ ихъ дѣлается такимъ же близорукимъ, какъ и ихъ глаза. Привычка къ классификаціи фактовъ отучаетъ отъ анализа идей. Прежде строили теорію на основаніи не вполнѣ изслѣдованныхъ фактовъ, теперь изъ фактовъ не выводятъ никакихъ теорій, а только каталогизируютъ, вносятъ въ реестры, пишутъ руководства. Авторъ не признаетъ ни Момсена, ни Ранке и говоритъ: «производить историческія изслѣдованія—это наука, писать исторію—это искусство. Не слѣдуетъ смѣшивать эти два рода умственной дѣятельности. Есть два рода критики: одна отдѣляетъ истинное отъ ложнаго, другая различаетъ существенное и маловажное и она-то представляетъ главное, организующее начало, а современная нѣмецкая наука занимается только накопленіемъ фактовъ, не заботясь объ ихъ значеніи». Причину умственнаго упадка авторъ видитъ въ плохомъ университетскомъ преподаваніи: оно скопляетъ только факты, но ничего изъ нихъ не выводитъ. О другой причинѣ упадка—милитаризмѣ авторъ выражается очень сдержанно: «прусскій поручикъ—говоритъ онъ—конечно прекрасный образецъ, но онъ недостаточенъ по своимъ познаніямъ для того, чтобы давать направленіе нашей политической и умственной жизни. Съ 70-го года поручика все вѣнчаютъ лаврами, но въ лаврахъ есть наркотическое свойство, этого не надо забывать». Третья причина упадка—городъ Берлинъ (авторъ не смѣлъ сказать прямо: Пруссія) «Берлинъ—менѣе всего нѣмецкій городъ, берлинскій духъ холодный, сухой, неувлекающійся, противенъ настоящей нѣмецкой натурѣ. Это говорилъ еще Гете. Берлинская атмосфера убиваетъ мысль и чувство, тамъ боятся мыслящихъ людей. Въ нѣмцѣ хотятъ подавить отличительное свойство его натуры — индивидуализмъ. Не отъ ума, а отъ духа развиваются въ нѣмцѣ любовь къ истинѣ, серьезныя мысли, чистота чувства. Умственное возрожденіе Германіи должно выйти изъ ея политическаго возрожденія». Таково заключеніе автора, но какъ достигнуть его—авторъ не говоритъ. Сколько ни смотри на картины Рембрандта, изъ этого ничего не выйдетъ. Какъ примирить прусскую дисциплину съ индивидуализмомъ, милитаризмъ съ необходимостью возрожденія? Авторъ не даетъ указаній на это и только взываетъ къ своимъ соотечественникамъ да и то въ туманныхъ фразахъ, чтобы они боролись противъ мертвящаго прусскаго духа, давящаго индивидуализмъ и всѣ проявленія національной нѣмецкой натуры. И воззванія автора, не смотря на ихъ туманность и преувеличенія, находятъ отзывы въ десяткахъ тысячъ нѣмцевъ, бросившихся съ радостью читать эту странную книгу, прикрывающую парадоксальной педагогической формой законныя политическія стремленія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ взятія Геок-Тепе. 12-го января, минуло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наши войска, послѣ двадцатитрехдневной тяжелой осады, взяли приступомъ Геок-Тепе. Непріятель былъ въ шесть разъ многочисленнѣе, но недостатокъ въ численности возмѣщался духомъ дисциплины и настойчивостью войскъ. Малочисленный осадный отрядъ перенесъ много тяжкихъ минутъ подъ стѣнами Геок-Тепе. Съ ничтожными средствами онъ произвелъ огромныя осадныя работы, которыя въ пору были бы цѣлому корпусу войскъ. Офицеры и солдаты почти не знали отдыха, постоянно занятые то траншейной службой, то устройствомъ траншей, отвоевывая цѣною крови каждый шагъ у храбраго непріятеля. Неоднократно огромныя толпы текинцевъ бросались по ночамъ на наши траншейные караулы и, пользуясь темнотой, наносили намъ постоянно чувствительные удары, такъ что исходъ осады могъ казаться сомнительнымъ. Но отрядъ имѣлъ во главѣ молодого героя М. Д. Скобелева, котораго любили и которому довѣряли. Гдѣ былъ Скобелевъ, тамъ должна быть и побѣда; самъ Скобелевъ, сознавая высокое довѣріе, оказанное ему покойнымъ государемъ, и цѣня любовь русскаго общества, не щадилъ ни ума, ни силъ ни жизни, чтобы довести дѣло до благополучнаго конца. Нѣсколько разъ говорилъ онъ во время осады, что если штурмъ не удастся, то онъ самъ умретъ на стѣнахъ крѣпости. Какъ будто предчувствуя, что это послѣдній его походъ, Скобелевъ проявилъ здѣсь высокія качества таланта и огромную силу воли, какая рѣдко встрѣчается въ исторіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что Скобелевъ, благодаря своей нервной организаціи, въ конецъ разстроилъ здѣсь свое здоровье. Ударъ, нанесенный имъ самымъ независимымъ и разбойничьимъ племенамъ Средней Азіи, соотвѣтствовалъ затраченной на это энергіи. Черезъ три года многочисленныя племена мервцевъ и сарыковъ безъ выстрѣла присоединились къ Россіи. Прошло десять лѣтъ и край уже трудно узнать. Желѣзная дорога прорѣзала страшные для пѣшеходовъ пески; гдѣ было кровопролитное поле осады — тамъ теперь станція; на мѣстахъ бывшихъ ауловъ—выросли русскіе города.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Блестящее дѣло, достигнутое упорнымъ трудомъ и храбростью войскъ, руководимыхъ такимъ полководцемъ, дало результаты вполнѣ соотвѣтственные. Однимъ ударомъ Россія обезпечила себѣ господствующее положеніе не только въ Средней Азіи, но и далеко за ея предѣлами. Этимъ ударомъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезопашены пути нашей торговли въ Средней Азіи, которая сдѣлалась обширнымъ рынкомъ для русскихъ произведеній, такъ что нынѣшнее наше положеніе въ Средней Азіи, если и сопряжено еще съ извѣстными матеріальными жертвами, то эти жертвы не могутъ считаться безвозвратными, и—надо надѣяться—уже не далеко то время, когда Средняя Азія будетъ не въ тягость, а въ большое подспорье Россіи. Словомъ, завоеваніе Ахалъ-Теке, закончившееся блестящимъ дѣломъ 12-го января 1881 года, сдѣлало насъ полными хозяевами Средней Азіи—и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ.

Общество любителей древней письменности. Очередное засѣданіе открыто было заявленіемъ предсѣдателя о принесеніи Обществу въ даръ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, 3,000 рублей, для образованія неприкосновеннаго капитала имени С. Д. Шереметева. Секретарь Общества сказалъ нѣсколько словъ объ утратѣ, постигшей Общество въ лицѣ скончавшагося члена-кореспондента Г. П. Данилевскаго. Затѣмъ, въ виду исполнившагося десятилѣтія дѣятельности П. Н. Тиханова, редактора изданій Общества, собраніе выразило скромному сотруднику на пользу Общества живѣйшую благодарность за усердіе и акуратную добросовѣстность въ его дѣятельности. Членъ-кореспондентъ А. П. Барсуковъ, продолжая разработку интересующаго его вопроса о представителяхъ русской церкви изъ дворянъ, сообщилъ интересныя свѣдѣнія о патріархѣ Іоакимѣ, принадлежавшемъ къ дворянскому роду Савеловыхъ (въ мірѣ Иванъ Петровичъ Савеловъ), представители котораго имѣются еще и въ наши дни въ Можайскомъ уѣздѣ, а одинъ изъ нихъ, М. П. Савеловъ, принесъ Обществу въ даръ собраніе семейныхъ документовъ, подавшее докладчику ближайшій поводъ къ интересному сообщенію. Членъ-кореспондентъ Ѳ. Н. Бергъ доложилъ собранію,—перепечатанное имъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» изъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1858 года,—письмо бывшаго главнокомандующаго русскими войсками въ Финляндіи графа Ф. Ф. Буксгевдена къ военному министру графу Аракчееву, отъ 13-го сентября 1809. Письмо это очень характерное по возростающей энергіи въ возраженіяхъ и критикѣ дѣйствій Аракчеева; интересна одна подробность—это то, что Аракчеевъ, настойчиво преслѣдуя Буксгевдена, прибѣгалъ даже къ нѣкоторой полемикѣ съ нимъ путемъ газетныхъ объявленій. Письмо графа Буксгевдена на столько рѣзко, что въ собраніи выражено было желаніе удостовѣриться, дѣйствительно ли было послано это письмо Аракчееву и не составляетъ ли оно, а равно и существующіе на него отвѣты (и то, и другое были распространены во многихъ спискахъ) — памфлеты того времени. Засѣданіе закончилось сообщеніемъ секретаря о умноженіи колекцій и изданій Общества: отъ Н. М. Благовѣщенскаго поступилъ экземпляръ его новаго изслѣдованія «Винкельманнъ и позднія эпохи греческой скульптуры»; отъ Д. Ѳ. Кобеко—экземпляръ медали въ память 50-тилѣтія министерства государственныхъ имуществъ. Пріобрѣтены: интересный рукописный экземпляръ, изъ колекціи извѣстнаго Болотова, теософическаго сочиненія Кунрада, со множествомъ тонкихъ рисунковъ отъ руки; прекрасный экземпляръ рукописной «Буквицы» XVII вѣка. Въ заключеніе И. В. Помяловскій представилъ собранію только-что оконченное печатаніемъ сравнительное изслѣдованіе свое о «Житіи св. Саввы Освященнаго», вызванное изученіемъ рукописнаго экземпляра этого житія, принадлежащаго Обществу. Рукопись эта, вмѣстѣ съ греческимъ ея оригиналомъ, воспроизведена типографски (а нѣсколько страницъ приложено въ точныхъ снимкахъ) въ упомянутомъ изданіи Общества. Собраніе привѣт-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ствовало съ живѣйшимъ сочувствіемъ новый капитальный трудъ И. В. Помяловскаго и появленіе въ изданіи Общества любителей древней письменности такого изслѣдованія, которое могло бы занять почетное мѣсто въ ряду изданій любого высшаго ученаго учрежденія. Полковникъ генеральнаго штаба Масловскій затронулъ любопытный, важный и мало извѣстный эпизодъ семилѣтней войны—взятія и занятія русскими войсками Берлина въ 1760 г. Мысль о пользѣ взятія налетомъ Берлина явилась послѣ того, какъ австрійскій генералъ Годе, въ 1757 г., занялъ столицу Пруссіи, взялъ съ нея приличную контрибуцію и бросилъ городъ въ однѣ сутки. Полковникъ Масловскій сообщилъ подробно, какъ русскіе заняли Берлинъ подъ носомъ у австрійцевъ, которымъ нѣмцы не хотѣли сдаться на капитуляцію, какія контрибуціи были взысканы и въ какихъ формахъ; приведены были интересныя данныя о личности и дѣяніяхъ русскаго офицера графа Тотлебена, къ которому всѣ относились съ презрѣніемъ, и который въ концѣ-концовъ уличенъ былъ поличнымъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ, которому онъ передавалъ секретныя свѣдѣнія. Тотлебенъ при удобномъ случаѣ прихватилъ контрибуцію съ евреевъ, о размѣрахъ которой не осталось свѣдѣній.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи отдѣленія славянской и русской археологіи Археологическаго Общества Е. К. Рѣдинъ прочиталъ рефератъ «объ Эчміадзинскомъ диптихѣ». Пользуясь фотографическимъ снимкомъ изъ колекціи Н. П. Кондакова и рисункомъ Ѳ. Г. Бернштама, докладчикъ подвергнулъ этотъ памятникъ древняго искуства рѣзьбы на слоновой кости, въ свое время описанный покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ, детальному изученію какъ съ стороны стиля, такъ и съ стороны догматическаго значенія разработанныхъ здѣсь сюжетовъ изъ жизни Спасителя и Богоматери, соотвѣтственно чему, сопоставляя памятникъ съ цѣлымъ рядомъ ему подобныхъ, пріурочиваетъ его къ IV—V в. по Р. Х. Въ томъ же засѣданіи А. С. Лаппа-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе «о древностяхъ, найденныхъ въ курганѣ близъ Крымской станицы (въ низовьяхъ Кубани, въ 30 верстахъ отъ Анапы). Этотъ богатый кладъ, найденный весной 1888 года Е. Д. Фелицинымъ, былъ представленъ въ засѣданіи на обозрѣніе членовъ Общества. Научной оцѣнкѣ сдѣланнаго открытія докладчикъ предпослалъ сводъ данныхъ о народностяхъ, обитавшихъ въ древности при Азовскомъ морѣ, въ ихъ связи съ сарматами и скиѳами и въ ихъ сношеніяхъ съ греками. Среди этихъ народностей съ особеннымъ вниманіемъ докладчикъ останавливается на синдахъ, обитавшихъ въ IV в. до Р. Х. на Таманскомъ полуостровѣ до нынѣшней Анапы (въ др. Горгиппія), и достигшихъ значительной степени государственнаго развитія, какъ это подтверждается надписями и даже монетами. Раскопанный Е. Д. Фелицинымъ курганъ, въ предѣлахъ именно древней страны синдовъ, скрывалъ подъ собою обширный, сводчатый, выложенный тесаннымъ камнемъ склепъ съ тремя отдѣльными камерами и коридорами. Въ одной изъ этихъ камеръ найденъ скелетъ мужчины, въ другой — скелетъ женщины. На обоихъ костякахъ богатыя золотыя украшенія. Всѣ эти находки интересны во многихъ отношеніяхъ.

Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества, прочтенъ былъ А. В. Позднѣевымъ рефератъ «о древней манчжурской письменности». Путемъ непосредственнаго изученія источниковъ, а именно одной древней манчжурской рукописи о происхожденіи манчжурскихъ письменъ и хранящагося въ парижской національной библіотекѣ глоссарія, составленнаго манчжурскими учеными въ срединѣ прошлаго столѣтія, докладчикъ, устранивъ бывшія доселѣ въ сужденіяхъ европейскихъ оріенталистовъ неясности и сбивчивыя сужденія, точно установилъ тотъ фактъ, что приспособленіе монгольскаго алфавита къ манчжурскому языку было сдѣлано въ 1599 году нашей эры, по почину основателя манчжурской династіи въ Китаѣ, ученымъ Эрдени-Бахчи, а при слѣдующемъ императорѣ той же дина-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стіи, въ 1632 г., манчжурскій алфавитъ былъ окончательно установленъ трудами другого ученаго Дахая. Въ томъ же засѣданіи баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе «о турецкомъ словѣ «челеби», вызванное сбивчивостью въ пониманіи этого слова, обозначающаго званіе въ различныхъ историческихъ памятникахъ. Въ общепринятомъ въ турецкомъ языкѣ значеніи слово «челеби», близкое по смыслу къ слову «эффенди», выражаетъ титулъ человѣка свѣдущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благороднаго. Доискиваясь этимологіи слова «челеби», баронъ В. Р. Розенъ производитъ его, согласно съ гипотезой одного турецкаго изслѣдователя, но давая ей научное обоснованіе изъ персидско-арабскаго источника, причемъ можно предполагать, что возникновеніе слова относится ко времени распространенія христіанства среди тюркскихъ племенъ сирійскими миссіонерами-несторіанами, и слово «челеби», въ первоначальномъ своемъ сирійскомъ корнѣ «цлиба» (крестъ), обозначало проповѣдниковъ креста, бывшихъ среди тюркскихъ племенъ первыми насадителями просвѣщенія. Съ забвеніемъ христіанства за словомъ этого корня осталось значеніе человѣка образованнаго, что и дало почву для возникновенія слова «челеби» въ вышеуказанномъ современномъ его значеніи.

Къ исторіи Печенгскаго монастыря. 25-го минувшаго декабря исполнилось ровно триста лѣтъ со дня разгрома шведами Печенгскаго монастыря, основаннаго преподобнымъ Трифономъ въ далекой Лапландіи. Во время этого разгрома шведы умертвили всю монастырскую братію и всѣхъ богомольцевъ, не различая ни возроста, ни пола. Братія возобновляемаго въ настоящее время Печенгскаго монастыря, въ первый день Рождества Христова торжественно чтила память иноковъ, убіенныхъ триста лѣтъ назадъ. Въ этотъ день надъ общей могилой убіенныхъ была совершена закладка молитвеннаго храма и училища, сооружаемыхъ братіею въ память чудеснаго избавленія ихъ Императорскихъ Величествъ и ихъ Августѣйшей семьи отъ опасности, угрожавшей 17-го октября 1888 года. Незадолго до исполнившагося трехсотлѣтія со дня разворенія Печенгскаго монастыря, въ норвежскомъ государственномъ архивѣ былъ найденъ интересный историческій документъ, относящійся до этого событія. Копія съ этого документа была передана помощникомъ начальника архива, H. S. Huitfeldt-Kaas нашему консулу въ сѣверной Норвегіи, Д. Н. Островскому. Документъ этотъ представляетъ собою донесеніе вардэскаго губернатора Jorgen-Kaas, посланное въ Копенгагенъ бывшему коменданту замка, дворянину Meilgaard и заключаетъ списокъ жертвъ, убитыхъ во время шведскаго разгрома. Донесеніе написано на старомъ норвежскомъ языкѣ и возвращено изъ Даніи въ Христіанію при общей передачѣ дѣлъ датскаго секретнаго архива въ норвежскій государственный архивъ въ 1851 году. Въ началѣ донесенія поименованы 17 убитыхъ шведами лопарскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и добавлено, что въ Волковой губѣ были убиты еще 10 женщинъ съ дѣтьми. Затѣмъ записаны имена еще 10 убитыхъ лопарей, платившихъ дань датскому королю и русскому великому князю. На 4-й страницѣ донесенія помѣщенъ списокъ братіи Печенгскаго монастыря, убитыхъ шведами. Въ спискѣ убитыхъ первымъ значится игуменъ Гурій и три іеромонаха (prester): Пахомій (Packum), Іосифъ (Iosef) и Іона (Iono). Кромѣ того, записаны имена 38-ми убитыхъ монаховъ и 51-го монастырскихъ рабочихъ и богомольцевъ и имена двухъ женщинъ Афимьи и Акулины, убитыхъ на монастырскомъ скотномъ дворѣ. Донесеніе заканчивается такъ: «Всѣхъ ихъ шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они также всѣ постройки, церковь, большую часть имущества, скотный дворъ и мельницу. Сожгли также поселокъ подъ названіемъ Викидъ (Wickitt), гдѣ была монастырская гавань, всѣ карбасы и лодки, а находившіяся въ гавани суда разрубили на части». И такъ, отъ монастыря не осталось ни одного строенія, кромѣ бани, стоявшей не вдалекѣ, да двухъ землянокъ, находившихся на двухъ маленькихъ островахъ, куда шведы не могли проникнуть.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности И. А. Гюббенета. Въ январѣ исполнилось 50 лѣтъ службы помощника директора государственнаго и петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, И. А. Гюббенета, принимавшаго дѣятельное участіе въ классификаціи и описаніи государственнаго архива. И. А. Гюббенетъ издалъ «Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона», по архивнымъ документамъ (въ двухъ томахъ). Эта книга была удостоена лестныхъ отзывовъ печати и увѣнчана Академіей Наукъ преміей гр. Уварова. И. А. Гюббенетъ много трудился при введеніи новой системы храненія дѣлъ государственнаго архива. Въ массѣ бумагъ, подмоченныхъ наводненіемъ 7-го ноября 1824 г., онъ открылъ обширную переписку по разнымъ учрежденіямъ, завѣдывавшимъ въ эпоху Петра I внутреннимъ хозяйствомъ и финансами Россіи; равнымъ образомъ онъ же открылъ въ другой колекціи подмоченныхъ бумагъ много историческихъ документовъ, прежде неизвѣстныхъ. Его усердіемъ возстановлены цѣлыя массы дѣлъ. Въ 1877—1879 гг. онъ исправлялъ должность директора архивовъ. Ученые и вообще лица, занимавшіяся въ этихъ архивахъ, находили въ Гюббенетѣ всегда полную готовность содѣйствовать ихъ трудамъ, и своими указаніями и объясненіями по пріисканіямъ требуемыхъ матеріаловъ, г. Гюббенетъ оставилъ добрую о себѣ память.

† 17-го ноября 1890 г., отъ паралича сердца заслуженный профессоръ Михайловской артилерійской академіи, генералъ-маіоръ **Левъ Львовичъ Кирпичевъ.** Дворянинъ Псковской губерніи, онъ родился въ 1840 г., воспитывался въ Полоцкомъ и Константиновскомъ кадетскихъ корпусахъ. Службу началъ въ 1858 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку. Какъ лучшій ученикъ былъ прикомандированъ къ Михайловской артилерійской академіи, гдѣ пробылъ три года, отличаясь успѣхами въ наукахъ. Ему предложили занять должность репетитора по артилеріи и Кирпичевъ, съ тѣхъ поръ, почти 30 лѣтъ, посвятилъ свои труды Михайловской академіи. Въ званіи профессора утвержденъ въ 1882 г., и вскорѣ уволился отъ должности инспектора классовъ, посвятивъ все свое время на чтеніе лекцій по артилеріи, балистикѣ и механикѣ; по 1889 годъ онъ, кромѣ чтенія лекцій, состоялъ постояннымъ членомъ артилерійскаго комитета. Званіе заслуженнаго профессора Кирпичевъ получилъ въ августѣ 1890 года. Одновременно съ чтеніемъ лекцій въ Михайловской академіи послѣдніе три года онъ преподавалъ артилерію въ академіи генеральнаго штаба. Л. Л. былъ однимъ изъ любимыхъ профессоровъ какъ офицерами, обучающимися въ академіи, такъ и юнкерами. Своими лекціями покойный умѣлъ заинтересовать слушателей. Механику и артилерію онъ почти никогда не читалъ по запискамъ. Лекціи его заключались въ живомъ разсказѣ и разъясненіи данныхъ механики и артилеріи. Кирпичевъ въ 1870 г. составилъ курсъ «Общія начала механики», удостоенный Михайловской преміи въ 500 руб. Этотъ курсъ недавно выпущенъ вторымъ изданіемъ и послужилъ образцовою работою для авторовъ многихъ курсовъ механики. Вторая его книга «Объ артилерійскихъ орудіяхъ», составленная въ 1873 г. совмѣстно съ полковникомъ Шкларевичемъ, также признана достойной Михайловской преміи. Кромѣ этихъ книгъ, покойный издалъ курсъ: «Общія начала балистики». Какъ лицу, основательно знающему артилерію, Л. Л — чу неоднократно поручалось разсмотрѣть сочиненія, представляемыя на соисканіе Михайловской преміи; за составленіе основательныхъ рецензій по разбору этихъ сочиненій покойный получилъ въ разное время три золотыя медали. Завѣтной мечтой Л. Л — ча было составить обстоятельный курсъ началъ артилеріи, но неожиданная смерть помѣшала осуществиться его мечтѣ. Какъ человѣкъ Л. Л. отличался твердымъ, неуступчивымъ и открытымъ характеромъ. Онъ за свою честность и прямоту заслужилъ уваженіе товарищей и сослуживцевъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

† Бывшій профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ астрономіи **Александръ Николаевичъ Драшусовъ**, 2-го декабря 1890 г. Онъ родился 5-го апрѣля 1816 г. въ Москвѣ, въ 1831 г. поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, по окончаніи курса получилъ степень кандидата и награжденъ золотою медалью за сочиненіе на заданную тему: «Аналитическое изложеніе системы Коперника». Недолго прослуживъ въ гражданской службѣ, былъ прикомандированъ къ московской обсерваторіи и затѣмъ отправленъ за границу на счетъ университета; онъ пробылъ за границей два года слишкомъ, занимаясь астрономіей и физикой въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Миланѣ, Женевѣ, Геттингенѣ, Берлинѣ, Кенигсбергѣ, участвуя въ магнитныхъ наблюденіяхъ профессоровъ Штейнгеля, Вебера и Энге и печатая отчеты въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и наблюденія въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ 1840 г., возвратясь въ Россію, онъ опредѣлился въ Московскій университетъ адъюнктомъ, составилъ проектъ для устройства обсерваторіи въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и наблюдалъ за всѣми работами, заказывалъ художникамъ снаряды. Лѣтомъ 1847 г. Драшусовъ, по прилагашенію Русск. Географ. Общества, дѣлалъ хронометрическія поѣздки во Владимірскую губ., для опредѣленія широты и долготы разныхъ городовъ и результаты изысканій помѣстилъ въ своей магистерской дисертаціи «Объ опредѣленіи географическихъ положеній помощью пассажной трубы и хронометра», которую защищалъ въ университетѣ св. Владиміра въ 1850 г. Въ разное время Драшусовъ помѣстилъ много статей ученаго содержанія въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ писалъ также по разнымъ общественнымъ вопросамъ, между прочимъ, о безплатныхъ воскресныхъ школахъ въ Москвѣ. Въ 60-хъ годахъ онъ вышелъ въ отставку и затѣмъ состоялъ членомъ губернскаго присутствія въ Рязани. Между прочими трудами ему принадлежитъ переводъ книги Дж. Гершеля «Очерки астрономіи», изданной въ двухъ объемистыхъ томахъ.

† 13-го декабря 1890 г., въ Москвѣ оріенталистъ **Никита Осиповичъ Эминъ**. Его сочиненія на французскомъ языкѣ касательно исторіи Арменіи пользуются всеобщею извѣстностью. Списокъ его трудовъ занялъ бы цѣлыя страницы. Имъ переведены на русскій языкъ главнѣйшіе армянскіе историки. Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ превосходно, такъ что (въ предсѣдательство покойнаго Хомякова) избранъ былъ единогласно членомъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. Н. О. Эминъ былъ уроженецъ Джульфы, подъ Испаганью. Родители его, люди богатые, послали его учиться въ Калькуту, тамъ случайно попалась ему напечатанная по-русски и по-французски программа преподаванія въ московскомъ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Эта программа была гораздо шире тѣхъ, по которымъ учили въ калькутскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даровитый мальчикъ захотѣлъ непремѣнно учиться въ Россіи (которую нѣкогда посѣтилъ при Екатеринѣ одинъ изъ его дядей, оставившій о своемъ пребываніи въ Россіи цѣлую книгу на англійскомъ языкѣ). Послѣ многихъ препятствій, около 1835 г., молодому Эмину, на шведскомъ суднѣ удалось добраться до Петербурга, и онъ поступилъ въ Лазаревскій институтъ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, въ лучшее его время, при графѣ Строгоновѣ, въ товариществѣ К. Аксакова, Ѳ. И. Буслаева, А. Н. Попова, Каткова и Ю. Ѳ. Самарина. Кончина жены (дочери оберъ-полиціймейстера Шульгина) разлучила Эмина съ обществомъ; онъ вполнѣ предался ученымъ занятіямъ и не покидалъ ихъ до глубокой старости. Нѣкоторое время былъ онъ директоромъ московской пятой гимназіи и профессоромъ въ Лазаревскомъ институтѣ. Будучи собственно спеціалистомъ-армянологомъ, онъ отличался многостороннимъ образованіемъ. Ученики не могли не уважать его. Изъ трудовъ Эмина, имѣющихъ общее значеніе, укажемъ на переведенное имъ съ армянской древней рукописи «Сказаніе о послѣднихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дняхъ жизни Іоанна Богослова»: это какъ бы продолженіе соборныхъ посланій апостола.

† 29-е декабря 1890 г., инспекторъ классовъ петербугскаго Екатерининскаго института **Александръ Александровичъ Антоновъ**. Онъ кончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ въ 1847 г. и, по выдержаніи затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ экзамена на учителя русскаго языка, поступилъ преподавателемъ этого предмета въ гатчинское уѣздное училище, имѣя всего 18 лѣтъ, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 43 лѣтъ, не покидалъ педагогической дѣятельности. Въ мартѣ 1865 г. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ Екатерининскій институтъ, въ которомъ и пробылъ по день смерти. Начальство всегда цѣнило въ покойномъ добросовѣстное исполненіе имъ своихъ обязанностей, а воспитанницы любили его за предупредительное и нелицепріятное къ нимъ отношеніе. Въ 60-хъ годахъ покойный издалъ свой «Учебникъ русской грамматики», принятый въ институтахъ еще до сихъ поръ, а въ мужскихъ гимназіяхъ замѣненный только недавно другими руководствами.

† Въ Монтре, 1-го января, послѣ тяжкой болѣзни, бывшій членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, **Викторъ Яковлевичъ Фуксъ**. Покойный родился въ 1829 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандитата юридическихъ наукъ (въ 1852 г.) В. Я. началъ служебную дѣятельность въ канцеляріи костромского губернатора и вскорѣ былъ переведенъ въ канцелярію московскаго губернатора. Здѣсь ему давались секретныя порученія по разслѣдованію раскола (главнымъ образомъ старопоморской секты) и по преслѣдованію за противозаконныя дѣйствія лженастоятелей, поповъ и схимниковъ. Особой благодарности Фуксъ удостоился за открытіе тайной молельни въ селѣ Орловѣ, Московскаго уѣзда. Въ 1855 г. В. Я. былъ переведенъ на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства, а затѣмъ назначенъ переводчикомъ въ ученый комитетъ того же министерства. Съ назначеніемъ графа П. А. Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ сдѣлался въ 1861 году чиновникомъ особыхъ порученій и принялъ дѣятельное участіе въ пересмотрѣ цензурнаго устава, въ подготовленіи соображеній о преобразованіи цензуры и въ составленіи проекта новаго устава по дѣламъ книгопечатанія. Занимаясь разработкою цензурнаго устава, В. Я. написалъ особую записку о цензурѣ, понравившуюся министру и напечатанную въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ. Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ газетѣ «Наше Время» статью по поводу проектировавшихся законовъ о книгопечатаніи. Эта статья вызвала горячій отвѣтъ И. С. Аксакова («День» № 34 за 1862 г.) и поощреніе со стороны Валуева, придерживавшагося того мнѣнія, что «цензура не судъ, а администрація, и слѣдовательно нисколько не обязана стѣсняться теорій формальныхъ доказательствъ». Въ 1863 г. Фуксъ былъ членомъ комиссіи, организованной подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго для пересмотра проекта устава по дѣламъ книгопечатанія, и въ томъ же году завѣдующимъ дѣлопроизводствомъ по дѣламъ книгопечатанія. Участвуя въ комиссіи, В. Я. упорно настаивалъ, не смотря на противодѣйствіе трехъ членовъ этой комиссіи, на томъ, что административная власть должна налагать взысканія по дѣламъ печати безъ суда. Суровое постановленіе этой комиссіи — послѣ двухъ предвареній немедленное прекращеніе изданія, не было признано государственнымъ совѣтомъ цѣлесообразнымъ. Въ 1865 г. В. Я. Фуксъ назначенъ членомъ совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати. При министрѣ А. Е. Тимашевѣ покойный сдѣлался сильнымъ человѣкомъ въ управленіи по дѣламъ печати, однимъ изъ главныхъ пособниковъ М. Н. Лонгинова. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, В. Я. былъ занятъ разработкою основаній по устройству цензурной части въ царствѣ Польскомъ. Въ 1871 г. былъ предсѣдателемъ вновь организованнаго въ Варшавѣ цензурнаго комитета. Варшавскій комитетъ вызвалъ неудовольствіе мѣстныхъ властей и намѣстникъ царства

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Польскаго старался подчинить его своему вѣдѣнію. В. Я. Фуксъ отстаивалъ непосредственную зависимость комитета отъ министра внутреннихъ дѣлъ и имѣлъ успѣхъ въ этомъ. Онъ занималъ еще должность директора Общества о тюрьмахъ и главнаго наблюдателя за правильнымъ поступленіемъ и расходованіемъ суммъ редакціи «Правительственнаго Вѣстника». Въ 1877 г. В. Я. Фуксъ удалился отъ дѣлъ и жилъ за границею. Имъ написано нѣсколько статей по вопросамъ о цензурѣ и печати. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ появилось его крупное сочиненіе отдѣльною объемистою книгою: «Судъ и полиція».

† Въ ночь на 2-е января на 63 году одинъ изъ видныхъ нашихъ писателей по экономическимъ вопросамъ, **Семенъ Яковлевичъ Капустинъ**. Онъ получилъ образованіе въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ въ 1853 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата, написавъ дисертацію о формахъ землевладѣнія. Первыя 8 лѣтъ С. Я. служилъ въ Западной Сибири; состоя чиновникомъ при генералъ-губернаторѣ, онъ старался изучить край и въ особенности бытъ крестьянъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ и, въ числѣ лучшихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, получилъ назначеніе въ царство Польское комисаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, гдѣ пробылъ 3 года. Разстроенное здоровье заставило Капустина вернуться въ Петербургъ, гдѣ ему удалось поступить редакторомъ внутренняго отдѣла «Правительственнаго Вѣстника». Здѣсь онъ получилъ возможность знакомить публику, на основаніи собственныхъ наблюденій и долговременнаго изученія предмета, съ современнымъ положеніемъ крестьянскаго общиннаго быта и съ различными сторонами крестьянскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, труды Капустина, за исключеніемъ небольшихъ брошюръ, не издавались отдѣльно, но въ оттискахъ были извѣстны всѣмъ интересующимся крестьянскимъ дѣломъ. С. Я. былъ, между прочимъ, иниціаторомъ предпринятаго въ концѣ 70-хъ годовъ двумя учеными обществами изслѣдованія русской сельской общины, выводы изъ котораго были изложены имъ въ особой брошюрѣ. Съ 1883 г., по выходѣ въ отставку, Капустинъ не переставалъ, не смотря на болѣзненное состояніе, помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ труды на пользу отечественной экономической науки, которой была посвящена съ самаго начала его публицистическая дѣятельность. Послѣдняя статья С. Я. въ «Русской Мысли» 1890 г. № 10—посвящена была вопросамъ, вытекающимъ изъ изслѣдованія г. Сазоновымъ положенія пантелѣевскихъ крестьянъ.

† 18-го января отъ крупознаго воспаленія легкихъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей журнальной литературы за послѣднее 30 тилѣтіе, членъ редакціи «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», **Григорій Захаровичъ Елисеевъ**, почти 70-ти лѣтъ отъ роду. Уроженецъ Сибири, онъ слушалъ лекціи въ московской духовной академіи, а затѣмъ состоялъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ Казанской академіи, вращаясь въ кружкѣ тогдашнихъ молодыхъ и талантливыхъ академическихъ профессоровъ. Ученикомъ Елисеева былъ извѣстный писатель Щаповъ. По поводу недавней кончины проф. Порфирьева, Гр. З. помѣстилъ въ январьской книгѣ «Вѣстника Европы», свои воспоминанія объ этой эпохѣ подъ заглавіемъ «Изъ далекаго прошлаго двухъ Академій». На поприще свѣтской журнальной литературы Елисеевъ выступилъ въ 1858 г. въ «Современникѣ» статьей о Сибири, подписанной псевдонимомъ Грыцько: затѣмъ въ «Современникѣ» еще были его статьи съ тѣмъ же псевдонимомъ: въ 1860 г. «Уголовные преступники» и «Историческіе Очерки» (по поводу исторіи Соловьева); а въ 1865 и 1866 — «Очерки старой русской литературы». Въ 1860 г. были его двѣ статьи о «Русской Правдѣ» въ «Архивѣ» Калачова. Въ 1862 г. Елисеевъ редактировалъ журналъ «Вѣкъ», а въ 1863 г. газету «Очерки». Вступивъ, по приглашенію Чернышевскаго въ составъ «Современника», Гр. З. составлялъ тамъ также внутреннее обозрѣніе. Съ переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ 1868 г. въ руки Некра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сова, журнальная дѣятельность Елисеева значительно расширилась: вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Салтыковымъ онъ стоялъ въ главѣ редакціи этого журнала, и по внутреннимъ вопросамъ давалъ журналу тонъ и направленіе, выбиралъ сотрудниковъ. Съ 1878 г., по смерти Некрасова, труды Гр. З., въ этомъ отношеніи, раздѣлялъ Н. К. Михайловскій. Съ 1881 г. до прекращенія журнала, Елисеевъ, по болѣзни, жилъ за границей, не забывая однако и литературы. За эти 14 лѣтъ имъ помѣщена въ «Отечественныхъ Записках» масса статей историко-критическихъ, экономическихъ, политическихъ, большею частью безъ подписи. Полной фамиліей подписаны были только 3 статьи въ 1868 г.: «О крестьянскомъ вопросѣ», «О производительныхъ силахъ Россіи» и «О Наказѣ императрицы Екатерины II» и въ 1874 г., съ подписью «Грыцько», большая статья о крестьянской реформѣ. Изъ неподписанныхъ статей можно указать на отдѣлы—внутренняго обозрѣнія (съ 1875 по 1881 гг.) и политики, составлявшейся Гр. З., сверхъ отдѣльныхъ политическихъ работъ, вызывавшихся временемъ, какъ напримѣръ, въ 1871 г. «Бесѣды о прусско-французской войнѣ», а въ 1873 г, иностранная хроника. Положеніемъ крестьянъ Елисеевъ особенно интересовался и, сверхъ перечисленныхъ трудовъ, посвятилъ ему много статей, какъ, напримѣръ, «Когда благоденствовалъ русскій мужикъ и когда начались его бѣдствія», написанную по поводу книгъ гг. Сергѣевича и Аристова. Но, кромѣ того, никакой общественной злобѣ дня Елисеевъ не оставался чуждымъ: такъ, ему принадлежатъ, напримѣръ, статьи: «О направленіи въ литературѣ» («Отечественныя Записки»), «Объ исторической драмѣ» (въ «Невскомъ Сборникѣ», 1876 г.), «О налогѣ на заграничные паспорты», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Плутократическія основы» и «Храмъ современнаго счастія или проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ», въ «Отечественныхъ Записках» 1872 года и проч. Перечислить всѣ статьи Елисеева крайне трудно по причинѣ ихъ анонимности. Онъ оставилъ—и это едва ли не единственный примѣръ въ исторіи нашей литературы—весь капиталъ, нажитый своимъ трудомъ, литературному фонду.

† Въ Стокгольмѣ 29-го января **Софья Васильевна Ковалевская**, профессоръ математики въ Стокгольмскомъ университетѣ въ теченіе шести лѣтъ. Урожденная Корвинъ-Круковская, она вышла замужъ за покойнаго Вл. Онуф. Ковалевскаго, издателя «Жизни животныхъ Брэма» и многихъ другихъ сочиненій, потомъ доцента по каѳедрѣ геологіи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1876 г. она принимала участіе въ «Новомъ Времени», какъ театральный рецензентъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Какъ профессоръ математики, она отличалась большими математическими дарованіями, излагая свой предметъ съ такимъ талантомъ и знаніемъ, что пользовалась большимъ уваженіемъ и любовью студентовъ. Въ прошломъ году появились ея воспоминанія въ «Вѣстникѣ Европы», очень интересныя: тамъ она касалась только своего дѣтства и отрочества и говорила о своей сестрѣ, которая владѣла литературнымъ талантомъ и которую цѣнилъ Достоевскій, помѣстившій двѣ ея повѣсти. Она вышла за француза и тоже умерла. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» явилась недавно статья С. В. о шведскихъ школахъ; кромѣ того, въ Стокгольмѣ напечатанъ сборникъ ея разсказовъ изъ русской жизни, переведенный по-шведски съ рукописи. Всѣ эти работы доказываютъ, что, помимо выдающихся математическихъ способностей, С. В. обладала и литературнымъ талантомъ. Родилась она въ Москвѣ 3-го января 1850 г.; съ 1868 по 1871 г. занималась въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушала лекціи физики и математики. Въ Берлинѣ С. В—ну не допустили къ слушанію лекцій и она занималась частнымъ образомъ у проф. Вейерштрасса. У нея осталась дочь 12 лѣтъ безъ всякихъ средствъ къ воспитанію. Будемъ надѣяться, что дочь этой замѣчательной женщины, которая съ такою честью носила русское имя за границей, найдетъ покровителей и покровительницъ среди рус-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скаго общества. Если кто стоитъ попеченія, то именно эта бѣдная сирота, такъ внезапно лишившаяся матери и притомъ на чужбинѣ.

† 29-го января одинъ изъ извѣстныхъ педагоговъ **Владиміръ Ѳедоровичъ Эвальдъ**. Онъ родился 15-го февраля 1823 г.; по окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ въ 1845 г. назначенъ старшимъ учителемъ во 2-ю петербургскую гимназію, а вслѣдъ затѣмъ началась его дальнѣйшая весьма разнообразная педагогическая дѣятельность. Онъ читалъ исторію въ Горномъ корпусѣ, въ главномъ Инженерномъ училищѣ, въ Пажескомъ корпусѣ и Патріотическомъ институтѣ. Въ 1860 г. былъ инспекторомъ 5-й гимназіи и въ то же время преподавалъ исторію нынѣ царствующему Государю и великону князю Владиміру Александровичу. Въ 1862 г. Вл. Ѳед. былъ директоромъ 7-й гимназіи, впослѣдствіи преобразованной въ реальное училище, до этого преобразованія былъ командированъ за границу—въ Германію, Австрію и Бельгію для ознакомленія съ устройствомъ ихъ реальныхъ училищъ. Въ 1885 г. праздновался сорокалѣтній юбилей педагогической дѣятельности покойнаго. Многочисленные ученики Владиміра Ѳедоровича несомнѣнно не забыли своего учителя. Въ суровое время исхода 40-хъ годовъ онъ никогда не прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ для дисциплинированія своихъ слушателей, и всѣ взысканія не переходили за стѣны класса, въ которомъ онъ преподавалъ. Лекціи его были крайне увлекательны; мастерскимъ изложеніемъ предмета онъ приковывалъ вниманіе слушателей. Вл. Ѳед. вложилъ всю свою жизнь въ дѣло реальныхъ училищъ и горячо отстаивалъ ихъ существованіе до послѣднихъ дней. Къ сожалѣнію, продолжительная и тяжкая болѣзнь послѣднихъ лѣтъ помѣшала Вл. Ѳед. закончить начатый имъ трудъ очерка образованія за время его дѣятельности.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Церковь Николы на Липнѣ близь Новгорода.

(Къ вопросу о сохраненіи древнихъ историческихъ памятниковъ).

Всякій историческій памятникъ есть результатъ извѣстной работы ума человѣка, показатель его интересовъ, стремленій, его культуры. Поэтому онъ заслуживаетъ вниманія потомства, которое старается сохранить, сберечь его, а также изучить. Сохраненіемъ и сбереженіемъ историческаго памятника потомство показываетъ любовь къ своему прошлому, родному; изученіемъ же его оно показываетъ, что стремится къ совершенству, къ сознательному отношенію къ своей средѣ, къ обстановкѣ.

Среди русскихъ городовъ, заключающихъ въ себѣ такіе историческіе памятники, Новгородъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Главное богатство его историческихъ памятниковъ заключается въ предметахъ религіозныхъ, т. е. такихъ, которые служатъ показателями идеальныхъ стремленій нашихъ предковъ. Они сосредоточиваются попреимуществу около церкви, дома Божьяго, куда наши предки приходили возносить свои молитвы, приходили поучаться и приносили въ даръ отъ своихъ трудовъ для украшенія храма, его святыни, предметы, созданные руками лучшихъ мастеровъ, призванныхъ изъ чужой земли, или родного города. Предметы эти—памятники искусства: украшенія храма живописью, иконами и т. п. По этимъ памятникамъ, повторяемъ, мы можемъ знакомиться съ идеаль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ными стремленіями нашихъ предковъ, ихъ вѣрованіями и надеждами, съ состояніемъ ихъ искусства, вліяніемъ на него тѣхъ или иныхъ литературныхъ памятниковъ, съ вліяніемъ на него искусства того или иного народа съ которымъ нашимъ предкамъ приходилось имѣть дѣло въ силу сношеній, или преемства культуры и дальнѣйшаго ея развитія собственными силами.

Но дорожимъ ли мы историческими памятниками соотвѣтственно такому значенію ихъ, оказываемъ ли имъ должное вниманіе — сберегаемъ, сохраняемъ, изучаемъ ихъ?

Говоря только о памятникахъ Новгорода, мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что такого вниманія къ нимъ не замѣчаемъ. Въ поѣздку нашу въ Новгородъ лѣтомъ прошлаго года намъ пришлось увидѣть массу такихъ явленій, которыя ясно показываютъ, что мы слишкомъ мало дорожимъ своими историческими памятниками и при томъ такими, которые могутъ внести вкладъ въ исторію культуры нашей родины. Такъ, многіе изъ памятниковъ, бывшихъ прежде извѣстными, теперь или уже совершенно исчезли, или находятся въ такомъ состояніи, что потеряли свою цѣнность и значеніе.

Изъ массы этихъ печальныхъ явленій, прекрасно характеризующихъ наше отношеніе къ историческимъ памятникамъ, избираемъ два—состояніе, въ которомъ въ настоящее время находятся церковь Николы на Липнѣ и церковь Преображенія въ селѣ Ковалевѣ.

Церковь Николы на Липнѣ принадлежитъ XIII вѣку; она была воздвигнута въ 1292 году въ нынѣ упраздненномъ Липенскомъ монастырѣ [1]). Благодаря ученому изслѣдованію г. Филимонова, явившемуся въ 1859 г. и посвященному росписи этого храма [2]), послѣдній пріобрѣлъ особенную извѣстность въ археологической литературѣ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ храмѣ, помимо росписи всего храма, столбы тріумфальной арки, къ которымъ пристaвляется иконостасъ, по разборкѣ послѣдняго, оказались также росписанными живописью и такимъ образомъ они давали матеріалъ для рѣшенія вопроса о первоначальныхъ иконостасахъ въ русскихъ церквахъ. Вопросъ этотъ имѣетъ большое практическое значеніе для архитекторовъ— при построеніи новыхъ храмовъ по образцу древнихъ, или при реставраціи послѣднихъ. Отсюда понятна, повторяю, извѣстность этого храма. Естественно, что при такомъ значеніи его, при такомъ интересѣ для цѣлей науки и практики, можно было бы ожидать должнаго вниманія къ нему— охраны, сбереженія его, поддержки его живописи, изданія послѣдней въ рисункахъ и т. п. Что же оказывается? Церковь во время изученія ея Филимоновымъ находилась въ самомъ жалкомъ положеніи—«снятыя двери и разбитыя окна, говоритъ изслѣдователь, отдаютъ ее въ полный произволъ непогодѣ... Свободно побивающій дождь и сильная сырость смыли бо́льшую часть драгоцѣнныхъ фресковъ; стѣны во многихъ мѣстахъ дали значительныя трещины, наконецъ обрушилась цѣлая часть пола въ юго-западномъ углу верхней церкви» [3]). Въ такомъ же положеніи находилась церковь при посѣщеніи ея въ 1865 году членами Общества древне-русскаго искусства: «церковь оставлена совершенно на произволъ судьбы...», пишутъ они въ своей запискѣ по поводу посѣщенія Великаго Новгорода [4]), отмѣчая также

---

[1]) Новг. I лѣт. и Новг. III подъ 6800 г. Арх. Макарій. Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Москва. 1838. I, стр. 523.

[2]) Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Церковь св. Николая Чудотворца на Липнѣ близь Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ. Москва. 1859.

[3]) Указ. соч., стр. 7.

[4]) Сборникъ на 1860 годъ, изданный Обществомъ Древне-Русскаго Искусства. Смѣсь, стр. 121.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и другіе примѣры печальнаго состоянія древнихъ памятниковъ этого города. Въ 1877 году, наконецъ, нашлись благодѣтели, которые постарались дать церкви благолѣпный видъ. Къ сожалѣнію, при реставраціи живописи церкви, очевидно, не было руководителя, знакомаго съ древней церковной живописью; судя потому, что теперь видимъ въ церкви, она была поручена самому грубому маляру, который не пощадилъ отъ своего поновленія ни одного изображенія и такимъ образомъ погубилъ рѣшительно всю роспись церкви. Реставрація обнаруживаетъ въ исполнителѣ ея всякое отсутствіе пониманія того, за что̀ онъ брался: онъ исказилъ и порядокъ росписи, и стиль живописи; проще сказать, онъ уничтожилъ всю живопись и, такимъ образомъ, памятникъ погибъ для науки.

Постараемся дать обзоръ росписи церкви на основаніи описанія Филимонова и того, что̀ мы видѣли сами; какъ ни плоха реставрація, приведшая почти къ одному характеру живопись церкви, все же можно различить, гдѣ сдѣлана она и гдѣ написано заново.

Въ куполѣ былъ изображенъ въ медальонѣ Христосъ Вседержитель [1]); типъ его теперь совершенно искаженъ поновленіемъ. Въ барабанѣ купола изображены только пророки [2]); архангелы же совершенно уничтожены (ихъ мѣсто такъ и не занято другими изображеніями). Въ парусахъ—евангелисты. Въ аркахъ поддерживающихъ куполъ—на сѣверной: Андрей, Петръ, Богородица, на западной: Ѳома, Варѳоломей, Архангелъ; на южной: Павелъ, Іаковъ, Іоаннъ Предтеча; на восточной: Соломонъ, Давидъ, Эммануилъ [3]).

На сѣверной стѣнѣ, въ сводѣ, налѣво, теперь написано заново, по непонятымъ древнимъ изображеніямъ: Моленіе о чашѣ, и направо—Христосъ, стоящій на краю гроба, по сторонамъ колѣнопреклоненные ангелы.

Далѣе идутъ, какъ и описано Филимоновымъ—въ первомъ ряду: Распятіе Христа, Снятіе со креста; во второмъ—Бесѣда съ самаритянкой, положеніе во гробъ, въ третьемъ: Святители [4]).

На южной стѣнѣ, по словамъ Филимонова, были изображены праздники и чудеса. Судя по тому, что теперь имѣется, мы можемъ указать, какія были именно изображенія: 1) Сошествіе Христа во адъ (т. е. Воскресеніе Христово); 2) Явленіе Христа двумъ женамъ въ саду. Любопытно здѣсь отмѣтить то, что реставраторъ не понялъ изображенной въ данномъ мѣстѣ сцены и надъ упавшей на колѣни предъ Христомъ одной женой надписалъ имя Μρэν, а вмѣсто другой жены написалъ старца преп. Сергія Радонежскаго и такимъ образомъ вышло—по воскресеніи Христа—поклоненіе Ему Богородицей и Сергіемъ Радонежскимъ!..

Далѣе 3) Христосъ является на пути ученикамъ, идущимъ въ Эммаусъ; 4) Откровеніе имъ за преломленіемъ хлѣба; 5) Изгнаніе торгующихъ изъ храма (не послѣдовательны и, вѣроятно, не понято реставраторомъ).

На западной стѣнѣ, какъ замѣчаетъ Филимоновъ,—чудо исцѣленія, а по нашему мнѣнію—1) Воскрешеніе дочери Іаира; 2) Умовеніе ногъ; 3) Бѣ-

---

[1]) Во кругъ медальона сдѣлана надпись: пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ упокою вы.

[2]) По надписямъ, сдѣланнымъ заново, быть можетъ по старымъ чертамъ Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ, Аввакумъ, Исаія, Давидъ.

[3]) За тождество этихъ наименованій съ древними мы не ручаемся. Филимоновъ такъ описываетъ изображенія на этихъ мѣстахъ: подъ замками большихъ арокъ, въ вершинѣ каждой дуги, изображеніе дѣисуса, такъ что подъ восточной аркой помѣщенъ Спаситель, подъ сѣверной Божія Матерь, подъ южной Іоаннъ Предтеча, подъ западной Архангелъ (Указ. соч., стр. 13).

[4]) Ниже сцены моленія о чашѣ написанъ заново арх. Михаилъ, стоящій передъ какимъ-то святымъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сѣда съ Апостолами [1]). Что касается дальнѣйшаго изображенія, описаннаго Филимоновымъ такимъ образомъ [2]): между двумя окнами, сѣвернымъ и южнымъ простѣнками, помѣщены по два архангела съ серафимами вверху; отъ самыхъ же простѣнковъ, образуемыхъ тутъ малыми арками къ Знаменію, приближается рядъ Апостоловъ, выше ихъ рядъ святыхъ, то это ничто иное, какъ Вознесеніе, композиція котораго разбита, сообразно пространству, на три части: въ центрѣ, вверху вознесшійся Христосъ, внизу Богоматерь, какъ Оранта (а не Знаменіе), окруженная двумя ангелами, а по двумъ боковымъ сторонамъ—по шести, присутствовавшихъ при вознесеніи, Апостоловъ. Роспись алтарной абсиды теперь, за исключеніемъ Преображенія, вся написана заново; по Филимонову, здѣсь еще были изображены, за большой надпрестольной аркой—Сошествіе св. Духа и Знаменіе.

Надъ дверьми, ведущими изъ алтаря въ жертвенникъ—Введеніе во храмъ просв. Богородицы, а изъ алтаря въ жертвенникъ—Срѣтеніе [3]).

Единственно не поновленными фрески остались въ жертвенникѣ и діаконикѣ, но онѣ сильно попорчены отъ времени и за темнотою въ этихъ мѣстахъ почти совсѣмъ не могутъ быть разсмотрѣны.

Въ жертвенникѣ на восточной стѣнѣ изображена, кажется, Божія Матерь, въ видѣ Оранты, во весь ростъ; на сѣверной стѣнѣ—святой, обратившійся въ сторону Богоматери. На южной—также обратившаяся въ сторону Богоматери—женская фигура. По сторонамъ двери въ аркѣ—два святителя, одинъ ХАРИТО (Харитонъ), а другой, вѣроятно, Страторъ; оба даны погрудь. Въ діаконикѣ—на восточной стѣнѣ Христосъ (или Іоаннъ Предтеча), направо Богоматерь, а налѣво—святой.

Столбы тріумфальной арки, на которыхъ было изображено Благовѣщеніе, теперь прикрыты высоко поднимающимся вверхъ иконостасомъ.

Такимъ образомъ отъ того, что̀ видѣлъ въ свое время Филимоновъ и что̀ дало ему богатый матеріалъ для ученаго изслѣдованія—мы въ настоящее время уже ничего не имѣемъ: наше невниманіе къ своимъ памятникамъ оказывается для нихъ вреднѣе невзгодъ времени.

Церковь во имя Преображенія въ селѣ Ковалевѣ, близъ Новгорода, воздвигнута въ 1345 году [4]); въ 1380 г. какъ свидѣтельствуетъ надпись, сдѣланная надъ входными дверями внутри церкви, она была росписана [5]). Вся эта роспись храма сохранилась до настоящаго времени, только она, заисключеніемъ нѣсколькихъ изображеній, почти вся покрыта известью; во многихъ мѣстахъ изображенія почти просѣчиваютъ чрезъ известь, такъ что стоитъ только удалить небольшой слой извести и вся живопись возстанетъ предъ нами въ своемъ въ настоящемъ видѣ. Удивительно, что со времени архим. Макарія, описавшаго тѣ изображенія, которыя были видны, и указавшаго, что вся живопись храма цѣла, но скрывается подъ известью, ни одно изъ учрежденій, прикосновенныхъ къ наукѣ археологіи, не заинте-

---

[1]) Двѣ послѣднія сцены не отмѣчены Филимоновымъ и, кажется, не поняты реставраторомъ. Введенія Богородицы во Храмъ, отмѣченной здѣсь Филимоновымъ, мы не замѣтили; сцена эта находится надъ дверьми, ведущими изъ алтаря къ жертвеннику, какъ и указано вторично изслѣдователемъ.

[2]) Указ. соч., стр. 13.

[3]) По Филимонову тутъ еще было и Крещеніе Христово.

[4]) Новгор. II и и IV лѣт. подъ 6853 г. арх. Макарій, указ. соч., II, 578.

[5]) Вотъ эта надпись: + въ лѣто 6888 (ЗѠПИ) потьписанъ храмъ ГА БА спаса нашего ІСА ХА а при кнѧзи великомъ Дмитріи Ивановичѣ и при преосвященномъ архіепископѣ Василѣ повелѣніемъ раба Божія Аѳанасья Степановича и подружи его.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ресовалось судьбой живописи, не подъискало средствъ, чтобы вывести ее на свѣтъ и внести новую лепту въ небогатую еще изданными матеріалами исторію древне-русскаго искусства. Сельское общество, которому принадлежитъ церковь, само не имѣетъ средствъ произвести реставрацію ея, а рано или поздно найдется благодѣтель и живопись или погибнетъ подъ скребкомъ мастеровъ, или подъ мазней маляра—подобно живописи Николо-Липенской церкви!..

Е. Р—нъ.

II.

Къ біографіи Шлимана.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ: «Шлиманъ и его археологическая дѣятельность» встрѣчаются нѣкоторыя невѣрности, касающіяся біографіи моего отца, которыя считаю себя обязаннымъ исправить:

1) Отецъ мой получилъ американское гражданство не послѣ Крымской войны, а еще въ 1850 году, до открытія торговаго дома въ Петербургѣ, какъ это и обозначено въ его книгѣ «Иліосъ». По прибытіи моего отца въ 1851 году въ Россію, онъ вступилъ въ русское подданство, изъ котораго послѣ того никогда болѣе не выходилъ формально.

2) Личность, называемая въ означенной статьѣ второю женою Шлимана, не можетъ въ дѣйствительности почитаться таковой, ибо бракъ ея съ моимъ отцемъ совершенъ безъ формальнаго законнаго развода съ моей матерью, урожденной Е. Лыжиной, которая жива до сихъ поръ и проживаетъ по виду, въ которомъ значится женою (неразведенной) потомственнаго почетнаго гражданина Генриха Шлимана.

3) Въ 1869 году отецъ мой прожилъ въ Индіанополисѣ не болѣе одного мѣсяца. Послѣ выѣзда своего изъ Калифорніи въ 1851 году, онъ никогда подолгу (около одного года напримѣръ) въ Америкѣ не оставался.

4) Въ 1869 году, у моего отца никакого ни движимаго, ни недвижимаго имущества въ Петербургѣ не было. Слѣдовательно, ни по какимъ разводнымъ или другимъ актамъ, таковаго никому передавать онъ не могъ.

Сергѣй Шлиманъ.

Давая мѣсто письму г. Сергѣя Шлимана, мы не можемъ отказать и Ѳ. И. Булгакову, автору статьи, вызвавшей это письмо, въ напечатаніи слѣдующихъ его замѣчаній, возстановляющихъ факты изъ біографіи знаменитаго археолога, оспориваемые его сыномъ отъ первой жены. Вотъ замѣчанія г. Булгакова:

Г. Сергѣй Шлиманъ въ своемъ возраженіи обнаруживаетъ неточное знакомство съ автобіографіей своего знаменитаго отца и съ данными его дѣятельности.

3-й пунктъ его возраженія совершенно долженъ быть устраненъ словами самого покойнаго Генриха Шлимана. Въ автобіографіи, помѣщенной въ изданіи «Ilios, ville et pays des Troyens» (Paris, 1885 г.), на 22-й стр. сказано буквально слѣдующее: «certaines circonstances m'obligerent à passer presque toute l'année 1869 aux Etats-Unis»... Эти «нѣкоторыя обстоятельства», какъ разъяснено недавно въ письмѣ изъ Индіанополиса въ «Frankfurter Zeitung», заключались въ хлопотахъ о разводѣ съ его первой женой. Письмо, помѣщенное въ нѣмецкой газетѣ, принадлежитъ одному изъ участниковъ въ дѣлѣ развода. Онъ прибавляетъ, что Шлиманъ, не смотря на то, что былъ обреченъ на бездѣлье въ Индіанополисѣ, терпѣливо выдержалъ искусъ всѣхъ формальностей по разводу и, получивъ постановленіе мѣстнаго суда о раз-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

водѣ, на другой же день поспѣшилъ уѣхать оттуда, чтобъ приступить къ раскопкамъ въ Гисарлыкѣ, что удалось ему сдѣлать, какъ значится и въ автобіографіи, не раньше апрѣля 1870 года.

Г. Сергѣй Шлиманъ утверждаетъ въ 4-мъ пунктѣ своего возраженія, что покойный «не могъ передавать никому» ни движимаго, ни недвижимаго имущества въ Петербургѣ, такъ какъ у него «такового не было въ 1869 г.». О томъ, что было ли у него тогда имущество въ Петербургѣ или не было, въ моей статьѣ не упомянуто ни единымъ словомъ. Въ ней приведено лишь постановленіе суда въ Индіанополисѣ.

Но дѣло не въ этомъ. Гораздо важнѣе заявленіе г. С. Шлимана въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ его возраженія. Онъ увѣряетъ, что покойный съ **1851 г.** пересталъ быть американскимъ гражданиномъ. Но почему же на его сочиненіяхъ—«Итака, Пелопоннесъ и Троя» (**1869 г.**) и «Микены» (**1878 г.**)—ясно значится: «Bürger der Vereinigten Staaten?»

Наконецъ, 2-й пунктъ письма г. Сергѣя Шлимана, косвенно обличающій покойнаго въ двоеженствѣ, долженъ быть рѣшительно опротестованъ не только изъ уваженія къ памяти замѣчательнаго человѣка, но и во вниманіе къ дѣйствительнымъ фактамъ. Г-жа Софья Шлиманъ, портретъ которой напечатанъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», какъ второй жены покойнаго и оказавшей услуги археологіи своимъ содѣйствіемъ мужу въ его раскопкахъ и даже собственными открытіями (ея именемъ названы раскопанныя ею могилы въ Микенахъ, открытыя противъ «Львиныхъ воротъ»), «въ дѣйствительности почитается» и въ теченіе 20 лѣтъ почиталась его **законной женой** не только всѣми учеными, знавшими и цѣнившими послѣдняго и г-жу Софью Шлиманъ, но и правительствомъ Германіи, которое отъ лица императора Вильгельма II выразило ей, какъ женѣ своего знаменитаго соотечественника, соболѣзнованіе о кончинѣ его. Почти надняхъ въ берлинскихъ газетахъ было напечатано письмо вдовы Генриха Шлимана, Софьи Шлиманъ, германскому министру народнаго просвѣщенія Гослеру съ заявленіемъ благодарности за живѣйшее участіе германскаго императора и правительства къ ея горю. Незаконная жена едва ли удостоилась бы такихъ манифестацій и едва ли рискнула бы открыто отвѣчать на нихъ.

Въ заключеніе, позволяю себѣ обратить вниманіе еще и на составленное 10-го января 1889 г. завѣщаніе д-ра Генриха Шлимана, достаточно ясно свидѣтельствующее какъ о безупречномъ великодушіи и благородствѣ личности покойнаго, такъ и о томъ, что для него легальность его второго брака не подлежала никакому сомнѣнію. Двумъ дѣтямъ отъ перваго брака онъ оставилъ два дома въ Парижѣ и по 50,000 франковъ каждому; сверхъ того, сынъ его получаетъ табачныя плантаціи въ Америкѣ. Первой женѣ, съ которой онъ развелся въ 1869 г., завѣщано сто тысячъ франковъ. Что касается второй жены и двухъ дѣтей ея, то послѣднимъ оставлены два дома въ Парижѣ, доходы отъ его сочиненій и все движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ завѣщанныхъ второй женѣ аѳинскаго дворца со всѣми коллекціями библіотекою и дома въ Берлинѣ. Тотъ изъ наслѣдниковъ, кто вздумаетъ оспоривать завѣщаніе, лишается своей доли.

Ѳ. Булгаковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

УСТАВЪ КАССЫ ВЗАИМНОПОМОЩИ ПРИ ОБЩЕСТВѢ ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

I.

Составъ кассы.

1) Участниками кассы могутъ быть лица обоего пола не моложе 25 лѣтъ, принадлежащія къ ученой и литературной профессіи.

II.

Права и обязанности членовъ кассы.

2) Участники кассы раздѣляются на разряды, сообразно ихъ платежамъ, которые на первое право опредѣляются: въ 1, 3, 5, 10, 15, 20, 25 и 50 рублей.

3) Каждый участникъ обязанъ, при самомъ вступленіи своемъ въ кассу, избрать одинъ изъ означенныхъ (§ 2) разрядовъ и внести соотвѣтственный своему разряду платежъ въ тройномъ размѣрѣ, въ видѣ вступного взноса, для обезпеченія своихъ обязательствъ передъ прочими участниками кассы.

Примѣчаніе. Вступной взносъ допускается производить частями, въ теченіе перваго года пребыванія въ кассѣ, но съ тѣмъ, чтобы не менѣе одной трети его было внесено при самомъ вступленіи въ члены ея. Въ теченіе перваго же года участники кассы могутъ, согласно предварительному о томъ заявленію, освободиться отъ выполненія лежащихъ на нихъ по этому уставу денежныхъ обязательствъ; но въ такомъ случаѣ, въ этотъ же періодъ времени, они не пользуются никакими правами и выгодами членовъ кассы и срокъ ихъ пребыванія въ ея составѣ долженъ исчисляться съ слѣдующаго года.

4) Сверхъ вступного взноса, каждый участникъ обязуется вносить соотвѣтствующіе его разряду платежи въ пользу остальныхъ участниковъ кассы, въ случаяхъ, указанныхъ въ § 9.

5) Къ каждому обязательному платежу, производимому на основаніи § 4, участникъ кассы добавляетъ 10% для составленія пенсіоннаго капитала.

6) Члену кассы предоставляется нормировать свои ежегодные платежи слѣдующимъ образомъ: онъ можетъ вносить ежегодно въ кассу платежи избраннаго имъ разряда по разсчету трехъ платежей на 100 участниковъ кассы и сверхъ того, добавочный взносъ въ 10% въ пенсіонный капиталъ (§ 5). Такіе члены освобождаются отъ всякихъ другихъ взносовъ, хотя бы дѣйствительные платежи остальныхъ членовъ и превысили указанную норму.

7) Нормированные платежи могутъ быть вносимы или по третямъ года за каждую треть впередъ или ежемѣсячно равными долями.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

8) Для взноса указанныхъ въ §§ 4, 5 и 6 платежей назначается двухмѣсячный срокъ.

Для членовъ, не нормировавшихъ своихъ платежей, срокъ этотъ наступаетъ со времени разсылки требованій правленія кассы и соотвѣтственныхъ публикацій въ газетахъ. Невыполненіе сего условія или заявленнаго при нормировкѣ срока платежей влечетъ за собою послѣдствія по § 23.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда будетъ обнаружено, что участникъ кассы не можетъ внести причитающагося съ него платежа по независящимъ отъ него причинамъ, вслѣдствіе какого-нибудь бѣдствія или непредвидѣннаго недостатка въ средствахъ, — правленіе можетъ отсрочить, не далѣе, какъ на полугодіе, примѣненіе къ данному лицу § 23 сего устава, съ начисленіемъ пени 1% въ мѣсяцъ съ отсроченнаго платежа.

9) Члены кассы, выполняющіе всѣ свои обязательства, а равно лица, указанныя въ § 10, имѣютъ право, съ самаго вступленія своего въ кассу, на полученіе причитающейся имъ суммы въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) въ случаѣ смерти

и б) въ случаѣ старческой немощи (маразма), паралича, увѣчья, чахотки въ послѣдней степени и тому подобныхъ болѣзненныхъ состояній, лишающихъ возможности зарабатывать средства къ жизни собственнымъ трудомъ и удостовѣренныхъ порядкомъ, указаннымъ въ § 38.

10) Каждый участникъ заявляетъ правленію кассы о томъ, кому, въ случаѣ его смерти, причитающаяся ему сумма должна быть выдана. Эти заявленія могутъ быть измѣняемы. Въ полученіи такого заявленія правленіе выдаетъ росписку, съ обозначеніемъ въ ней лица, которому будетъ слѣдовать выдача. Если участникъ кассы не сдѣлаетъ требуемаго симъ § заявленія, то, въ случаѣ его смерти, причитающіеся въ его пользу отъ другихъ членовъ взносы отъ нихъ не требуются.

11) Члены кассы, по истеченіи 25 лѣтъ пребыванія въ ней (а если, по средствамъ ея, окажется возможнымъ, то и ранѣе), пріобрѣтаютъ право, на основаніяхъ, какія будутъ опредѣлены впослѣдствіи:

а) на пенсію

и б) на освобожденіе, частичное или полное, отъ дальнѣйшихъ обязательныхъ платежей (§§ 4, 5 и 6).

12) Предъ наступленіемъ каждаго года, участники кассы могутъ измѣнять размѣръ своихъ платежей на предстоящій годъ, посредствомъ перехода изъ одного разряда въ другой. Если участникъ хочетъ перейти въ высшій разрядъ, то онъ долженъ соотвѣтственно увеличить свой вступной взносъ; для перехода же въ низшій разрядъ достаточно одного заявленія правленію кассы, причемъ сдѣланный имъ вступной взносъ остается безъ измѣненія.

13) Причитающаяся къ выдачѣ, на основаніи § 9, сумма составляется изъ обязательныхъ платежей всѣхъ наличныхъ членовъ кассы. Съ участниковъ одинаковыхъ или высшихъ разрядовъ взимаются платежи, соотвѣтствующіе разряду получателя, а съ участниковъ низшихъ разрядовъ — платежи ихъ разрядовъ. Если получатель переходилъ изъ разряда въ разрядъ, то причитающаяся къ выдачѣ ему сумма исчисляется по среднему выводу, опредѣляемому такимъ образомъ:

а) сумма заявленныхъ платежей каждаго изъ тѣхъ разрядовъ, въ которыхъ пребыло данное лицо, дѣлится на число лѣтъ пребыванія сего лица въ кассѣ;

б) сумма всѣхъ дѣйствительно произведенныхъ имъ платежей (за все время пребыванія въ кассѣ) дѣлится на число этихъ платежей;

в) изъ полученныхъ, такимъ образомъ, двухъ среднихъ чиселъ (причемъ дроби менѣе половины отбрасываются, а половина и болѣе ея принимаются за единицу), — избирается высшее. Обязательные платежи участниковъ соразмѣряются съ этимъ среднимъ числомъ, хотя бы оно и не совпадало съ разрядами, опредѣленными въ § 2.

14) Каждый участникъ кассы имѣетъ право на полученіе причитающейся ему суммы только одинъ разъ, въ одномъ изъ указанныхъ въ § 9 случаевъ; поэтому, лицо, воспользовавшееся этимъ правомъ при жизни (§ 9, п. б), — тѣмъ самымъ выбываетъ изъ состава кассы и заканчиваетъ съ нею всѣ счеты.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

15) Причитающіяся участникамъ суммы выдаются изъ наличныхъ средствъ кассы, причемъ удерживается 5% въ пользу кассы.

16) Въ случаѣ прижизненной выдачѣ (§ 9, п. б), причитающаяся сумма выдается или лично подлежащему участнику кассы, или тѣмъ лицамъ, на попеченіи которыхъ онъ находится.

17) Не потребованныя по какимъ-либо случаямъ суммы, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня смерти участника кассы, обращаются въ пользу послѣдней; затребованныя же въ теченіе этого срока суммы выдаются безъ начисленія на нихъ процетовъ.

18) Пенсіи и, вообще, всякія выдачи изъ кассы назначаются исключительно участникамъ ея или преемникамъ ихъ правъ, но отнюдь не ихъ кредиторамъ,—такъ какъ всѣ означенныя выдачи имѣютъ характеръ братской помощи, взаимно оказываемой другъ другу участниками кассы.

19) Участникъ кассы, вышедшій изъ ея состава вслѣдствіе невыполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ, можетъ возстановить свои права по внесеніи:

а) новаго вступного взноса

и б) всѣхъ платежей, какіе причитались бы съ него, если бы онъ оставался въ кассѣ. Безъ исполненія сихъ условій лицо, выбывшее изъ кассы, можетъ быть принято въ нее не иначе, какъ въ качествѣ новаго члена.

III.

Пріемъ членовъ.

20) Заявленія о желаніи участвовать въ кассѣ подаются въ правленіе. Въ заявленіи должны быть указаны: данныя о литературной или ученой дѣятельности заявителя, возрастъ его, разрядъ избираемыхъ имъ платежей, порядокъ ихъ взноса и адресъ. Заявленія эти принимаются во всякое время; но лица, сдѣлавшія ихъ послѣ 1-го октября, могутъ быть приняты въ число участниковъ кассы слѣдующаго года не иначе, какъ взамѣнъ бывшихъ членовъ того же разряда.

21) Лица, признанныя правленіемъ имѣющими право участвовать въ кассѣ, подвергаются закрытой баллотировкѣ въ общемъ собраніи членовъ ея, безъ преній.

IV.

Выбытіе изъ состава кассы.

22) Участіе въ кассѣ прекращается смертью участника или выходомъ изъ нея.

23) Считаются также выбывшими изъ кассы лица, получившія еще при жизни слѣдующую имъ сумму (§ 9, п. б), а равно и не внесшія въ установленные сроки платежей, причитающихся съ членовъ кассы на основаніи сего устава.

24) Выбывшія изъ состава кассы лица утрачиваютъ всѣ права на помощь кассы, а внесенные ими платежи ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

V.

Средства кассы.

25) Средства кассы образуются:

а) изъ вступныхъ взносовъ (§ 3);

б) изъ обязательныхъ платежей членовъ (§§ 4 и 6);

в) изъ 10% прибавки къ означеннымъ (п. б) платежамъ (§ 5);

г) изъ 5% отчисленій отъ выдаваемыхъ кассою суммъ (§ 15);

д) изъ пожертвованій;

е) изъ суммъ, полученныхъ отъ устройства въ пользу пенсіоннаго капитала кассы литературныхъ чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п. предпринятій.

26) Въ кассѣ образуются три капитала: а) расходный, б) запасный и в) пенсіонный.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

27) Расходный капиталъ составляется изъ вступныхъ взносовъ и предназначается для выдачи участникамъ кассы (§§ 9 и 15). Расходный капиталъ пополняется при каждой выдачѣ путемъ поступленія обязательныхъ для членовъ платежей.

28) Запасный капиталъ составляется:

а) изъ % съ расходнаго капитала;

б) изъ вступныхъ взносовъ, перечисляемыхъ въ запасный капиталъ за выбытіемъ или за смертью участниковъ кассы;

в) изъ поступленій въ кассу, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія.

Запасный капиталъ предназначается на удовлетвореніе расходовъ по управленію и на пополненіе въ чрезвычайныхъ случаяхъ расходнаго капитала. Суммы запаснаго капитала, остающіяся свободными за покрытіемъ вышеозначенныхъ расходовъ, могутъ быть перечисляемы въ пенсіонный капиталъ (§ 46, п. з.).

29) Пенсіонный капиталъ составляется:

а) изъ 10% добавочныхъ платежей членовъ (§ 5);

б) изъ пожертвованій, назначенныхъ въ этотъ капиталъ;

в) изъ суммъ, указанныхъ въ § 25, п. е;

г) изъ отчисленій отъ запаснаго капитала;

д) изъ процентовъ съ пенсіоннаго капитала.

Примѣчаніе. Пенсіонный капиталъ считается неприкосновеннымъ.

VI.

Управленіе.

30) Для завѣдыванія дѣлами кассы образуется правленіе и созываются общія собранія участниковъ ея.

31) Правленіе составляется изъ девяти членовъ, избираемыхъ на три года участниками кассы изъ своей среды. Каждый годъ изъ правленія выбываютъ, по старшинству вступленія, три члена и на мѣсто ихъ избираются новые изъ двойного числа кандидатовъ, предлагаемыхъ правленіемъ. Выбывшій членъ правленія можетъ быть предложенъ къ избранію въ эту должность не прежде, какъ черезъ годъ по выбытіи изъ правленія.

Примѣчаніе. Первые девять членовъ правленія избираются общимъ собраніемъ учредителей кассы и выходятъ изъ его состава по жребію. Для временнаго замѣщенія членовъ правленія назначаются кандидаты, которыми считаются два участника кассы, получившіе при баллотировкѣ наибольшее число голосовъ вслѣдъ за избранными.

32) Сверхъ указаннаго въ § 31 состава правленія, комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ можетъ назначить въ оное одного или двухъ членовъ изъ своей среды, которые участвуютъ въ засѣданіяхъ правленія съ правомъ голоса наравнѣ съ прочими его членами.

33) Правленіе ежегодно избираетъ изъ своего состава предсѣдателя правленія, секретаря и казначея. Въ случаѣ выбытія или временнаго отсутствія этихъ должностныхъ лицъ, обязанности ихъ возлагаются правленіемъ на другихъ его членовъ, а для замѣщенія сихъ послѣднихъ приглашаются кандидаты.

34) На предсѣдателя правленія, секретаря и казначея возлагается вся исполнительная дѣятельность по кассѣ, счетоводство и отчетность. Порядокъ дѣйствій и обязанности каждаго изъ нихъ опредѣляются инструкціями, составленными правленіемъ и утвержденными общимъ собраніемъ участниковъ кассы.

35) Къ обязанностямъ правленія принадлежатъ: надзоръ за дѣятельностью избранныхъ имъ должностныхъ лицъ и повѣрка суммъ, счетоводства и дѣлопроизводства. Слѣдующіе вопросы разрѣшаются не иначе, какъ по письменнымъ постановленіямъ правленія: а) о пересмотрѣ устава и всѣ, вообще, организаціонные вопросы; б) о созывѣ чрезвычайныхъ общихъ собраній; в) о пріемѣ новыхъ участниковъ кассы; г) о выдачѣ суммъ, храненіи ихъ и помѣщеніи въ процентные бумаги, и д) о расходахъ на дѣлопроизводство кассы и вознагражденіе должностныхъ лицъ ея.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

36) Всѣ поступленія въ кассу, за исключеніемъ суммъ, необходимыхъ для текущихъ расходовъ, обращаются въ % бумаги: государственныя, гарантированныя правительствомъ или обезпеченныя недвижимою собственностью.

37) Правленіе собирается по мѣрѣ надобности. Для дѣйствительности постановленій его требуется участіе предсѣдателя и не менѣе трехъ членовъ. Рѣшенія правленія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, а при равенствѣ ихъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Члены правленія остающіеся въ меньшинствѣ, могутъ вносить въ протоколъ засѣданій свои особыя мнѣнія.

38) Въ случаѣ требованій о выдачѣ суммъ при жизни участника (§ 9, п. б.) составляется предварительно врачебная комиссія изъ трехъ врачей—одного со стороны сего участника, одного со стороны правленія и одного по приглашенію комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Единогласное заключеніе врачебной комиссіи о томъ, что данное требованіе подходитъ подъ дѣйствіе § 9, п. б, считается обязательнымъ для кассы. Если же врачебная комиссія не придетъ къ единогласному заключенію, то таковое принимается во вниманіе, какъ мнѣніе экспертовъ и вопросъ разрѣшается правленіемъ въ составѣ неменѣе какъ 6-ти членовъ, причемъ для выдачи денегъ требуется большинство двухъ третей голосовъ.

39) Жалобы на неправильность дѣйствій или разсчетовъ правленія и всѣ вообще, недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть между должностными лицами правленія и участниками кассы или преемниками ихъ правъ, разматриваются и разрѣшаются правленіемъ. Недовольные рѣшеніемъ правленія могутъ перенести спорный вопросъ на обсужденіе общаго собранія, по становленія котораго обязательны для участника кассы или преемниковъ его правъ.

40). Правленіе обязано составлять списки членовъ, въ томъ числѣ и вновь принятыхъ, не позже, какъ къ 1-му декабря каждаго года.

41) Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя, и происходятъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ или его товарища, а въ случаѣ болѣзни или отсутствія ихъ, — подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго общимъ собраніемъ изъ числа двухъ участниковъ кассы, предложенныхъ для сего правленіемъ.

42) Обыкновенныя собранія созываются два раза въ годъ: въ январѣ и и октябрѣ. Январьское собраніе считается годовымъ. Въ семъ собраніи разсматриваются отчетъ правленія о положеніи дѣлъ кассы и докладъ ревизіонной комиссіи. Въ годовомъ же собраніи производятся выборы членовъ правленія и утверждаются инструкціи правленію и смѣта расходовъ по дѣлопроизводству. Октябрьское общее собраніе предназначается для выбора новыхъ членовъ кассы и для избранія ревизіонной комиссіи, въ составѣ пяти членовъ, изъ числа участниковъ кассы, не занимающихъ должностей по управленію кассы.

43) Чрезвычайныя общія собранія созываются, по мѣрѣ надобности, для разрѣшенія организаціонныхъ вопросовъ, а равно и текущихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства. Правленіе обязано созвать чрезвычайное общее собраніе въ случаѣ письменнаго заявленія о томъ не менѣе, какъ 25 участниковъ кассы, съ точнымъ обозначеніемъ въ семъ заявленіи предметовъ, требующихъ экстраординарнаго обсужденія.

44) Для дѣйствительности общихъ собраній требуется участіе въ нихъ не менѣе пятой части пребывающихъ въ Петербургѣ членовъ кассы. За несостоявшимся общимъ собраніемъ, чрезъ двѣ недѣли, созывается новое, которое признается дѣйствительнымъ при какомъ бы то ни было числѣ явившихся въ него членовъ.

45) Въ публикаціяхъ и повѣсткахъ о созывѣ общихъ собраній должны быть обозначаемы предметы, подлежащіе ихъ разсмотрѣнію. При созывѣ собраній чрезвычайныхъ или взамѣнъ не состоявшихся, кромѣ публикацій, обязательна разсылка повѣстокъ жительствующимъ въ Петербургѣ членамъ кассы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

46) Рѣшенія общихъ собраній постановляются простымъ большинствомъ голосовъ; но нижеслѣдующіе вопросы разрѣшаются не менѣе, какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ въ собраніи членовъ:

а) пересмотръ, дополненіе или измѣненіе устава кассы;

б) установленіе предѣловъ ежегоднаго прироста членовъ;

в) установленіе старшаго предѣльнаго возраста, которому должны удовлетворять лица, вступающіе въ члены кассы;

г) измѣненіе разрядовъ платежей;

д) измѣненіе условій нормировки платежей;

е) установленіе правилъ производства пенсій (§ 11, п. а);

ж) установленіе правилъ освобожденія участниковъ кассы отъ обязательныхъ платежей, съ отнесеніемъ таковыхъ на счетъ кассы (§ 11, п. б.);

з) пополненіе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, расходнаго капитала и перечисленіе запасныхъ суммъ въ пенсіонный капиталъ;

и) закрытіе и ликвидація кассы.

47) Если кто-либо изъ членовъ кассы, въ видахъ пользы оной, пожелаетъ сдѣлать предложеніе общему собранію, то обязанъ заявить о томъ письменно правленію, которое представляетъ это предложеніе, съ своимъ заключеніемъ, на обсужденіе и разрѣшеніе ближайшаго общаго собранія.

48) Рѣшенія общихъ собраній обязательны для всѣхъ членовъ кассы, хотя бы и непринимавшихъ участія въ сихъ рѣшеніяхъ.

VII.

Филіальныя отдѣленія.

49) Если въ Москвѣ или другомъ городѣ будетъ не менѣе 25-ти участниковъ кассы, то они могутъ образовать филіальное отдѣленіе для обсужденія въ мѣстныхъ собраніяхъ членовъ вопросовъ, указанныхъ въ § 46, и для содѣйствія правленію въ выполненіи лежащихъ на немъ обязанностей.

50) Порядокъ открытія и дѣятельности филіальныхъ отдѣленій опредѣляется общимъ собраніемъ, по представленіямъ и предположеніямъ правленія.

VIII.

Открытіе дѣйствій и ликвидація кассы.

51) Дѣйствія кассы открываются не менѣе, какъ при ста учредителяхъ.

52) Если по чрезмѣрной убыли членовъ или по какимъ-либо инымъ причинамъ дѣятельность кассы должна будетъ прекратиться, то расходный и запасный капиталъ ея распредѣляется между наличными участниками кассы, пропорціонально сдѣланнымъ каждымъ изъ нихъ платежамъ, но не свыше суммы всѣхъ дѣйствительныхъ ихъ взносовъ. Остающіяся, за таковымъ распредѣленіемъ, суммы расходнаго и запаснаго капитала, а равно и пенсіонный капиталъ, поступаютъ въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какъ пріятно ему было взглянуть на свою юношескую комнату, его «мальчишескую»! Все находилось тутъ на своемъ мѣстѣ и въ большомъ порядкѣ—включая самыя бумаги въ его конторкѣ, безпорядокъ которой былъ пощаженъ... Дорогая сестрица!

Онъ всталъ и медленными шагами обошелъ комнату. Повсюду радостно привѣтствовали его родные предметы. Прежде всего ему бросилась въ глаза блестящая арматура, скомпанованная имъ самимъ съ тонкостью артиста: кольчуги и щиты, каски и латные нашейники въ оправѣ съ чернью въ стилѣ Возрожденія; другія болѣе новыя оружія: мушкеты, боевыя шпаги, пистолеты... ахъ! это тѣ, что въ Вокрессонѣ. Онъ съ силою сорвалъ ихъ и швырнулъ въ глубину шкафа. Затѣмъ принялся разсматривать акварели, развѣшанныя по стѣнамъ,—наивныя, а подчасъ и искусныя произведенія его кроткой Маріи-Анны. Это были воспоминанія обо всѣхъ странахъ, видѣнныхъ ими обоими совмѣстно. Вотъ Auray и печальный верескъ Champ des Martyrs; вотъ Audierne съ своимъ голубымъ заливомъ, краснымъ цвѣтомъ своихъ гранитовъ, темной зеленью лиственницъ и съ своими бретонскими дѣвушками, исполненными такой меланхолической веселости. О, для тебя, Марсель, то была счастливая пора, когда ты могъ выслушивать ихъ жалобы, не помышляя ни о чемъ иномъ, кромѣ наслажденія ихъ красотой!.. А вотъ нормандскій пейзажъ: Сассевилльскій паркъ, просвѣтъ на долину Dalles, опушка лѣса изъ платановой аллеи, это то самое мѣсто, гдѣ... Онъ закрылъ глаза и перевернулъ акварель къ стѣнѣ. Ахъ, это ужасно! Зачѣмъ эти отвратительныя воспоминанія преслѣдуютъ его по пятамъ,—вѣдь онъ бѣжалъ сюда, желая укрыться отъ нихъ... Нѣтъ, лучше углубиться въ какую-нибудь книгу,—и Марсель направился къ своей библіотекѣ.

Они стояли на лицо, его любимые поэты, расточители сладкихъ рѣчей безнадежнымъ сердцамъ, тѣ, которые, по меньшей мѣрѣ, заговариваютъ неисцѣлимыя раны. Вотъ всеобщій учитель Шатобріанъ, первый изслѣдователь горестныхъ пучинъ современной души, артистъ несравненный, внѣ твореній котораго въ современной Франціи не существовало бы ни единой книги. Кромѣ него, есть тутъ еще другіе, отмѣченные печатью несравненнаго плодотворнаго генія: Викторъ Гюго и де-Виньи; Мюссе, ожесточающій страданіе; Ламартинъ, умѣющій его успокоить; далѣе слѣдуютъ нѣсколько именъ совсѣмъ свѣжеиспеченныхъ: Банвилль, подчасъ обладающій способностью въ сокровищницу веселаго своего стакана вправить слезу; Леконтъ де-Лиль, безподобный, не уступающій величайшимъ писателямъ, богохульникъ, въ самозабвеніи обвиняющій боговъ въ безсиліи...

Къ нимъ простеръ Марсель свою руку и, однако, рука его набрела на чужестранца, — итальянца Алигіери.

Книга Данте открылась какъ бы сама собой:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Любовь, которая быстро овладѣваетъ благороднымъ сердцемъ... Любовь, которая не щадитъ отъ этого чувства ни единое любимое созданіе.. Любовь, приводящая къ той самой смерти»...

Марсель снова закрылъ книгу.

Такъ, такъ, ему слишкомъ хорошо были извѣстны эти проклятыя тристишія! Сколько разъ, ласкаемый легкимъ прикосновеніемъ разсыпавшихся кудрей, въ сладострастномъ объятіи, поддерживая на своемъ плечѣ бремя склоненной головки, онъ читалъ ихъ съ «ней»... «Она та»!.. И онъ большими шагами зашагалъ по комнатѣ.

— Ахъ, да «та»!.. Онъ совсѣмъ не думалъ о ней; онъ болѣе не думалъ о ней! Стушевавшійся образъ... разсѣявшійся призракъ... пепелъ, потухшій на вѣки!.. «Она!»—И взрывъ злобнаго хохота раздался въ тишинѣ.

Онъ изнемогалъ отъ усталости, легъ, затѣмъ потушилъ свою лампу. Наконецъ-то онъ заснетъ!

Грузно упала голова его на подушку: онъ спалъ... Но вотъ внезапно онъ просыпается... садится... смотритъ. Острая боль пронзаетъ все существо его... Это «та»!... Стушевавшійся образъ... разсѣявшійся призракъ... пепелъ, потухшій на вѣки!.. «Она»! опять «она»!

Темнота была кромѣшная; на улицѣ декабрь завывалъ во всѣ свои шквалы. Еще разъ въ эту ночь Марсель разразился громкимъ хохотомъ. Пристально вглядѣвшись ей въ лицо, той, которая преслѣдовала его и въ потьмахъ такъ же, какъ и при бѣломъ свѣтѣ, онъ произнесъ:

— Ты! я съумѣю найти тебя! Тогда... тогда, ты сама сказала мнѣ: «Когда любовница обманываетъ васъ, ее убиваютъ!»

VIII.

Бѣснованіе.

Конецъ декабря былъ снѣжный и морозный, хотя и преисполненный грохотомъ шумнаго веселья эпохи имперіи, обезумѣвшей отъ удовольствій.

1858 годъ начался подъ аккорды скрипокъ, на темпъ полекъ и кадрилей. Въ служебномъ мірѣ безпрерывныя празднества слѣдовали одно за другимъ: то былъ разгулъ официальнаго благополучія. Балы въ Тюльери и министерствахъ; балы у трехъ президентовъ и у двухъ префектовъ. Всякій вечеръ съ зараженнаго лихорадкой города подымался чудовищный гулъ удовольствій: шуршаніе платьевъ въ вихрѣ вальса, игривыя рѣчи, нашептывавшіяся на ушко, звонкіе смѣшки, раздававшіеся изъ-подъ вѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ера. Никогда, быть можетъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія вицмундирная Франція не угощалась такъ весело, столько не танцовала, столько не ужинала, столько не любила! Да, все отдавалось веселью! Жизнь такъ коротка, а силы преходящи!

Но въ то время, когда неугомонный Парижъ суетился въ своемъ суматошномъ весельѣ, когда, подъ переливы оркестровъ, прекрасные длинноусые кавалеры заключали въ свои объятія таліи молодыхъ дамъ, разубранныхъ фіалками, жизнь каждаго изъ обитателей замка въ Бретельской авеню текла монотонно, изо-дня въ день, слѣдующій день былъ столь же безотраднымъ, какъ и предыдущій.

Въ характерѣ Марселя Бенарда произошло полнѣйшее перерожденіе. Молодой франтъ, элегантный бонвиванъ исчезъ, мѣсто его заняло существо безмолвное, чуть не дикарь. Кончились всевозможные тонкіе ужины въ извѣстныхъ ресторанахъ, кончились закулисныя посѣщенія театровъ, кишащихъ податливыми добродѣтелями, кончились сквозныя ночи, посвященныя бражничеству съ разными «дамами полусвѣта». Что сдѣлалъ съ собой этотъ виконтъ Бенардъ, кавалеръ представительной наружности, командиръ котильоновъ, предметъ пререканій всѣхъ мамашъ?!

Вдали отъ общества онъ мало-по-малу утрачивалъ свою свѣтскость, отказывался отъ приглашеній, уклонялся отъ всякаго долга вѣжливости. Онъ не соизволилъ даже отправиться на первый «понедѣльникъ императрицы»,—важное нарушеніе этикета... Встревоженный и опечаленный отецъ время-отъ-времени дѣлалъ ему ласковые упреки. Но единственнымъ отвѣтомъ со стороны Марселя было безмолвное пожиманіе плечами. За то работалъ онъ со страстью. Благодаря посредничеству отца, долгое отсутствіе его изъ государственнаго совѣта было ему прощено. Послѣ весьма снисходительнаго внушенія со стороны всегда краснорѣчиваго Бароша, виконтъ Бенардъ снова взялся за свои обязанности аудитора, на сей разъ весьма исправно посѣщая всѣ засѣданія и весьма ревностно занимаясь докладами.

Каждое утро, около одиннадцати часовъ, являлся онъ подъ своды дворца d'Orsay, для дальнѣйшаго слѣдованія въ свое отдѣленіе, помѣщавшееся въ длинномъ массивномъ, торжественномъ залѣ, декорированномъ широкими живописными панно, прославлявшими добродѣтели старыхъ приказныхъ—вѣрноподданичество нѣкоего Ахиллеса де-Гаргея, выглядывавшаго настоящимъ молодцомъ изъ-подъ кинжаловъ лиги; добросовѣстность Матвѣя Моле, волочащаго свой горностай незапятнаннымъ по баррикадамъ фронды... Съ высоты скамеекъ, гдѣ возсѣдалъ совѣтъ, Марсель наблюдалъ за суетой адвокатовъ передъ перилами суда и за проявленіемъ ихъ меркантильной тревоги. Въ комитетѣ часто устраивались любопытныя состязанія. Съ одной стороны на сцену являлся

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пылкій Маршанъ, маленькій совѣтникъ, плотный, дородный коротышъ, съ краснымъ лицомъ, умный и остроумный, съ большими глазами подъ большими очками, притомъ фантазеръ, чуть не ересіархъ въ этомъ святилищѣ административной Ѳемиды. Съ другой — безстрастный г. Булатинье, съ торжественными жестами и языкомъ оратора, пуристъ, обдающій презрѣніемъ всѣ новшества, отстаиваемыя его коллегой. Въ положеніи простого аудитора Марсель не могъ принимать участіе въ этихъ геройскихъ стычкахъ. Но на интимныхъ засѣданіяхъ онъ дѣлалъ неоднократные доклады объ административной всесторонне-разслѣдованной неурядицѣ. Съ той поры онъ сталъ превосходнымъ служакой. Президентъ Буде, вообще не отличавшійся особенной чувствительностью, ощутилъ приливъ нѣжности къ этому молодому коллегѣ, какъ прекрасному дѣльцу. Онъ прозрѣвалъ въ немъ генія словопренія и предсказывалъ ему блестящую будущность. «Эге! Этотъ юный Бенардъ, это носитель священнаго огня, воспламенявшаго Жерандо и Макарелей! Какимъ превосходнымъ докладчикомъ обѣщаетъ онъ сдѣлаться въ будущемъ! Этотъ молодой человѣкъ пойдетъ далеко!»

Въ ожиданіи всего этого онъ не шелъ никуда, или вѣрнѣе шелъ только туда, куда влекли его прихоти, его фантазіи.

Съ наступленіемъ ночи, по закрытіи засѣданія государственнаго совѣта, Марсель выходилъ однимъ изъ послѣднихъ, всегда въ одиночествѣ. Затѣмъ онъ предпринималъ самую необычайную прогулку. Двигаясь вдоль набережныхъ Сены, онъ углублялся въ мрачныя пустыри, которыя тянутся по направленію Grenelle'я. Зимній январскій вѣтеръ кусалъ ему лицо, снѣгъ крутилъ вокругъ него свои хлопья; а онъ, ничего не чувствуя, все шелъ и шелъ, безпорядочно, неистово шагая впередъ и впередъ... По временамъ онъ наклонялся надъ крутымъ берегомъ рѣки, какъ бы прислушиваясь къ шороху льдинъ, какъ бы приглядываясь къ опущенному снѣгомъ ледоходу. Какимъ взоромъ провожалъ несчастный это теченіе по направленію къ пропасти!

Достигнувъ Іенскаго моста, онъ переходилъ рѣку и попадалъ передъ темной массой Трокадеро. Этотъ уголокъ Парижа,—въ то время пустырь, пользовавшійся дурной славой,—являлъ собою не что иное, какъ складъ чудовищныхъ скалъ, сбродъ тощихъ кустарниковъ и грязнаго хвороста. Въ этомъ мѣстѣ удивительный путникъ замедлялъ свои шаги. Измученный, бросался онъ на скамью и точно въ состояніи галюцинаціи, оставался неподвиженъ. Взоры его обращались къ высотамъ Пасси; онъ созерцалъ предмѣстье, мало-по-малу выяснявшееся сквозь рыжеватую изморозь. Затѣмъ вдругъ онъ вскакивалъ съ своего мѣста, убѣгалъ и, запыхавшись, возвращался къ себѣ. При видѣ его, отецъ горестно покачивалъ головой, а Марія-Анна утирала слезы. Самъ онъ не замѣчалъ ни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чего и за семейную трапезу приносилъ съ собой лишь взрывы зловѣщей веселости или безмолвіе унынія.

Однажды вечеромъ, онъ пересѣкъ-таки этотъ Трокадерскій пустырь и спустился вдоль Сены до первыхъ коттэджей Auteuil'я. Тутъ озираясь посреди затерянныхъ кварталовъ, онъ сталъ подниматься по Буленвильерскому косогору и на трети подъема повернулъ направо. Передъ нимъ открылась таинственная аллея, окаймленная загородными виллами,—это была улица des Jardins, представлявшая собою переулокъ, извивавшійся посреди деревьевъ и полисадовъ.

Почти въ началѣ таинственной аллеи возвышался павильонъ, въ стилѣ Людовика XVI, красивенькій «загородный домикъ» послѣдняго столѣтія, «бездѣлушка», годная для галантныхъ «rendez-vous».

Марсель замедлилъ шаги и сталъ всматриваться, застывъ на своемъ мѣстѣ... Тутъ прошедшей весной скрывалась она... «Она», «та»... тутъ они впервые обмѣнялись взаимными поцѣлуями!

Домъ казался пустымъ, мертвымъ, подобно ихъ бѣдной прошлогодней любви. Двери его были заперты и ставни закрыты; ни малѣйшаго звука, ни свѣта: запущенность тяготѣла въ настоящій моментъ надъ «сельскимъ домикомъ», и снѣгъ, капля за каплей таявшій съ его кровли, казалось, также проливалъ слезы... Марсель, весь въ поту, вглядывался въ эту ночь.

О, какъ хорошо была знакома ему эта проклятая обитель—вся, вся!.. Вотъ тамъ стѣна, окутанная плющемъ, черезъ которую онъ отважился перелѣзть однажды вечеромъ—въ первый вечеръ, когда Розина отдалась ему почти безъ сопротивленія. За стѣной находилась большая лужайка, окаймленная сиренями. Какіе раздражающіе ароматы распространялъ этотъ садъ въ ту майскую ночь, сплошь благоухавшую весной! И какое волненіе испытывалъ ты, Марсель, въ твоей душѣ и въ твоемъ тѣлѣ, когда какъ тать пробирался по газонамъ, покрытымъ въ то время цвѣтущими бѣльцами!.. На rez-de-chaussée балконная дверь гостиной была открыта. Лампа освѣщала комнату своими перламутровыми отблесками, и въ этой комнатѣ, небрежно раскинувшись, находилась Розина, прелестная въ своемъ траурномъ нарядѣ, съ книгой на колѣняхъ... Но взоръ ея затерывался въ пространствѣ, душа унеслась въ мечтѣ... Онъ вошелъ. Она вскрикнула и поднялась съ своего мѣста... совсѣмъ блѣдная. «Вы!.. вы!..» Своими руками онъ схватилъ ея руки, вытягивая голову, съ цѣлью сорвать поцѣлуи. Она противилась, откидывалась назадъ: «Оставьте меня!.. нѣтъ, нѣтъ... состраданія ради, оставьте меня!» А въ концѣ концовъ: «Ахъ, злой... Ахъ, милый!..» Затѣмъ все смолкло, а затѣмъ наступило ощущеніе ужаленія взаимными поцѣлуями.

Цѣлыхъ три мѣсяца такимъ образомъ наслаждались они, въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полнѣшей тайнѣ; съ наступленіемъ сумерекъ она отворяла окно любовнику; онъ каждую ночь, трепетный, прокрадывался на rendez-vous... А нынѣ... Нынѣ, о презрѣнная! похитительница любви! отравительница сердца! подлая! куртизанка!

Однимъ прыжкомъ Марсель очутился у дома. Онъ поднялъ стукольце и ударилъ нѣсколько разъ. Удары прозвучали похоронно; эхо повторило ихъ въ отдаленіи; но ничто не шевельнулось въ этой замкнутой обители... Онъ повторилъ стукъ еще и еще разъ... Никого!.. Значитъ, она, эта женщина, уѣхала изъ Парижа! Уѣхала, исчезла безвозвратно!.. «Ахъ, какой же я подлецъ!..—пробормоталъ покинутый любовникъ, съ угрожающимъ жестомъ вытягивая кулакъ.—Да, истинный подлецъ, дѣйствительно, бѣдный «одержимый» любовью, двадцать разъ уже ты тщетно стучался въ этотъ безмолвный домъ,—забывая послѣднюю свою неудачу, на другой день приходилъ къ нему снова.

Въ этотъ день однако домъ казался обитаемымъ. Ставни его были открыты, огни мелькали взадъ и впередъ во всѣхъ этажахъ. Кто же скрывался за этими стѣнами?

Совершенно такъ же, какъ и накунунѣ, Марсель подбѣжалъ ко входу и тряхнулъ стукольцемъ. Прошла долгая минута ожиданія. Наконецъ калитка, продѣланная въ створчатой половинкѣ, пріотворилась и грубый голосъ спросилъ:

— Вамъ что̀ нужно?

Имя княгини де Карпенья готово было сорваться съ устъ молодого человѣка... Однако, онъ не рѣшался произнести его, на него напала какая-то необычайная робость.

— Кому принадлежитъ этотъ замокъ?—поинтересовался онъ.

— Г. барону Ла-Шене,—отвѣтилъ голосъ, и калитка немедленно закрылась.

Передъ этой наглухо запертой дверью Марсель остался стоять, какъ дуракъ...

«Ла-Шене! Такъ это онъ, значитъ, купилъ этотъ коттэджъ? Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ видѣть Розину, говорить, договариваться съ ней... Ахъ, еслибъ можно было спросить его!..»

И Марсель постучалъ снова.

На этотъ разъ никто не отозвался на его стукъ. Въ концѣ прохода, по всему вѣроятію, привлеченныя шумомъ, показались какія-то неясныя тѣни, силуэты людей: улица des Jardins не была уже такою пустынною, какъ наканунѣ.

На Auteuil'ской церкви пробило семь часовъ. Отдаленныя вибраціи часовъ внезапно привели въ себя нашего мечтателя!..

Онъ пустился въ обратный путь и стремглавъ бросился по направленію къ Парижу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IX.

Посланіе отъ г. Лазара.

Когда Марсель очутился наконецъ въ Бретёльскомъ авеню, съ неба начала сѣять острая изморозь. Въ этотъ суровый вечеръ, да еще въ безлюдныхъ кварталахъ Марсова Поля, онъ не могъ найти ни одной кареты, и добрался до дому очень поздно.

Въ этотъ глухой часъ ночи улица, едва освѣщенная нѣсколькими, широко разставленными одинъ отъ другого фонарями, была почти пуста. Каждый спѣшилъ добраться до своего жилья, и бѣгущія тѣни запоздалыхъ прохожихъ быстро мелькали въ густомъ туманѣ.

Но передъ домомъ Бенарда сидѣлъ человѣкъ, который, казалось, дремалъ. Онъ примостился на скамьѣ, склонивъ голову подъ проливнымъ дождемъ и сгорбивъ уже заиндѣвѣвшую спину. По всей вѣроятности, это былъ какой-нибудь гуляка.

Продолжая бѣжать, Марсель прошелъ мимо него и взялся уже за звонокъ своей двери, когда услышалъ, что его назвали по имени:

— Господинъ виконтъ!

Въ то же время дремавшій всталъ и подошелъ къ нему.

— Господинъ виконтъ Бенардъ?

— Я самый и есть.

— Я зналъ, что вы отсутствовали изъ дома, и поджидалъ вашего возвращенія.

Марсель пытливо оглянулъ незнакомца, располагавшаго такими подробными свѣдѣніями объ его особѣ.

Это былъ забулдыга лѣтъ сорока, съ черной бородой, съ нечесанной головой, въ костюмѣ парижскаго комисіонера—въ синемъ бархатномъ камзолѣ и въ картузѣ изъ выдры.

— Что вы желаете, любезнѣйшій?

— Сударь, я принесъ вамъ небольшой сувениръ.

— Сувениръ?—повторилъ Марсель, пораженный странностью этихъ словъ.

— Да, посылка отъ г. Лазара.

— Я совсѣмъ не знаю г. Лазара.

— Нѣтъ; да онъ-то васъ хорошо знаетъ.

Марсель продолжалъ разглядывать своего собесѣдника. Гдѣ это прежде онъ видѣлъ эту фигуру? Память не подсказывала ему никакого имени, а между тѣмъ онъ навѣрное гдѣ-то встрѣчалъ эту густую бороду и эти всклокоченные волосы. Гдѣ же это?.. на какомъ распутьѣ? у дверей какого ночного ресторана? Какой-то иностранецъ—акцентъ выдавалъ его на каждомъ словѣ—какой-нибудь корсиканецъ, пожалуй, итальянецъ!..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Безумныя мысли начали овладѣвать имъ; жаркое и тревожное волненіе охватывало его.

— Войдемъ ко мнѣ,—проговорилъ онъ.

Тотъ загородилъ ему дорогу.

— Не стоитъ входить, сударь... Все равно вы сейчасъ же выйдете обратно!

И подавая завязанный ящичекъ, онъ присовокупилъ:

— Возьмите... Тутъ «миръ сердца»!

Эта фраза романса была произнесена такимъ страннымъ тономъ, что Марсель задрожалъ... Миръ его сердца! Ахъ! кто этотъ сантиментальный шутникъ, который такъ читалъ въ его душѣ?.. Сильно заинтересованный, онъ махнулъ рукой:

— Я небольшой охотникъ до злыхъ шутокъ, любезнѣйшій; для науки злымъ шутникамъ при мнѣ имѣется трость... Ну, дайте сюда!

Онъ взялъ ящичекъ, подошелъ къ фонарю и рѣшительно сорвалъ веревки.

Сверху оказалась бумажная упаковочная обертка, порванная имъ мгновенно; подъ нею деревянная шкатулка, тщательно запечатанная. Печати разсыпались вдребезги. Вскрывъ шкатулку, Марсель мучительно вскрикнулъ. На днѣ ея лежалъ завядшій букетъ шиповника...

Марсель искалъ объясненія, наклонивъ лицо свое къ пожелтѣвшимъ вѣнчикамъ... Роза съ кустарниковъ! дикій шиповникъ! Цвѣтокъ, которымъ предпочтительно украшала себя «эта женщина!» Эмблема ея имени, по ея словамъ. Предлогъ для громкихъ фразъ комедіантки!..

И влюбленный загрезилъ снова. Снова въ близкомъ прошломъ представился ему замокъ Сассевилль, безропотная тѣнь его платановъ, высокая стѣна въ зелени, кустъ шиповника и среди шиповъ и закраснѣвшей зелени—скромный кустъ розочекъ, распустившихся на осенней прохладѣ... И тамъ же, на пурпуровомъ золотѣ вечера выдѣлялся передъ нимъ граціозный и легкій силуэтъ его «возлюбленной»... Вотъ она подошла къ кустарнику, сорвала съ него зазябшіе цвѣточки, напечатлѣла на нихъ поцѣлуй и подала ихъ своему милому: «Возьми эти цвѣты, Марсель; у твоей Розины одинаковое съ ними имя и, какъ они, душа ея дика... Въ минуты твоей слабости, если когда-нибудь, бѣдный другъ, ты спознаешься съ горемъ, взгляни на нихъ, они велятъ тебѣ любить, любить неизмѣнно...» О, эти воспоминанія о лживыхъ клятвахъ! о жгучести предательскихъ поцѣлуевъ! о неутомимомъ мученьѣ, о счастьѣ прошедшемъ безвозвратно!

Острая боль проникла въ его сердце; призракъ привелъ его въ ужасное волненіе.

— Это кто прислалъ мнѣ?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я доложилъ уже вамъ: г. Лазаръ.

— Гдѣ же живетъ вашъ г. Лазаръ?

— Я явился сюда, чтобы провести васъ къ нему.

— Что ему отъ меня нужно?

— Онъ самъ скажетъ вамъ объ этомъ.

Одинъ моментъ Марсель оставался въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, не сегодня вечеромъ. Приходите завтра.

Таинственная личность покачала головой и многозначительно замѣтила:

— Завтра будетъ слишкомъ поздно!.. Г. Лазаръ умираетъ, а на совѣсти его тяготѣетъ страшная тайна.

— Ахъ!.. я начинаю понимать.

— Нѣтъ, нисколько, сударь!.. Отправимтесь же поскорѣе.

Сынъ графа Бенарда продолжалъ еще колебаться... тотъ наклонился къ нему:

— Съ вами, сударь, желаютъ переговорить о «ней»!

«Она!..» На сей разъ любовное безуміе взяло верхъ надъ разсудкомъ. Обернувшись къ подателю таинственнаго букета, онъ пробормоталъ:

— Ѣдемте!.. я слѣдую за вами.

Они немедленно отправились.

По Эспланадѣ проѣзжала пустая карета, въ которую они и усѣлись.

— На Монмартръ,—распорядился незнакомецъ.—Площадь св. Петра, въ концѣ Церковной улицы.

X.

Господинъ Лазаръ.

Это былъ гадкій переулокъ, отвѣсный откосъ, лѣпившійся среди пустопорожнихъ мѣстъ песчаныхъ залежей. Подошва подъема была окутана туманами, носившимися надъ перекресткомъ св. Петра, а вершина терялась въ тѣни старой Монмартрской церкви. На самой верхушкѣ этой кручи одиноко стоялъ домъ, представлявшій собою зданіе въ пять этажей, съ штукатуркой, ужаснѣйшаго вида. Нѣсколько огней, въ видѣ красноватаго пламени свѣчей то тамъ, то сямъ пронзали его зловѣщій мракъ,—настоящій вертепъ.

— Ессо!—воскликнулъ провожатый Марселя.—Мы пришли. Вы спросите комнату синьоры Юліи Негри,—тамъ и живетъ господинъ Лазаръ. Я ухожу; я свое дѣло сдѣлалъ.

И онъ спустился съ откоса, оставивъ своего спутника въ одиночествѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Марсель, безъ малѣйшаго колебанія, вошелъ въ убогую обитель. Здѣсь прежде всего онъ наткнулся на узкій, смрадный, сырой коридоръ; въ концѣ этого вязкаго прохода, подъ клѣткой лѣстницы, находилась комната привратника.

— Комната г-жи Юліи Негри?

Въ этой комнатѣ, наклонившись надъ своимъ портняжнымъ столомъ, привратникъ-портной штуковалъ лохмотья. При имени г-жи Негри, онъ быстро поднялся и предсталъ предъ лицомъ посѣтителя.

— Вы пришли, навѣрное, къ верхнему гражданину. Не стоитъ вамъ надсаживать себя и взбираться! По всей вѣроятности, онъ уже умеръ... Во всякомъ случаѣ, онъ живетъ въ пятомъ этажѣ, третья дверь налѣво по коридору.

Вслѣдъ за тѣмъ штуковальщикъ рубища вернулся въ свою кануру и снова принялся за свою работу.

Марсель Бенардъ началъ подниматься по пыльной лѣстницѣ, представлявшей собою глухую спираль, неустойчивую, до крайности узкую и крутую. Все освѣщеніе заключалось въ огаркѣ, разливавшемъ свою копоть на первыя ступени. Но начиная со второй площадки была непроглядная темь. Вскорѣ онъ долженъ былъ остановиться. Шаги его были тяжелы, тяжелѣе его думъ... Что онъ будетъ дѣлать у г. Лазара? Потребуетъ объясненія всей этой таинственности? Какое безуміе! Ну, такъ что же,—пускай это безуміе! онъ желаетъ знать, и онъ узнаетъ! Кто же прислалъ ихъ, эти цвѣты, благоухающіе столькими воспоминаніями? Что̀ обозначалъ этотъ букетъ шиповника? Выраженіе сожалѣнія... раскаянія? Желаніе новаго свиданія?.. Новое свиданіе! Ахъ-ахъ! комедіантка! дѣйствительно достойно смѣха!

Онъ снова сталъ подниматься.

Въ пятомъ этажѣ былъ полнѣйшій мракъ. Желая ориентироваться въ этой неизвѣстности, Марсель нащупалъ стѣну. Никакого намека. На удачу, онъ стукнулъ нѣсколько разъ кулакомъ; наконецъ,—крикнулъ...

Въ ту же минуту открылась одна дверь, и пожилая женщина, со свѣчей въ рукахъ, пытливымъ взоромъ окинула глубь коридора... Эта старуха въ итальянскомъ костюмѣ, въ пурпуровой юбкѣ, въ бархатномъ корсажѣ, съ шемизеткой изъ крашенаго полотна, должно быть, и есть Юлія Негри, какая-нибудь натурщица... мелькнуло въ головѣ Марселя.

— Вамъ кого угодно?

— Синьору Негри.

— Это я.

— Можно ли видѣть г. Лазара?

Женщина сложила руки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Видѣть?.. Ахъ, Господи Іисусе Христе! Да, скоро онъ предстанетъ передъ лицо Милосердаго Творца!

Она остановилась.

— Кажется, онъ зоветъ... Подождите, я вернусь.

Она заперла дверь, оставивъ посѣтителя въ непроглядномъ мракѣ.

Безпредѣльный ужасъ, смѣшанный со стыдомъ, мало-по-малу овладѣвалъ имъ. «Какъ неужто онъ намѣренъ быть свидѣтелемъ этой агоніи? Какой позоръ!.. Да, убирайся же, бѣги скорѣе отсюда, безумный паяцъ! Неужто ты не видишь, что тебя мистифицируютъ? неужто для тебя не ясно, что ты готовъ попасть въ ловушку?.. Ну же, вонъ отсюда! да не мѣшкай!..»

Тѣмъ не менѣе онъ не уходилъ... «А вдругъ случайно, этотъ умирающій владѣетъ секретомъ,—тайной, отъ которой зависятъ твой покой и твоя жизнь, Марсель!..» И, затаивъ дыханіе, во тьмѣ этого зловоннаго узкаго коридора, онъ продолжалъ стоять, въ ожиданіи... Наконецъ, старуха возвратилась и знакомъ пригласила его подойти поближе.

— Войдите, сударь. Padrone непремѣнно желаетъ видѣть васъ... Ma, oh, ma, il povero!

И слова ея, жесты, выраженіе ея лица, вся итальянская ея мимика, все свидѣтельствовало, что этому Лазару приходилось очень плохо. Она скромно стала къ сторонкѣ, чтобы дать дорогу: Марсель вошелъ.

Низенькая, отвратительная комната, въ которой очутился Марсель, была пропитана всевозможнымъ зловоніемъ нищеты. Сквозь потрескавшій потолокъ ея, расколовшійся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, просвѣчивалъ гонтъ крыши; во время бури, дождь и снѣгъ навѣрное просачивались въ это логово. Все говорило здѣсь о голодѣ; загнившая бумага, пропитанная плѣсенью, слуховое окно, вмѣсто стеколъ,—заткнутое тряпками, рваный соломенный тюфякъ, валявшійся на полу въ пыли,—ясное дѣло, что голодъ былъ нерѣдкимъ гостемъ въ этой обители... Не смотря на это, триповый коверъ, разложенный на полу, щеголялъ своими поблекшими красками,—являясь странной роскошью среди этой крайней нищеты. Быть можетъ, это былъ остатокъ прежней пышности, или вѣрнѣе, коверъ этотъ служилъ залогомъ трогательнаго вниманія Негри къ этому г. Лазару, таинственному ея патрону. Великолѣпная орѣховая кушетка, покрытая стеганнымъ одѣяломъ, должна была изображать постель больного. Что же касается женщины, то, по всей вѣроятности, она довольствовалась грязной подстилкой, брошенной на полу.

Едва освѣщенная лампой съ абажуромъ, канура эта въ данную минуту представлялась полутемной. У печки, въ креслѣ, дремалъ человѣкъ. Это былъ дряхлый сѣдой старикъ, завалившійся самъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на себя. Тяжелое, отрывистое дыханіе его съ свистомъ, среди тишины производило звуки, напоминавшіе собою хрипъ въ моментъ агоніи.

При скрипѣ двери, больной, повидимому, проснулся. Онъ выпрямилъ спину и очень слабымъ голосомъ произнесъ:

— Подойдите же, виконтъ, любезный другъ мой, подойдите, добро пожаловать!

Марсель двинулся прямо по направленію къ говорившему, вглядѣлся въ него и удивленно воскликнулъ:

— Вы!

Онъ узналъ князя де Карпенья.

Беззвучный смѣхъ всколыхалъ тѣло больного:

— Да,—сказалъ онъ,—я!.. Забавное приключеніе, не правда ли?.. мертвецъ, возставшій изъ гроба, спустя годъ послѣ своей кончины!.. Лазарь, гряди вонъ, и князь Карпенья вышелъ изъ гроба!.. Присядьте-ка, любезнѣйшій; у насъ съ вами есть кое о чемъ побесѣдовать, взаимно... Тьфу, пропасть! вы разглядываете меня съ такимъ же ужасомъ, какъ будто бы вы были Донъ-Жуанъ передъ статуей командора.

Жестокій кашель съ удушьемъ прервалъ его предсмертное балагурство. Онъ протянулъ руку къ лекарственному напитку, стоявшему около его кресла, и выпилъ нѣсколько глотковъ.

— Здоровье умирающихъ!—замѣтилъ онъ...—миланскій рецептъ, чудесное изобрѣтеніе знаменитаго Верга... Желаете попробовать?

Онъ снова засмѣялся своимъ беззвучнымъ, замогильнымъ смѣхомъ.

— Надѣюсь, виконтъ, вы простите мнѣ постыдную мою обитель,— я не имѣлъ возможности запастись другою. Помимо того, благородная женщина, охотно дающая мнѣ пристанище, — такое достойное существо, моя соотечественница, точно также обожающая нашу несчастную Италію... Да, добрая моя Юлія, мы странствуемъ съ ней, разсѣевая прахъ нашъ по всѣмъ странамъ изгнанія, но дыханіе вѣтра переноситъ души наши въ отечество; тамъ любезные сыны его вдыхаютъ насъ, и святая ненависть отцовъ возгорается въ дѣтяхъ. Простите мнѣ, господинъ парижанинъ, этотъ лирическій порывъ, какъ сказали бы великіе люди вашихъ маленькихъ газетъ,— увы! мы, страждующіе, всегда бываемъ лириками!.. А на чемъ я остановился?.. Нѣтъ, князь Карпенья не можетъ принять васъ во дворцѣ: онъ скрывается... или вѣрнѣе, онъ умеръ... Во всякомъ случаѣ, г. Лазаръ очень осчастливленъ вашимъ посѣщеніемъ.

Послѣ краткой паузы онъ съ трудомъ подвинулся къ Марселю и, наклонившись къ нему, произнесъ:

— Наша красавица Розина въ Парижѣ... Угодно вамъ опять свидѣться съ ней?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Марсель невольно сдвинулъ плечами, но не отвѣтилъ ни слова.

— О, я угадываю! — продолжалъ старикъ, — я даже читаю въ глубинѣ вашего сердца. Вы думаете: этотъ князь Карпенья, какой онъ злой шутъ, какой подлецъ!.. Вы ошибаетесь, сударь. Мое счастье, такое, какъ я его понимаю самъ, во всякомъ случаѣ, стоитъ вашего; что же касается до моей нравственности, то меня нисколько не интересуетъ, что бы ни подумали о ней буржуа вашей Франціи!.. Впрочемъ, я бы и не побезпокоилъ васъ такъ рано; я бы даже охотно отложилъ это. Но смерть, съ которой я вздумалъ помѣриться, долѣе ждать не согласна. Она давитъ, душитъ меня. Это послѣдствія нѣкоторой, хорошо извѣстной вамъ раны, дѣла вашихъ рукъ— господинъ, прекрасно владѣющій пистолетомъ! И вотъ, передъ смертью я пожелалъ осчастливить одного человѣка, именно васъ!.. И такъ, наша милѣйшая Розина въ Парижѣ. Скажите, желаете ли вы ее видѣть?

Съ нимъ сдѣлалось опять головокруженіе, и пальцы его потянулись за миланской лекарственной жидкостью, изобрѣтеніемъ знаменитаго Верга... Пораженный такимъ цинизмомъ, Марсель безотвѣтно слушалъ, въ страшномъ томленьѣ, наконецъ-таки онъ узнаетъ!..

Нѣсколько минутъ прошло въ такомъ положеніи. Кризисъ и на этотъ разъ обошелся благополучно... Фамильярнымъ жестомъ Лазаръ хотѣлъ схватить молодого человѣка за руку, потомъ отстранился съ гадливостью.

— Какая очаровательная женщина наша красавица Розина!— началъ снова князь де-Карпенья... — богиня съ очами Венеры и шевелюрой Юноны! съ блестящимъ умомъ, сочиняющая мадригалы почище Дезульеръ, владѣющая прозой въ родѣ самой Севинье!.. Да, но она очень бѣдна... Кто-то въ данный моментъ оплачиваетъ ея роскошь и засыпаетъ драгоцѣнностями эту мадонну лоретокъ? О, повѣрьте, что это не я! Не вы ли это, какънибудь случайно, милѣйшій?.. Бога ради не теребите вы такъ вашу перчатку! Насиліе надъ умирающимъ было бы подлостью, а вы не подлецъ, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю... Скажите же, кто такъ роскошно содержитъ вашу Розину?

И каждое слово его, произносившееся почти шопотомъ, прерывалось приступами кашля, удушья, продолжительнымъ молчаніемъ, зловѣщимъ зубоскальствомъ,—это было отвратительно.

Не смотря на всесильное миланское лекарство, больной быстро слабѣлъ; рѣчь его становилась менѣе ясною, дыханіе прерывистѣе. Вскорѣ не оставалось сомнѣнія, что еще одинъ обморокъ, и наглая глотка его закроется на вѣки, и этотъ борецъ съ агоніей получитъ свое возмездіе...

Онъ, повидимому, собралъ всю свою энергію, какъ будто бы для того, чтобы произвести послѣдній приступъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ уже годъ,—заговорилъ онъ,—какъ я умеръ для всѣхъ. Позоръ моей вдовы не могъ бы коснуться меня здѣсь, въ этой могилѣ, въ которой каждый считаетъ меня погребеннымъ; честь моя, какъ мужа, незапятнана!.. Но вы, сударь, вы, публично считавшійся любовникомъ этой женщины; вы, который жилъ съ ней передъ лицомъ всего Парижа; вы, котораго побѣгъ ея приводитъ въ отчаяніе, убиваетъ... каковы ваши намѣренія?

Марсель Бенардъ всталъ, весь дрожа.

— Довольно!.. я не желаю понимать!

Старикъ выпрямился и, на этотъ разъ, схвативъ его за руку, продолжалъ:

— Ахъ, такъ вы не желаете понять!.. Такъ вамъ ничего неизвѣстно, непорочный юнецъ... ничего, ничего!.. Такъ вы не вѣдаете, какой гнусный шутъ пятнаетъ теперь ваше имя!.. А-ха-ха!.. Пока вы, несчастный глупецъ, рыскали по Европѣ въ погонѣ за этой женщиной, она себѣ спокойно проживала въ Парижѣ... съ другимъ... новымъ любовникомъ... любезнымъ ей на сей разъ.

— Имя этого человѣка!

— Ищите сами, красавчикъ!.. Какъ они издѣвались надъ вами, эти наглецы!.. Вы являлись для нихъ гротескомъ, гороховымъ чучеломъ, предметомъ гомерическаго хохота!.. Милосердый Боже! не имѣть за плечами и тридцати лѣтъ и уже служить знаменитымъ patito, Сганарелемъ... Ахъ-ха-ха! Вамъ не угодно понять, да въ эту самую минуту, когда я съ вами тутъ бесѣдую, ваша Розина и тотъ, другой — на любовномъ rendez-vous!.. Да, другой!.. Другому отнынѣ достаются сладкія рѣчи и ласки; другому — поцѣлуи; другому — трепетъ тѣла; другому... Какъ вы блѣдны, бѣдняжка! Скажите, вы все еще отказываетесь отъ новаго свиданія съ нею? Ужъ не боитесь ли вы... Ахъ, пустите меня, вы мнѣ дѣлаете больно!

Въ бѣшенномъ порывѣ, Марсель бросился на старика и, схвативъ его за плечи, началъ яростно потрясать его.

— Негодяй!.. Негодяй!.. О, ты вѣренъ своей странѣ: не смѣя ударить самъ отъ себя, ты заставляешь бить другихъ!

Но не отвѣчая на это оскорбленіе, тотъ продолжалъ:

— Сегодняшнюю ночь, слышите?.. Вмѣстѣ! понимаете!.. Въ Пасси!.. въ извѣстномъ вамъ домѣ!.. Да отправляйтесь же! бѣгите туда, сударь!.. да вооружитесь!

Своими пальцами, ногтями онъ впился въ таскавшія его руки, и позволяя волочить себя по комнатѣ, въ то же время продолжалъ издѣваться и хрипѣть:

— Вооружитесь!.. Убейте или васъ убьютъ!.. Пасси!.. домъ... садъ... внизу... она, онъ... и... и...

Вдругъ руки его разжались, онъ вскрикнулъ и повалился на земь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На шумъ этого паденія прибѣжала Негри, стоявшая на-слуху.

— Умеръ!—воскликнула она.—Онъ умеръ благородный князь, святой мученникъ за свою отчизну!

Она испускала жалобныя стенанія, обращаясь къ неподвижному трупу съ отчаянными возгласами:

— Зачѣмъ ты умеръ, не узрѣвъ снова своей родины? Отчего не дождался возрождающагося дня, близкой зари свободы!

Между тѣмъ, съ помощью Марселя Бенарда, итальянка уложила князя де-Карпенья въ комнатѣ на коврѣ. Засвѣтивъ свѣчу, она поставила ее, какъ восковую, около лица, подернутаго конвульсіями, затѣмъ стала сама на колѣни...

Онѣмѣвъ отъ изумленія, пригвожденный ужасомъ этого кошмара, Марсель не двигался съ мѣста, не осмѣливаясь уйти. Онъ поджидалъ возвращенія къ жизни, прислушивался къ послѣднему звуку его голоса, высшему проявленію этого человѣконенавистничества...

Женщина взяла священную книгу и, распростершись, произносила литаніи Пресвятой Дѣвѣ:

«Virgo clemens, Virgo virginum, ora pro nobis!»

Де-Карпенья еще дышалъ, но сознаніе не возвращалось, хрипѣніе его становилось слабѣе и слабѣе съ каждой минутой. Время шло; на улицѣ, въ церкви Монмартра часы пробили одиннадцать.. А въ погребальномъ ужасѣ этой комнаты молитвенныя литаніи не переставали возноситься къ Матери Милосердія:

«Врата небесъ!.. Убѣжище грѣшныхъ, молись о насъ!»

Странное дѣло! При каждомъ такомъ прошеніи вытянутое тѣло колыхалось, подергиванія приводили руки въ содроганіе. Эти движенія производили впечатлѣніе жестикуляцій въ моменты гнѣва... Вдругъ Негри прервала свою молитву; быть можетъ, ее осѣнило?

Наклонившись надъ агонизировавшимъ, она приподняла его голову и, на подобіе няньки, стоящей у изголовья засыпающаго ребенка, наивно принялась напѣвать...

Она печально пѣла веселую пѣсенку, романсъ, пользовавшійся популярностью по всей Италіи, канцонетту венеціанскаго веселья тѣхъ дней, когда Венеція имѣла возможность веселиться: «Мама, мама! люби меня, люби меня!»...

Вдругъ умирающій повернулъ голову, снова открылъ глаза и губы его зашевелились:

— Dio!—пролепеталъ онъ...—Dio mio, tu patria!

Затѣмъ голова его снова упала; послѣдовалъ тяжелый вздохъ, и все было кончено!... Видъ его былъ ужасенъ,—зіяющія уста, казалось, продолжали еще испускать взрывы хохота, а его большіе неподвижные глаза, исполненные ненависти, продолжали попрежнему грозиться.

Нѣтъ, смерть ни чуточки не желала ждать, она быстро, нетер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пѣливо оборвала его извѣты. Ни единаго слова навѣта не могло болѣе исторгнуться изъ его устъ. Лазаръ унесъ въ могилу цѣлую половину своей тайны...

Въ ужасѣ, внѣ себя отъ бѣшенства, Марсель Бенардъ бросился вонъ изъ этой комнаты и ея безмолвной мерзости.

XI.

Улица Садовъ.

Теперь онъ шелъ медленнѣе, и столь же замедленнымъ шагомъ шествовалъ около него образъ князя де-Карпенья. Добравшись до уличнаго бульвара, онъ опустился на скамью, и немедленно возсталъ передъ нимъ призракъ его воображенія: навѣтчикъ съ блѣднымъ лицомъ, въ агоніи, съ оскорбительнымъ смѣхомъ. И Марселю слышалось клокотаніе хрипѣнія, паденіе тѣла и въ особенности послѣднія слова, прерванныя агоніей: «Сегодняшнюю ночь... вмѣстѣ... въ домѣ... онъ... она!... Домъ?... Этотъ замокъ въ улицѣ des Jardins, который только-что убирали для галантнаго rendez-vous! Онъ... Этотъ гнусный Ла-Шене, конечно! Она... Ахъ, распутница!»

По временамъ, однако, проблескъ разума мелькомъ озарялъ мракъ этой измученной души. «Для чего этотъ старый Карпенья скрывался такимъ образомъ? Къ чему эта перемѣна имени и въ теченіе цѣлаго года эта комедія со смертью? Да, къ чему?»... «Ну чтожъ такое»,—поспѣшно отвѣчала страсть... «просто тайна, которой надо добиться, но это потомъ, завтра!... Онъ... она... вмѣстѣ... въ эту ночь!»

И, поднявшись, онъ снова двинулся въ путь. Пройдя кварталъ des Martyrs, онъ вскорѣ достигъ Монмартрскаго предмѣстья и улицы Le Peletier. Не смотря на прогудѣвшую полночь, улица эта была полна народомъ и очень шумна. Налѣво, при газѣ, сверкала маркиза старой оперы, гдѣ въ этотъ вечеръ, 13-го февраля, давался большой костюмированный балъ,— одно изъ тѣхъ благотворительныхъ празднествъ, на которыхъ, подъ предлогомъ богоугодныхъ дѣлъ, любовь къ ближнему занимается вакханаліей. Всѣ старушки «aux camélias» и разныя другія мраморныя дѣвы состояли тутъ патронессами и намѣревались пофигурять въ этомъ притонѣ.

Одинъ моментъ у Марселя Бенарда была мысль взять на прокатъ домино и окунуться въ разгаръ этой сутолоки... Само собой, можно было разсчитывать найти себѣ тамъ развлеченіе. Ахъ! забыться, уничтожиться тѣломъ и духомъ въ чаду какого-нибудь дебоша! Какъ-нибудь доканать эту ночь. Узрѣть, наконецъ, дневной разсвѣтъ!...

Нѣтъ... онъ прошелъ мимо и проникъ въ галлереи. Двойная галлерея оперы кишѣла шумной толпой; это были шелопаи и на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

№ 5-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ВЪ ФЕВРАЛѢ ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

А. Б. Въ чемъ искать счастья жизни? Кіевъ. 1891 г. Ц. 20 к.

Андреевскій, С. А. Защитительныя рѣчи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Андреяновъ, М. М. Сборникъ рѣшеній Гражд. Кассац. Деп—та Пр. Сената за 1889 г. въ выпискахъ и извлеченіяхъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Астыревъ, Н. Деревенскіе типы и картинки. Очерки и разсказы. М. 1889 г. Ц. 1 р. 20.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. IV. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бергманъ, Е. Хирургическое леченіе болѣзней головного мозга. М. 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Бересневъ, В. И. Руководство при устройствѣ нефтеотопленія паровыхъ котловъ. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: И. А. Крыловъ. Съ портретомъ. Спб. 1891 г. Ц. 25 к.

Бобрецкій, Н. Основанія зоологіи. Т. II. Кіевъ. 1891 г. Ц. 2 р. 75 к.

Борисъ, архимандритъ. Записки по пастырскому богословію. Вып. 2-й. Кіевъ. 1891 г. Ц. 40 к.

Борнгауптъ, Ф. К. Руководство къ хирургической патологіи Ч. II. Кіевъ. 1891 г. Ц. 2 р.

Бринкеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837), т. IV. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Б—скій, В. А. Сонъ подъ Новый годъ или моя бесѣда съ покойникомъ. Харьковъ. 1891 г. Ц. 30.

Бубликъ, В. Д. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. Изданіе 2-е, исправ. и дополн. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Булгаковскій, Д. Г. Пинчуки. Этнографическій сборникъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Булгаковъ, Ѳ. И. Новыя картины проф. И. К. Айвазовскаго, выставленныя въ залахъ Им. Академіи Художествъ 1891 г. Фототипическое изданіе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Бураковскій, С. З. Путеводитель по Новгороду и его окрестностямъ. Новгородъ. 1891 г. Ц. 50 к.

Веселовскій, Н. Иванъ Даниловичъ Хохловъ (Русскій посланникъ въ Персію и въ Бухару въ XVII вѣкѣ). Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Винкельманъ, І. І. Исторія искусства древности. Переводъ подъ редак. Г. Янчевецкаго. Ревель. 1890 г. Ц. 3 р.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Начата подъ редакц. Б. Ѳ. Корша. Продолжается подъ редакц. проф. А. Кирпичникова. Вып. XXV. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. Первая книжка разсказовъ. Издан. 5-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

* **Гете.** Разговоры, собранные Эккерманномъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Ч. I. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Голубевъ, А. А. Бродячая вольница. Хроника-романъ первой половины XVIII столѣтія. М. 1891 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Голубовъ, Н. Ѳ. д-ръ. Изслѣдованіе крови по методу Ehrlicha при питьѣ кумыса. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Горбуновъ. Новые учебные планы и примѣрныя программы мужскихъ гимназій и прогимназій. М. 1891 г. Ц. 50 к.

Греминъ, А. Б. Сторожиха и др. разсказы. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Гроссъ, Г. Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Одесса 1890 г. Ц. 50 к.

Грязновъ, И. П. Конспектъ торговаго права. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к.

— Конспектъ уголовнаго права. Кіевъ. 1890 г. Ц. 75 к.

— Конспектъ вексельнаго права. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к.

Денисьевскій, М. Гальваническіе сухіе элементы. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Доброе слово къ пчеловодамъ. Спб. 1891 г. Ц. 15 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Езерскій, Ѳ. В. Источники для изученія счетоводства (бухгалтеріи). Вып 2-й. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

— Мѣры къ подъему финансовъ. Вып. I. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

— Маленькія мѣры къ большому подъему народнаго благосостоянія. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Зерцаловъ, А. О мятежахъ въ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ. 1648, 1662 и 1771 гг. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Золя, Э. Человѣкъ-звѣрь. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Извѣстія Таврическій ученой архивной комиссіи. № 11. Симферополь. 1891 г. Ц. 1 р.

Календарь и справочная книжка для пчеловодовъ. Спб. Ц. 40 к.

Котовщиковъ, Н., проф. Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Т. 1, вып. 2-й. Изд. 2-е. значит. дополн. Казань 1890 г. Ц. 1 р.

Крюковъ, Н. А. Сельско-хозяйственныя опытныя станціи. М. 1891 г. Ц. 15 к.

— Сельское хозяйство на Казанской выставкѣ 1890 г. Ц. 10 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія въ одномъ томѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Макферсонъ, Дм. Поэмы Оссіана. Изслѣдованіе, переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Спб. Ц. 3 р.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. Вып. 5-й. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Михайловъ, А. Ртищевъ. Романъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мичикури, А. Статико-динамическое изслѣдованіе физической теоріи происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора родичей. М. 1890 г. Ц. 75 к.

М—чъ. Госпожа Роланъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А. Гарбель и К°. Вып. 10-й. М. 1891 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Научный обзоръ за 1890 г. Издан. журн. „Наука и Жизнь“. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вл. И. На литературныхъ хлѣбахъ. М. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к.

Носенко, Д. А. Уставъ вексельный, съ разъясн. по рѣшен. гражд. кассац., 4-го департаментовъ и общихъ собраній Прав. Сената. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

* **Озеровъ, Д. А.** Эдипъ въ Аѳинахъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ съ хорами.—Дмитрій Донской. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Издан. 2-е (Дешевая Библіотека.) Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Оршанскій, И. Г. Наши преступники и ученіе Ломброзо. Медико-психологическій очеркъ. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Пеленкинъ, А. Новый приборъ „Счеты сложныхъ процентовъ“. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Платоновъ, И. В., проф. Патріархъ Фотій 891—1891 г. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. VII. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Полянскій, І. Св. Записки миссіонера Вологодской епархіи. Вып. I. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Порфирьевъ, Иванъ Яковлевичъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи. Казань. 1891 г. Ц. 65 к.

Прессъ, А. А. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Рахмиловичъ, Е. Г. Краткій курсъ статистики. Изд. 2-е, исправ. и значит. допол. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р.

Ренненкампфъ, Вл. Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. Кіевъ. 1890 г. Ц. Ц. 2 р.

Ростовцевъ, П. В. О молокѣ по отношенію къ здоровью человѣка и животныхъ. М. 1891. Ц. 75 к.

Рѣчной ракъ, его описаніе, разведеніе, враги, болѣзни и ловля. Спб. 1890 г. Ц. 15 к.

Рябинскій, К. Городъ Козьмодемьянскъ, Казанской губ. Казань. 1890 г. Ц. 35 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 73-й. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сводъ узакон., инструкцій, правилъ, распоряж. и циркуляровъ по акцизу на спиртъ, табакъ, сахаръ, освѣтительныя нефтяныя масла, спички, по гербовому сбору и по завѣдыванію акцизными сборами вообще, съ іюля 1888 г. по іюль 1890 г. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

„Семейная библіотека“, № 13 и 14, Искандеръ. Кто виноватъ. Романъ въ двухъ частяхъ. 1891 г. Ц. 50 к.

Систематическій указатель содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 1880—1889 годы. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Скворцовъ, Пр. проф. Климатическое леченіе вообще и наши климатолечебныя мѣста. I. Южный берегъ Крыма и Кавказское чѣрноморское побережье. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Скувицъ, Ф. Самоучитель двойной бухгалтеріи. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Славянскій календарь на 1891 г. Петроградъ. Ц. 1 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Старчевскій, А. В. Руководство какъ научиться говорить на иностранномъ языкѣ въ двѣ-три недѣли, составленное для языковъ: французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и испанскаго. Изд. 3-е, исправ. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стуковъ, Ѳ. Лютеранскій догматъ объ оправданіи вѣрою. Историко-критическій очеркъ. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 35 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ. М. 1890 г. Ц. 25 к.

— Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ. М. 1890 г. Ц. 25 к.

— Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Теобальдъ. Литовско-языческіе очерки. Историческія изслѣдованія. Вильна. 1890 г. Ц. 75 к.

Терновскій, С. Г., протоіер. Толкованіе темныхъ изреченій въ церковной псалтири. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Тиховъ, Н. Очеркъ грамматики западноболгарскаго нарѣчія. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 25.

Третьяковскій, М. Я. Сводъ, изд. министерствомъ юстиціи циркулярн. распоряж. и правилъ о разборѣ хранящихся въ архивахъ окружн. суд. дѣлъ и документовъ, переданныхъ изъ упраздненныхъ судебн. установл. Кіевъ. 1891 г. Ц. 30 к.

— Указатель срочн. вѣдомостей о денежной и дѣлопроизводственной отчетности, подлежащихъ представленію окружн. суд., предсѣдат. оныхъ. стар. нотаріусами, судеб. слѣдоват. и судебн. пристав. Кіевъ. 1891 г. Ц. 40 к.

Трифановскій, Д. С. д-ръ. Наша общеобразовательная школа, ея недостатки и необходимость и возможность для Россіи положить въ основаніе ея новыя начала. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фесенко, И. О. Школьныя сберегательныя кассы. 1889 г. Ц. 20 к.

— Сводъ постановленій харьковскаго губернскаго земства за годы съ 1865 по 1890 г. Изд. 2-е, значит. дополн. Харьковъ. 1890 г. Ц. 2 р.

— Къ вопросу о реформѣ городскихъ общественныхъ управленій. Харьковъ. 1890 г. Ц. за 2 ч. 1 р. 35 к.

Царевскій, А. Святый Іоаннъ Дамаскинъ, какъ православный богословъ и церковный христіанскій пѣснопѣвецъ. Казань. 1891 г. Ц. 40 к.

— Пергаментный списокъ Евангелія XIII—XIV в. Казань. 1890 г. Ц. 70 к.

Цвѣтаевъ, Дм. Къ исторіи культуры въ Россіи XVI и XVII вѣкахъ. Воронежъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Шавровъ, Н. Пути для торговли въ бассейнѣ Каспія. Тифлисъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Спб. 1891 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Шершекевичъ, Г. Ф. Экономическое обоснованіе авторскаго права. Казань. 1890 г. Ц. 40 к.

Шмельковъ, П. М. Рисунки и эскизы, съ біографіей художника. Вып. I. М. 1890 г. Ц. 4 р.

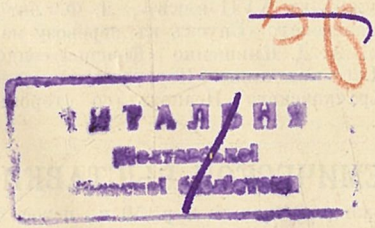
Экземплярскій, А. В. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1258 по 1605 г. Т. II. Спб. 1881 г. Ц. 2 р.

Эфирныя масла, ихъ свойства, способы добыванія, сохраненіе и поддѣлки. По сочиненію Г. В. Аскинсона. Спб. Ц. 1 р.

Ѳеоктистовъ, М. д-ръ. Къ вопросу о Браунъ-Секаровскихъ инъекціяхъ. М. 1891 г. Ц. 20 к.

---

*) Изд. А. С. Суворина.



НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ поступило въ продажу

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ФОТОТИПИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА:

НОВЫЯ КАРТИНЫ

ПРОФЕССОРА И. А. АЙВАЗОВСКАГО.

Съ его портретомъ и гравированнымъ изображеніемъ мастерской въ Ѳеодосіи. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Тамъ же продаются слѣдующія художественно-иллюстрированныя изданія Ѳ. И. Булгакова:

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

КАРТИНЫ ПРОФ. Г. И. СЕМИРАДСКАГО.

На слоновой бумагѣ. Цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкой 3 руб.

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

КАРТИНЫ ПРОФ. В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Съ очеркомъ 25-лѣтія его художественной дѣятельности. На лучшей веленевой бумагѣ. Ц. 2 р., перес. 50 к.

АЛЬБОМЪ ДЕКАБРЬСКОЙ ВЫСТАВКИ 1890 ГОДА.

Роскошное фототипическое изданіе на слоновой бумагѣ.

Картины: И. К. Айвазовскаго, И. И. Ендогурова, Н. П. Загорскаго, В. Г. Казанцева, А. Д. Кившенко, П. О. Ковалевскаго, І. Е. Крачковскаго, К. Я. Крыжицкаго, Л. Ф. Лагоріо, А. И. Мещерскаго, Н. К. Пимоненко, А. А. Писемскаго, Х. П. Платонова, Н. С. Самокиша, Н. А. Сергѣева, К. П. Степанова.

Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 к.

АЛЬБОМЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1890 Г.

Роскошное фототипическое изданіе на слоновой бумагѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. 50 коп.

Въ продажѣ имѣется незначительное количество экз. **только выпуска II-го** съ картинами: К. Е. Маковскаго «Подъ вѣнецъ», В. Д. Орловскаго «Затишье», П. А. Свѣдомскаго «Сцена изъ французской революціи 1789 г.», К. Я. Крыжицкаго «Окрестности Кіева», И. И. Творожникова «У церкви», И. И. Ендогурова «Іорвикъ въ Норвегіи (сумерки)», К. П. Степанова «Съ мороза (сцена изъ жизни иностранцевъ на русской службѣ въ XVII вѣкѣ)», Л. Ф. Лагоріо «Близь Айпетри въ Крыму», П. О. Ковалевскаго «Спускъ къ перевозу на Волгѣ», Н. А. Сергѣева «Въ степной балкѣ», А. Д. Кившенко «Кочевья езидовъ», С. И. Васильковскаго «У корчмы», Н. С. Самокиша «Портреты лошадей графа И. И. Воронцова-Дашкова», І. Е. Крачковскаго «Неаполь (со стороны Позилиппо)», Х. П. Платонова «На рѣчкѣ».

АЛЬБОМЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1889 Г.

Ц. 1 р. 25 к., на слоновой бумагѣ 2 р. 50 к., перес. 50 к.

Иногородные, выписывающіе всѣ эти изданія непосредственно отъ автора (Спб., Фонтанка, д. 129), за пересылку не платятъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ар. М.—Р. Гаймъ. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891. **А. К.**—Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и передѣланное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890. **М. С—каго.** Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва. 1890. **Е. Г.** 853

XIV. Историческія мелочи: Варенское событіе.—Екатерина Медичи—злая фея Франціи.—Тьеръ о своей политической карьерѣ.—Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савской царицѣ 876

XV. Заграничныя историческія новости 886

XVI. Смѣсь: Десятилѣтіе взятія Геок-Тепе.—Общество Любителей Древней Письменности.—Археологическое Общество.—Къ исторіи Печенгскаго монастыря.—Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности И. А. Гюббенета.—Некрологи: Л. Л. Кирпичева, А. Н. Драшусова, Н. О. Эмина, А. А. Антонова, В. Я. Фукса, С. Я. Капустина, Г. З. Елисеева, С. В. Ковалевской, В. Ѳ. Эвальда. 892

XVII. Замѣтки и поправки: I. Церковь Николы на Липнѣ близь Новгорода. (Къ вопросу о сохраненіи древнихъ историческихъ памятниковъ). **Е. Р—на.**—II. Къ біографіи Шлимана. **Сергѣя Шлимана и Ѳ. Булгакова.** 905

XVIII. Уставъ кассы взаимнопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 907

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Н. А. Степанова.** 2) Местъ карбонаріевъ. (La Savelli). Романъ изъ временъ второй имперіи во Франціи. **Жильбера Огюстэна-Тьерри.** Переводъ съ французскаго. Часть вторая. Гл. VIII—XI. (Продолженіе). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

2 р

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ